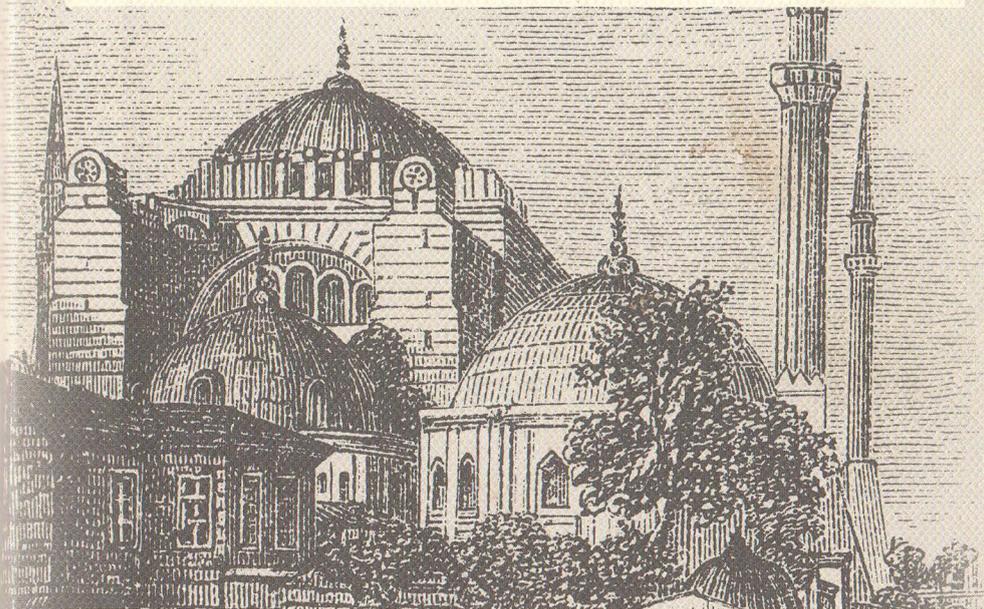

Филип Мансел

ИСТОРИЯ

Constantinople. 1453 — 1924

КОНСТАНТИНОПОЛЬ ГОРОД ВСЕЛЕНСКОЙ МЕЧТЫ

1453—1924

ИСТОРИЯ В ОДНОМ ТОМЕ

CONSTANTINOPLE

1453-1924

Philip
MANSEL

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
PRESS

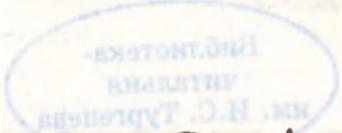
132203

31/12

02.01.1948

M23

ВИНАЖИВАНЕ

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

CITY OF THE WORLD'S DESIRE 1453-1924

1453-1924

Филип МАНСЕЛ

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(560)
ББК 63.3(5Туц)
М23

Philip Mansel
CONSTANTINOPLE
CITY OF THE WORLD'S DESIRE, 1453-1924

Перевод с английского *Н.Я. Тартаковской*

Комментарии *В.Л. Гончарова*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения автора
и литературного агентства Georgina Capel Associates Limited.

Мансел, Филип.

М23 Константинополь, 1453–1924 / Филип Мансел ; [пер. с англ. Н.Я. Тартаковской]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 640 с.

ISBN 978-5-17-102092-7 (Страницы истории)

ISBN 978-5-17-095540-4 (История в одном томе)

Константинополь...

Единственный в мире город, расположенный одновременно и в Европе, и в Азии. Город, который в течение многих веков последовательно становился то местом встречи Востока и Запада, то ареной их битвы.

Замечательное исследование Филипа Мансела посвящено «оттоманскому» периоду истории Константинополя — блистательной и пышной столицы могущественной Османской империи, султаны которой подчинили своей власти большую часть мусульманского мира и изрядную часть средневековой Европы — от границ России до берегов Дуная, от Марокко до Персидского залива.

Эта увлекательная, полная интриг и правдивая история, в которой действуют воины и купцы, политики и дипломаты, начинается в 1453 году, когда Византия пала под натиском прославленного султана-военачальника Мехмеда Завоевателя, — и завершается в 1924-м, когда Османская империя прекратила свое существование.

УДК 94(560)
ББК 63.3(5Туц)

ISBN 978-5-17-102092-7 (Страницы истории)

ISBN 978-5-17-095540-4 (История в одном томе)

© Philip Mansel, 2010

© Комментарии. В.Л. Гончаров, 2016

© Издание на русском языке AST
Publishers, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Благодарности</i>	6
<i>Предисловие</i>	8
<i>Глава 1. Завоеватель</i>	11
<i>Глава 2. Город Бога</i>	43
<i>Глава 3. Дворец</i>	78
<i>Глава 4. Гаремы и хамамы</i>	107
<i>Глава 5. Город золота</i>	142
<i>Глава 6. Визиря и драгоманя</i>	170
<i>Глава 7. Подушки наслаждения</i>	206
<i>Глава 8. Послы и художники</i>	237
<i>Глава 9. Недовольство янычар</i>	275
<i>Глава 10. Махмуд II</i>	299
<i>Глава 11. Город чудес</i>	324
<i>Глава 12. Путь к Царьграду</i>	359
<i>Глава 13. Ёылдыз</i>	387
<i>Глава 14. Младотурки</i>	427
<i>Глава 15. Смерть столицы</i>	468
<i>Этилог</i>	512
<i>Глоссарий</i>	535
<i>Приложения</i>	540
<i>Примечания</i>	548
<i>Библиография</i>	605
<i>Карты к Манселю</i>	636

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор хотел бы выразить свою глубокую благодарность штату Британской библиотеки, Лондонской библиотеки и Стамбульской библиотеки. Он также хотел бы поблагодарить всех тех, кто делился с ним своим временем и знаниями, а среди других — Николаоса Аджемоглу, Хальдуна аль-Хушри, Нигара Алемдара, Тулая Артана, Муневвера Айашли, Софию Айлу, Гунейта Айрала, Мюрата и Тацишера Бельдж, Кемалья Бейдилли, Тоби Бушана, Фредрика Э. фон Цельсинга, Аלקиса Куркуласа, Джоан Даниэльсон, Басри Данишменда, Ширин Деврим, Селима Дринджила, Селима Дирвану, Несторина Дирвану, Айлу Эрдуран, Османа Эрка, Селькука Эсенбела, Роберто Фальчи, Эндрю Финкеля, Сару Фокс-Питт, Джона Фрилли, Дэвида Гилмора, Нилуфера Гокая, Севджи Гонула, Эрика Гранберга, Маноса Харитатиса, Фредерика Хизеля, Февзи Китирсиоглу, Александра Кедраса, Орхана Кологлу, Синана Кунералпа, Орхана Копрулу, Вольфа-Диттера Лемке, Джеффри Льюиса, Нину Лобанову, Бертугла Мардина, Ронни Маргулиса, Джорджа Маврогордато, Ахиллеса Метаса, Айсегула Налира, Андре Ньювазни, Тарквина и Зельфу Оливер, Исмета Озбека, леди Кэтрин Пейдж, Кеворка Памукияна, Джеки Перо, Франка Г. Пери, Янни Петсопулоса, Баруха Пинто, Юлиана Раби, Алана де Леси Руш, Некдета Сакаогулу, Принса Сами, Джона Скотта, Шарифа Сфина, Костаса Стаматопулоса, Метина Танриверди, Э.Ф. де Тесту, Берина Торолсана, Таху Тороса, баронессу Елену Торноу, месье и мадам де Туньи, месье и мадам де Туньи-Верженн, Джеффри Уитталла, Майкла Уитталла, князя Александра Волконски, Неклу Яшар, сеньору Мафалду Зонаро Менегуззер.

Особые благодарности — Дугласу Мэттью за его работу над указателем, Али Ацикалину за переводы; а также тем, кто читал и комментировал рукопись: Иаковосу Акстоглу, Говарду Дэвису, Кэролайн Финкель, Роджеру Хадсону, Кэролайн Нокс, Фуаду Нхасу. Помимо всего, автор благодарен за гостеприимство и поддержку Метин Мунир и Августе Рибер.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Константинополь — это история города и семьи. Данная книга написана с верой в то, что именно династии были полны решимости формировать города согласно национальности, климату и географии. Между XV и XIX веками династийные столицы, такие как Париж, Вена или Берлин, затмевали города, которые обязаны были своим выдвиганием географии или экономике: Лион, Франкфурт, Нюрнберг.

Константинополь — это история города, который в течение долгого времени являлся самым большим династийным городом из всех. Взаимодействие династии Османов* и Константинополя создало единую столицу для действия на любом уровне: политическом, военном, морском, религиозном (как мусульман, так и христиан), экономическом, культурном и гастрономическом.

Константинополь — вот название города, которое использовано в этой книге: оно часто встречалось в османских документах и на монетах и было названием, наиболее часто употреблявшимся в других языках (когда другие названия появляются в цитатах, они не изменялись.) Некоторые до сих пор настойчиво используют для города именно это название. Мы также упоминаем другие названия, эпитеты и аббревиатуры: Истанбул, Исламбол, Стамбул, Эстамбул, Эстамбол, Кушта, Конспле, Госдантнуболис, Царьград, Румийя аль-Кубра, Новый Рим, Иерусалим, Город Пилигримов, Город Святых, Дом Халифата, Трон Султаната, Дом Государства, Врата Счастья, Глаз Мира, Утешение Вселенной, Полис, Город.

* У автора здесь и далее — «Оттоманов», «оттоманский», как это принято в европеизированном написании. (*Прим. ред.*)

ЗАВОЕВАТЕЛЬ

Место римского императора — Константинополь... Поэтому вы законный император римлян... А тот, кто есть и остается императором римлян, является императором всей земли.

Георгий Трапезундский —
Мехмеду Завоевателю, 1466 год

Днем 29 мая 1453 года султан вошел в давно желаемый город. Верхом на белой лошади он продвигался по улице смерти. Центр Константинополя был отдан на разграбление победоносной османской армии. Согласно свидетелю из Венеции, кровь текла по улицам как дождевая вода после внезапного шторма; трупы плыли по морю как дыни по каналу¹. Османский чиновник Турсун-Бег записал, что войска *«забирали из имперского дворца и домов богачей серебряные и золотые сосуды, драгоценные камни и всевозможные ценные товары и ткани. Таким манером многие люди ушли от бедности и стали богатыми. Каждый шатер был забит хорошенькими мальчиками и прекрасными девочками»*. Султан продвигался, пока не достиг матери церкви восточного христианства и места нахождения Вселенского патриарха — собора Святой Софии, построенного 900 годами ранее императором Юстинианом, с самым большим куполом в Европе. Он сошел с лошади и наклонился, чтобы взять горсть земли, которой посыпал свой тюрбан в качестве акта смирения перед богом.

Внутри храма, который греки считали «небесами на земле, тронном величия Господа, сосудом херувима», турок произнес: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его». Собор Святой Софии стал мечетью Айя-София. Когда султан вошел, сотни греков, укрывшихся в соборе в надежде чудом спастись, захватившие их в плен турки стали выгонять вон. Султан остановил одного из своих солдат, топнув по мраморному полу и произнеся с гордостью победителя: «Удовлетворись добычей и пленниками; здания города принадлежат мне!» Под золотыми мозаиками

Иисуса Христа и Девы Марии, православных святых и византийских императоров он помолился Аллаху. После принятия поздравлений своей свиты он ответил: «Пусть тут навеки пребудет дом Османа! Пусть успех будет запечатлен на камне его печатью!»²

Мехмеду II, султану Османской империи, известному у турок как Фатих — Завоеватель, в 1453 году было около 20 лет. Рожденный в османской столице Эдирне, в 235 километрах на северо-запад от Константинополя, он был с самого детства одержим, согласно хронике, которую сам заказал, идеей завоевать Константинополь. Он постоянно твердил о необходимости неотлагательно взять город. Возможность реализовать эти амбиции возникла после того, как Мехмед в 1451 году унаследовал трон после смерти своего отца, Мурада II.

Константинополь являлся естественным объектом стремлений, так как и географически, и исторически он был предназначен стать столицей великой империи. Расположенный в конце треугольного полуострова, город был с трех сторон окружен водой. На севере лежала гавань шириной в километр и длиной в шесть километров, называвшаяся Золотой Рог, — вероятно, потому что она становилась золотой в лучах заходящего солнца; на востоке — Босфор, узкий водяной путь, разделяющий Европу и Азию; на юге — Мраморное море, небольшое внутреннее море, соединяющее Эгейское море с Черным.

Город был и природной крепостью, и непревзойденным глубоководным портом, обеспечивающим легкий доступ по морю в Африку, Средиземное и Черное моря. Кроме того, он еще и располагался на пересечении сухопутных маршрутов между Европой и Азией, Дунаем и Евфратом. Казалось, его местоположение специально выбрано, чтобы получать богатство с четырех концов света.

Основанный как греческая колония якобы в VII веке до нашей эры, Византий был возрожден в 324 году новой эры Константином Великим как Новый Рим — новая столица с куда лучшим стратегическим расположением, чем старый Рим на Тибре. Впоследствии более тысячи лет он оставался столицей Восточной Римской империи. В VI веке император Юстиниан, строитель Святой Софии, правил из Константинополя империей, которая простиралась от Евфрата до пролива Гибралтар. К пыш-

ности Рима город добавил волшебство времени: девяносто два императора правили в «Царице Городов». Ни один другой город в мире не имел такой длительной имперской истории. Более того, большую часть тысячелетней истории империи он был самым крупным и самым утонченным городом в Европе, хранилищем статуй и манускриптов классического прошлого, нервным узлом восточного христианства. Его богатство дало возможность средневековому путешественнику, Вениамину из Туделы, записать: *«Жители-греки очень богаты золотом и драгоценными камнями, они расхаживают, одетые в платья из шелка с золотой вышивкой, они ездят на лошадях и выглядят как принцы... Богатств, таких как в Константинополе, нет больше нигде в целом мире»*. Крестоносец, рыцарь сеньор де Виллардуэн, записал, что в 1203 году его товарищи-крестоносцы с удивлением взирали на Константинополь, *«когда увидели его высокие стены и его богатые башни, в которые он был полностью заключен, и его богатые дворцы, и его горделивые церкви, которых было так много, что невозможно было в это поверить, пока не видел собственными глазами»*.

Константинополь был окружен самой величественной городской стеной в Европе, построенной между 412 и 422 годами новой эры. Обнесенная рвом, зубчатая, оснащенная 192 башнями, тройная стена протянулась на 6670 метров от Золотого Рога до Мраморного моря, поднимаясь и спускаясь по неровностям рельефа. Стена также тянулась вдоль Мраморного моря и Золотого Рога, полностью окружая город. К XIX веку городской ров заняли сады и кладбища. Осыпающиеся, задушенные плющом стены патрулировали больше козы, чем городская охрана. И все-таки Байрон записал: *«Я видел руины Афин, Эфеса и Дельф: я проехал огромную часть Турции и многих других частей Европы, и некоторые места Азии; но я никогда не видел такой работы природы или искусства, которые производили бы впечатление, схожее с видами с каждой стороны, — от Семи Башен до конца Золотого Рога»³*.

Стена была возведена, потому что Константинополь был, как написал один византиец, «городом вселенской мечты». Ни один город не вынес больше атак и осад: готы (378 и 476 годы), гунны (441 год), славяне (540, 559 и 581 годы), авары (617 год), персы и авары (626 год), арабы (669–679 и 717–718 годы), болгары (813, 913 и 924 годы), русичи (четыре раза между 860 и 1043 годами) и печенеги (1087 год). Он так никогда и не оправился от осады

во время Четвертого крестового похода в 1204 году, организованного его коммерческим соперником — Венецией. После того как город вернулся к византийцам в 1261 году, повторявшиеся поражения Византийской империи от противников-мусульман и гражданские войны между соперничающими императорами снизили население города с пика в 400 000 человек до примерно 50 000 греков — или «ромеев», как они все еще гордо называли себя*. К 1400 году он сократился до группы маленьких городков, разделенных фермами и фруктовыми садами. В 1453 году последний император Византии, Константин XI, правил лишь самым городом, несколькими островами и прибрежными районами, а также Пелопоннесом. Вся византийская торговля перешла в руки венецианцев и генуэзцев. Классические статуи были проданы или украдены. Свинец на крыше императорского дворца использовали для чеканки монет.

Обозревая с крыши Айя-Софии разрушенный дворец и думая о других павших империях и императорах, султан произнес следующие строки:

Паук служит сторожем в залах Хосровов.

Совы кричат на часах во дворце Афразиаба⁴.

Если история и география сделали Константинополь несравнимой имперской столицей, османы считали себя предназначенными править этой великой империей. Еще будучи кочевниками в Центральной Азии, многие турки относили себя к «избранному народу Бога». Демоны во время войны и ангелы во время мира, равно героические и человеческие, они были судьбой предназначены править миром. Османы происходила из племени Кайи тюркской народности огузов и прибыли в Анатолию из Центральной Азии с тысячами других тюрков в XII веке. Они были пастухами-кочевниками, которых привлек здешний климат и вакуум, созданный из-за распада как Византийской империи, так и Сельджукского султаната — некогда сильного тюркского государства, остатком которого стала Конья в Западной Анатолии. В начале XIV века Осман, первый османский султан, создал свое незави-

* Сегодня турецкое государство все еще называет этих православных горожан «странными православными». (Прим. авт.)

симое княжество в Северо-Западной Анатолии на краю Византийской империи, вокруг Бурсы, первой османской столицы.

Благодаря последовательному ряду выдающихся султанов, созданию элитного войска, известного как «янычары» (от турецкого *yeni ceri*, или «новое войско»), а также слабости и разобщенности соседних государств, османы пережили молниеносный взлет до мировой силы. Они пользовались готовностью мусульман сражаться как *гази* — воины в священной войне против христиан, которая вдобавок еще и гарантировала возможность богатой добычи.

Кроме того, подъем османов шел путем лавирования между мусульманами и христианами. Турки сражались то за греков, то против них: в самом деле, османы впервые появились в Европе в 1352 году в качестве наемников у императора Иоанна Кантакузина в византийской гражданской войне. В пяти различных случаях османские принцы женились на греческих или славянских принцессах — хотя Мехмед Завоеватель, чьей матерью была невольница (христианка или еврейка по происхождению), не имел императорской византийской крови в своих венах. Но начав как наемники византийского императора, османы вскоре стали его противниками, заключив союз с богатой торговой республикой Генуя. К 1366 году османская столица переехала из Бурсы в Азии в Эдирне на европейском берегу. Следующие тридцать лет османы разбили две великие православные монархии — Болгарию и Сербию; обе лелеяли амбиции завоевать Константинополь.

Экспансия была кратко проверена подъемом соперничающего турецкого завоевателя — Тамерлана из Центральной Азии. В 1402 году он разбил и захватил в плен османского султана Баязида I — который не всегда заслуживал своего прозвища Йылдырым, или «Удар Молнии». Однако после смерти Тамерлана османы попытались восстановить свое влияние. Большая часть Анатолии и Балканы были вновь завоеваны ими, и Константинополь стал греческим островом в османском море. Баязид I и отец Завоевателя, Мурад II, осадили его. Лишь чудом он тогда не был взят.

После его падения по исламскому закону об обращении с городом, который отказался сдаться, султанским войскам позволили взять в рабство и выселить около 30 000 жителей-христиан. Еще тысячи стали «пищей для меча». Последний император Кон-

стантин XI погиб в бою, Римская империя стала ему саваном. Его главного министра, Лукаса Нотараса, казнили — то ли из страха, что он станет работать на западных врагов султана, Венецию и папу, то ли из-за того, что он отказался отдать своего сына на потеху султану. Большинство греческой и венецианской знати, оставшейся в городе, разделили его судьбу.

Константинополь был взят силой оружия — и до конца Османской империи 469 годами позднее эта сила оставалась для нее основным средством управления. Уже в 1452 году, при подготовке к осаде, султан спланировал и построил на Босфоре громадную крепость Румели-Хисар. «Со всей возможной скоростью», между 1453 и 1455 годами массивная семибашенная цитадель Едикуле (по-турецки «Семь Башен») была возведена западнее города, ее земляные стены упирались в Мраморное море. Теперешнее ее заброшенное состояние не дает представления о том, что когда-то Семь Башен пугали больше, чем Бастилия или лондонский Тауэр. То была цитадель, где хранились сокровища, держали в заключении вражеских послов, врагов султана — а время от времени и самих султанов, — и казнили. Она получила свое крещение кровью 1 ноября 1463 года, когда здесь убили Давида Комнина, последнего греческого императора Трапезунда на Черном море, заподозрив его в переписке с врагами султана, — вместе с шестью сыновьями, братом и племянником, на глазах его жены, императрицы Елены. Их трупы выбросили наружу, где тела растерзали местные собаки. Императрица была наказана за попытку похоронить их⁵.

Ни один поэт или путешественник не был так опьянен Константинополем, как Мехмед Завоеватель. Османские султаны уже использовали титул *хан*, турецкий аналог «императора» — как и персидские титулы *падишах* (великий царь), *шахиншах* (царь царей) и арабское слово *султан* (правитель). С 1453 года Мехмед II, как и его преемники, также считал себя наследником Римской империи и единственным истинным императором в Европе. Через несколько дней осады генуэзец, живший в городе, записал: *«В итоге после захвата Константинополя он стал таким наглым, что представляет себе, будто скоро станет хозяином всего мира, и публично клянется, что в течение ближайших двух лет намерен пойти до Рима».*

Европа и Рим как область экспансии интересовали османов больше, чем тюркоязычные территории в Центральной Азии или на Кавказе. Турецким символом мирового господства стало Красное Яблоко. До 1453 года оно было глобусом, который держала в правой руке гигантская статуя императора Юстиана перед Святой Софией. После разрушения статуи в 1453 году яблоко развернулось на запад и стало символизировать следующую цель османов — город Рим. «На Рим! На Рим!» постоянно раздавался призыв правнука Мехмеда II, Сулеймана Великолепного. Для более поздних султанов Красным Яблоком стала Вена, столица габсбургских императоров Священной Римской империи⁶. Амбиции османских султанов не имели себе равных. По сравнению с ними шах Персии был умеренным, король Франции — скромным, а император в Вене — провинциальным.

Османы также стремились сравняться славой с Александром Великим. Мехмед II так сильно идентифицировал себя с Александром, что заказал свою биографию на греческом языке у мелкого греческого чиновника Михаила Кривоула — на такой же бумаге и в том же формате, как копия работы Арриана о жизни Александра, которая хранилась в его библиотеке и которую он читал «ежедневно». Венецианский посланник писал, что Мехмед II *«заявляет, что двинется с Востока на Запад, как в прежние времена люди Запада выдвинулись на Восток. Должна существовать, говорит он, одна империя, одна вера и одна верховная власть в мире. Ни одно место в мире не достойно более для создания этого единства»*⁷.

Империя, управлявшаяся из Константинополя Мехмедом II и его потомками, была династическим государством. Пойманные в ловушку собственного национализма, европейцы часто называли султана «великим турком», а Османскую империю — «Турцией», как будто это было национальное государство. Но ее официальное наименование выражает ее династическую сущность: она была «Защищенной Богом» или «Возвышенной» «Территорией дома Османов», либо же «Блистательной Портой». Правящая элита из военных, чиновников и судей, а с середины XIX века также и всех горожан, именовалась османами — по имени династии. До конца XIX века «турок» было уничижительным термином, обозначавшим анатолийских крестьян.

Как династия Габсбургов создала Вену, так Константинополь был творением османов. Они нуждались во вселенском городе, стоящем их империи. Мехмед II и его наследники называли себя «завоевателями Вселенной», «властителями Ойкумены». Одним из любимых эпитетов и для султанов, и для их столицы вскоре стал *ale'n penah* — «прибежище Вселенной». Он оказался подходящим для многоязычной столицы империи, в которой, как подсчитали позднее, насчитывалось семьдесят две с половиной национальности*.

Многонациональность стала сущностью Константинополя. Обычным литературным средством османских писателей было бы сравнить достоинства и взгляды многих национальностей в империи и ее столице. В XV веке национальные различия, основывавшиеся на истории и географии больше, чем на расе, можно было почувствовать четко: Геннадий, первый Вселенский патриарх под властью османов, называл греков «расой, прекраснее которой нет на земле». Средневековая польская пословица утверждает: «Пока Вселенная жива, поляк не станет братом немцу». Но Мустафа Али, выдающийся историк XVI века, превозносил как источник силы именно количество национальностей в империи — турки, греки, франки**, курды, сербы, арабы и другие. В XIX веке один из министров султана, Джевдет-паша***, назвал Османскую империю великим сообществом, «потому что ее люди говорят на множестве языков и потому что она отбирает лучшие таланты, обычаи и манеры из своих различных наций»⁸. Разнообразие национальностей в Константинополе с гордостью афишировалось в рисунках, фотографиях, а также в составе телохранителей султана; а в XX веке — в политических процессиях и депутациях, посылаемых представлять султана.

Однако принципиальной причиной для разнообразия национальностей в Константинополе стала *Realpolitik*. В своей новой столице Завоевателю требовалось большое и процветающее на-

* Цыгане считались половиной национальности. (Прим. авт.)

** Франками на Ближнем Востоке со времен Крестовых походов именовали жителей Западной Европы либо католиков. (Прим. ред.)

*** П а ш а — генерал или военный управляющий (генерал-губернатор) административной области — пашалыка. При меньшем, чем в Европе, различии между военной и гражданской сферами, титул паша в Османской империи мог применяться вообще к любому чиновнику высокого ранга. (Прим. ред.)

селение, чтобы обслуживать дворец и государственную машину. И в любом случае, Константинополю не хватало турок-мусульман, чтобы оставаться целиком турецким городом. Большую часть населения империи на этом этапе составляли христиане. Турки требовались по всей империи — чтобы населить балканские города и анатолийскую сельскую местность. Соответственно, как писал историк Критовул, после 1453 года султан собирал людей в Константинополь *«со всех частей Азии и Европы, и он переселял их со всей возможной заботой и скоростью, людей всех национальностей, но особенно христиан. Настолько могучей была его страсть к этому городу и его населению, а также к возвращению его бывшего процветания, которая владела его душой»*. В новой столице каждый *махалле*, или квартал (основная жилищная единица города, с собственными местами поклонения, магазинами, фонтанами и ночной охраной), имел название родного города его обитателей, сохранял их особые обычаи, язык и стиль архитектуры⁹.

Турки оставались первой и самой большой группой, которую султан привел в Константинополь. В первые годы после завоевания город оставался в руинах, вдобавок опустошенных чумой. Султану пришлось использовать османскую технику, известную как *сюржун*, или насильственное перемещение населения, чтобы заставить турок перебраться в его новую столицу. Хроникер Ашик Паша-заде записал, что султан *«отправлял офицеров во все свои земли, чтобы они объявили, что если кто-то пожелает, пусть приходит и берет во владение в Константинополе в качестве собственности дома и сады и огороды... Несмотря на такую меру, город не стал вновь населенным; тогда султан приказал, чтобы от каждой семьи на земле, не важно, бедной или богатой, кого-то приводили силой. Разослали офицеров с фирманами к кадисам и префектам каждой земли... и тогда город начал заполняться»*.

Мехмед II лично отправился в Бурсу, чтобы уговорить ремесленников и купцов этого богатого торгового города переехать в столицу. Раздавались жалобы на судьбу художников и мастеровых, грубо перемещенных из комфорта старой столицы сельджуков Конья в Анатолии в залитый кровью город на Босфоре. Временами сам Завоеватель подвергался приступам малодушия по поводу своей новой гордости и удалялся в прежнюю столицу — Эдирне. Эдирне обладал тройным обаянием: спокойствием,

близостью к охотничьим угодьям и географическим удобством — он являлся естественным мобилизационным центром османов для кампаний в Европе¹⁰. Однако сомнения султана никогда не длились долго.

Подобно Константину Великому, одиннадцатью веками ранее вытребовавшему сенаторов из Рима в Константинополь, и Петру Великому, двести пятьдесят лет спустя в Санкт-Петербурге, султан распорядился всем «столпам империи» переехать в его новую столицу. Он велел им *«возвести в городе величественные дома, какой каждый себе пожелает. Он также приказал им построить бани и гостиницы, а также рынки с очень большим количеством очень красивых лавок, возвести дворцы для молитв»*. Махмуд-паша, самый талантливый чиновник его правления, стал одним из первых, кто построил собственную мечеть, теперь встроенную в комплекс *ханов* (постоялых дворов), и аллеи возле Большого Базара¹¹.

Завоеватель также ввез сюда греков. Некоторые районы города никогда не теряли своего греческого населения. Район Псаматия (ныне — Коса Мустафа-паша) на юго-западе города, возле самых стен, сдался отдельно. Поэтому он избежал уничтожения — что объясняет большое количество церквей, сохранившихся там и сегодня. В центре его находится вторая по величине константинопольская церковь Святых Апостолов — место захоронения византийских императоров и модель для собора Сан-Марко в Венеции; по особому пожеланию султана она осталась неразрушенной.

Большую часть срока своего правления Мехмед II находился в состоянии постоянной войны с соседними правителями — и христианами, и мусульманами, в Анатолии и на Балканах. Он завоевал Трапезунд, Крым, Сербию, Эвбею и соперничающее турецкое государство Караманидов в Анатолии. По мере того как его империя расширялась, все большее количество греков насильно переселялись в Константинополь. Греческие рабы-крестьяне (освобожденные в следующем веке) поселялись в деревнях вне города, чтобы обеспечивать ему поставки пищи¹².

Между греками и турками, живущими вместе, не существовало религиозного барьера. Христиане — это «люди Книги»; их религия была вытесненной, но не полностью чуждой. Авраам и Мария почитались мусульманами; «Иисус, на которого изли-

лось спасение», как описал его один османский указ, является одним из величайших пророков ислама. Согласно исламскому закону, изложенному в Коране, за оплату особого подушного налога христиане получили статус *зимми*, или защищенных, с правом свободного вероисповедания и проживания по своим собственным законам.

Мехмед II пошел еще дальше. Из-за диспута между сторонниками и противниками примирения с папой в Константинополе в 1453 году не было патриарха; султан мог бы оставить патриарший престол свободным и позволить ему исчезнуть, как уже случилось со многими православными епархиями в османской Анатолии. Но завоеватель оказался самым непредубежденным монархом своего времени. Его оригинальность выразилась в возрождении Вселенского патриархата, который руководил православной церковью из Константинополя с IV века.

Одним из самых образованных и популярных православных священников был рожденный в Константинополе монах Георгий-Геннадий Схоларий*. Примерно в возрасте 50 лет он стал лидером православных верующих, противостоящим союзу с Римом. Обращенный в раба во время разграбления Константинополя, он жил в деревне возле Эдирне и пользовался уважением со стороны турецких захватчиков. Там, по словам Критовула, подтвержденным современными исследованиями, его нашел Завоеватель, одарив свободой и подарками: *«В конце концов он сделал его патриархом и верховным священником христиан, и среди многих других прав и привилегий дал ему право руководить Церковью, с силой и властью не меньшей, чем она обладала раньше при императорах»*. Его посветили и возвели на трон 5 января 1454 года в церкви Святых Апостолов.

Документ о назначении не сохранился, и позднее греки преувеличили привилегии, дарованные Геннадию: в приемной патриархии в Стамбуле сегодня висит невероятная картина, где Мехмед II и Геннадий обнимаются как равные. Тем не менее Геннадий с момента посвящения и далее оставался слугой Османской империи. Новый патриарх получил от султана документ, который обращался к нему так: *«Патриарх, сохраняй свою удачу,*

* В действительности его мирским именем было Георгий Куртесий, а церковным — Геннадий Схоларий. (Прим. ред.)

будь уверен в нашей дружбе, сохранив все привилегии, которыми пользовались патриархи до тебя».

Это была сделка. Султан защитил патриарха от соперничающих славянских православных церквей и мусульманских фанатиков. В ответ патриарх помог султану обеспечить сбор налогов и, теоретически, гарантировал лояльность греков, не дав им присоединиться к врагам империи — католикам, Венеции и папству, которые помогали оборонять город в 1453 году и теперь пытались отвоевать его назад. Как глава православной общины, патриарх управлял отдельной православной правовой системой, основанной на кодексе Юстиниана, с правом штрафовать, заключать в тюрьму и высылать. Пусть будучи и слабее, и беднее, чем его западный эквивалент, Ватикан, Константинопольский патриархат был более важным благодаря своей пастве. Он являлся символом, который сохранял живыми веру и надежду: после завоевания Константинополя скорость обращения в ислам в османских владениях снизилась¹³.

Мехмед II проявлял инициативу во всех этих мерах; он ценил греческую культуру и осознавал, какое процветание греки могли принести в его столицу. Константинополь служил дверью в стене между исламом и христианством. То ли в 1455-м, то ли в 1456 году султан с сановниками своего двора прибыл в резиденцию патриарха и попросил Геннадия написать разъяснение сути христианства, которое было переведено для султана с греческого на турецкий. Озаглавленное «Краткое описание христианской веры», оно на деле было длинным и сложным. Даже христианину трудно понять такие замечания, как *«мы верим, что слово Бога и человека, на которого возложено слово Божие, это Христос; и несмотря на то, что жизнь Христа во плоти была жизнью очень праведного человека, сила его мудрости и трудов была силой Бога»*. Султан тем не менее сохранил интерес к христианству: среди его коллекции христианских реликвий содержались колыбель, «в которой лежал Христос», о которой он сказал венецианскому посланнику, что не продаст ее за пятьсот тысяч дукатов, там же хранилась кость из руки и череп Иоанна Крестителя¹⁴.

Некоторые его последователи придерживались менее широких взглядов. Через несколько месяцев после посвящения Геннадий нашел во дворе церкви Святых Апостолов мертвого турка. Даже сам султан не смог защитить патриарха от разъяренной

толпы мусульман, готовой думать о христианах самое худшее. Геннадий перевел патриархию, ее реликвии и ценности в каменную церковь XII века Теотокос Паммакарistos — Приносящей Радость Богородицы, расположенную в районе Фанар, тянущемся вдоль берега Золотого Рога. Так как султан поселил тут много пленных греков, этот район был полностью греческим.

Армяне стали еще одним православным элементом, привезенным султаном в Константинополь. Они были ярко выраженной нацией, которая жила в восточной Анатолии и на Кавказе как минимум с VI века до н.э. После собора в Халкидоне — современный Кадыкёй, — собравшегося вопреки Константинопольскому собору 451 года, и православные, и католики согласились, что Иисус Христос состоит из двух отдельных природ, человеческой и священной. Однако армяне были монофизитами, верующими, что Иисус Христос имел одну природу — одновременно человеческую и божественную. Пользование армянским языком и алфавитом сохраняло ярко выраженную национальную идентичность, несмотря на исчезновение в XIV веке последнего армянского царства в Южной Анатолии.

Армяне выделялись в Восточном Средиземноморье как ювелиры, ремесленники (особенно строители) и торговцы — умения, которые естественно привлекали Завоевателя. Критовул пишет, что Мехмед II *«доставил в город тех армян, бывших под его началом, которые выделялись в части имущества, богатства, технических знаний и в других областях; а еще тех, кто принадлежал к сословию купцов»*. Это гладкая официальная версия действий султана. Армянский купец по имени Нерсес в записи 1480 года обвинил султана в том, что тот поднял «яростную бурю среди христиан и своего собственного народа, перевозя людей с места на место... Я записал это в горькие времена, так как они притащили нас силой и против нашей воли из Амазии в Константинополь; и я воспроизвожу это, переполненный слезами и горечью».

Армянская традиция, отраженная в подписи на фасаде тепешней армянской патриархии в Кумкапы, районе Стамбула, утверждает, что Мехмед II назначил армянского патриарха в Константинополе в 1461 году. В реальности армянский патриарх оставался в Сисе в Киликии или Эчмиадзине на Кавказе, где он все еще и находится. Такие исторические мифы — это дань желанию армян усилить свои позиции в Османской империи, а также

репутации Мехмеда II как наднационального героя, вроде Александра Великого, которого различные национальности объявляли своим кумиром и защитником.

Тем не менее по мере роста богатства и влияния армян рос и статус их епископа. К XVII веку его именовали почетным патриархом или «прелатом, называемым Патриархом», он имел контроль над собственными судами и тюрьмами в качестве Вселенского патриарха¹⁵.

К северу от Золотого Рога, во всех смыслах напротив Константинополя, располагается богатый район Галата. С XIII века он контролировался и был заселен генуэзцами. Он стал Шанхаем Леванта — полунезависимой колонией, контролирующей региональную торговлю умирающей Византийской империи; тем, чем Шанхай станет для умирающей Китайской империи четыреста лет спустя. По контрасту с пышным Константинополем Галата (известная также как Пера — от греческого слова «снаружи») походила на маленький итальянский городок — с католическими церквями, прямыми улицами, добротнo сложенными каменными домами и базарной площадью. Ее самым высоким зданием, которое все еще и в наши дни доминирует над линией горизонта, была остроконечная Башня Галаты, готическое строение, прибившееся к берегу Босфора. В 1453 году Галата была более процветающей и гуще населенной, чем сам византийский город южнее Золотого Рога.

Генуя и Османская империя долгое время оставались союзниками. Тем не менее многие генуэзцы Галаты сражались против османов; султан говорил, что они не дали ему взять город в первый же день осады. И все-таки он был больше заинтересован в процветании, чем в реванше. Привилегия, которую он даровал 1 июня 1453 года на греческом языке* «людям Галаты и их знати», хранится в Британской библиотеке. В ответ на повинование и оплату подушного налога они станут защищенными подданными империи. Им было позволено сохранить свое имущество и «следовать собственным обычаям и обрядам», кроме «звона

* До начала XVI века османские султаны использовали греческих секретарей и издавали документы как на греческом, так и на турецком языках. (Прим. авт.)

колоколов их церкви с их шумом» — особая фобия османов, которые не выносили соревнования с их призывом к молитве с минарета. Оружие горожан было конфисковано, а часть городской стены разрушена — все, что сохранилось от нее до наших дней, это фрагмент возле Золотого Рога с гербом великого генуэзского дома Дории. В остальном Галату не наказали. Согласно письму, написанному несколькими днями позднее бывшим подестой (мэром) своему брату в Геную: «Он также имел списки, составленные о всем имуществе, принадлежавшем купцам и горожанам, которые уехали отсюда, говоря, что “если они вернуться, они получат все назад, а если нет, все будет принадлежать мне”»¹⁶. Большинство вернулись.

Султан хотел иметь франков (то есть западноевропейцев) при своем дворе. В течение многих лет он использовал Франческо Драперио, богатого торговца квасцами генуэзского происхождения, в качестве своего неофициального дипломата — его семья и теперь почитается в церкви Санта-Мария-Драпери на Истикляль Каддеси*). Султану настолько нравилась латинская атмосфера Галаты, что однажды он вошел во францисканскую церковь и наблюдал в ней мессу.

По мере расширения завоеваний султана все больше итальянцев привозили в город — в 1460 году из генуэзских колоний на Эгейском море, а в 1475 году из Крыма. Итальянцы, как и греки, были полезны султану. На Адриатике и в Эгейском море он противостоял Венеции, одной из крупнейших сил того времени, имевшей флот лучше османского. Флоренция же была принципиальным итальянским соперником Венеции. Поэтому султан подталкивал флорентийцев переезжать в Галату, выделяя им лошадей изгнанных венецианцев; он даже советовался с флорентийским консулом по поводу своего решения объявить войну Венеции в 1463 году. В этот год флорентийцы Галаты украсили свои дома, чтобы отпраздновать завоевание османами независимого королевства Босния (которое быстро стало османским оплотом, известным как «лев, охраняющий врата Стамбула»). В 1465 году султан был гостем на обеде у флорентийцев на их главной торговой фактории, где был принят с *«galanterie con tutte splendidezza e magnificenza»* — галантностью во всем своем вели-

* То есть Авеню Независимости. (Прим. ред.)

колепии и величии. К 1469 году в Османской империи работали пятьдесят флорентийских фирм. Они импортировали шелк, бархат, бумагу (большинство османских документов написано на итальянской бумаге), стекло и лисьи шкуры. Главная проблема флорентийцев, заключавшаяся в «дальнейшем продвижении рынка» — общая фраза, — исходила от чумы и венецианцев, а все не от османов¹⁷.

Пример Галаты показывает, что в Константинополе Восток и Запад вполне могли сойтись вместе. Османская империя никогда не была, как заявляет Бродель, «антиевропейской и контрхристианской». Купеческие династии Галаты — Теста, Драпери, Форнетти — долго оставались самыми старыми семьями в городе. Турки называли их «пресноводными франками» — по контрасту с «морскими франками» из Европы. Группа из двенадцати советников, *Magnifica Comunità di Pera*^{*}, содержала здесь церкви католической общины. Купцы встречались дважды в день, чтобы обсуждать бизнес в здании, подобном Лондонской бирже, — Лоджии Палаццо дель Коммуне, готическом здании, воспроизводящем Палаццо Сан-Джорджио в Генуе^{**}. Когда империя находилась в мире с Венецией, бальи (официальный представитель) Венеции управлял здесь судом по гражданским делам, касающимся венецианских подданных (и других европейцев), чьим решениям обеспечивали силу османские власти. Он также организовывал доставку почты, которая дважды в месяц уходила по земле через Балканы, до Каттаро на Долматинском побережье, а затем морем до Венеции. Доставка писем между городами обычно занимала около месяца.

Галата оставалась центром развлечения, а также бизнеса. Каждый Великий пост здесь устраивался карнавал. «Можно подумать, что это город в Италии», написал Марк Антонио Пигафетта. Альвизе Гритти был одним из многих западных европейцев, которые ловили свою удачу на берегах Босфора. Рожденный в Константинополе, где его отец служил венецианским бальи,

* Великолепное сообщество Пера (*ит.*).

** Лишенное своих генуэзских гербов и готических окон, оно теперь представляет собой мастерскую, известную как Берекет-Хани, на углу Галатакулеси и Банкалар Каддеси. Это, вероятно, самое старое гражданское здание в городе. См.: *Studia Turcologica memoriae Alexii. Bombacii Dicaia, Napoli, 1982, 166–179. (Прим. авт.)*

и лишенный незаконным рождением возможности делать карьеру в Венеции, он оставался жить в Галате (где турки именовали его Бей-оглу, «сын Бея», указывая, что его отец был дожем Венеции). Как дипломатическому представителю великого визиря и торговцу ювелирными изделиями ему разрешалось жить как турку среди турок и как христианину среди христиан. В 1524 году, вскоре после того, как его отец стал дожем в Венеции, он дал в Константинополе банкет на 300 гостей, включая турок. Гостям подавали оленину, куропаток и павлинов. Затем перед ними выступали девушки Галаты, выполняя в танцах «такие сладострастные движения, которые могли заставить расплавиться мрамор», далее последовала комедия «Психея и Купидон», турнир и театрализованное представление о том, как португальцы завоевывали Цейлон. Турецкий писатель XVII века писал так: «Кто говорит о Галате — говорит о тавернах — пусть Бог простит нас! Пиво ледяное летом благодаря снегу, принесенному с гор над Бурсой»¹⁸. Прекрасно одетые, украшенные всеми своими богатыми ювелирными изделиями, женщины донесли до XX века репутацию *di fare di un santo un diavolo**.

Таким образом, с 1453 года Константинополь стал столицей не только Османской империи и православной церкви, но также коммерческой субкультуры, родной для портов Восточного Средиземноморья, известного как Левант. До начала XIX века итальянский, язык коммерции и моря, стал его вторым языком, на котором говорили все франки, большинство греков и армян, а также некоторые турки. Множество итальянских морских терминов, таких как *каравелла* или *бомбарда*, либо *искеле* от итальянского *scala* (сходни) для обозначения места высадки, — вошли в турецкий язык (еще в одном объяснении доминирования итальянского языка до 1830 года английские купцы ссылаются на порты Восточного Средиземноморья «как на сходни Леванта»).

Языковая форма пиджин-итальяно, включавшая в себя французские, греческие, испанские, арабские и турецкие слова и известная как *лингва-франко*, также была здесь обычной. До начала XX века крики, такие как «*Guarda! Guarda!*» (Берегись!), что-

* Соответствует более поздней поговорке: «Разорись точно // Взят в жены женщину восточную». (Прим. перев.)

бы предотвратить столкновение, или «*Monsu, arrivar!*» (Месье, прибыли!), чтобы обозначить прибытие, все еще можно было услышать в городе¹⁹. При Мехмеде II Галата представляла собой пригород. В последующие годы он окажет мощное, а в итоге сверхмощное влияние на торговлю, культуру и дипломатию в Константинополе.

Подобно другим великим городам мира — Амстердаму в XVII веке, Вене в XIX, Нью-Йорку в XX — Константинополь тоже привлекал евреев. Евреи Константинополя, как и его другие жители, тоже пострадали от завоевания. Иудейские поэмы сохранились до наших дней, они оплакивают рабство и депортацию, а также жестокость османов. Большинство евреев Османской империи были переселены в Константинополь против их воли, это называлось *сюржюн*. При наличии запрета уезжать без официального позволения они считали себя «пойманными в сеть неволи». До XIX века эти люди, *сюржюнлик*, четко отличались по ритуальным и налоговым выплатам от *кенди гельмекь* — тех, кто переехал сюда добровольно²⁰.

Но после 1453 года евреев поощряли иммигрировать из Европы. Письмо от одного рабби его подвергшемуся гонению собрату в Европе буквально пышет страстью проспекта сионистской иммиграции, обещанием приюта в Земле обетованной:

«Тут, в земле турок, нам не на что жаловаться. У нас большие богатства; много золота и серебра в наших руках. Нас не давят тяжелыми налогами, а наша торговля свободна и беспрепятственна. Богаты плоды земли. Все дешево, и каждый из нас живет в мире и свободе. Тут еврея не вынуждают носить желтую звезду в знак позора, как в Германии, где даже богатство и огромная удача являются бедствием для еврея, потому что он этим возбуждает зависть среди христиан, и они придумывают всевозможную клевету против него, чтобы отнять у него его золото. Поднимайся, собрат, подпоясывай свои чресла, собирайся с силами и приезжай к нам».

В «убежище мира», по контрасту с Западной Европой, не существовало ограничений на свободу торговли и было мало ограничений на строительство синагог. Вскоре евреи преуспели тут как ювелиры, кузнецы и плотники, а в исключительных слу-

чаях — как откупщики, банкиры и врачи. Со своим вновь обретенным богатством они могли превзойти соответствующие консорциумы христиан или мусульман. После первых десятилетий в Константинополе их история здесь, что редко случалось с евреями, — счастливая история. В Константинополе слова «погром», «гетто», «инквизиция» не имели значения.

С конца XV века центрами иудейской жизни в Константинополе стали районы Балат и Хаской на обоих берегах Золотого Рога, которые имели еврейское население до завоевания. Говорили, что «парни из Балата действительно сильные молодые люди, а из Хаской — просто высушенный изюм». Жизнью евреев управляли синагоги. Они утверждали обычаи и ритуалы местностей, из которых происходила их паства, управляли местными школами и благотворительными обществами и организовывали выплату налогов правительству. Рабби действовали как судьи в еврейских судах, они пользовались замечательной независимостью и имели власть издавать законы для евреев²¹.

Самым успешным евреем в Константинополе был доктор Джакомо ди Гаэта, который покинул нетерпимость ренессансной Италии, чтобы найти рай в Османской империи. Врач султана, Якуб-паша, как его называли после обращения в ислам, получил привилегию освобождения от налогов для себя и своих потомков — неважно, иудеев или мусульман. Константинополь был городом двойной идентичности. Подобно Геннадию, Алвису Григги и самому султану, Якуб-паша легко перемещался между различными мирами. Он часто посещал не только дворец султана, но и дом венецианского балъи в Галате. Там, вероятно по приказам султана, он распространял дезинформацию, чтобы сбивать венецианских политиков — например в 1465 году сообщил, что султан отвернулся от христиан²².

Греков, армян, итальянцев и евреев переселяли в город в основном по экономическим причинам. Само династическое государство импортировало пятый расовый элемент. Османское правительство называлось «Вратами» — Портой, так как эта часть дворца правителя наиболее явно ассоциировалась с властью. Разросшаяся семья и администраторы видели в османском правительстве управление государством и правосудием перед вратами султана. Основной костяк султанских чиновников и военных составляли рабы, известные как *капи куле*, или «рабы Ворота». Их

состав отражал ставку османов на расовое многообразие. В возрасте от 8 до 16 лет их рекрутировали по мере надобности из сельского христианского населения Балкан и реже Анатолии — через процесс, известный как *девишirme*, или «отбор», особенно развернувшийся после завоевания Боснии в 1463 году. Они не могли быть турками: Коран запрещал порабощение мусульман. Хотя мусульман-славян «отбирать» было можно, но мусульман турецкого происхождения — нельзя.

Дата рождения молодых людей и данные об их родителях записывались. Затем их отвозили в Константинополь, совершали обрезание и обращали в ислам. Наиболее симпатичных и более высокородных обучали в дворцовых школах или в семьях пашей и в конце концов определяли на государственную службу. Другие «отдавались турку» — посылались на фермы Анатолии учить турецкий язык. Потом они работали в качестве гвардейцев в императорском дворце, военными моряками на императорском флоте или строителями в городе. Часть записывали в *янычары*. Корпус янычар, насчитывавший от пятнадцати до двадцати тысяч человек, был наконечником копья османской армии и главной военно-политической силой в самом Константинополе. Они патрулировали стены, стояли гарнизоном в Семи Башнях, поддерживали закон и порядок, охраняли патриарха и самого султана.

Часто христианские семьи печалились, видя своих детей «отбранными». Существовала даже песня:

*Будь проклят император, будь трижды проклят ты
За зло, что сотворил, за зло, что сейчас творишь —
Стариков в кандалы, священников в кандалы,
Чтоб янычаром стал тобой отнятый малыш.
Родственники рыдают, не успокоить их,
Я тоже лью слезы от нестерпимой боли:
Забрали сына — для меня его нет в живых —
И брата тоже... Так вот она, наша доля.*

Более прагматичные родители были рады видеть своих детей, безопасно продвигающимися по османской карьерной лестнице. Рабство в исламском мире было менее унижительным, чем в христианском. Молодежь *девишirme*, получившая образование в доме

визиря или султана, имела шанс занять самые высокие посты в империи — и приглядывать за своими родственниками. «Рабы Ворот» освобождались от многих законных ограничений, налажившихся на других рабов в вопросах женитьбы и собственности. Именно боснийцы потребовали оставить за ними право участвовать в «отборе», несмотря на их обращение из христианства в ислам. Венецианский балли записал, что янычары *«испытывали огромное удовольствие от возможности заявить „Я раб Великого Синьора”, так как они знают, что именно тут, в поместье властелина, в группе таких же рабов, их место приказывать»*. Могла ли сотню лет назад отобранная ирландская католическая молодежь чувствовать такую же гордость за то, что их обращали в протестантизм, посылали в Итон, а затем давали управлять Британской империей как слуг королевы и императрицы?²³

Эта османская практика, особенно девширме, очень нравилась Мехмеду II. Один итальянец писал: «Здесь он демонстрирует замечательное упорство в стремлении к цели, как будто своими усилиями хочет создать новых людей». Механизм девширме ликвидировал потенциальных мятежников и превращал их в лояльных османов. Более того, традиционные исламские «зеркала для принцев», по которым воспитывались будущие высокопоставленные османы, учили преимуществам расового разнообразия. Согласно «Книге управления, или Правилам для властителей», если султан держал на службе людей разных рас, «каждая раса старалась превзойти другую... Когда войско состоит из одной расы, опасность возрастает — у солдат нет рвения и они склонны к распушенности».

Однако главной причиной для «отбора» оставалось недоверие к туркам. Один обитатель дворца замечал: *«Во дворце очень мало урожденных турок, потому что султан находит более надежным обслуживание его обращенными христианами, которые не имеют ни очага, ни дома, ни родителей, ни друзей. Они испытывают такую любовь к службе ему, что, если бы это было в их власти, они добровольно выставили бы тысячу жизней за его персону и увеличение его империи»*. С другой стороны, многие из предшествующей турецкой мусульманской элиты завидовали османам: в Анатолии существовали древние тюркские государства, подобные Риму и Данишменду, в то время как османы прибыли сюда относительно недавно. Мехмед II знал об опасности, исходившей

от могучей мусульманской элиты: после первого двухгодичного периода правления его в 1446 году свергли — вероятно, при подстрекательстве великого визиря Кандарли Халилия, кузена и члена семьи, из которой вышли три великих визиря; его отец Мурад II на два года вернулся на трон.

Из страха перед реакцией Запада великий визирь продолжил противостоять решению Мехмеда II атаковать Константинополь: он называл его «безрассудством возбужденной юности». Вскоре после успеха осады Мехмед II казнил его. С тех пор большинство великих визирей и пашей стали «рабами Ворот»: только восемнадцать из первых сорока восьми великих визирей после 1453 года были урожденными турками. Некоторые турки презрительно называли совет султана (или *диван*) «рынком рабов»²⁴.

Присутствие янычар означало, что многие военные и администраторы в Константинополе — и строители Великой мечети, и визирь — были славянами. В 1542 году, по словам французского путешественника, «sclavonian» (сербо-хорватский язык) при дворе был языком, «больше всего используемым и понимаемым всеми... тем более что он был своим для янычар». Вопреки мнению историков, привыкших к определенности, «рабы Ворот» могли также колебаться между двумя мирами, устанавливая из столицы контакт со своими семьями в провинциях. Великий визирь Махмуд-паша, например, вел переговоры с Сербией в 1457 году. Если они привели к приемлемому миру и более высокой дани для Османской империи, это произошло, несомненно, потому, что самое высокое официальное лицо при сербском дворе, великий воевода Михай Ангеловик, был его братом²⁵.

Некоторые «рабы Ворот» образовали сербское лобби в столице, часто конфликтовавшее с доминирующим греческим патриархатом. Самым выдающимся константинопольским сербом и одной из самых выдающихся фигур османской истории был Баджика Соколовик, рожденный в 1505 году, через пятьдесят лет после завоевания, в маленьком городке Вышеград на сербско-боснийской границе. Человек внушительной внешности, с черной бородой и ястребиным носом, он быстро поднялся по рангам девширме, успешно занимая посты сокольничего, великого адмирала, визиря, вице-короля Европы. Наконец, с 1564 по 1579 год Соколлу Мехмед-паша, в которого он превратился, стал великим визирем. Обходительный, благоразумный, при-

жимистый, он был государственным человеком с мировым кругозором. Из своего дворца в Константинополе он планировал строительство канала между Доном и Волгой, а также между Красным и Средиземным морями, чтобы помочь мусульманским государствам выстоять против России и Португалии соответственно; он посылал оружие на Суматру, помогал избрать нового короля в Польше, заказывал картины и часы в Венеции — и даже организовывал успешный мир с Испанией, Венецией и Папским престолом, несмотря на поражение османского флота при Лепанто в 1573 году²⁶.

И еще он сохранил связь со своими сербскими корнями. Он содействовал сербам при османском центральном правительстве, а в 1557 году по его настоянию и вопреки желанию патриархата был восстановлен сербский архиепископ в Пече; первым таким архиепископом стал его брат. Предназначенный перед «отбором» для султана на роль священника, он, как говорят, иногда сопровождал в церковь своих племянников во время их визитов в Константинополь.

Архитектура увековечивает связи между двумя мирами Соколлу Мехмед-паши. В Константинополе его жена Исмихан-султан, дочь султана Селима II, построила ему шедевр всего золотого века османской архитектуры — мечеть Соколлу Мехмед-паши у старого римского ипподрома. Возле места своего рождения в Боснии великий визирь сам возвел через реку Дрину мост с одиннадцатью арками, «одни из самых благородных пролетов, какие вы могли видеть».

Через двадцать четыре года после завоевания, в 1477 году, городским судьей Константинополя была проведена перепись с целью получения личной информации для султана. В Константинополе и в Галате оказалось: 9486 домов, населенных мусульманами; 3743 дома, населенных греками; 1647 домов, населенных евреями; 434 дома, населенных армянами; 384 дома, населенных караманианцами (народ, близкий армянам); 332 дома, населенных франками (все в Галате); 267 домов, населенных христианами из Крыма, и 31 дом, населенный цыганами. Всего, вероятно, получилось 80 000 жителей (исключая «рабов Ворота»). Константинополь оказался городом, который противостоял национализму: на его улицах говорили по-гречески, по-армянски, по-итальянски, на средиземноморской смеси, по-албански,

по-болгарски* и по-сербски, а также на турецком, персидском и арабском.

Константинополь, единственная многонациональная столица в Европе, имел названия на большем числе языков, чем любой другой город. Сербы, болгары и русские именовали его *Царьградом* — городом-царем. Армяне жили в *Gosdantnubolis* — Городе Константина. На повседневном языке греки называли его — как некоторые делают и до сих пор — *Polis*, Город; другого такого не было и нет. Официальное греческое название звучало как *Constantinoupolis Nea Roma*, так стали его называть и османы, на монетах и в большинстве официальных документов — *Kostantiniyye*; так же это имя звучало и по-арабски. В литературном османском языке его называли *Der-i Sa'adet*, «Дом Доброй Удачи», так ему выпала удача стать резиденцией султана, или же *Asithane* — по-персидски «Дом Государства». Однако в повседневной турецкой речи, даже до завоевания, его имя передавалось искаженной греческой фразой, означающей «в городе», *eis teen polin*: Истанбул.

Головы и ноги жителей, как и их имена, демонстрировали многонациональный характер города. Обитатели Константинополя, какова бы ни была их религия, обычно носили простые халаты или рубахи, подобно теперешним арабам Залива, но более темных цветов. Поверх рубах они носили доломан из сатина или полотна, зимой подбитого хлопком, и пояс. Они смеялись над западноевропейцами, которые портили свою одежду разнообразными отделками, складками и вырезами.

До XIX века, чтобы и продемонстрировать превосходство ислама, и поощрить межнациональную конкуренцию, османское правительство подчеркивало различие между различными общинами одеждой. Только мусульмане могли носить белые или зеленые тюрбаны и желтые туфли. Греки, армяне и евреи различались, соответственно, небесно-голубыми, темно-синими (позднее красными) и желтыми шапками — и, соответственно, черными, фиолетовыми и голубыми туфлями. Правила, регламентирую-

* Другим славянским контингентом в Константинополе до начала XX века были *войшки* — болгарские конохи и сокольничие, которые работали в императорских конюшнях. Они дополняли свои доходы танцами на улицах под звуки волюнок. См.: Nicolas de Nicolay, *Dans l'Empire de Soliman le Magnifique*, 1989, 183.

щие костюм религиозных меньшинств, регулярно подтверждались. В 1580 году, например, «исходя из того, что отношение к ним с точки зрения шариата и логики должно быть оскорблением и унижением», евреям и христианам формально запретили «одеваться, как мусульмане» — то есть носить шелка, меха или красные туфли, а взамен разрешили носить темные цвета и голубое. Им также постоянно запрещали жить возле мечетей, строить высокие дома и покупать рабов²⁷.

Подобная повторяемость показывает, что правила часто нарушались: статус мусульман был настолько привлекательным, что желание меньшинств походить на них оставалось неукротимым. Отдельные личности могли также покупать освобождение от правил одежды. Однако для большинства людей большую часть времени одежда, которую они носили, усиливала их чувство принадлежности к отдельной общности. Разница черт еще усиливала разницу в одежде.

Большинство жителей Константинополя все еще утверждают, что способны сказать по виду, кто сосед — турок, грек, еврей или армянин. В XIX веке, после отмены законов об одежде, путешественник и писатель Эдмондо де Амичис записал, что турка и грека, сидящих рядом друг с другом, даже если они одеты в одном стиле, можно сразу же различить по молчаливой неподвижности первого и «тысяче перемен в выражении оживленного лица и глаз последнего», когда тот «трясет головой как нервная лошадь». В первом веке империи лица и жесты делали многонациональность Константинополя еще более явной²⁸.

В 1477 году, году переписи, создателю многонационального микрокосма Мехмеду II исполнилось 45 лет. Паж его двора, Джованмария Анджиолелло, описывал султана как человека *«среднего роста, толстого и мясистого; он имел широкий лоб, большие глаза с густыми ресницами, орлиный нос, маленький рот с круглой, пышной рыжевато-бородой, короткую шею, желтоватый цвет лица, довольно высокие плечи и громкий голос»*²⁹. После трудов завоевания он имел теперь время отдохнуть в своей столице.

Как и сама столица, он был сборищем контрастов: жестокий — и мягкий, безжалостный — и терпимый, набожный — и гомосексуальный. Он строил школы и рынки с тем же энтузиазмом,

с которым приказывал пытать и устраивать резню. Считая себя и верховным гази (воином ислама), и новым Александром, он читал или слушал Коран, толкования Евангелий, персидских поэтов, хроники императоров, пап и королей Франции, «Жизнь Александра» Арриана, Гомера, Геродота, Ливия и Ксенофонта³⁰. Он обращался с языком, как с инструментом общения, а не доминирования. Хотя он и не мог сравниться с великим врагом Османской империи императором Карлом V, который, как говорили, с богом общался по-испански, с джентльменами по-французски, с дамами по-итальянски и со своей лошастью по-немецки, Мехмед II говорил на турецком, персидском, арабском и почти наверняка имел какие-то познания в греческом и сербско-хорватском языках. В своих стихах он называл себя не Фатих — «Завоеватель», а Авни — «Помощник». Он являлся автором типичного османского куплета:

*Налей мне вина, виночерпий,
ведь однажды погибнет тюльпанный мой сад;
Вскоре осень придет, и не станет больше весны!*

Хотя он писал и правил по-турецки, султан чтит персидскую культуру, которая пользовалась престижем в мусульманском мире, подобно французской культуре в Европе XVIII века. Еще один язык добавлялся к полифонии города. Среди персидских ученых, которых он привлек в Константинополь, находился последний великий средневековый исламский астроном, Али Куску из Самарканда, который преподавал в школе, примыкающей к Айя-Софии. Когда Мехмед II открыл, что другой поэт, хотя и воспитанный по-персидски, на самом деле турок по происхождению, султан отобрал разрушенную греческую церковь, которую подарил ему в качестве знака расположения³¹.

Персидская культура была настолько влиятельной, что османский, язык дворца и правящей элиты, хотя и турецкий по структуре, стал частично персидским — и отчасти арабским — по набору слов: в 1920-х годах только 37% слов в словаре имели тюркское происхождение. Сложности турецкого словаря и структура предложения делали османский язык одним из основных барьеров для распространения грамотности и контактов с внешним миром. Чтобы увеличить контраст с простым турецким языком

улицы, намеренно использовались «позолоченные» выражения. Например, когда умер знаменитый каллиграф, говорили, что «точки его рукописи превратились в родинки на щеках гурий рая».

Недовольных было относительно мало. Поэт XVI века Яхья-Бей отказался стать «переводчиком персов» или «есть пищу мертвых персов» и писал на энергичном турецком. И к тому же он был не турком, а янычаром, гордящимся своим албанским происхождением³².

Мехмед II покровительствовал мусульманским ученым и теологам, часто нанося неожиданные визиты в школу, которую он основал возле своей мечети, чтобы послушать лекции и проверить учителей и учеников. Еще он изучал греческую философию, был самым крупным покупателем итальянских произведений искусства эпохи Ренессанса и первым мусульманским правителем, который любил итальянских художников. Среди скульпторов и художников, которых он приглашал в Константинополь, числились Маттео де'Пасти из Римини, маэстро Паоло из Дубровника и медальер Костанцо да Феррара³³.

В последние годы его правления Константинополь дипломатически, коммерчески и культурно стал частью Европы. В 1479 году, после шестнадцати лет войны, Мехмед II заключил мир с Венецией. В сентябре этого года, в ответ на его просьбу о «хорошем художнике», официальный художник дожа, Джентиле Беллини, приехал в Константинополь, его представил султану бальи Венеции. Предыдущие пять лет Беллини переписывал зал Великого консула во Дворце дожей, следующий год с четвертью он писал портреты Мехмеда II и его двора, а также эротические фрески (*cose di lussu ria*) для «внутренних покоев» дворца, которые султан строил в самой восточной части Константинополя.

К 1481 году, достигнув всего лишь 48 лет, султан стал изнуренным и слабым. Даже его визири не знали, какую страну он планировал завоевывать, когда он умер в этом году от заворота кишок, ведя свою армию из Константинополя в Азию. Определенные признаки, сопровождавшие его смерть, заставляют подозревать, что его отравили — возможно, с помощью его персидского врача аль-Лари, действовавшего в интересах его сына, Баязида II³⁴.

Смерть султана оставила столицу на перепутье. Этот город походил на химическую смесь из несовместимых элементов, ко-

торые могли или соединиться, или сгореть. В теории это была многонациональная династическая столица, на практике Константинополь балансировал между национализмом и империей, амбициями и реальностью, любовью к городу одних и желанием преобразовать или покинуть его — у других.

С греческим населением и византийским прошлым Константинополь не был идеальной столицей для османов. Пока Критовул пел оды Завоевателю, некоторые турки, особенно связанные с предыдущей столицей Эдирне, возмущались политикой переселения. Несмотря на первоначальные обещания султана дать переселенцам право свободного владения землей, туркам иногда приходилось платить ренту султану или даже старым владельцам — грекам. Они приходили в ярость. «Ты заставил нас оставить наши старые дома, которыми мы владели. Ты привез нас сюда, чтобы мы платили ренту за эти дома неверных?» Некоторые турки покидали семьи и сбегали из города. Недовольство было направлено как на султана, так и на его великого визиря, урожденного грека Мехмеда-пашу:

*Когда Султан изменчив в законах и декретах,
Его владения всегда трясут лихие беды.
А если иноверец его ближайший визирь,
То вред религии большой, а пользы делу — мизер.*

В итоге протест стал настолько яростным, что Мехмед II выдал сертификаты, украшенные его *тугрой* (султанской монограммой), освобождавшие турок от выплаты ренты.

Космополитизм двора Завоевателя являлся еще одним источником ужаса для мусульман. Поэт написал:

*Хочешь с почетом стоять у султановой двери —
Будь хоть евреем, хоть персом, хоть франком, поверь мне.*

Для анонимных авторов, писавших на народном турецком языке, Константинополь стал «островом мук и страданий, объединением бедствий, источником провалов и истребления». Проклятый город следовало оставить в руинах до дня Апокалипсиса. Столица должна вернуться в Эдирне³⁵.

Точно так же сильно, как недовольство турок, будущему столице могло угрожать само османское государство. В отсутствие представительных органов или могущественной наследной знати власть находилась в руках «рабов Ворот». Но, как сказал Ювенал о другой императорской страже, преторианцах Римской империи, — *quis custodiet ipsos custodes?* Кто устережёт самих сторожей? Султан в лицо мог называть своих янычар «мои сладкие овечки». Но он лучше, чем кто-либо еще, знал, что на самом деле они — прожорливые волки. В 1451 году, опьяненные собственным могуществом, они кричали ему: «Это была первая кампания нашего султана, и он должен наградить нас»³⁶. Янычары часто проявляли недовольство, выступая против султанской политики. Что могло остановить эту не сравнимую ни с чем военную машину от попытки свергнуть султана, если она того пожелает, или от попытки создать новую династию, как это не раз делали другие рабы-телохранители в Багдаде и Каире?

Турки были не единственными, кто возмущался османским Константинополем. Эллинофильская политика султана основывалась на расчете: лишь сила Османской империи и доходы, обеспечиваемые стабильной торговлей на расширяющейся территории, поддерживали спокойствие христианской общины, на языке османов именовавшейся «райя» — «стадо», остригаемое османским пастухом.

Историки, зараженные вирусом национализма, вспыхнувшего с 1830 года, преувеличивали размах и силу националистических настроений. Так же, как Османская династия смешала исламские, турецкие и европейские элементы, так и многие ее подданные смешали в себе несколько идентичностей. В одном человеке мог уживаться грек (или араб, еврей, серб) и осман. Некоторые греки оставались более антизападниками, чем антиосманами, считая, что «лучше султанский тюрбан, чем кардинальская шапочка». К примеру, Мануил Палеолог, племянник последнего императора, вернулся в Константинополь из Италии в 1477 году, и ему дали поместье. Один из его сыновей обратился в ислам; другой остался в Греции. Веком позднее немецкий путешественник говорил, что греки «не хотят, чтобы над ними властвовал кто-то, кроме турок; не хотят даже христиан»³⁷.

Но были и другие греки, считавшие Османскую империю чужой и враждебной. Патриарх Геннадий был благодарен Завоевателю и признавал, что некоторые турки больше соответствуют его политике, чем его собственные священники. И все-таки в своем кругу он называл турок «кровавыми собаками Хаджар» и «чужаками». Его отношения с султаном основывались не на лояльности, а на необходимости.

Если человек, лично назначенный султаном, испытывал такую ненависть, нетрудно представить чувства менее обласканных греков. На церковных службах в Константинополе турок регулярно предавали анафеме как «неверных» и «проклятых». Среди более сдержанных эпитетов, данных Мехмеду II хроникером Дукасом с безопасного Корфу, были «дикий зверь... предшественник Антихриста»³⁸. Так велика была травма от захвата Константинополя, что до недавнего времени греки считали вторник — день его падения — несчастливым днем. Многие греки верили в возрождение Византийской империи почти так же пылко, как они верили в воскресение Христа.

Со дня завоевания города османами возникали предсказания об их грядущем изгнании. Рассказывали, что когда последняя служба в Святой Софии была прервана появлением «турецких собак», священник исчез внутри колонны, где ныне ожидает возврата греков. Тогда он появится из своего убежища с сияющим лицом и потиром в руке, взойдет по ступеням высокого алтаря и продолжит службу. Последний император не мертв — он превратился в мрамор и спит в тайной пещере под Золотыми Воротами, традиционном месте вступления в город победоносных императоров со времени их строительства Феодосием Великим около 390 года; Михаил Палеолог использовал их в 1261 году*. Однажды он услышит призыв с небес: «Ангел даст ему меч, вернет к жизни и поведет гнать турок до Красного Яблока на персидской границе» — в союзе со светловолосыми людьми с Се-

* Константинополь был захвачен на рассвете 25 июля 1261 года полководцем Алексеем Стратигопулом с небольшим никейским отрядом в 800 человек; застигнутые врасплох франки не оказали сопротивления, а император Балдуин II бежал. 15 августа, в день праздника Успения Богородицы, прибывший из Никеи император Михаил VII Палеолог торжественно вступил в город через Золотые Ворота. Внезапное восстановление Византийской империи рассматривалось как божественное чудо — и побуждало вновь ждать такого же чудесного освобождения от власти турок. (*Прим. ред.*)

вера. Для турок Красное Яблоко являлось символом турецкой власти, для греков — знаменем поражения турок.

Константинополь был городом с исключительно долгой исторической памятью. Легенды, знакомые каждому греку, помогали воодушевлять мечты о возрождении империи. В присутствии турок, в самой мечети Айя-София, греческие гиды рассказывают благодарным иностранным посетителям легенду о непрерывной мессе. В итоге османы, которые имели много своих суеверий о возможности вторжения или подъеме христиан, возвели стену Золотые Ворота³⁹.

Османский Константинополь имел как внешних, так и внутренних врагов. Во Флоренции, Венеции и Риме (откуда папа назначил известнейшего прозападного грека, кардинала Виссарiona, патриархом Константинополя в 1463 году) высланные из Города греки подбивали владык Запада отправиться в Крестовый поход против османов, заверяя их в греческой поддержке. К примеру, Иоанн Ласкарис, родившийся в Константинополе в 1445 году, большую часть своей карьеры прослужил учителем во Флоренции и Венеции, призывая христианских монархов, папу, императора Священной Римской империи и короля Франции начать Крестовый поход против Османской империи⁴⁰. Многие венецианцы и генуэзцы надеялись отвоевать город, как они сделали во время Четвертого крестового похода в 1204 году. То, что государственные деятели XIX века называли «Восточным вопросом» — план европейских держав завоевать османскую территорию, — ведет начало с 1453 года.

Султана тревожили сильные и непреклонные враги — Венгрия, Австрия, Венеция, — которые окружали его империю. Сербский военный на службе у султана вспоминал, что в то время ходили разговоры о том, что папа начнет европейский Крестовый поход, а «император [Мехмед II] боялся, что все христианские земли, которые он завоевал, поднимутся против него». Попытки папы не дали результата, однако угроза от короля Венгрии так всполошила султана в 1473 году, во время, когда он вел кампанию на Востоке, что он нанял 10 000 рабочих, чтобы укрепить стены столицы⁴¹.

Западная Европа имела в Константинополе потенциальную пятую колонну в лице европейской колонии и европейских дипломатов в Галате. Это был не только источник информации

и дохода, но также и источник интриг. В дни торжественного вступления султана в город бывший генуэзский подеста писал из Галаты в Геную, что он надеется, «Константинополь станет началом его падения». Венеция организовала четырнадцать попыток отравить султана⁴².

Так с момента превращения в столицу Османской империи Константинополь стал городом противоречий. Этот микрокосм империи не отличался лояльностью своих жителей — турок, греков, армян, евреев и итальянцев. Столица Завоевателя могла стать как местом соединения, так и полем боя.

ГОРОД БОГА

Истинное искусство — это создавать великолепные города и наполнять сердца людей счастьем.

Мехмед II, вступительное слово
при закладке мечети Фатих

Ислам сам по себе представлял потенциальный вызов османской столице. Ислам — это религия с революционным подтекстом. Любые правила считаются законными, только если они подкреплены шариатом, священным законом ислама, базирующимся на изучении Корана. Шариат считался стоящим над государством, а не его продуктом. Французская максима «*Si veut le roi, si veut la loi*» («Чего желает король, желает закон») воспринималась бы немислимой в Османской империи. Конфликт между династическими силами и исламом проявлялся в течение всей истории города.

Армия султана, осаждавшая город, включала христиан сербов и венгров. Тем не менее многие солдаты султана видели себя *гази* — священными воинами, жаждавшими победы или «меда мученичества». В ретроспективе падение Константинополя воспринималось как мусульманское чудо. Святые в белых одеждах, ведомые легендарным мусульманским праведником Хизиром, «зеленым человеком», сражались в армиях султана. Пораженные истиной ислама, греческие священники хлынули из города, чтобы присоединиться к ним¹.

Позднее некоторые мусульманские дервиши бросили вызов султану, заявляя, что завоевание города было их, а не его победой. Как в современных Алжире или Египте, в Константинополе той эпохи социальная и политическая неудовлетворенность могла выражаться через ислам. Османский философ и политический писатель XVI века Мустафа Али обвинял проповедников, которые «*собирали вокруг себя толпу безмозглого сброда... нагло нападая с различными глупостями то на поведение и слова Халифа, то на порядок в мире, то на поведение и действия султанских чиновников*».

Более того, османы обязаны своей властью военному успеху. В отличие от других мусульманских династий, таких как шарифы, старшие потомки Пророка, правившие в Мекке и Медине с X века, не могли апеллировать к давности своих прав или доказать наличие крови курайшитов, племени Пророка. Этот «дефицит законности» создавал конфликт даже в представлении великого визиря XVI века Лютфи Паши². Может ли османский султан, как он часто заявлял, быть «тенью Бога?»

Решение нашлось в увеличении связей между исламом и Османской династией. Османские султаны были благочестивыми мусульманами, которые пытались распространять закон Бога. Они также были династией, которая, как императоры Габсбурги и русские цари, использовали религию в качестве инструмента контроля над подданными. Пламенная мусульманская речь Мехмеда II перед войсками перед завоеванием также была беззастенчиво династической: *«Газа [священная война] — наш основной долг, так как ведется во имя наших отцов. Константинополь, расположенный, как получилось, в центре наших владений, защищает врагов нашего государства и подстрекает их против нас. Поэтому завоевание этого города важно для будущего и для безопасности Османского государства»*.

Архитектура тоже демонстрировала приверженность династии исламу. Одним из наиболее знаменитых построек Мехмеда II была мечеть, начатая примерно в 1459 году в верхнем конце Золотого Рога. Она находилась на стороне, где почитаемый духовный наставник султана Акшамседдин, по его заявлению, нашел могилу сподвижника Пророка по имени Абу Айюб аль-Ансари, который умер, сражаясь в арабской армии, осаждавшей Константинополь в 669 году. Эта удобная находка устанавливала харизматическую связь между новой столицей и самим Пророком.

Пилигримы тянулись, чтобы почтить могилу, окруженную серебряной решеткой, позолоченными подсвечниками и раскрытыми Коранами. Марокканский посол записал после визита в Константинополь в 1591 году:

«Толпы посетителей зимой и летом тянутся к гробнице. Сانونники империи соревнуются за места захоронения возле нее. Они приобретают участки тут по самым высоким ценам. Все добрые люди, даже скромного достатка, также совершают все, что

могут, чтобы получить место упокоения поближе к этой гробнице. Мы нанесли визит к этой святой персоне и тоже получили пользу от его ауры. Благодаря его посредничеству — да примет его Господь! — наши молитвы возносились прямо к Богу»³.

Абу Айюб стал покровителем османского Константинополя. Немусульманам не позволяли открывать лавки в столь священном районе. Сегодня район вокруг его гробницы, известный как Эйюп, — самое почитаемое мусульманское место в Турции. Особенно во время святого месяца Рамадан он ощутимо отличается от остального города. Окруженная гробницами и буквально улицами мраморных мавзолеев, мечеть остается открытой для моря верующих до самой ночи.

Через Абу Айюба Константинополь стал священным городом ислама. Мусульманское имя города, возможно, придуманное самим Мехмедом II, чеканилось на монетах: Истамбул, «где обитает Ислам»⁴. Между 1463 и 1470 годами Завоеватель построил еще одну мечеть в центре Константинополя, на месте церкви Святых Апостолов, к тому же использовав материалы ее стен. Названная Фатих, «Завоеватель», в честь самого султана, она выражает его взгляд на свою столицу как на твердыню веры. Мечети, которые османы построили в Бурсе и Эдирне, относительно скромные, в их украшении видно сильное влияние сельджуков и персов. Новая столица требовала более смелого, более монументального стиля: мечеть Фатих, ставшая наиболее амбициозным архитектурным проектом, выполненным архитектором, известным как Старый Синан (позднее казненным по приказу своего хозяина)*, вполне могла иметь христианское происхождение. Как и Айя-София, с которой Фатих намеревалась соперничать, она увенчана рядом покрытых свинцом куполов, поднимающихся к одному гигантскому куполу, — самому большому из всех построенных на тот момент османами.

Вновь восстановленная по первоначальному плану после землетрясения 1766 года, мечеть создает пространство, которое навя-

* Его настоящее имя — Христодулос; согласно легендам, в ислам он обратился уже после постройки мечети, приняв имя Атик Синан. Обозначение «Старый» используется здесь для отличия от другого архитектора — Мимара Синана, работавшего в XVI веке, создателя османской архитектурной школы. О Старом Синане известно очень мало, но легенда о его казни по приказу Мехмеда II вызывает сомнения. (Прим. ред.)

зывает чувство физического и религиозного смирения верующим, стоящим внизу. Турсун-Бег, историк и современник Завоевателя, сравнивал интерьер мечети с «чудом горящего куста». Великий писатель XVII века Эвлия Челеби, чьи рассказы о Константинополе и империи стали классикой, считал ее похожей на «свод небес».

Площадь двора с восемью воротами, такая же большая, как и сама мечеть, обрамлена колоннадой с фонтаном в центре. На белой мраморной доске внутри главного входа мечети золотыми буквами написан хадис — высказывание, приписываемое самому Пророку. Процитированное Завоевателем своим войскам перед финальной атакой на город, оно показывает, что судьба Константинополя связана с самим Пророком: «Они завоюют Константиний. Истинно, их командир будет прекрасен! Истинно, армия будет прекрасна!»

С другой стороны мечети находится мавзолей с восьмиугольным куполом, содержащий простую каменную гробницу Завоевателя, покрытую зеленым сукном, с белым тюрбаном на одном конце. День и ночь охраняемая религиозными стариками, она сразу же стала местом паломничества. Люди Константинополя верили, что заступничество Завоевателя добавит сил их молитвам, если они еще и прильнут к окнам мавзолея. Новые султаны надеялись получить его мужество и силу при посещении его гробницы⁵.

Мечеть стала центром жизни города. Главной функцией мечети Фатих, как и других городских мечетей, было оставаться чистым и аскетическим местом поклонения. В назначенные часы общей молитвы, омыв лицо, кисти рук и ноги в фонтане снаружи, снявшие обувь ряды мужчин заполняли мечеть, поднимаясь и падая, молясь и выкрикивая «Аллах!» или слушая проповедь. В другое время мечеть наполнялась отдельными людьми, молящимися или декламирующими Коран⁶. На Западе церкви объединяли роли театра, клуба и рынка и могли быть нечистыми. В соборе Святого Павла в Лондоне, например, толпились проститутки, купцы и работники, ищущие нанимателей. В Константинополе, писал удивленный христианин, «никто не бродит без дела по церкви [мечети], никто не болтает друг с другом, и не слышно ничего, кроме пылкой молитвы»⁷.

Мечети использовались не только для молитв, но и для образования. С обеих сторон мечети Фатих располагались две группы из восьми многокупольных медресе — своеобразных колледжей,

в один или два этажа, именуемых Черное и Белое море (под последним понималось Средиземное). Они обеспечивали питание, проживание и обучение примерно тысяче учеников. Старейшее мусульманское академическое образовательное заведение в империи, колыбель поколений будущих судей и улемов (образованных людей, которые управляли мечетями и правовой системой), медресе Фатих ныне считается прародителем Стамбульского университета; некоторые здания бывших медресе и сейчас используются для проживания студентов.

Располагая библиотекой из 1770 книг, 839 из которых даровал сам Завоеватель, оно давало традиционное мусульманское образование, основанное на десяти науках: грамматике, синтаксисе, логике, схоластике, классических языках, описании, толковании, эвфуизме, геометрии и астрономии. Успешные студенты могут стать имамами или учителями в мечети. Если они продолжили обучение юриспруденции, риторике, традиции, догме и экзегезу на более высокой степени, они могут стать кади (судьями) в Константинополе или в других городах империи.

Вокруг мечети Фатих султан построил также дополнительные купольные комплексы, стоящие рядами, как армия на параде. Здесь был приют для дервишей; хан или постоянный двор для путешественников; больница, которая дважды в день давала пациентам еду (в меню часто были куропатки и фазаны) и обеспечивала музыку, чтобы успокаивать больных физически и душевно; имарет, или кухня, готовившая суп, откуда пища распределялась беднякам; и хамам, или баня. В мечети Фатих более тысячи человек получали еду дважды в день. Комплекс этой мечети многократно копировался и в Константинополе, и вне его, так как Османская империя была не только династическим государством, но и государством социального благоденствия. По словам константинопольского грека Теодора Кантасузеноса, современника Мехмеда II и его сына Баязида II:

«Обычно турецкая знать всех рангов только и думала о построении церквей и госпиталей, а также о том, чтобы обеспечить их. Они создавали постоянные дворы для путешественников, прокладывали дороги, строили мосты и акведуки, занимались многими другими благотворительными делами, которые выполняли с настолько хорошим результатом, что я уважаю турецкую знать за их щедрость куда больше, чем нашу христианскую знать».

Мечети Константинополя были также частью городской экономической сети. Они финансировались с доходов особых организаций, или вакуфов — своеобразных фондов, которые владели в городе домами, системой водоснабжения или базарами. Вакуф, который Мехмед II создал для мечети Фатих, владел, к примеру, близлежащим рынком кожи и седел, располагавшим 110 лавками. Из годового дохода вакуфа — 1,5 миллиона акче, или 30 000 венецианских золотых дукатов, — 869 280 акче тратилось на персонал, 461 417 — на пищу для приюта, 72 000 — на саму больницу и 18 522 — на ремонты. Общий штат всего комплекса составлял 383 человека⁸.

Каждая мечеть имела большой штат улемов — образованных мужчин. В отличие от слуг султана и янычар все они были урожденными мусульманами. Такая карьера поглощала много энергии и амбиций турок Константинополя. Шейхи читали проповеди, имамы организовывали молитву, муэдзины пели призыв к молитве или декламировали стихи из Корана — как записал один итальянский путешественник, «сопрано, полным пыла, ясным и приятным. Когда вы слышали их, не видя, можно было подумать, что это маленькие дети». Мечети также нанимали привратников, преподавателей, наблюдающих за омовением, — все по списку и на зарплате, с османской одержимостью правильной бухгалтерией, в полном соответствии с распорядком вакуфа. Доля денег с вакуфа, уходящая на зарплаты, помогает объяснить, почему так много турок хотели найти работу в мечети. До нашего века потомки основателей таких фондов наследуют право управлять ими и получать зарплату от вакуфа. Подобно собственности, определенной к освобождению от налога при опеке над семьей в послевоенной Британии, вакуф обеспечивал освобождение дома и дохода от хватки государства.

Жизнь знаменитого литератора Баки (1520–1599), любимого поэта Сулеймана Великолепного, известного как «султан поэтов», началась и закончилась в мечети Фатих. Сын одного из муэдзинов мечети заинтересовался законом и поднялся до учителя в другой мечети города. В ранней поэме он воспел особую одержимость османов: замену церковных колоколен и их «звонящих колоколов» на минареты и звуки призыва муэдзинов к молитве.

Успех в столице мог быть обеспечен высоким постом и собственностью в далеком провинциальном городе. Баки стал кади

сначала в Мекке, затем в самом Константинополе и со временем поднялся до высшего юридического чиновника (кадиаскер) Европейской провинции империи*. Сам муфтий Константинополя провел обряд погребения Баки перед огромной толпой в мечети Фатих⁹.

После смерти Мехмеда II Константинополь стал еще более мусульманским. Его сын Баязид II был набожным и миролюбивым правителем, известным как Вели — Святой. Он считал, что его отец «по совету интриганов и лицемеров» «нарушил Закон Пророка». Большинство итальянских картин и скульптур Завоевателя, вызывавшие отвращение у нового султана, были проданы, а эротические фрески во дворце — закрашены. Частое использование Мехмедом II исполнительной власти султана и *кануна*, или государственного закона как основы работы правительства, признали непригодным и противоречащим священному закону ислама**.

Во главе улемов стоял муфтий Константинополя, этот пост был создан Мехмедом II. К концу XV века муфтий, называвшийся также шейх-уль-ислам, был третьим человеком в государстве после султана и великого визиря. По возможности Баязид II вставал, принимая его, и давал ему место выше, чем его собственное. Муфтий издавал фетвы — религиозные правила, гарантировавшие, что действия султана соответствуют шариату. Несмотря на всю военную силу султана, легитимность его положения считалась настолько важной, что один муфтий вспоминал: «Султан Мехмед был очень настойчив в своих просьбах дать фетву». К концу XVII века можно было сказать о муфтии: *«Он обладает абсолютной властью в вопросе религии. Дела государства отходят от религии, религия — это корень, государство — ветвь. Единственным главой в области религии является шейх-уль-ислам, единственным главой государства является великий визирь, но главой их обоих является султан»*.

* Кадиаскер был высшим военным судьей провинции. Всего в империи таких провинций было две — Румелийская (европейская часть) и Анатолийская (азиатская, а также позднее африканская часть). (Прим. ред.)

** Однако государственный закон остался важным. В 1508 году один из сыновей Баязида, Коркуд, попросил не делать его султаном, так как в такой земле, как Рум (то есть Рим), было невозможно оставаться и хорошим правителем, и добрым мусульманином. (Прим. авт.)

К тому времени улемы стали культурным полунаследственным *nobles de robe* — дворянством мантии, отличающимся по характеру власти от светской османской элиты *Баб-и Али*, Высоких, или Благородных, Ворот, известных на Западе как Блистательная Порта. Улемы имели значительное влияние на манеры и обычаи Города. В XVIII веке двадцать четыре муфтия Константинополя были сыновьями бывших муфтиев Города; их называли «колыбельные улемы». Семья Дарри-заде, например, между 1734 и 1920 годами дала шестерых муфтиев. Улемы часто видели султана на пятничной молитве и в дипломатических отправлениях определялись как «старая знать»¹⁰.

Баязид II был относительно мирным монархом — частично из-за угрозы от брата, Фатиха Сема — популярного принца, который мог продолжить политику своего отца. Сем уехал в Европу, где стал пешкой в большой игре между Османской империей и ее врагами. Он являлся единственным османом, который реализовал династические мечты достичь Рима, — хотя и не как завоеватель. В обмен на субсидию от Баязида II, оговоренную после переговоров через генуэзского купца из Галаты, папа держал Сема в Ватикане в качестве «почетного гостя» — то есть пленника. Он умер, вероятно, от отравления, в Неаполе в 1495 году. В 1512 году Баязиду II наследовал его сын Селим, известный как Селим Явуз — Селим Непокколебимый.

Подобно своему деду Завоевателю, Селим I считал себя новым Александром Великим, которому бог приказал завоевать мир от Востока до Запада. В 1517 году он разбил своего основного мусульманского соперника, мамлюкского султана Египта, которого повесили на одних из ворот Каира. Четыре следующих века Египет, Сирия и часть Аравии с обоими святыми городами, Меккой и Мединой, оставались провинциями Османской империи. Османский султан правил большей частью Среднего Востока и почти всеми Балканами. Он был самым могущественным мусульманским правителем, хранителем путей пилигримов в Медину и Мекку. Одним из его самых гордых титулов с тех пор стал «Слуга Двух Святых Мест».

Могущество, религиозное влияние и престиж османского султана не оставили ему соперников в его титуле «Халиф Бога

на земле» — за исключением далекого Марокко и Индии. Последний потомок багдадских халифов из династии Аббасидов был государственным чиновником мамлюкского султана в Каире и умер там в полном забвении в 1543 году¹¹. После 1517 года (но не раньше) Константинополь стал столицей ислама. В официальных списках городов Османской империи за ним следовали бывшие династические столицы Эдирне и Бурса. Они предшествовали святым городам Мекке, Медине и Иерусалиму. Бывшие мусульманские столицы — Дамаск, «который воскурял бальзам рая», Багдад, «дом спасения», и Каир, «несравненный», — стали по значимости седьмым, восьмым и девятым городом.

Старший потомок Пророка, эмир и шариф Мекки, отослал Селиму I ключи от самой большой мечети Мекки, во дворе которой хранилась Кааба — священный черный камень. Власть османов куда больше, чем солидарность мусульман, побудила шарифа Мекки покориться султану без единого выстрела. Он нуждался в египетском зерне, чтобы кормить свой Хиджаз, и в османской защите от претензий Португалии, желавшей контролировать Красное море и стремившейся завоевать Мекку со своих баз в Индии. В свою очередь, престиж шарифов настолько впечатлил османов, что они получили больше привилегий, чем имели при султанах Египта¹².

С возвращением процветания и расширением империи население Константинополя быстро стало расти. С 80 000 в последние годы правления Мехмеда II Фатиха оно достигло примерно 400 000 в 1530 году. Строительство мечетей соответствовало росту населения. Когда бы ни появлялись константинопольские мечети, они строились в том же самом османском имперском стиле, из серого камня, добываемого на южных берегах Мраморного моря. Годфри Гудвин говорил, что традиция оставалась «самым выдающимся османским архитектором всех периодов». Чиновники, принцессы, да и сами султаны платили за строительство мечетей. Айя-София была верховной имперской мечетью города с самым большим вакуфом, поддерживаемая поступлениями от городской таможни, главного базара и домов, построенных вне стен города. Сын Мехмеда II Фатиха Баязид в 1500–1506 годах построил мечеть у входа на главный базар. Чтобы еще более возвысить влияние ислама в городе, его внук Селим I и правнук

Сулейман построили мечети на холмах, смотрящих на Золотой Рог: Селимие (1518–1522), Шехзаде (1542–1548) и Сулеймание (1548–1557).

Сулеймание была окружена строем школ, библиотек, лавок и больниц даже в большей степени, чем мечеть Фатих; ее библиотека, а также больница, которая имела репутацию излечивающей всех больных «в течение трех дней», все еще функционируют сегодня. Мечети Шехзаде и Сулеймание были результатом деятельности Синана — главы *Hassa Mimarlar Ocagi*, Императорского Архитектурного управления; он возглавил его в 1538 году и руководил им до самой смерти через полвека, в возрасте 90 лет. Считается, что Синан был армянином из Центральной Анатолии, после мобилизации системой девширме служил сначала янычаром, а потом стал инженером. Он построил или восстановил 477 зданий (из которых 159 являлись мечетями), 319 из них в Константинополе, часто создавая для султана их архитектурные модели еще до того, как начать строительство. Поток приказов, даваемых Синаном на создание новых окон в старой мечети, на устройство дренажа или по поводу нехватки опытных плотников, показывает, насколько глубоко он вникал в детали. Его сохранившиеся здания доказывают, что он был величайшим и наиболее плодовитым архитектором в османской истории¹³.

Императорские мечети не были только местом поклонения: они утверждали в камне ортодоксальность, справедливость, милосердие и щедрость правящей династии. Подобно художественным галереям, организованным современными миллионерами, или мечетям, построенным шейхами Залива, мечети султана напрямую заявляли и оправдывали свое богатство. Согласно оценке XVIII века, они кормили в столице 30 000 человек в день — тем самым обеспечивая невозможность такой ситуации, при которой голод мог бы достигнуть опасного уровня, как в Париже в 1789 году. Западные путешественники соглашались, что — кроме греческих районов — в Константинополе наблюдалось меньше попрошаек, чем в любом другом городе Европы¹⁴.

Османские мечети подкрепляли власть, заявляя о праве султана править как «тень Бога на земле», а также о стабильности и славе его империи. Купол являлся символом имперского единства. Мечети султанов имели больше куполов, чем другие,

только у них было по два или даже четыре минарета, другие мечети никогда не имели больше одного. Чтобы бросить вызов достижениям царя Соломона, Александра Великого и Юстиниана, Сулейман Великолепный, несмотря на огромные сложности и затраты, для строительства перевозил из других районов Константинополя, Александрии или Баальбека* огромные гранитные колонны, чтобы прочие мечети не могли сравниться с величественным интерьером мечети Сулеймание. Сама мечеть, начатая после того, как император Карл V согласился платить ему дань в 1547 году, могла знаменовать торжество по поводу его доминирования в Европе¹⁵.

В 1609 году империя уже была измотана из-за долгих и неудачных войн с Австрией и Персией. Экономика пришла в упадок, и великий визирь, и муфтий просили султана Ахмеда I не строить новую мечеть. И все-таки он настоял — и сам помогал копать котлован под фундаменты. Поэт Кайфер открыл цель построения новой мечети, самой большой в городе, видной всем кораблям, приплывающим с юга:

*Солнце встает и мир раскрывается:
Мечеть прекрасная появляется...
Никто не создал мечети, как эта,
Лишь талант великого султана Ахмеда.
Нет достойнее у народа правителя,
Чем мечети отец, Ахмед-Хан — победитель¹⁶.*

Мечеть султана Ахмеда стала единственной мечетью вне Медины с шестью минаретами. Ко второй половине XVI века в Константинополе насчитывалось 485 мечетей и 4492 масджиды (молелен, не используемых для пятничных полуденных молитв)**.

Константинополь не являлся самым мусульманским городом в мире — но ни в одном городе не было больше мечетей. Часто задается вопрос — куда уходило богатство Османской империи? Ответ один: на строительство мечетей¹⁷.

* Из Храма Солнца, который тысячу лет назад поставлял колонны для собора Святой Софии. (Прим. авт.)

** Для сравнения: в Лондоне в XVI веке насчитывалось около 100 церквей, в Париже в XVII веке — 162 церкви и часовни. (Прим. авт.)

Деревянные стены домов, выступающие верхние этажи и занавешанные окна — чтобы не позволить мужчинам с улицы увидеть женщин внутри — придавали улицам Константинополя «уникальный образ тайны и унылости». Более того, Императорское Архитектурное управление было обязано уважать уединенность, требовавшуюся исламом. Частные дома строились небрежно, так же, как мусульманские надгробные плиты были разбросаны на кладбищах. В некоторых районах улицы были настолько извилистыми и узкими, без всякой системы и порядка, что дома обеих сторон почти касались друг друга. Чтобы увеличить уединенность личного пространства, многие улицы завершались *цикмазами* — тупиками. Самая большая улица, Диван Йолу («Дорога ко дворцу»), которая проходила через центр города до самых стен, была сооружена по линии основной артерии столицы Византии, Месе.

В Константинополе не существовало официально спланированных улиц, какие уже появились в Риме, Флоренции и Венеции и которые после 1600 года готовился строить Париж. Не существовало здесь и эквивалента схемы концентрических прямоугольников, по которой после 1421 года закладывался Пекин, новая столица Китая.

Хаотичность города подчеркивалась наличием отдельных холмов южнее Золотого Рога и большим холмом Галаты на другой стороне. Улицы ползли по холмам и долинам во всех направлениях, превращая город в массу искривленных переулков, деревянных домов, стен, садов, кладбищ. Атмосфера беспорядочности османской эпохи сохраняется в нескольких жилых кварталах, таких как район извилистых улочек и деревянных домиков между мечетью Султан-Ахмед и морем. Великий итальянский путешественник и писатель Эдмондо де Амичис, который посетил Константинополь в 1874 году, когда вид большинства кварталов уже сильно переменялся по сравнению с предыдущими веками, писал:

«Улицы, изгибающиеся под невероятными углами, вьются среди невысоких холмов, поднимаются на террасы, огибают овраги, проходят под акведуками, врываются в аллеи, пробегают по ступеням, через кусты, по скалам, развалинам, песку, склонам. Тут и там великий город отступает, как будто дает передохнуть в деревне, а затем снова начинает становиться гуще, живее, более энергичным...»¹⁸

В этом хаотичном деревянном городе комплексы мечетей были единственным элементом городского порядка.

Ортодоксальный ислам довольно аскетичен. В нем мало церемоний и нет музыки. Однако Константинополь привлек также и более эмоциональную форму ислама — движение дервишей с их *текке*, или священными зданиями. Дервиши практиковали суфизм, тягу к мистическому экстазу и растворению в единении с Богом. Этот личный поиск Бога часто принимал форму *зикра* — церемонии вспоминания и повторения Его имени.

Дервиши были организованы в братства под руководством шейхов, посвященные памяти «друзей Бога», которые для некоторых мусульман были эквивалентами христианских святых. Священные здания дервишей обычно строились возле гробницы такого «друга Бога», они имели открытое окно, смотрящее на улицу, — через такое окно прохожие могли оказывать свое почтение. Считалось, что «друзья Бога», такие как Абу Айюб или сам Фатих, существуют возле своих гробниц в «бесконечном мире». Там они обладают властью защищать и оказывать услуги своим последователям в «конечном мире».

Мусульмане наносили частые визиты к их гробницам, чтобы попросить выздоровления от болезни, помолиться за счастливые роды или удачную женитьбу — или просто испытать «духовной ауры» священного места. Как и в христианских странах, здесь играла музыка, дымился ладан, делались приношения: мясо, деньги, платки. Лампа со сладким маслом горела в нише на стене. Цветные лоскутки привязывались к решетке окна или к гробнице, чтобы напомнить святому об ожидаемых благословениях. Люди верили, что камень за гробницей «друга Бога» в Мердивенкое, напротив Константинополя, в Азии, выполнит желание любого человека, стоящего на нем. В XIX веке, как вспоминала англичанка Люси Гарнетт, «*моя знакомая турецкая дама, некая Бесма-Султан, приписывала свое возвышение до исключительного положения законной супруги султана Абдул-Меджида желанию, которое мысленно выразила, стоя на этом камне, — конечно, после возложения своего искреннего подношения на соседствующую гробницу*».

Более крупные *текке* включали отдельные жилые кварталы для семей, холостяков и шейха, молельный зал (*семахане*), где

совершался зикр, библиотеку, столовую и большое здание кухни. Пища в глазах дервишей была священна. В конце ритуала приготовления пищи шейх пел:

Мы следуем суфизму;

мы те, кто обедает за столом Повелителя.

Сделай вечными, о, мой Господин,

эту чашу и этот праздник!¹⁹

Самым влиятельным орденом дервишей в Константинополе был Мевлеви. Его главная резиденция располагалась в месте, которое теперь называется Истикляль Каддеси в Галате (Бей-оглу). Некоторым образом *текке* дервишей становились эквивалентом христианских монастырей, и Мевлеви-ханеси был основан Мехмедом II на месте византийского монастыря — вероятно, чтобы утвердить превосходство ислама над христианством. Там дервиши Мевлеви, носившие особый тюрбан и длинную шерстяную юбку, исполняли (по все еще существующему обычаю) медленный ритуальный танец. С распростертыми руками, закрытыми глазами и головой, склоненной к левому плечу, они вертелись в круге, так что их одежда поднималась вокруг них, «под звуки флейты и тамбурина, в сопровождении монотонного певучего бормотания о единстве Бога и ничтожности земного существования». Их экстаз был настолько интенсивным, что они могли крутиться подряд пятнадцать минут без головокружения и усталости²⁰.

Другой орден, Руфай, или «Рыдающие Дервиши», открыли удовольствие от боли. В их главной *текке* в Ускюдаре на азиатской стороне они устраивали зикр, крича и рыдая с погребальными завываниями: «*Ya Allah! Ya Hu!*» (О, Аллах! О, Он!), поднимаясь и падая, как поле пшеницы на ветру. Когда они достигали исступления, со стены снимались металлические инструменты с острями на луковицеобразных концах. Они нагревались на жаровне до красноты и прикладывались к коже дервиша, вставлялись ему в рот или прижимались к его глазницам. «*Другие выхватывали висевшие на стене кинжалы или угли из жаровни, резали или жгли ими свою плоть. Некоторые падали, побежденные собственным возбуждением, на руки братьев; в итоге все, окончательно измотанные и без сознания [а также истекающие*

кровью], валились на пол». Считалось, что дыхание их шейха, свя-
тые слова, которые он издавал, залечивают все раны.

В XIX веке ложа Руфай, заполненная «ужасными инструмен-
тами», напомнила Теофилю Готье о камере пыток инквизиции.
Но он смотрел на это явление через ироничные персидские гла-
за. Для дервишей их боль символизировала отречение от личной
воли и материального мира. Их шрамы представлялись «роза-
ми», подводящими их к более близкому общению с «розовым
кустом» — самим Аллахом²¹.

Церемонии дервишей и их пыл, их «ужасающий вой и вопли»
вызывали неодобрение улемов мечетей. Их подозревали в ерети-
ческих и противных вере практиках. Многие из их утверждений
связывались с ересью шиизма — конкурирующей формы ислама,
вдвойне ненавистной после того, как в 1506 году ее приняла в ка-
честве государственной религии Персия, давний враг империи.
Один дервиш, Измаил Машуки, известный как «мальчик-шейх»,
собирал тысячи людей в Айя-Софии. Встревоженный его экс-
татическим мистицизмом, муфтий приказал казнить его в 1529
году в возрасте 21 года. Но даже места, где закопали его голову
и туловище, стали центрами паломничества.

Со своей стороны, дервиши гордились своей тайной связью
с Богом и часто смеялись над тем, что они считали невежеством
и лицемерием улемов. Один дервиш записал: «О, ортодоксаль-
ный учитель, для меня мечеть и таверна — это одно и то же. Го-
лос благочестия и крик пьяного — это одно и то же!» Суфизм во
многом больше, чем мечеть, удовлетворял тоску мусульман по
единению с Богом. Сам Баязид II был суфием, который привел
в Константинополь орден Хальвети и выстроил ему здание на
месте бывшего православного монастыря. Хальвети специализи-
ровались на одиночестве и молчаливом уединении в кельях без
окон, с малым количеством еды и сном по возможности: дервиши
этого ордена покидали келью, только чтобы пройти в мечеть по
коридору, ограждающему их от контакта с людьми.

К XIX веку в Константинополе располагалось 300 *текке*
и 37 активных братств, большинство мусульманских мужчин
присоединялось к какому-нибудь из них. В *текке* могли соче-
таться современная опера, клуб для общения и школа фитнеса.
Один дервиш хвалил умения своего наставника в строчках, ко-
торые выражают силу суфизма:

*Учитель мой и господин, о Закири,
Ему достойного в искусствах не найти!
Украсил Бог его духовной красотю,
Души его коснулся он рукою.
До горизонта долетает весть о нем,
Хусейна он достойнее во всем.
Проводит он в молитвах дни и годы,
Он праведник в сознании народа.
Он радость тех, кто любит ритм и слово,
Ислама твердая и верная опора²².*

Главнейшими религиозными обязанностями мусульман были паломничество в Мекку, подаяние, пост во время Рамадана, провозглашение веры в Аллаха и, кроме прочего, молитва пять раз в день — до зари, в полдень, тремя часами позднее в середине дня, вечером перед заходом солнца и примерно через час после захода. Верующих призывал к молитве муэдзин, который ходил по открытой галерее на минарете, построенной специально для того, чтобы призыв был услышан во всех направлениях:

«Бог велик. Свидетельствую, что нет бога кроме Аллаха. Свидетельствую, что Мухаммед Пророк Аллаха. Идите на молитву! Идите, чтобы спастись! Бог велик. Свидетельствую, что нет бога кроме Аллаха».

В тишине улицы возле мечети он может оглушить и сегодня. До XIX века в городе было мало повозок и лошадей. По словам британского путешественника, доктора Мериона, улицы были «столь тихими, что в 1810 году голоса людей было слышно, как в комнате»; призыв муэдзина на молитву оставался одним из самых громких звуков в городе.

Само время было исламским. Для мусульман и евреев часы дня отсчитывались не с середины ночи, а с захода солнца. Полночь для них была скорее сменой времени на вечер, а не фиксированным моментом ночи. Муэдзины служили людям вместо часов: звук их призыва на молитву оставался стандартным средством проверки времени. Несмотря на присутствие в Галате семейства часовщиков и наличие других иностранцев (в начале XVIII века среди них был и отец Жана-Жака Руссо), а также импорт при-

боров для измерения времени, только самые богатые мусульмане имели механические часы, да и они часто ломались.

До падения империи ислам не только размечал часы, но и распорядился их заполнением. Хотя Коран был написан по-арабски, на языке, из которого лишь немногие говорящие по-турецки понимали больше, чем несколько слов, многие мусульмане выучивали его наизусть. Эвлия Челеби, например, мог быстро процитировать его за семь часов, не торопясь за восемь; в качестве награды за усердие он стал мусахибом, или управляющим двором во дворце. Цитирование Корана было принципиальным развлечением мусульманского города. Новый чтец Корана принимался, как большая радость, и оценивался константинопольской публикой так же, как новый оперный певец в Милане. Мусульмане оставляли все свои дела, когда слышали призыв к молитве. Мураджа д'Оссон, рожденный в Константинополе армянин и один из величайших историков Города, записал:

«Если вы не видели этой нации на ее собственной земле, вы никогда не придете ни к какому иному выводу о ней, кроме ущербной мысли о постоянном и скрупулезном контроле, над мужчинами и женщинами, высшего и низшего классов, священников и мирян, отсчитывавших в день свои пять намазов [молитв]. Можно сказать, что это огромное население не что иное, как один религиозный порядок».

В ночах Рамадана, когда мечети были забиты верующими, а их купола и минареты очерчивались свечами, город пылал исламом. Эффект этот невозможно сравнить с современной иллюминацией Рамадана, которая соревнуется с рекламой и уличным освещением. Ночь Рамадана была «ночью власти», более яркой, чем тысяча лун. Айя-София, переполненная правоверными, освещалась так ярко, что мерцала в ночи, как метеор. В этом городе веры не оставалось места для скептиков. Лютфи Токади, один из первых библиотекарей в библиотеке Фатиха, протезе Завоевателя и выдающийся математик, не скрывал насмешек над религиозными предрассудками. Его казнили в 1494 году по приказу Баязида II перед огромной толпой на ипподроме по обвинению в равнодушии²³.

Ислам также дал османской династии ореол святости. Внутри мечетей *хутба*, или проповедь после молитвы, читалась от имени султана. С начала XVII века и до конца империи часть

ритуала коронации султана заключалась в том, чтобы опоясаться мечом с рукояткой в виде дракона, принадлежавшим Осману, основателю династии. Эта церемония, проводившаяся одним из известных шейхов, обычно великим мастером ордена Мевлеви, проходила на возвышении в главном дворе самой священной мечети города — Эйюп.

Самая крупная ежегодная церемония в Константинополе, отъезд каравана паломников в Мекку 12 реджеба*, тоже связывалась с Османской династией. Караван вел особый чиновник, Сурре Эмини. Каждый год вплоть до Первой мировой войны султан посылал кусок черной ткани, покрытый золотой вышивкой, — чтобы укрыть Каабу в Мекке. Для эмира Мекки посылались золото, письмо, вложенное в четыре шелковых мешка, и плащ из золотой ткани, отделанный горностаем. Эти дары передавались во дворец главным черным евнухом Сурре Эмини. Богато украшенный верблюд, как говорят, происходивший от верблюда Пророка, выносил *махмал* из дворца, за ним следовал еще один верблюд, неся копию седла Пророка, а также еще семь священных мулов с подарками. Процессия сопровождалась чиновниками, охраной, арабскими танцорами, дервишами, разбрызгивателями ароматов, музыкантами с тамбуринами и доброй половиной мусульманского населения города. Все шествовали из дворца по улицам до Бешикташа, где через Босфор будет перекинут первый автомобильный мост. По пути к процессии присоединялись пилигримы. Пока священный верблюд возвращался во дворец — до следующего года, — пилигримы переправлялись в Ускюдар на азиатском берегу, где, провожаемые множеством родственников, прощались с ними, отправляясь в долгий, тяжелый путь к Мекке²⁴.

Одним из принципиальных источников чувства собственного достоинства и народного уважения для османской династии после 1517 года была защита путей паломников в Хиджаз с помощью создания системы гостиниц, организации вооруженного сопровождения и подкупа бедуинских племен. Особый фонд в Константинополе собирал средства из различных источников, включая вакуфы, и каждый год направлял их для церквей и бед-

* Так как мусульманский календарь является лунным, дата праздника сдвигается. (Прим. авт.)

няков в Хиджаз. К XVIII веку на паломничество уходило больше средств, чем содержание императорского дворца, расходы на паломников составляли от 10 до 17% правительственного годового дохода²⁵.

После 1517 года и далее султан и его дворец поднимали свой религиозный авторитет благодаря доставке реликвий Пророка из Каира и Мекки. Реликвии включали плащ Пророка, его печать и мечи, один из его зубов и прядь волос из его бороды. Его стяг из черной шерсти прибыл из Дамаска в 1593 году. Эти реликвии не выставлялись в мечети на поклонение публике — но, как и священная Туринская плащаница, оставались сокрыты во дворце правителя как частные династические сокровища — хотя стяг Пророка, как мы увидим, проносился по улицам Константинополя в моменты наивысшего напряжения. Особый павильон Священного Плаща, облицованный привезенными из Каира мраморными панелями, был построен в третьем дворе императорского дворца возле спальни султана. Сменные чтецы постоянно, день и ночь, цитировали тут Коран. Раз в год, в пятнадцатый день Рамадана, в тайной комнате пажи мыли Священный Плащ розовой водой. Затем туда для поклонения ему допускались члены императорской семьи (мужчины и женщины) в порядке их статуса. Каждому давалась бутылка, содержащая воду, в которой мыли плащ, и кусочек бумаги с гравированным изображением печати Пророка. Затем они мочили бумагу в воде и проглатывали ее²⁶.

Пятничный прием у султана, церемония, позднее ставшая известной как *селямлик*, демонстрировала и его набожность, и его власть над городом. Кроме особо торжественных случаев западные монархи поклонялись Богу в часовнях своих дворцов, видимые только своим двором и ограниченным числом публики. Однако в Константинополе большинство султанов каждую пятницу с волнением шли в общественную мечеть, обычно Фатих или Сулеймание. Луиджи Бацано, бывший паж, описал процессию Сулеймана Великолепного, когда он шел в мечеть:

«Порядок его кавалькады был следующим: первыми шли тридцать носителей жезлов, крича: "*Ottea, ottea, ste chinachera gellar*", что означает: „Вот идет господин наш султан“, нанося яростные удары. За ними следовали пешком около двух тысяч

янычар с мечами, топорами за кушаками и ружьями со стволами длиной в пять ладоней, закинутыми за спину; затем примерно такое же число спаги [кавалеристов] и солаков [телохранителей султана] верхом с мечами, луками и стрелами в седельных переметных сумках. Все маршируют молча, не слышно ничего, кроме топота ног и цокота копыт. Затем проводили пятнадцать или двадцать лошадей под уздцы — все в богатой сбруе, украшенной карбункулами, бриллиантами, сапфирами, бирюзой и крупными жемчужинами, причем седел не видно, потому что они покрыты алым бархатом. Возле самого Великого Турка не едет никто, лишь шествуют четыре грума по обеим сторонам от него, на расстоянии длины пики, чтобы удерживать людей, если только он не позовет одного из пажей или других офицеров побеседовать с ним. Перед ним всегда идут три пажа: один несет его лук и стрелы, другой его саблю, а третий позолоченный кувшин ароматной воды, чтобы умыться у двери великой мечети, войдя в которую он идет на место, приподнятое на четыре локтя, окруженное специальными шторами. Тут он молится один или с одним из своих сыновей. Люди, которые сопровождают его, обычно их около четырех тысяч, находятся внутри мечети, внизу.

Это он прodelьывает каждую пятницу для уболажения своего народа или, как говорят некоторые, и я в это верю, потому что это его обязанность поступать так. Он остается в мечети примерно на два часа, а затем возвращается всегда тем же путем, каким прибыл [обычно по Диван-Йолу], глядя на население с милостивым выражением лица, возвращая всем приветствия, — христианину ли, турку или еврею, мужчине или женщине, немного поворачивая голову то вправо, то влево, давая знак, что узнает тех, кто столпился вдоль дороги. Толпа не снимает головных уборов [как она делала бы на Западе], что кажется неправильным, но лишь склоняет головы. Так Великого Турка все видят каждую пятницу — несмотря на лжецов, которые заявляют, что он вообще никогда не показывается».

Селямлик продолжался в различных формах до 27 февраля 1924 года. В 1573 году французский дипломат Филипп дю Фрессне-Канэй был особенно впечатлен тишиной, окружавшей Селима II. Султан показал, что обладает властью превращать людей

в камень. Его лошади не давали ни есть, ни пить предыдущим вечером, чтобы быть уверенными, что она пойдет «медленным и тяжелым шагом, удобным для величия такого великого повелителя». Для Томаса Уоткинса двести лет спустя селямлик был *«самым великолепным и интересным из всех мною виденных. Богатство и разнообразие костюмов, красота и роскошь упряжи арабских коней, миловидная внешность янычар и бостанджи из корпуса королевских гвардейцев (чи необычной формы шапки из алой ткани особо замечательны) — одним словом, великолепие, новизна, тишина и торжественность этого спектакля не может, как я думаю, не произвести самого сильного впечатления на каждого иностранного зрителя»*²⁷.

Один султан умер во время селямлика. 13 декабря 1754 года Махмуд I, хотя и чувствовал близость смерти, твердо решил идти на пятничную молитву. На пути назад из мечети, в первом дворе дворца, он умер, образно говоря, «в седле»²⁸.

Исламизация Константинополя имела два принципиальных результата. После смерти Мехмеда II осталось совсем мало упоминаний о «нечестивом» султани или об «отвратительном городе». Среди мусульман не могло существовать отрицательной реакции на этот город мечетей и святых. Османский султан, изначально являвшийся относительно светской фигурой по сравнению с халифами Аббасидов или византийским императором, приобрел ауру святости. Его подданные молились за его жизнь и процветание в мечети, на рынке, после еды. Гробницы султанов, построенные по всему городу от Эюпа до Айя-Софии, посещались во время Рамадана и семи святых ночей, как будто они являлись святынями. Османь считались благословенной династией, которой была обещана вечность. Писатель конца XVI века Мустафа Али, в целом не лишенный критического духа, писал: *«Их религиозные убеждения безукоризненны, а их характер — как сияющее зеркало; никогда не случилось, чтобы один член этой знатной семьи когда-либо отклонялся от праведного пути»*²⁹.

Исламизация города внесла также свой вклад в закрытость ума османов. Он тупел от неумеренности религии, как современный ум тупеет от телевидения. В мусульманском Константинополе отсутствовала интеллектуальная оригинальность, дух исследования, свойственный Багдаду или Кордове. Да, он произвел несколько литературных шедевров. Любивший персидскую

культуру Мехмед II привез из Ирана знаменитого философа Насиреддина Туси, чтобы вести с ним старый исламский спор: можно ли примирить религию и философию и необходима ли человеческая логика для постижения Бога. Османские улемы, отрицая точку зрения персов, заключали, что приложение светских методов к религии может привести только к ошибке, и сконцентрировались на узко схоластическом подходе.

После 1454 года книгопечатание изменило лицо Европы. К 1500 году каждый большой город от Оксфорда до Неаполя имел печатный пресс, и публикация стала одной из самых крупных индустрий в Западной Европе. Печатные книги распространяли грамотность, знания и — через замену ручного копирования на тиражирование — дух точности. Однако в 1515 году был издан декрет Селима I, угрожающий смертью каждому, кто занимается книгопечатанием. Возможно, правительство хотело ограничить использование книг только элитой. Улемы могли противиться печатным книгам из-за опасности таковых для общественного порядка и их собственной интерпретации ислама. Молниеносное распространение протестантизма в католической Европе, например, было бы невозможно без 300 000 копий работ Лютера, напечатанных между 1517 и 1520 годами³⁰.

Еще одной причиной для противостояния книгопечатанию стала традиционная связь между исламом и каллиграфией, искусством красивого письма. Из-за того, что Коран — это точное слово Бога, вечное и священное, физический акт написания особенно достойное дело, а воспроизведение слова машиной могло казаться богохульством. Считалось, что сам Пророк произнес: «Хорошее написание выделяет правду». Ни одна мусульманская династия не ценила каллиграфию так высоко, как Османы: многие султаны сами были каллиграфами. Самый великий из османских каллиграфов, Хамдулла аль-Амази (1429–1520), который переписал сорок семь Коранов, работал в Константинополе во время, когда Западная Европа уже всю пользовалась печатными станками. Он имел мастерскую во дворце; его ученик Баязид II чувствовал себя польщенным, беря в руки чернильницу мастера. Стиль, который он создал, известен как «стиль шейха Хамдуллы» и процветал следующие три века.

Существует поговорка: «Коран появился в Мекке, декламировался в Египте и записан в Стамбуле». Перо (часто надушен-

ное, окрашенное и позолоченное) и чернила так же уважались в Константинополе, как в других культурах мечи или копья. «Победоносная армия» каллиграфических надписей покрывает фасады мечетей и дворцов города. Каллиграфы составляли одну из главных городских торговых гильдий и умели производить копии дешево и быстро. Они работали в стилях, которые различались так же сильно, как Дюрер и Клуэ. Еще одни мастера украшали каллиграфические тексты, грунтуя бумагу под мрамор, золотя их или декорируя цветами. Затем листки с текстами вешали на стену в мечетях или в домах так же, как картины на Западе.

По указанным причинам — династическим, идеологическим, коммерческим, эстетическим — не произошла печатная революция в Константинополе. В XVI веке барон де Бусбек, посол от императора Священной Римской империи, внимательно наблюдавший за Городом, записал:

«Ни одна нация не выказала большего стремления принимать полезные изобретения других: например, они присвоили, как свое собственное, использование больших и малых пушек и много других наших открытий. Однако они так и не смогли прийти к печатным книгам и к установлению общественных часов. Они придерживались мнения, что их священные книги, перестав быть неприкосновенными, больше не будут и священными, если окажутся напечатаны; а если они установят общественные часы, то, как они считают, пострадает авторитет их муэдзинов и их древних ритуалов, оказавшись ослаблен»³¹.

Нелюбовь к печати не разделялась немусульманами. В 1493 году «Четыре Столбца»*, свод еврейских законов на иврите, был напечатан Давидом и Самуилом Нахмиасами — как они указали, *«тут, в великом Константинополе, под правлением мусульманина, великого властителя султана Баязида, да пусть живет он вечно, пусть Бог помогает ему и его правление остается благородным!»* То была первая книга, напечатанная в Османской империи; за ней последовали другие — с еврейскими законами и религиозными комментариями к ним.

* На иврите — «Арбаа Турим», комментированный свод повседневных законов еврейской диаспоры в четырех главах («турах»), составленный Яковом бен-Ашером. (Прим. ред.)

В 1567 году в церкви Святого Николая в районе Йеникапы армянином, получившим образование в Венеции, была отпечатана первая армянская печатная книга. Но эта типография просуществовала всего три года, и, после еще одного фальстарта в 1677–1679 годах, с 1698 года Константинополь уже имел постоянно функционирующее армянское издательство — хотя до XIX века оно не могло соперничать с такими центрами армянской печати, как Венеция или Амстердам. Греческое книгопечатание началось здесь лишь с 1627 года — с помощью английского посла и возле английского посольства в Галате. Большинство ранних греческих публикаций были антикатолическими или антиеврейскими трактатами. Издательство просуществовало менее года, пока по представлению французского посла, покровителя католической церкви в Османской империи, его не разгромили янычары.

Однако не существовало ограничений на ввоз книг. Через книги, напечатанные за границей (в основном в Венеции), национальные меньшинства в Константинополе с определенного момента имели более скорый доступ к печатной информации и последним новостям, чем османский правящий класс. Таким образом подрывалось превосходство османской элиты.

Нелюбовь к печати не осталась единственным примером сопротивления улемов распространению знаний. В 1580 году муфтий взбудоражил толпу, чтобы уничтожить большую ультрасовременную обсерваторию, построенную три года назад в Галате для султана Мурада III: муфтий считал ее плохим предзнаменованием и источником бедствий для империи. Следующая османская обсерватория была открыта только в 1668 году. В 1605 году был разбит механический орган, присланный Елизаветой I Мехмеду III, так как нахождение этого инструмента внутри священных границ дворца Топкапи посчитали неприемлемым. В 1716 году муфтий запретил передавать общественной библиотеке книги по истории, астрономии и философии из библиотеки бывшего великого визиря. Создав мусульманский город, османская династия, вероятно, не до конца осознавая это, стала его пленником³².

Константинополь был и остается городом контрастов. Он стал священным городом для мусульман. В то же самое время оставался священным и для православных христиан. Разве по-

следний византийский император не назвал его в речи перед своими войсками *«тем городом, который трижды благословил Константин Великий [святой в православном календаре], основавший и посвятивший его во имя всего святого, самой целомудренной Богоматери, нашей Деве Марии, вечной девственнице?»* Город был благословлен изобилием святых реликвий. Он хранил платье Богоматери и *«Пурпурный плащ, копье, губку и трость [протянутые Христу во время Распятия], что позволяло нам, если мы благоговели перед ними, верить, что мы видим Его, поднятого на Крест»*. Меньшие реликвии включали стол с Тайной вечери, двери Ноевой арки, тело апостола Андрея. Большинство реликвий исчезло при разграблениях в 1204 и 1453 годах — но аура святости осталась³³.

После 1453 года большинство европейцев верили, что государство может процветать, только если оно обладает религиозным единством. В XVI веке «еретиков» сжигали заживо в Лондоне и Берлине, вырезали в Париже, изгоняли из Вены. В 1685 году Людовик XIV изгнал всех гугенотов из Франции; до 1700 года волнующиеся толпы, воодушевляемые королями и королевами Испании, наблюдали, как заживо сжигали еретиков на Плаца-Майор в Мадриде. Однако Османская империя давала религиозную свободу христианам и евреям. Георг Венгерский писал в XV веке: *«Турки не принуждают никого сменить его веру, не пытаются силой уговорить кого-либо, и не слишком хорошо думают о ренегатах»*. В XVII веке, с точки зрения путешественника и писателя монсеньора де ла Мотрэ: *«Не было на земле страны, где все виды религии исповедуются более свободно и меньше являются предметом для беспокойства, чем в Турции»*. Он знал, о чем пишет, так как сам был гугенотом, которого заставили покинуть Францию после 1685 года³⁴.

Момент истины наступил в XVI веке. В 1521 году и снова в 1537 году, во время войны с христианскими армиями, Сулейман Великолепный, сын Селима Явуза, решил обратить всех христиан в мусульманство, а поначалу даже думал убить всех христиан, которые не приняли ислам. «Учредитель Закона», как звали его впоследствии в Турции, не мог понять, почему, если Константинополь отказался сдаться, он сохранил, вопреки святому закону ислама, свои церкви? Но в обоих случаях в государстве сработала система, защищающая статус-кво. В 1521 году

патриарха предостерегли и муфтий, и великий визирь. Адвокат отыскал трех пожилых янычар, которые поклялись, что они видели, как греческая знать сдавала Завоевателю ключи от своих районов в золотой чаше.

Во втором случае местность между дворцом и Айя-Софией была забита мусульманами, христианами и евреями, ожидавшими решения. Патриарх обливался потом, как Христос на Кресте. Однако великий визирь опять поддержал его. Муфтий, как самый высокий мусульманский авторитет, произнес: «Насколько нам известно, Константинополь был взят силой; но тот факт, что церкви остались нетронутыми, должен означать, что город сдался путем капитуляции». Султан вынужден был отступить³⁵.

Большую часть османской истории население Константинополя оставалось мусульманским на 18%, а на 42% являлось христианским и еврейским — вероятно, в результате целенаправленной правительственной политики (такая же пропорция населения наблюдалась в других османских городах). Правительство не проводило попытки обратить немусульман силой: христиане платили более высокие налоги, чем мусульмане, а османское правительство было больше заинтересовано в получении доходов, чем в спасении душ. В 1547 году в Константинополе работало шестьдесят семь церквей, а еще десять (в основном католические) — в Галате. К 1640 году францисканцы, доминиканцы, иезуиты и капуцины, столпы контрреформации, имели по церкви в Галате. Католические уличные процессии, включая публичные бичевания, происходили на Рождество и на праздник Тела Христова.

Православная церковь играла более заметную роль в жизни города. Каждое Крещение (6 января) перед возбужденной толпой в районе Арнавуткёй или Тарабья, где жили в основном православные, епископ освящал воды Босфора. Затем священник изо всех сил бросал в море греческий крест. Полуголые мужчины ныряли за ним под приветствия и крики наблюдавшей толпы греков в лодках. Пловец, который нашел крест и удержал его, не отдав соперникам, впоследствии зарабатывал большую сумму денег,нося его от дома к дому, и считался счастливым весь год. За три дня каждой Пасхи, как школьникам, отпущенным из школы, грекам позволялось танцевать на улицах по преимуществу греческих районов Фанар и Пера. Согласно хроникеру Дапонтесу,

великий визирь сам иногда приходил посмотреть на танцующих, «и в Константинополе на эти три дня наступало одно сплошное веселье и один сплошной праздник».

Избрание нового патриарха советом митрополитов и знати оставалось регулярным, но очень дорогостоящим событием — османские власти постоянно требовали все более высоких вознаграждений. Существовало так много кандидатов, рвущихся к управлению, что между 1595 и 1695 годами произошла шестьдесят одна смена патриарха, хотя патриархами стали только тридцать один человек³⁶.

Многообразие индивидуальностей было сутью Константинополя; оно приобрело символическое выражение в обряде возвращения нового патриарха из дворца султана после получения своего *берата* (свидетельства) о назначении. Сопровождаемый православными священниками на лошадях и османскими янычарами, он был одет в яркий османский кафтан поверх черного православного облачения. Перед церковью один из секретарей великого визиря зачитывал приказ о назначении патриарха, а затем вел его в неф к патриаршему трону (сделанный из дерева, инкрустированный перламутром и слоновой костью, он представлял собой такой же османский предмет, как и кафтан). После богослужения его поздравляли прежние патриархи и митрополиты. Верующие, наполнявшие церковь, целовали руку нового патриарха, получали благословение и зажигали свечи в честь события.

Патриарху, наследнику части тайн византийских императоров, служили его придворные и чиновники. Великий экономер ведал финансами и обширными владениями Церкви, великий логофет являлся хранителем печатей, великий секретарь вел погречески переписку патриарха с османскими властями. Все эти старшие чиновники были, как правило, богатыми мирянами, но сам дом патриарха обслуживали монахи. Главной тенденцией была простота. Около пятнадцати священников и монахов садились за стол с «Его Святейшеством». Обычно он носил монашеское платье и фетровую шапочку, а штат обращался к нему без робости³⁷. Его домашнее хозяйство финансировалось из вознаграждений за венчания, крещения и рукоположения, пожертвований от христианских семей и доходов от епархий.

Влияние Вселенского патриарха простиралось дальше, чем у султана, — в независимые православные государства Грузии

и Московия. Если один паломнический путь уводил мусульманина из Константинополя в Мекку и Медину, другой приводил христиан в Константинополь из Святой Руси. Они приходили сюда не только потому, что через город лежал путь в Иерусалим, но и чтобы почтить сохранившиеся тут гробницы и реликвии. Город был также местом регулярных соборов православной церкви, часто посещаемых младшими патриархами Александрии, Антиохии и Иерусалима. Они часто жили в Константинополе. Например, в день Пасхи 1704 года все четыре патриарха собрались в городе на мессу.

Династические связи с Россией укрепили судьбу православных в Константинополе. Племянница византийского императора Зоя Палеолог, воспитанная папой, в 1472 году вышла замуж за Ивана III, великого князя Московского. Претензии русских, как последней великой православной силы, на то, что они являются Третьим Римом и наследниками Византийской империи, от этого еще более укрепились. В 1498 году великий князь был коронован — впервые как царь, или цезарь, используя вариант византийской коронационной церемонии. Двухглавый орел Византийской империи теперь распростер свои крылья на царском гербе. В 1516 году Вселенский патриарх Теолепт I намекнул царю, что можно создать русско-византийскую империю³⁸.

Одному Вселенскому патриарху, Еремии II Великому, позволили путешествовать в поисках средств. В Москве в 1588 году он заявил царю: *«С тех пор как из-за ереси Аполлинария пал первый Рим, а второй Рим, то есть Константинополь, удерживается неверными турками, то твое великое Русское царство, благочестивый царь, которое более благочестиво, чем предыдущие, и есть третий Рим... и ты один теперь под небесами называешься христианским императором для всех христиан всего мира»*. Ясно, что у патриарха не было возражений, чтобы «император всех христиан» изгнал «неверных турок». Но в XVI и XVII веках Османская империя была слишком сильна для царей, чтобы претендовать на ее территорию; более того, цари сосредоточились на возвращении земель, захваченных Польшей и Литвой на западе. Однако в европейской истории появилась сцена для одной из драм XIX и начала XX века, когда Россия двинулась на юг, сначала к Черному морю, затем на Балканы и к финальному призу, «русской крестильной купели» — Царь-

граду, городу императоров. Патриарх Константинополя являлся одним из авторов этой драмы.

Еремия II также возобновил греческое образование, в 1593 году решив создать школы для изучения «богословских и эзотерических священных книг для тех, кто хочет учиться и познавать». Лучшей школой, открывшейся для греков, которую посещали многие их религиозные и интеллектуальные лидеры, была Патриаршая академия, прямое продолжение Константинопольского университета, существовавшего до 1453 года³⁹.

Связи между Константинополем и Россией привели к одной из четырех смертей Вселенского патриарха в Османской империи. Царь Алексей, отец Петра Великого, был одним из самых могущественных царей после Ивана Грозного, и в Константинополе оживились надежды православных. В 1650-х годах за него и его жену молились в патриаршей церкви, и он пообещал «до последней капли» крови освободить греков. 21 марта 1657 года по приказу великого визиря патриарх Партений III был повешен на городских воротах за то, что написал королю Валахии, сообщая, что эра ислама приближается к концу и что вскоре «владыки креста и колоколов станут владыками империи». С тех пор, как знак презрения, патриарх получал формальное введение в должность от великого визиря, а не от султана⁴⁰.

Не только терпимость, но и напряженность отмечали религиозную жизнь Константинополя. Мусульмане часто выражали презрение и недоверие христианам. Хока Садеддин, наставник Мурада III и Мехмеда III, хвастал, что *«церкви, которые находятся внутри города, освобождены от их отвратительных идолов и идолопоклоннических нечистых, и стерты их образы, а вознесение исламской молитвы из убежищ и с кафедр многих монастырей и часовен стало предметом зависти садов Рая»*. Повторенная переделка церквей (в общей сложности сорока двух) в мечети утверждала верховенство ислама. Турки заштукатуривали христианские мозаики и фрески, убирали иконы и делали овальные молельные ниши, смотрящие на юго-восток, на Мекку, вместо прежних высоких алтарей, смотрящих на юг, на Иерусалим. В 1490-х годах поздняя византийская церковь Святого Саверия в Хора, с ее несравненными мозаиками о жизни Христа, стала Карийе-Ками. В Галате в 1545 году собор Святого Михаила был снесен Рустемом-папой. В 1586 году резиденцию самого патри-

арха, блистательную церковь Паммакарistos, переделали на основании того, что когда Мехмед II посещал патриарха Геннадия, он молился тут.⁴¹ Ее переименовали в Фетхие-Ками, Мечеть Победы, так как империя только что завоевала Азербайджан*.

После дальнейших странствий патриарх остановился возле церкви Святого Георгия в районе Фанар, где он и остается. Согласно одному рассказу, султан послал архитекторов, работавших на мечети Султан-Ахмед, чтобы восстановить и реконструировать церковь. Нынешняя резиденция патриарха — это трехэтажное деревянное здание, хорошо спрятанное за внешней стеной двора. Низкая, без видимого купола, материнская церковь православного христианства меньше, чем большинство английских приходских церквей. Основные украшения — резной деревянный иконостас внутри и двуглавый орел Византии снаружи. Это составляет удивительный контраст с великолепием султанских мечетей в Константинополе и католическим аналогом — собором Святого Петра в Риме.

Теоретически, согласно исламскому закону, никаких новых церквей в мусульманском городе строить было нельзя. Перестраивать церковь тоже было нельзя — если только местные мусульманские старейшины не подтвердят, что она уже существует на месте, и официальный архитектор проверит, что перестройка не увеличит ее. В реальности греческие деньги и решительность часто преодолевали османские правила. Старые церкви пропадали, новые строились. Без высоких колоколен и заметных куполов им приходилось соблюдать осторожность: даже сегодня церкви, построенные до 1800 года, прячутся за стенами и невидимы с улицы. Церковные колокола были запрещены: верующие созывались ударами по бруску из дерева или железа или криком вдоль улицы. К XVIII веку в городе насчитывалось сорок православных церквей, из которых только три были построены до завоевания**. С 1453 года до настоящего дня в Константинополе

* Остальные церкви переделывали в мечети в 1617, 1640, 1695 годах. Одна церковь, уцелевшая без разрушений с 1453 года, — это маленькая церквушка Святой Марии Монгольской над Фанаром, которая все еще хранит на своей стене охранный императорский фирман. (Прим. авт.)

** За всю византийскую историю города в нем насчитывалось порядка 450 церквей. (Прим. авт.)

построено пятьдесят пять новых армянских церквей, некоторые еще в XVI веке.⁴²

Напряженность между мусульманами и христианами могла вести к отдельным неприятным инцидентам. Обычно причиной становилась не исходная вера, а обвинение в отвержении ислама и переходе в христианство. Отречение от ислама, согласно Корану, наказуемо смертью. Османские власти часто вынуждали и подталкивали христиан симулировать принятие ислама; но часто христиане не уступали. Следующий инцидент, записанный габсбургским дипломатом бароном Вратиславом в 1599 году, является примером христианской твердости под давлением мусульман.

Греческие юноша и девушка полюбили друг друга. Юноша уехал из Константинополя, чтобы купить на Крите лучшего сладкого вина для свадьбы. Однажды, когда девушка шла в баню без покрывала — на улице мусульманские женщины появлялись «полностью укутанными», — ее увидел пожилой турок. Воскликая «О, какая красивая и милая девушка!», он влюбился. Так как он был богатым гонцом при дворе султана, он смог посадить в тюрьму ее семью и жениться на ней. Оставаясь христианкой в сердце, девушка стала мусульманкой.

Когда ее любимый вернулся, они начали тайно встречаться в беседке в саду ее мужа. Она давала ему деньги. В конце концов, муж их обнаружил — «так как все здесь можно получить за деньги» (замечание, делавшееся большинством иностранных комментаторов в Константинополе). Разъяренный муж приговорил их к смерти за адюльтер. На пути на казнь юноша выглядел таким красивым, что начальник императорских гонцов предложил спасти ему жизнь, если он станет мусульманином. *«Но молодой человек не позволил себе слабости и ответил, что он появился от христианских родителей, был крещен и воспитывался как христианин, и умрет тоже как христианин».* Так как его отказ также решал и ее судьбу, его любимая умоляла его «самой чистой возможной мольбой» обратиться. Его твердость заставила ее разразиться оскорблениями: «Собака! Предатель! Язычник! Еврей! Умирай, раз ты заслуживаешь умереть». Под конец она прокляла день, когда встретила его. Толпа мусульман, симпатизировавшая молодым влюбленным, также умоляла его принять ислам. Он сопротивлялся. Он страдал три дня, «вися на крюке»,

пока кто-то не сжалился над ним и не застрелил его. Ее вывезли в море, столкнули с лодки и удерживали под водой, пока она не утонула — отнюдь не единственная женщина в Константинополе, для которой Босфор стал водяной могилой⁴³.

Случалось много таких трагедий. В конце XVII века как-то услышали, что греческий юноша имитирует призыв муэдзина к молитве. Ему, нечаянно повторившему таким образом действие, дозволенное лишь мусульманину, турецкие свидетели предложили жить как мусульманину. Когда он отказался, его посадили в тюрьму и в конце концов казнили — прославляемого греками как еще одного мученика.

Вид мечетей и крик муэдзина делали ислам видимым и слышимым по всему Константинополю. Однако под поверхностью торжествующего ислама прятались воды христианского мира. Концепция святой воды или святых источников происходит от первобытной ассоциации воды с жизнью и очищением. Она не ограничивается православием: существуют католические святые источники в Ирландии и Франции. Паломники в Египет верили, что болезни можно вылечить, выпив воды из водоема позади гробницы Абу Айюба. Однако ни один город не имел столько святых источников, как Константинополь. Обычно создаваемые мирянами, они несли свидетельство христианского пыла — и того факта, что османские правила не распространяются под поверхностью земли.

Святая вода, как аура у гробниц мусульманских «друзей Бога», считалась приносящей удачу и эффект выздоровления. В праздничный день святого, в честь которого источник (*аязма*) был назван, сюда прибывали паломники и молились. Затем они пили святую воду, омывали в ней лица и волосы, лили на одежду. Потом они ели, танцевали или боролись. Вплоть до последнего века новые источники находились по всему городу, под частными домами, возле мечетей, даже рядом с дворцом султана. Греческий историк Николаос Аджемоглу, президент Константинопольского Общества в Афинах, насчитал их 514⁴⁴.

Самый знаменитый аязма находился за городскими стенами, во дворе почитаемой православной церкви Владычицы Рыб (Балыклы), основанной в V веке. По легенде, в 1453 году монах жарил тут рыбу, когда ему сообщили, что город пал под натиском османов. Монах заявил, что это так же невозможно, как если бы

рыбы на его сковородке внезапно ожили — и тут наполовину зажаренные рыбы выпрыгнули со сковороды в водоем. Этим рыб с подгоревшим боком, чудесным образом сохранившихся, якобы можно увидеть на дне водоема, куда ведет длинная вереница ступеней. Многие верили, что когда рыб зажарят до конца, город снова станет христианским*.

Целые семьи приходили попросить Владычицу Рыб за детей, а больные паломники в поисках излечения босиком приходили сюда раз в неделю. Во дворе церкви продавались серебряные глаза, зубы или руки, чтобы прикреплять их калекам на соответствующие места. Если паломники видели рыбу в водоеме, они кричали от радости. Священники выливали на них кувшин воды в ответ за соответствующее вознаграждение. Икона Владычицы Рыб регулярно обносилась вокруг города, принося покой больным и благословение вновь построенным домам.

Константинополь был не только городом контрастов. Дворец, особенно в период космополитического правления Мехмеда II, являлся одним из элементов связи между Востоком и Западом. Другим элементом была народная религия. Константинополь стал одним из немногих городов, где ислам и христианство сосуществовали несколько веков почти в равной пропорции. Неудивительно, что две религии влияли друг на друга. Балыклы, например, почитался и мусульманами, и христианами. В 1638 году султан Мурад IV, как говорят, просил монахов помолиться за его победу над персами. В день, когда они молились, он взял Багдад.

Праздничный день Владычицы Рыб имел место в первую пятницу после Пасхи. После процессии вокруг монастыря, согласно одному обезоруживающе снобистскому рассказу XIX века, «все сидели на открытом воздухе, наслаждаясь невинными человеческими удовольствиями», — пищей, выпивкой и танцами. Толпа, состоявшая из богатых и бедных, мусульман и христиан, болгар, армян и католиков, иногда становилась столь большой, что казалось, здесь присутствует весь город⁴⁵.

Другие святыни также привлекали людей различных верований — особенно женщин. Из водоема под Жемчужной беседкой

* Во время посещения лишённой поклонения святыни в апрельское воскресенье 1992 года я не заметил в водоеме никаких рыб. Они что, в конце концов умерли? (Прим. авт.)

внутри дворца вода поступала в фонтан Христа Спасителя между стенами дворца и морем. На праздник Преображения каждого 6 августа христиане приплывали на лодках, чтобы окунуться в фонтан; затем они танцевали под звуки труб и барабанов, а также плавали в море. Из-за зарешеченных окон султан, любивший атмосферу карнавала, бросал монетки своим христианским подданным. Другие святые источники, такие как источник Иоанна Крестителя в Айя-Софии, контролировались мусульманскими чиновниками, которые жили за счет продажи святой воды христианам.

Хотя тому нет строгих доказательств, определенные мусульманские церемонии, похоже, отражали влияние христианства. Формализация в 1588 году церемонии Мевлуд, или дня рождения Пророка, которая почти всегда проходила в мечети Султан-Ахмед, могла отражать соперничество с христианским празднованием Рождества. Почитание дервишами святых, порицаемое многими ортодоксальными мусульманами, показывает явные следы христианства и дохристианских практик. Орден Бекташ, к которому относилось большинство янычаров, почитал Аллаха, Мухаммеда и его зятя Али как святую троицу. Называя себя «мотыльками в святом огне», бекташи пили вино. В полном контрасте с церемониями в мечети их ритуалы допускали участие женщин — и в некоторых случаях подразумевали пару мужчины — женщины⁴⁶.

Со своей стороны, в то время как западные путешественники обычно находили возможным посещать мечети, христиане Константинополя редко входили в них. Однако хотя хамамы и имареты строились возле мечетей для благотворительных целей мусульман, христианам и евреям позволялось пользоваться ими.

Христианские, еврейские и мусульманские женщины приходили к гробнице Хелваси-Бабы в мечети Шехзаде возле Фатиха. Они приносили сюда детей-калек, ища для них исцеления; молодые девушки и вдовы приходили в поисках мужа или молили о месте, где им жить. В зависимости от объекта их желания они давали муэдзину детский чепчик, белый платок или ключ от дома. Держа предмет, доверенный ему, муэдзин издавал призыв к молитве с вершины минарета. Даже сегодня христианские женщины жертвуют петуха мусульманскому «другу Бога», Самбал Синану, в мечети Коса Мустафа-паша. В то же время мусульма-

не приходят в армянские церкви Сурб Хирешдагабет или Сурб Геворк (Святой Георгий) в Балате, и даже проводят там ночь, чтобы вылечить от эпилепсии детей или проконсультироваться с медиумом⁴⁷.

Члены различных конфессий пользуются судами друг друга, так же как и поклоняются святым друг друга. Христиане часто обращались в мусульманские, а не христианские суды в случае женитьбы и в вопросах наследования. В начале XIX века они также иногда пользовались еврейскими судами, а некоторые мусульмане использовали суды патриарха. Евреи часто пользовались мусульманскими судами, чтобы избежать строгости судов раввинов, — несмотря на протесты раввинов, что такие действия отрицают обоснованность еврейского закона⁴⁸. Каждодневная жизнь и нужды обычных людей смягчали барьеры между религиями в Константинополе. Коллективная память и состояние ума города требовали инстинктивной терпимости и принятия других религий. Расчет Завоевателя на то, что многоконфессиональной столицей будет легче править, оказался верным. Рознь могла выражаться в словах — но она редко выражалась в действиях.

Глава 3

ДВОРЕЦ

Великий Владыка... сидел в своем громадном имении, и все-таки его вид был ничто в Константинополе на фоне зданий, стоявших за ним, — вид которых почти заставил меня думать, что я нахожусь в другом мире.

Томас Даллам, 1599 год

Константинополь являлся синонимом имперского великолепия. А источник этого великолепия находился во дворце, построенном на восточной оконечности полуострова, где встречались Босфор, Золотой Рог и Мраморное море. Расположенный на краю Европы, дворец имел внушительный вид со стороны Азии. Это было подходящее место для «Завоевателя Мира».

С суши и с моря дворец был окружен высокой зубчатой стеной. Большая часть стены со стороны моря разрушена. Однако стена со стороны суши все еще карабкается от Мраморного моря, через один из холмов, на которых построен Константинополь, вниз к Золотому Рогу. Посередине стены портал с башней из серого мрамора, Императорские Ворота, уводят посетителя от шума города в тишину деревьев, обрамляющих двор. Это первый из трех дворов, вокруг которых построен дворец.

Подобно многим зданиям в Константинополе дворец Топкапы, как его сейчас называют (по имени одних из ворот, *Тор Капи*, или Пушечные Ворота), обязан своим существованием Мехмеду Завоевателю. Начатый в 1459 году, дворец был закончен в 1478-м. Так как в центре города уже был построен один дворец, его официальным названием стало Новый Дворец. До отъезда султана и его домочадцев в XIX веке в первом дворце находились внешние службы: оружейный склад, расположившийся в древней византийской церкви Святой Ирины, посвященной миру; конюшни на 4000 лошадей; монетный двор; больница; беседка для составления получаемых петиций и раздачи декретов или *фирманов* султана. Подобно дворцовым комплексам в за-

падных столицах, первый двор был открыт для всех, даже для иностранцев. С другого берега Золотого Рога он казался полуостровом павильонов, окруженных деревьями и садами, каскадами спускающихся к морю: его окна сравнивали с императорскими глазами, наблюдающими за миром вне дворца. Внутри этого двора, однако, комплекс выглядел мешаниной зданий, которые большинство посетителей считали недостойными султана. Единственным наглядным элементом великолепия являлся размер двора и присутствие большого числа богато одетых военных — а также экзотических животных, включая случайных леопарда и слона¹.

Только султану позволялось въезжать на лошади через вторые ворота, Ворота Приветствия, во второй двор. Полный фонтанов и кипарисов, он представляет собой сад — пространство, на котором людей с одной стороны не слышно на другой. Двор окружен рядом низких сводчатых зданий с широкими карнизами. Отражая навязчивую идею османов по поводу правил и границ, каждое здание задумывалось отдельно для особой функции. В них располагались жилые помещения для различных групп домашней прислуги — например для «дровосеков, которые прикрепляли к своим волосам длинные локоны, чтобы не позволить им даже мельком заметить женщин, когда они поставляли дрова в гарем». Здания здесь были скорее обычного городского, нежели дворцового типа — по контрасту с пышностью архитектурного единства таких архитектурных сооружений, как Лувр, Дворец Дожей в Венеции или имперские мечети.

Как большинство дворцов монархов до XVIII века, дворцовый комплекс содержал и государственные офисы, и жилища семейства монарха. Слева во втором дворе находился один из правительственных центров Европы, Великий Диван — помещение, где великий визирь с другими визирями обсуждали политику и решали тяжбы после утренних молитв четыре раза в неделю. Теоретически каждый османский подданный, любого пола, расы, ранга или религии, мог подать в Диван свою жалобу. Сюда, например, приходил патриарх в 1521-м и 1537 годах, чтобы спасти церкви города. При быстрой реакции и простоте османского правительства истец действовал как собственный адвокат: дела разрешались на месте. Османская бюрократия могла быть медленной, но ее система законов — нет. На другой стороне двора находились

высокие здания дворцовых кухонь — настолько эффективных, что могли накормить 12 000 человек одновременно.

В конце второго двора находились ворота, называвшиеся Баб-и-Али, или Высокие Ворота, которые западные европейцы часто называли *Sublime Porte* — Величественные или Блистательные*. Это строение из колонн с широкой выступающей крышей, характерной для турецкой архитектуры; под ней ставили трон султана во время приемов, чтобы отметить великий мусульманский праздник Байрам в конце Рамадана. Позади них находилась тронная комната султана.

Тут, в самом центре дворца, находилось сердце, двигавшее всеми жителями империи, от султана до самых ничтожных его слуг, создававшее власть и великолепие Османской династии. До 1453 года в Бурсе и Эдирне османский двор оставался относительно скромным. Христианский пленник, брат Георгий из Мюленбаха, записал: «Тут нет признаков тщеславия или излишеств... Великие властители и принцы выказывают такую простоту во всем, что их невозможно отличить от толпы». Султан посещал мечеть с двумя пажами и молился на коврике на полу, рядом с другими мусульманами. Константинополь, однако, требовал других стандартов. На Мехмеда II оказывали влияние урожденные греки — писцы и паши, а также их воспоминания о благоговейном церемониальном окружении полусвятой фигуры императора, «тринадцатого апостола» (двое из пашей Мехмеда II были родственниками последнего византийского императора, обратившимися в ислам). Принцы-перебежчики, без сомнения, рассказывали султану о помпезности персидских дворов. Кроме прочего, Мехмед II хотел видом своего дворца выразить свой образ как падишаха, цезаря, великого хана².

Династический свод законов, или *канун-намэ*, Мехмеда II (вероятно, написанный в 1477–1481 годах) отменил такие обычаи, как появление султана на пятнадцать минут каждый день на рассвете, чтобы съесть церемониальную пищу в присутствии своих войск: «*Это мой приказ, чтобы никто не обедал с моей знатной*

* Позднее переименованные в Баб-и-Саадед, или Ворота Счастья, в то время как название Баб-и-Али трансформировалось в резиденцию великого визиря вне дворца. В результате *Sublime Porte* (Блистательная Порты) стало синонимом османского правительства. (Прим. авт.)

особой, кроме членов моей семьи. Говорят, мои великие предки обедали со своими визирями; я отменил эту практику».

Сначала султан сидел в Диване со своими визирями. Однако, как говорят, однажды во время правления Мехмеда II сюда ворвался податель петиции и спросил: «Кто из вас счастливый правитель?» Оскорбленный султан с тех пор обычно посещал Диван «за занавесом» — сидя в алькове, обращенном в сторону комнаты совета. Он был закрыт зеленым шелковым занавесом, так что визири не знали, когда султан слушает³.

Вдобавок к отстраненности султана династическую власть усиливало величие смерти. Существовала османская пословица: «Шея слуги султана тоньше волоса». Властитель часто использовал свою власть над жизнью и смертью своих рабов и своей семьи. Открытие султаном решетчатого окна в Башне Справедливости над залом Дивана во втором дворе или стук ноги в тронной комнате во время аудиенции становились сигналом для казни через повешение, либо смерти от топора или кинжала⁴. Великих визирей иногда убивал сам султан. Одно османское ругательство гласило: «Чтоб ты был визирем Селима» — имея в виду количество визирей, казненных Селимом I. В 1606 году великий визирь Дервиш-паша был задушен императорскими охранниками. После этого, как записал великий хроникер XVII века Наима, «пока ноги еще дергались, император вытащил свой кинжал и перерезал ему горло». Из семнадцати великих визирей между 1644 и 1656 годами только два умерли естественной смертью*.

Большинство османов, однако, считало казнь чиновников свидетельством бдительности султана и его справедливости, а также способом заставлять людей оставаться послушными. Меры воздействия на муфтия не всегда, но тоже, как правило, работали. Хусейн Хезарфенн записал в 1669 году: «Не отменяйте полностью применяемое к ним телесное наказание, так как наказание — это прерогатива владыки»⁵.

Более того, чувство повиновения султану становилось таким неодолимым, что немногие из жертв противились своей судьбе. Если османы шли на войну, как на свадьбу, на казнь они шли, как на свою пятничную молитву. Приказу падишаха следовало

* Всего до 1839 года 32 из 178 великих визирей (18%) умерли насильственной смертью. (Прим. авт.)

повиноваться; его власть была от Бога. Великий визирь однажды спросил дервиша-шейха, кого он считает самым большим дураком: «Вас, всемогущий визирь. Вы сделали все, что могли, чтобы приобрести вашу должность, — хотя вы проезжаете мимо кровотокающей головы вашего предшественника, которая размещена на том же самом месте, что и его предшественника»⁶.

В то время как в Лондоне головы мятежников обычно выставлялись на мосту или воротах города, в Константинополе головы визирей и пашей выставлялись на белых мраморных колоннах в первом дворе дворца — с приложенным указом об обвинении, в некоторых случаях даже подписанным ими самими. Головы меньших чиновников выставлялись в нишах справа и слева от внешнего фасада Императорских Ворот: если казненных было много, груды меньших органов (носы, уши, языки) вываливались на землю перед воротами. Заполнение головы отражало ранг покойного: хлопок — для визирей, солома — для меньших чиновников. Народ Константинополя любил выставку голов, так как она подтверждала их веру, что казненные являлись мерзавцами, жирующими на государстве.

Женщины-преступницы отправлялись на тот свет более неприметно. Их засовывали в мешки, нагруженные камнями, и сбрасывали в Босфор: еще одним географическим преимуществом Константинополя было течение, проходящее через Босфор, которое быстро убирало трупы. Когда дворцовую любимицу XVI века еврейскую деловую женщину по имени Эсперанза Малчи разорвали на куски на улице города янычары, обвинив ее в снижении веса монет, которыми им платили, мать султана Мехмеда III стала распекать его: «Если было решено наказать еврейскую женщину смертью, разве нужно было делать это таким неприличным образом? Почему она не могла быть брошена в море?»⁷

Величие дворца как олицетворения императорской власти достигло своего пика при самом впечатляющем из всех султанов — правнуке Завоевателя, Сулеймане Великолепном. Его правление завершилось превращением Константинополя в синоним пышности, как правление его отца Селима I завершило его трансформацию в святой город ислама. Менее чем через месяц после восшествия Сулеймана в 1520 году на престол один венецианец записал:

«Ему двадцать пять лет, он высокий, но крепкий, с нежным цветом лица. Его шея несколько слишком длинная, его лицо тонкое, а нос орлиный. У него небольшие усы и маленькая борода; при этом у него приятная наружность, хотя кожа бледна. Говорят, он умен, любит учиться, и все надеются на хорошее от его правления»⁸.

К 1523 году Сулейман завоевал два христианских бастиона, которые сопротивлялись самому Завоевателю, — город Белград и остров Родос. В битве при Мохаче в 1526 году он уничтожил венгерское величие: последний независимый король Венгрии был убит, убегая с поля боя. К 1540 году Буда стала османским городом, а османская граница легла менее чем в сотне миль от Вены. От Алжира до Индии османский флот правил на море. На земле, как хвастался Сулейман, «день и ночь наши кони оседланы и наши сабли на поясе».

Он смог нанести такой же сокрушительный удар по ненавистным «красноголовым» (так османы называли персов из-за их головного убора) на Востоке, как по венграм на Западе. В его правление эпитет «приют мира» стал реальностью: люди из Крыма и Венгрии, Марокко и Персии находили прибежище при его дворе. Король Франции заклинал его о помощи; Габсбурги платили ему дань.

Рост империи султана отражался на его титуле. В позолоченной надписи на арабском языке над Императорскими Воротами во внешней стене дворца Мехмед II называл себя

«Султаном двух континентов и императором Двух Морей, Тенью Бога в этом мире и в следующем, любимцем Бога на Двух Горизонтах [Восток и Запад], Монархом Сухопутно-Морской Державы, Завоевателем Крепости Константинополь, Отцом Султана Завоевателя Мехмеда Хана, сыном Султана Мурад Хана, сыном Султана Мехмед Хана, да сделает Бог вечной его империю и возвысит его резиденцию выше самых ярких звезд небесного свода!»

Письма Сулеймана I из «места резиденции величественного султана, Константинополя, хорошо охраняемого и защищенного», начинались с формулы космической пышности:

«Я, Султан Султанов, Повелитель Повелителей, раздающий короны монархам Земного шара, Тень Бога на Земле, Султан и Падишах Белого моря, Черного моря, Румелии, Анатолии,

Карамании, Рама, Дулкадира, Диарбекира, Курдистана, Азербайджана, Персии, Дамаска, Алеппо, Каира, Мекки, Медины, Иерусалима, всей Аравии, Йемена и тех других стран, которые покорены моими знатными предками, — пусть Бог придаст блеск их гробницам! — и моим августейшим величеством так же покорены моим сверкающим мечом, Султан Сулейман-Хан, сын Султана Селима, сына Султана Баязида».

В представлении османов о мире другие монархи владели своими коронами не благодаря своим мечам или мечам предков, а благодаря их повелителю султану. Только он был истинным императором. Габсбургский император Священной Римской империи на Западе, его враг Карл V, которого он старался затмить в церемониальном великолепии, а также военном искусстве, был «Королем земель Испании и мест, которые зависели от нее». Преемники Карла именовались «королями Вены». В 1531 году венецианский посол доложил, что «султан Сулейман... ненавидит императора за его титул цезаря; он, турок, велит называть цезарем себя»*. Османские поэты стали именовать султана «Император мира и мессия Последнего века». Может быть, он поверил им⁹.

Это чувство триумфа выражено внутри дворца. Стены Дивана были декорированы золотом и драгоценными камнями. В 1527 году, после шести лет отсутствия, венецианский посол написал: «Я нашел Порту в прекрасном состоянии, отличном от другого времени, когда я приезжал сюда послом... есть большая разница между этим и тем временем». Сулейман, первый султан, который величественно воссел в европейской манере на трон, а не скрестив ноги на ковер, построил в 1533 году новый тронный зал. Посол от Карла V нашел султана «сидящим на слегка припод-

* В представлении европейцев эпохи Ренессанса империя в мире могла быть только одна — Римская; античный Рим воспринимался символом Золотого века, мира и единства цивилизации, расцвета культуры. Турки переняли это представление: их султан, воцарившийся в Константинополе, провозгласил себя наследником византийских (ромейских) императоров. Таким образом, Священная Римская империя, претендовавшая на ту же самую роль, стала его естественным соперником — не просто геополитическим, но и династическим. В XIV–XV веках она переживала упадок, но после объединения под короной Габсбургов не только австрийских и итальянских, но и испанских земель на некоторое время вновь стала самой могущественной силой в Европе. (Прим. ред.)

нятом троне, целиком покрытым золотой тканью, сплошь усыпанной драгоценными камнями; по обеим сторонам его располагалось множество подушек, не поддававшихся оценке; стены зала были покрыты мозаикой, блистающей лазурью и золотом. Камин в этом зале был из чистого позолоченного серебра, и с одной стороны зала находился фонтан, бивший из стены».

И в мирное, и в военное время, при победах или поражениях, тронный зал продолжал сверкать, как ювелирная шкатулка. Описи дворца XVII века показывают, что сам трон украшали пять подушек, шесть «юбок» и пятнадцать валиков, расшитых изумрудами, рубинами и жемчужинами, а на полу перед ним лежали ковры, расшитые золотой нитью¹⁰. В 1799 году, когда жена британского посла лорда Элджина проскользнула в тронную комнату, замаскировавшись под члена свиты своего мужа, она записала:

«Это оказалась небольшая комната, темная, но по великолепию она, я думаю, стояла на первом месте в мире. Его трон походил на добрую английскую кровать; стеганое одеяло, на котором Монстр [ее термин для султана Селима III] сидел, было целиком расшито необычайно крупными жемчужинами. Рядом с ним стоял чернильный прибор из сплошной массы крупных алмазов, по другую сторону лежала его сабля, вся усыпанная громадными бриллиантами.

В тюрбане он носил знаменитый Эгрет, халат его был из желтого шелка с черным соболем, а в витрине лежали два тюрбана, покрытые алмазами. Похоже, ничто в „Арабских ночах“* не могло бы сравняться с этой комнатой».

Вдобавок к власти султана над жизнью и смертью, его отстраненности и великолепию тронного зала, еще три момента создавали ауру величия, неизвестного в других дворцах: манера поведения, облачение и тишина. И на Восток, и на Запад от Константинополя другие дворы на этом этапе были относительно неформальными (отчасти за исключением Вены и Мадрида). Ни шах Персии, ни император Моголов не требовали таких знаков отличия, как османский султан. Сэр Томас Роу, английский посол, сначала состоявший при Великом Моголе, а затем, в 1620-х

* «Арабские ночи» — традиционное английское наименование сказок «Тысячи и одной ночи». (Прим. ред.)

годах, при османском султানে, предпочитал отсутствие церемоний в Дели, где он «легко общался с приветливым и любезным принцем», жесткому протоколу Константинополя, где, схваченный под локти с обеих сторон начальником стражи, он «обращался к нему идолу».

Любезность и торжественность османских манер составляли цепь различий, соединяющую султана в тронном зале со смиренностью янычар во дворе. При дворах Тюдоров и Валуа придворные не более чем кланялись монарху и целовали руку. Визирь и послы, удостоенные чести быть допущенными в султанский тронный зал, три раза простирались на земле — хотя упоминание о таком унижении часто опускалось из дипломатических отчетов. В зависимости от их ранга или собственной благосклонности султан далее позволял им или целовать руку, плотно лежавшую на его колене, кромку своего халата или конец свисающего рукава. Все уходило, пятясь задом. Марокканский посол писал своему визирю:

«Никогда никто не имеет права быть равным, он всех превосходит и на марше в том же строю, и в надетом тюрбане, или в другой одежде того же качества, сидя на похожем сиденье. Я никогда не видел людей более скрупулезных при соблюдении демонстрации превосходства. В присутствии султана никто не может сесть или перед ним, или в пределах его видимости. Все уважительно стоят с руками, сложенными как во время молитвы»¹¹.

Манеры османской элиты были средством производить впечатление на окружающих, а также неверных и иностранцев. В 1749 году лорд Чарлмонт написал о визирях:

«Их манерам в большой степени свойственно достоинство — и все-таки они приятны, насколько это возможно. Они сохраняют, похоже, сами того не зная, вид превосходства, но ни в малой степени не напускного, оно вызывает уважение без видимого требования с их стороны. Насколько это отличается от Франции, где каждый самодовольный хлыщ демонстрирует превосходство, которое обращает саму его любезность в грубость и оскорбление! Но что поразило меня больше всего и, похоже, превосходит все, что я видел подобного, — так это их поведение при разговоре, их манера двигать головой и руками. Каждый их жест — это смесь

непринужденности, грации и достоинства... сам вид их разговора, если позволителен такой оборот, необычайно нравился мне».

Уважение наиболее неотразимо выражалось в тишине. Во втором и третьем дворах тишина стояла такая глубокая, что создавалось впечатление надвигающейся беды. После правления Сулеймана Великолепного султан принимал послов в тишине, редко снисходя до произнесения чего-то большего, чем «*Пеку*» — «Хорошо». Если он пытался говорить, визири, *plus royalists que le roi*^{*}, напоминали ему, что так делать не стоит. В третьем дворе в его присутствии визири не говорили ни о чем, кроме официальных дел; пажи личных покоев, его личные слуги, сохраняли «полное молчание все время в его присутствии» и двигались на цыпочках. Они общались языком знаков, введенным Сулейманом Великолепным, чтобы повысить степень уважения, окружающего султана. К XVII веку этот немой язык сменил сербский в качестве второго языка во дворце¹².

Османский султан ввел тишину не только в своем дворце, но и на пути на пятничные молитвы. Чтобы произвести впечатление на иностранных посланников, дата их аудиенции выбиралась так, чтобы она совпадала с днем выдачи жалования янычарам. Две из шести тысяч янычар в этот день вводились во второй двор. Они стояли часами тихо, как статуи, едва осмеливаясь сплюнуть или кашлянуть. Как докладывал в 1591 году барон Вратислав:

«Хотя тут присутствовало несколько тысяч человек, тем не менее, не было ни криков, ни разговоров, ни движения туда-сюда: все стояли так тихо, что мы не могли не удивиться; даже янычары, хоть и злые и не считающиеся с правилами во время войны, здесь выказывали больше послушания своим командирам, чем мальчишки своему наставнику, — стоя так тихо, будто они высечены из мрамора».

Когда в 1657 году великий визирь принимал шведского посла в Диване, «*во время обеда сохранялась необыкновенная тишина, так как не было произнесено ни слова, не различалось ни малейшего шума*»: было известно, что султан наблюдает за обедом из своей ниши¹³.

В определенные моменты дня, однако, тишина нарушалась музыкой императорского оркестра, состоявшего из маленьких

^{*} Большие роялисты, чем сам король (фр.).

флейт, барабанов и цимбал. Эта резкая музыка приветствовала султана за час до восхода солнца и через полтора часа после его захода. Оркестр также сопровождал его на парадах и, к ужасу иностранных послов, играл в их посольствах после аудиенции у султана¹⁴.

Костюм являлся еще одним кодом, выражающим величие османского султана. Существует поговорка о Пророке: «Не пей из сосудов из золота или серебра и не одевайся в шелка и парчу, потому что они принадлежат неверному в этом мире и тебе лишь в следующем». Однако во дворце соблазн халата был сильнее слов Пророка. Халат представлял собой единое платье, прямо разрезанное от шеи и до ног, часто расклешенное от талии. Халаты делались из бархата, атласа или парчи. Изготовление одежды было одним из основных производств Константинополя. К 1577 году в городе насчитывалось 268 ткацких станков, из которых 88 были «прикреплены к дворцу»: только им позволялось изготавливать «платье из золота». Иногда на монетном дворе случалась нехватка золота и серебра, так как очень много металла уходило на изготовление золотой и серебряной нитей. Тщетно султан издавал эдикты, запрещавшие их использование в одежде: таким его приказам редко подчинялись¹⁵.

Коллекция из 1000 халатов сохранилась во дворце Топкапи из-за обычая османов откладывать мелкие вещи умершего султана в халат и опечатывать их его именем, а затем хранить халат в мавзолее или в сокровищнице дворца. Большинство таких халатов — одноцветные и без рисунка, вроде черного шелкового халата, который часто носил Сулейман Великолепный. Однако некоторые из них украшались цветами и деревьями ярких расцветок, тюльпанами, падающими в волнующиеся темно-красные потоки, золотыми листьями, кружащимися на невидимом ветру. Другие халаты были более оригинальными. Халат с золотыми пятнами и полосами на багровом атласе был сделан для султана в XVII веке; другой, с рисунком из белых треугольников на атласе глубокого красного цвета, по-видимому, относится к XVIII веку, эпохе крутых перемен. Подобно коптскому текстилю или бидермайерскому серебру, эти вещи выглядят так, как будто созданы в Париже 1920-х.

Как и в случае с дозволением некоторым мечетям иметь по нескольку минаретов, ограничения на костюм определялись ди-

настическими приоритетами. В то время как его предки носили камлот или ангору, Сулейман предпочитал одежду из золота. Хотя теоретически это было разрешено только султану, в виде особой чести он разрешил своему любимому великому визирю, Ибрагим-паше, носить «золотую парчу, а во время кампании — иметь весь костюм из золотой ткани». Султан и его визири иногда надевали по три халата, так что можно было любоваться выглядывающими из-под рукавов контрастирующими тканями и их цветом. За три века до того как униформа начала появляться при дворах Запада, цвета тюрбанов чиновников и их платья во время церемоний были строго определены законом. Улемы носили пурпурный, визири — зеленый, управляющие двором — алый. В таких одеждах, как отмечали с гордостью османские писатели, слуги султана походили на цветник из тюльпанов¹⁶.

Носимые в основном по случаю церемоний, халаты были важны для османской системы почестей примерно так же, как рыцарское достоинство для британцев. Послы судили о своем положении в Константинополе по числу и качеству халатов, которые получали, когда наносили визит вежливости в императорский дворец. В XVII веке французский посол обычно получал 24 халата, британский — 16, венецианский и нидерландский — по 12. Однако к 1771 году Османская империя оказалась такой ослабленной, что русский посол получил все сто. Послы отказывались отправляться из Дивана великих визирей в тронный зал султана, пока не посылали слуг в примыкавший вестибюль, чтобы проверить, что их ожидает подходящее число халатов. Тогда халаты надевались поверх европейской одежды, как знак уважения к султану¹⁷.

Меха для дворца являлись вторым признаком статуса — ведь ветры с севера могли делать город очень холодным. Меха также были и просто роскошью, их закупка в России османской казной стала государственным делом. Только султаны носили чернобурых лис. Другие меха носились султаном и его чиновниками в особом временном порядке: горностаи — осенью, за ним шел период белки и соболя зимой. В день, когда султан менял мех, великий визирь и паши меняли костюм¹⁸.

Дворец объединяли цвет, почтение, молчание и величие. Османский историк писал, что иностранные послы или принцы «удивлялись, становились в тупик, поражались и приходили

в полный восторг» от вида султана и его свиты. Императорский посол барон де Бусбек отметил: *«Везде блеск золота, серебра, пурпура, шелка и атласа... Простые слова не могут достойно выразить новизну этого зрелища. Более прекрасный спектакль никогда не представлял перед моим взором»*. Двести лет спустя, увидев во втором дворе министров и офицеров-янычар, каждый из которых был в церемониальном тюрбане и в сопровождении свиты слуг, флорентийский ученый Доменико Сестини записал: *«Именно в этих обстоятельствах можно узреть все величие, все великолепие и гордость османов»*. С XVI по XIX век западноевропейцы называли османского султана «Великий Синьор» [или G.S.], как если бы он был единственным¹⁹.

Искусство являлось еще одним средством, при помощи которого дворец демонстрировал императорское великолепие. В течение пятисот лет существования Османской империи многие произведения искусства были подарены султанами своим сестрам и дочерям, мечетям Константинополя, Мекки и Медины или иностранным монархам. Многие украшения оказались переплавлены во времена кризисов, чтобы заплатить войскам. Однако около 600 предметов искусства в дворцовом музее Топкапи никогда не покидали дворца. Дворец являлся местом, для которого они были созданы собственными мастерами султана, — зачастую из драгоценных материалов (золото, жадеит, янтарь, слоновая кость, акульки зубы), и здесь они хранились в сокровищнице султана. Четыре комнаты с куполами и арками, построенные Мехмедом II в третьем дворе, в течение 350 лет содержали личные сокровища султанов — в противоположность государственной сокровищнице возле Дивана во втором дворе. Сегодня те же самые помещения действуют как сокровищница музея дворца Топкапи. Этот музей делает Топкапи одной из самых больших династических сокровищниц мира, сравнимой с Кремлем или Хофбергом. Так как ни одна другая мусульманская столица до сих пор не дала приюта сравнимой династии ее аналогичной коллекцией, это также единственная коллекция в исламском мире, что непрерывно росла с XV века. До открытия для публики в XX веке дворцовые сокровища оставались одной из невидимых приманок Константинополя — часто воображаемой, часто преувеличенной и никогда не посещаемой.

Сокровищница содержит множество «дворцовых предметов», непонятных в любом другом контексте. Один Коран переплетен в золото с жадеитом. Золотой орнамент тюрбана украшен рубинами, изумрудами, жемчугом и бриллиантами, увенчан перьями павлина. Украшенная золотом фляга когда-то содержала питьевую воду Сулеймана Великолепного. Конская сбруя выложена бриллиантами, рубинами и изумрудами. Трон, использовавшийся для приемов в праздник Байрам, спереди выложен пластинками из чистого золота. Эти драгоценности хранились в сундуках, находившихся под властью Инспектора личных расходов и подчиненных ему чиновников — таких как Хранители тюрбанов и праздничных халатов. В третьем зале один сундук хранит только драгоценные камни. Бриллианты держались в одном ящике, рубины в другом, изумруды в третьем. Возле этого здания находилась секретная сокровищница султана, содержавшая мешки золотых монет, запечатанные красным воском с личной печатью султана с его золотого кольца²⁰.

Многие изделия из дворцовых сокровищ были захвачены во время завоеваний султанов, особенно во взятых ими столицах, таких как Тебриз, Каир и Буда. Их так тщательно хранили, что книги из библиотеки венгерского короля Матиаша Корвина, захваченные после 1526 года, оказались возможным вернуть в Буда в 1877 году, когда Османская империя стала нуждаться в поддержке Австро-Венгрии во время войны с Россией. Другие предметы принадлежали пашам, и султан забрал их себе после смерти хозяев. Однако большинство вещей было изготовлено сообществом наемных султанских мастеров на ставке, называемым *эхл-и-хиреф*. Среди них имелись художники, переплетчики, меховщики, ювелиры и изготовители декоративных глобусов, которые вешали над тронем султана. К примеру, труд Авраама Еврея заключался в том, что он подкладывал под драгоценные камни золотую или серебряную фольгу, придававшую им больше блеска²¹. Мастера часто посещали султанов, которые сами обычно обучались какому-то ремеслу. Сулейман был золотых дел мастером: позднее султаны практиковали вышивку, плотницкое дело или раскраску мусульманских платков.

При Баязиде II в районе 1500 года число мастеров составляло около 360 человек, в 1526 году их уже стало 598, а в 1566 году это число выросло до 636, но затем снова стало уменьшаться.

Организация наемных мастеров оказалась бессистемной и неэффективной. Большинство ремесленников одновременно работали и на частных клиентов; некоторые их лавки находились прямо в первом дворе дворца, «точно как перед дворцом в Праге», согласно рассказу барона Вратислава. Ювелиры имели лавки в центре базара, где и сегодня находятся ювелирные магазинчики. Императорская ткацкая фабрика располагалась возле мечети Баязида²².

Мастеров ввозили аж из Тебриза, Каира и Боснии. Они работали с тканями, прибывшими из Венеции, и копировали рисунки из Китая. Однако в Константинополе их стиль вскоре стал таким же османским, как и султанские мечети. Различными способами мастера повторяли похожие орнаменты, используя арабески, каллиграфию и, главное, — цветы. Такое повторение могло быть инстинктивным использованием традиционных символов: в традиции Ближнего Востока розы символизировали священную любовь, кипарисы — восхождение души на небеса. С другой стороны, после правления Мехмеда II, когда город оставался открытым для многих различных стилей, «это могла быть нарочитая попытка создать османский имперский стиль, используя яркие контрастные цвета с немедленным визуальным воздействием».

Какова бы ни была причина, Константинополь имел такую же широкую культурную жизнь, как Париж или Венеция. Купцы покупали дома в Пловдиве или Дамаске, паши воздвигали мечети в Салониках или Каире, священники получали назначения в церкви в Иерусалиме и на горе Афон. Не только до Венеции, но и до Швеции и Польши, отчасти благодаря дипломатическим подаркам султана, платкам и халатам, докатилась мода на османские ткани, одежды, ювелирные изделия и украшения интерьера. После 1550 года национальная одежда венгерских и польских придворных и знати, облачение их военных типа гусар и улан, стали носить османские черты. Османская пышность и отвага привлекали многих: чем богаче был знатный человек, тем больше он стремился одеваться как султан²³.

Не имевшая соперников по прочности и многообразию расцветок, османская керамика стала одной из высших точек в развитии турецкого прикладного искусства. Изразцы, чаши и кувшины изготавливались в близлежащем городе Изник, но

использовались во всех мечетях и дворцах Константинополя. Как и у многих других образцов османского великоления, искусство керамики достигло своего пика при Сулеймане — в особенности с распространением после 1550 года коричневато-красного цвета, известного как «армянский красный». До XVII века изразцы из Изника использовались по всему дворцу. Они образовывали «Золотую Тропу» от жилых помещений султана в гарем — названную так потому, что султан бросал золотые монеты женщинам гарема, когда проходил по нему в праздничные дни, — а также стены Багдадского павильона в четвертом дворе. Стены великих мечетей, таких как Сулеймание и Султан-Ахмед, представляли собой керамические сады, имитирующие сады рая, обещанного правоверным в Коране. Листья и цветы, деревья и кусты составляют картины в голубом, белом и красном тонах, «чудо утонченности, нежность текстуры которого исполнено с таким искусством, что его не может передать никакая копия»²⁴. Их воздействие усиливается контрастом плотности и силы цвета с серыми стенами мечетей.

Сегодня тарелки из Изника считаются шедеврами. И все-таки они не были достаточно хороши для султана. Они использовались лишь на дворцовых кухнях, где регулярно разрушались в огне или бились. Императорская семья и старшие чиновники пользовались посудой из Китая, частично захваченной как добыча во время войн в Сирии и Иране. Эти фарфоровые изделия хранились в хорошо охраняемых дворцовых подвалах, до 10 600 образцов их до сих пор находятся в музее дворца Топкапи — что делает его коллекцию фарфора третьей в мире после пекинской и дрезденской. Сам султан ел с серебра или золота, либо с зеленого селадона (разновидность китайского фарфора) — эти материалы, как считалось, выявляли и нейтрализовали яды.

Одной из самых важных дворцовых мастерских являлась Наккашанэ. Она использовалась гильдией официально зарегистрированных и хорошо оплачиваемых художников, переплетчиков и писцов, некоторые из них следовали за султаном во время его военных кампаний, чтобы фиксировать его победы. При Баязиде II и Селиме I они создавали для императорской библиотеки традиционные, украшенные цветными рисунками рукописные сборники персидских поэтов, — таких, как Саади и Хафиз, а также книги самого Селима I, который писал изысканные стихи на

персидском. Но при Сулеймане I мастера отвернулись от персидских тем, родился особый османский стиль.

Реализм, точность в деталях, интерес к историческим событиям и людям отличают миниатюры художников Константинополя от других мусульманских художников. Хотя у мусульман и существует предубеждение против изображения человеческой фигуры, в Коране формального предписания на этот счет нет. Изображение лиц и тел в османской живописи хоть и неуклюжее, куда менее формализовано, чем у других исламских художников — за исключением искусства империи Моголов. Однако у них заметна навязчивая концентрация на достижениях династии. Султан ходит в мечеть, принимает послов, одерживает победы. Обильное использование золота, серебра, алой, сиреневой и особой желто-зеленой красок создает даже большую смелость цветов, чем на изразцах из Изника.

Дворцовые миниатюристы также содержали виды и пейзажи — такие, как изображение Константинополя Матракчи Насухом, сделанное в 1537 году. Ориентиры, такие как Башня Галаты, Семь Башен, Айя-София и мечеть Мехмеда II, изображались и с земли, и с воздуха со всей силой примитивного искусства. Штат мастерской Наккашанэ уменьшился со 124 человек в 1596 году до примерно шестидесяти к середине XVII века, а затем примерно до десяти. Ухудшение качества, заметное в то же самое время и на османских тканях, соответствовало снижению количества изделий. К этому времени османская столица уже думала о выживании, а не о блеске²⁵.

Во втором дворе располагалась также отдельная служба писцов. Документы делались различными почерками — такими, как *сиякат* для финансовых записей (особый почерк едва отличающимся буквами, чтобы сделать фальсификацию сумм более трудной), или *дивант*, стандартный формальный почерк, используемый в письмах султана и его декретах (называвшихся *фирманами*, что на персидском языке означало «приказ»). Фирманы издавались по поводу любых дел — от военных поставок до правил торговли на рынке. Подсчитано, что только за время правления Сулеймана было изготовлено 150 000 таких документов.

Фирман начинался художественной монограммой, особенной для Константинополя и именовавшейся султанской *тугрой*. Она также изображалась на монете и фасадах некоторых зданий, став

османским эквивалентом повсеместного королевского портрета в западных монархиях. Она состояла из золотых, голубых и черных вензелей, иногда окруженных облачками и спиральями из цветов и арабесок. Гарантируя подлинность документа, который она начинала, тугра сохраняла практически неизменную форму на протяжении более шести веков. К примеру, при Сулеймане Великолепном она читалась как «Сулейман император, сын Селима-императора, всегда победоносный Хан». Тугра на здании могла иметь высоту метр или даже два метра, а иногда и выше человеческого роста. Окончательное утверждение каллиграфии как способа увековечить императорское величие служит объяснением, почему османские султаны не торопились вводить книгопечатание²⁶.

Дворец был не только способом продемонстрировать величие, но также постоянной резиденцией султана и его домочадцев. До 1481 года общее число персонала дворца составляло 726 человек, нахлынувшая первая волна величия подняла его численность до 5000 человек при Сулеймане. Основную часть населения дворца составляли личные слуги султана — укладчики тюрбана, варщики кофе, посыльные, привратники, а также административный персонал, занимавшийся школами, мастерскими, больницами, мечетями (только внутри дворцовых стен их насчитывалось, как минимум, тринадцать), кухнями и пекарнями.

Из всех этих ведомств одним из самых важных была дворцовая школа, реорганизованная Мехмедом II, насчитывавшая от трех до четырех сотен учеников — сливок девширме. Она располагалась в зданиях, стоявших справа в третьем дворе. Ныне уничтоженный огнем, школьный комплекс включал жилые помещения, классные комнаты, учительские, консерваторию, а также собственные мечеть и хамам. Согласно Дживантонио Менавино, с 1505 по 1514 год служившего пажом при «дворе убежища мира», каждый ее ученик проходил здесь обучение под наблюдением наставников и евнухов в течение четырнадцати лет, чтобы стать *«воином, государственным человеком и лояльным мусульманином, в то же время обязанным быть человеком культурным, умеющим хорошо писать, с отшлифованной речью, необходимым и с высокой моралью»*. Курс обучения, явно более светский,

чем в школах при мечетях, включал придворный этикет, спорт и классическое османское языковое трио — турецкий, персидский и арабский, а также курс литературы и религии. Пажи тренировали свои тела при помощи деревянных грузов, а свою память — Кораном или «Тысячей и одной ночью»²⁷.

Одним из многих посредников между Константинополем и западным миром, внесшим свой вклад и в модернизацию Константинополя, и в познание Западом Османской империи, был Али-бей. Известный под этим именем, он происходил из поляков и звался Альбертом Бобовским. Еще молодым человеком в начале семнадцатого века он попал в плен к крымским татарам, был продан в Константинополь, где получил образование во дворце. Став одним из переводчиков султана, он был первым, кто записывал слова и ноты турецких песен и музыки. Он отметил их отличие от османской военной музыки: мягкая, меланхоличная и сложная дворцовая музыка исполнялась на маленькой скрипке, трехструнных гитарах, свирелях и персидском рожке; а народные песни *«практически отпечатались в ушах каждого. Они называются „турку” и посвящаются по большей части войнам страны, победам, любви, страданиям и разлукам. Образованные и цивилизованные люди не ценят их»*.

После того как Бобовский около 1617 года был уволен за пьянство, он написал трактат о дворце — возможно, для посольств в Пера. По его словам, даже когда янычар стали отбирать из урожденных турок, *«хотя во дворце встречались все нации; тем не менее наибольший процент пажей приходился на христианских подданных Османской империи»*.

Подобно двум другим элитным учебным заведениям, Итонской школе и Императорскому лицее в Царском Селе, школа дворца Топкапи считалась лучшей в империи и пользовалась вниманием главных министров. Из шестидесяти визирей сорок восемь учились там — включая Соколлу Мехмед-пашу, Кёпрюлю Мехмеда, основателя династии великих визирей XVII века, а также некоторых реформаторов XIX века²⁸.

Дворец создал свой собственный мир, и допуск в него пажей отмечался демонстративной церемонией очищения. В течение трех дней новый паж оставался в одиночестве, не общаясь ни с кем, пока главный евнух не объявлял ему, что теперь он присоединился к рядам рабов султана. Волосы нового пажа возле

ушей разделялись на длинные локоны «в качестве напоминания, что он должен вечно оставаться слугой султана, как Иосиф был слугой фараона в Египте и носил такие же пряди».

Затем пажи оказывались в рамках жесточайшей дисциплины. Если они нарушали правила, их били так жестоко, что сам султан, слыша их крики, иногда просил слугу крикнуть, чтобы сжалились. Пока пажи находились на молитве, евнухи обыскивали их сундуки, ища продукты питания и любовные письма.

Поскольку считалось, что никакой добрый ум не унаследует слабое или неподобающее тело, сорок самых способных и красивых пажей отбирались для службы в личных покоях султана. Каждый паж имел отдельную задачу. Один следил за мечом султана, другой за его попугаями, третий брил султана, четвертый стриг ногти на его руках и ногах. Пока в 1570-х годах султан не перебрался в гарем, пажи также накрывали стол и обслуживали его за столом, следили за его гардеробом, а также убирали и охраняли королевскую спальню, стены которой сверкали «от избытка золота и серебра». На ночь кровати пажей устанавливались по четырем углам комнаты. Широкая кровать султана, покрытая персидскими шелковыми коврами, стегаными одеялами из Бурсы и леопардовыми шкурами и окруженная серебряными канделябрами, стояла в центре²⁹. Два пажа сопровождали султана, когда он уходил в мир за третьим двором. На османских миниатюрах они выглядят необычайно молодыми и невинными — в платье красного и золотого цвета, особенно по контрасту с суровыми лицами султана и его визирей.

Набор визирей и пажей из рабов — это проявление одной из самых выдающихся черт османского дворца и самого Константинополя: классовой мобильности. В Османской империи не было иерархической надменности и одержимости благом семьи, которые на Западе (и среди некоторых арабских племен) затуманили столь много голов и загубили так много карьер. Лишь к XIX веку на Западе признали, что даже «низкая и подлая» по происхождению личность может занимать ведущие посты во власти. В 1830 году Махмуд II заметил на египетском базаре одно лицо: «Как тебя зовут?» — «Риза». — «Ладно, следуй за мной, Риза-бей». В мгновение ока помощник в лавке стал беем, то есть лордом. Впоследствии он шаг за шагом поднимался по карьерной лестнице: паж, конюший, управляющий двором, великий маршал

дворца, военный министр, фаворит матери султана (носившей титул валиде-султан). В 1843 году его уже называли «самым могущественным и влиятельным человеком в империи». Когда он умер в 1877 году, говорят, он являлся самым богатым пашой в Константинополе³⁰.

Другим отличием между османским и западными дворами было отсутствие придворного общества. Социальные контакты султана и его семьи, а также ведущих визирей, обычно замыкались на их домочадцах. Богатые семьи, обладавшие властью в провинции (некоторые были старше Османской империи), редко селились в Константинополе. Здесь не существовало придворных приемов, привлекавших и приручавших элиту, как это происходило в Версале и Вене. Дворец не являлся инструментом для осуществления контроля над элитой. Отношения регионов с центральным правительством осуществлялись через местного правителя, а не через монарха.

Исключением из этого правила составляли две семьи, привезенные в столицу султаном в качестве и заложников, и почетных гостей для обеспечения их лояльности. После 1532 года один из двух членов правящей семьи Крыма, Гирей-ханов, обитал рядом с Константинополем, в близлежащем имении в Каталке, где была хорошая охота. Ведя свой род от Чингисхана*, Гиреи стали первыми, кто выказал свое уважение султану во время Байрама; они считали, что имеют право на трон, если вымрет Османская династия. Они потеряли Крым, который отошел к России в 1783 году, — но члены семьи продолжали жить в Константинополе, как некоторые все еще живут сегодня.

Члены династии Хашимитов из Мекки, которые в 1317 году признали верховную власть Османов, впервые посетили столицу в 1539 году, чтобы выказать почтение Сулейману Великолепному. Они приезжали снова в 1589-м и 1677 годах, и некоторым пришлось поселиться тут — хотя на этой стадии они предпочитали жить в говорящем по-арабски городе Каире. Отношения

* В действительности происхождение Гиреев из чингизидов не подтверждается ничем, кроме их собственных заявлений. Наиболее вероятно происхождение этого имени от христианского племени гиреев (кереев или кераитов), в XIV веке принявшего ислам. У чингизидов действительно имелась традиция брать жен из племени кераитов — но именно поэтому можно с уверенностью сказать, что сами кераиты чингизидами быть не могли. (Прим. ред.)

между двумя династиями, хашимитами и османами, оставались двусмысленной комбинацией страха и уважения, лояльности и подкупа, соперничества и нужды друг в друге. Между хашимитами и османским правителем Хиджаза шла непримиримая борьба за контроль над доходами от паломников и торговцев. Некоторые хашимиты возмущались зависимостью от «сына раба» — султана. Поэтому султан хотел иметь членов опасной династии под своим присмотром в Константинополе. Это до конца империи стало началом конкуренции Константинополя и Мекки за контроль над образом жизни хашимитов³¹.

Великолепие султана и его жилища использовалось для произведения впечатления на город. Большинство пятниц султан ходил в мечеть. Прогулки на Босфор, посещение дворцов в Бешикташе и Бейлербее, построенных в начале XVII века, или поездки через Босфор в Азию на охоту позволяли демонстрировать великолепие и дальше от города. В Константинополе основными средствами транспорта являлись люди и лодки, а не лошади и экипажи. Элегантный узкий каик с длинным острым носом оставался символом города, как гондола в Венеции. Султанские каики использовались корпусом *бостанджи*. Бостанджи были не только императорскими охранниками, но также особым морским и сухопутным соединением в семь или восемь тысяч человек — отдельно от янычар, которые охраняли султана и стояли дозором на берегах Босфора и Золотого Рога. Ночью они на своих каиках охраняли порт Константинополя, задерживая нарушителей порядка, а днем патрулировали окраины города, чтобы не допускать торговлю, уклоняющуюся от таможенных сборов.

Императорский каик имел длину от тридцати до сорока футов, в нем помещалось двадцать шесть бостанджи, носивших красные тюбетейки с голубой кисточкой и свободные белые муслиновые брюки с рубашками, оставляющими открытыми их грудь и руки. На одном конце лодки возлежал султан, заслоненный от солнца и ветра навесом из позолоченного дерева, выстланном внутри подушками и выложенном слоновой костью, черепаховыми панцирями и драгоценными камнями. Бостанджи гребли с такой силой, что каик несся по воде как стрела, выпущенная из лука: в XVIII веке он мог сравниться по скорости с паровым барка-

сом. Каик султана обычно сопровождали шесть каиков охраны с солдатами.

На воде, как и на земле, султана окружал особый звуковой барьер: его переход на судно и спуск на землю, как и проход его каика, приветствовали залпы пушек, стреляющих с берега, — и с военных кораблей, стоявших на якоре в Босфоре. Когда клубы пушечного дыма рассеивались, бостанджи начинали «лаять, как собаки», чтобы нельзя было подслушать разговор между султаном и их командиром, бостанджи-пашой, который имел честь сидеть на руле³².

Императорское великолепие затопляло улицы Константинополя во время празднований обрезания сыновей султана или свадеб его дочерей. Как и селямлик, празднования эти были куда более многолюдными, чем у западных монархий. 27 июня 1530 года Сулейман Великолепный на вершине своей власти и славы отпраздновал обрезание своих сыновей Мустафы, Мехмеда и Селима. В самом большом открытом месте города, на старом римском ипподроме, были раскинuty шатры. Закрытые от дождя плотной зеленой тканью, украшенные внутри тюльпанами, розами и гвоздиками, расшитые серебром и золотом и удерживаемые позолоченными шестами, палатки султана стали настоящими дворцами из шелка и полотна. Султанский трон был поставлен под навесом из золотой ткани. 32-летнего султана окружали высшие сановники империи во главе с великим визирем Ибрагим-пашой, здесь же присутствовали пленные принцы.

Там, где будущая императрица Феодора выходила к народу, чтобы обрадовать византийские толпы, ныне танцоры и шуты развлекали достойных подданных османского султана. Там, где команды Синих и Зеленых болели на гонках колесниц, ныне солдаты сражались с матросами в реконструкции сражений. Канатоходцы выступали на канатах, натянутых между обелиском Тутмоса III (жил в 1549–1503 годах до н. э.), привезенным из Египта и поставленным здесь при Феодосии в 390 году, и каменной колонной периода ее же правления. Подарки из хрусталя, китайского фарфора, сирийского дамаска, индийского муслина, рабы из Эфиопии и Венгрии, даримые султану его визирями, курдскими беями и иностранными послами, — всё демонстрировалось публике. Поэты декламировали работы, сочиненные в честь события.

Требования ислама тоже не забывались. Во время спора между улемами относительно толкования Корана один ученый умер от досады, когда не смог найти верные слова.

На восемнадцатый день праздника сыновей султана вывели из Старого дворца в центре города: их обрезание производилось во дворце, который великий визирь Ибрагим построил с видом на ипподром (в настоящее время здесь расположен музей турецкого и исламского искусства). Во время празднования султан раздавал халаты визирям и улемам. Народ кормили жареными быками, из которых выпрыгивали живые лисы, шакалы и волки, чтобы произвести впечатление на толпу³³.

В 1582 году обрезание принца Мехмеда, сына Мурада III, стало государственным делом, распланированным еще за год. Между старшими чиновниками распределили особые праздничные функции. Командующего в Анатолии, например, назначили распорядителем щербетов. Для банкетов было изготовлено примерно 1500 медных тарелок и подносов. Чтобы обеспечить послам из Самарканды, Персии, Грузии, Марокко, Венеции, Польши и Священной Римской империи возможность удобнее сидеть и лучше видеть торжество, дворцы вокруг ипподрома были реставрированы и снабжены закрытыми ложами для дам.

Прибытие султана 1 июня открыло празднование. Две инновации демонстрируют общегородской характер действия. Все гильдии Константинополя прошли мимо султана, сидящего на позолоченном троне, по две или три гильдии в день. На платформах, которые тащили лошади, представители гильдий демонстрировали свое мастерство, каждая гильдия в своей области. Одна платформа представляла отделанный плиткой хамам с людьми в черных юбках, изображавших мытье и массаж. Повара проходили, демонстрируя головы и ноги овец и быков и крича: «Возьми их, мой дорогой, они жирные, горячие, в уксусе и чесноке!» Изготовители дегтя бросали вар и деготь в толпу и выделяли «тысячу веселых трюков подобного рода». Содержатели приютов сумасшедших вели смеющихся и рыдающих безумцев в золотых и серебряных цепях. Группа из 150 мальчиков с осколками стекла отражала лучи летнего солнца в зрителей, демонстрируя мастерство изготовителей зеркал. Запускались фейерверки, изображающие города, храмы и единорогов; в их подготовке помогал пленный английский инженер по имени Эдуард Уэбб. Султан

дал серию банкетов, в один вечер — для пашей, в следующий — для улемов, в третий — для войск. Тысячи тарелок риса и двадцать зажаренных быков готовились каждый вечер для простых жителей Константинополя.

Евреи и христиане довольно робко, но тоже присоединились к празднованиям. И греческий, и армянский патриархи, а также муфтии и дервиши почтили султана, благословив его словами: «Пусть Бог держит султана Мурада в долгом счастье!» В шуточной битве на ипподроме мусульмане встали против христиан. Естественно, они победили и захватили христианский замок, из которого выскочили четыре свиньи — презрительный намек на то, что христиане потребляют свинину. Население услаждало еврейскими комедиями и танцами. Сто греков из Галаты, в красных куртках и фригийских шапочках, с колокольчиками, привязанными к ногам, представляли сладострастные танцы из Александрии. Некоторых христиан (но не евреев) настолько захватило все событие — или, согласно христианскому источнику, предложение денег, — что они подняли большие пальцы как знак готовности обратиться в ислам. Их немедленно увели во дворец на обрезание.

Принц, будущий Мехмед III, одетый в пурпурный атлас и белую парчу, с перьями цапли в тюрбане и красным рубином в правом ухе, прошел обрезание 7 июля. Крайнюю плоть отправили на золотой тарелке матери принца: его бабушке послали нож, которым ее отделяли. Резчика наградили 3000 золотых монет, позолоченными кубком и кувшином, тридцатью отрезами ткани, почетными халатами и, впоследствии, женитьбой на одной из дочерей султана. Наконец, 14 июля султан вернулся во дворец. Празднования длились настолько долго — пятьдесят пять дней, — что пришлось отложить начало сезона военных кампаний³⁴. Константинополь мог стать второй Капуей, городом, чьи развлечения отвлекли армию Ганнибала от Рима.

Необычным украшением, выставляемым на городских празднованиях, был традиционный турецкий *наиль* — искусственная пальма, сделанная из проволоки и воска. Украшенные драгоценными камнями, фруктами, цветами и зеркалами, они считались символом мужественности и плодородия, и могли быть высотой до двадцати двух метров. За неделю до обрезания в 1582 году пять больших и 360 малых и средних наилей пронесли в процес-

сиях вокруг города. На особенно узких улицах даже снесли дома, чтобы пропустить их: императорское великоколепие одерживало верх над городскими строениями³⁵.

Демонстрация великолепия на свадьбе дочери султана могла быть более важной, чем сама свадьба. В 1709 году на свадьбе пятилетней принцессы Фатимы подарки жениху — коробки с ювелирными изделиями, Кораны, усыпанные жемчугом туфельки, два серебряных наила, пятнадцать кошельков с золотом, сто двадцать подносов конфет — были с помпой пронесены по городу во дворец. Внутри дворца приданое было представлено визирям, которые отвечали за дальнейшие подарки. Пятьдесят пять мулов в сопровождении большинства императорских домочадцев в церемониальной одежде провезли это приданое сквозь веселящуюся толпу в новый дворец принцессы в Эйюпе. Саму невесту доставила туда процессия из тридцати одного экипажа.

В последующие дни фейерверки, жонглеры, соревнования борцов и шуточные сражения, включая боевой корабль, который протащили по улицам, развлекали город. Слава султана могла быть продемонстрирована на улицах Константинополя, если ее не хватало на поле боя в Европе — после провала осады Вены в 1683 году султанские армии переживали поражение за поражением от австрийских войск. Свадьба, однако, так никогда и не получила завершения. До того, как невеста достигла возраста половой зрелости, жених был убит во время очередного поражения османов³⁶.

В 1720 году четыре сына султана прошли обрезание и две его племянницы в то же самое время вышли замуж. Четыре наила девятиметровой высоты и сорок маленьких наилей были сделаны для каждого принца. Празднования на Окмейдане вне городских стен возле Галаты длились пятнадцать дней и ночей: одновременно прошли обрезание пять тысяч других мальчиков. Процессия гильдий прошла мимо султана, сидевшего в Алай — церемониальной беседке, построенной на дворцовой стене специально для того, чтобы он мог наблюдать за тем, что происходит снаружи. По канатам, натянутым между мачтами кораблей, стоявших на якоре на Босфоре, были проташены кареты³⁷.

Грандиозными празднованиями отмечалось также рождение детей султана. Со стен дворца со стороны моря стреляли пушки — семь раз за мальчика, три за девочку; пять залпов в тече-

ние двадцати четырех часов. Фирманы объявляли новость всей остальной империи. Торжественные процессии сопровождали украшенные драгоценными камнями колыбель и покрывало по улицам города к императорскому дворцу. Во дворце, в спальне матери, толпились жены самых старших чиновников империи, они вставали в знак уважения, когда колыбель прибывала.

Ночное небо также отражало великолепие султана. Чтобы отмечать династические свадьбы и обрезания, а также религиозные праздники, такие как день рождения Пророка, корабли, мечети и дворцы украшались маленькими светильниками. Иллюминированные надписи на веревках, натянутых между минаретами, гласили: «Мой властелин, живи тысячу лет!» Лодки с красными, голубыми или зелеными фонариками, выглядевшими как маленькие светлячки, превращали Босфор и Золотой Рог в море огня. Наблюдая иллюминацию в день рождения Пророка в 1841 году, Ганс Христиан Андерсен почувствовал, что он попал в одну из своих собственных сказок: «Все выглядело, как будто было окружено пламенем... Все укутывал волшебный свет»³⁸.

Процессии позволяли и султану, и иностранным монархам демонстрировать свою силу и богатство жителям Константинополя. Город превратился в одну из дипломатических столиц мира, и послы в Константинополь были обязаны привозить с собой роскошный домашний обиход. Бальи Венеции записал в 1583 году: «E certo che se nelle alter corti de' principi è necessario splendore, in Constantinopoli è necessarissimo» («Несомненно, что если великолепие при дворах других королей желательно, то в Константинополе оно абсолютно необходимо»). Такое великолепие доставляло удовольствие и замечалось и людьми, и султаном. В 1573 году Филиппе дю Френ Канайе, в составе свиты французского посла посетивший дворец Топкапи, записал: «Берег был заполнен огромным количеством людей, все стены и соседние дома до самых крыш были полностью забиты зеваками — я никогда в жизни не видел одновременно такого количества людей». Герр фон Куфштайн прибыл из Вены в качестве имперского посла в 1628 году. Он записал: «Меня с пышностью сопровождали в город, где все окна и улицы оказались необычайно заполненными зрителями». Любое изменение в количестве или в одежде сопровождающих официальных лиц немедленно замечалось наблюдательной толпой³⁹.

Отъезд султана в Эдирне или на войну, а также прибытие с войны — все это давало ему дополнительную возможность для демонстрации себя. Эвлия Челеби видел иступленные толпы, приветствовавшие Мурада IV в 1638 году, когда он возвращался с повторного взятия Багдада. Забившая крыши и окна публика кричала: «Да будет на тебе благословение бога, о Завоеватель! Добро пожаловать, Мурад! Пусть твоя победа станет счастливой!» Салютовало так много кораблей, что казалось, будто море охвачено огнем. В персидском тюрбане, который символизировал его победу над персидскими армиями, со свитой военачальников, «подобно льву, который схватил свою добычу», султан с триумфом проследовал во дворец. Там он принимал поздравления от своего двора, сидя на позолоченном троне, на котором были начертаны следующие стихи:

*Ты полюс, вокруг которого мир вертится живой.
Как стрелка компаса, трепещет мир перед тобой.
Трепещет не от ужаса унижения —
Желает поднести тебе себя из глубокого уважения.*

Несколько дней праздника закончились, когда султан уехал молиться в Эйюп.

В 1671 году французский посол маркиз де Нуэнтель оставил описание проезда султана Мехмеда IV через Константинополь по пути в Эдирне в сопровождении телохранителей и визиров, в блеске драгоценных камней, бархата и парчи. В процессе сборов он вспомнил, что он посол Людовика XIV и что Короля-Солнце не волнует соперничество. В своем описании он пускается в рефлексию французского придворного: «Если эта церемония будет иметь какое-то великолепие, следует брать телохранителей, не подавляемых ею... Настоящее средство избежать причинения ущерба — это думать о великолепии королевского дома... Его величество при желании может без труда затмить самые прекрасные спектакли в этом городе и в остальном Леванте».

Этот заведенный порядок императорских свадеб, обрезаний, фейерверков, депутатий, селямлика, превращенных в большое публичное шоу, соблюдался в Константинополе чаще, чем в любых других столицах. В сочетании со скрытым величием Серая и видимой красотой города, обрамленного линией горизонта, та-

кие процессии делали императорское величие частью образа Константинополя во внешнем мире.

Процессии также помогали создавать в городе любовь к помпезности и великолепию, которая оставалась одним из отличительных признаков Константинополя вплоть до XX века. Подобно венцам до 1919 года и лондонцам до 1960 года жители Константинополя являлись инстинктивными империалистами. Имперское мышление формировало их сознание так же, как реалии империи формировали их материальную жизнь. Разве путешественники, которые посетили все города в мире, не говорили, что они не видели города, подобного этому? Разве писатели не называли его «завистью королей мира»? Разве он не был предназначен процветать «до конца времен»? В начале XVIII века османский поэт Недим написал, воспевая столицу:

*О, город Истанбул, бесценный, несравненный,
За камешек любой всю Персию отдам, навеки незабвенный!*

Даже в XIX веке, после того, как Османская империя потерпела ряд поражений, до тех пор, пока Китай не «пришел в Константинополь» — то есть не прислал сюда посольства, — османы не могли поверить, что Китай тоже является империей⁴⁰. Австрийцы могли считать, что их город — единственный истинный *kaiserstadt* и заслуживает быть столицей Европы. Люди Исфагана — столицы Персии — могли заявлять, что их город представляет собой «половину мира». Но лишь горожане Константинополя твердо знали, что их город является центром Вселенной.

ГАРЕМЫ И ХАМАМЫ

Истинный Бог и опять же, истинный Бог, я горю день и ночь вдали от тебя.

Хюррем — своему мужу Сулейману Великолепному, ок. 1535 года

Истинно говорю, паша! Белая борода, черная борода — неважно. Хорошая политика проистекает не от возраста, а от ума.

Турхан, мать Мехмеда IV — паше, хвастающему своим возрастом и мудростью, ок. 1655 года

Веками на Кавказе матери пели колыбельную над колыбелью дочерей, начиная словами: «Живи среди бриллиантов и великолепия, как жена султана». В их желании следовать такому совету некоторые девочки задаром предлагали себя приезжавшим торговцам рабами¹. Их целью был императорский дворец в Константинополе. *Харем* означает «святилище» — отсюда, по производной, и женские покои. Императорский дворец был прибежищем женщин и евнухов, центром личной жизни султана.

Гарем существовал, чтобы направлять в определенное русло сексуальность султана и использовать его репродуктивные способности в интересах династии. Войны за испанское и австрийское наследство показали, какими катастрофическими результатами для династии оборачивается отсутствие мужчины-наследника. Но как династия могла гарантировать свое биологическое выживание по мужской линии? Раньше султаны иногда следовали стандартной династической практике и женились на принцессах из соседних христианских или мусульманских династий. Однако эти браки заключались по политическим, а не биологическим причинам — чтобы укрепить союз, а не произвести наследника. Султан мог никогда не спать с такими женами, дабы избежать детей от них. Более того, после 1500 года

султан стал настолько могущественным, что, в отличие от более слабых монархов, не нуждался в династических союзах (хотя удобные кандидатки из крымской династии Гиреев или шарифов Мекки оставались в качестве варианта). Баязид II (1481–1512) оказался последним султаном, который заключил династический брак с принцессой турецкой династии Дулкадир в Анатолии.

Больше, чем любая другая династия, Османская династия предпочитала воспроизводиться через серию внебрачных связей с рабынями. Основной причиной этому стало то же самое стремление к безопасности, которое привело ее к опоре на янычар в качестве охраны. Ни одна группа — ни гарем, ни янычары — не имела семейных амбиций или ненасытных родственников в столице. Теоретически они целиком зависели от султана. Рабынями-наложницами внутри дворца легче было манипулировать в интересах династии, чем свободными мусульманскими женщинами с законными правами, предписанными шариатом. Забеременевших наложниц ограничивали одним сыном от каждой, после чего их сексуальный контакт с султаном обычно прекращался. Поэтому каждый сын был единственным, кто имел поддержку своей матери.

Желание разнообразия являлось еще одной причиной размера гарема. Большинство султанов предпочитали иметь много сексуальных партнеров. Королевские фаворитки во Франции и, вплоть до нашего времени, в Англии дают примеры затруднений, вызванных любовными похождениями с представителями элиты. Рабыни-наложницы, выбиравшиеся по здоровью и красоте, а не по рождению, удовлетворяли желания султана без разрушительных последствий.

Биология стала третьей причиной для гаремной системы. Сыновья наложниц — в отличие от сыновей замужних любовниц — законно увеличивали династический резерв. Число забеременевших наложниц гарантировало, что всегда есть мужчина-наследник. Как призовой скакун, султан был постоянно подталкиваем идти дальше и «покрывать» как можно больше кобыл, чтобы получить большее поголовье. У османов не существовало иерархии наследования, как это могло быть, если бы династия заключала браки из соображений социального ранга, а не заботилась исключительно о репродукции. По всем этим причинам, отчасти сознательно, отчасти под давлением социаль-

ной структуры, султан оставался сексуально ограничен рабынями внутри гаремных стен².

Однако величайший из султанов пренебрег дворцовыми правилами. В начале своего правления Сулейман Великолепный, «очень похотливый», часто посещал «дворец женщин», построенный Мехмедом II в центре Константинополя, и там «отдавал должное». Однако к 1524 году он, в противоположность предшественникам, выбрал моногамию с женщиной по имени Хюррем. Султан часто уезжал из города во главе своих армий, и при этом писал ей и получал от нее письма в стихах. Они раскрывают, что этот яркий пример императорской власти, жестокий по отношению к соседям, был благодушным, мягким и преданным в отношении к жене.

Гарем был запретным городом. Мы мало знаем о биографии его обитателей до того, как они вошли туда. Попавшим в гарем женщинам давали новые имена, чтобы забыть их прежнюю суть. Имена эти обычно были персидские: Михримах, Махпейкер, Шевкияр; чтобы запомнить их, имена выкалывали на груди вновь прибывших.

Предполагается, что ранее Хюррем звали Александра Лисовская, она была дочерью православного священника с Украины, из-под Львова в Польше*. Ее захватили в рабство во время рейда из соседнего татарского Крымского ханства. Хюррем означает «смеющаяся». Она быстро уничтожила свою главную соперницу.

Вскоре после того как Сулейман начал замечать Хюррем, черкешенка Махидевран, мать старшего сына султана Мустафы, нашла повод для ссоры и расцарапала ей лицо, обзывая ее «неверной» и «тухлым мясом». В следующий раз, когда Сулейман потребовал Хюррем, она отказалась прийти, заявив, что как «тухлое мясо» недостойна внимания султана. В итоге султан спросил у Махидевран, верна ли история об их ссоре. Согласно венецианскому отчету, *«та ответила да, и что она наказала ее [Хюррем] еще меньше, чем та заслужила. Она считала, что все женщины должны уступать ей и признавать повелительницей, раз она*

* В действительности — из Рогатина под нынешним Ивано-Франковском, на этом сходятся все известные источники. Скорее всего девушку звали не Александра, а Анастасия; имя Александра появляется только в польской литературе, и лишь в XIX веке. (Прим. ред.)

первой начала служить его величеству». Махидевран выгнали из гарема и она умерла забытой в Бурсе в 1581 году³.*

С другой стороны, Хюррем стала силой во дворце. Много лет позднее венецианский балли записал: *«Такого никогда не бывало в истории османского дома, чтобы женщина приобрела столь большую власть. Говорят, что она мила, скромна и что очень хорошо понимает желания султана»*. Примерно в 1534 году, вероятно, из-за угрозы потерять расположение, она уговорила султана оказать ей немислимую честь и жениться на ней.

При дворе Генриха VIII или Людовика XIV обладание достойными покоем было важным свидетельством статуса и благорасположения монарха. После пожара в Старом дворце Хюррем переехала в Новый Императорский дворец, став жить возле своего мужа. Бывший паж во дворце описал ее покои:

«Сераль султанши там же, что и Великого Турка, и можно пройти через потайные комнаты из одного помещения в другое. Никто не входит во дворец султанши, кроме Великого Турка, евнухов и еще одного человека, называемого прокуратор [Kethuda — доверенный человек] султанши, который всегда приходит и уходит, когда хочет... комнаты султанши равно изысканные, с залами для молитвы, ваннами, садами и другими покоем»⁴.

Это было ядром того, что позднее стало одним из самых могущественных институтов в городе — императорским гаремом.

Любовь Сулеймана и Хюррем — один из примеров взаимоотношений между мужем и женой в Константинополе, и ее история записана их собственными словами. Османская династия име-

* Ссора Хюррем и Махидевран, согласно венецианским отчетам, случилась в 1533 году — через 13 лет после того, как Хюррем появилась в гареме. Махидевран была отослана из Константинополя лишь после смерти в 1534 году покровительствовавшей ей матери султана Айше Хафсы, и это было отнюдь не изгнание — официально она должна была сопровождать своего 20-летнего сына, наследника Мустафу, по традиции назначенного губернатором провинции. В 1553 году Мустафа был казнен, якобы за заговор против султана, лишь после этого Махидевран перебралась в Бурсу. В 1566 году новый султан, Селим II (Селим Пьяница), назначил ей пенсию как вдове султана. Махидевран была старшей сестрой кабардинского князя Маашука Канукова, в 1552 году принявшего православие и принесшего присягу Ивану Грозному, участника Ливонской войны и многих успешных набегов на Крым. (Прим. ред.)

Письма Хюррем столь же страстны — хотя они частично могли составляться официальными писцами гарема под ее диктовку. Она называет его «светом, укравшим ее сердце», «горизонтом процветания», «моей надеждой в двух мирах»: «Пусть каждый твой день станет тысячью!» Волос из его усов стоит больше пяти тысяч или даже миллиона флоринов. Она просит *«сжалиться над ее чувством одиночества и разлуки с Господином Миром... Если бы моря стали чернилами, а деревья перьями, смогли ли бы они написать рассказ об этом расставании?»* Она сожалеет о ссоре: «Я молю, чтобы слова, отделившие тебя от меня, могли исчезнуть». Одно письмо начинается так: «После того как я погрузила свое уродливое лицо в благородную пыль твоих благословенных ног» и заканчивает: «Пусть до самого конца счастье в двух мирах останется наверняка. Твоя жалкая и робкая служанка Хюррем».

Она сообщает ему городские новости. *«В настоящий момент болезнь есть, но не такая, как прежде. Может быть, мой Султан придет. Господь проявит благосклонность, и она исчезнет. Наши мудрецы говорят, что когда осень сбросит листву, она уйдет».* Дочь священника превратилась в страстную османку:

«Прибыли новости о твоей победе. Когда я их услышала, мой Падишах, мой Султан, я умирала, но они снова подарили мне жизнь. Тысяча тысяч благодарностей Всемогущему. Все слова выплыли из темноты, каждое переполнено светом святого счастья. Надеюсь, ты закончишь войну и сровняешь врага с землей, возьмешь королевства и завоеешь семь стран».

Через своих детей она дала султану ощущение семейной жизни — необычное в истории османской династии. Она постоянно пишет ему, как много он теряет:

«Когда читаем твои благородные письма, они заставляют твоих слуг, твоего сына Мир Мехмеда, твою рабу и дочку Михримах рыдать, причитать из-за того, что все тоскуют по тебе. Их плач сводит меня с ума, как будто мы оплакиваем кого-то. Мой Султан, твой сын Мир Мехмед, и твоя дочь Михримах, и Селим-Хан, и Абулла посылают тебе много приветов и посыпают лица пылью с твоих ног»⁶.

Любовь стала не единственной связью между Хюррем и султаном. Жена самого могущественного монарха в Европе не могла остаться в стороне от политики. В отличие от своей современницы Анны Болейн, Хюррем не приняла участия в общественных

торжествах, на которых вся столица праздновала ее коронацию. Она также не получила общественного ранга при дворе и командовала лишь несколькими сотнями мужчин и женщин, находившихся в ее распоряжении. Однако из-за гаремных стен она имела большее влияние, чем королева Англии. Хотя Сулейман и Генрих VIII использовали одинаковый язык любви и покорности по отношению к своим мистрессам, султан был более искренним. Кроме прочего, Хюррем имела сокровище, которым не обладала Анна Болейн, — сыновей.

Султан советовался с ней о политике как минимум столь же часто, сколько и Генрих VIII с Анной Болейн. При этом она не полностью потеряла связь со своей предыдущей жизнью. Чтобы способствовать заключению мира, она переписывалась с королем Польши и посылала ему носовые платки, вышитые собственными руками. Султан демонстрировал ее роль — возможно, чтобы показать заботу о всех своих подданных женщинах, — построив от ее имени на западе города огромный комплекс мечети, названный Хасеки (то есть имперский). К нему примыкала кухня, больница и школа. Это единственный такой комплекс, построенный в честь жены или наложницы султана при его жизни; множество других учреждений, гораздо более многочисленных, чем созданные королевой-супругой в Англии, были построены по приказу Хюррем в Эдирне, Иерусалиме, Медине и Мекке.

Своей преданностью Хюррем Сулейман Великолепный вызвал недовольство и во дворце, и в городе. Подобно Анне Болейн, ее обвиняли в том, что она «околдовала» своего мужа: «Но так как он любил ее, никто не смел протестовать»⁷. Хюррем также действовала как независимый политический деятель. Основной ее задачей было спасти жизни своих сыновей. До 1607 года Османская империя не имела зафиксированных правил наследования. Трон принадлежал тому принцу, который первым доберется до Константинополя и императорской сокровищницы. Его успех означал, что на него легло божье благословение, он становился законным султаном. Другие принцы могли начать гражданскую войну — подобную той, что поразила османскую династию в начале XV века, или же стать инструментом в руках дворцовых либо янычарских группировок; поэтому новый султан обычно убивал своих братьев. Принцы были так же не властны над своей жизнью, как и визири.

С реалистичной жестокостью, которая была не менее характерна для османского официального стиля, чем имперская высокопарность, Мехмед II составил указ: *«Какой бы из моих сыновей ни унаследовал трон султана, это обязывает его убить своих братьев в интересах мира и порядка [в Османской империи]. Большинство законников одобрило эту процедуру. Пусть будет предпринято это действие!»*

Подобно физическому отделению молодежи девширме от своих семей, такая политика уничтожала семейные связи, пусть и освященные Кораном. Но императорский дворец управлялся интересами династии, а не законами ислама. Мехмед II казнил двух своих братьев; Селим I — двух братьев, трех сыновей и четырех племянников. Возможно, именно он приказал отравить своего отца. За всю историю династии были убиты около восьмидесяти принцев — обычно путем удушения струной от лука, дабы избежать пролития священной османской крови⁸.

Казнь родственников как средство решения династических проблем не являлась изобретением османов. Тридцать из восьмидесяти восьми византийских императоров умерли от удушения, яда или пыток в самом Константинополе. Эдуард V и его брат были убиты в лондонском Тауэре, почти наверняка по приказу их дяди Ричарда III; маршал д'Анкр был убит в Лувре по приказу Людовика XIII в 1616 году. Анналы могольских императоров в Дели также запятнаны кровью. Однако в других династиях братоубийство все же считалось нарушением норм. Только Османская династия ввела его (как и казнь министров) в строгое правило.

В сверкающих джунглях османского дворца атака стала лучшим средством защиты. Сначала Хюррем добилась уничтожения ближайшего друга своего мужа — великого визиря Ибрагим-паши. Ибрагим был греком из Парги на Ионическом море, он родился примерно в 1493 году. Захваченный пиратами, он был продан вдове, жившей в провинциальной столице Манисе, но впоследствии пошел в дворцовую школу. Вскоре смуглый, интеллигентный и хорошо начитанный, Ибрагим знал персидский, греческий, сербский и итальянский языки, а также играл на лютне. Когда он вошел в число домочадцев Сулеймана, молодой принц был очарован им.

Как и при других дворах, личный контакт вел к самым высоким постам в государстве. После восшествия Сулеймана на пре-

стол Ибрагим быстро пошел вверх по служебной лестнице — от должности личного придворного-сокольничего до главы тайного кабинета, пока в 1523 году, несмотря на претензии более старших визирей, не стал великим визирем. Вопреки императорскому этикету, Сулейман и Ибрагим обедали вместе. Их кровати стояли бок о бок. Единственный в османской истории Ибрагим обладал честью иметь шесть лошадиных хвостов — древний турецкий символ ранга — на один меньше, чем сам султан, вознесенные возле его палатки⁹. Управление империей они фактически осуществляли вместе.

Ибрагим-паша оказался способным полководцем и министром, османские современники сравнивали его с «солнцем, которое испускает свои лучи на Вселенную». В 1535 году его обращение с захваченным городом Тебриз было более милосердным, чем Карла V в том же году с Тунисом. Его высказывания, о которых сообщали в донесениях иностранные послы, несли бисмарковское высокомерие османской столицы:

«Как глупы те, кто говорит, что короли являются королями из-за их корон. Командуют не золото и не камни, а железо — именно меч обеспечивает послушание».

«Хотя я слуга Султана, все, что я решил сделать, уже сделано. Я могу своим словом сделать пашу из мальчика-конюха. Я могу раздавать царства и провинции по своему усмотрению, и мой господин ничего не возразит. Даже если он прикажет что-то сам, если я не захочу этого, это не будет сделано. И если я прикажу что-то сделать, а он прикажет противоположное, сделано будет то, что хочу я — а не то, что хочет он»¹⁰.

Ибрагим-паша был двойственным человеком, вполне в космополитической традиции Мехмеда II. Он вызывал в Константинополь артистов из Брюсселя и Венеции и, как говорят, делал «много доброго для христиан». К недовольству некоторых мусульман он установил статуи Геркулеса, Аполлона и Дианы, захваченные в королевском дворце Буды, перед каменным дворцом с видом на ипподром, который султан построил для него. Из-за неприятия мусульманами изображений человеческих тел они оставались единственными статуями, установленными для всеобщего обозрения в Константинополе с 1453 по 1924 год. Некий поэт насмеялся

над тем, что если патриарх Авраам разрушил идолов, то Ибрагим воздвиг их: в итоге поэта провезли по городу на осле и повесили.

В личной жизни, хотя у него и имелся любовник, влиятельный купец дипломат Алвизе Гритти, он также любил свою жену, сестру султана Хатис, которой писал: «Ночь и день я занят, молясь за тебя. Богу известно, что я все еще люблю тебя всем сердцем». В годы славы его собственная семья не осталась забытой. Его мать и два брата получили должности в его дворце; старик-отец, однако, оказался *«homme de riens et inutile, tavernier, yvrogne et couchant par les rues comme les bestes»**¹¹.

Большую часть своей карьеры Ибрагим пользовался поддержкой матери султана, своей тещи, Хафсы, сильной женщины, которая нередко возражала сыну. После смерти Хафсы в 1534 году Хюррем задумалась о его нейтрализации — чему немало способствовали все более проявляющееся высокомерие, если не сумасбродство великого визиря. Сторонники министра финансов Искандера Челеби распространяли клеветнические слухи, будто бы Ибрагим лелеет амбиции разделить власть султана. В одном письме Сулейман спросил Хюррем о ее недовольстве «нашой». Слишком умная, чтобы напрямую осуждать визиря в отсутствие султана, она ответила обтекаемым языком двора: *«А теперь ты спрашиваешь о том, почему я не с Ибрагимом-нашой. Ты услышишь об этом, когда, Бог даст, мне будет дарована встреча с тобой. В настоящий момент передай нашей мои приветы. Надеюсь, она [наша] примет их»*¹².

15 марта 1536 года Ибрагим, как обычно, пообедал с султаном и провел ночь в примыкающей комнате. На следующее утро его нашли задушенным вне дворца. Шрамы говорили, что он сильно сопротивлялся. Это стало уроком для многих на ближайшую сотню лет. Много лет позднее Хюррем предложила, чтобы муж ее дочери Михримах, великий визирь Рустем, вошел в третий двор и обедал с султаном. Но тот резко возразил, что одной ошибки такого рода достаточно¹³. После смерти Ибрагима вкус к роскоши и космополитизму во дворце пропал.

Уничтожение Ибрагима стало триумфом не только для одной Хюррем. В 1540-х годах она с Михримах и своим зятем Рустем-

* Мужчиной бесполезным, пьяницей, способным спать на улице, как животное (фр.).

нашой составила триумвират против популярного принца Мустафы, сына ее бывшей соперницы Махидевран. Дочь султана Михримах написала отцу, назвав Мустафу «эта воющая собака». Султана уговорили, что Мустафа замышляет свергнуть его. Позднее эта властная принцесса, самостоятельно переписывавшаяся с королем Польши, использовала свою власть над отцом: «Мой дорогой султан, я сначала пишу слишком мягко, и лишь в конце говорю нечто решительное». В 1553 году Мустафу задушили в палатке его отца три молчаливых человека¹⁴. Горбатый сводный брат Мустафы Джихангир умер от горя через два месяца.

Янычары перевернули свои котлы с пловом, впад в ярость от новости о смерти Мустафы, и потребовали, чтобы Рустема-пашу высекли. Бусбек, имперский посол, записал: «Они впервые поносили Сулеймана, называя ее сумасшедшим стариком; потом они бранили вероломство и жестокость мачехи молодого человека и испорченность Рустема, которые вместе загасили ярчайшую звезду дома Османа». Элегия албанца Яхьи-бея также выразила ужас, который ощутила столица. Когда Рустем-паша упрекнул его, поэт ответил: «Мы действительно осуждали его вместе с падишахом — но мы оплакиваем его вместе с народом».

Чтобы успокоить людей, Сулейман отставил Рустем-пашу. Хюррем написала Сулейману, протестуя: «*Рустем-паша — твой раб. Не отворачивай свое благородное лицо от него, источник моего счастья. Не слушай, что говорят люди. Только однажды, ради своей рабы Михрим, источник моего счастья, мой император, ради себя самого и ради меня тоже, мой преуспевающий султан*»¹⁵. «Только однажды» имеет здесь раздражающую остроту.

Хюррем умерла в 1558 году. Ее много винили за политику мужа — но и после ее смерти он, как Сатурн, продолжил пожирать собственных детей. В 1561 году другого сына, Баязида, который соперничал с принцем Селимом за наследование, задушили по приказу султана вместе с четырьмя его младенцами-сыновьями. Сам Сулейман умер в 1566 году, его конец ускорился решением, несмотря на слабое здоровье, предпринять еще одну кампанию в Венгрии. Ему наследовал Селим.

Новый султан любил женщину по имени Нурбану (Княжна Свет) — а возможно, даже женился на ней. Она была высокого роста, с темными волосами и глазами, тонкими чертами лица. Она родила ему будущего Мурада III. Завеса секретности, защи-

щавшая гарем, была столь эффективна, что до недавнего времени она считалась венецианкой Сесилией Венье Баффо, взятой в плен на острове Парос в Эгейском море в 1537 году, во время войны между Венецией и Османской империей*. Однако более вероятно, что она являлась знатной гречанкой по имени Кале Кастанос, захваченной на Корфу во время той же войны. Она могла использовать слухи о своем венецианском происхождении для получения подарков от венецианского правительства.

Селим II умер в 1574 году, когда упал с высоты, осматривая новые строения в бане гарема, — возможно, он был пьян. Нурбану прятала труп султана в коробе со льдом, пока ее сын, Мурад III, не приехал в столицу из Манисы в Анатолии, где он находился в качестве правителя провинции. После того как он был провозглашен султаном, по братоубийственному закону пять его сводных братьев казнили и закопали вместе с их отцом¹⁶.

Мурад III был мал ростом, толст и горделив, «он имел большие светлые глаза, орлиный нос, хороший цвет кожи и большую русую бороду». Взойдя на престол в 1574 году, как шаг символической важности, он перевел свою спальню и личную комнату из мужского мира третьего двора в женский мир гарема, располагавшегося с левой стороны в третьем и четвертом дворах. Его нужда в новой спальне была столь настоятельной, что никакие новые изразцы не могли изготавливать в Изнике, пока не было завершено изготовление изразцов для новых апартаментов султана.

Его комната представляет собой зал с куполом, покрытым красными, голубыми и зелеными изникскими изразцами. Фразы из Корана на полосе из синих и белых изразцов бегут по периметру стен; оконные проемы выложены перламутром. Мурад III ввел практику спать в гареме. После позднего завтрака он возвращался в мужской мир второго и третьего дворов. Тут он давал аудиенцию великому визирю, аге (командиру янычар), пашам и бейлербеям (высшим генералам), а также принимал послов. Он

* Даже по этой версии девушка была незаконнорожденной: ее матерью являлась Виоланта Баффо, отец неизвестен — согласно основной версии, им был Себастьяно Верньер, венецианский губернатор острова Парос. Когда Парос был захвачен знаменитым пиратом, османским бейлербеєм Африки Хайрадином Барбароссой, девушке было всего 12 лет. (Прим. ред.)

всегда обедал в гареме, чтобы поговорить там, — чем, по словам венецианского дипломата, необычайно его «забавлял»¹⁷.

Мурад III стал олицетворением нового султана с сидячим образом жизни. Жадный до секса, а не побед, он редко покидал Константинополь, а внутри города — сам дворец. Это знаменовало начало заката остальной империи. Хотя и любя свою наложницу Сафийе, он в конце концов уступил искушению, поставленному на его пути Эсмехан, женой великого визиря Соколлу Мехмед-паши и его матерью Нурбану. Поставляя новых красавиц султану, *валиде-султан* (так именовалась родная мать правящего султана) и принцессы выполняли свой династический долг, увеличивая число наследников. Чиновник XVII века Боровски позднее так писал о валиде-султан: «Она постоянно ищет красивых девушек, чтобы представить их ему». Каждый раз, когда султан приходил навестить мать, ему наливали кофе привлекательные новенькие девушки. Если он обращал на какую-нибудь внимание, ее называли *гёзде* — «в глазу». Если он хотел ее себе в постель, он сообщал об этом главному черному евнуху. История о том, что султан демонстрировал выбор, бросая перед девушкой платок, — не более чем миф.

Остальные женщины поздравляли новую фаворитку. Они сопровождали ее в ванну, мыли, надушивали и одевали ее. Потом они с музыкой и песнями провожали ее до спальни султана. После того как он переспал с ней, она уже называлась *икбал* — фавориткой. К концу своего правления Мурад III потерял всяческую сдержанность и, говорят, «отдавал должное» двум или трем женщинам в ночь, став отцом 102 детей. После каждого акта полового сношения, подчиняясь мусульманскому требованию мытья после совокупления, он принимал ванну. В результате у него начались эпилептические судороги¹⁸.

При Мураде III в 1570-х годах произошел рост размеров, политической важности и числа гаремов. Гарем состоял из лабиринта комнат, коридоров и двориков — для женщин, евнухов, валиде-султан, фавориток и госпиталя. Валиде-султан наслаждалась величественными апартаментами из ванной комнаты, комнаты для молитв, столовой, тронного зала и спальни. Расположенные в центре гарема, они обеспечивали легкий доступ во все помещения — в том числе и в гаремную тюрьму, расположенную непосредственно под комнатами.

Другие три сотни комнат были удивительно маленькими — возможно, чтобы их было легче протапливать. Их украшали мраморными дверными проемами, потолками с золотыми арабесками и изникскими изразцами. Некоторые оконные ниши имели фонтанчики — чтобы защищать личные разговоры звуком бегущей воды. Надписи на изразцах распространяли все ту же идею имперского великолепия. Надпись над главным входом в гарем, возле Дивана, сделанная во время правления Мурада III, утверждает, что это вход в гарем небес, чары которого удивят даже рай. На изразцах внутри помещений располагались такие надписи, как: «Бог, спаси султана Османов... и пусть эта дверь всегда будет дверью к победе императора!», «Пребывающий в чистоте, будь всегда Императором Мира!», «Его превосходительство султан Ахмед, второй Александр, построил этот дворец, спроектировав его сам. Тут пахнет умом. Каждый вздох и порыв ветерка — это чистейший мускус и янтарь любви»¹⁹.

С 1574 года и до самой смерти в 1583 году мать Мурада III Нурбану являлась валиде-султан или королевой-матерью — первой из многих. Хотя она и жила в отдельном дворце вне городских стен, Нурбану контролировала гарем и султана — как говорили, «все хорошее и все дьявольское шло от королевы-матери». Через свою *кира* (посредницу), еврейку Эстер, она поддерживала контакт с внешним миром и часто писала венецианскому балыи в Пера, прося у него подарки в виде шелка, парчи и подушек. Так как она помогала поддерживать мир между Венецией и Османской империей, а также организовывала выкуп военнопленных, он всегда спешил угодить. Нурбану также переписывалась, как «Королева-Мать Султана, Великого Синьора», с «Королевой-Матерью Короля», Екатериной Медичи, об условиях договора между Францией и Османской империей. Ее послание от 1583 года демонстрирует имперский тон гарема, статус его обитательниц и их отношение к предметам и животным: *«Этим сообщаю балыи [Венеции]! Ты должен прислать двух болонок. Теперешние болонки не нужны — они крупные, с длинной шерстью. Так знай! Пусть они будут белыми и маленькими!»*

Воспитанная как православная христианка, Нурбану в 1582 году поручила главному императорскому архитектору Синану построить мечеть, которая бы сияла от религиозной радости, — Атик Валиде Ками, на холме над Ускюдаром. К ней примыкали

больница, хамам, гостиницы и кухня, варившая похлебку «для бедных и несчастных». О том, что являлось основным мотивом Нурбану, набожность или тщеславие, можно судить по записи об основании вакуфа (фонда) мечети:

«Чтобы удовлетворить ее желание достичь заслуг в глазах Аллаха, валиде-султан выделила из своего незаложенного имущества и собственности те части, которые будут упомянуты в этой доверенности. С чистосердечным и искренним намерением, лишенным хитрости и обмана, лишь с чистейшими помыслами, она приказала воздвигнуть множество больших и великолепных благотворительных сооружений».

Три школы для изучающих и цитирующих Коран и учащих Кадиш были построены возле мечети, «потому что она придает большое значение образованию и считает важным поднять и облагородить его среди людей»²⁰.

Люди Константинополя и османское правительство принимали авторитет валиде. Временами он был не меньшим, чем у королевы-матери Екатерины Медичи, Марии Медичи или Анны Австрийской в Париже. В различных ситуациях все они командовали мужчинами и помогали сохранить власть своим сыновьям. Как мать, валиде-султан стала символом стабильности и иерархии. После 1574 года, когда из-за случайностей династической биологии султаны все чаще оказывались моложе и менее способными, чем их предки, валиде переняла часть представительских функций султана, став олицетворять собой престиж и необыкновенную щедрость династии, — а при случае, и ее остатки здравого смысла. Османы именовали валиде-султан «венцом скрытной скромности» и «матерью всех верующих».

К XVII веку матери султана стали отходить доходы от определенных земель короны. Она получала самое высокое жалованье в империи — выше, чем у великого визиря: 3000 акче в день. Зачастую доход ее был еще больше благодаря подаркам от послов, пашей и ее сына-султана. Ее власть регулярно демонстрировалась в городе. Однажды в 1668 году, возвращаясь из поездки в Эдирне, валиде-султан въехала в Константинополь, одетая в красную парчу и окруженная как минимум пятитысячной свитой: солдатами, придворной охраной, церемониймейстерами, евнухами, улемами и фаворитками султана. Прохождение процессии заняло три часа.

Когда новый султан всходил на трон, его мать участвовала в государственной процессии из Старого дворца в центр города — к новому дворцу на мысе Серальо. Окруженная придворными и солдатами, алебардчиками и янычарами, зримый символ матриархата, валиде-султан передвигалась в экипаже, запряженном шестью лошадьми, за ним следовал экипаж поменьше, из которого веселящейся толпе разбрасывали монеты. Подарки раздавались в каждом караульном помещении янычар вдоль маршрута. Во внешнем дворе дворца ее встречал сын, который отдавал ей *теменну*, или почетное приветствие, и целовал матери руку через окно²¹.

Дыра в стене символизирует власть гарема: однажды в конце XVI века в Золотой Тропе гарема была проделана круглая дыра, смотрящая в Зал Советов. Таким образом, самая последняя политическая информация достигала гарема, образно говоря, через окно, — раньше, чем самых высших правительственных чиновников²².

Точный способ действия гарема и цель его гаремного влияния трудно формализовать. Однако правление Мурада III со временем начало рассматриваться и османами, и иностранными наблюдателями как поворотная точка в судьбе Османской империи — и самого гарема. Историк Мустафа Селаники записал в конце XVI века: *«Хвастовство государства чрезмерно, и императорская помпезность растет; затраты на избыточное потребление достигли такого пика, что общественных богатств уже не хватает... Никто больше не желает воевать ради Бога. Люди не желают счастья мученичества»*. Расходы на пищу и питье во дворце, по словам другого османского мыслителя, Мустафы Али, *«оказались выше всяческого описания... Воровское племя поваров, хлебопеков и буфетчиков нашло защиту у аги благородного гарема... Тайно или открыто этот океан заливают континент Порты. Обильный поток дорогих напитков кувшин за кувшином начинает передвигаться из императорской буфетной в апартаменты дворцовой стражи»*. Каждый день дворец потреблял около 168 килограмм миндаля и 224 килограмма пахнущей мускусом розовой воды. Если визирь пытался проверить расходы, придворные бежали к султану, крича: *«Он урезал количество пищи, предназначенной для нас!»* В итоге приказ отменяли...²³

Венецианский посол высказался еще более определенно: *«Женщины и евнухи постоянно крутятся вокруг него [Мурада III]*

и обычно могут вставить последнее слово... Рядом с ним нет достойной персоны, которая может дать дельный совет... он никому не верит — и правильно делает, потому что знает, что всех людей, которые ему служат, легко подкупить». В начале XVI века паши уже имели репутацию людей, рвущихся получить деньги больше, «чем дьяволы — получать души». При Мураде III подкуп стал пожирать систему империи. Шемси-паша, популярный при трех султанах поэт и враг великого визиря Соколлу Мехмеда*, был последним из династии, правившей землями у Черного моря до возвышения османов. Он помогал Мураду III отвечать на петиции, которые султану подавали по пути на пятничную молитву. Однажды люди увидели, что он улыбается, покидая дворец. Когда его спросили о причине, его ответ подтвердил, что одними из самых худших врагов османов являются их мусульманские подданные: «Наконец-то я отомстил османам за династию Кизил Ахмедоглу; если они превратили в руины нас, то я только что подготовил такую же судьбу им». Когда же его спросили, как именно он это сделал, он ответил: «Я добился, что султан продаст собственные интересы... с сегодняшнего дня султан сам покажет пример коррупции, которая разложит империю»²⁴. Однако паша недооценил способность империи быстро восстанавливаться.

И в старом, и в новом дворцах число женщин быстро росло — со 167 в 1552 году до 230 в 1574-м и 373 в 1600-м. В 1622 году их было уже 642, в 1652 году — 967. Шестикратный рост их числа сопровождался ростом расходов в четырнадцать раз. В XVIII веке число женщин в гареме колебалось между четырьмя и восемью сотнями, но оно снова выросло до 809 к 1870 году.

Евнухи в гареме были почти так же важны, как и сами женщины. К 1603 году их здесь насчитывалось 111²⁵. Проданных или захваченных в плен в Судане черных мальчиков увозили в Асьют на Ниле. Там, чтобы повысить их рыночную стоимость, мальчиков кастрировали. Этим занимались копты, так как кастра-

* Шемси Ахмед-паша был губернатором Анатолии и Румелии, в 1561 году он женился на Айше Хюмашах, внучке Сулеймана Великолепного и Хюррем-султан, дочери Михримах и Рустем-паши. После того как Соколлу Мехмед-паша был убит неизвестным дервишем, Шемси занял его пост — но умер через год от воспаления мочевого пузыря. (Прим. ред.)

ция была запрещена Кораном, и мусульмане стыдились ее осуществлять. Затем их кораблями доставляли в Константинополь и покупали для гарема на рынке рабов, который располагался возле базара в центре города. Им давали прозвища — вероятно, в соответствии с их внешностью: Тюльпан, Шафран, Щегол или Изумруд. В миниатюрах, изображающих похороны валиде-султана или церемонию обрезания принца, их черные лица образуют поразительный контраст с белыми тюрбанами на их головах и с белыми османскими лицами вокруг них. В течение трехсот тридцати лет, с 1574 по 1907 год, одним из самых могущественных людей в империи, главным черным евнухом, оставался африканец. Почти равный по влиянию великому визирю и муфтию, он контролировал финансы гарема, а к XVII веку также и императорские мечети Константинополя.

Главный евнух также контролировал вход в гарем и дисциплину в нем, он имел доступ к самому султану. Бобовский записал: «Этот чиновник... имел более легкий доступ к принцу и обладал большими возможностями приблизиться к нему в любой час, даже когда тот удалялся со своими дамами»; евнух «имел тысячи возможностей заставить султана делать, что они хотят». Как у многих дворцовых чиновников, его власть простиралась далеко за пределы города. Он контролировал финансы всех святых мест, включая Мекку и Медину, а с 1645 по 1760 год — и город Афины. Один главный черный евнух стал так богат, что построил новый порт в устье Дуная²⁶.

По словам одного обиженного придворного, евнухи могли удовлетворять женщин: ведь отрезались обычно яички, а не пенис. Историк XVIII века Али Сейди-бей записал:

«Я свидетель того, что эти черные язычники настолько вероломны, что влюблялись в одну или двух из одалисок и тратили на них все, что зарабатывали. При каждой возможности они тайно встречались и имели близость... Вы можете спросить: а одалиски, которые имели отношения с этими черными евнухами, получали ли от них удовольствие? В Стамбуле общеизвестно, что одалиски испытывали удовольствие. Два алебардщика из нашего отряда, которые женились на одалисках из императорского дворца, развелись с ними в течение недели, когда одалиски сообщили своим мужьям: „Вы не можете дать нам то, что давали черные евнухи“»²⁷.

Одной из главных обязанностей евнухов оставалась обязанность следить за принцами крови. Братоубийственный закон Мехмеда II просуществовал весь XVI век. При восшествии на престол Мехмеда III в 1597 году девятнадцать новых братьев султана были взяты из гарема. Они поцеловали руку султана, им сделали обрезание, а затем задушили шелковым платком. Один молодой принц сказал: «Позволь мне доесть мои каштаны и потом задуши меня». Другой, по словам великого хроникера XVII века Эвлии Челеби, был оторван от материнской груди и убит, выпустив молоко своей матери через нос, а душу через рот. Девятнадцать гробов, мучительно маленьких, проследовали за гробом мертвого султана из дворца.

Жен и дочерей умершего султана забрали в Старый дворец в центре города, известный, по определенным причинам, как «дворец слез». За обеими процессиями наблюдали жители города. Эвлия записал: «Ангелы в небесах слышали вздохи и горестный плач народа Стамбула»*. Среди населения, в отличие от правителей, семейные связи, по словам более позднего жителя города, ощущались очень сильно и честно поддерживались²⁸.

После 1607 года страх династического угасания привел к некоторым переменам в политике — хотя письменных объяснений их причин, как и многих других решений османского правительства, не сохранилось. Братоубийство было заменено на пожизненное заточение принцев в специальных покоях в императорском гареме — по сути, в роскошной тюрьме. Под усиленной охраной и под присмотром специально обученных евнухов они получали формальное османское обучение, а также обучались ремеслу — такому, как изготовление колец из слоновой кости или вышивка. Гарем из бесплодных женщин утешал их в этом отрыве не только от трона, но также от внешнего мира. Теперь власть султана на-

* Вот речь Генриха V перед братьями во время воцарения в «Генрихе IV»:

«Не смешивайте, братья, свою печаль со страхом.

Наш двор английский, не турецкий, я не сторонник шаха».

Однако войны за наследование короны, описанные в исторических пьесах Шекспира, — именно то, что должно было предотвратить введение закона о братоубийстве. Более того, как показывают те же пьесы, противостояние Ланкастеров, Йорков и Тюдоров со временем почти сравнялось по масштабу жертв с количеством османских казней. (Прим. авт.)

следовалась не по праву первого, кто достиг Константинополя, а по праву старшего сына в роду.

Кроме евнухов гарем населяли немые и лилипуты, чья физическая неполноценность в глазах султана делала их прекрасными слугами и шутами. Однажды в XVII веке султану представили уникальное явление: немого лилипута-евнуха. Императорский гарем стал для него раем. Любимец и султана, и валиде, он мог ходить, где хотел, «одевался в бесценные жилеты» и «ни в чем не испытывал нужды»²⁹.

Гарем представлял собой машину для обеспечения непрерывности династии, даже против воли султана. Он также являлся школой, которая, как и ее модель, школа пажей, воспитывала элиту таланта и лояльности. Девушки изучали здесь манеры, шитье, музыку, чтение и письмо — не всегда хорошо, по свидетельству сохранившихся писем, — а также искусство доставления удовольствия. Те, кому не удавалось привлечь внимание султана, помогали управлять гаремом. Старшие чиновницы гарема назывались *уста* или *калфа* — теми же самыми словами, какие использовались в гильдиях для обозначения мастеров ремесла. Калфа носила отделанное мехом платье со шлейфом, большой головной убор, обвешанный драгоценностями, и высокие ходульные башмаки на деревянной подошве. Знаком ее ранга был церемониальный посох. Она смотрела за всем и пользовалась очень большим влиянием. Ниже калфы стоял штат *джарийе*, или служанок, которые работали в апартаментах, прачечной, буфете, на кухне и в лазарете, а также принимали роды и занимались воспитанием детей султана³⁰.

Благодаря английскому механику по имени Томас Даллам мы можем заглянуть сквозь замочную скважину и увидеть дам гарема. Даллам прибыл в Константинополь в 1599 году, он сопровождал орган, посланный Елизаветой I в подарок султану. Ему было приказано установить его в четвертом дворе дворца. Там эскорт янычар указал ему решетку в стене, через которую он мог видеть дам в гареме. Они играли с мячом:

«При первом взгляде я решил, что это молодые мужчины, но когда я увидел волосы на головах, свисавшие по спине косами, с кисточками мелких жемчужин на концах и другими гладкими украшениями, я понял, что это женщины, и очень хорошенькие. На голове каждой не было ничего, кроме маленькой шапочки из

золотой ткани, которая прикрывала лишь макушку, и никаких лент на шее — лишь красивые цепочки из жемчуга и драгоценных камней на груди и серьги в ушах; их платья походили на солдатские кафтаны: некоторые из красного атласа, некоторые голубые или других цветов, подпоясанные тесьмой контрастного цвета. На них были шаровары из скаматика [тонкая хлопковая ткань] — белого как снег и тонкого как батист, так что я мог различить сквозь ткань очертания их бедер».

В конце концов, янычары оттащили его, «чем я был очень недоволен, так как картина была удивительно приятной».

После девяти лет нахождения в гареме женщины, которых султан «не заметил», если они формально подавали прошение, могли покинуть дворец и выйти замуж. Их образование и связи делали их желанными невестами. В конце существования империи один учитель записал: *«Когда я увидел их утонченные манеры и вежливость, я понял, почему наши всегда предпочитали жениться на женщинах, которые служили во дворце»*³¹.

Самой могущественной женщиной в управлении гаремом была не Хюррем, или Нурбану, а магнетическая и амбициозная валиде Кёсем (ее имя означает или «безволосая», или «первая» — потому что однажды утром она оказалась первой девушкой в очереди, ожидавшей султана). Родившаяся около 1589 года (возможно, она была дочерью греческого священника с острова Тинос), она стала супругой Ахмеда I, который построил мечеть Султан-Ахмед. Несмотря на предоставлявшиеся искушения и давление со стороны матерей, некоторым султанам повезло испытать истинную любовь. При жизни Ахмеда, говорят, «она [Кёсем] может делать с властителем все, что хочет, и абсолютно владеет его сердцем, так что он никогда ей ни в чем не отказывает». Высланная после его смерти в 1617 году в Старый дворец, она вернулась в Новый дворец как валиде-султан, когда ее юный сын Мурад IV вззошел на трон в 1623 году.

Заботясь о мальчике-султанине со своей базы в гареме, она смогла стабилизировать управление, переплавив большую часть дворцового золота и серебра, чтобы заплатить войскам. Интересы султана иногда пугали представителей его династии. Когда Мурад IV достиг зрелости, он вернулся к традиции братоубийства и, чтобы убрать двух соперников, убил двух братьев. Его мать не дала ему убить единственного выжившего брата Ибрагима —

убедив, что тот слишком ненормален, чтобы представлять угрозу. Однако часто валиде сталкивалась с тем, что и султан, и империя оказывались слишком трудно контролируемыми. Она писала великому визирю:

«Что-то совершенно необходимо делать с Йеменом — это ворота в Мекку. Вы должны сделать все, что можете... Мой сын уезжает утром и возвращается ночью. Я никогда его не вижу. Он не бережется от холода и может снова заболеть. Говорю вам, эти огорчения по поводу ребенка разрушают меня. Поговорите с ним, когда у вас появится возможность».

Когда султан настаивал на поездке на ипподром, чтобы попрактиковаться в любимом спорте османов — *джирид*, или метании копья верхом на лошади, она жаловалась: *«Что я могу сделать? Мои слова теперь раздражают его. Лишь бы он остался в живых, он жизненно важен для всех нас. У меня так много забот, что я не могу описать их все»*. После жестокого, но успешного правления Мурад IV умер в 1640 году³².

Сначала его наследник Ибрагим был слишком напуган, чтобы оставить свои апартаменты в гареме. До тех пор пока Кёсем не приказала предъявить ему труп брата, он был уверен, что его ждет удушение, а не инаугурация. Во время его султанства гарем достиг нового уровня роскоши — в парфюмерии, тканях и ювелирных изделиях. Любовь Ибрагима к женщинам и мехам привела к возникновению комнаты, полностью обтянутой рысьими и соболиными шкурами, в которой он «показывал себя». Кёсем помогала отыскивать для него девственниц и толстых женщин, которых он страстно любил. Когда энергия султана ослабла, он ограничивался новой женщиной каждую пятницу.

Нарушая традиции династии, Ибрагим женился на наложнице, устроив формальную церемонию: главный черный евнух выступал его доверенным лицом, великий визирь — султаном. Он поступил весьма оригинально, угрожая набить великому визирю брюхо соломой, если тот не вернет подарки, сделанные предыдущими султанами гробнице в Медине. Чтобы успокаивать свои нервы, Ибрагим пил кофе с толченым янтарем³³. Дела империи приходили в беспорядок. В итоге янычары, разозленные задолженностями по оплате и расхрабрившиеся из-за слабости пра-

вительства, схватили великого визиря, разрубили его на куски и продавали на улице.

Валиде-султан должна была действовать. Завернувшись с головы до ног в черный шелк, Кёсем явилась на собрание визирей у входа в гарем; при этом черный евнух обмахивал ее огромным веером. Ага янычар обратился к ней: *«Милостивая госпожа, безрассудство и сумасшествие падишаха завели мир в опасность; неверные забрали сорок замков на границе Боснии и заблокировали Дарданеллы восемьюдесятью кораблями, в то время как падишах думает только об удовольствиях, попойках и продаже должностей. Трубы и барабаны, а также флейты из дворца заглушают звук призыва к молитве с минаретов Айя-София»* — последнее было навязчивым страхом османов Константинополя³⁴.

В итоге Кёсем согласилась со свержением своего сына. У нее не было причины сожалеть о нем, так как он пытался сослать ее на Родос (подобно Кипру и Египту он был привычным местом ссылки из османской столицы) и заставлял принцесс, ее дочерей, подавать своим любимым наложницам мыло и воду. Согласно одному рассказу, Кёсем представила совету Мехмеда, семилетнего сына султана, со словами: «Вот он! Смотрите, что вы можете сделать с ним!»

При поддержке муфтия Константинополя Ибрагим был свергнут и позднее задушен. Когда палач приблизился, последними стали такие слова Ибрагима: «Неужели нет никого из тех, кто ел мой хлеб, кто пожалеет обо мне и защитит меня? Эти жестокие люди пришли убить меня. Пощады! Пощады!»

Сила характера Кёсем оказалась такой, что она осталась валиде-султан вместо Турхан, матери нового султана — Мехмеда IV. Известная теперь как Бюйюк-валиде, или императрица-бабушка, Кёсем в 1651 году, в зените своей славы, в согласии со своей практической натурой воздвигла не мечеть, а самую большую из всех *хан*, или гостиниц в городе — многокупольную Бюйюк-Валиде-Султа-Хан возле большого базара. Построенная в виде трех дворов и трехэтажная, она была такой большой, что могла вместить 3000 путешественников.

Кёсем завоевала любовь города за свои многочисленные благотворительные деяния. Она освобождала своих рабынь после двух или трех лет службы и обеспечивала их приданым и меблированным жильем, чтобы они могли выйти замуж. В месяц Ред-

жеб она покидала дворец, переодевшись для маскировки, и лично организовывала освобождение посаженных в тюрьму должников, оплачивая их долги³⁵. Если на совете требовалось присутствие султана, Кёсем сидела рядом с ним, спрятанная занавеской. Ее открытость перевешивала ее осторожность. Резким, тэтчеровским тоном она критиковала визирей, говоря им прямо в лицо: «Разве я сделала вас визирями, чтобы проводить время в садах и винных погребах? Посвящайте себя делам империи и не допускайте, чтобы я снова слышала о вашем поведении!»³⁶

В конце концов, как в Вестминстере в 1990 году, мужчины ополчились против своей мучительницы. Они нашли союзника внутри гарема в лице матери султана, Турхан — женщины, найденной и представленной Ибрагиму самой Кёсем. Кёсем планировала укрепить свои силы путем свержения Мехмеда, сына Турхан, и возведения на трон его младшего брата — Сулеймана, мать которого она считала более сговорчивой, чем Турхан. Но одна из рабынь Кёсем информировала Турхан. Был запущен слух — возможно, старшим черным евнухом, — что Кёсем хочет задушить падишаха. 2 сентября 1651 года разъяренные евнухи и пажи схватили ее в гареме. Лояльная рабыня попыталась спасти свою хозяйку, заявив «Я валиде!» Но заговорщики не обманулись. Говорят, Кёсем спряталась в стенном шкафу на лестнице в покоях валиде. Кусок платья, торчащий из-под дверцы, выдал ее алебардщику, который задушил ее занавеской. Она сопротивлялась так сильно, что кровь брызнула у нее из ушей и носа и запачкала одежду убийцы.

«Убитая валиде», как стали ее называть, оставила после себя 2700 шалей, двадцать сундуков золота — и устойчивую репутацию в городе как набожного и щедрого человека. Когда стало известно о ее смерти, люди Константинополя, не сговариваясь, соблюдали три дня траура³⁷.

Никто из последующих валиде не имел такой власти, как Кёсем или Нурбану. Однако большая и изящная мечеть Валиде-Султан у Золотого Рога является символом долгого периода, известного как «султанат женщин», когда валиде-султан оставалась почти такой же важной фигурой, как сам султан. Она стоит не на краю города, как предыдущие мечети, построенные женщинами династии, а в его торговом сердце, между портом и базаром. Она основана Софией-султан, валиде с 1595 по 1603

год. Говорят, она сама назначала великих визирей. Строительство мечети началось в 1597 году, его остановили в 1603-м после смерти Софии, закончила мечеть Турхан в 1660 году. Никто из передвигающихся между Галатой и Стамбулом не может пропустить ее.

Писем, стихов или воспоминаний стамбульских женщин, живших вне императорского гарема, опубликовано мало. Их жизнь тяжело представить. Только в XIX веке начали слышаться отдельные голоса. Замужество было для женщины первостепенной целью. И оно начиналось — а в некоторых случаях заканчивалось — в хамаме. По Корану чистота была не второстепенной, а неотъемлемой частью набожности. Каждый район города имел общую баню, состоящую из ряда увенчанных куполом мраморных комнат с горячими и холодными ваннами и фонтанами; в определенные дни недели эти бани предоставлялись только женщинам. Характерно, что Хюррем построила замечательную двойную баню между Айя-Софией и мечетью Султан-Ахмед, где мужчины и женщины могли мыться в одно и то же время в двух отдельных, но почти равных секциях. Всего в городе насчитывалось почти 150 хамамов.

Эти мраморные храмы обеспечивали социальную жизнь, помывку, массажи и беседы — культуру, сравнимую с культурой Калифорнийского побережья. Как в нынешних саунах, для посетителей бань компания была столь же важным поводом, как чистота и благочестие. Даже если хамам имелся в собственном доме, богатая женщина ходила в общественный хамам как минимум раз в неделю. Она приходила сюда в сопровождении служанок с полотенцами, щетками, хной, сурьмой, куском критского мыла и парой банных сандалий на деревянной подошве, выложенных перламутром. Посещение хамамов стало встречами, на которые можно было приносить пищу и домашних любимцев, сюда приглашались друзья и музыканты.

После ванной и массажа, без одежды, в одних льняных сорочках, женщины выщипывали брови, красили хной волосы — а иногда ноги и руки. Ханафиты — ветвь ислама, к которой принадлежали турки-сунниты, — считали необходимым удалять волосы со всех частей тела: из ушей, ноздрей, с ног, из подмышек.

Женщины использовали специальные депиляторные пасты, делавшиеся из сахарного сиропа или лайма и мышьяка³⁸.

Живое описание мира хамама — столь отличного от городского мира снаружи — пришло от леди Мэри Уортли Монтегю, жены британского посла в 1717–1718 годах, во времена, когда империя повернулась от войны к удовольствиям.

«Первые диваны покрыты подушками и богатыми коврами, на них сидят леди, а на вторых — их рабыни, позади них, но без каких-либо различий в рангах по одежде; все в естественном состоянии, то есть, говоря прямо — просто голые, без приукрашивания или сокрытия дефектов. Но при этом ни у кого нет ни малейшей распутной улыбки или нескромного жеста... столь много обнаженных прекрасных женщин в различных позах, некоторые беседуют, некоторые работают [шьют], другие пьют кофе или шербет, пока их рабыни (обычно хорошенькие девушки семнадцати-восемнадцати лет) заплетают их волосы несколькими симпатичными способами. Короче говоря, это такая женская кофейня, где обсуждаются все новости мира, рождаются сплетни и т. д. Женщины обычно предпринимают такие развлечения раз в неделю и находятся там четыре-пять часов»³⁹.

Отдыхая в хамаме, матери могли обсуждать проблемы со своими подругами или выбрать подходящую невесту для сына (хотя некоторые больше полагались на профессиональных свах, ходивших от дома к дому). Затем следовал ритуал визитов в семью девушки, дабы проверить ее красоту и искусственность в шитье, варке и других необходимых для жизни умениях. Если мать получала благоприятное впечатление, она сообщала об этом сыну. Если приходили к соглашению, молодой человек посылал невесте подарок: шаль, вышитое изделие, драгоценность. Принятие подарка было эквивалентом помолвки.

За два-три дня до свадьбы на целый день семья невесты снимала хамам. Друзей девушки развлекали танцами, музыкой, пикантными историями. За день до свадьбы — обычно в среду, — чтобы отметить переход из незамужнего в замужнее состояние, невеста проводила дома «девичник», на который гости надевали лучшую одежду из шелка и бархата. Над головой невесты разбрасывали монеты как символ изобилия. Держа подносы с установленными

на них зажженными свечами, подружки невесты ходили туда-сюда по дому и саду, пели песни о наступающей свадебной ночи:

*На окнах переплеты незнакомые, о, Моя Ночь,
Серебром и золотом сверкают свечи, о, Моя Ночь,
Но не нужны мне пышные хоромы, о, Моя Ночь,
Ждут ласки рук твоих трепещущие плечи, о, Моя Ночь.*

Затем свекровь вручала поднос в руки невесты, и цыгане танцевали танец, описанный в 1870-х годах леди Блант, женой британского купца в османской столице, как «самый необузданный и нескромный по своей природе».

В четверг утром невеста, одетая в пышный наряд и усыпанная украшениями, получала от отца пояс, который символизировал ее новый статус замужней женщины. Головной убор невесты из драгоценностей и цветов готовился заранее, за несколько дней, женщиной, называвшейся *башлыкчи*: одна башлыкчи, известная из-за размера ее дома в «пол-Константинополя», была убита из-за своих драгоценностей.

В день свадьбы друзья жениха и родственники собирались в его доме. Стреляя из ружей в воздух, они отправлялись к дому невесты, ведя с собой осла. Полностью закутанную в вуаль, невесту усаживали на осла и сопровождали обратно к дому жениха с другой процессией, образованной из шутов и другой подобной публики, они несли ее приданое и свадебную пальму. Члены ее семьи могли работать на приданое со дня ее рождения: оно обычно включало молитвенный коврик, серебряное зеркало, пару банных туфель и много коробок из орехового дерева. Затем приданое выставлялось на обозрение в новом доме.

Богатые семьи пытались соперничать с великолепием императорского приданого. Один паша решил дать своей дочери приданое, которое никто не посмел бы критиковать. Венцом его гордости стала жаровня из чистого золота. Он сам спрятался неподалеку, чтобы услышать похвалы приданому, — но услышал, как одна старуха сказала: «Одна показуха!» Когда он вышел, чтобы спросить, что она имела в виду, та ответила: «Ты забыл про щипцы для углей!»

Музыка, танцующие девушки и освежающие напитки украшали как *харемлик* (женское помещение), так и *селамлик* (мужское

помещение) в доме жениха. Примерно в девять вечера в проходе между двумя помещениями имам объявлял пару мужем и женой. *«Скоро невесту отведут одну в свадебную комнату, где оставят одну. Со временем приходит жених и просит разрешения снять ее вуаль и усладить свои глаза ее красотой. Она будет отказываться, но в конце концов сдастся. Он начинает целовать»*. Девушка вступала в новый мир⁴⁰.

Ждало ли ее счастье? Похоже, большинство женщин с радостью принимали закрытый мир домашнего хозяйства, ограниченный требованиями уборки, готовки пищи и воспитания детей, — частично, потому что замужняя женщина имела более высокий социальный статус. На работу вне дома, например, служанкой, таких не брали. Частные гаремы были намного меньше, чем императорский гарем, так как никто не обладал богатством султана, а также не имел аналогичных проблем с обеспечением наследования. Но нет сомнения, что в частных домах Константинополя встречалось много женщин, столь же любимых, как Хюррем, и столь же властных, как Нурбану и Кёсем.

Однако для богатого гетеросексуального мужчины со стремлением к разнообразию Константинополь мог быть истинным раем. Некоторые часто меняли жен или, как султан, покупали большое количество рабынь. Однажды султан спросил поэта XVII века Фенани, есть ли такое удовольствие, которого султан еще не испытал. «Да, — последовал ответ, — внезапно отречься от четырех законных жен — самое большое удовольствие в мире. Это истинное удовольствие властителей». Любой мусульманин мог одновременно завести четырех жен, если имел возможность их содержать, и развестись с ними, когда пожелает. Но и помимо законных жен мусульманин мог купить столько рабынь, сколько хотел, чтобы обслуживали его домашнее хозяйство. Только очень богатые или очень властные жены осмеливались угрожать возвратом в дом своего отца⁴¹.

Некоторые жены мирно уживались вместе в одном доме, соглашаясь отдать первенство первой жене как главе гарема. Другие жили в отдельных домах в разных районах. Один старик в 1840-х годах держал одну жену в Константинополе, другую в Топхане, третью в Ускударе и четвертую на Босфоре, так что, когда бы он ни приезжал в город, он всегда мог спать в доме с женой, которая готовила ему плов. Богатые женщины могли случайно уз-

пать, что их муж много лет содержит другую жену в другом доме. Автор этой книги познакомился в Стамбуле с женщиной, двоюродная бабушка которой была женой командующего гвардией султана, Тахир-паши. Однажды она спросила в своей любимой хамам — кто эта красивая новая посетительница? «Это жена Тахир-паши»⁴², — последовал ответ.

В то время как османские принцы оставались изолированными в Топкапи, сестры и дочери султанов владели самыми большими домами на Босфоре. Имена этих женщин сопровождалась добавкой «-султан»: Айсе-султан, Фатима-султан и так далее. Значительная часть доходов их мужей, высокопоставленных пашей, съедалась дороговизной содержания их жен царственной крови — на что и рассчитывал султан. Великий Канал в Венеции являл видимое свидетельство богатства и власти семей венецианских патрициев, таких как Гритти, Контарини, Мосениго, чьи дворцы рядами выстроились по его берегам; но Босфор отражал в первую очередь присутствие в городе одной семьи — династии Османов.

Мужья принцесс считались рабами своих жен. В свадебную ночь муж, если он был допущен в спальню своей жены, осмеливался приблизиться только к изножью постели. Иногда мужья отсылались прочь из столицы — управлять провинцией. Принцессы никогда, за немногими исключениями, не соглашались присоединиться к ним*. Размер их дворцов отражал их статус, а не число их детей: чтобы ликвидировать потенциальное соперничество с султаном, после 1607 года детей принцесс обычно убивали при рождении. К 1842 году султан захотел упразднить эту традицию. Но его наложницы, больше османки, чем их хозяин, организовали убийство сына, только что родившегося у его сестры Атийе. Говорят, они оправдывали себя словами: «Что такое жизнь одного младенца по сравнению с ужасом пятидесяти гражданских войн?» Принцесса умерла от горя спустя два месяца⁴³.

Некоторые принцессы выходили замуж вполне счастливо. Так, в XVII веке Кайя-султан, дочь Мурада IV, который однажды отдал ей всю годовую дань с Египта, была благочестивой

* В XIX веке одна женщина из гарема султана, нашедшая убежище в британском посольстве, клялась, что скорее выйдет замуж за *хамала* (привратника), чем оставит Константинополь. (Прим. авт.)

мусульманкой и мудрой правительницей своего дома. Историк Эвлия Челеби говорил с ней через решетку окна — знак того, что сексуальная изоляция для более старших женщин становилась менее строгой. Он записал: *«Она никогда не испытывала удовольствия от компании женщин, предпочитая уходить в одиночество и занимать себя молитвами. На деле она и паша [Мелек Ахмед, ее муж] ежедневно исполняли пять молитв вместе... В конце концов, она любила пашу и, отстраняя себя от всех развращенных женских компаний, проводила время в беседах с пашой»*. Они наслаждались «приятными схватками» в постели сорок восемь раз в году, и она помогла ему получить высокую должность. После ее смерти вдовец снова женился на другой принцессе — пожилой Фатиме-султан. Он рассказал Эвлие: «Муками, которые я испытал от этой моей жены во время первой брачной ночи, не карали даже пленников на Мальте*. Прости меня бог, что за бесстыжая, нескромная женщина!»⁴⁴

И все-таки даже эти наиболее могущественные и привилегированные женщины могли терзаться ревностью. Адиле-султан, дочь великого реформатора XIX века Махмуда II, вышла замуж за армейского офицера Мехмеда Али-пашу. Они любили друг друга. Однажды на фешенебельном приеме в местности возле Золотого Рога, именовавшемся «Сладкие Воды Европы», некая дама привлекла внимание Али-паши. Так как она была укрыта густой вуалью, он не знал, кто она. Он бросил надушенный платок к ее ногам. В эту ночь паша нашел платок на подушке возле своей спящей жены.

Другой раз она пошла помолиться в дальнюю мечеть. Желая отдохнуть по пути, она зашла в некий дом, где была приветливо встречена. Хозяйка предложила ей кофе и шербет, гостья спросила ее имя и та ответила, что она жена Мехмеда Али-паши. Адиле-султан поблагодарила и ушла. После этого она жила в уединении и писала поэмы, все более печальные. Когда она умерла в 1898 году, ее похоронили возле мужа. Они никогда не касались в разговорах с ним его неверности⁴⁵.

Менее благовоспитанные дома знали бури ревности. Мужчины могли использовать домашних рабынь в сексуальных целях.

* Считалось, что рыцари-иоанниты на Мальте обращаются со своими пленниками за пределами всякой грубости. (Прим. авт.)

Иногда они обращались к имаму за разрешением не слушаться предписаний Корана мыться после сношения, так как эти омовения привлекают внимание жен и поднимают их гнев против рабынь. Леди Блант записала: *«Каждая из ханум [жен], которых я знала, регулярно посещала прачечную, чтобы простирать собственными руками одежду мужа после ванны, боясь, что если какая-нибудь из ее рабынь сделает эту работу, она приобретет власть над хозяином и сможет околдовать его, чтобы заменить супругу в привязанности ее мужа»*⁴⁶.

Одна из самых крупных современных турецких писательниц, лидер первой волны константинопольских феминисток, Халиде Эдиб, описала дом своего отца в период последнего золотого периода города до 1908 года: *«[Полигамия] была проклятием, ядом, от которого наш несчастный дом не мог избавиться, как от системы... Постоянное напряжение в нашем доме превращало каждую простую церемонию в физическую боль, и последствия не обходили даже меня. Комнаты жен располагались напротив друг друга, и мой отец посещал их по очереди...»*⁴⁷

В гареме существовало одно отвлекающее начало — гостеприимство подругам хозяйки гарема: гречанкам, еврейкам, армянкам и даже мусульманкам. Среди гаремов происходил постоянный обмен визитами: для расследования, проверки, приветствий, поздравлений, соболезнований. Посетительницы часто проводили в чужом гареме ночь. Женщины с большими связями могли проводить в визитах целый год. Визитеры действовали как почтальоны и светские хроникеры, передавая городские новости. Профессиональные торговки также ходили из дома в дом, покупая и продавая одежду и украшения.

Некоторые султаны пытались усилить изоляцию гаремов. Осман III (1754–1757) запретил женщинам выходить из дома более чем четыре дня в неделю; Мустафа IV (1807–1808) выпустил указ, вообще запрещающий женщинам выходить из гарема. Некоторые женщины начинали настолько бояться мужчин, что если бы произошел пожар, они предпочли бы сгореть до смерти, чем спастись в руки соседа или янычара. Временами женщин осуждали даже за такую традиционную женскую деятельность, как поход на рынок «среди мужчин» или посещение кладбища.

Обычно женщины молились дома. В мечетях они молились в специальных галереях или позади барьеров, а не в главной

части мечети. Женщина, даже столь могущественная, как Хюррем, как говорят, выходила в город только ночью — хотя она совершала долгие путешествия в провинции, чтобы навестить сыновей. Бюйюк Валиде-Султан-Хан, построенную Кёсем, могли посещать только женщины с разрешения и в сопровождении охранника.

В императорском гареме, даже при относительной свободе XIX века, большинство женщин вели исключительно изолированную жизнь. Они влюблялись в мужчин, которых не видели: в голос, который пел однажды лунной ночью на Босфоре; в виолончелиста, играющего вдалеке. В обоих случаях девушки годами сохраняли любовь, ничего не зная о возлюбленных. Когда в «Дон Жуане» Байрон написал, что для турка супружество и дверной замок означают одно и то же, он едва ли преувеличивал⁴⁸.

Однако существовали и пути к независимости. На Западе мужья тоже контролировали судьбы своих жен. Даже такая сильная личность, как Сара*, герцогиня Мальборо, могла управлять своей огромной собственностью только через опеку, созданную ее мужем, доверенные которого осуществляли контроль над ней. Но ислам устанавливал, что женщины должны сохранять контроль над своей собственностью — частично для того, чтобы предотвратить растрату приданого жены на что-либо другое. В Константинополе женщины управляли своей собственностью или напрямую, или через распорядителя. Некоторые женщины владели магазинами на базаре. Другие, как и их мужья, одалживали большие суммы правительственным чиновникам или иностранным послам. Юридические записи показывают, что в 1548 году одна женщина, Нефисе бинт Кемаль, владела водяной мельницей; в 1804 году Ношуар Ханым была владелицей пекарни. Женщины также являлись, как увидим далее, особенно эффективными работоторговцами⁴⁹.

Строительство оставалось одной из основных привилегий богатых женщин Константинополя. Из 953 мечетей внутри и вокруг города, имевшихся к 1962 году, 68 (или 7%) было построено женщинами либо для них. Из 491 османского фонтана, сохранившихся в Стамбуле до 1930-х годов, чья спокойная облицовка

* Имеется в виду Сара Черчилль (1660–1744), confidentка королевы Анны и супруга Джона Черчилля, первого герцога Мальборо, получившего этот титул в правление Анны. (*Прим. ред.*)

из серого мрамора столь же характерна для города как хоровод белых барочных фонтанов для Рима, 28% построено женщинами⁵⁰. На фонтане в Бешикташе, построенном Турхан-султан (чье первое имя было Хатис), прохожие могли прочитать:

*Хатис-султан, мать наилучшая Мехмеда-хана,
из султанов всех султана,
Прекрасного правителя, отца порядка и закона,
Фонтан величественный сей воздвигла, оплатив из своего кармана,
Чтоб жажду утолять могли все проходящие, мужья и жены.*

Фонтан, законченный в 1741 году, имеет надпись: «Когда мать Али-Паши Визиря в правление султана Мехмеда утолила жажду людей чистой и прозрачной водой своего милосердия, Риза из Бешикташа, дервиш Накшибенди произнес следующую эпиграмму: „Приди и пей воду вечной жизни из этого фонтана”»⁵¹. Здесь правил матриархат — но власть женщины определялась ее сыном.

Некоторые женщины Константинополя бросали вызов правилам. Поэтесса Хубби Хатун оставалась при дворе Селима II после смерти ее мужа и, ходили слухи, была наперсницей султана и любовницей нескольких его придворных. В начале XVII века горожанка по имени Лейла писала любовные поэмы:

*В твоих руках я таю, будто свечка, не заставляй меня страдать...
В аду горю, когда одна я, приди, рай только ты мне можешь дать!*

В XVIII веке Фитнат Ханым, сестру, племянницу и внучку Шейх Аль-Ислама, семья вдохновила писать поэмы. Она адресовала сонет утонченному великому визирю Раджиб-паше и даже посетила его литературный салон. Женщины могли становиться музыкантами или каллиграфами. Одна дама-каллиграф, разлученная с мужем, написала девять изображений Пророка — эти художественные работы она считала заменой детям⁵².

Быт более бедных женщин напоминал быт домохозяек на Западе, хотя разделение дома на мужскую и женскую половины соблюдалось всегда, хотя бы их разделяла лишь занавеска, висящая посередине комнаты. Небогатых женщин можно было увидеть, часто без покрывала, вместе с мужьями, на базаре, сидящими вместе вечером у дверей дома — или вытаскивающими мужа из таверны.

Некоторые женщины продавали то, что делали дома сами, — колбасы, полотно, вышитые полотенца, — на еженедельных рынках для женщин, устроенных в различных районах города.

Кроме домашних дел основным занятием женщин Константинополя оставалась вышивка — как и в сельской Анатолии, это было изготовление ковров. Ни одна другая империя не вложила столько энергии в иглу и нить. В середине XVII века французский путешественник Жан Тревико утверждал: «Их единственным занятием дома является ручная вязка и вышивка. Всю домашнюю работу выполняют рабыни». Сотней лет позднее один из величайших османских историков, Мураджа д'Оссон, записал: *«Весь женский набор — это громадный запас вышивки, которая украшает не только их одежду, но и все полотно, используемое в обыденном домашнем хозяйстве. Носовые платки, полотенца*, столовые салфетки и скатерти. На деле вышит весь верх их одежды, до штанов и поясов»*. В начале XX века Люси Гарнетт, этнолог, которая много лет жила на Балканах, писала: *«Работы иглой здесь особенно в большой цене, и многие годы до замужества девочка занимается все свои свободные часы, вышивая простыни, полотенца, стеганные одеяла, салфетки и другие предметы, которые позднее зачтутся в ее приданом и украсят свадебную комнату»*.

Используя некоторые цветочные узоры с изникских изразцов и бархатных кафтанов, вышивка прилагалась к каждому возможному объекту, от колыбели до гроба: покрывала на кровати, накидки на подушки, чехлы на тюрбаны, котомки, лошадиные попоны, молитвенные коврики. Самая ценная вышивка покрывала те коврики, которые каждый год отсылались в Мекку для Каабы. Вышивка также покрывала куски ткани, в которые вплоть до XIX века заворачивались письма и предметы, посылаемые от одного человека другому, так как бумажные конверты тогда не использовались. Чем богаче вышивка, тем больше любезность, оказываемая получателю. В богатых домах даже питье кофе сопровождалось использованием вышитых предметов: слуга приносил круглую скатерть, висевшую на одном плече. Сделанная из шелка или бархата, она была густо вышита золотой нитью и иногда драгоценными камнями; на кисточки пришивались

* Вышитые полотенца использовались как приз в стрелковых соревнованиях. (Прим. авт.)

жемчужины. Единственной целью этого действия было продемонстрировать красоту и богатство домашнего обихода.

Вышивка покрывала также одежду — как видно на импозантных платьях, жестких от золотой нити, таких как плащи глашатаев, представленных в музее Садберк Ханым в Буюкдере. С XVI до XIX века они мало изменились. Леди Мэри Уортли Монтегю носила парчовую дамасскую юбку и длинный восточный халат, а также инкрустированный драгоценными камнями пояс османской дамы: но больше всего «убивала ее глаза» вышитая настольная скатерть и салфетки. Зимой богатые женщины могли носить одежду из атласа, отороченную горностаем или соболем, головной убор (обычно бархатный) расшивался жемчугом или бриллиантами. На одной стороне прически прикреплялся букет из драгоценных камней, собранных так, чтобы выглядели как цветы: жемчужины представляли бутоны, рубины — розы, бриллианты — жасмин. Когда женщины выходили на публику, они надевали головные платки из тонкого белого муслина со щелью для глаз и закутывались в *ферас* или объемистую мантию, укрывающую их целиком от шеи до пяток⁵³.

Культ вышивки, как народная религия и императорские процессии, объединял различные социальные слои города. В 1673 году синьор Терсия, переводчик из Венеции, католик, живущий в Пера, показал друзьям приданое своей дочери. Оно принципиально состояло из платьев, платков, халатов, постельного белья — все было богато расшито «в турецком стиле» золотой или серебряной нитью, жемчугом или хрусталем *toutes de prix* (любой цены). Еврейские покрывала Торы и молитвенные накидки вышивались в таком же стиле и такими же цветочными мотивами, что и мусульманские ткани. Синагоги использовали коврики, выглядевшие как моленные коврики «там, где молятся исмаилиты [то есть мусульмане]»⁵⁴.

Слава турецкой вышивки со временем достигла другой цитадели роскоши — двора Франции. В 1570-х годах Екатерина Медичи и пятьюдесятью годами позднее Мария Медичи выписывали девушек из Константинополя, чтобы те обучали вышиванию их слуг. Вышивка всегда оставалась предпочтительным подарком высоким гостям столицы. Первыми подарками, врученными валиде-султан императрице Евгении, жене Наполеона III во время ее визита в Константинополь в 1869 году, стали традиционные вышитые платки⁵⁵.

ГОРОД ЗОЛОТА

Догматов держатся все разных — евреи, турки, христиане, Но, видит бог, всем безопасней, когда есть **ЗОЛОТО** в кармане...

Из «Писем исторических и критических от джентльмена из Константинополя другу в Лондон», 1730 год

Нет города более благоприятного вида, чем Константинополь, или же лучше, чем он, приспособленного для торговли.

Ожье Гислен де Бусбек, 1555 год

В жаркое лето султан часто перебирался из дворца в павильоны, смотрящие на море. Там, в прохладе бриза, он мог любоваться видом настолько захватывающим, что многие сначала сомневались в его реальности: огромное пространство моря, образованное соединением Золотого Рога и Босфора, усеянное постоянно двигающимися кораблями. Их было временами так много, что, как увидел Мельхиор Лорис в 1560 году, мачты и паруса почти скрывали воду.

Между более крупными судами, как мухи, по поверхности носилось множество маленьких лодок — в порту их насчитывалось около 15 тысяч¹. Связывая окраины города с центром сетью ежедневных перемещений, они двигались почти так же быстро, как чайки, снующие над головами людей, или дельфины, выпрыгивающие из воды. Пронзительные крики гребцов и их свистки делали порт шумнее, чем Неаполь. Константинополь куда больше, нежели Лондон или Лиссабон, соединял роли столицы и порта. Море не только входило в него — оно было сердцем города.

Направо от дворца через пролив виднелись первые холмы Азии и Ускудар — путаница деревень, мечетей и дворцов, где белые купола и минареты выступали из зелени садов, кипарисовых рощ. Налево, прямо через Золотой Рог от дворца, находилась

Галата — амфитеатр домов с красными крышами, увитыми зеленой растительностью и увенчанный серой башней.

Растянувшись на полторы мили левее Галаты, располагалось сердце морской мощи султана: императорский арсенал и доки. Арсенал представлял собой город внутри города, окруженный высокой стеной, с помещениями для постройки 200 галер одновременно. В 1650 году он выглядел как ряд автобусных гаражей с красными крышами. Кроме верфи тут находились фабрика по производству пороха и ряд военных мастерских, а после перевода в 1516 году штаб-квартиры османского флота из Галлиполи здесь же расположился дворец капудан-паши, командующего флотом. Вскоре он стал одним из основных чиновников Константинополя с правом заседать в Диване и неограниченной властью над островами Эгейского моря и Далмацией. Моряки именовались *левентами* — от итальянского слова «левантино» (житель Леванта), а также названия типа корабля, чья конструкция базировалась на венецианской модели, — а сами суда зачастую имели полуитальянские названия, вроде «Патрона» или «Каптан»².

Рядом с арсеналом располагались зловецкие здания, известные как *багно* (каторжная тюрьма), окруженные высокой стеной. Главными их обитателями были от двух до трех тысяч рабов, захваченных в результате военных действий и пиратских набегов в Средиземном море, где шла борьба между рыцарями ордена Святого Иоанна и алжирскими корсарами. Ужас жизни рабов, строивших галеры султана и служивших на них гребцами, смягчался наличием католических и православных церквей, предлагавших спасение в «божьем мире», а также усилиями христианских послов и религиозных орденов добиться их освобождения. Галерные рабы добавляли в полифонию Константинополя лингва-франка. Большинство их происходили из Испании, Италии или Франции, и разговор на смеси этих языков назывался «франго»³.

Каждое 6 мая на празднике великого мусульманского святого Хизира Константинополь отмечал свою роль морской столицы традиционным театрализованным зрелищем. Под взглядами всего города, из беседок или с лодок, капудан-паша и старшие морские офицеры медленно отплывали из арсенала по водам Золотого Рога к Ялы-Киоск на дворцовой набережной города. Там их фор-

мально принимал султан, окруженный домочадцами. Он облачал их в халаты и желал безопасного путешествия и успеха. После оглушительного салюта из береговых фортов и звуков военной музыки, исполняемой на борту каждой галеры ее солдатами, флот направлялся в поход для инспекции (а также для сбора налогов) к островам Эгейского моря. В 1583 году первый английский посол Уильям Харборн наблюдал за отплытием капудан-паши, «направлявшегося в море с тридцатью шестью галерами, расписанными золотом и красками и украшенными флагами и вымпелами»⁴. Церемония была столь же грандиозной, как и «свадьба с морем», праздновавшаяся в Венеции каждое 8 мая, — когда дож выходил в море на своей золоченой галере «Буцентавр» в сопровождении сотен более мелких суденышек, чтобы бросить в воду обручальное кольцо. Совпадение дат, цели и великолепия церемонии предполагает, что влияние Венеции распространялось и на многие аспекты морской жизни Константинополя.

Купеческие корабли стояли на якоре справа от военно-морской гавани, протянувшись вдоль верфей и пристаней Галаты и Эминёню, напротив и ниже дворца. Порт был настолько глубоководным и укрытым, что даже самые большие корабли могли разгружаться непосредственно на берег, используя деревянные сходни: удобство гавани было одной из причин появления на этом месте первого греческого поселения. Когда корабль подходил к берегу, капитан предоставлял реестр груза чиновникам османской таможни, которые затем проверяли товары сами. Янычар оставался на борту, пока не оплачивалась таможенная пошлина в 5 или 3 процента от стоимости товара. После получения документа об оплате товар можно было разгружать. Таверны и рынки Галаты и Эминёню являлись центрами жизни порта: купцы, грузчики и моряки приходили сюда каждый день в поисках выпивки и работы. Зимой, когда 120 или около того кораблей османского флота стояли в сухих доках, в арсенале, поведение левентов в тавернах Галаты становилось притчей во языцех, а само слово «левент» — символом дебоша.

Константинополь был самым крупным городом и одним из самых больших портов на Средиземном море. Все дороги и большинство торговых маршрутов в Османской империи вели в столицу: из Польши через Валахию, из Центральной Европы через Белград и Эдирне, от Венеции вниз по Адриатике

к Дубровнику, а также через разбойничьи горы Балканы. Как минимум раз в месяц в Ускюдар прибывали караваны, состоявшие порой из двух тысяч мулов и верблюдов. Они приходили из Персии, из великого порта Басра в верхней части Персидского залива и из Сирии.

На море Константинополь был конечным пунктом для торговых путей из Марселя, Венеции, Александрии и Крыма. Черное море являлось для Османской империи тем же, чем Южная Америка была для испанцев. С 1592 по 1774 год вся торговля в нем принадлежала исключительно османским подданным⁵.

Имперская идеология, как и собственные интересы, покровительствовали торговле. Один паша XV века советовал своему султану:

«Относись с расположением к купцам в твоих землях; всегда заботься о них; не позволяй никому изматывать их; не позволяй никому помыкать ими, так как через их торговлю земля становится процветающей, а их товарами обеспечивается дешевизна; через них великолепная слава султана разносится по окружающим землям, и ими увеличивается богатство на твоей земле».

В XVI веке османское правительство вело войны с Персией за контроль над торговлей шелком и с Португалией за пути вывоза специй из Индий в Европу, оно имело специальный государственный торговый флот⁶.

Чтобы усилить империю, османы стремились принимать в Константинополе все товары и все нации. Один флорентийский купец, торговец сукном и шелком, написал в 1502 году из Галаты о Баязиде II: «Султан оказывает нам свое расположение и желает, чтобы мы занимались своим делом в его стране». Действительно, дворец был крупнейшим клиентом продавцов заморской роскоши. Присутствие иностранных купцов помогало Константинополю поддерживать свою репутацию мирового города. Либеральные торговые законы, известные как «капитуляции», позволяли иностранным купцам жить в Константинополе и других османских городах под юрисдикцией и защитой собственного посла. Капитуляции были даны Венеции в 1454 году, Франции в 1569 году, Англии в 1581 году, Нидерландам в 1612 году. Флоренция и республика Дубровник имела их вплоть до своего падения. Священная Римская империя, Россия и Швеция получили их в XVII веке, Дания в XVIII.

Торговля оставалась одной из принципиальных причин, почему так много посольств посылалось в Константинополь; для венецианцев «главной целью бальи в Константинополе являлась защита национальной торговли». Так как и английское, и османское правительства ненавидели Испанию и разделяли стремление к коммерции, это привело к установлению дипломатических отношений между ними. Мурад III писал Елизавете I 7 марта 1579 года:

«Точно как люди *Franja, Venedic u Leyh* [Франции, Венеции и Польши], которые искренне преданы нашей Блистательной Порте, пришли и занимаются здесь торговлей, так же и купцы территории *Anletar* [Англии] пришли и идут, пока приходят и ходят, и путешествуют по нашим превосходно защищенным владениям, занимаясь торговлей, никто никогда не помешает [им]».

Первый английский посол, Уильям Харборн, являлся также купцом, который импортировал в Константинополь свинец, олово и сукно, а экспортировал вино мальвазию. До XIX века зарплату послу платила компания Леванта, у истоков которой стоял Харборн, а не британское правительство. К 1640 году в Константинополе насчитывалось двадцать пять английских фирм, в основном торгующих тканями⁷.

Однако не Англия, а Франция, политический союзник Османской империи с 1535 года, стала ее основным западным торговым партнером. Считалось, что в начале XVII века Французская «Левантская торговля» (то есть торговля с Османской империей), контролируемая торговой палатой Марселя, охватывала половину всей французской морской торговли. В XVIII веке она стала одним из главных факторов, обеспечивших доминирующее влияние Франции в османской столице. В 1789 году Османская империя была третьей по значимости на французском рынке после Испании и Америки; Франция контролировала около половины всей европейской торговли с империей. Константинополь импортировал из Франции сукно, бумагу, кожу и стекло, а экспортировал необработанную шерсть, шкуры, шелк и товары роскоши — икру, качественный желтый воск и обработанный козий волос для париков. Двумя особенными продуктами для города стала шагрень (высушенная кожа акулы, чья твердость ценилась изготовителями рукоятей шпаг и книжных переплетов) и мраморная

бумага, называвшаяся «турецкой бумагой», которую клеивали внутри переплета книг⁸.

XVI век был золотым веком империи, в этот период торговля шла гладко — как считается, благодаря значительному росту населения Константинополя, с 80 000 до 400 000 человек между 1477 и 1530 годами. Венецианский балъи записал в 1523 году: *«Я не знаю другого государства счастливее, чем это; оно располагает всеми дарами Бога. Оно управляет войной и миром со всеми, оно богато золотом, людьми, кораблями и повиновением: ни одно государство не может сравниться с этим»*. В XVII веке по многим причинам империя ослабела, и торговля стала затруднительной. Иностранцы купцы в Константинополе начали становиться объектом для штрафов, называвшихся *авани* (образно говоря, «оскорбления»), взимаемых османским правительством, — в обмен на возобновление капитуляций (которые теоретически обновлялись каждым султаном) или просто чтобы поднять годовой доход. Негодование османов на систематические интриги иностранных купцов и послов было еще одной причиной для этих взъисканий.

Османское правительство чеканило мало золотой монеты. Его серебряный акче и медный пиастр, всегда украшенный тугрой правящего султана и печатью тюркского племени кайи, после 1584 года регулярно снижал свой вес и понемногу девальвировался. В результате, несмотря на повторяющиеся правительственные запреты, в коммерческих делах османы часто предпочитали пользоваться иностранной монетой. Константинополь был столь открыт для иностранной торговли, что в нем ходили венецианские, датские, австралийские, испанские и даже польские деньги. После 1650 года в Авиньоне, Оранже, Монте-Карло и Ливорно появились подпольные монетные дворы, специализировавшиеся на фальшивых европейских монетах, содержащих на 30 или 40% меньше драгоценного металла, для использования в Османской империи. Благодаря им иностранные купцы могли получать доход до 600%. Французы и голландцы стали регулярными фальшивомонетчиками. Один французский купец, шевалье Шардин, писал о турках: по природе они люди простоватые, их можно легко обмануть. Поэтому христиане проворачивают с ними бесконечное число грязных трюков и обманов. Когда турок обманывают долгое время, то у них открываются

глаза — и тогда они жестоко бьют обидчиков, оплачивая за все сразу. В конце XVII века, оказавшись в отчаянном положении, османское правительство само начало выпускать имитацию иностранных монет⁹.

Торговля поощрялась порядком, установленным в городе османским правительством. Большинство иностранных купцов мирно жили в Галате или на покрытом виноградными лозами холме, за его здоровый воздух названным Пера (по-гречески «за» — то есть за Золотым Рогом). Чтобы избежать враждебности местного населения, западные купцы часто носили османскую одежду и бороды; говорят, что голландцы и англичане могли сойти за турок, а французы всегда себя за них выдавали. Однако к XVII веку западная одежда стала здесь уже привычной. К удивлению посла, французский путешественник Жан Тевено, который в 1650 году снял дом в Пера, не имел проблем, бродя по городу. В самом Константинополе некоторые дети бросались в его спутников яблочными огрызками — но «некоторые торговцы выскакивали из своих магазинов и бежали за детьми и прогоняли их». Коммерция объединяла то, что разделяла религия.

По сравнению с беспокойными городами Лондоном и Парижем, где воровство и грабежи были обычным делом, Константинополь смотрелся относительно законопослушным. Считалось, что хороший порядок обеспечивался в первую очередь страхом, внушаемым султаном. Веком позднее ирландский путешественник лорд Шарлемон соглашался:

«Думаю, в Европе нет ни одного города, где полиция так хорошо действует, как в Константинополе. Грабеж и уличная кража — преступления, к несчастью, настолько обычные в наших больших городах, что проживание в них неприятно и небезопасно*, никогда не случаются в турецких метрополисах, и человек может гулять по улицам в любой час ночи, или даже спать на улице с полным денег карманом — без малейшего страха или опасения насилия. Ни убийства, ни нападения, ни буйства не случаются тут, не слышно ничего о жестоких нападениях, которыми наши буйные и плохо образованные молодые люди так любят продемонстрировать себя и о чем часто мы слышим»

* За исключением периода 1920–1980 годов. (Прим. авт.)

Это счастливое состояние дел было, по его мнению, результатом «благотворной жестокости, подкрепленной частыми казнями»¹⁰. Английский путешественник записал, что люди на улицах «гораздо вежливее, чем мы, англичане, были бы по отношению к ним». Они смотрят, иногда могут бросить камень (обхождение, часто проявляемое по отношению к иностранцам и просто хорошо одетым англичанам либо женщинам в Лондоне) — но при этом иностранцы без страха могут посещать даже обычные дешевые таверны. В отдельной комнате они едят «кебаб — мелкие кусочки мяса размером с грецкий орех, нанизанные на длинный железный вертел». В XVII веке улицы Константинополя были грязными и плохо замощенными. В 1730 году их «замостили, и хотя здесь не стало так чисто, как в Гааге, все-таки было и не так грязно, как на улицах Лондона»¹¹.

В 1662 году, в возрасте 19 лет, distinguished Дадли Норт, младший сын лорда Норта, понял, что у него мало перспектив унаследовать богатство семьи. Активный и привлекательный, он решил присоединиться к «торговому дому» в Константинополе, так как «нет большего рынка на лице земли, чем Константинополь, место в огромной империи, где купец по духу и по взглядам не может не стать богатым». Сняв в Пера дом у богатого мусульманина, он изучил османский язык и османские законы и стал банкиром, ювелиром и знатоком «мишурных товаров». Он одалживал деньги пашам под 15 или 20%, поставлял ювелирные изделия во дворец. Его мнение о коррупции османов было основано на личном опыте и его дружбе со многими кади или судьями. Он считал, что небольшие подарки эквивалентны вознаграждению, без которого судья чувствует себя обманутым: *«Судья обыкновенно просто не совершает несправедливости за любой подарок; и если ни одна сторона не пренебрегает ими, то каково бы ни было неравенство подарков, дело решается согласно праву»*.

Многие турки жили изолированно от местных христиан, не говоря уже об иностранных купцах, окруженных стеной презрения. Дневник дервиша XVII века показывает мирное, хорошо отрегулированное существование: дни отмечались подачей милостыни и светскими визитами, кофейными партиями, визитами на кладбища и к брадобреям. Дервиш много рассказывает о своей жене — и ни разу не упоминает немусульман.

По сравнению с его современником Пеписом* он благодушен и не критичен¹².

С другой стороны, вне закрытого мира благочестия, выпивка и выгода тянули турок к домам иностранцев и тавернам. Дадли Норт держал свой дом открытым для турецких друзей, включая главного таможенного чиновника — в чей дом его, в свою очередь, тоже приглашали. На попытки друзей обратить его в ислам он отвечал, что он «привык пить вино и есть свинину». В 1680 году, став много богаче, чем был в момент приезда, он решил покинуть Константинополь. Его друзья были настроены скептически. «Почему, *гяур* [уничижительный термин для немусульманина], разве ты сошел с ума? Ты, должно быть, поглупел, раз покидаешь Город?» В Лондоне, сторонник свободной торговли и сильной монархии, он стал уполномоченным Казначейства и членом парламента. Он умер в 1691 году¹³.

Хотя иностранные купцы могли получать огромный доход, иностранная торговля не доминировала в османской экономике. До XIX века Османская империя оставалась экономическим микрокосмом, в котором мусульмане были самыми активными торговцами. Только 8,5 процента из всех кораблей, покинувших Константинополь в XVIII веке, направились в Европу — остальные шли в порты Османской империи. Из множества кораблей, причаливавших в городе в XVIII веке, 71,5% принадлежали мусульманам (из них 78% туркам, остальные — арабам), 24,5% — христианам и 3,5% — евреям¹⁴. Турки доминировали в наиболее важной для города торговле: продуктами питания.

Задача удовлетворить голод и утолить жажду в Константинополе занимала султанов и великих визирей прежде всего — даже

* Сэмюэль Пепис (1633–1703) — высокопоставленный чиновник при режимах Карла II и Якова II, член парламента и один из создателей регулярного британского флота; с 1684 года — королевский секретарь по военно-морским делам, в 1684–1686 годах — президент Королевского Научного общества. После «Славной революции» подвергся тюремному заключению по обвинению в симпатиях к якобитам. Оставил зашифрованный дневник, в котором подробно описал быт Лондона и подноготную придворной политики 1660-х годов. (Прим. ред.)

больше, чем защита паломнического пути в Мекку. Сулейман довел поставку воды в город до пика эффективности, в 1563–1564 годах заказав своему архитектору Синану восстановить старые византийские акведуки и водонапорные башни. Комплекс дамб, резервуаров и акведуков, построенный последующими султанами в лесах и долинах к северу от города, превосходит по размеру, эффективности и изяществу тот, что был построен их византийскими предшественниками. Как и римские императоры, османские султаны также снабжали свою столицу дешевой пищей: документы часто содержат такие фразы, как «поставка зерна является одной из первых забот моего имперского правительства». Документ о регулировке цен от 1676 года объясняет, почему османское правительство так упорно стремилось к обеспечению населения дешевой пищей:

«Те, кто заботится о государстве, будут специально ограничивать максимальные цены и постоянно интересоваться условиями существования жителей, так как установление максимальных цен дает один из главных элементов спокойствия людей. Оно гарантирует, что дела наших подданных на базарах и рынках идут хорошо».

Правительство отнюдь не было уверено в «спокойствии людей»; каждую среду великий визирь сам инспектировал рынки города. В XIX веке молодой английский дипломат видел правительственного чиновника, проверяющего весы торговца, в сопровождении двух шеренг янычар с белыми жезлами. Торговца, уличенного в занижении веса, забирал один из янычар для наказания. Других виновных проводили через город с доской, увешанной звенящими колокольчиками, прикрепленной им на шею¹⁵.

Вдоль обоих берегов Золотого Рога были возведены товарные склады, чтобы хранить мясо, зерно и другие продукты, привозимые в столицу. Рыбу солили прямо у причалов Галаты — получая в итоге то, что французский путешественник Жан Тевено назвал «самой прекрасной рыбой, продаваемой в мире». Продавцами были почти исключительно турки: они выстраивались вокруг площади с рыбой, сваленной на коврики на земле или разложенной на длинных столах; вокруг торговались покупатели и лаяли собаки. Кефаль ловили в Босфоре прямо из лачуг, поставленных на деревянные сваи. Устрицы поступали с Мраморного моря, ма-

крель — с Черного. Рыба-меч, сардина и соленый тунец также находили своих любителей*.

На южной стороне Золотого Рога, возле Йени Валиде-Ками, находился плативший ей ренту рынок специй — длинное приземистое Т-образное здание, пропахшее чесноком, перцем, шафраном и ладаном. Он назывался также Египетским рынком, так как большинство специй и приправ приходило из Египта с грузом риса, кофе, чечевицы, ладана и хны — ежегодным «Каирским караваном» из десяти или более судов. Его организация была одной из основных обязанностей правителя Египта, а прибытие каравана было так же важно для Константинополя, как ежегодное прибытие из Америки «Атлантического флота» для Севильи¹⁶.

В то время как Египет поставлял специи, мясо для города прибывало из Анатолии и с Балкан. Поставки обеспечивались сложной системой квот, назначенных для зарегистрированных сельских хозяев. Квоты рассылались чиновниками и назывались *селебы*, они определяли объем закупок по официально определенным низким ценам и с проверкой количества по прибытии в город. С 1544 по 1829 год воеводы (князья) Валахии и Молдавии должны были посылать в Константинополь по 100 000 (а часто еще больше) овец в год. Позднее эта система ушла из рук государства в руки «купцов и богатых людей Константинополя». Историк XVII века Наима записал, что они «имели привычку заранее высылать денежную сумму каждому воеводе при условии сбора от крестьян вышеупомянутых объектов»¹⁷.

Ежегодное потребление баранины дворцом (вероятно, составлявшим от 80 до 100 тысяч государственных служащих, живущих в столице) было чудовищным. В 1489/90 году оно составило до 16 379 голов овец. К 1573/74 году цифра поднялась до 38 226 штук, к 1669/70 — до 99 120. В 1761/62 году, включая потребление янычарами, было съедено 211 116 овец и баранов, а в 1803/04 — 336 000. Желудки горожан Константинополя оставались настолько бездонными, что однажды, в 1577 году, убой баранов и ягнят на Балканах запретили, зарезервировав их только для столицы. Провинции могли есть коз или говядину.

* Рыбаки на Босфоре были такими искусными, что в 1723 году в рамках программы возрождения французского рыболовства морской министр отправил художника Жан-Батиста Ванмура написать двенадцать картин, показывающих турецкие методы рыбалки. (Прим. авт.)

Праздник Низир, день отплытия капудан-паши в море, становился также праздничным днем для мясников, когда им давали разрешение начинать забой ягнят, — большинство скотобоен находилось возле здания человеческой бойни, замка Семи Башен. При стремлении государства обеспечивать город дешевым мясом границы дохода мясников были очень низкими, и они часто оказывались перед лицом банкротства. С конца XVI века богатая знать Анатолии и Балкан была вынуждена заниматься производством мяса для Константинополя, и ей зачастую приходилось поступать на государственную службу, чтобы избежать такой судьбы. Иногда жертву забирали под вооруженной охраной в столицу, перед этим заставив продать все свое имущество — чтобы человек заведомо имел достаточно денег для организации торговли мясом. Нежелание людей идти в мясники частично объяснялось рисками этой профессии. В 1650-х годах Мехмед IV инкогнито обходил рынки с палачами, следовавшими за ним на некотором расстоянии. Тевено записал: *«Иногда он мог зайти в лавку булочника и купить хлеб, а иногда — к мяснику купить немного мяса; и однажды мясник предложил ему мясо по более высокой цене, чем была установлена; султан дал знак палачу, который тут же отрубил мяснику голову»*¹⁸.

Мясо не было единственной данью, получаемой с Валахии и Молдавии. Княжества поставляли в Константинополь мед, сыр, воловьши шкуры, жир для свечей, пшеницу и ячмень для императорских конюшен. Сливочное масло и соль поступали из Крыма, сахар — с Кипра, мыло — из Сирии. Свежие фрукты и домашняя птица производились в «садах Османской империи» — в районе, протянувшемся на восток вдоль берега Черного моря. Изюм, миндаль, фиги и пчелиный воск прибывали из района возле огромного порта Измир в Западной Анатолии. К 1650 году из-за географического положения и относительной свободы от правительственного вмешательства Измир, «жемчужина Леванта», сам начал соперничать с Константинополем в качестве торговой столицы и продолжал делать это до 1925 года¹⁹.

К 1900 году Константинополь ежегодно потреблял около четырех миллионов овец, трех миллионов ягнят и 200 000 коров и быков, а также 500 тонн пшеницы в день. Зимой каждая из 133 пекарен города должна была иметь трехмесячный резерв пшеницы для выпечки дешевого хлеба. Кофе и рис было запрещено вы-

возить из города, «чтобы изобилие правило в Константинополе». Правительственная политика и система питания бедных через мечети обеспечивали Константинополю положение лучшего по питанию города в Европе. Лорд Балтимор записал в 1763 году: «Провизия здесь всегда в огромном количестве, очень дешевая и очень хорошая»²⁰. Смертность от голода, а также известные во Франции, Ирландии и Богемии голодные бунты, которые изменили историю в Париже в 1789 году и в Петрограде в 1917 году, были почти неизвестны в османской столице.

Как другие типы торговли, торговля пищей управлялась гильдиями, которые, вероятно, произошли от византийских корпораций. К середине XVII века, согласно Эвлие Челеби, существовало 1100 торговых гильдий, организованных в 57 корпораций. Не только мясники, хлебопеки и изготовители халатов, но также воры и проститутки имели собственные гильдии. Не считая служб государства, они являлись основной формой общественной принадлежности в городе. Гильдии регулировали доступ к торговле. Они имели собственные фонды и обеспечивали некую форму социальной безопасности на случай болезни, а также источник займов для тех, кто хотел расширить свой бизнес. Собрания в Эйюпе, распределение пищи для бедных и праздники вне городских стен, которые также действовали как торговые ярмарки, организовывались гильдиями²¹. Династия контролировала экономическую жизнь города, ставя официальные лица из императорского окружения во главе каждого вида торговли в городе: ювелиры жили под кюмджубаши, или начальником императорских ювелиров, врачи — под хекимбаши, или начальником императорских врачей, портные — под терзибаши, начальником императорских портных.

После мусульман основными купцами в Константинополе были греки. Расширение области свободной торговли внутри Османской империи и ее победы над старым экономическим соперником Греции, Венецией, обеспечивали грекам куда больше коммерческих возможностей, чем в последние годы Византийской империи. В 1476 году верфи Галлиполи и Галаты были отданы в аренду греческому консорциуму, включавшему двух членов династии Палеологов, родственников последнего византийского императора. Он обошел мусульманских соперников, предложив огромную сумму в 450 000 дукатов. В 1477 году два грека за один

миллион акче купили права на монополию на завоз пшеницы в город²². Успех в коммерции компенсировал им утрату власти над империей.

Карьера Михаила Кантакузина иллюстрирует возможности и опасности, ожидавшие греческого купца в Константинополе. Родившийся около 1515 года, он был образцом прямой связи между византийской и османской столицами. Он происходил от императора Иоанна Кантакузина, который в XIV веке пригласил османов в Европу и выдал свою дочь Феодору замуж в Орхан, за второго султана династии Османов. Один из Кантакузинов погиб во время осады 1453 года. Михаил Кантакузин, описанный как «слава греков за его слова и дела», и почти наверняка его сын, умер от чумы 23 июня 1522 года и похоронен в церкви Святой Параскевы в Хаское. Кантакузины были самой выдающейся греческой семьей города. Один из них, Феодор Кантакузин Спандуино, опубликовал в 1515 году ранний рассказ об Османской империи, часто используемый в этой книге.

Сын Михаила Кантакузина, также названный Михаилом, был одно время скорняком у султана, таможенным откупщиком, властью за тронем патриарха и близким другом великого визиря Соколлу. Он жил в Константинополе и во дворце на Черном море, обслуживала его роскошная чередя слуг, рабов и пажей. В Константинополе, по словам немецкого пленника Герлаха, *«общительный старик, он передвигается по городу верхом на лошади, покрытой черным бархатом, шесть человек прокладывают путь, один, одетый более скромно, замыкает кавалькаду»*. Подобно грекам-фанариотам, рассмотренным в следующей главе, он соединял гордость Византийской империи со службой османам. На письма он ставил штамп с двуглавым орлом Византии — но на свои деньги построил двадцать галер для османского флота после его поражения от Священной Лиги (союза Венеции, Испании и Папского престола) при Лепанто в 1571 году.

Его жадность заработала ему у турок прозвище Шайтан-оглу, сын Сатаны. Греки считали его пиявкой и вором. Все радовались, когда 3 марта 1578 года султан приказал повесить его у входа в загородный дворец, не дав увидеться со священником или сделать завещание. Его заманили в ловушку двумя сетями интриг: конфликтом между османскими вассальными княжествами — Молдавией, Валахией и Крымом, в котором он лично участвовал,

так как его брат женился на дочери воеводы Валахии; а в самом Константинополе — подковерной борьбой за власть между султаном Мурадом III и великим визирем Соколлу. Соколлу ошеломила его смерть, но он смог спасти его сына и вдову.

После смерти Кантакузина его имущество было выставлено на распродажу за стенами дворца. Покупатели увидели «почти бесконечный ряд шелковых, бархатных и парчовых одежд, иногда имевших золотые пуговицы с рубинами и бирюзой, великолепных соболиных мехов, прекрасных лошадей, из которых султан двадцать взял для себя». Фраза «купить на распродаже Кантакузина» вошла в обиход города. Университет Тюбингена и богатые православные монастыри на горе Афон соревновались за греческие манускрипты из его библиотеки. В начале XVII века Кантакузины покинули Константинополь и переехали в Валахию* — первая связь в отношениях между османскими греками и Дунайскими княжествами, которая достигла своего апогея в XVIII веке²³.

Ниже этих кушцов императорской крови стояли тысячи греческих торговцев, держателей лавок, таверн, владельцев лодок. Греки так рвались к бизнесу, что продолжали работать в Константинополе, даже когда чума выгнала других торговцев в деревню. Главные греческие гильдии вместе с синодом из двенадцати епископов и ряда знатных граждан города участвовали в выборах Константинопольского патриарха вплоть до середины XIX века. Торговля мехом, столь важная для обеспечения дворца и послужившая средством возвышения Шайтан-оглу, регулировалась могущественной гильдией, которая платила за содержание школ и больниц в столице, а также церкви при Гробе Господнем. Константинополь субсидировал Иерусалим так же, как и Мекку²⁴.

Смесь напряженности и терпимости характеризовала экономику так же, как и религию и все иные отношения между мусульманами, христианами и евреями в городе. В литовской Виль-

* От них произошел румынский княжеский род Кантакузино; часть его представителей во время Прутского похода 1711 года присоединились к Петру I и затем были вынуждены эмигрировать в Россию, где стали известны как Кантакузены. (*Прим. ред.*)

не вплоть до XX века из-за того, что различные национальные группы монополизировали различные профессии, идиш использовался, чтобы общаться с кучерами, польский — с учителями, немецкий — с дантистами, а литовский — с прислугой. Однако в Константинополе такая специализация не была необходима. Никакая торговля, даже в стенах мечетей, не была монополизирована одной нацией. Из 3523 ремесленников, которые работали на мечеть Сулеймание в 1550-х годах, 51% составляли христиане. Из 331 мясника в Константинополе в 1681 году 215 были мусульманами, 70 христианами и 46 евреями. Из 28 хирургов, допущенных к операциям в 1700 году, двенадцать были греками, восемь евреями, четыре мусульманами, двое англичанами, один французом и один армянином. Хотя большинство гильдий имели мусульманских покровителей — таких как Давид для оружейников или Иона для рыбаков, — многие брали себе и мусульманских, и не мусульманских²⁵.

Отношения христиан с евреями в Константинополе складывались хуже, чем с мусульманами. В определенных греческих районах, если еврей появлялся на улицах во время Святой Недели, мальчишки мазали ему бороду дегтем и поджигали ее. В процессиях Страстной Пятницы несли фигуру Иуды, одетого в костюм местного рабби. Мальчишки бросали в нее грязь, крича — как вспоминал один грек — «литанию самого грубого поношения». У каждого христианского дома процессия останавливалась, чтобы ей дали деньги или пасхальные яйца. На первые закупались дрова, чтобы сжечь «Иуду»; вторые съедались, чтобы отпраздновать его смерть.

С другой стороны, мусульманское население города соблюдало терпимость или индифферентность по отношению к евреям. После падения Гранады в 1492 году евреев изгнали из Кастилии, Арагона и Португалии, но Османская империя дала им приют. В знаменитом (хотя, возможно, и недостоверном) комментарии Баязид II заметил, что король Фердинанд, должно быть, не столь умен, как говорят, если выгнал столь много трудолюбивых подданных и так обогатил соперничающую монархию²⁶.

После 1502 года османы также давали приют арабам из Гранады. Поставленные католическими королями перед выбором обращения или изгнания, многие уехали не в арабские города Марокко, а в Константинополь; они завладели католической

церковью Святого Павла в Галате и преобразовали ее в Арап Ками, или Арабскую Мечеть, как она называется и сегодня. Когда гонения на потомков арабов в Испании в конце XVI и начале XVII века еще более усилились, Галата приняла новых «гренадини». Она стала центром арабских моряков, которые носили арабскую одежду и ввели моду на арабские сласти и напитки²⁷. Для евреев и арабов — и для потока христиан, которые вплоть до XIX века оставляли Западную Европу ради Османской империи, — Константинополь стал городом-убежищем. Он предлагал три преимущества: веротерпимость, процветание и, как столица империи, воюющей с государствами, которые их преследовали, реванш.

Огромный порт Салоники, известный как «новый Иерусалим», где евреи вскоре стали составлять большинство, стал бастионом османского иудаизма. Но и в Константинополе к 1535 году насчитывалось 8070 еврейских домов — в пять раз больше, чем в 1477 году. Имена городских синагог — Лиссабон, Кордова, Мессина, Охрида — и семей — Севилья, Толедано, Леон, Таранто — показывают многообразие их происхождения.

Константинополь стал городом двойной идентичности. Еврей-сефарды имели даже тройную: еврейскую, османскую и «сефарди» — испанскую. Новый язык появился на улицах Константинополя: искусственно сохраненный кастильский, называвшийся ладино (письменная версия) или юдезмо (разговорный).

Ладино имел мало применения в политике или коммерции. Главной причиной его сохранения оказалась религия. Это был язык, на котором и дома, и в синагоге читались и распевались священные книги. В Константинополе (несмотря на настойчивость грекоговорящих собраний «романиотов») еврейский и испанский языки стали синонимами: многие турки называли последних *яхуди*. В конце 1869 года, во время визита императрицы Евгении, верховный рабби Османской империи адресовался к ней на ее родном испанском. В 1873 году, когда до Константинополя была протянута первая железнодорожная линия, евреи на ней работать не могли — они не знали языка страны, где жили более трехсот лет²⁸.

В зажиточных домах в еврейских районах Балат и Хаскёй на другой стороне Золотого Рога евреи слушали *туркито* («маленького турка» — муэдзина) на *верандадо* (большой зал перво-

го этажа). Во время *конвitas* (приема гостей) они ели блюда, подобные *никадо рейнадо* (рыба с грецкими орехами) и пели *романсерос*, оплакивавшие их изгнание из Испании. Более бедные семьи жили в *кортихо* — одноэтажных зданиях, содержащих и жилые помещения, и лавки; здесь могли ютиться две или три семьи²⁹.

В деловой сфере, в медицине образовался симбиоз между евреями и мусульманами — более тесный, чем взаимодействие с греками или армянами. Выдающийся испанский еврей Моисей Хамон, любимый доктор и зубной врач Сулеймана Великолепного, в конце 1553-го или в начале 1554 года помог ему составлять фирман, требовавший, чтобы все обвинения в ритуальном убийстве евреями христианских детей отсылались в Императорский Диван. Такие обвинения, делавшиеся христианами в Османской империи с навязчивой частотой вплоть до XX века, приводили к выступлениям греков против евреев, в самом Константинополе такое случилось в 1874 году.

Физическим символом мусульманско-еврейской терпимости является близость маленькой синагоги и мечети на первом этаже Бюйюк Корапсай-Хан — постоялом дворе для чулочников, построенном Сулейманом Великолепным в торговом районе Эмиyonu между базаром и Золотым Рогом. Обладая знаниями западных языков и способов оценки, евреи города в XVI веке достигли новых высот, потеснив итальянских купцов. Французский дипломат Николя де Николай*, живший в Константинополе при Сулеймане Великолепном, с завистью отмечал:

«Теперь они держат в своих руках большую часть торговли, которая ведется во всем Леванте, главные ее пути, а также наличные деньги. Магазины и ларьки, прекрасно снабженные множеством товаров, которые можно найти в Константинополе, принадлежат евреям. Среди них есть великолепные практики всех видов искусства и производства, особенно мараны, недавно изгнанные и высланные из Испании и Португалии, которые к огромному вреду и обиде христиан научили турок несколькими изобретениями, хитростями и военными технологиям, таким,

* Военный географ Николя де Николай (1517–1583) был послан ко двору Сулеймана Великолепного в 1551 году с посольством Габриэля де Арамона, имея секретным поручением топографическую съемку Константинополя. (Прим. ред.)

как изготовление артиллерии, аркебуз, пороха, пушечных ядер и другого вооружения»³⁰.

Благодаря своим медицинским познаниям евреи служили дворцовыми медиками вплоть до XIX века.

Самым знаменитым еврейским семейством Константинополя была семья Наси. Ее одиссея дает иллюстрацию и времени, и месту, и масштабу распространения нетерпимости по Европе эпохи Возрождения — до того, как она достигла османских границ. В 1492 году Наси покинули Кастилию, уехав в Португалию, где их заставили обратиться в католицизм. В 1536 году они переехали в Антверпен, финансовую столицу Европы, в 1544 году — в Венецию, а в 1550 году — в Феррару. В каждом городе они встречали гонения и ограничения (гетто в Венеции было создано еще в 1515 году). В 1553 году, отчасти после письма, написанного дожу Венеции лично Сулейманом Великолепным (по подсказке Моисея Хамона), глава семьи, донья Грация Наси, смогла уехать в Константинополь. Несколько месяцев позднее Сеньора, как ее называли, триумфально въехала в город в сопровождении сорока всадников и четырех экипажей слуг. Используя личную удачу и депозиты, полученные от мусульман, она проявила себя как независимая деловая женщина и откупщик. Со своим племянником Иосифом она заплатила вперед за концессию по поставке в город пиломатериалов и вина. Она также вела экспортно-импортные операции, обменивая перец, пшеницу и необработанную шерсть на европейскую одежду³¹.

Иосиф Наси стал придворным банкиром и международным антрепренером. Известный португальцам как Жоао Мигуэц, испанцам как Хуан Мигес, французам как Жан Микез и своим врагам как «Великий Еврей», он родился в Лиссабоне в 1526 году. После переезда семьи в Антверпен он получил образование в университете Лувена, где его сотоварищем-студентом оказался будущий император Священной Римской империи Максимилиан II. Немецкий путешественник описал въезд Наси в Константинополь в 1554 году в сопровождении *«более двадцати хорошо одетых по-испански слуг. Они обращались с ним так, будто он был принцем. По турецкому обычаю его сопровождали конные, чтобы с ним ничего не могло случиться... Он крупный человек с подстриженной черной бородой»*. В Константинополе он вскоре,

по словам испанского доктора, стал «самим дьяволом» — вновь обратившись в иудаизм.

Три тысячи гостей пришли на свадьбу Наси с его богатой кузиной Рейной*. Они жили как испанская знать — во дворце с названием Бельведер, смотрящим на Босфор над Ортакёем. В своей выложенной коврами библиотеке он обсуждал политику с французским послом, науку снов — с Рабби Элмоснино, астрономию — с Вселенским патриархом. К своему дворцу он пристроил типографию, академию, синагогу и поле для рыцарских турниров³².

Вскоре Наси стал другом, ювелиром и банкиром наследника трона, принца Селима, которого он снабжал и вином, и деньгами. Венецианский дипломат докладывал: *«Его высочество пьет много вина и вышеупомянутый дон Йосеф посылает ему время от времени много бутылок вместе со всевозможными другими деликатесами»*. При восшествии Селима на трон он сделал Иосифа Наси герцогом захваченного у Венеции герцогства Наксос на Эгейских островах с рангом санджак-бея. Такой успех в османской столице позволил еврею отдавать приказы католической знати (которая все еще владела многим имуществом в Эгеиде). Как сладко, должно быть, было этому изгнаннику из католической Европы отдавать приказы в такой форме:

«Иосиф, милостью божьей, герцог Архипелага, лорд Андроса и т. д.

...Находясь в герцогском дворце Бельведер возле Пера в Константинополе,

в этот одиннадцатый день июля 1577 года...

По герцогскому повелению,

Иосеф Кохен, секретарь, пишущий под диктовку»³³.

Бизнес Наси продолжал расширяться. Он начал экспортировать критское вино в Польшу и приобрел монополию на торговлю воском. Османское правительство выступало сборщиком его долгов в длинном споре с французским правительством по поводу денег, которые он одолжил Франции: Сулейман Великолепный написал не менее трех писем королю Франции об «аристократии смешанной нации и одном из мутеферриков [официальных

* Рейна была племянницей Грации Мендес Наси, которой Иосиф также приходился племянником. (Прим. ред.)

компаньонов] моего сына Селима». Его дружба с Селимом была хорошо известна. Максимилиан II послал ему три золотые фляжки для вина, а король Польши, которому Иосиф тоже одалживал деньги, называл его «Прекрасный сир и любезный друг!»

Контакты в Западной Европе позволили Иосифу Наси наладить международную разведывательную сеть, которая помогла ему отомстить Испании и Франции. Возможно, что банки Босфора вдохновляли революцию в Нидерландах против Филиппа II Испанского. Посланник от лидера мятежа, герцога Оранского, приезжал увидеться с ним в 1569 году. Историк Фамиан Страда писал: «Что касается Флемингса, письма Мишеля [т. е. Наси] и уговоры не имели ни малейшего влияния на них». Однако ни одно из этих писем не появилось на свет³⁴.

Наси был искусным игроком в борьбе османских придворных группировок и упорным врагом Венеции из-за ее обращения с венецианскими евреями. Соколлу Мехмед-паша, который имел своего собственного еврейского дипломатического агента (им был доктор рабби Соломон Ашкенази), был сторонником мира с Венецией и пытался погубить Наси. Однако бальи Венеции писал, что Наси «каждый раз ухитрялся спастись и в нескольких случаях сам оправдывался и защищался перед великим синьором». Наси вдохновил войну Османской империи 1570 года против папы, Испании и Венеции — возможно, в надежде стать королем Кипра или помочь нидерландским мятежникам. Однако после мира 1573 года и смерти Селима II в 1574 году влияние Наси ослабело. Однако и тут он смеялся последним. Соколлу был убит дервишем в Диванном зале дворца, Наси мирно умер в своем дворце³⁵.

Наси также занимался и специфически еврейскими делами. В 1556 году он попытался спасти двадцать четыре еврея Анконы, которых папа приказал сжечь живьем. Султан написал личное письмо папе — безрезультатно. Наси и другие евреи города были настолько влиятельны, что венецианские дипломаты верили, что мирный исход переговоров с султаном зависит от обращения Венеции со своей еврейской общиной.

Семейство Наси основало знаменитую раввинскую академию в Тиверии в Галилее, восстановило городские стены и создало там еврейское поселение³⁶. Однако, как и большинство константинопольских евреев, Наси довольствовались тем, что являются

подданными «султанов милосердия», как они называли своих владык. Они не планировали создания еврейского государства.

Даже после окончания золотого периода в XVI веке османские евреи оставались чрезвычайно влиятельными. Фирманы, разрешавшие им строительство синагог, возобновлялись в 1604, 1744 и 1755 годах. Столь много евреев работали в городских таможнях, что торговля часто останавливалась на время еврейских праздников. Французский путешественник по имени Мишель Фебvre написал в конце XVII века: *«Нет семьи среди знакомых мне турок или иностранных купцов [местные христиане, что важно, при этом не упоминались], которая не имеет на службе еврея — или для оценки ценности и качества товаров, или для работы переводчиком, или чтобы высказывать мнение обо всем, что происходит»*³⁷.

Однако с 1700 года позиция евреев начала слабеть одновременно с империей, которой они служили столь хорошо. Некоторые из городских синагог погрязли в долгах. Число еврейских книг, печатавшихся в Константинополе, падало каждую декаду. Богатые и хорошо защищенные европейские торговцы начали постепенно перехватывать в свои руки торговлю города³⁸.

Ослабление евреев ускорилось подъемом соперничавшего купеческого сообщества — армянского. С начала XVII века армяне в больших количествах начали прибывать в Константинополь, спасаясь от мятежей и войн в Восточной Анатолии. Сначала они занимали скромные рабочие места — привратников, метельщиков, продавцов хлеба и сушеного мяса, называвшегося *бастурма*. Вскоре они двинулись в другие торговые сферы, имея покровительство из дворца: и Мурад IV, и «Сумасшедший Ибрагим» имели фаворитов среди армян. XVIII век продемонстрировал рост самоуверенности и энергичности армян. В 1727 году Саркис Калфа Балян, основатель династии архитекторов, которому предстояло изменить лицо города, был назначен дворцовым архитектором. В 1757 году управляющим императорским Монетным двором вместо еврея Яго Бонфила был назначен член армянской католической семьи Дузьян, это место (с перерывом в тринадцать лет) оставалось за его семьей до 1880 года. Вскоре большинство дворцовых управляющих уже были армянами и делали свои записи по-турецки, но армянским алфавитом, которого никто, кроме армян, прочитать не мог. Дузьян стал также хранителем ювелирных изделий султана.

Армяне считались особенно честными и достойными доверия, они быстро заменили евреев в качестве главных банкиров в городе. Последним еврейским банкиром великого визиря был Иесова Сончино в 1746–1747 годах; последним греческим банкиром — Сканави Капсалони в 1770–1771 годах. Затем верх окончательно взяли армяне. Между 1770 и 1840 годами они играли центральную роль в финансировании провинциальных правителей и организации сбора налогов. Получаемый ими доход варьировался между 18 и 24 процентами³⁹.

Армянских банкиров, или амирас, называли «лидерами нации», «светлыми принцами» либо «принцами великой чести». Внешне они были частью османской элиты — с правом носить стеганые тюрбаны и меховые накидки, а также ездить на лошадях в городе, большинство армян заявляли, что происходят от древних царей Армении. Без сомнения, они стремились соревноваться с претензиями греков на происхождение от византийских императоров⁴⁰. Семья Серпос, прибывшая из Сиваса примерно в 1700 году, уже к 1750 году имела банковскую империю, протянувшуюся от Венеции до Индии, и пользовалась дипломатической защитой Британии и Швеции. Один Серпос являлся главным банкиром двух великих визирей с 1732 по 1746 год. Другой организовал передачу Швеции османской субсидии через Гамбург в 1789 году, когда обе страны находились в состоянии войны с Россией⁴¹.

Амирас доминировали в армянском патриархате и влияли на выбор патриарха. К 1700 году армянский патриарх обладал деспотической властью над своей паствой, своими школами, церквями и печатными изданиями. Заявление «Святой отец хотел бы видеть вас» наводило ужас на членов его паствы. В постные дни — а ни одна община не постилась более строго, чем армяне, — слуги патриарха ходили по улицам, вынюхивая, как собаки, запах мяса. Виновных штрафовали, иногда сажали в тюрьму или отправляли в сумасшедший дом. Во время одной службы «сумасшедшие», закованные в подвале под церковью, стали греметь своими цепями и так ужасно выть, что богатый армянин предложил построить для них больницу вне города⁴². Переходило ли богатство амирас во власть в Константинополе так же, как и в их собственной общине, — осталось вопросом, вставшим перед столицей в начале XIX века.

Все купцы города, мусульмане, греки, евреи или армяне, встречались на базаре, на уступе холма между Золотым Рогом и Мраморным морем. Днем улицы Константинополя были необычайно пустынными — однако базар приветствовал посетителей напором жара, цвета, запахов и шума: «Купи мою прекрасную ткань, одна тысяча курушей! Купи мою прекрасную ткань, две тысячи курушей!»

Базар — это огромное каменное здание, такое большое, что, как говорили, ни один уроженец Константинополя не видел его целиком. Окруженное высокими серыми стенами и увенчанное крышей из куполов с отверстиями для пропускания света, оно содержит лабиринт галерей с аркадами, украшенными гипсовыми сводами с изображенными по трафарету тщательно продуманными голубыми и красными османскими арабесками. Каждая галерея имеет по обеим сторонам лавки, известные как *долапы*, около семи или восьми футов шириной и три или четыре фута длиной, украшенные цветами и священными изречениями из Корана. Здесь находилось около 4000 лавок — около десятой части всех лавок в городе. Каждый долап имел впереди скамью, где продавец располагал свои товары. Большинство держателей лавок были мусульманами, они устраивали небольшую нишу для ритуальных омовений, куда удалялись перед исполнением своих молитв на скамье. Базар был миниатюрным городом — со своими собственными мечетями, двориками и фонтанами: один из них был воздвигнут императорской принцессой «в честь башмачника, который пунктуально посылал ей домой свою работу».

Базар открывался каждое утро примерно в половине девятого: молитвами за султана и его солдат и за души всех бывших членов базарного братства и предписанием: «Тут не будет обмана! Тут не будет ничего спрятано! Тут не будут продаваться опасные товары!» Затем продавцы входили цепочкой. Лавки закрывались примерно в 6 вечера⁴³.

Ядром базара был Бедестен, или крытый рынок, теперь он называется Старый Базар, построенный Мехмедом II в 1456–1461 годах. К 1473 году тут находилось 124 лавки внутри и 72 снаружи. Более двух третей имело хозяевами мусульман. Бедестен имел четверо ворот: для продавцов тюбетеек, продавцов тканей, ювелиров и продавцов старых книг. Репутация последних была

такова, что фраза «хуже, чем букинист» вошла в базарные поговорки.

Вне Бедестена каждый товар имел свою особую улицу. На улице продавцов оружия французский путешественник XVI века Филипп дю Фресне Канайе пришел в восторг от *«упряжи с серебряным покрытием с очень тонкой резьбой, множества золотых ваз, редких плюмажей с рубинами и бирюзой в таких количествах, что невозможно сосчитать их точно... Словом, тут можно найти так много прекрасных вещей, что очень трудно уйти, не запустив руку в кошелек»*. Рента от Бедестена шла в вакуф, или на пожертвования, которые поддерживали Айя-Софию⁴⁴.

Базар также имел государственные сейфы, построенные позади лавок, где люди хранили драгоценности и деньги. Они, судя по всему, больше защищали от краж, чем рынки на Западе. Купцы могли оставлять лавки без присмотра, продавцы сластей верили публике, что она заплатит за товар, который они оставляли на маленьком круглом подносе. В 1591 году ограбление сейфов на Великом Базаре стало беспрецедентным ужасом. Преступником оказался молодой человек, который работал на армянского ювелира, — он спрятал товары под соломенным матрасом на полу лавки. Его повесили в присутствии султана. Это продолжалось вплоть до XIX века и начала современного туризма, когда базар заработал репутацию гнезда хищников⁴⁵.

Базар соединял роли центра шопинга, обменного пункта и банка. Это также был клуб, где купцы встречались, чтобы планировать сделки и поездки. Дадли Норту не хватало базара больше чем чего-либо еще в Константинополе, потому что он находил там «почти любую вещь, какую только человек мог пожелать или использовать». Кроме прочего, он был также местом встречи. В Лондоне, несмотря на кофейни и клубы, «люди не могли найти того, кто им нужен, как и он их».

Базар окружали двадцать один постоянный двор, вроде Бюйюк-Валиде-Султан-Хан, построенные для содействия торговцам. Эти квадратные двух- или трехэтажные арочные здания со внутренним двором содержали на первом этаже товары и животных, а ремесленники и купцы обитали на втором и третьем этажах. В отличие от большинства домов в городе, ханы возводились из камня. К 1700 году Бюйюк-Валиде-Хан

стал коммерческим и религиозным центром городских персов (большинство их происходило из Азербайджана). Несколько тысяч персов жили тут; эта община была похожа на маленькое независимое государство.

Капитуляции не ограничивались европейскими общинами — их также получали и персы. В XIX веке персидский пилигрим, проходя через Константинополь по пути в Мекку, отметил: «Законы и права полностью распространяются на иранцев через посольство; они никогда не попадают под юрисдикцию Константинополя».

Напряженность в отношении к шиитской ветви ислама ослабела с XVI века. Главная шиитская мечеть Константинополя находилась в центре первого султанского двора. Каждого 10 мухаррама церемония в память двух шиитских мучеников Хасана и Хусейна, внуков Пророка, подтверждала благочестие и подкрепляла идентичность персов города. Сначала проходили молитвы в мечети. Затем, в свете факелов, под звуки барабанов и крики «Хасан! Хусейн!», под взглядами 20 тысяч зрителей, длинная процессия мужчин в белых рубашках бичевала себя плетью, дубинками и даже саблями; кровь стекала по их бокам, головы и грудь походили на сырое мясо. Затем бичующиеся переходили в другие постоянные дворы, чтобы провести ритуал там. На следующий день они шли в Ускюдар, к ручью на кладбище, где доктора ожидали их с бинтами⁴⁶.

В то время как Бюйюк-Валиде-Султан-Хан был связан с коммерцией центральной области, другие гостиницы принимали в основном определенных торговцев: плотников, ювелиров и т.п. Постоялый двор Султан-Паша-Хан к югу от базара специализировался на одном из самых доходных товаров в османской столице — на людях. Константинополь являлся центром работорговли, товар шел сюда из Польши, с Кавказа и из Судана. Правительство облагало налогом каждого раба, поступившего в город (четыре золотых дуката за голову в XVI веке), как в современных аукционных домах Лондона, налог поровну брался с обоих — и с покупателя, и с продавца. Мужчины, которых могли выставлять голыми, продавались также на Старом Базаре. В 1547 году французский путешественник Жан Чесно видел торговцев, ведущих по базару трехлетних детей, выкрикивающих публиче свои цены. Особенно высоко ценились чер-

кесы, затем шли поляки, абазы* (жители определенных районов Кавказа) и русские. Мужчины из Западной Европы считались слишком нежными, а женщины — слишком грубыми. Черные рабы также выставлялись на продажу: прадед Пушкина был эфендом, купленным в Константинополе русским послом.

Перспективные покупки проверялись, как скот. Покупатели плевали рабам в лицо, чтобы увидеть, не сойдет ли грим, смотрели им «зубы, ноги, бедра и наиболее секретные места. Бедняги, как мужчины, так и женщины, позволяли унижать себя, опустив ничего не выражающие глаза». Отсутствие зубов, красоты или девственности снижало цену. В 1600 году молодая девственница стоила сто дукатов, женщина 60 лет — тридцать шесть. Перед покупкой женщины покупатель мог взять ее домой на ночь, посмотреть, не храпит ли она⁴⁷. До XX века особенно выделялась торговля женщинами-рабынями, купленные у независимого торговца молодые девушки после обычного физического осмотра и финансового торга переходили из гарема в гарем. Девушек учили манерам, шитью и пению, а затем прибыльно продавали⁴⁸.

С домашними рабынями в мусульманском доме (теоретически ни христианам, ни евреям владеть рабами не позволялось) обращались относительно хорошо — лучше, чем с рабами в Америке или даже многими свободными слугами в Западной Европе. Рабство могло действовать как форма родства — и таким образом, как хорошо знали янычары, служить средством социального продвижения. Если рабам не нравился их хозяин, теоретически они могли обратиться в суд, чтобы их продали другому. Некоторые рабы зарабатывали деньги, чтобы выкупить свою свободу, управляя паромными судами между Ускударом и Европой. Другие рабы покупались для физического удовольствия. Осман по имени Латиф в XVII веке написал:

* Абазины (абазы) — один из древнейших народов Кавказа. Принадлежит к абхазо-адыгской группе, населяющей причерноморский регион Северного Кавказа; этноним «абазга» встречается еще у Геродота. В Турции, на Ближнем Востоке и в Западной Европе представители абхазо-адыгской группы (потомки как рабов, так и мусульманских беженцев-мухаджиров) известны как «черкесы» — это название автор активно использует в других местах книги. (Прим.пер.).

«Среди них есть девочки и мальчики такой исключительной красоты, что люди теряют контроль над собой и тратят все свое состояние, заявляя, что деньги не важны по сравнению с душой и с любовью... Как говорит поэма: самая ценная вещь в мире — это союз с красотой, иначе что люди, стремящиеся к любви, делают на базаре?»

Мужчины, которые тратили все свои деньги на рабов, не могли сопротивляться искушению и возвращались на невольничий рынок, несмотря на всю боль от возможности видеть, но невозможности больше купить продававшуюся там красоту. Включая рабов Ворот султана, рабы составляли большую долю населения Константинополя — до 20% по данным Халилия Иналсика, по сравнению с примерно 3% от населения Венеции в 1600 году⁴⁹.

Если люди занимали важное место в составе импорта столицы, они также являлись одним из основных предметов ее экспорта. Военные, чиновники и улемы каждый год тысячами покидали город, чтобы охранять империю или управлять ею. Некоторые из них достигали большего продвижения, чем члены огромных семей, Кёпрюлю и Маврокордато.

ВИЗИРИ И ДРАГОМАНЫ

Если князь Кауниц — наместник Священной Римской империи, то я наместник очень священной Османской империи... Я хозяин, я король, рожденный в семье, которая правила двести лет, правящий владыка, вот что я хочу сказать; я не боюсь ни императора, ни князя Кауница.

Александр Маврокордато, господарь Молдавии — австрийскому консулу Стефано Райцевичу, 10 ноября 1784 года

К 1622 году семнадцатилетний султан Осман II пренебрег традициями династии и интересами своей столицы. Вместо ограничения себя рабынями он женился на трех свободных женщинах — включая дочь муфтия Константинополя. Идя однажды в пятницу на молитву, он надел халат из светло-розовой венецианской ткани и использовал «очень легкую» лошадиную попону. Английский посол, сэр Томас Роу, написал, что он показал себя «дешевым и вульгарным своими ночными прогулками и дурной привычкой часто посещать таверны и глухие места, где вызывал тревогу полицейского участка». При этом янычар, обнаруженных в тавернах, топили в Босфоре. Целый корпус, который плохо действовал в недавней кампании против Польши, посчитали «готовым к мятежу и требующим расформированию» — и сократили янычарам жалованье.

Вопреки совету великого визиря, султан вознамерился совершить полное святотатство: оставить город, совершить паломничество в Мекку и набрать армию в своих арабских провинциях для замены янычарам. Муфтий издал фатву, заявив: *«В паломничестве для султана нет необходимости. Лучше, чтобы он оставался в своем дворце и сеял справедливость. Это необходимо, так как могут последовать беспорядки»*. Реакции султана не последовало.

7 мая императорские шатры и сокровища начали забирать из дворца и переправлять через Босфор в Азию. Ущемленные в своей гордости и в своем кармане, подстрекаемые своими пашами, янычары на следующий день собрались на Ат-Мейдане и кричали: «Именем закона, мы хотим иметь султаном Мустафу-хана» — дядю султана и его предшественника, которого Осман II держал в тюрьме, в подвале с двумя голыми черными женщинами, так как Мустафа не выносил противоположный пол. Наконец, 9 мая янычары взяли штурмом дворец, захватили Османа II и заключили его в Семь Башен без одежды, за исключением белой рубашки. Оскорбления толпы по пути довели его до слез: «Вчера я был падишахом. Сегодня я гол!» Новый великий визирь, который помогал организовать мятеж, приговорил Османа II к смерти через комбинацию удушения и сжатия яичек. Когда его переспросили о приказе, он ответил: «Неважно, кто султан, пока это не тревожит мировой порядок»¹.

Внешне султан являлся абсолютным хозяином города и империи, а визири были его слугами. В реальности ограничения его правления были такими же жесткими, как и рамки, налагавшиеся в тот же период придворными, знатью и парламентами на монархов Запада. Если султаны казнили великих визирей, визири также могли казнить султанов.

Власть и статус этой элиты были хорошо видны на улицах города. По мнению одного комментатора XVII века, Роля Рико, «можно было предположить о величии этой империи по свите, помпезности и числу слуг, которые сопровождают важную персону в ее путешествии». Целью этих домочадцев было не только произвести впечатление на публику, но также контролировать центральное управление. В 1656 году султан Мехмед IV признавал, что он обязан своим восхождением на трон божьей воле, своим собственным способностям, а также согласию гражданских чиновников и религиозных авторитетов².

На вершине официальной иерархии стоял «абсолютный заместитель» султана, великий визирь, которому дома прислуживали 2000 человек, как и у султана, и защищала охрана из 500 албанцев. В Западной Европе из лиц не королевского ранга только Ришелье и Мазарини, обладавшие властью первого министра и званием кардинала (равного по уровню принцу крови), имели сравнимый статус.

Великий визирь по факту являлся также мэром Константинополя, так как столица не имела собственных независимых инструментов управления, никакого Отель-де-Виль и никакой ратуши. Все в ней зависело от государства. Помимо инспекции рынков, великий визирь каждую среду проводил в Диване совещание по делам столицы. В административной работе ему помогали четыре кадиса, или судьи — по Стамбулу, Галате, Ускуядару и Эйюпу. Они назначались, имели прямой доступ к султану и пользовались фактической автономией в толковании шариата. Они следили за рынками и за тем, чтобы мусульмане города соблюдали религиозные законы. При кадисах имелась армия более мелких чиновников — они инспектировали товары, цены и торговцев, а также взимали налоги с лавок, рынков и доставляемых в город продуктов³.

Благодаря правлению нескольких ничтожных султанов подряд, а также запутанности османской системы управления, с 1650 года Порта сменила дворец в качестве центра власти. Этот поворот получил архитектурное подтверждение в 1654 году, когда Порта заняла постоянное место в доме паши, у подножия холма с дворцом, на нынешнем месте резиденции стамбульского губернатора и расположения части государственного архива. Вход в Блистательную Порту был «свободен для всего мира и он [великий визирь] дает аудиенцию даже малейшему бедняку». Лорд Шарлемон, которому показали это строение в 1749 году, был впечатлен великолепием личного дома великого визиря — «большого, горделивого, с хорошими пропорциями», с английскими часами, французскими зеркалами и персидскими коврами.

Порту населяла опытная когорта писцов и клерков (869 служащих в конце XVIII века), подчинявшаяся великому визирю, его заместителю рейс-эфенди (государственному секретарю) и другим пашам. Она, так же как династия и армия, способствовала выживанию империи. Лорд Шарлемон записал:

«Все министры, которые держат свои офисы в Порте, имеют, кроме апартаментов, смежные кабинеты, которые служат офисами их секретарям и где работают их клерки. Я входил в пять или шесть из них и был удивлен множеством клерков, исключительным вниманием, с которым они пишут [на коленях, без столов], а также большой быстротой и правильностью, с которой проводятся дела... Журналы посещений содержатся с точностью,

наивысшей во всем мире, как и аккуратность и правильность, так что любая хроника или факт, хоть через сотни лет, могут быть найдены на месте в течение получаса».

В конце XIX века один чиновник Порты хвастал, что за четыреста лет здесь не был потерян ни один документ. В этой сверхцентрализованной империи каждый провинциальный губернатор постоянно отсылал копии своих отчетов в Константинополь. Изобилие документации — в самом деле единственное препятствие, стоящее перед историками, работающими с османскими архивами⁴.

Некоторые великие визири становились настолько могущественными, что могли передавать статус и богатство своим потомкам. Соколлу Мехмед-паша, который, как говорили, оплатил строительство 300 мечетей, умер, владея четырьмя дворцами в Константинополе, 360-комнатным дворцом в Эдирне и восемнадцатью миллионами золотых пиастров. Его сын от Исмихан-султан, дочери Селима II, Ибрагим Хан-заде, унаследовал часть богатства своего отца. В одном письме он описывает дворец отца в Ускударе:

«Внутри двора, окруженного высокими стенами, находился огромный зал для приемов и комната для петиций возле него, по бокам от которой располагались две комнаты, два помещения для отдыха и холл, а также два коридора, терраса для прогулок и комната для омовений, которая смотрела на сад и фонтан. Здесь же была большая комната, облицованная фаянсовыми изразцами, с прекрасной металлической решеткой и выложенными перламутром окнами... таково пространство лишь одного дворца, который я унаследовал от отца, дома последних лет жизни Мехмед-паши».

Один из его потомков, Ибрагим Хан-заде, исполнял несколько ролей при дворце и в правительстве — таких, как главный хранитель ворот и управляющий кухнями султана; его потомки, семейство Хан-заде, обитали в константинопольском районе Кадырга, во дворце, построенном самим Синаном на доходы от имений в Эдирне, Белграде, Вышеграде и Алеппо. Надписи на их гробницах вокруг величественного, почти королевского мавзолея Соколлу в Эйюпе, часто именуют их бей-эфенди, то есть лордами. Как и придворные на Западе, они могли быть компаньонами для общения монарха. Султан наносил им визиты, позволял им принимать свою персону и использовал их как своих наследственных главных егерей.

Как и сам султан, они воспроизводили свой род скорее через наложниц, чем через законные браки. Британский посол описывал их как «бесконечно уважаемых людей». Они были так богаты, что в 1696 году Ибрагим Али-бей, член этой семьи, обещал поставить 500 солдат в имперскую армию — точно как великий лорд во Франции или Англии в XVI веке.

Вторая ветвь, Соколлу-заде, происходила от другой жены Соколлу Мехмеда. Многие из представителей этой семьи занимали должность главного хранителя императорской сокровищницы, Рейс-уль Куттаб — то есть главы имперской канцелярии, или же были губернаторами провинций; в конце XVIII века один Соколлу-заде отвечал за построение плотины для подачи воды в Константинополь⁵. Мать Динка Билджина, владельца «Сабах», одной из самых успешных турецких газет 1990-х годов, тоже принадлежит к роду Соколлу.

Власть Порты и господствующей, но неофициальной элиты подтверждалась появлением одной из талантливейших династий министров в истории Европы — единственной семьи, которая произвела пять первых министров, и еще два других произошли из их близких родственников. Семейство Кёпрюлю появилось на политической арене в очень подходящий момент.

С конца XVI века Османская империя испытывала внутренний кризис. В 1622 году сэр Томас Роу, английский посол, который называл империю «сточной трубой людей и нечестности», был уверен, что она близка к краху. Писатели из имперской элиты винили в этом образовательную систему и оглядывались на мифический золотой век при Сулеймане Великолепном. Народ критиковал свирепствующую чиновничью коррупцию. В 1624 году казаки украинского происхождения приплыли из Черного моря на Босфор и сожгли и разграбили деревню Ёникой.

Несмотря на некоторые улучшения при Мураде IV в 1630-х годах, к 1656 году катастрофа казалась совсем близкой. В третий раз за десять лет венецианский флот блокировал Дарданеллы. Четыре тысячи христиан, рабов на галерах, сбежали, чтобы присоединиться к нему. Люди покидали Константинополь в поисках лучшей жизни в Анатолии. Цены на пищу взлетели. Мятежные

янычары кричали на султана: «Мы отсиживаемся в углах постоянных дворов голодные и истощенные, а наших денег не хватает даже на покрытие долгов за жилье!» В отчаянии валиде Турхан, которая назначала великих визирей после убийства ее соперницы Кёсем пять лет тому назад, обратилась к непопулярному старику 80 лет по имени Кёпрюлю Мехмед⁶.

Родившийся в деревне Рузник в нынешней Албании, Кёпрюлю Мехмед был, вероятно, албанцем по происхождению. Возможно, рекрутированный по системе девширме, он сначала работал на дворцовой кухне, откуда его уволили за гордость и горячность. Он получил имя Кёпрюлю от своей жены, которая родилась в маленьком городке Кёпрю в Анатолии. После исполнения нескольких должностей — управляющего гильдиями, инспектора арсенала, провинциального губернатора — он вернулся на службу во дворец.

Через свои контакты с главным архитектором и дворцовым учителем, также албанцами, 13 сентября 1656 года он получил секретную аудиенцию у валиде-султан Турхан. Так как власть находилась в полном хаосе, Кёпрюлю Мехмед смог навязать четыре начальных условия — отражавшие взгляд Порты на десятилетия правления дворцом и гаремом.

Во-первых, султан должен был давать согласие на все его требования; во-вторых, не должно оказываться давления в пользу фаворитов — «такие неразумные требования являются источником всех беспорядков»; в-третьих, не должно было существовать независимых военных визирей; и, наконец, великий визирь не должен был зависеть от «обвинений» — «так как каждый хочет вмешаться в дела государства».

Турхан приняла эти условия. Даже она не верила, что он сможет осуществлять власть в реальности или хотя бы во внешних проявлениях. 15 сентября 1656 года Кёпрюлю Мехмед-паша стал великим визирем⁷.

В провинции люди говорили: «Только взгляните, до какого дьявольского дня дожило Османское государство, раз мы получили великим визирем такого жалкого бедолагу, как Кёпрюлю, который не может даже задать соломы паре ишаков!» Другие обладали большим даром предвидения. «Этот Кёпрюлю не похож на других великих визирей. Судьба часто кидала его из огня да в полымя, он много страдал от бедности и даже нужды, от горя

и превратностей; он приобрел большой опыт в военных кампаниях, и он знает пути мира»⁸.

Действительно, вскоре Кёпрюлю восстановил дееспособность центрального правительства до такой степени, какой оно не имело с дней Соколлу Мехмед-паши. Он назначил муфтием и казначеем собственных людей, урезал государственные пенсии и создал сеть информаторов по всему Константинополю. Венеция была разгромлена, Лемнос снова взят, восстания в Анатолии — всегда более мятежной, чем Балканы, — подавлены.

Кёпрюлю правил через террор. Один государственный палач подсчитал, что он один отправил в воду 4000 трупов. Письмо от Кёпрюлю одному из губернаторов провинций раскрывает методы его правления:

«Это правда, что мы выросли вместе в имперском гареме и оба протеже султана Мурада IV. Тем не менее ставлю вас в известность, что с этого момента, если проклятые казаки разграбят или сожгут одну из деревень или городов на границе провинции Озу, клянусь Господом Всемогущим, что я не дам вам приюта и не стану обращать внимания на ваш добродетельный характер — а порежу вас на куски в качестве предупреждения всему миру».

Он казнил двух Вселенских патриархов и одного армянского патриарха из-за подозрения в изменнических контактах с иностранными державами⁹.

Решающим оружием великого визиря была готовность молодого султана Мехмеда IV, который называл его «отцом», оставаться символом, а не правителем. Мехмеда IV описывали как «очень смуглого человека, его лицо украшали красивые большие глаза, черные и сверкающие... Лицо его выражало величие и внушало ужас, когда он этого хотел». Страстный охотник, он мог сесть в седло еще до зари и сойти с лошади после наступления сумерек. Его любимые соколы получили украшенные драгоценностями ошейники, однако его загонщики иногда замерзали до смерти. Однажды некто Бостанджи-паша выложил их трупы перед султаном в молчаливом упреке. Султан лишь обругал его за то, что тот нанял таких слабых людей.

Говорили, что Кёпрюлю намеренно развернул любовь султана к кровопролитию на животных, чтобы защитить его подданных — и позволить великому визирю управлять без помех. Более могущественный, чем любой первый министр на Западе, великий

визирь даже диктовал султану, что объявлять чиновникам, свидетельствующим свое почтение на приемах во время Байрама. По аналогии с «Сумасшедшим Ибрагимом», в Константинополе появился стишок о его сыне:

*Сходил отец с ума по женским прелестям,
Охотой бредит сын, любя в живое целиться*¹⁰.

Несмотря на глубокие отличия от других европейских династий, османская династия сталкивалась с теми же самыми проблемами — такими, как религиозный экстремизм и биологическая слабость, часто в одно и то же время. Из-за совпадения периодов слабости монархии, валиде-султан проявили силу в ту же самую эпоху, с 1560 по 1660 год, что и королевы-матери во Франции, Екатерина Медичи, Мария Медичи и Анна Австрийская.

В Османской империи, как и в других монархиях, королевская страсть к охоте заставляла двор покидать столицу на длительные периоды. Эдирне предлагал османам столько же удовольствий, что и Константинополь, но без его проблем. Окруженный охотничьими угодьями, он стал второй столицей. Его мечети соперничали, а в случае мечети Сулеймание, построенной для демонстрации превосходства Селима II, даже превосходили столичные. На краю города, возле реки Марицы, находился дворец Эдирне — еще одно собрание павильонов, как в Топкапи, беседки и дворы, окруженные парком.

Эдирне являлся также лучшим местом сбора армии перед кампанией в Европе, так как позволял избежать размещения тысяч солдат в столице. Сулейман Великолепный, который очень серьезно относился к своим обязанностям султана, проводил зимы в Эдирне — по словам имперского посла Бусбека, «потому что тут он имел свой сераль, который открыт для охоты, и он ездит охотиться почти каждый день». Он возвращался в Константинополь, только когда по ночам на реке возле дворца квакали лягушки, не давая спать¹¹.

Мехмед IV оставлял Константинополь в то же самое время, когда Людовик XIV покидал Париж, и по той же самой причине: любовь к охоте и страх мятежа. Он говорил, что чем возвращаться в Константинополь, где все его предки стали жертвами такого

большого количества мятежей, он лучше подожжет его собственными руками и будет с радостью наблюдать, как город и дворец пожирает пламя.

Но вызов Кёпрюлю Мехмеду бросили мечети. После разграбления обсерватории султана в 1580 году исламский консерватизм в Константинополе стал более агрессивным. Последние сохранившиеся христианские фрески Айя-Софии были закрашены в 1609 году. Научные и медицинские школы закрывались, так как мусульманские студенты обращались в первую очередь к изучению религии. К середине XVII века отношения между мусульманами и христианами испортились настолько, что в одной гильдии стали создаваться отдельные помещения; члены-христиане жаловались, что вынуждены оплачивать мусульманские праздники.

Начиная с 1630-х годов богомольцы, известные как *кадизаделиеры*, стали провозглашать то, что сегодня было бы названо «экстремизмом». Они выступали не только против кофе, табака, шелка и танцев, но также таких вещей, как паломничество к священным гробницам. Все инновации, появившиеся с века Пророка — даже минареты, — по их мнению, нужно было искоренить. Константинополь должен стать новой Мединой.

Подобно своим современникам, английским пуританам, радикальные мусульмане намеревались «выявлять» грешников и заставлять их вернуться на «истинный путь». Янычары тоже заразились радикализмом: начались нападения на дома суфиев. Радикалы, чей штаб располагался в мечети Фатиха, стали настолько опасными, что большую часть 1651 года Вселенский патриарх находил убежище во французском посольстве — ранний пример использования посольств в качестве приюта. В итоге эта ситуация достигла своего пика в конце XIX века. В 1656 году Кёпрюлю пришлось депортировать кадизаделиеров на остров для ссылки нежелательных элементов, Австралию Османской империи — Кипр¹².

31 октября 1661 года, когда Кёпрюлю Мехмед лежал при смерти в Эдирне, сам султан нанес ему визит уважения. Последние слова визиря были советом своему хозяину, они звучали так: не слушай женщин; наполняй сокровищницу, даже давя на людей; всегда держи войска готовыми к кампании; часто меняй чиновников на высших постах; наказывай смертью за малейшие ошибки; и — демонстрируя сознательное использование ислама в качестве

политического оружия — создавай для османского правительства «вид сохранения религиозности и справедливости». В противоречие со сказанным выше он также порекомендовал назначить его собственного сына великим визирем, что станет лучшим способом уберечь империю от хаоса.

Султан согласился. После обещающей карьеры в качестве губернатора провинции, Кёпрюлю Фазиль Ахмед в возрасте 27 лет обнаружил себя великим визирем. Он стал самым молодым — и одним из самых способных и долго прослуживших великих визирей османов.

По словам бывшего дворцового чиновника Бобовского, по контрасту с его жестоким отцом «теперешний визирь... правит самым мягким образом и легко прощает людей». Он резал не горла, а ремешки кошельков. Отец просто умел читать или писать; сын был поэтом и покровителем поэтов. Во время его пребывания визирем османский истеблишмент предпринял первые шаги к восстановлению контакта с современными научными знаниями. В 1675–1685 годах Абу Бекр, протеже Кёпрюлю Фазиля Ахмеда из Дамаска, перевел на турецкий язык самую свежую работу по географии — «Большой Атлас» нидерландского географа Иогана Блау. Английский священник, доктор Джон Ковель, написал:

«Он маленький человек и ходит (как я часто потом видел) немного прихрамывая, и он несколько сутулится — как говорят, от множества проблем, которые возникли у него из-за ишиаса. У него маленькое круглое лицо, маленькая короткая жидкая черная борода, маленькие глазки, маленький рот без морщин на губах; гладкий округлый лоб и приподнятые брови с густыми, но очень короткими волосами. Лицо покрыто оспинами. В целом у него проницательный, но добродетельный и серьезный вид; и, по моему пониманию, я посчитал бы его умным и ловким человеком».

Его нельзя было подкупить. Как военачальник он имел репутацию заканчивающего все, что начал. Кёпрюлю Фазиль Ахмед завоевал Подолию на юге Польши и остров Крит. Во времена его правления империя стала больше, чем была когда-либо¹³.

Кёпрюлю Фазиль Ахмед также завоевал репутацию справедливого и милосердного человека, в одном случае проявив себя в роли мистического Мессии. Пораженные резней евреев на Украине в 1648 году, более страшной, чем все предыдущие, некоторые османские евреи уверовали, что Мессия — это красивый

и обаятельный 39-летний еврейский купец из Измира, Шаббатай Цви. 30 декабря 1665 года Цви прибыл в Константинополь, объявив о намерении свергнуть султана. Еврейская община обезумела. Католический священник записал о «порыве радости, который невозможно вообразить, если не видел его». Купцы обрядили его в царские одежды, женщины входили в транс и начинали проричать. Убежденные, что «полумесяц и все королевские короны в христианском мире» вот-вот падут, некоторые евреи приготовились покинуть Константинополь ради обещанной земли.

Еще одной причиной такого энтузиазма стала перспектива освободиться от тирании раввинов. В то время, когда ислам становился более строгим, жизнь евреев тоже становилась все более несвободной. Еврейским женщинам запрещалось гулять вдоль берега моря или появляться в общественных местах; игры и приемы были запрещены. С другой стороны, Шаббатай Цви проповедовал доктрину приближения свободной любви — даже внутри семьи. Скорее по коммерческим, чем религиозным соображениям — торговля в столице слабела — в феврале 1666 года Шаббатай Цви посадили в тюрьму. 16 сентября его в Эдине принял Кёпрюлю Фазиль Ахмед.

Пораженный его умом, его достоинством и его арабским языком, великий визирь предложил ему на выбор смерть или обращение. Цви перешел в мусульманство. Азиз Мехмед-эфенди, как он теперь звался, получил пенсию и место хранителя ворот во дворце; его жена Сара стала известна как Фатима Кадын.

Однако вскоре все повторилось. Жили Цви у Золотого Рога в Кагитане, посещая иногда мечеть, иногда синагогу. В итоге «упрямого неверного», как теперь называл его Кёпрюлю, ставшего объектом паломничества, в 1672 году выслали в Албанию, где он умер через четыре года. Однако его последователи, известные как *дёнме*, образовали заметную общину в мозаике Стамбула, существующую до сих пор*. Большинство из них живет как об-

* Все было значительно сложнее, чем описывает автор. Шаббатай Цви действительно объявил себя Мессией, а его многочисленные сторонники отличались безумными выходками, но при этом их религиозный фанатизм не переходил в агрессию к инакомыслящим — точнее, Шаббатай каждый раз умело ее гасил. Его учение заключалось в том, что спасение мира невозможно без спасения всех падших душ — а чтобы добраться до них, мессия должен сам опуститься на дно; вынужденный переход в ислам был объявлен таким

ращенные мусульмане, но тайком поддерживают определенные иудейские традиции — такие, как произнесение молитв на иврите. Самая маленькая группа ждет возвращения Шаббатая Цви в качестве Мессии¹⁴.

Благоразумие Фазиля Ахмеда, твердость, мудрость и осторожность произвели впечатление на венецианского посла. Он сказал, что если бы у него был сын, он не дал бы ему никакой другой политической школы, кроме османской. Кёпрюлю покончил с кризисом доверия османской власти, который захлестнул двор в первой половине века. Заместитель Фазиля Ахмеда смог записать в 1667 году: *«Наша империя всегда была такой от начала; до настоящего времени ее сила и ее власть постоянно росли; даст Бог, так будет всегда, и наша империя закончится только в день суда»*.

Османская империя была достаточно сильна, чтобы выступать как защитник более слабых наций, даже если они были христианскими. Кёпрюлю Фазиль Ахмед написал канцлеру Польши, что самый знаменитый и могущественный из всех падишахов готов защитить украинцев, которые обратились к Константинополю за помощью и с просьбой об убежище для населения. Однако в итоге великий визирь умер от пьянства в возрасте 41 года в 1676 году¹⁵.

Как и элита улемов, Кёпрюлю Фазиль Ахмед-паша содействовал своему роду. Пять его сестер вышли замуж за пашей на высоких должностях — таких, как начальник морских сил или смотритель султанской сокровищницы. Двое из Кёпрюлю женились на принцессах императорского дома. Семья Кёпрюлю управляла империей с такой же уверенностью, как великие европейские политические кланы XVIII века — Питты или Гренвиллы, управлявшие Англией. Так как в империи не существовало официальных аристократических институтов, чтобы сдерживать их, эта власть в некотором роде была наивысшей. Как истинно османская семья, они служили чиновниками, губернаторами,

ригуальным падением. Константинопольская часть шаббатянцев образовала секту *дёнме*, со временем ставшую своеобразным закрытым кланом, и при этом — интеллектуальной элитой Османской империи. Из дёнме выходили многие правительственные чиновники и министры империи; Мустафа Кемаль учился в школе, основанной дёнме, — отсюда среди его противников возникла легенда, что он являлся евреем и масоном. (Прим. ред.)

владели поместьями и возводили здания по всей империи, от Венгрии до Египта.

Европейская знать строила дома и дворцы для получения удовольствия и утверждения своих собственных семей; великие визири Кёпрюлю строили для народа — мечети, школы, рынки, фонтаны, бани, гостиницы и мосты. Возле Константинопольского базара Кёпрюлю Мехмед построил трехэтажный арочный Визирь-Хан — сравнимый по размеру и функциям с современным супермаркетом, он и сегодня заполнен мастерскими и офисами. Его сын, как и его современник, английский премьер-министр лорд Кларендон, приказал построить библиотеку. Купольную библиотеку Кёпрюлю, гораздо меньшую, чем библиотека Кларендона в Оксфорде, все еще можно посетить возле семейного мавзолея в Диван-Йолу, между мечетями султанов Ахмеда и Баязида. Кроме того, Фазиль Ахмед построил торговый комплекс в новом порту Измира, а также мечети в честь своих двух завоеваний — Крита и Южной Польши. Его кузен, Амка-заде Хусейн, построил пять фонтанов, скотобойню и два акведука только в Константинополе. Такие сооружения давали многогранную пользу. Они демонстрировали успешность строителя его современникам, сохраняли его славу на будущее, обеспечивали доход его потомкам — и служили империи.

Дома пашей были инкубаторами государственных людей — как дворцовые школы или дома высшей знати во Франции и Англии до 1600 года. В конце XVII века более 50% старших османских чиновников ранее служили в домах визирей или пашей, по сравнению с 29%, которые служили во дворце или армии, — это было свидетельство степени контроля правящей элитой государственной машины.

Одним из продуктов дома Кёпрюлю стал Кара-Мустафа-паша, который наследовал своему кузену и зятю Фазилю Ахмеду на посту великого визиря в 1676 году. Его жестокость и жадность заслужили ненависть и армии, и горожан Константинополя. В 1683 году османская армия окружила Красное Яблоко — Вену. Она спаслась только благодаря созданию общеевропейской коалиции — союза Священной Римской империи, Папского престола, Венеции и Польши. После поражения османов у Вены великий визирь был казнен в Белграде. Но австрийское продвижение продолжилось. Буда пала в 1686 году, Белград — в 1688-м. В Кон-

стантинополе страх, что христианская армия вот-вот появится у стен, вызвал рост цен. Как и в 1656 году, многие бежали с пожитками в Азию. Экстравагантность и безразличие султана к делам государства вновь становились критическими¹⁶.

Младший брат Фазиля Ахмеда, Кёпрюлю Фазиль Мустафа, стал великим визирем в 1689 году в возрасте 43 лет. Дмитрий Кантемир*, бывший житель города, написал в своей истории Османской империи, опубликованной в 1727 году, что Кёпрюлю Фазиль Мустафа был «человеком, известным туркам, кроме прочего, своей святостью жизни, прямоотой, благоразумием и мужеством». Он был также необыкновенно богат, так как унаследовал богатства брата и отца, которых — что удивительно — спас от конфискации сам султан. Зять и бывший раб Кёпрюлю Мехмеда, Сиявуш-паша, возглавил мятеж против Мехмеда IV, обеспечивший дому Кёпрюлю возможность вернуться к власти.

Часто заявляют, что исламская история отличается отсутствием представительных ассамблей, какие постоянно функционировали на Западе с XI века или даже ранее. Константинополь, однако, являлся законом сам по себе. Со времен правления Сулеймана Великолепного султан и великий визирь часто собирали ассамблеи визирей, знати и улемов, известные как «Высокий Совет», чтобы узаконить некоторые решения и отклонить личную ответственность за них**. Однако в османской элите отсутствовал наследственный вкус к свободе и политическим привилегиям, который являлся движущей силой нидерландского мятежа, английских революций и пожара революции во Франции. Молчание или требование дальнейших приказов было обычным ответом на правительственную просьбу о совете. Это молчание, воспитанное страхом перед властью султана, является одной из выдающихся черт османской столицы. Ассамблеи в западных странах могли отличаться радикализмом или консерватизмом, партикуляризмом или патриотизмом — но они редко были молчаливыми¹⁷.

* Господарь Молдавии, историк, философ и писатель, в 1711 году во время Прутского похода перешедший на сторону Петра I. Отец Антиоха Кантемира — русского поэта и дипломата, посла в Лондоне (1732–1738) и Париже (1738–1744). (Прим. ред.)

** Таким образом, когда в 1876 году была опубликована первая письменная османская конституция, газета «Вақыт» описала ее как мудрый возврат к прошлому. (Прим. авт.)

8 ноября 1687 года Кёпрюлю Фазиль Мустафа созвал в Айя-Софии совет улемов, которым зачитал петицию с просьбой о смещении султана. Последовало молчание. Тогда Кёпрюлю Мустафа сказал: «Так как падишах, как сообщает петиция, думает только о радостях охоты и так как, когда империя находилась под атаками со всех сторон, мы видели, что он уволил лишь людей, способных исправить эти беды, можете ли вы все еще сомневаться, господа, что свержение с престола падишаха, который ведет дело руководства таким образом, позволительно и законно? Почему тогда вы храните молчание?»

Молчание продолжалось. Тогда паша повел собрание во дворец. Султан был свергнут, вместо него было решено возвести на трон его брата Сулеймана. Но страх властвовал и во дворце. Проведя сорок лет в заключении в гареме, новый султан был убежден, что снаружи ожидают казни. Поначалу он просто отказался выходить.

В ответ на народное давление — по словам английского посла, «скорее на народное мнение о его честности, чем на склонность Сераля», годом позднее Кёпрюлю Мустафа был назначен великим визирем. Как и другие великие визири семейства Кёпрюлю, он разделял утилитарное отношение к Османской династии. Чтобы предотвратить восстановление у власти Мехмеда IV или его сыновей, в 1691 году Кёпрюлю Мустафа выбрал в качестве султана третьего брата. Ахмед II, «говорят, был идиотом, и в основном развлекался, играя на барабанах», — но зато он был еще одним податливым слабовольным человеком, который проводил свою жизнь во дворце. Когда французский посол попросил Османскую империю не признавать королем Англии врага Франции Вильгельма III, который сместил Якова II, последний великий визирь ответил, что абсурдно для османов, которые столь часто смещают собственных монархов, обсуждать право других наций делать это¹⁸.

Кёпрюлю Фазиль Мустафа завоевал репутацию человека, никогда не совершавшего криминального поступка и не произносившего ненужное слово. Он ликвидировал практику пашей дарить подарки султану в Байрам и создал советы знати в провинциальных городах. Чтобы христианские подданные не поддержали вторжение венецианской и австрийской армий, Кёпрюлю Мустафа снизил им налоги и улучшил их статус. Говорят, за время его

низирства (1689–1691) было построено больше церквей, чем за пятидесятилетнее правление императора Юстиниана.

В 1691 году, в качестве *сераскира*, или главнокомандующего, и сопровождении священного знамени Мухаммеда, Кёпрюлю Фазиль Мустафа повел османскую армию в бой против австрийцев. Чтобы подать пример, он шел в пешем строю с солдатами. Однако он погиб у Сланкамена на Венгерской равнине — возможно, убитый собственными солдатами¹⁹.

Османские армии снова терпели поражение за поражением. Наконец, в 1697 году великим визирем был назначен другой член семьи Кёпрюлю — Хусейн, кузен Фазили Ахмеда, бывший губернатор провинции и капудан-папа, ему было 53 года. Он сказал султану:

— Мой дядя и мой двоюродный брат были великими визирями твоего отца, султана Мехмед-хана в течение двадцати лет, и они были довольны, как и он. Если ты будешь игнорировать советы других и если ты дашь мне независимость в правительстве, с божьей помощью я буду служить много лучше, чем они.

— Если ты будешь лоялен ко мне, — ответил султан, — я дам тебе независимость.

Новый великий визирь оказался еще одним выдающимся Кёпрюлю. Знаменитый османский историк Наима посвятил свою историю империи «этому прекрасно образованному визирю, чья уверенная душа — сокровищница мудрости и знаний, и чье гордое сердце — хранилище правды и уверенности». Понимая необходимость мира и реформ, через посредничество нидерландского и английского послов Кёпрюлю Хусейн в 1699 году заключил мир с Австрией в Карловице возле Белграда²⁰.

Карловицкий мир — водораздел в Османской истории. Считается, что он представляет собой остановку продвижения османской границы в Европе и переход империи из наступательного и оборонительное состояние — хотя некоторые османы видели в нем не более чем перемирие (главный переговорщик с османской стороны Рами Мехмед-эфенди заявлял, что «временный мир эквивалентен по значению джихаду»). Ознаменованием нового века мира и удовольствий стал прием, который великий визирь устроил в своем *ялы*, или приморском доме, на азиатской стороне Босфора для послов Англии, Нидерландов и Священной Римской империи.

Построенный в 1698 году и покрашенный снаружи в цвет ржавчины, этот ялы все еще находится во владении вакуфа семьи Кёпрюлю, которая в 1995 году составляет 117 потомков Кёпрюлю Хусейна. Домом пренебрегали многие годы. В конце XIX века его занимали мусульманские переселенцы с Балкан. В XX веке большинство гаремов и служб снесли, чтобы расширить проходящую рядом дорогу. Потомками великого визиря в саду было возведено — незаконно — несколько коттеджей; хозяйственные площади усадьбы все еще занимают близлежащие холмы.

Сохранилась одна гостиная для приемов, украшенная центральной ротондой с куполом над мраморным фонтаном. В течение девяноста лет он находился в разрушенном состоянии — воды Босфора видны сквозь дыры в стене, колючие ветви и вьюнок лезут из сада. Деревянные панели на стенах покоробились и частью обвалились. Однако в 1700 году эти панели украшались прекрасными букетами цветов, стоявших в голубых и белых *кутахья*, — вазах, модных тогда в Константинополе. Потолок над мраморным фонтаном был украшен прекрасными арабесками. Комната была отделана, как будуар в Версале, но более сдержанно. В этом доме цветов и удовольствий великий визирь принимал своих гостей.

С высокомерием победителя императорский посол принц фон Оттинген Валленштайн на трех галерах продефилировал по Босфору с большой свитой и собственным оркестром. Звук музыки тонул в грохоте цепей, которыми были скованы галерные рабы под палубой. Послов принимали, демонстрируя стрельбу из лука, борьбу, фокусы и танцы, а также персидских певцов. Под конец подали обед: голубей, фазанов, жареных цыплят, фаршированные виноградные листья, много разных пловов, пирожные. Это длилось недолго — слуги быстро убирали блюда, чтобы проглотить остатки самим. Или за ними не следили, или хозяин хотел закончить этот неприятный прием как можно скорее²¹.

Великий визирь был известен как *амджазаде* («кузен») Маулави, поскольку являлся членом дервишского ордена, или *сархош*, «пьющий» — честность была не единственной традицией Кёпрюлю, которую он продолжал. Он имел разрешение не выполнять официальные обязанности вечером, потому что лечил больные ноги: на самом деле он пил алкоголь такой крепкий, что единая капля жгла горло. В 1702 году ушел в отставку и уехал на ферму возле Эдирне. Здесь он и умер годом позже. Его гробницу

все еще можно посетить в элегантном комплексе мечети, которую он построил возле мечети Фатих, рядом со своим городским дворцом.

Последний великий визирь из семьи Кёпрюлю, Дамад Фазиль Нуман-паша, сын Фазилия Мустафы-паши, родился в Константинополе в 1670 году. Руководя семейным бизнесом, он имел доход свыше 100 000 эскудо в год. С 1700 года он был одним из визирей, в июне 1710 года его назначили великим визирем. Британский посол описал его как *«человека, хорошо известного за его справедливость и прямоту, и настолько испытывающего уважение и любовь к людям, что его назначение великим визирем вызвало радость повсюду. Он весьма образован и строго соблюдает закон, но при этом переходит границы любопытства, проникая в дела и интересы иностранных государств. Он стремится достичь мастерства в этих вопросах, так же как блюсти интересы своей империи, за которую очень переживает»*.

Тысячи людей приходили в город из Анатолии и Румелии в поисках справедливости. Однако Дамад Фазиль Нуман-паша оказался слишком честным для коррумпированного и жестокого султана Ахмеда III, который вновь продемонстрировал власть дворца над Портой. Султана возмущали такие замечания его великого визиря, как *«войскам следует платить долю годового дохода империи, а не процент с крови людей»*. Стремлению великого визиря к миру с Россией противостояла группировка сторонников бежавшего в Османскую империю Карла XII Шведского. Над Дамадом Фазилем Нуман-пашой смеялись: он верил, что на кончике его носа сидит муха. Как бы он ее ни смахивал, она возвращалась. Уволенный через два месяца, он умер в должности правителя Крита в 1719 году²².

Следующие Кёпрюлю-заде жили в Константинополе в большом семейном доме и вокруг него, возле библиотеки Кёпрюлю, а также в других районах — возле Сулеймание и в двух ялы на Босфоре. Они пользовались годовым доходом с поместий и других владений Кёпрюлю, раскиданных по всей империи, — но больше не дали империи крупных государственных мужей. Оттесненные от верховной власти, Кёпрюлю понемногу теряли богатство и статус, хотя Кёпрюлю Ахмед, сын Дамада Фазилия Нуман-паши, талантливый каллиграф, чьи работы теперь находятся в библиотеке Кёпрюлю, был весьма успешным губернато-

ром Салоник, Крита, Белграда, Измира, Боснии, Эвбеи, Алеппо и Египта.

Провинциальных губернаторов часто меняли, чтобы предотвратить укрепление их личной власти в провинции. Говорят, что какой-то Кёпрюлю в Измире стал «считать себя почти равным султану». Впоследствии они занимали незначительные посты в столичной бюрократии. Однако в XX веке один представитель этого рода, Кёпрюлю Фуад, вернулся в политику — пусть и в радикально другой роли²³.

Внимание к таким столпам империи, как Кёпрюлю, помогает понять, почему Османская империя выживала в трудные часы. Более того, османская армия оставалась грозной силой, все еще способной разбивать армии Запада. В 1711 году сам Петр Великий потерпел поражение от османских армий и был вынужден заключить невыгодный мир. Благодаря военной силе империя вновь отобрала Пелопоннес у Венеции в 1718 году, а Белград у Австрии в 1739 году.

Но успех Кёпрюлю таил в себе опасность. Вместо радикальных мер, какие преобразовали управление Францией и Англией в XVII веке, они восстановили работоспособность старого механизма. В 1689 году английский посол докладывал, что Кёпрюлю Фазиль Мустафа-паша «уже объявил о своем намерении осуществлять управление согласно древним методам». Он не будет устанавливать максимальных цен, так как этого нет в Коране²⁴. Элита верила, что традиции содержат все необходимые ответы.

Терпимость Кёпрюлю к христианам и их интерес к европейским делам проистекали не только из их собственных суждений, но также благодаря присутствию рядом с ними человека, который соединял роли великого драгомана (то есть главного переводчика) Порты, государственного советника империи и близкого знакомого многих европейских послов: Александра Маврокордато. Семья Маврокордато — пример того, как греки использовали Константинополь в качестве средства социального продвижения, и, в свою очередь, превращались в слуг Османской империи. История этой семьи — это история Юго-Восточной Европы.

Язык стал причиной высокого положения Маврокордато. В 1520-е годы Ибрагим-паша еще контактировал с австрий-

скими послами в Сербии и Хорватии, но после 1580 года, при замкнутом османском мышлении, мало мусульман знали иные языки, кроме турецкого, персидского и арабского. При сформировавшейся структуре предложения и сложном словаре турецкий язык воздвиг стену между империей и внешним миром. Поэтому великие визири нуждались в переводчиках, чтобы общаться с послами. Образованные греки оказались среди тех немногих, кто знал и турецкий, и западные языки.

Не было ничего необычного в том, чтобы меньшинства попадали на государственную службу. Указывая на использование французской монархией протестантов и итальянцев, Дж. Х. Элиот пишет: «Чиновнику XVII века приходилось искать себе людей, средства и профессиональный опыт там, где только возможно»²⁵.

Много лет позднее, когда Маврокордато достигли высших должностей в империи, они начали заявлять, что их род ведет начало от времен правления Юстиниана. В реальности же они впервые появились в Константинополе только в XVII веке. Греческий купец по имени Скарлаттос (или Искерлет-оглу), сколотивший состояние на таможенной деятельности и поставках продуктов, был убит янычарами в 1631 году, но оставил после себя наследство в миллион пиастров. Его дочь Роксана, богатая вдова принца Валахии, влюбилась и вышла замуж за Иону Маврокордато — симпатичного торговца шелком с Хиоса, одного из богатейших островов Эгейского моря. Их сын Александр родился в 1641 году, а его отец умер три года спустя.

Роксана Маврокордато добилась, чтобы Александр стал одним из первых жителей Константинополя, отправившимся на Запад получать образование. Сначала он учился в Риме — в греческой школе, основанной греками, эмигрировавшими из Константинополя в начале XVI века. Затем он обучался в университетах Падуи и Болоньи, где написал диссертацию о циркуляции крови. Он был османским подданным, легко чувствующим себя в западной культуре. В возрасте 58 лет он обсуждал медицину, ботанику и стили греческого произношения с французским ботаником Питтоном де Турнефором, который нашел его «хорошо информированным в иностранных делах и не чуждым интересов князей Европы». Однако он признавался, что слишком стар, чтобы следовать «смелости европейских врачей», а «его голова думает ис-

ключительно о политике, и ему интересно, зашел ли я так далеко только для того, чтобы отыскать новые растения». В Константинополе власть и деньги, а не научные исследования, являлись мотивом для дальнего путешествия. Отсутствие интеллектуальной любознательности стало проклятием города. Некоторые жители Галаты ни разу в жизни не пересекали Золотой Рог²⁶.

С 1665 по 1672 год Александр Маврокордато руководил Патриаршей академией. Высокий и красноречивый, автор работ по синтаксису, риторике и истории, он содействовал возобновлению учености среди константинопольских греков, которая набирала скорость после крайнего упадка в конце XVI века, когда высокая греческая культура почти исчезла из города. Его семейный герб — феникс, поднимающийся из пепла, — может символизировать возрождение не Византийской империи, а культуры и образования греков. С 1668 года и до смерти в 1709 году он управлял какой-либо из служб патриархии: был великим оратором, великим хартофилаксом, великим скевофилаксом и великим логофетом.

В 1670 году он женился на Султан Хресоколеос — женщине, мягкой по природе, но с огромным богатством. Она происходила от Стефана Великого, короля Молдавии, и была в родстве со многими знатными семьями Валахии и Молдавии. Медицина помогла Маврокордато подняться в османской иерархии. Уже будучи врачом многих пашей, в 1671 году он становится секретарем Панагиоса Никусиоса — доктора и великого драгомана великого визиря Фазиля Ахмед-паши, после смерти которого в 1676 году Маврокордато сам преуспел в качестве великого драгомана. Таким образом, Искерлет-заде Искандер, как называли его османские хозяева, имел право, которого не было у других греков, — носить горностаевую шапку, ездить верхом на лошади и иметь сопровождение из вооруженных охранников. По внешности он выглядел почти как осман. Ему было только 32 года²⁷.

С этих пор его удача связывалась напрямую с удачами империи. После поражения османов у Вены в 1683 году он был брошен в тюрьму в цепях и оптрафован на 300 кошелей — на двадцать кошелей больше, чем вся годовая дань Валахии: его жену и мать посадили в тюрьму и били, и мать умерла через шесть месяцев после освобождения. Однако знание Европы и ее языков делало его необходимым. Венецианский перебежчик по имени

Сеферада, рекомендованный французским послом, оказался некомпетентным драгоманом. В 1687 году Маврокордато вернули на службу.

Его снова арестовали в том же году, он сбежал и в 1688 году несколько недель укрывался во французском посольство. Тем не менее, именно Маврокордато по приказу Кёпрюлю Хусейна помогал заключить в Карловице мир между Османской и Габсбургской империями, уговаривая каждую гордую империю, что инициатива исходит от другой. Его письма на итальянском языке английскому послу и посреднику лорду Паджету демонстрируют вежливость, избыточную даже в тот век формальностей:

«Прославленнейший, прекрасный Синьор и Патрон,

Не могу сказать, насколько я счастлив, что получил приятнейшее и такое вежливое письмо Вашего Превосходительства от 10/20 февраля 1699 года из Белграда, несущее желанные известия о вашем добром здоровье, — что означает, что мы тоже живем в здравии из-за сильных уз, которые связывают нас воедино благодаря обязательствам, которые мы ощущаем... самый Высокий Верховный Визирь, наш самый благословенный Синьор был рад сердечным приветствиям и искренним пожеланиям Вашего Превосходительства...

*Ваш преданнейший, самый проворный слуга,
Алессандро Маврокордато,
в Адрианополе 23 февраля 1699 года.*

В более позднем письме он заявлял: «Притяжение Вашего Превосходительства так велико, что такое долгое лишение вашей милой компании и спокойных черт лица почти невыносимо». Порта была так довольна службой лорда Паджета, что его пригласили остаться в Константинополе. Он в конце концов не уезжал до 1703 года — на четыре года позднее, чем планировал²⁸.

В качестве награды за успешные мирные переговоры в 1700 году Александр Маврокордато стал государственным советником. Султан вручил ему горностаевый халат, а император Священной Римской империи подарил византийские манускрипты. В 1703 году, когда столица пала под натиском мятежа, он снова

нашел убежище во французском посольстве и снова должен был заплатить 200 кошелей, чтобы вернуться на службу. Александр Маврокордато умер в январе 1710 года, оставив 500 кошелей денег, репутацию опасного врага и необычайно полезного друга. Одна эпитафия описывает его так:

*Предки его — латиняне и греки,
Он — османов оракул надежный,
Визирь — звезда путеводная в небе,
Ставить потомкам в пример его можно²⁹.*

Естественно задать вопрос: до каких пределов распространялась подлинная лояльность человека, описанного французским дипломатом как «одного из лучших актеров в Европе», к Османской империи, которая сажала его в тюрьму и била? Каково было его отношение к греческим и русским мечтам о новой Византийской империи? В 1672 году Александр Маврокордато читал лекцию о силе и слабости империи французскому студенту по имени Антуан Галлан, первому переводчику «Арабских ночей». Сила империи лежит в слепом послушании ее подданных и гибкости ее карьерной структуры. Слабости — это страшная дороговизна содержания султана и пашей, ежегодные опустошения от чумы, слабая валюта и слабая законодательная система, а также отсутствие способных чиновников и привычка к казнокрадству. Говоря это, он явно надеялся, что империя падет.

Через двадцать пять лет, во время переговоров в Карловице, Александр Маврокордато брал большие взятки у Австрии, предпочитаемой им иностранной силы, и обвинял «турок в непостоянстве и вероломстве, а также других варварских и жестоких пороках». Он также тайно посылал в Вену копии инструкций из Порты. С другой стороны, французский посол считал, что он симпатизирует русским планам «восстановить прежнюю греческую империю» и готов служить грекам «даже в ущерб интересам Порты». В секретной корреспонденции он называл Маврокордато «Али» и использовал его как источник военной информации, в обмен на которую «Али» получал пенсию в 2400 ливров в год, впоследствии увеличенную.

Таким образом, Маврокордато можно было считать четвертым агентом, работавшим на Османскую империю, Россию, Ав-

стрию и Францию. С другой стороны, возможно, что он получал свои гонорары или взятки и продавал информацию по договоренности с великим визирем. В 1699 году его дипломатия обеспечила империи больше территорий, чем можно было ожидать. В возрасте Мазарини и Мальборо и в городе, подобном Константинополю, его коррупция и его неосторожность были, безусловно, исключительными³⁰.

Более того, Османская империя вознесла семейство Маврокордато на такую высоту, что какие бы суммы они ни получали от иностранных сил, их окончательная лояльность доставалась османам. Подобно тем ирландским католикам, которые служили Британской империи вплоть до 1922 года*, Маврокордато верили, что пока существует Османская империя, они и их братья-греки тоже могут получать от нее пользу. Своим влиянием в Блистательной Порте Александр Маврокордато помогал православному патриарху и монахам противостоять их католическим врагам в двух главных христианских усыпальницах — церкви Гроба Господня в Иерусалиме и церкви Святого Рождества в Вифлееме. С 1675 года, в ответ на выплату мечети Султан-Ахмед в Константинополе тысячи пиастров в год, православный патриарх в Иерусалиме получил под свой контроль троицу священных предметов: ключи, канделябр и ковер, которые впоследствии оказали такое влияние на возникновение Крымской войны.

Кроме владения прибыльными должностями, Маврокордато ссужал деньги под 20% в год. Он стал так богат, что мог написать Вселенскому патриарху: «Если вам когда-нибудь понадобятся деньги, я с удовольствием могу дать любую сумму, какая вам необходима». Маврокордато смог также возобновить привилегии острова Хиос — своего родового гнезда, который с тех пор наслаждался периодом мира и процветания до начала войны греков за независимость³¹.

Возвышение его сына Николаоса Маврокордато в 1709 году до престола Валахии было еще более радостным событием. Родившийся в 1680 году, Николаос Маврокордато был широко образованным человеком, он знал греческий, латынь, османский, арабский, персидский, итальянский и французский языки — вы-

* Включая одного британского посла в Османскую империю, который умер прямо *en poste* в Константинополе в 1908 году. (Прим. авт.)

ученные в Константинополе, так как, в отличие от отца, он не посещал западные университеты. С 1700 по 1709 год он был великим драгоманом. Так как он всегда мог вытащить из памяти любой ответ со ссылкой на источник, отец называл сына своей «библиотекой». Ла Мотрэ, гугенотский беженец, который помогал учить его французскому языку, записал: «Я никогда не видел человека с такой огромной и хорошо дисциплинированной памятью, как он».

Существовал обычай назначать господарями Валахии или Молдавии жителей Константинополя. Связь между константинопольскими греками и Дунайскими княжествами крепла с середины XVI века. Князья начали копировать византийские ритуалы при коронациях и платить налоги Вселенскому патриарху. Греки, такие как семья Кантакузино, переезжали из Константинополя в Молдавию или Валахию из стремления к богатству и карьере. Как и другие международные династии, подобные Габсбургам (которые были не только императорами Священной Римской империи, но и королями Испании, Венгрии, Богемии и много чего еще) или Ганноверам (электоры Ганновера после 1714 года одновременно являлись королями Великобритании и Ирландии), Маврокордато могли играть различные роли в различных землях одновременно. Они сочли бы бессмысленным убеждение XX века, выраженное Раймоном Ароном, — «Никто не может иметь две родины».

Вовсе не являясь пленниками одной идентичности, Маврокордато, Кантакузино и другие семьи придавали особое значение тому, кто казался им наиболее полезным в данный момент — османы, греки, валахи. Как и другие образованные европейцы, они считали национальность карьерой, а не мотивом.

Явно огорченный возвышением своего сына, Александр Маврокордато бился головой и рвал волосы, заявляя, что это конец его семьи. Он разделял максиму Талейрана, что слова даны нам для того, чтобы скрывать наши намерения. Муж женщины из рода Стефана Великого, женившийся всех своих детей, включая Николаоса, на отпрысках принцев Валахии или Молдавии, Александр Маврокордато, как и амбициозные принцы Священной Римской империи, явно проводил «королевскую стратегию». Хотя князья Валахии и Молдавии назначались султаном и правили ограниченный срок, они делали это по «благоволению бога».

наслаждаясь атрибутами истинно королевской власти, — такими, как гвардия, двор и назначение епископов. Дворы Европы четко фиксировали ранг «его светлости». В османской иерархии он почти равнялся рангу великого визиря. В центре интриг между боярами (местная знать), Портой, султанским дворцом, Россией, Австрией, Францией и Крымом, не желавшими удовлетворять голод Порты в деньгах, князя Валахии и Молдавии жили между смертью и тронном. Но этот риск был желанным. Один князь сказал: «Пусть смерть является, когда захочет. Я прожил достаточно долго, так как был королем». После казни другого князя его мать заявила: «Разве не лучше, когда мой сын умрет таким образом — чем если бы он тихо ждал смерти в своей кровати?»³²

Как предыдущие князья до него, Николаос Маврокордато был объявлен господаром Молдавии в Константинополе — владыки Валахии и Молдавии были единственными правителями, которых в империи назначали, они не являлись суверенами. Церемония была зримым утверждением тройной идентичности фанариотской знати — выходцев из столичного района Фанар, где они проживали в древних кирпичных и каменных домах с верхними этажами, нависавшими над нижними. Новый правитель или воевода (это официальный титул, славянский аналог лорда) прибывал на каике в Блистательную Порту. Тут он получал османские знаки почета: халат из золотой ткани, менее роскошные халаты для его сопровождающих и *кука*, или ювелирный гребень, со страусовыми перьями. Затем воевода с эскортом янычар верхом следовал в церковь Фанар. Здесь его принимал патриарх, священники и греческая знать города. Возле церкви слуги великого визиря провозглашали: «Пусть всемогущий Господь на многие годы дарует жизнь нашему падишаху и нашему правителю-эфенди, и пусть он живет долгие годы в процветании».

Когда правитель-эфенди входил в церковь, он перемещался из Османской империи в Византийскую. Хор затягивал гимн во имя Девы Марии. Новый господарь всходил на трон. Звучали молитвы за *«нашего самого набожного, самого светлого и самого прекрасного господина Николаоса Маврокордато, и пусть Господь и дальше остается с ним, ведет его во всех делах и бросит всех врагов ему под ноги!»* Затем князь клал голову на алтарь, чтобы патриарх помазал его священным маслом, «возводя при этом мо-

литвы, которые использовались при инаугурации православных императоров».

Несколькими днями позднее в его собственном доме османский церемониал подтверждал эту власть. Пока оркестр султана играл османские мелодии, господарю подносили стяг. Он целовал его и говорил: «Пусть благословенный и великий Бог дарует самому сильному, самому милостивому и самому справедливому императору долгую жизнь и умножит его дни».

Дни проходили в церемониальных визитах — от патриарха или к нему, и даже к муфтию. Встречи с банкирами и деловыми людьми столицы, которые считали дунайские княжества своим Пера, являлись еще одним ритуалом посвящения. Наконец, в сопровождении бояр и янычар новый князь направлялся ко дворцу султана. Он получал отделанный мехом халат и еще одну куку, а великий визирь официально поздравил его. В тронном зале, в сопровождении четырех своих бояр, господарь три раза простирался перед султаном. От имени султана великий визирь объявлял: «Так как его верность и искренность достигли ушей моего величества, я милостиво присваиваю ему в награду княжество Валахия. Его обязанность не забывать о преданности и служении в будущем. Пусть его защитят и поддержат провинции в его подчинении и побоятся совершать любой поступок против или вопреки моему мандату!»

Правитель отвечал: «Я клянусь своей жизнью и головой прилагать все свое старание на службу моего самого справедливого и милостивого императора, до тех пор, пока он не заберет выражение своей милости и величия от ничтожества, своего слуги». Затем он покидал дворец верхом, приветствуя народ и разбрасывая по улице деньги. Три лошадиных хвоста на пиках церемониально ставили в углу его тронного зала, он раздавал халаты османским чиновникам. Церемонии подчеркивали его положение в османской иерархии и связи между империей и ее православными подданными.

В течение следующих недель бесконечная процессия греков, турок и румынских бояр, в сопровождении оркестра, османских флагов и лошадиных хвостов на пиках следовала из Константинополя через Балканские горы в Бухарест или в Яссы. Когда в городе радостно начинали звонить колокола, нового принца во второй раз короновали и помазали в соборе, а затем под охраной

вводили в его дворец под звуки труб и барабанов. В тронном зале зачитывался декрет султана на османском языке и в переводе на румынский. Османский чиновник одевал принца в халат и усаживал на трон. Стреляли пушки. Гонцы султана поздравляли нового князя, зная целовала ему руку. Празднования закрывались великолепным праздником и балом³³.

Ясно, что османское правительство возвышало фанариотов, чтобы таким ловким ходом снять и напряжение на Дунае, и недопольство греков. Местные молдаване и валахи были ненадежны. В 1600 году король Михай Трансильванский, Валахский и Молдавский мечтал о проведении мессы в Святой Софии. «Происходивший из имперской семьи», Шербан Кантакузино, князь Валахии с 1679 по 1688 год, получил обещание от русского царя сделать его императором греков; в то же самое время патриарх поддерживал русское нападение на империю. Зять Кантакузино, Дмитрий Кантемир, жил в Константинополе с 1688 по 1710 год в качестве заложника для гарантии правильного поведения его отца, князя Валахии. Он стал видным османским ученым и композитором, построив для себя элегантный дворец, смотрящий на Золотой Рог. Именуя двор султана «величайшим двором в мире», он посвятил Ахмеду III «Книгу учения о музыке, объясненной знаками», в которой транскрибировал 351 турецкую, персидскую и арабскую мелодии по собственной системе условных знаков. Его назначили князем Молдавии в 1710 году. И все-таки, несмотря на принадлежность к высшей османской элите, годом позже он перешел на сторону России — в ответ на обещание трона Молдавии под российской властью для него и его потомков.

В Константинополе, как знали некоторые визири, затаившись под османской поверхностью, подобно христианским священным подземным фонтанам, располагался тайный мир заговоров и мечтаний об освобождении «защитником империи» — русским царем. Великий визирь в 1710 году говорил британскому послу, что Петр Великий «обещал себе стать однажды хозяином Константинополя, и что он высказывал надежду, что будет похоронен в церкви Святой Софии».

Княжеские титулы меняли обладателей довольно часто, чтобы удовлетворить все влиятельные греческие семьи — а также османские сокровищницы, в которые каждый новый князь должен был платить большие суммы. Константинополь создал почти

столько же князей, как Вена. С 1710 по 1821 год шесть Маврокордато, пять Гика, четыре Каллимаха, три Суцу, три Раковица, два Морузи, два Ипсиланти и один Маврогени становились князьями в Бухаресте или в Яссах. Кроме того, четыре Маврокордато, четыре Гика, четыре Суцу, четыре Каллимаха, два Ипсиланти, пять Морузи были великими драгоманами.

Эти семьи съехались в город к 1650 году из многих различных регионов: Албании (Гика), Эпира (Суцу), Трабзона (Ипсиланти и Морузи), Румании (Каллимахи и Раковицы), Эгеиды (Маврогени). Первоначально купцы и судовладельцы, они уступили городскому стремлению к величию и начали заявлять о своих византийских предках — как армянские банкиры заявили свое происхождение от царя Давида. Временно княжеское достоинство на Дунае привязывало их к империи, удовлетворяя их личное желание денег и власти, как и их патриотическое желание помочь делам греков. Это давало им средства строить церкви и школы и обогащать патриархию. На высоте власти фанариотов, к выгоде Вселенского патриархата и во вред арабоязычным православным греческие священники захватили контроль над патриархатами Антиохии и Иерусалима и монастырем на горе Синай. Отдельные сербские и болгарские архиепископы в Пече и Охриде были упразднены в 1766-м и 1767 годах соответственно. Далее как арабы, так и славяне получали религиозные инструкции по-гречески³⁴. Некоторые фанариоты сравнивали свою роль в Османской империи с окультуривающей ролью греков при римлянах.

В Бухаресте или в Яссах, как и в других местах Балкан, князь вступал в новый мир на пересечении трех культур — католической, православной, мусульманской, и трех империй — Габсбургской, Российской и Османской. Ему служили чиновники с высокопарно именуемыми должностями, все они в различное время исполнялись членами семьи Маврокордато: великий постельничий (премьер-министр), великий спэтар (начальник полиции), великий гетман (верховный судья). Дворцы обставляли в наполовину восточном, наполовину европейском стиле, бояре вели бездельную жизнь, пересыпанную балами, визитами и любовными интригами. К XVIII веку османское влияние стало настолько сильным, что местная элита ела османскую пищу и носила османские костюмы.

В конце XVII века ясский двор князя Молдавии, последнего Александра Маврокордато, восхищался писателем и придворным, воплощавшим цивилизованную Европу, — Шарль-Йозефом, принцем де Линем. По его мнению, Молдавия «имела достаточно восточных черт, чтобы обладать пикантностью Азии, и достаточно цивилизации, чтобы добавить себе некоторую европейскую привлекательность». Князь давал своим друзьям мужчинам «карт-бланш на удовольствия», позволяя им «посещать» женщин из домочадцев своей жены — при условии, что они сначала пройдут медицинский осмотр. «Маврокордато видел только счастливые лица. Люди сходились и расходились, не было ни ревности, ни плохого настроения». Де Линь восхищался алебастровыми руками и прозрачными одеждами дам, раскинувшихся на диванах, — и отмечал обрывки их разговоров: «Тут моего отца зарезали по приказу Порты, а мою сестру по приказу короля»³⁵.

Жизнь Николаоса Маврокордато иллюстрирует выгоды и риски правления Валахией и Молдавией. Смещенный с должности господаря Молдавии 27 ноября 1710 года, по возвращении в Константинополь, как и его отец перед ним, он нашел укрытие во французском посольстве — до внесения большой контрибуции в османскую сокровищницу, что освободило его от обвинений в коррупции. Назначенный князем Валахии в 1716 году, Николаос доказал свою лояльность Османской империи, стойко выдержав заключение в австрийской тюрьме во время войны 1716–1719 годов. Он укреплял лояльность своих подданных, напоминая им о преследованиях православных румын в Трансильвании католиками Габсбургов³⁶. Наградой ему стало занятие снова трона князя Валахии с 1719 года и до самой смерти в 1730 году.

Его отец придерживался традиционализма: он верил, что Моисей был величайшим историком. Однако Николаос Маврокордато был гражданином того мира, который современники называли «Республикой Знаков», — интеллектуальной среды Западной Европы. В Бухаресте он основывал школы, библиотеки, а также покровительствовал греческим и арабским типографиям. В XVIII веке Бухарест и Яссы даже более, чем Константинополь или гора Афон, были центрами греческой культуры. Сам князь собрал прекрасную библиотеку, привезя часть книг отца из Константинополя, покупая новые книги в Амстердаме и старые

манускрипты на Афоне. Доньше на многих томах в библиотеках Румынии стоят знаки «Библиотека Алекса Маврокордато Константинопольского» — не османского, не греческого, а константинопольского.

После обильного обеда бояре спали не менее двух-трех часов. Редко проводя за едой более получаса, Николаос Маврокордато уходил в свою библиотеку, чтобы изучать ботанику, учить иврит, читать последние французские книги или писать архиепископу Кентерберийскому³⁷.

Пользуясь свободой печати в княжествах, Николаос напечатал работы своего отца. Совместно с его собственными работами они открыли окно в мир фанариотов. Александр Маврокордато писал на классическом греческом языке, а не на языке, который он называл «диалектом рынка» — народном греческом. Его «Книга дел», которую очень любили современники, избегает соблазнов идеализма. Он хвалит модель добродетели как средство избежать скандала. Бедность — самая тяжелая из болезней, в ней нет и речи о свободе:

«Не делайте ни того, что хотите, ни того, что можете, — делайте то, что служит вашим интересам.

Я преуспел путем великих усилий, завоевав расположение одного визиря; но теперь он пал и другой занял его место, а затем еще другой. Каждый раз мне приходилось начинать заново.

Если вы посещаете правительственную контору, вам следует входить слепым и уходить глухим».

Совет Николаоса Маврокордато своему сыну в 1727 году представляет собой такие же строчки:

«Не обещай; но если пообещал — придержишься этого.

Гнев — фатальная страсть; но мягкость имеет крепость.

Не будь расточительным, будь экономным. Не будь жадным, но обходись тем, что у тебя есть. Вытягивай ноги настолько, насколько позволяет твое укрытие.

Необдуманная благотворительность ведет к большим неприятностям и к публично растрачиваемой жизни; делая добро человеку, у которого дурные намерения, ты наносишь вред всему обществу»³⁸.

Между 1717 и 1720 годами Николаос Маврокордато написал первую современную греческую новеллу, «Лень Философа», действие которой происходит в Константинополе. Друзья гуляют по Ат-Мейданы, встречают трех человек, одетых как персы, посещают Галату и беседуют среди беседок, фонтанов и «чувственных запахов» османского сада. Они обсуждают все: атеизм, любовь мусульманских женщин к христианским мужчинам, природу ревности, героев античности, максимы Ларошфуко, карьеру Карла XII Шведского, Маврокордато, порицающего суеверные практики османского ислама и отсутствие «более прочной философии, основанной на чувствах». Дилемма фанариота очевидна. Рассказчик говорит: «Мы настолько греки, насколько возможно ими быть». В то же время он хвалит религиозную терпимость Константинополя, возврат к образованию и — вероятно, иронически — мужество, великодушие и мудрость Ахмеда III: «Его осторожный дух заключает в себе весь дух монархии, которая функционирует и оживляется его замечательным гением». Здесь нет упоминания об ужасной смерти в 1714 году четырех сыновей и зятя Константина Бранкована, князя Валахии. После казни за государственную измену их тела выставили перед императорскими воротами дворца, а затем бросили в море. Николаос также не упоминает казни двумя годами позднее не менее десяти членов семьи Кантакузино всех возрастов. Его молчание можно объяснить тем фактом, что он сам осуждал как эти действия, так и противостояние османским властям³⁹.

Монастырь Вакарести, построенный Николаосом Маврокордато в 1716–1722 годах в лесу возле Бухареста, стал олицетворением династических амбиций Маврокордато. Занимающий 180 000 квадратных метров, самый большой монастырь на юго-востоке Европы, более пышный, чем любое из творений Кёпрулю, он состоял из церкви, монастыря, дворца и библиотеки. В то время как в Константинополе ни одной церкви не позволялось нести колоколов, Вакарести имел впечатляющую звонницу.

В церкви два ряда фресок изображали князя и его вторую жену Смарагду, окруженных их детьми и боярами. Их позы с моделиями церкви в руках — византийские, но отороченная мехом одежда — османская, а короны на головах валахские.

В церкви, на белом мраморном саркофаге, увенчанном гербами Валахии и Молдавии, эпитафия князю гласит:

«Твой вид, о, гробница, наполняет меня недоумением, потому что ты покрываешь Николаоса, князя, сначала в Молдавии, затем в Валахии. Он пророчески воздвиг эту церковь трех солнц, очень мудро, очень грамотно, зеркало результатов его обучения, прославленной линии Скарлатти. Его отцом был Александр, тайный советник Османской империи. Он, кого Музы короновали лаврами славы, коронован теперь гробницей из мрамора, так как уступил жестокой каре чумы, оставив своих детей в непереносимой скорби, как и жену, и толпу родственников. Восхвалим же его по заслугам, будем умолять Всемогущего Бога поместить его душу в зеленые сады»⁴⁰.

В 1986 году по приказу президента Чаушеску монастырь, долго использовавшийся в качестве тюрьмы (в которой когда-то мог быть заключен и сам президент), был разрушен. Теперь лишь парк покрывает Эскориал семьи Маврокордато.

Такое варварство можно объяснить памятью румын об их эксплуатации Портой и Фанаром. Весь XVIII век Константинополь получал из провинций все растущее количество золота и товаров: две трети годового правительственного дохода тратилось вне провинций. Деньги для библиотеки Николаоса Маврокордато брались от поборов с валахцев. Местные хронисты жаловались, что в Бухаресте и в Яссах так много греков из Константинополя, что Фанар опустел. Маврокордато правил Молдавией при помощи помпезности и страха — в стиле султана, «не как реальный король, а как дикий лев... этот король вселял такой ужас, что один его вид вызывал дрожь»⁴¹.

С другой стороны, фанариоты и патриархат испытывали возобновление лояльности к Османской империи. О духе сотрудничества между греками и османами можно судить по письмам, посылаемым патриархом султану, — с просьбой разрешить посадить в тюрьму или выслать священников, обвиненных в ереси или других преступлениях. Он адресовал свои письма напрямую «вашей чести, моему всемогущему Султану, да сохранит Его Вы-

сочество доброе здоровье», и подписывал их: «Ваш слуга и греческий патриарх Константинополя». Греки чувствовали себя довольно свободно, чтобы возмущаться властью Блистательной Порты, даже если они не одобряли нового патриарха. Элизабет Санти Ломака, дочь греческого драгомана, работавшего в Блистательной Порте, вышла замуж за торговавшего тканями купца по имени Луи Шенье: их сыном стал поэт Андре Шенье. Подобно многим грекам, она раздваивалась во мнении относительно власти османов. Она хвалила султана Махмуда I (1730–1754) как милосердного, образованного и вполне достойного эпитета «Великий». По пути на пятничную молитву ему мог подать петицию любой из его подданных, мужчина и женщина, мусульманин и христианин. Его любимой поговоркой была: «Сильные никогда не бывают такими великими, как тогда, когда они обращаются к помощи слабых». И все-таки она же описывала греков как «порабощенных и подчиненных варварами»⁴².

В то время, когда Кёпрюлю тонул во тьме, троны Молдавии и Валахии делали Маврокордато богатыми и могущественными. Сын Николаоса, Константин, родившийся в 1711 году, в 1731 году, в возрасте 20 лет, был избран боярами князем Валахии. В общей сложности он правил 26 лет: шесть раз в Валахии между 1731 и 1763 годами, четыре — в Молдавии между 1740 и 1769 годами. Он единственный, кто мог сказать: «Когда я начал свое седьмое правление» или: «К концу моего девятого правления». Менее жестокий, чем его отец, он в 1746-м и 1749 годах издал декреты, облегчившие крестьянам невыносимое бремя крепостничества, налогов и подневольного труда. Некоторые крестьяне жили в землянках, покупались и продавались землевладельцами как рабы на рынках столицы. Константин Маврокордато не являлся адептом греческой культуры. Он говорил по-румынски, составил первую румынскую грамматику и сделал румынский, а не славянский или греческий, языком церкви. К концу века каждый город имел как румынскую, так и греческую школу⁴³.

Как его отец и дед, Константин жил между тронном, тюрьмой и укрытием во французском посольстве. Так как он не смог заплатить Порте последние суммы и был обвинен в предательстве, в 1749 году его арестовали и посадили в колодезь на острове Лемнос, а в 1758 и в 1763 годах — в Семь Башен. Хотя он проводил много времени в Молдавии или Валахии, он также держал

дом в Галате, где его библиотека стала источником гордости для греков Константинополя. Когда иностранные послы предложили купить ее, «вся греческая диаспора объединилась, прося сохранить ее». Однако в 1757 году он вынужден был продать свой дом и большую часть библиотеки, чтобы заплатить сумму в 300 кошелей, затребованную Портой. В 1769 году Константина Маврокордато посадила в тюрьму в последний раз в Яссах русская армия, вторгшаяся в начале Русско-турецкой войны. Оставшийся лояльным султану — или просто напуганный, поскольку два его сына держались заложниками в Константинополе, — он сказал русским: «Турки вернутся завтра и прогонят вас отсюда, как собак». В этот же год он умер и был похоронен в соборе в Яссах⁴⁴.

Сын Константина Александр, князь Молдавии с 1782 по 1785 год, известный как Дели-бей, или «сумасшедший воевода», остался верен семейной традиции служить османам. Его грубый ответ австрийскому консулу, который отказал ему в титуле «Самое спокойное Высочество», взят эпитафией к этой главе. Русскому представителю, предложившему ему независимое княжение, он ответил, что его семья уже лояльна одному соверену. *«Я предпочитаю бедность с честью богатствам Креза с бесчестьем. Лучше, чтобы ее величество [Екатерина II] считала меня дружественным турком, что не преуменьшает моих качеств христианина, но наоборот — моя христианская вера велит мне быть преданным своему императору»*. Свергнутый в результате австрийского и русского давления, он умер в Константинополе в 1812 году.

Другие греки чувствовали удовлетворение от своего растущего благосостояния и роста числа греческих школ и кораблей. Один грек записал: *«Преобладающий бог всех жителей Константинополя — это финансовый интерес, все же остальное вторично, когда дело касается финансов. Это та глубина, до которой рабство опустило нацию латинян»*.

Бог, как и Маммона, оправдывал Османскую империю. В 1798 году, когда армии Французской республики вторглись в Египет и угрожали самой империи, патриарх Иерусалима — или Вселенский патриарх Григорий V, если упоминать его имя, — опубликовал в Константинополе греческую апологию Османской империи, озаглавленную «Отеческое Увещание». Господь *«поднял империю Османов выше, чем любое другое царство... так, чтобы*

быть для людей Запада уздой, а для нас, людей Востока, спасением. По этой причине он вкладывает в сердца султанов этих османов намерение оставлять свободными религиозные отправления православной веры и, как должные добрые дела, защищать их — вплоть до наказания тех христиан, которые отклоняются от своей веры».

Ограничение на строительство новых церквей лишь восстанавливало священную бедность ранней церкви. Свобода была «разрушительным ядом, предназначенным низвергнуть людей в катастрофу и беспорядок». Годом раньше она даже разрушила древнее константинопольское соперничество с Венецианской республикой, завоеванной французами. Патриарх закончил свое послание криком сердца: «У нас тут нет постоянного города. Мы ищем города, куда пойти»⁴⁵.

Однако для некоторых греков, даже привилегированных князей семьи Маврокордато, лояльность империи османов казалась началом предательства. Сила России при Екатерине II возродила старые ожидания. Младший брат Дели-бея, Деметрий Маврокордато, великий гетман Молдавии в 1780-х годах, вместо возвращения в Константинополь остался в своей новой земле, где основал румынскую ветвь Маврокордато. Другой Александр Маврокордато, бывший великий драгоман, который стал господарем Молдавии, заработал имя *фирари* — беглец, из-за того, что сбежал в Россию из Ясс 25 января 1787 года. В Константинополе его жена Земфира продавала свою одежду, чтобы выжить, — хотя позднее присоединилась к нему. Они поселились в Москве, где «беглец» начал писать стихи, призывающие греков получить свободу собственными усилиями, а не благодаря иностранной силе. Девятнадцатью годами позднее, в 1806 году, кузены Маврокордато, семья Ипсиланти — тайно, десятки лет, находившаяся в контакте с русскими агентами, — также сбежала в Россию. В 1813 году Джон Кам Хобхауз, который путешествовал с лордом Байроном, заметил глубину ненависти греков к туркам: «Все их [греков] надежды направлены на восстановление Византийского царства в лице любого христианства — но особенно их собственной церкви»⁴⁶. Фанариоты покидали знакомый мир династических амбиций для нового мира национализма. Город перестал их удовлетворять. Один из Ипсиланти назвал его не Константинополисом, а Варварополисом⁴⁷.

ПОДУШКИ НАСЛАЖДЕНИЯ

Давайте посетим же Саадабад, где
качается кипарис, давай поедем!

Недим, ок. 1725 год

Вид Константинополя дарил огромное удовольствие. Сочетание воды и архитектуры так захватывало, что поэты называли Босфор бриллиантом между двумя изумрудами, драгоценностью в кольце мировой империи. Любовь к созерцанию пейзажей влияла на дизайн городских домов. Английский архитектор С. Р. Кокерелл написал: *«Все комнаты ухитрялись иметь окна как минимум на две стороны, а иногда и на три, и окна такие большие, что возникает эффект, будто дом стеклянный. Похоже, турки — единственный народ, который должным образом ценит широкий солнечный свет и удовольствие от прекрасного вида»*. Эркеры, выступающие вперед, как нос корабля, чтобы обеспечить лучший вид, считались настолько необходимыми, что стали основной чертой местной архитектуры; их переняли и дома в европейском стиле, построенные тут в XIX веке¹.

В этом городе пейзажей зрение становилось формой коммуникации так же часто, как речь или письмо. С террасы дворца Топкапи султан часто смотрел в подзорную трубу на Галату. Жители Галаты, когда осмеливались, тоже наводили трубы на дворец. Однажды вспышка солнечного света на стеклах французского посла чуть не привела к прекращению дипломатических отношений. В XIX веке принцессы императорской семьи стали *«специалистами по укрыванию стекол [то есть биноклей] среди складок кружев и атласа оконных занавесей, чтобы наблюдать за соседями и посетителями. Очень немногие из происходящего не знали или не видели женщины гарема»*. Бинокли остаются важным предметом домашнего обихода на Босфоре и сегодня.

Широкое распространение садов отличало Константинополь от других прибрежных городов вроде Лиссабона и Венеции. Ряды зелени выделялись на фоне крыш, покрытых красной черепицей, и серых каменных мечетей. Славянская поговорка «Где

прошел турок, не растет трава» — это оговор. Если физическое представление о небе для христианина — сияющий город на холме, то для мусульманина это сад радости с вечной весной и текущими реками. Ежегодный праздник мусульман Хызыр Ильяс в начале мая — это праздник цветов и зелени. Великий визирь регулярно отсылал подарки из цветов и фруктов султану, гарему и иностранным послам. Дю Фресне-Канэй отметил, что османы относятся к цветам как к святым реликвиям. Они часто держали один цветок в руке или закрепляли его в тюрбане. Семена, луковицы и цветы продавались, и до сих пор продаются, во дворах возле базара специй. Цветы и сады — основной мотив на изразцах, на вышивках и в поэзии города. Один поэт XVI века написал: «Зачем мне созерцать сад? Мое сердце — сад для меня». Для великого поэта Баки — «В саду мира и счастья ничто, кроме роз, не может длиться бесконечный год»².

Османы создали в Константинополе много различных стилей садов: внутренний сад с клумбами; сад удовольствия вне дома; террасные сады, затеняемые увитыми виноградной лозой решетками; фруктовые сады и огороды, известные как *хоштанлар*; углубленные сады ниже уровня земли — для прохлады летом. В 1690 году французский путешественник, историк Жан дю Мон, был поражен садом *каймакама* (заместителя) великого визиря: «Тропинки посыпаны песком и обсажены в некоторых местах апельсиновыми деревьями, а в других — фруктовыми деревьями. Площадки садов не разграничены, как наши цветники, а только разделены досками и заполнены цветами, которые турки очень любят». Деревья росли также на улицах и стенах Константинополя. Виноградные лозы и глицинии, как и сейчас, увивали дома и тянулись по веревкам через улицы — делая даже беднейшие районы менее жалкими, чем трущобы в наших городах³.

Султану принадлежал шестьдесят один сад вдоль Мраморного моря и Босфора. В противоположность западным и персидским садам они были усыпаны цветами, «ласкающими глаз» багряниками, тополями и кипарисами. Во время визитов его гарема сады окружались решетками, чтобы защитить дам от чужих глаз. Императорские садовники, *бостанджи*, являлись одними из самых распространенных должностей при дворе: книга расходов 1580 года включает запись трат, пошедших на обновление «жас-

минной беседки возле террасы Дома Блаженства в дворцовых садах»⁴.

Одна форма сада стала особенной для Константинополя: цветущие кладбища тянулись через холмы и долины вне города. Кипарисы, цветы и ползучие растения росли между османскими надгробиями или из отверстий, вырезанных в их центре. Надгробные плиты, которых, как говорили, хватило бы, чтобы перестроить весь город, были беспорядочно разбросаны, а не выстроены в упорядоченные ряды. Похоронные клумбы выглядели настолько приятными, что превратились в любимое место пятничного семейного отдыха с шашлыками. Кафе строили или на самом кладбище или с видом на него. Франки собирались каждый вечер, чтобы побеседовать и пройтись на кладбище в Пера, любясь прекрасным видом через Золотой Рог, который они называли *le Petit Champ des Morts* — «Поляна мертвецов»⁵.

Надгробные камни, когда-то ярко выкрашенные голубым, золотым и красным*, ветра и дожди за многие годы превратили в белые или серые. Цветы или шаль вырезались в изголовье женской могилы, каменный тюрбан отмечал официальный ранг умершего мужчины. Надписи подтверждают место сада в воображении османов:

К Нему, Вечному!

Моя Садика ушла,

Увы, мне, увы!

Мой дорогой ребенок покинул меня.

Увы, мне, увы!

Садика, свет глаз моих,

розовый сад моих надежд,

ушла в рай.

*Помолись, Фатиха** , за Садику,*

дочь Османа Бя.

АН 1256.

* В 1904 году французский новеллист Пьер Лоти восстановил и заново позолотил гробницу Азияде, героини его новеллы того же названия. (Прим. авт.)

** Начало стихов Корана, стандартная молитва мусульман. (Прим. авт.)

К Нему, Вечному!

Едва стала я матерью, ребенка своего новорожденного узрела,

Как душа моя в Вечность ушла — то стрела судьбы пропела:

Я покинула сады этого мира ради сада Рая.

О, Фатиха, сообщи жене Османа Эфенди Айсе;

знает она — зарыдает⁶.

Жасмин, ирисы, розы, лилии, гвоздики и гиацинты были любимыми цветами в садах столицы. Но ни один цветок не был более османским, чем тюльпан: его особенно заботливо выращивали, так как буквы его турецкого названия, *лале* — те же самые, что и в написании «Аллах». Османская империя повсюду искала тюльпаны для садов Константинополя. В 1574 году Селим II написал чиновнику в Алеппо: «Мне нужно около 50 000 тюльпанов для моих королевских садов. Чтобы привезти эти луковицы, я послал тебе одного из начальников моих слуг. Приказываю: ни в коем случае не задерживай его». В 1577 году Мурад III заказал 300 000 луковиц тюльпанов из Китая. Им давали имена вроде «Пурпур гнома», «Блеск благосостояния», «Лицо любимой», «Стрела розы»; их цвет, стебли и тычинки являлись предметом обсуждения и соперничества. Для турецких тюльпанов характерны пятнистые лепестки. Совершенный тюльпан описывался как имеющий *«форму миндаля, стреловидный, украшенный приятными лучиками, а внутренние лепестки образуют колодец, такими они должны быть; внешние лепестки немного открыты, очень тонкие, такими они должны быть»*. Летом их прикрывали холстиной, чтобы предотвратить солнечный ожог. В XVI веке тюльпаны из Константинополя распространились в Центральную и Западную Европу⁷.

К XVIII веку Босфор обрамляли виноградники, огороды и фруктовые сады. Различные деревни специализировались на различных плодах: Румели Кавагы и Ортакей — на вишне; Бейкоз — на грецких орехах; Мечидийе-кой — на шелковице. В XVII веке Мелек Ахмед-паша и его гости обедались «сочными, рубиновыми вишнями» в двенадцати его ялы или деревянных прибрежных дачах вдоль Босфора и Золотого Рога⁸.

Ялы вскоре стали важной частью жизни Константинополя. В Париже со второй половины XVII века, чтобы избежать по-

жаров, строить деревянные дома постепенно запрещали. Однако большинство домов в Османской столице после XVI века строились из дерева. Причиной стали не просто практические преимущества возможностей (Анатолия была покрыта лесами), дешевизна и скорость строительства — требовалось лишь два-три месяца, чтобы построить большой дом, но также особенности географического и эстетического восприятия города. Константинополь строился на линии тектонического разлома, он часто опустошался землетрясениями: самое страшное произошло в 1509 году («маленький день Страшного суда»), в 1648, 1719, 1766, 1894 годах. Так как дерево пластично, оно сопротивляется землетрясению лучше, чем камень (об этом напоминает традиционная архитектура Токио). Константинополь был также городом воды, а дерево лучше поглощает влажность, чем камень. Выбор дерева также отражал любовь к виду из окна: стены из дерева позволяют делать более высокие и широкие окна, чем каменные стены.

Снаружи ялы и *конаки* (так назывались большие дома, построенные не у воды) выглядели менее привлекательными, чем окружающие их сады. Обычно их красили в ржаво-красный цвет с несколькими отличительными чертами. Сохранившиеся старые дома вроде Кёпрюлю Ялиси, Садуллах-паша Ялиси в Ценгелкоу на азиатской стороне Босфора или грандиозный четырехэтажный деревянный небоскреб, построенный для христианских судовладельцев семейства Кавафян Эви в Бебеке, показывают, что внешним видом обычно пренебрегали — по сравнению с великолепными каменными дворцами, обрамлявшими Большой канал в Венеции. Вполне объяснимой причиной тому была монархическая власть. Хозяева особняков боялись неодобрения или зависти султана, который мог обратить внимание на дворец во время своих прогулок по Босфору или Золотому Рогу.

Изредка, особенно если собственником являлся христианин, части одного дома были выкрашены в различные цвета — чтобы казалось, что тут несколько разных хозяев. Теоретически на берегу христиане и евреи должны были строить дома на два фута ниже, чем мусульмане, — но они часто покупали исключение из этого правила.

Главная комната внутри ялы называлась софа, она предназначалась для приемов и часто располагалась на верхнем этаже. Часть такой комнаты поднималась на фут от пола, покрывалась

особыми коврами и венчалась диваном. Потолки, окна, рамы и стены здесь были резными и украшались ярко окрашенными и позолоченными накладными растительными орнаментами и арабесками; в стенных нишах стояли сосуды с цветами или курильницы. Цветы ставили или букетом в голубые с белым вазы, или поодиночке в вазы тонкого венецианского стекла с длинным горлышком. Один и тот же стиль интерьера использовался христианами, евреями и мусульманами. По описанию англо-голландского дизайнера Томаса Хоупа, автора великой фанариотской новеллы «Анастасий» (1818), греческие дома Фанара содержали *«комнаты, украшенные со всем великолепием восточной пышности. Персидские ковры покрывали полы, генуэзский бархат укрывал стены, а позолоченные решетки перекрывали высокие потолки. Облака богатых ароматов поднимались по всем сторонам с серебряных кадил»*. Многие богатые греческие дома, подобно их мусульманским соседям, имели отдельные помещения для мужчин и для женщин⁹.

Вероятно, как отражение турецкого кочевого прошлого, мебели было мало — лишь жаровни, табуретки (на которых располагались большие круглые подносы для мяса) и яркие диваны вдоль стен. Тюфяки хранились в стенных шкафах и вытаскивались на пол ночью, служа постелями. Драгоценности и ткани — ковры, настенные драпировки и наволочки для подушек — служили главным признаком роскоши. После посещения домов великого визиря и капудан-паши русский дипломат записал: *«Как бы ни были просты их дома снаружи, внутри — царская роскошь и великолепие. Золото, богатые ткани, жемчуг и драгоценные камни в таком изобилии, что трудно передать впечатление»*.

Леди Мэри Уортли Монтэгю разделяла его мнение. В 1718 году она посетила дворец 14-летней дочери Ахмеда III Фатимы, вдовы Али-паши, чье первое замужество праздновалось с такой пышностью в 1709 году. Теперь она была замужем за великим визирем Ибрагим-пашой. Дворец Фатимы стоял на том месте, где теперь находится дворец Сираган:

«Он расположен в одной из самых восхитительных частей канала [Босфора] с прекрасным лесом на холме позади него. Протяженность его удивительна; охранник уверял меня, что в нем 800 комнат. Я не отреагировала на такое число, так как я их не считала, но их число действительно огромно и все украшены

с чрезмерной роскошью, мрамором, позолотой и самыми утонченными рисунками фруктов и цветов».

Комната, в которой принимал султан, «обшита деревом с перламутром, закрепленным изумрудами, как гвоздями; есть и другие инкрустации перламутром и оливковым деревом, и даже несколько японских сервизов. Галереи, которых множество, очень большие, они украшены кувшинами с цветами и фарфоровыми блюдами фруктов всех сортов, так прекрасно выполненных из гипса и раскрашенных в такой живой манере, что приводят в восторг. Сад примыкает к дому, в нем беседки, фонтаны и дорожки для прогулок сливаются воедино в приятной неразберихе».

Беседки в садах ялы были особенно приятными. Согласно Кокереллу: «Самые очаровательные вещи — это беседки... Они выполнены целиком из дерева, и даже самые просторные строятся примерно за два месяца». Украшенные куполами и позолотой, они именно таковы, какими вы могли бы вообразить их, читая «Арабские ночи». Наружные решетки окрашивают все зеленым светом, так как увиты виноградной лозой, жасмином и жимолостью¹⁰.

Близость воды отличала ялы Константинополя. Так как здесь не было прилива, комнаты можно строить на одном уровне с Босфором. Вид и звук воды за окнами, ее отражение на потолках создавало в некоторых ялы ощущение, что плывешь по воде. Некоторые комнаты пересекают каналы с бегущей водой, вырезанные в полу. На полу купален с диванами мраморные фонтаны бьют струями воды. Потоки со стен дают и прохладу, и живой звук, когда вода падает из одной мраморной чаши в другую. В садах устроены мраморные каскады, бассейны и извивающиеся каналы. Повторенные в таких провинциальных городах, как Кастория, Сафранболу и Дамаск, воспроизведенные на фресках по всей империи, а также на документах, подобных еврейским брачным контрактам, ялы Константинополя стали выдающимися символами «османского мира».

Естественно, среди основных удовольствий находились еда и питье. Уильям Харборн, первый английский посол, записал блюда, которые ему подали во дворце в 1582 году: «Баранина вареная и жареная, рис, приготовленный разнообразными способами, тончайшие оладьи с яблоками, утонченно украшенные блюда, многие из которых я просто не знаю, как описать... Наши

напитки были сделаны на розовой воде с сахаром и пряностями, приготовленными вместе».

Основным блюдом и первым экзаменом каждого нового повара был плов — рис, приготовленный в мясном соусе. Пажи во дворцовой школе получали его как награду каждый четверг. Бедняки жили на хлебе, воде, фруктах, овощах, кефире, рисе и, если повезет, — курятине или баранине либо плове, которые ели после работы около 5 часов вечера. Богачи ели черную икру, бедняки — красную*¹¹.

Перебираясь в Средиземноморье, человек традиций Среднего Востока или Центральной Азии приобщался к османской кухне, одной из самых утонченных в мире. Многие бывшие жители Стамбула тосковали по своей еде больше, чем по любому другому аспекту жизни города. Миллионер Калуст Гульбенкян еще много времени спустя после того, как он покинул город, продолжал жить его вкусами, поддерживая «восточную» (турецкую, греческую или армянскую) кухню при готовке блюд, которыми наслаждался в юности. Среди его любимых блюд были цыпленок по-черкесски, приготовленный с грецкими орехами и паприкой; макрель, набитая без нарушения кожи рисом, морковью, кедровыми орехами и луком; куриный шницель — куриная грудка, отбитая в гладкую пластину и приправленная молоком, сахаром и корицей; особые типы халвы (сладость из семян кунжута), приготавливаемые, чтобы устанавливать мир между ссорящимися друзьями или чествовать возвращавшихся с войны героев. В богатых домах повара использовали только левые ноги — правые ноги считались грубыми, так как животное на них стояло больше.

Овощи составляли славу османской кухни, они готовились с утонченностью, редко уделяемой им в других странах. Некоторые блюда, особенно основанные на «короле овощей», баклажане, требовали нескольких дней готовки. Два набора овощей подавались с мясом: холодные овощи, приготовленные на растительном масле, и горячие овощи, приготовленные на сливочном. Фруктовый сок изготавливался из плодов шиповника, фиалок, шелковицы или тамаринда, его охлаждали льдом, привезенным

* Так у автора. Очевидно, имеется в виду икра кумжи — этот род лосося водится только в европейских морях. (Прим. ред.)

с гор над Бурсой, и хранили в больших емкостях. Орехи, специи и мята добавляли напиткам аромат.

Консервированные фрукты и джемы были еще одной особенностью турецкого стола. По своим цвету и сочности один джем именовался «вареньем из рубинов» — хотя не стоит верить заявлению доктора Джеймса Даллавея, сделанному в конце XVIII века, что он действительно содержал раздробленные рубины. Пекмез, или виноградная патока, изготавливался каждый год в домах Константинополя и использовался в качестве приправы к другим блюдам¹².

Греки, армяне и турки ели одинаковую пищу, объединявшую город. За частичным исключением евреев-сефардов здесь не существовало отдельной кухни вроде китайской и индийской в Лондоне конца XX века или еврейской и итальянской в Нью-Йорке его начала. Различия в продуктах и готовке касались больше богатства или региона, а не расы или религии — хотя христиане имели особую постную пищу, такую, как сушеная рыба¹³. Отсюда идет такая схожесть между «греческой», «турецкой» и «армянской» поваренными книгами конца XX века, несмотря на весь их яркий национализм.

За пищей следовали удовольствия от табака и кофе. Английские купцы завезли табак в Константинополь из Америки в 1601 году. Сначала в мечетях его объявили отвратительной новинкой. Современник, историк Ибрагим Печеви, обвинял курильщиков в отравлении воздуха: «Выдыхая в лицо друг другу, они делают улицы и рынки зловонными». В 1633 году Мурад IV запретил курение под страхом смерти. Когда строгость его запрета возросла, по словам другого историка, Эвлии Челеби, «люди так захотели курить, согласно пословице, говорящей: «Человек хочет того, что запрещено», что многие тысячи были высланы из города за дым». В отчаянии курильщики стали втягивать запах раскрошенных табачных листьев. Наконец, в 1647 году муфтий Константинополя разрешил табак. К концу XVIII века он стал не только одним из основных предметов экспорта Османской империи, но и одним из основных (после костюма) средств демонстрации статуса. Длина, красота и сложность трубки и ее мундштука сигнализировали о ранге и богатстве курильщика. Мундштуки могли быть из янтаря, слоновой кости или зуба гиппопотама; особенно моден был светло-лимонный янтарь. Слуга, подающий трубку, имел та-

кую важную задачу, что стал доверенным лицом в доме. Трубка стала «альфой и омегой восточного этикета», даже если посетитель не курил. В 1841 году в момент необычайного напряжения во франко-османских отношениях, французский посол угрожал покинуть Константинополь, пока не получил формального извинения за не оказанную ему честь получить приглашение на трубку во дворец султана¹⁴.

Кофе был завезен из Йемена в середине XVI века. Два сирийца открыли в Константинополе первую кофейню в 1554 году — за сто лет до появления кофеен в Лондоне или Париже. Через три года они вернулись в Сирию с небольшим состоянием. Кофейни быстро стали основными центрами социальной жизни в столице. Мужчины проводили там часы и даже дни, играя в карты или домино, либо куря — как некоторые делают и до сих пор*. Трубки им предоставляла кофейня, но приносились свои мундштуки и табак. Картины модных кофеен демонстрируют резные и позолоченные украшения интерьера, фонтаны, покрытые коврами скамьи и большие окна, через которые можно созерцать природу. Мужчины курили, писали письма или играли в шашки. В районах победнее и вокруг базаров люди относились к кафе как к биржам труда, где можно ждать предложения работы. Мусульмане и немусульмане посещали одни и те же кофейни — но существовали и отдельные греческие, албанские, персидские и янычарские¹⁵.

Как в Вене XIX века, некоторые кофейни посещались философами и писателями. Печеве писал:

«Некоторые читали книги и возвышенные произведения, некоторые играли в нарды и шахматы, некоторые приносили новые поэмы и беседовали о литературе... даже большие люди не могли удержаться и не заглянуть туда. Имамы, муэдзины и благочестивые ханжи говорили: „Люди стали поклонниками кофеен, никто не ходит в мечети!“ Улем сказал: „Это дом деяний дьявола — лучше уж идти в кабак, чем сюда”».

На кофейни налагались запреты, но вскоре они снимались. Вместо того чтобы одалживать деньги под высокий процент пра-

* В маленьком пригороде Кюзгюнчука, на азиатской стороне Босфора, где была написана большая часть этой книги, главная улица окаймлена десятком кафе — и они никогда не пустуют. (Прим. авт.)

вительству, визири вкладывали их в кофейни¹⁶. По одной оценке, к началу XIX века в городе и вокруг него располагалось 2500 кофеен¹⁷.

Кофе стал столь же характерен для Константинополя, как тюльпаны. Французский путешественник Тевено, который находился в городе в 1655 году, записал, что турки считают, будто кофе обладает лечебными свойствами: «Нет никого, ни бедного, ни богатого, кто не выпивает по крайней мере две-три чашки в день». До 1960-х годов самые большие кафе посещались профессиональными музыкантами и чтецами. Музыканты пели о любви:

*«Сокол глаз твоих поймал птицу сердца моего...
Душист бальзам твоих губ — жажду выпить его.
О, возлюбленная моя!..»*

Чтецы часто начинали так: «Однажды, давным-давно, Бог имел много слуг, в очень давние времена верблюд был коробейником,мышь — парикмахером, ишак — хранителем королевской печати, а мул — оружейником». Истории касались любовных афер, особенностей иностранцев или меньшинств. Истории о легендарном идиотском персонаже, Ходже (учителе) Насреддине, являлись местным аналогом «длинного скучного анекдота».

Каждый праздник Хызыр (6 мая), день, когда капудан-паша выводил флот в Эгейское море, а мясники начинали убой ягнят, люди Константинополя использовали для поездки за город, чтобы порадоваться весенним цветам, устроить пикник с ягненком, долмой и пловом. Их обычным местом выезда становились две широкие зеленые долины — «Сладкие Воды Европы» в конце Золотого Рога, или «Сладкие Воды Азии» на полпути к Босфору на азиатской стороне. Однажды Ходже Насреддину подарили ягненка. Пользуясь его простотой, друзья попросили Ходжу зажарить ягненка для них — заявив, что все равно на следующий день наступит конец света. Все они выехали к Сладким Водам Азии, и пока на костре жарилось мясо, легли вздремнуть. Когда огонь стал слабеть, Ходжа собрал их плащи и одежду и бросил в огонь. Когда остальные проснулись, то очень возмутились. На это Ходжа ответил: «Так как послезавтра все воскреснут, одежда вам уже будет не нужна»¹⁸.

Помимо табака и кофе, почетным гостям в знатных домах подавались варенье и ароматические вещества. Варенье съеда-

лось позолоченной ложкой. Из серебряного кувшина с узким горлом пахнувшей мускусом розовой водой обрызгивались руки. Серебряный сосуд (*урн*), содержащий горящие благовония, пропитывал запахом комнату, а если его подержать под пальто или халатом — всю персону посетителя. Это был аромат власти. В Константинополе, как и в Версале, запах указывал на ранг, так же как одежда и манеры. Лорд Шарлемон вспоминал, как учился держать урн под халатом: *«Рейс-эфенди сердечно засмеялся и с добрым юмором сказал мне, что он рад видеть, как я начал при-способливаться к их обычаям — с которыми, как он надеется, я не долго буду незнаком»*. Манеры и обычаи Константинополя, как и величие дворца и красота мечетей, являлись частью мес-седжа города внешнему миру¹⁹.

Однако прочие радости скрывались от глаз иностранцев. Четыре «подушки на софе удовольствия» во фразе Печеви означали табак, кофе, опиум и вино. Опиум, хотя и запре-щенный исламом, продавался на улице у мечети Сулеймание. Каждый день на заходе солнца, с видом поднявшихся из моги-лы вампиров, дрожа и заикаясь, наркоманы собирались, что-бы купить таблетку опиума. Некоторые брали даже по четыре штуки, проглатывали их с водой и наслаждались видениями беседок из жемчуга или гурий в раю. Вечерний концерт моно-тонной, меланхолической турецкой музыки в домах вельмож поддерживался дурманом от опиума и табака, пока молчали-вые наблюдатели не «возбудятся вялым энтузиазмом». Опиум султана часто смешивался с ароматическими веществами или жемчужной пудрой²⁰.

Запрет на алкоголь был той мусульманской традицией, что меньше всего соблюдалась в Константинополе. Евреи импор-тировали вино из Германии и Испании, но самым популярным было сладкое вино с островов Эгейского моря — таких, как Са-мос или Крит, прославленное с классических времен. Для Ве-нции и Османской империи существовали уважительные эконо-мические причины потратить тридцать лет, сражаясь в XVII веке за Крит. Именно после завоевания Крита Кёпрюлю Фазиль Ахмед, отдыхая на Хиосе, приобрел вкус к вину, что и привело его к ранней смерти. Виноградники тянулись вдоль всего Бос-фора, и вино производилось даже на землях, принадлежавших мусульманским вакуфам.

Как и раньше, в правление Баязида II (1481–1512), поэты посещали пользовавшиеся дурной славой винные таверны вдоль Золотого Рога. К XVII веку, по словам историка Эвлии Челеби, в Константинополе насчитывалось 1400 таверн. По сравнению с парящими над городом мечетями из камня они выглядели маленькими и грязными, но, по словам одного поэта:

*Грязна таверна внешне, неопрятна,
Но весела внутри, просторна и приятна²¹.*

В периоды пуританства, либо же чтобы задать подходящий тон в начале нового правления, вино запрещалось, а питейные заведения закрывались даже для евреев и христиан*. Искатели удовольствий обменивали стекло винного стакана на фарфор кофейной чашки. Однако существовала местная поговорка, что приказ султана длится с середины дня до часа. Ага янычар и Бостанджи-паша снабжались и жили на налоги с винных таверн, и очень скоро те открывались вновь²².

Султаны и муфтии часто пили тайно, хотя сами запрещали пить на публике. Ни одна христианская династия, кроме, может быть, Стюартов, не пила так сильно, как османские султаны (которых, однако, перепивали их собратья-мусульмане — могольские императоры). Сулейман Великолепный сам пил вино до последнего десятилетия своего правления. Одна из его поэм использует вино как метафору для любви — вино являлось частью как поэзии, так и реалий столицы:

*Пусть воспевают таверна губы твои рубиновые,
День и ночь не пустеют пусть чаши, наполняясь вином
малиновым...*

Его сын Селим II, известный под прозвищем «Пьяница», умер от того, что упал в хамаме — вероятно, будучи пьяным. Мурад IV пил вино в компании Эвлии Челеби: «Эвлия, ты теперь проник в мои секреты — постарайся не разгласить их».

* Таверны закрывались Баязидом II, Сулейманом Великолепным, а затем в 1613, 1622, 1670, 1747 и 1754 годах. (Прим. авт.)

Поэты воспевали вино, а не шербет. Они кричали: «О, разносчик чаш, где дарящий жизнь бокал?» и надеялись, что вино цвета тюльпана заменит кровь в венах. Муфтий XVII века написал:

*Позвольте лицемерам их лицемерием в мечети наслаждаться —
Иди в таверну, где не будешь лживым ты притворой...*

*Пусть называют место лишь дырой, где винными парами веет,
Скорее дай бокал, пусть обзывают пьяню подзаборной,
Но скажут люди пусть: «Он никогда не протрезвеет»²³.*

Кади и муфтий, описанные великим австрийским историком Хаммером-Пургсталлом как «свободные мыслители, увлекающиеся одновременно и вином, и постыдным обжорством», имели собственные таверны. По утрам судья пил у муфтия; вечером — муфтий у судьи. В XVIII веке османский посол в Персии жаловался: «В Турции мы пили океанами; в Персии — чайными чашками». Простые горожане пили сорт пива под названием боза, о котором Эвлия писал: «Позволялось пить бозу, так как она придавала силу даже служителям веры». «Картофельный дух», род шнапса, изготавливавшийся евреями в Хачкое, пился в тавернах с вином и жареными устрицами. К XIX веку «разгульные вечеринки» стали обычным делом. Пицца, которая к этому времени подавалась в стамбульских ресторанчиках, включала: орехи, сыр с дыней, рыбную икру и острое мясо, холодные овощи — такие как баклажаны, либо же салаты, приготовленную на гриле или жареную рыбу, мидии, печень, приготовленную в арабском стиле, сыр или мясо, приготовленные в сладостях и известные как буреки. Гости-мужчины пили напиток с ароматом аниса и цитировали поэмы до прибытия блюда фруктов, которое сигнализировало, что время уходить²⁴.

Вино усиливало желание секса. Так как адюльтер мог стать фатальным, письменные свидетельства о любовных похождениях редки. Однако несмотря на все давление религии, обычаев и страха, некоторые женщины заводили любовные связи с мужчинами, за которыми не были замужем. Если они не могли покидать дом, любовники общались через продавцов и женщин — часто гречанок, евреек или армянок, ходящих от дома к дому. Как писала

поэтесса XIX века Лейла Ханум: «Они были ужасными интриганками, те, кто иногда практиковал самую неприличную торговлю». Цветы, брошенные человеку на улице, выражали тайный язык любви. Бледно-желтый нарцисс в руке означал: «Можешь любить меня?» Бутон розы, разорванный надвое, означал вопрос: «Ты умрешь ради меня?» «Я бы без ропота подставила шею под тетику» — выразалось отрыванием головки фиалки.

Любовь также имела и поэтический код: «Как правило, посылался орех фисташки, называющийся по-турецки *fistik*; рифма к которому намекала на *ikimize bir yastic* — „Давай разделим с тобой подушку“... Нитка шелка, по-турецки *ipek*, имела сходство с рифмой *sent seviyorum pek* — „Я люблю тебя до экстаза“»²⁵.

Азизи, который работал в Семи Башнях и умер в 1585 году, писал стихи, которые предполагают, что любовники пользовались значительными вольностями. «Длинноволосая Зиман, многоголовый источник мук на Земле», имела столько любовников, сколько завитков волос на ее шее. «Селима Белоснежные Руки», «Айсе Дивные Лодыжки» знали, где находить удовольствие. Многие женщины имели возможность наносить визиты в другие гаремы, хамамы или на базары. На улице, в плащах и накидках они находились в собственном мире, с возможностями, которые более поздние гаремы жители считали «интриганскими и тайными». Они умели разговаривать глазами, как и языком — светящимися, яркими глазами.

Поэт Баки написал:

*Дамы вне дома всегда под покрывалом — но странно ли это?
И воры лица скрывают, добычу хватая, — похожа примета?*

Накинув дерзкие пурпурные покрывала, некоторые женщины демонстративно переходили от лавки к лавке на базаре, проверяя хозяев лавок вопросами типа: «У тебя есть что-нибудь подходящее для меня? Если есть хороший товар, мне интересно взглянуть, но ты должен обмерить меня». Чем больше хозяин видел их окрашенные хной пальцы, тем более возбужденным он становился.

Многие истории касались турецких женщин, нанимавших частные комнаты в тавернах Пера — или в борделях, — где они могли «отблагодарить своих сладострастных возжелателей и на-

градить своих любовников по их личным заслугам». Молодые мужчины могли тайно проникнуть в гаремы, переодевшись девушками. Согласно рассказу барона де Тотта, знавшего турецкий язык офицера венгерского происхождения, который жил в городе с 1755 по 1776 год, женщин часто убивали их любовники. Их тела, раздетые и искромсанные, можно было увидеть «качающимися в Гавани, под самыми окнами их убийц»²⁶.

Однако некоторые женщины обращались за любовью и дружбой друг к другу. Лесбиянки имели репутацию грамотных и лояльных. Они были «грациозными созданиями» и часто демонстрировали свою любовь, нося одинаковые цвета или духи. Письмо от горничной по имени Фелексу, написанное Бехиче-султан, дочери султана Абдул-Меджида в 1875 году, когда Фелексу страдала от приступа малярии, показывает силу чувств между женщинами, физических и не физических:

«Моя маленькая львица, я очень люблю тебя, и ты говорила, что тоже немножко любишь меня. В этом мире ты радость моего сердца. В твоём здоровье я тоже нахожу здоровье. Честное слово, это не потому, что ты принцесса Бехиче. Принцесс много — благослови их жизни Господь. Ты знаешь, я люблю тебя, ты выказываешь мне много доброты. Я люблю тебя, я люблю тебя, короче, я люблю тебя, правда! Истинно так! Как я сказала, я люблю тебя, и это так, вот и все об этом...»

Бехиче-султан умерла годом позднее, пробыв замужем всего две недели²⁷.

По контрасту с тайной, окутывающей мусульманских женщин, христианские женщины открыто поддерживали сладострастные традиции Галаты. Греческих женщин можно было нанять в жены на месяц через договор, известный как *marriage à la cabine*, — от турецкого слова *kabin*, обозначающего форму временного брака. Один британский посол XVIII века, как говорил его преемник, провел двенадцать лет в Константинополе «на софе с женщинами». По словам лорда Шарлемона, «женщины очень хорошенькие и хорошо одеты, а их манеры замечательно приятны — вероятно, указывая, что они не противницы любви». Так как «обязанность путешественника — не оставить ничего неувиденным», он посетил бордель, который содержали ага янычар и останджи-паша. Обитательницы его являлись или христианками, или еврейками, «многие из них необыкновенно красивые

и умелые во всех необходимых искусствах и обольстительности их призыва». Во время одного визита «матрона дома», гречанка*, окружила его восемью или десятью нагими «богинями», которые напоминали ему Геру, Афину и Афродиту. В конце XVIII века лучший бордель находился возле британского посольства. Независимые работницы принимали клиентов на кладбище, где одинокие женщины, как считалось, посещают могилы умерших родственников²⁸.

Константинополь предлагал такую свободу, какую трудно было найти в Западной Европе: свободу от сексуальных норм. Гомосексуализм в Западной Европе наказывался тюрьмой или смертью. Однако Фатих обещал своим солдатам как «очень красивых женщин, молодых и прекрасно выглядящих», так и «мальчиков тоже, очень много и очень красивых, из знатных семей». Раду, брат Влада Сажателя-на-кол, князя Валахии, прообраза Дракулы, был самым любимым фаворитом самого султана. Раду прибыл как заложник к Османскому двору в возрасте 7 лет, когда «был не выше, чем букет цветов». Сначала он отказал султану, ранив того мечом и спасшись на дереве, где провел ночь. После того как он стал любовником султана, его наградили тронем его брата²⁹.

Веком позднее французский путешественник записал, что турки «также очень подвержены пороку Содомы — и вельможи больше, чем обычные люди; едва ли найдется капитан без одного-двух бардаков». По словам английского путешественника, кофейни и таверны держали «красивых мальчиков, которые служили стейлами, чтобы обеспечивать свою клиентуру». Двумя сотнями лет позднее Чарльз Уайт осудил «мерзкое представление греческих мальчиков-танцоров Галаты... вызывавших отвращение даже самых некультурных умов». В гаремах и хамамах, под музыку лютни, гитары и кастаньет, группы танцующих девушек, часто одетых как мужчины, развлекали женщин. В тавернах янычар и моряков — и во время зимних приемов вельмож — богато одетые длинноволосые танцующие мальчики, носившие имена вроде Золотой Шар, Кудряш, Новый Мир, танцевали таким образом, чтобы ничто не оставалось воображению³⁰.

* Сегодня «мадам Матильда», королева района красных фонарей в Стамбуле возле башни Галаты и одна из самых высокооплачиваемых дам в Турции — армянская католичка. (Прим. авт.)

Такие развлечения могли объяснить, почему иностранный резидент в Константинополе часто писал о «турецкой свободе и удовольствиях» или о «легкости и свободе восточной жизни». Они имели в виду не только отсутствие жесткой классовой структуры, но также выбор предлагаемых развлечений. Венецианским юношам до 16 лет запрещали путешествовать в Турцию из страха, что они «превратятся в турок». Многие венецианские дипломаты и студенты, соблазненные *lussúria del viver turchesco* (сластолюбием турецкой жизни), решали стать мусульманами и остаться в Константинополе — при том, что ни один османский мусульманин не поселился в Венеции³¹.

Городские поэты писали любовные стихи «фавнам Стамбула» — часто мальчикам-банщикам или танцорам. Старый римский ипподром Ат-Мейданы возле мечети Султан-Ахмед был «любимым местом отдыха прекрасных юношей». Их тела сравнивали с кипарисами, их лица с луной, их губы с рубинами. Они были свечами, их любовники — мотыльками, летящими на пламя. Поэт томился, ожидая, когда его лицо станет ковриком на полу хамама его любовника.

*Каждую ночь пускают тебя в свое сердце чужие,
О, деспот! Ревности в сердце моем ведь бушует стихия!
Ты приходи поскорей — роза в одной руке и с бутылкой другая,
Что выберу? Роза, вино или ты мне дадут наслаждение Рая?*²²

Одной из причин для любви к юношам стало социальное приятие: прямое обращение к женщинам, через письмо или разговор, считалось шокирующим. Некоторые поэты делали вид, что такая любовь чиста. И все-таки во многих случаях любовь не была ни чистой, ни замещающей. Во дворце Мурад IV, по словам его придворного Эвлии Челеби, иногда декламировал:

*Невозможно сказать грубость о быстрых женских пальчиках,
Но тысячи ругательств в день ждут партнеров-мальчиков.*

Султан взглянул в лицо Мустафе, носителю маленького меча: «Что ты думаешь об этих стихах, Мустафа?» Щеки носителя меча покраснели. Тогда султан подарил ему почетный соболий халат.

Через сто лет поэт Недим написал, что все улемы были влюблены в мальчиков; не осталось ни одного, кто наслаждался бы любовью женщины³³.

Бисексуальность Константинополя получила свое самое яркое выражение в работе Фазиль Бей (1759–1810). Родившись в Сафедде в Палестине, сын и внук арабских мятежников, он воспитывался в Константинополе и получал образование в дворцовой школе. За исключением времени короткой ссылки на Родос в 1799–1804 годах, он продолжал жить в городе — до самой смерти в Бешикташе от нищеты в 1810 году. В своей работе «Зенанамэ» («Книга женщин»), написанной в 1790-х годах, он заявил, что красота — это раскрытие Богом себя, что Бог — основной объект страсти любовника. В остальном все его книги — это победная песнь удовольствию: женщины Константинополя имеют розовую кожу и такую прекрасную походку, что весь мир хотел бы подражать им. Некоторые женщины настолько изолированы, что их нельзя увидеть даже после смерти; как для попугая в клетке, «солнце никогда не сияет им в лицо, ветер не обдувает их волосы». Другие куда более смелы. В османском стиле Фазиль Бей перечисляет их по национальности: персиянки начитанные, с опьяняющими глазами; суданские женщины имеют лица черные, как ночь; женщины Хиджаза красивы, но пустоголовы, с голубыми губами и искривленными ноздрями; еврейские женщины пухленькие; армянки плохого поведения и одеты плохо, но неуродливо; гречанки грациозны и соблазнительны: «Нам следует иметь любовниц, как эти». Черкешенки даже еще лучше: «Любовник может найти все, на что смеет надеяться, в черкесской женщине». Он описал также йеменскую, испанскую, нидерландскую и английскую женщину:

*Краской щек с розой может вполне она поделиться,
Рот ее песне научит и соловья, волшебную птицу.*

В «Кхубан-намэ» («Книге красоты») он прославляет, хотя и менее детально, молодых мужчин тех же национальностей: его теперешний любовник угрожал повернуться к женщинам, если он переписет одну из страниц. Его собственное сердце, написал он, — арена для турниров, где король идет на короля. Персы высокие и красивые, брови у них как луки, щеки красны и лица

круглы, а еще они — мастера флирта. Мальчишки Багдада «любят мучить» и никогда не соблюдают назначенных встреч. Французы прекрасны, но неловки в постели. Армяне хороши в холод: «Держи Саркиса зимой, так как его тело сплошь покрыто волосом». У албанцев неприятный голос, большие животы и толстые шеи. Серебряная грудь греков и белая кожа захватывали его: «Их тела так прекрасно пропорциональны, что весь мир поражен». Даже в 50 лет он упал бы в глубочайший колодец ради их любви³⁴.

В ночи Рамадана, когда мусульмане заканчивали пост, который соблюдали целый день, в Константинополе воцарялась радость. Выстрел из пушки объявлял о заходе солнца. Улицы, обычно такие тихие по вечерам, оживали в неистовстве еды, питья и музыки. «В течение нескольких минут турецкий город становился настоящим монстром с сотней тысяч ртов, которые ели и пили». Стихи из Корана летели от одного минарета к другому буквами пламени. На улицах публику внизу развлекали заклинатели змей, жонглеры, предсказатели судьбы и кукольный театр теней, известный как Карагёз, в котором фигуры размером около пятнадцати дюймов разыгрывали истории о любви и сражениях — часто очень непристойные. Домочадцы пашей цитировали во дворе отрывки из Корана. Комедии, поставленные труппами греков или евреев, «пародировали различных чиновников империи и представляли их работу в такой манере, которая делала их посмешищем», — не щадя султана и великого визиря. Бедняки могли ходить от дома к дому, наблюдая представления и съедая, сколько пожелают³⁵.

Пика развлечений город достигал во время «века тюльпанов» в начале XVII века — в правление Сулеймана Великолепного, и в середине XIX века, во время последнего из трех «золотых веков» османского города. Мустафа II (1695–1703), который любил охоту, почти все время жил в Эдирне. Послы и купцы перебрались в Эдирне, принцессы строили там дворцы, а Константинополь злился. В 1703 году мятеж янычар, подстегнутый улемами и домочадцами Кёпрюлю, привел к смещению Мустафы II. Новый султан, его брат Ахмед III, пообещал никогда не жить в Эдирне³⁶.

Ахмед III оказался не только алчным тираном, но также утонченным библиофилом. Примерно в то время, когда другие

европейские монархи начинали предпочитать личные апартаменты государственным, Ахмед III жаловался своему великому визирю на этикет Топкапи: *«Если я иду в одну из комнат, вдоль пути выстраиваются пажы, выскочившие из сорока потайных комнат. Если мне нужно надеть штаны, я не ощущаю комфорта. Носитель меча должен уволить их, оставив только трех-четыре человека, чтобы я мог чувствовать себя уютно в маленькой комнатке»*. Нуждаясь в отступлении от формальностей, он стал строить более мелкие киоски и дворцы вокруг столицы, которые использовал чаще, чем дворец Топкапи: Дом Вечного Веселья в Дефтердар-бурну и Дом Вечной Чести в Ускударе. Венецианский балли записал: *«Нелегко найти более ранний пример султана, который отсутствовал в королевских дворцах так долго»*³⁷. Дух века воплотился в одной надписи, оставленной султаном на беседке в Топкапи:

Аллах, благослови беседку эту!

Пусть будет постоянный праздник тут,

И счастье, и веселие, и радость сюда, в Беседку Счастья,

пусть придут!

Его самый известный дворец, называвшийся Саадабад, или «Вечное Счастье», был построен в традиционном месте отдыха, у ручья, бегущего в Золотой Рог в Кягыт-хане (европейцы называли это место «Сладкие Воды Европы»). На Саадабад повлияли изображения Версаля, которые все еще находятся в библиотеке Топкапи, и советы Мехмеду от Саида, который сопровождал посольство своего отца во Францию в 1721 году, чтобы изучать французские крепости, торговлю, обычаи, а также закрепить союз между двумя империями. Архитекторов выписывали из Европы. Сады были распланированы в стиле того же Версаля — с прямыми рядами деревьев и квадратными цветочными клумбами. Строительство дворца шло под личным наблюдением и на средства зятя султана, великого визиря Ибрагима, и длилось с июня по август 1722 года. Часть ручья спрямили, создав канал с мраморными берегами 1100 метров длиной, с бассейнами, каскадами и золотыми навесами вдоль его берегов.

Несмотря на французское влияние, дворец и беседки в Саадабаде оказались очень турецкими — с широкими выступающими

карнизами, позолоченными куполами, стенами, покрашенными ярко-голубой, красной или зеленой краской — среди свобод, которыми обладал Константинополь, оказалась и свобода цвета. Вода лилась из бронзовых фонтанов в виде голов драконов в мраморные бассейны. Чтобы отпраздновать завершение и прославить имя дворца, великий визирь сочинил такие строки: «Пусть он будет благословен, чтобы султан Ахмед имел вечное счастье [Саадабад] в государстве». Две сотни османских чиновников обязали построить себе поблизости резиденции другого цвета и украсить дома символами своих функций: пушками — для начальника артиллерии, птицами — для главного сокольничего.

Архитектура и сад были не единственными аспектами французской культуры, которые нравились султану. Во Франции заказали 1000 бутылок шампанского и 900 бутылок бургундского³⁸.

Саадабад приветствовал самый оригинальный из османских поэтов — Недим, «доброжелательный спутник». Член семьи улема, родившийся в Константинополе около 1680 года, он был библиотекарем и другом великого визиря Ибрагима. С языческим пикантным отношением к жизни, он воспевал удовольствие от вина, любви и текущего мгновения. Его самое знаменитое стихотворение адресовано другу:

*Давай подарим чуть-чуть покоя сердцу, которое так устало,
Давай поедem в Саадабад, мой сомневающийся Кипарис,
давай поедem!*

*Скачет у тирса внизу быстроходный каяк, осталось дело за мальым.
Давай посетим же Саадабад, мой сомневающийся Кипарис,
давай поедem!..*

*Разрешенья у матери попроси, скажи, что на пятничные
молитвы едем.*

*По крайней мере, на день убежим от судьбы и забот своих
бесконечных!*

*Проберемся по тихим улочкам окольным к тирсу с тобой на рассвете.
Давай посетим же Саадабал, сомневающийся друг мой сердечный!*

*Смеяться будем, петь и играть, получая радость от луга зеленого!
Пить будем воду из сладких ручьев, текущих из райского сада,*

И любоваться водами жизни, несущимися из пастей драконов!

Давай поедem в Саадабад, где качается кипарис,

отдых глазам и отрада!

Недим также написал панегирик столице в давно установившейся традиции восхваления города.

О, город Истанбул, единственный, бесценный!

Я Персию бы отдал за малый камень твой.

Меж двух морей лежишь, красавец несравненный,

И согреваешь мир густой тепла волной.

Стамбул — это седьмое небо, сад Эдема, источник счастья. Парча знаний продается на твоих базарах. Его мечети — океаны света, его жители дружелюбны и благородны.

Истанбул, ты дитя процветанья, удачи,

Можно смело гордиться тобой, как иначе?

Дворцы твои, твои холмы и даже банки,

Все дышат радостью, сверкая спозаранку.

Не описать тебя достойно, право слово,

Хвалим великого визиря, что не ново:

На деле раб твой утонул, о, Господин Мирюв,

В благодеяниях и роскоши твоих даров!²⁹

Во время этого антракта на удовольствия использование смерти в качестве династического оружия ослаблялось. Султана лечил доктор-еврей, Даниэль де Фонсека. Рожденный в Опорто в 1668 году, он жил в Константинополе с 1702 по 1730 год и часто консультировал об османской политике иностранных послов. В 1724 году он записал, что великий визирь — не только хороший придворный и умный политик, но также и великий джентльмен (*très honnête homme*): «... с тех пор, как великий визирь вошел в ми-

нистерство, эта земля почти полностью избавилась от прошлого варварства и жестокости. Сегодня все преуспевают и живут для удовольствия, все полны *politesse et agreement* (вежливости и согласия)». Леди Мэри Уортли Монтэгу поддерживала это мнение: «Я почти согласна, что у них правильное понятие о жизни; они тратят ее на музыку, сады, вино и тонкую еду, в то время как мы терзаем наши мозги проектами политики или изучением науки, в которой мы никогда ничего не достигнем, а если достигнем, не сможем уговорить людей воспользоваться ею так, как делаем мы сами»⁴⁰.

Культ тюльпанов стал неистовым — подобно «тюльпанной лихорадке», которая достигла пика в Нидерландах в 1637 году. Пока правительство не издало официальный лист цен, за одну луковицу платили до тысячи золотых монет. Совет экспертов по цветам под председательством главного султанского флориста судил о новых видах тюльпанов и если он находил новизну неоспоримой, то присваивал им официальное название⁴¹. Великий адмирал Мустафа-паша вырастил сорок четыре новых сорта, великий визирь — шесть. Всего 839 сортов было занесено в особый реестр во дворце. В тюльпанном саду, созданном султаном в четвертом дворе дворца, он каждую весну устраивал праздник, на котором цвет тюльпанов соответствовал цвету одежд гостей и напитков, наполнявших декоративные вазы. В один из вечеров дамы гарема стояли в палатках на шуточном базаре: султан был единственным покупателем⁴².

Босфор превратился в средоточие городской жизни. Появилась традиция, по которой люди выезжали на свои ялы на Босфоре на праздник Хизир (6 мая) и возвращались в город на Руз-и-Казим (7 октября), что стало также традиционным концом сезона кампаний. Патриарх Иерусалима, муфтий Медины, богатые армянские семьи Кумуркуян и Дуз-Оглы, великие семьи Дерризаде, Маврокордато и Кёпрюлю — все имели дома на Босфоре. Мехмед Эфенди Дерризаде жил так богато, что когда султан Махмуд I (1730–1754) нанес неожиданный визит в его дом в Ускударе, чтобы позавтракать во время Рамадана, всех сопровождающих султана в количестве 150 человек приняли и накормили тоже⁴³.

Константинополь стал образом жизни — единственный город, одновременно и курорт, и столица, Бат и Лондон, Спа и Париж.

Он разделял радости пищи, вина, музыки, таверн, кофеен и Босфора, объединял мусульман и немусульман. В живописи Жана-Батиста Ванмура и на рисунках, выполненных Жаном-Этьеном Лиотаром за четыре года, которые он провел в столице, с 1738-го по 1742-й, греки, армяне и франки города не только выглядели как османы, но и делали то же самое. Дама в башмаках на высокой деревянной подошве и обшитой горностаем широкой накидке собирается войти в ванну. Дамы, облокотившиеся на подушки, играют в игру, называвшуюся *tankah*, вариант нардов, или музицируют. Другие вышивают или пьют кофе; одежда, подушки, кофейники — абсолютно османские. Только их изображение мужчиной говорит о том, что они должны быть гречанками или европейками. Роль Константинополя как города удовольствий подтверждается словами, которые они подарили внешнему миру: софа, беседка, кофе, халат, тюрбан.

Константинополь был миром в себе, убежденным в своем превосходстве над провинциальными городами. Например, поэт Наби писал: *«Ничто не вызывает чувство неполноценности провинции больше, чем вид Константинополя. Небо зря вращается вокруг мира. Оно нигде не видит города, подобного Константинополю. Смотри, как он мерцает своей красотой, когда море беззаботно смеется над ним!»* Имперский дух города настолько же абсолютен, как политическое владычество султана. Окинув город быстрым взглядом придворного, принц де Линь констатировал: *«Константинополь диктует фасон для Ясс, как Париж для провинций, и моды эти распространяются даже быстрее. Желтый — любимый цвет султана. В Яссах он у каждой женщины. Длинные трубки из вишневого дерева заменили в Константинополе трубки из жасмина. У нас, у бояр, теперь трубки только из вишни»*⁴⁴.

Город стал целью паломничества как ловцов развлечений, так и искателей знания. Сюда массово приезжали британцы: в 1724 году — якобит лорд Гарлис; в 1730-м — граф Раднор; в 1738-м — Джон Монтегю, 4-й граф Сэндвич, а также Уильям Понсонби; в 1740-м — Ричард Покок и маркиз Гранби (нарисованный Лиотаром). Многие заказывали свои портреты в турецком костюме. Лорд Шарлемон сообщал:

«Образ жизни в Константинополе хорош для молодого человека, и настолько же приятен, как в любом большом городе. Та часть города, которая называется Пера и которая сама по себе

является большим городом, полностью населена франками и греками, которые живут совместно наиболее дружеским образом и образуют с национальными посланниками [послами] максимально приятное общество. Удовольствия стола хорошо понятны и часты; редкий вечер проходит без балов, концертов или ассамблей, на которых общение между полами так легко, насколько только можно желать».

Нидерландский посол ужасался, что нидерландские купцы, «далекие от удовлетворения достойным образом жизни... хотят соперничать с иностранными дипломатами видом, годовым доходом и стилем жизни; их жены и дочери ежедневно развлекаются на празднествах, балах и приятных экскурсиях на все воображаемые курорты». Казанова приезжал сюда на три месяца в 1745 году. Он никого не соблазнил, но сам был удивлен, так как наблюдал, как турок по имени Исмаил мыл в беседке дам⁴⁵.

Спасла ли снисходительность Константинополя земли Европы и Индии от превращения в османские провинции? Она явно истощала волю империи к борьбе. И в 1514-м, и в 1517 году янычары заставили грозного Селима I вернуться в город. В 1771 году, пока Османская империя вела войну с Россией, Константинополь был целиком занят другой борьбой: ссорой между группой янычар и компанией левантинцев из-за четырнадцатилетнего мальчика-танцора, которая началась в таверне в Галате. Драку удалось прекратить, применив пушки. Были убиты пятьдесят человек. Великий визирь прокомментировал это событие: «Так много храбрости в Галате и так много трусости на Дунае ясно показывают, что турки боятся только шляп»*. Потребовалось четыре дня, чтобы восстановить порядок, и великому визирю пришлось пообещать, что мальчик не будет принадлежать ни одной стороне. Его просто повесили.

После приступов пуританства XVII века частные вольности вернулись в город в XVIII. Картины Левни, написанные во времена правления Ахмеда III, с их характерными лицами, смелым использованием перспективы и юмором, представили собой новое развитие османского искусства. Другой переменной стало возникновение книгопечатания мусульманами и для мусульман.

* «Шляпами» именовали христиан. Мусульмане носили тюрбаны; поля шляп мешали во время простиранья на полу во время молитвы. (Прим. авт.)

У печати появились два покровителя: Мехмед Саид-эфенди, оформитель Саадабада, и католик-унитарист из Трансильвании Ибрагим-мутеферрик.

Захваченный в плен на войне примерно в 1693 году, последний освободился из рабства, обратившись в ислам. Затем он стал *мутеферриком* — то есть одним из служащих дворца, описываемых как «люди всех наций и всех религий». Говорят, он знал французский, итальянский, немецкий, латинский, турецкий, венгерский, и позднее использовался Портой как переводчик дипломатических документов. В 1726 году он представил на рассмотрение великому визирю и улемам трактат о печати. Доказывая, что это поможет распространению грамотности, остановит печатание европейцами исламских книг и сделает османов исключительными лидерами в мире ислама, он заявлял, что «акт печати соответствует великолепию шариата и должен быть объявлен Шейх-аль-Исламом похвальным и полезным для мусульман». Он также подчеркивал практические преимущества типографских книг: дешевизну, точность воспроизведения, а также следствие их появления — рост образования. Была издана фетва (в исламе — решение по какому-либо вопросу), позволяющая печатать книги по всем предметам, кроме самого ислама, — несмотря на оппозицию группы улемов, которые, по словам Ибрагима-мутеферрика, заявляли, «что вышеуказанное изобретение опасно для общественного порядка и для религии; оно приведет к появлению в обращении большого количества книг, чем необходимо». Концепция «необходимого» количества книг — это ужасающий ход проникновения исламского догматизма в некоторые османские чиновничьи умы. Оппозиция книгопечатанию возникла также со стороны профессиональных каллиграфов, которые провели демонстрацию возле дворца⁴⁶.

Работавшая в доме Ибрагима-мутеферрика типография была многонациональным предприятием. Улемы служили корректорами. Иона бен Якоб Ашкенази, еврей из-под Львова, который начал печатать в Константинополе книги на иврите в 1711 году, также устроился сюда. Печатники, граверы и наборщики прибыли из Вены. Первой книгой, напечатанной в январе 1729 года, стал арабский словарь, за ним последовало издание книги османского историка Эвлии Челеби и турецкой грамматики Пере Холдермана для использования французскими студентами и купцами.

В 1731 году Ибрагим-мутеферрик представил Мехмеду I записку «Рациональные основы политики наций», в которой он задал вопрос, всегда посещавший мусульман: «Почему христианские нации, которые в прошлом были так слабы по сравнению с мусульманскими нациями, начали доминировать во многих землях в наше время и даже побеждать когда-то победоносные османские армии?» Он сослался на парламентскую систему в Англии и Нидерландах, на экспансию христианства в Америке и на Дальнем Востоке, и даже упомянул, что в то время как османами управляет шариат, европейцы имеют «законы и правила, созданные разумом»: «Мы остаемся в состоянии полной неподготовленности... это теперь стало очевидно, и срочно нужно собирать информацию о деталях европейских дел, чтобы отразить их вред и предотвратить их злой умысел».

Его решением проблем османского упадка стала военная реформа:

«Пусть мусульмане прекратят оставаться невосприимчивыми и несведущими о состоянии дел и очнутя от сна невнимательности... Пусть они действуют предусмотрительно, пусть близко познакомятся с новыми европейскими методами и способами ведения войны — организацией, стратегией, тактикой... Все мудрые люди мира согласны, что люди Турции превосходят все другие народы в природе восприятия правил и порядка. Если они научатся новым военным наукам и смогут применять их, ни один враг никогда не сможет противостоять их государству»⁴⁷.

Век тюльпанов закончился народным мятежом. К 1690 году, судя по цифрам подушного налога, который платили христиане, и оценкам иностранных резидентов, население Константинополя достигло от шестисот до семисот тысяч. Он стал самым крупным городом в Европе и на Ближнем Востоке — океан мужчин и женщин, используя метафору, любимую самими османами. В 1720-х годах население продолжало расти, так как из Анатолии хлынули переселенцы в поисках работы. Султану пришлось построить возле арсенала семь новых зернохранилищ, чтобы доставка хлеба городу могла поспевать за его населением.

Постепенно многие иммигранты, которым отказывали в доступе к городским гильдиям, начали формировать озлобленную бедноту. Экстравагантность султана привела к тому, что доходы падали, а налоги росли. В июле 1729 года пожар, описанный

венецианским балли как «больше любого другого, виденного на памяти людей или описанного в записях», уничтожил 400 домов, 130 мечетей и привел к гибели тысячи человек. Ослабление некоторых барьеров между полами подлило топлива в возмущение населения. На одном вечере в Саадабаде великий визирь подбросил золотые монеты под одежду жены кади Константинополя. В Ат-Мейданы и Саадабаде были открыты «Сады Радости», где «женщины с птичьими мозгами» встречались с молодыми людьми. *«И они заявляли, что это право человека, и шли в парки развлечений, и заставляли своих мужей давать им деньги, а если те отказывались, то требовали развода и брали дело в собственные руки, и таким образом, осталось не больше пяти честных женщин в любом квартале».* Город готов был взорваться.

Разъяренный инновациями двора, муфтий Константинополя и некоторые улемы подстрекали мятеж. Недавний мирный договор с Россией и неминуемая война с Персией осуждались в проповедях в Айя-Софии. «Война между теми, кто повернут к Мекке, несправедлива». Мятеж вспыхнул утром 28 сентября 1730 года. Говорили, что его лидером стал албанец по происхождению, известный как Патрона Халил, так как он служил на корабле «Патрона» (то есть «Святая Покровительница»). После краткого периода службы янычаром Халил занялся продажей одежды на улицах. Как и санкюлоты («бесштаннные») революционного Парижа, он носил нарочито потрепанную одежду. Со своими закадычными друзьями Муслу, продавцом фруктов, и Али, продавцом кофе, он привел на базар около тридцати мятежников и призвал людей присоединиться к «выполнению законов Мухаммеда». Был четверг, день отдыха. Каймакам находился в своем летнем домике, сажая тюльпаны. Султан и армия с пышностью двинулись в Ускудар на азиатскую сторону Босфора для подготовки к войне с Персией. Захватив оружие у янычар, повстанцы вскоре усилились настолько, что их выступление оказалось первым крупномасштабным социальным, религиозным и политическим мятежом в истории Константинополя⁴⁸.

Султан оказался нерешительным и плохо информированным. Напротив, Патрона Халил показал себя прекрасным публичным оратором. В пятницу восставшие собрали своих последователей в мечетях, причем к ним присоединились греки, армяне и цыгане. В XVIII веке симбиоз между турками и греками распро-

странялся не только на элиту фанариотов, но и работал в нижних слоях социальной иерархии. Собутыльник Патроны Халила, греческий мясник по имени Янаки, одолжил ему денег в начале мятежа. Вскоре рабочие доков, правительственные чиновники и сам капудан-паша перешли на сторону одерживающих верх мятежников. Патрона Халил потребовал голову великого визиря. 30 сентября труп великого визиря выбросили из дворца и отдали собакам на улицах. Чувство вины султана было успокоено, когда среди сокровищ убитого великого визиря нашли пятьдесят четыре сундука золотых монет.

1 октября Ахмед III принял эмиссаров мятежников, которые заявили ему: «Твое правление закончилось, твои подданные больше не хотят иметь тебя хозяином». Он принял свою судьбу и поцеловал руку следующего султана, своего племянника Махмуда. Его последним советом стали такие слова: «Никогда не вкладывай слишком много любви и доверия в своих великих визирей... но правь в соответствии с собственными идеями согласно знаниям, советуясь с советом, но никогда полностью ни на кого не полагаясь». Поэт Недим погиб от падения, убегая по крышам, когда его преследовала банда последователей Халила — или, по другому рассказу, от рук разгневанных родителей одного из своих любовников. Администрация сдалась: править в городе стали мятежники и улемы. Их триумф продемонстрировало присутствие их вождей рядом с новым султаном на пути в Эйюп для инаугурации: Патрона Халил и Али, торговец кофе, бросали золото в толпу. Янаки вскоре стал господарем Молдавии.

Несмотря на протесты Махмуда I, мятежники разрушили несколько ненавистных новых дворцов и садов в Саадабаде. Но султан вскоре подготовил ответный удар, заручившись поддержкой старших командиров янычар и хана Крыма, который в это время посетил Константинополь. 24 ноября Патрону Халила и двадцать восемь его приближенных заманили во дворец обещанием новых наград. Охрана убила их в зале приемов, а их тела были вывешены за городскими воротами — повторив судьбу великого визиря двумя месяцами ранее⁴⁹.

И все-таки еще долгое время порядок не мог восстановиться. 25 марта 1731 года разразился другой мятеж, опять под предводительством албанца по имени Черный Али. Были казнены несколько тысяч мятежников. Албанцев и лазов — грузинские

мусульмане с побережья Черного моря — выслали из города, некоторых даже в Албанию. Кофейни были временно закрыты, был установлен строгий контроль за прибывающими в город даже по срочному делу. В ответ случилось несколько пожаров, а люди потребовали сменить великого визиря и главного евнуха. Британский посол лорд Кинноулл записал, что *«дьявольский дух людей... так силен, что они непрерывно раскидывают по улицам бумаги, угрожая, что ни за что не перестанут причинять бед, пока не сожгут весь Константинополь»*. В сентябре, после еще одного мятежа, несколько тысяч мятежников зашили в мешки и утопили в Босфоре⁵⁰. «Бриллиант между двумя изумрудами» стал также и кладбищем.

ПОСЛЫ И ХУДОЖНИКИ

Наш зал с высокими окнами всегда
открыт и доступен для друга и врага.

*Мурад III — Елизавете I,
17 марта 1579 года*

Только при дворе Порты столь ва-
жен ранг послов.

*Маркиз де Ферриоль, французский
посол, 26 февраля 1700 года*

Никакая другая столица так не приветствовала посольства. Послы приезжали в Константинополь из Лондона и Парижа, Стокгольма и Самарканда, Гоа и Феса. В 1628-м — году, безусловно, исключительном — послы из Вены, Варшавы, Москвы, Исфагана и Дели прибыли сюда, чтобы засвидетельствовать свое почтение султану¹. Всех притягивала сила. Османская империя была силой одновременно и европейской, и восточной, африканской и черноморской, принадлежала и Атлантике, и Индийскому океану. Она простиралась от Марокко до Месопотамии и от Польши до Йемена. Она имела больше соседей — больше связей и переговоров, — чем любое другое государство.

Появление постоянных посольств в Константинополе с середины XVI века, вскоре после их появления в самих западных столицах, показывает, что в дипломатическом смысле Османская империя была частью Европы. С послами здесь обращались не как с иностранцами, не как с послами в Москве до Петра Первого и после 1918 года. Больше чем где бы то ни было послы играли роль во внутренней жизни столицы, а также во внешних отношениях империи.

На практике, какие бы фанатики ни появлялись с обеих сторон, священной войны между исламом и христианством не было. Ее теория существовала; ненависть к «неверным» часто проявлялась и в Константинополе, и в Париже. И все-таки подобная ненависть с куда большей силой проявлялась к еретикам внутри своей религии, христианства или ислама — к протестантам

или к персам, исповедующим шиизм. Несмотря на любовь османов к персидской культуре, споры о религиозных доктринах, геополитических приоритетах и доступе шиитских пилигримов в Мекку и Медину (вопросы, которые до наших дней отравляют международные отношения Ирана) делали Персию самым постоянным врагом Османской империи. Персы были известны как *кызылбаш*, или «красноголовые», из-за их яркого красного головного убора. После того как шахи Сефевидов в 1506 году сделали шиитский ислам своей государственной религией, они начали заполнять Восточную Анатолию миссионерами-кызылбашами, которые во многих местах находили восторженный прием. Персидские послы долгое время оставались единственными послами, казненными в Константинополе, — в 1524-м и снова в 1729 году. В 1549 году муфтий Константинополя объявил о войне с Персией: «Да, это величайшая из священных войн и славных мученичеств»². Вплоть до XIX века эти войны случались с ужасающей регулярностью.

Между 1556 и 1748 годами время от времени происходил обмен посольствами с другой великой мусульманской монархией — империей Моголов в Индии. Однако с ней возникали столкновения на почве взаимных амбиций. Оба монарха называли себя «калифами», «тенью Бога», «утешением царей Вселенной». Османские власти вели себя с оскорбительным высокомерием по отношению к могольским эмиссарам в Константинополе. Моголы, со своей стороны, никогда не забывали своего происхождения от великого Тимура, который пленил османского султана в 1402 году. Императоры моголов в XVI и XVII веках заявляли, что их столица Агра была «центром Халифата»; Константинополь же являлся просто «местом нахождения османского султаната».

Таким образом, несмотря на наличие таких врагов, как Португалия и Персия, на общие интересы в обеспечении безопасности хаджа (паломничества в Мекку и Медину) и в защите Центральной Азии от России, отношения между империями османов и моголов редко оставались сердечными и никогда не были близкими. География и амбиции вводили Османскую империю в европейскую государственную систему и отдаляли от контактов с другими мусульманскими монархиями. Путешествие между двумя империями занимало от шести до восьми месяцев, между Константинополем и Венецией — от трех до шести недель. Ни

империя Моголов, ни Персия не имели постоянного посольства в османской столице³.

В своей работе «Открытие мусульманами Европы» (1982) Бернард Луис не только сокрушается о поверхностных и неточных знаниях Европы, но также находит, что «идея альянса с христианскими силами, даже против других христианских сил, странна и до некоторой степени отвратительна». На деле европейские союзы находились среди старейших традиций османского правительства. Османские солдаты впервые прибыли в Европу как союзники византийского императора и Генуи. Церемониальные приемы послов в Константинополе не только возвеличивали султана, но также оказывали честь послу. Он въезжал во дворец на лошадях султана, его впускали с многочисленной свитой во второй двор дворца, он обедал наедине с великим визирем и одаривался впечатляющим количеством халатов и, наконец, получил привилегию доступа в тронный зал султана. Теоретически послы являлись гостями султана. Им выделялось ежедневное содержание от османского правительства, и их приглашали на церемонии — такие, как обрезание имперских принцев. Некоторые послы сопровождали султана в его кампаниях.

Османская империя никогда не испытывала недостатка в европейских союзниках. Фатих был другом Флоренции; Сулейман поддерживал Францию. Отношения подкреплялись общими интересами — ненавистью к Австрийскому дому. К 1526 году глава Австрийского дома Карл V стал императором Священной Римской империи, королем Кастилии и Арагона и сувереном Нидерландов; его брат Фердинанд был королем Венгрии и Богемии и эрцгерцогом Австрии. Подобно своим предкам, испанским и австрийским Габсбургам, они сражались с Османской империей за обладание Средиземным морем, Балканами и Венгрией. Поэтому когда Франциск I был разбит и захвачен в плен Карлом V в битве при Павии в 1525 году, он послал письмо с мольбой о помощи Сулейману Великолепному.

Первый постоянный французский посол прибыл в Константинополь в 1535 году. Таким образом, французское посольство предшествовало другим; его хозяина в османских документах обычно называли падишахом, как султана. Несмотря на высокомерие и непонимание с обеих сторон, эта дружба длилась вплоть до 1798 года. Однажды, в 1639 году, венецианский посол угрожал

османскому правительству яростью христианского мира. Помощник великого визиря ответил: «Ты заставил меня рассмеяться, когда попытался испугать силами объединенного христианства. Это химера, в которой ничего ужасного, кроме названия». Однако король Франции, помнивший о своих титулах «христианнейшего короля» и «старшего сына Церкви», испугавшись критики католической Европы, уклонился от заключения письменного союза, которого требовала Порта.

«Союз лилии и полумесяца» стал одним из краеугольных камней европейской политики. И мусульманские, и христианские фанатики оскорблялись им. Отчасти для того, чтобы избежать критики, в XVI веке в Константинополе появилась легенда, что две династии находятся в родстве через мать Мехмеда II, дочь короля Франции. Со своей стороны, французские министры и дипломаты делали для себя и европейского мнения вид, что первым мотивом их дружбы с Османской империей является защита и распространение католицизма внутри ее границ. Усиление французской торговли было вторым аргументом. Однако основной мотив инструкций для посла в 1724 году заключался в обеспечении ситуации, когда «сила турок постоянно остается предметом страха для Австрийского дома»⁴. На пике франко-габсбургской враждебности французский посол в Константинополе организовал для французских кораблей ремонт в порту Константинополя в 1538 году и зимовку для османского флота в Тулузе в 1543–1544 годах. Он лично инструктировал османскую артиллерию во время войны против Персии в 1548–1550 годах и организовывал франко-османские морские операции против Испании в Средиземном море в 1551–1555 годах⁵.

Франция была не единственной христианской союзницей Османской империи. Еще до 1453 года Польша установила более тесные дипломатические связи с Османской империей, чем с Францией или Англией. В 1533 году два монарха подписали договор «вечной дружбы и союза». По смерти короля Сизигмунда I в 1548 году Сулейман сказал: «Мы были как два брата со старым королем, и если будет угодно Богу милосердному, с этим королем мы станем как отец и сын»⁶.

Таким образом, когда посол приезжал навестить великого визиря в Порте или личном киоске, всегда происходила встреча между людьми, которые носили различные костюмы, говорили

на разных языках и исповедовали различные религии. Однако они разделяли одни интересы относительно монархии, силы и торговли. Временами при переговорах в Порте или во дворце определенные дружеские отношения могли возникнуть между великим визирем и иными европейскими дипломатами, они скреплялись подарками и приемами. Имперский посол барон де Бусбек навещал визиря Али, происходящего из далмагинских христиан, мобилизованного в янычары, — *«добротоу и интеллигентного турка, если такового можно найти. Он при каждом удобном случае предлагал мне считать его другом и не бояться обращаться к нему, когда мне что-либо нужно. Его действия полностью соответствовали его обещаниям»*. Али сказал Бусбеку, что души королей как зеркала, которые отражают советы их конфиденентов. *«Хорошие министры должны пытаться примирить все интересы, как хорошие повара должны готовить блюда, которые устраивают всех гостей, а не только отдельных»*. Турки начали жаловаться, что когда великий визирь совещается с христианскими послами, они вынуждены ждать в прихожей. Двадцатью годами позднее, однако, другой имперский посол назвал султана *«злобным волком»*. Все зависело от баланса страха и необходимости, испытываемых тем или иным правительством в конкретный момент⁷.

Если Константинополь представлял собой один из наиболее важных дипломатических постов, он же был и самым тревожным. Присутствие послов считалось знаком подчиненности Порте — *«приютом королей... убежищем мира»*, как писал Сулейман, обращаясь к Франциску I. Послы являлись заложниками, ответственными перед Портой за хорошее поведение монарха, который их послал. В Константинополе не существовало дипломатической неприкосновенности.

Если султан оказывался недоволен действиями того или иного иностранного правительства или фактом, что оно тайно помогает врагу османов, его посла могли посадить в Семь Башен. Такова была судьба имперских послов в 1541, 1596 и 1716 годах; французских в 1616, 1658, 1659, 1660 и 1798 годах; венецианских в 1649-м и 1714 годах; русских в 1768-м и 1787 годах⁸. Посол не мог быть уверен, что выйдет живой — хотя все они остались живы. Послов также при случае унижали. Османское высокомерие достигло своей вершины в XVII веке. Сулейман и Селим II

беседовали с послами, но после 1600 года султан вообще не смотрел на них. Даже отношения с Польшей ухудшились; в 1634 году Мурад IV наполовину вытащил свой меч из ножен и поднялся с трона, будто собираясь ударить польского посла в середине его речи. Янычар, охранявших послов, иногда называли «пастухами свиней». Сами янычары выказывали уважение послу, которого сопровождали, лишь на публике; их бы наказали, если бы они этого не делали. Но когда они встречали его на территории посольства, то редко снисходили до того, чтобы поклониться.

Считая свою столицу центром Вселенной, османы хотели, чтобы именно иностранцы — мастера, купцы, послы — прибывали в город, а не иначе. Они не следовали предписанию Корана путешествовать в поисках знаний до самого Китая. Султан посылал послов за границу лишь в отдельных случаях — в Париж в 1582 году, чтобы пригласить короля Генриха III на праздник обрезания его сына Мехмеда; в Стокгольм в 1657 году во время шведского вторжения в Польшу. Между 1384 и 1600 годами 145 временных эмиссаров, обычно *чавушей* (посыльных) из домочадцев султана посылались в Венецию⁹.

Однако Порта считала содержание постоянных посольств в иностранных столицах делом дорогим и затруднительным. Большую часть времени она полагалась в отношении новостей из Западной Европы на христианских или еврейских купцов из Константинополя: таким образом в 1492 году Андреас Милас, купец из Галаты, ездивший в Италию по делам, сообщил Баязиду II о судьбах его брата Сема и мусульман Гранады. В Германии содержали агентов даже правители Валахии и Молдавии. Польша и Россия были еще одним источником информации. В 1774 году великий визирь узнал о смерти Людовика XV за пять дней до французского посла. Резиденты иностранных послов в Константинополе тоже расспрашивались о европейской политике. Их было так много, а их сведения были столь противоречивыми, что на каждого из них всегда можно было положиться, что он поставит Порте информацию о своих коллегах. Часто консультировались с нидерландским послом, считавшимся самым объективным¹⁰.

Высокомерие и при случае жестокость османского правительства по отношению к иностранным послам были равны, а иногда и превосходили высокомерие самих послов. Константинополь

(как большинство других столиц) представлял собой сцену войны статусов, шедшей веками. Заявления послов, что как личные представители своих суверенов они имеют равный статус с великим визирем, привели к тому, что они стояли в его зале приема, дабы избежать вставания при его появлении. Затем они одновременно садились. Знамением будущего раздора стал отказ первого русского посла в 1497 году подчиниться османской церемонии в части надевания халата и обеда и общения с великим визирем вместо обеда непосредственно с султаном¹¹.

Сначала дипломаты жили в особом хане в самом Константинополе. К 1600 году большинство их поселились в Пера на холме возле Галаты, с прямым видом через Золотой Рог на дворец султана. До середины XVIII века посольства строились *alla turca* — из дерева, с большим верхним залом приемов, или *sofa*, из которого открывался вход в другие комнаты. Воплощая идентичности их стран на первой современной карте Константинополя, напечатанной членом французского посольства в 1786 году, они просто отмечены: *Angleterre, France, Russie*. К тому времени Пера начала походить на маленький западноевропейский город, построенный вдоль основной улицы, известной как *Grande Rue de Pera*.

В письмах и отправлениях они назывались дворцами — Палаццо ди Венеция, Палас де Франс, Бритиш Палас. Если в других столицах послы жили как князья, то в Константинополе они жили как короли. Каждое посольство являло собой миниатюрный двор: пажи, конюшни и сопровождающие дворяне прислуживали послам, фрейлины — их женам. Согласно официальным османским записям, в 1750 году нидерландское посольство имело штат в 38 человек, британское — 55 человек, французское посольство — 78 человек, венецианское — 118 человек (включая 50 священников); посольские церкви, единственные из константинопольских церквей, могли звонить в колокола. Французское посольство имело тронный зал с портретами королей Франции и послов по стенам и большой личный штат, чем любое французское посольство в других странах¹².

Французский посол издавал постановления, заверенные «нашим первым секретарем и хранителем печати, дворец Франции, Пера, Константинополь»; его часто видели, как он шел в церковь со всем своим двором. Когда он шел на мессу в Пасху в воскре-

сенье 1673 года, перед ним шагали слуги, янычары, драгоманн и *jeunes de langue* — молодые люди, посланные в Константинополь после 1669 года изучать восточные языки. Так как улицы были узкими, а холм, на котором располагалась Пера, особенно крутым, он не мог поехать в экипаже. Он ехал верхом на лошади в сопровождении четырех слуг *vêtus a la grecque* (одетых, как греки), а за ним следовали домочадцы и французские купцы города «в очень большом количестве».

Территория французского посольства содержала, кроме обсерватории, типографию, церковь Святого Людовика Французского, суд и тюрьму. Таким образом, система капитуляций, при которой иностранцы жили по своим законам, давала послу власть над жизнью и смертью французских подданных. Иногда на виселице, воздвигнутой за главными воротами, раскачивалось тело¹³. Французский посол также обладал властью оснастить 20-пушечный корабль, чьей обязанностью было защищать мореплавание французов в Эгейском море и, кроме прочего, зарабатывать *la course* — каперством. Английские суда часто становились жертвами именно таких каперов¹⁴.

Вечером послы посещали друг друга полукоролевским образом, в сопровождении стражи, бегущих пехотинцев, несших факелы «и многочисленных сопровождающих и слуг... они особенно скрупулезны при соблюдении ритуалов, созданных, чтобы обозначить степени их рангов и превосходство, и по числу ударов колокола определялось, кто это — посол, посланник или поверенный в делах»¹⁵.

Въезд послов в Константинополь в сопровождении слуг и охраны, с играющими оркестрами и развевающимися флагами, представлял собой кульминацию демонстративности. Польское посольство из 300 человек знати, священников, лакеев, гусар и гайдуков в мундирах цвета пламени, с плюмажами из перьев цапли на шапках прибыло в город на пике напряженности польско-османских отношений, в 1677 году, за шесть лет до осады Вены. У лошадей были серебряные подковы — но закрепленные непрочны, чтобы слетать перед охваченной благоговением толпой. Великий визирь Кара Мустафа-паша прокомментировал, что посольство слишком мало, чтобы взять в осаду Константинополь, но слишком велико, чтобы целовать порог Блистательной Порты, ибо его испачкает контакт такого большого числа христи-

дских губ. Султану, добавил он, нетрудно будет прокормить 300 поляков, когда у него уже есть 3000 польских рабов на галерах¹⁶.

Столкновения между великими визирями и французскими послами демонстрируют ухищрения каждой монархии в статусной войне. Отношения между двумя номинальными союзниками ухудшились с 1620-х годов — частично из-за того, что французские послы стремились использовать свои посольства как частные предприятия. Один посол влез в долги, пытаясь из Константинополя управлять таможенным хозяйством в провинции Алеппо. Другие спекулировали зерном — как правило, безуспешно.

Французских послов также преследовала *folie de grandeur* (мания величия). Монсеньор де Маршевилль с мечом в руке атаковал группу невооруженных янычар, которые не уступили ему дорогу с достаточной быстротой. Османские власти объявили его сумасшедшим и в присутствии венецианского, нидерландского и британского коллег зачитали послу смертный приговор — хотя не привели его в исполнение. Другой посол, граф де Сези, так много стрелял из пушки, отмечая рождение будущего Людовика XIV в 1638 году, что дамы из императорского гарема, гулявшие в саду возле арсенала, испугались, решив, что высадились казаки — или что восстали христиане.

В 1650-х годах отношения еще ухудшились, потому что французское правительство, открыто заявлявшее о дружбе с османской империей, отправляло людей и деньги Венеции и императору в Вене, воевавшим против османов. Более чем большинство его предшественников, Людовик XIV любил принимать вид защитника католической церкви. Кёпрюлю Фазиль Ахмед заявил: «Французы, может быть, и старые друзья, — но мы всегда видим их с нашими врагами». Слишком умный, чтобы объявлять Франции войну, он получал реванш на другом поле боя.

В разговоре с британским послом Фазиль Ахмед был «очень свободен и любезен». Однако он адресовал односложные или обидные слова в адрес французского посла. Одного французского посла ударили по голове табуретом. Когда маркиз де Нуантель пришел выразить уважение султану в 1671 году, глашатаи так сильно нагнули его голову, что он упал перед троном. Но такая демонстрация умонастроений города и правительства не помешала возобновить для французов капитуляции на льготных условиях в 1673 году¹⁷.

Османское правительство при Кёпрюлю Фазиле Ахмеди, вероятно, беспокоясь из-за роста силы европейских монархий, было особенно жестоко к дипломатам. Русского посла, который отказался пасть ниц, вытолкали из императорского дворца кулаками; польскому послу за то, что он недостаточно низко поклонился, пригрозили физической расправой; австрийский драгоман заработал палочные удары. Сила и богатство Османской империи заставляли большинство правительств терпеть такое обращение. Однако *l'affaire du sofa** чуть не прекратило отношения с Францией.

В XVII веке великий визирь позволил послам сидеть на стульях на его софе — то есть приподнятой почетной платформе в зале приемов. Самый ксенофобный из всех великих визирей, Кара Мустафа-паша, вознамерился прекратить это оскорбление. Александр Маврокордато говорил, что послы отвозили эту привилегию только потому, что глуховатый великий визирь не слышал посла с нормального расстояния. 2 мая 1677 года маркизу де Нуантелю не дали поставить свой стул или табурет на софу. Посол сказал, что великий визирь может распоряжаться его стулом — но не его персоной. Османские чиновники закричали: «Убирайся, убирайся! Вон, неверный!» Несколько дней посол находился под домашним арестом. Пять месяцев спустя Нуантель согласился ставить свой табурет рядом с софой. Вскоре его отозвал Людовик XIV, который, кроме всего прочего, был недоволен привычкой посла собирать налог с французских купцов, чтобы субсидировать свой роскошный *train de vie*** в посольстве¹⁸.

Граф де Гийераг прибыл в качестве французского посла в 1679 году с инструкциями обеспечить, чтобы Людовика XIV уважали как «величайшего, самого могущественного и наиболее славного из христианских королей», и сохранить «альянс, который долгое время существовал между двумя величайшими и наиболее могущественными империями в мире». Франция, однако, продолжала вести себя скорее как враг, чем как союзник. В 1681 году, в отместку за акт пиратства кораблей из Северной Африки, французский флот бомбардировал остров Хиос, разрушив мечеть и убив 250 османских подданных. Гийераг секретно высылал информа-

* Дело о софе (фр.).

** Образ жизни (фр.).

цию о военных планах османов врагам императора на Мальте и в Польше. Предпочитая не сидеть ниже софы, Гийераг оставался стоять. Кара Мустафа пригрозил ему Семью Башнями. Посол ответил, что Людовик XIV придет и откроет ему ворота. Французских купцов обложили *avanie* (контрибуцией) в 250 000 дукатов.

Однако в 1683 году османские армии, осадившие Вену, были разбиты, а сам Кара Мустафа казнен. На следующий год был сделан один из таких жестов, что объявляли заключение мира, — вроде того эпизода, когда князь Салина в «Леопарде»* пригласил местного мэра на обед в момент крушения Королевства Обеих Сицилий: послы получили право сидеть на софе. Они одержали еще одну победу на своих аудиенциях в тронном зале султана — большинство послов твердо стояли на ногах, когда охрана пыталась заставить их простереться перед султаном, «и держались прямо изо всех сил»¹⁹.

Австрийские успехи после поражения османов у Вены в 1683 году оживили дружбу между Францией и Османской империей. Обе монархии являлись врагами Австрийского дома, и Людовик XIV формально запретил послам собирать налоги с французских купцов. Франко-османский союз подействовал на большинство аспектов европейской политики. Одной из причин, почему Людовик XIV осуществил нападение через Рейн в 1688 году, оставив Вильгельму Оранскому свободу вторгнуться в Англию из Нидерландов и сменить Якова II на троне, стало желание облегчить давление Габсбургов на Османскую империю. Отношения между двумя монархами были настолько близкими, что один французский посол, монсеньор де Шатонёф (для своих османских друзей — Махаут, то есть погонщик слонов) не только переехал в Эдирне, чтобы быть ближе к султану и великому визирю, но и носил обычно османский костюм.

В 1699 году, после заключения Карловицкого мира между Османской и Габсбургской империями, его сменил маркиз де

* Популярный в Европе роман Джузеппе Томази ди Лампедуза (1896–1957), в оригинале именующийся «Гепард» (*Gattopardo*). Имеется в виду сцена из второй части романа, происходящая в августе 1860 года, вскоре после высадки гарибальдийцев на Сицилии. (Прим. ред.)

Ферриоль, который был с османскими армиями во время их кампании против австрийцев в 1690-х годах. Его надеждам на восстановление французского престижа помешало *l'affaire de l'épée**. Возможно, чтобы скомпрометировать своего преемника, Шатонёф записал, что тот отправился на аудиенцию с султаном, имея под плащом кинжал. Во время аудиенции с султаном 5 января 1700 года Ферриоль настаивал на ношении меча, будто он придворный в Версале — хотя никто в османском дворце, даже великий визирь, не появлялся вооруженным в присутствии султана.

Посол пообедал с великим визирем, надел халат и направился к тронному залу султана. Великий драгоман Маврокордато осторожно попросил его снять меч. Ферриоль поклялся, что будет сражаться до последней капли крови, если кто-либо попытается забрать его клинок. Он считал, что защищает честь своего хозяина, а также всех послов в Порте. Великий визирь Амказадэ Хусейн-паша ответил, что «при хорошо отлаженных дворах такое действие, как несоблюдение церемониала, непозволительно»: это был голос придворного, звучащий в веках. Целый час различные османские чиновники высоких рангов уверяли Ферриоля, что ни один прежний французский посол не приносил сюда меча. Маркиз уперся, говоря, что его жизнь — пустяк в момент, когда на карте стоит достоинство посла и исполнение приказов короля Франции. В нескольких метрах от них султан, который специально приехал из Эдирне для этой аудиенции, ждал на троне.

Наконец, великий визирь попытался извернуться. Ферриолю сообщили, что он может проследовать в тронный зал. В вестибюле главный привратник бросился вперед, чтобы забрать оскорбляющее оружие. Посол ударил его в живот. Обычно такие тихие, Ворота Счастья огласились спором. Ферриоль в негодовании кричал Маврокордато: «Вот так вы нарушаете закон наций? Мы друзья или враги?» Дрожа от страха и тревоги, Маврокордато прошептал: «Друзья, но вы не можете войти с мечом... вы должны придерживаться церемоний и манер, принятых в стране, где вы находитесь». Наконец, главный белый евнух велел послу удалиться. Посол и его свита сняли халаты, забрали часы и зеркала, принесенные в качестве подарков, и вернулись во фран-

* Дело о мече (фр.).

цузское посольство по заполненным толпой улицам. До своего отъезда одиннадцатью годами позднее Ферриоль никогда более не посещал дворца²⁰.

Его *folie de grandeur* была такой, что он заказал каяк такой же, как у султана — с позолоченным шатром на корме, окаймленным пурпурным шелком. Когда это судно впервые появилось в порту, бостанджи-паша приказал разбить каяк и выпороть его команду. Потом, каждый раз, когда посол посещал Блистательную Порту, он проделывал длинное путешествие по земле вокруг Золотого Рога, но не пересекал залив на менее роскошном судне. И все-таки Ферриоль любил османский мир: внутри французского посольства, даже посещая мессу, он носил тюрбан и османский костюм.

Одна из причин, почему Ферриоль оказывался таким возбудимым, заключалась в том, что работа посольства в Константинополе требовала исключительных умений. Послами здесь служили такие гиганты, как Хёпкер (Швеция), Верженн и Тувнель (Франция), Тугут (Австрия) — все они позднее стали министрами иностранных дел в своих странах. В 1707 году Ферриоль записал: «Я оказался здесь в центре мира. Мне приходится рассматривать дела Венгрии, Персии, Крыма, политику, религию, коммерцию и вопросы этой империи в Польше, Московии, Италии и т. д.». Ему также, подобно его коллегам, приходилось иметь дело с беглыми рабами, ищущими убежища в посольстве (часто их скрытно перевозили на корабли в порту, а затем увозили на свободу). Позднее посол жаловался: «В Константинополе никогда не закончить дело. То, что просто где бы то ни было, тут сложно».

Религия была одним из основных занятий французского посла. В начале XVII века Константинополь стал полем сражения между протестантами и католиками, как между Османской империей и ее врагами. Французский посол, поддерживая попытки иезуитов доминировать над патриархом, мешал нидерландским и английским послам, которые поддерживали протестантизм. Британский посол добился временного изгнания иезуитов. Интриги иезуитов внесли свой вклад в мятежи на улицах Галаты, в уничтожение греческой типографии в 1626 году и в убийство патриарха Кирилла Лукариса по приказу великого визиря в 1638 году²¹.

Однако после 1660 года католики пытались применять более мягкие средства. Миссионеры обращали армян в армянских католиков — сохранявших армянские ритуалы, но признававших главенство папы. Армяне поддавались, потому что тогда они меньше платили своим священникам и должны были поститься 40 дней в году вместо 240. Быстро взятые под защиту французского посольства, к 1691 году армянские католики уже праздновали французские победы, как будто они сами были французами. Православные армяне были от этого в ужасе. В 1697 году армянский патриарх Аведик в Диване великого визиря выдвинул обвинение против священника по имени Гомидас, который обратился в католичество: «Существует огромная опасность, что вскоре вся нация присоединится к нации франков и образует в вашей империи внутреннего врага». Священника казнили. Ферриоль оплатил за это в 1707 году, похитив Аведика в Константинополе, отправив его во Францию и посадив там в тюрьму*.

В 1710 году Ферриоль вернулся во Францию. Когда последнему великому визирю сказали, что Ферриоль сошел с ума, он ответил, что Ферриоль уже был сумасшедшим, когда прибыл²². И все-таки «сумасшествие» могло стать средством, позволявшим убрать этого бестактного посла без потери лица.

После отъезда Ферриоля непрерывный ряд способных послов помог Франции восстановить свою роль основного союзника османов. В 1724 году, в серии конференций, проведенных в Константинополе, французский посол служил связующим звеном при заключении мирных договоров Османской империи и с Россией, и с Персией. Великий визирь был настолько впечатлен, что предложил образовать лигу Османской империи, Франции и России. В этот год в Диванном зале во втором дворе дворца великий визирь сказал новому французскому послу, виконту д'Андрезелю, что *«приветствует тот факт, что империя Франция в течение бесконечного времени связана тесной дружбой с Воротами Счастья, которые связаны с вечностью... В самом деле, сказал он, ад-*

* Так в оригинале. На самом деле похищение произошло в апреле 1706 года. Дальнейшая судьба Аведика покрыта мраком: по одной версии, после четырех лет заключения его заставили принять католичество, по другой — он и был тем самым «человеком в железной маске», содержавшимся в Бастилии. Считается, что Аведик умер в 1711 году. (Прим. ред.)

ресуясь к своему кияя [заместителю], французские дела и наши собственные похожи, и если есть какие-то различия между нами, то это только религия. У меня, продолжил он, особое уважение к императору Франции, с которым мы родственники по крови, потому что один из наших первых султанов женился на принцессе королевских кровей Франции, и я использую все возможности удовлетворить его посла и других его подданных».

Смеясь, он ласкал двух сыновей посла, которым позволили сидеть на софе, он приказал слуге повязать им на шею два вышитых носовых платка «и передал тысячу благословений королю, которому пожелал править так долго и счастливо, как правил король Людовик XIV»²³.

Франция помогала османам в военных усилиях против России и Австрии в 1736–1739 годах, в результате чего Османская империя вернула Белград. С 1740 года двадцать два французских артиллериста под руководством блестящего и эксцентричного Ахмеда-паши помогали османской армии освоить современную артиллерийскую тактику. Урожденный граф де Бонневаль, Ахмед-паша успешно служил французской и габсбургской монархиям, пока в 1731 году не получил задание реформировать полки турецкой артиллерии. Из своего дома в Пера Бонневаль также давал советы французским и шведским послам, а при встречах в Порте — великому визирю и рейс-эфенди, консультируя их в дипломатических вопросах. Расширение России при преемниках Петра Великого стало для всех них главной заботой.

Страх перед Россией уже привел империю к дружбе с Карлом XII Шведским*. Его преемник, король Фридрих I, в начале XVIII века служил в австрийской армии вместе с Бонневалем. В письмах, отосланных из Константинополя в Стокгольм между 1733 и 1745 годами (он умер в 1747), Бонневаль выступает в защиту осmano-шведского союза и войны против России и Персии в сотрудничестве с империей Моголов и узбекскими ханами. Явно смущенный по поводу собственного происхождения, он писал длинные, льстивые письма королю и шведскому министру

* Между 1708 и 1715 годами Карл XII правил Швецией из своего убежища на османской территории, в молдавских Бендерах. (Прим. авт.)

иностранных дел, подписываясь или: граф де Бонневаль; смиреннейший и покорнейший слуга граф де Бонневаль, Бейлербей де Карамани; или смиреннейший и покорнейший слуга, Ахмет-паша, Бейлербей де Карамани, по-простому граф де Бонневаль²⁴.

В то же самое время французское правительство пыталось использовать графа вместе с французским послом, чтобы уговорить Порту, что в ее интересах атаковать Габсбургскую монархию, с которой Франция находилась в состоянии войны с 1740 по 1748 год. Однако и Бонневаль, и Порта понимали, что Франция хочет втягивания Османской империи в войну, только чтобы она смогла заключить лучший мир. Более того, Порта чувствовала себя оскорбленной французским отказом от ее предложения выступить посредником в войне за Австрийское наследство в 1745 году²⁵. В отличие от многих иностранных дипломатов, Бонневаль не недооценивал империю. Он хвалил хорошие запасы ее казны, а в 1735 году говорил «об империи, твердой, как империя султана».

Договор между Османской империей и Швецией был подписан в 1740 году. Во время аудиенции шведского посла в 1744 году султан упомянул, что «король и королевство Шведские» — фраза, открывающая его осведомленность в том, что власть короля в Швеции ограничена парламентом, — лежат в его сердце не рядом с другими христианскими королями, «но гораздо более сокровенно»²⁶.

Граф де Верженн оказался одним из самых замечательных французских послов в Константинополе. На своей первой аудиенции в 1755 году султан назвал Людовика XV «самым давним и самым доверенным союзником Османской империи». Однако это больше не был союз между равными. Османская империя отставала от европейских государств и в военных технологиях, и в экономике. В 1766 году Верженн предупредил министра иностранных дел герцога де Шуазеля, что, несмотря на то, что империя обновилась, она все равно рухнет в «пропасть неудач, упадка и развала». Однако Париж и Константинополь разделяли одни и те же страхи. Подобно Бонневалю, Шуазель считал, что балансу сил в Европе и безопасности французских союзников Польши и Швеции угрожает подъем России. Верженн получил распоряжение — добиться, чтобы Османская империя напала на своего северного соседа.

На деле, в начале 1768 года и сам султан, и общественное мнение в столице — растущая политическая сила — испытывали ярость от убийств мусульман, устроенных русскими войсками на османской территории*, а также от присутствия нескольких тысяч русских солдат в Польше**. Без всякого подталкивания со стороны французов, «высокий консультативный совет» высказался за войну. 6 октября русского посла, после того, как заставили ждать полчаса, принял великий визирь со словами, которые следующие два века могли бы быть сказаны с равной правотой каждым из русских соседей: *«Предатель! Клятвопреступник!.. ты не краснеешь перед Богом и перед людьми за зверства, которые твои соотечественники совершают в стране, которая не принадлежит вам?»* Посла посадили в Семь Башен, хотя позднее освободили благодаря вмешательству французского посла.

* Имеется в виду резня, устроенная украинскими повстанцами на принадлежащей Крымскому ханству территории в междуречье Нижнего Днепра и Днестра, в районе Балты и Дубоссар. Это восстание православных украинских крестьян против поляков и греко-католиков («Колиивщина») вообще было отмечено крайними жестокостями обеих сторон, но русские войска к нему отношения не имели — более того, Екатерина II подвергла наказанию принимавших в нем участие российских подданных. Однако султанское правительство сделало вид, что не знает о таких подробностях. Набор претензий, выдвинутый великим визирем русскому послу Обрескову, содержал взаимоисключающие пункты: например Россия в нем одновременно обвинялась и в нарушении «польских вольностей» — и в том, что поддерживала Станислава Понятовского, не принадлежащего к королевскому роду. Между тем одна из главных вольностей Польши заключалась в том, что король не наследовал трон, а избирался сеймом. (*Прим. ред.*)

** В 1764 году, при содействии Пруссии и России, королем Польши был избран Станислав Август Понятовский — бывший любовник Екатерины II. После этого с согласия сейма и короля на территорию Польши были введены российские войска. Повод для их присутствия был абсолютно современным: защита *диссидентов* — в то время здесь так называли некаатолическое население Польши, лишенное гражданских прав и регулярно подвергавшееся преследованиям, грабежам и даже убийствам. Против России (хотя формально — не против короля) выступила так называемая Барская конфедерация, поддержанная Австрией и Францией; ее войсками командовал французский генерал Дюмурье. Но европейские державы отказались послать свои войска против России, поэтому конфедераты обратились к Османской империи, в обмен на помощь пообещав султану Подолию и Волинь. Удобным поводом для выступления против России стало вторжение повстанцев-колиев на территорию, принадлежащую крымскому хану, — вассалу султана. (*Прим. ред.*)

Внешняя слабость империи испортила отношения между конфессиями в городе. В начале кампании, в марте 1769 года, австрийских дипломатов, наблюдавших за Священным знаменем Мухаммеда, проносимым по улицам Константинополя, чуть ли не линчевала неистовая толпа. Когда охрана из янычар попыталась увести австрийцев назад в Пера, толпа впервые обратила свой гнев на местных христиан. Многие были убиты, их лавки разграблены.

Война была несчастьем для Османской империи — и для Польши, которая по ее итогам пережила свой первый раздел между Австрией, Пруссией и Россией. В августе 1769 года в качестве наказания за некомпетентность и коррупцию головы великого визиря, князя Молдавии и великого драгомана выставили перед дворцом. В 1770 году русские армии взяли Молдавию и Валахию. Русский флот вошел в Эгейское море, поддержав мятеж греков на Пелопоннесе, разбил османский флот возле Хиоса и заблокировал Дарданеллы. Впервые с 1656 года под угрозой оказался сам Константинополь. Таверны тряслись от досады и страха²⁷.

Венгр, протеже Верженна, барон де Тотт, которому доверял сам султан, помогал организовать оборону города. Он следил за модернизацией фортов, охранявших вход в Босфор и Дарданеллы, и за установкой оборонительных батарей. Чтобы удержать османское правительство от губительного мира с Россией, французский посол, граф де Сан-При помог организовать поставку в город пшеницы, обойдя русскую блокаду Дарданелл. С помощью перешедшего в ислам шотландца Арчибальда Кэмпбелла, известного туркам по неподходящему имени «Инглиз Мустафа»*, барон де Тотт создал также литейный цех для производства пушек и школу математики для флота.

Школа была размещена в долине Окмейдан к северу от арсенала. Уютная долина уже была уставлена элегантными мраморными столбиками, отмечавшими расстояние, на которое султаны посылали стрелы во время соревнований по стрельбе из лука. С 1773 года в долине звучал уже не свист стрел, а грохот современной артиллерии. За практическими учениями наблюдали толпы горожан, французский посол и сам султан Мустафа III.

* Описанный посольским чиновником как «достойный умный молодой человек», он пришел в Константинополь «никто не знает, зачем». (Прим. авт.)

Приближение русского флота к городу было остановлено; но надолго ли? Барон де Тотт сказал рейсу-эфенди, что следующая война может привести к изгнанию турок из Константинополя. Согласно словам Тотта: «Он немедленно посмотрел в окно и, глядя на берег Азии, заметил, повернувшись ко мне с улыбкой, что „там есть несколько приятных долин, мы построим восхитительные киоски”».

Энергичный и доступный, частый посетитель офисов Порты, Мустафа III понимал, что армия нуждается в радикальной реформе. Барон де Тотт описывает его как *«полностью ушедшего в дела и постоянно копающегося в своих бумагах... когда его фавориты объясняли ему, что такое непрерывное внимание вредит его здоровью, он отвечал: „Мое рвение необходимо, так как никто из вас не понимает, как вести дела”»*²⁸. В стихотворной форме разговора со своими советниками султан выражал тревогу:

Мир в упадке, и мы не исправим его.

Судьба отвернулась, загнав нас в убожество.

Трусые люди нашего ранга, и боятся всего.

Остается лишь плакать, что бед, увы, множество.

Муфтий отрицал, что несет за это ответственность:

Я согласен, убожество правит повсюду,

Порядок больше в честные руки не вложен;

Зелень и дождь — добыча трусливого люда.

Водами шариата пусть будет страны сад ухожен.

Великий визирь демонстрировал отчаяние:

Но чего же стоят желанья твои вселенские?

Прежним циклом колесо вращается вечное.

Не пугайся, сердце, моменты радости есть и у труса,

Ведь Создатель отдал убожеству мир его нищий.

Упадок империи отразился в повышении влияния послов в Константинополе. И французский, и австрийский послы консультировались у великого визиря на тайных ночных встречах и беседках на Босфоре, а также на дневных аудиенциях в Блиста-

тельной Порте. Они все больше продавали почетные должности консулов, дарующие защиту, богатым купцам из религиозных меньшинств. Западные послы ослабляли власть султана над его собственными подданными. В 1774 году, после заключения мира через посредство австрийцев, русское посольство обосновалось в Константинополе, как армия завоевателей. Посла, князя Репнина, сопровождали 600 придворных, слуг и гвардейцев «с развернутыми флагами, с играющей музыкой, гремящими барабанами, пешие офицеры с ружьями на плече, всадники, державшие на коленях карабины, пехотинцы со штыками, кавалеристы с ружьями вместо сабель, но без штыков». 76-весельные каика и один 14-весельный для посла перевозили посольство от Галаты до Блистательной Порты на другой стороне Золотого Рога²⁹.

Россия и Австрия не делали секрета из своих планов по поводу Османской империи. В 1779 году, следуя старинным русским мечтам, но еще, кроме прочего, желая и личной славы, Екатерина II дала своему второму внуку имя, которое само по себе несло политическую программу: Константин. К нему приставили греческих нянек; и с 1780 года она обсуждала с императором Священной Римской империи Иосифом II свой «греческий проект» — разделить европейские территории Османской империи между Россией и Австрией и восстановить Византийскую империю в Константинополе с Константином в качестве императора. Русская угроза подтвердилась в 1783 году ее аннексией Крыма — который османы считали воротами в Константинополь³⁰. Черное море перестало быть османским озером. С этих пор интерес России к османской столице обострился из-за роста российской торговли через Босфор и Дарданеллы.

Людовик XVI и Верженн, теперь французский министр иностранных дел, в 1784 году отреагировали на это, отправив послом в Константинополь эрудированного молодого придворного графа де Шуазель-Гуфье. Он воодушевил известного мизантропа и автора эпиграмм Шамфора написать: «Он один из тех существ, кто своими добродетелями и контактами помог примирить меня с человеческой расой». Для Талейрана он был «человеком, которого я любил больше всех» — единственным другом, который никогда не предавал. Однако это был странный выбор для посла в Константинополь, так как великий визирь подозревал, что де Шуазель-Гуфье настроен проавстрийски. Более того, он оставал-

он классицистом в любви к греческому прошлому. В своей книге «Предварительная речь», посвященной путешествию в Грецию и опубликованной в 1782 году, он назвал «греческий проект» благородным и великим замыслом и спрашивал: «Как можно без негодования смотреть, как глупый магометанин обосновался на руинах Спарты и Афин и спокойно взимает налоги с рабства?» Его британский коллега, сэр Роберт Эйнсли, естественно, посчитал себя обязанным обратить на это предложение внимание великого визиря. Это обошлось Шуазелю-Гуфье очень дорого: он был вынужден поместить в книгу другое предисловие, отпечатав его в типографии посольства. Оно было вклеено во все экземпляры книги, отправленные в Порту.

Более того, лояльность посла соответствовала политике Людовика XVI и Верженна. Они намеревались поддерживать Османскую империю, как записал Верженн, «всеми средствами, которые будут в его [короля] власти». Людовик XVI и Верженн смотрели на пятьдесят лет вперед от своего времени. В официальных инструкциях Шуазелю-Гуфье предписывалось «дать толчок революции и приучить турецкое правительство искать инструкции, которые ему нужны, получая образованных людей из-за границы, пока нация развивается»³¹.

Шуазель-Гуфье привез с собой военный и морской штаб из тридцати офицеров, чтобы помочь Османской империи модернизировать свои вооруженные силы. Он взял также двух художников, Жана-Батиста Илера и Луи-Франсуа Касса, которым платил из собственного кармана. В 1783 году в Константинополе открылась современная военно-инженерная школа с французскими инструкторами; курс фортификаций иногда посещал сам капудан-паша. Французские инженеры укрепили форты, защищавшие вход в Босфор. Работы по морским маневрам, искусству войны и османской грамматике также были напечатаны в типографии французского посольства. Два инженера, Кауффер и Ле Шевалье, создали в 1786 году первую точную карту города. Французские инженеры начали работы в арсенале на Золотом Роге и помогли построить современный корабль, спущенный в присутствии султана 30 мая 1787 года³².

Шуазель-Гуфье доказал свои дипломатические способности и стал настолько популярным, что когда встал вопрос об его отзыве, великий визирь написал Людовику XVI, хваля его

умение поддерживать «дружбу, которая существует между этим августейшим императором и двором Франции», и прося оставить его. Шуазель-Гуфье мог сохранять хладнокровие в самых отчаянных обстоятельствах. Во время одной беседы любимый лев капудан-паши положил голову на колени Шуазель-Гуфье. Посол пробормотал: «Красавец, мощный красавец» и продолжил разговор³³.

17 августа 1787 года Порта, снова подталкиваемая общественным мнением в городе и провоцируемая, как выразился Шуазель-Гуфье, *les perfides Conseils du Chevalier Ainslie**, объявила войну России. Улемы в «консультативном совете» получили 80 000 голландских дукатов, чтобы дали свое согласие. Одной из причин начала войны стал отказ России выдать Александра Маврокордато, князя Молдавии, чей побег ранее из Яссы был организован русским консулом. Французское правительство, которое недавно начало возобновление дружеских отношений с Россией, вопреки энтузиазму Эйнсли по поводу нападения османов на империю, было встревожено.

Людовик XVI обнаружил свой реализм и стремление к миру в письме от 20 мая 1787 года молодому Селиму-эфенди, наследнику трона, с которым Шуазель-Гуфье находился в тайной связи: *«Мы послали в Константинополь за свой счет мастеровых и офицеров, чтобы продемонстрировать мусульманам примеры наших аспектов искусства войны... Война стала совсем иной наукой. Ведение ее без того, чтобы оставаться на одном уровне с противником, вызовет неизбежные потери»*. Шуазель-Гуфье боялся, что война станет катастрофой для французской коммерции в Леванте, и постоянно предупреждал рейса-эфенди о подобных последствиях. Османские чиновники поблагодарили его за совет.

Однако обвинения в русской «наглости», «ненасытных амбициях» и «отвратительной плохой вере» превалировали над реалистической оценкой баланса сил. Падение Османской империи, по крайней мере в теоретическом плане, уже предвиделось в Блистательной Порте. Согласно Шуазель-Гуфье, Рейс-уль-Куттаб сказал ему, что если Бог решил «разрушить эту империю, мусульмане по крайней мере готовы погибнуть с честью, предпочитая славную смерть той деградации, к которой они пришли,

* Советами коварного шевалье Эйнсли (фр.).

и долгим болезненным мукам, которое вероломство русских готовит для них»³⁴.

Французских офицеров отозвали из Константинополя в середине 1788 года — через шесть месяцев после того, как Австрия тоже объявила войну Османской империи. Война и разразившаяся во Франции в 1789 году революция покончили с планом Людовика XVI о мирном преобразовании Османской империи. Война окончилась в 1792 году поражением османов и потерей крупной черноморской крепости Очаков. Граница России все ближе придвигалась к Константинополю.

24 сентября 1792 года, после свержения Людовика XVI, Шуазель-Гуфье отказался от места французского посла, выразив свое сожаление, благодарность и «преданность Блистательной Порте». Он заперся в посольстве и ждал событий, окруженный албанской стражей. После того как французские купцы в городе проголосовали, признав Французскую республику, он в 1792 году с антиквариатом и посольским серебром уехал в Санкт-Петербург, в итоге став там директором Императорской библиотеки и президентом Академии изящных искусств³⁵.

В 1795 году, через три года после падения французской монархии, Османская империя потеряла еще одного союзника. Последний остаток польского государства был разделен между Австрией, Пруссией и Россией. Несколько лет последним официальным реликтом существования Польши оставался драгоман бывшего польского посольства в Константинополе. Бывшая охрана из янычар при польском посольстве провожала его до Блистательной Порты. Османы говорили: «Есть дух чавушей [охраны], выполняющий свои обязанности пред духом драгомана мертвого посольства»³⁶. Старый европейский порядок, раздоры в котором четыре столетия помогали империи править четвертью континента, исчезал. Теперь империя была окружена такими же хищными соседями, какой когда-то была она сама.

Посольства в Пера мало что могли бы достичь без массы шпионов, переводчиков, докторов, миссионеров и купцов, живущих на окружающих их боковых улочках. Для этих улочек посольства были центрами их мира, они обеспечивали жителей правосудием, защитой, наймом, приемами и новостями. В Константинополе не

существовало двора в западном понимании — с ритуалами, сигнализирующими внешнему миру, кто приличен, а кто нет. Посольства заполняли эту брешь. До 1914 года отсутствие приглашения в посольства для городских христиан оказывалось социальной смертью. Один посетитель XIX века записал:

«Общество Пера блестящее настолько же, насколько ужасно то, о котором я только что писал [о жизни низов Пера]. Ни в одном месте мира, кроме Парижа, не собирается вместе так много ученых, художников, путешественников и людей с различными склонностями... большой прием предлагает очаровательную смесь самых различных национальных качеств, смешанных с утонченным вкусом и дружелюбием. Званные вечера русского посольства превыше всякого великолепия, послы Франции и Англии отличались большим вкусом, но меньшим богатством; но официальные обеды в австрийском посольстве превосходили всех»³⁷.

Османы тоже часто посещали посольства Пера. Французский путешественник и неофициальный дипломат Николя де Николай еще в 1550-х годах отметил, что османские чиновники любят обедать с французским послом монсеньором д'Арамоном: *«Настолько же из-за тонкости блюд, как и из-за некоторых видов хороших вин, мальвазии и муската [с греческих островов]. Они наливали себя ими так обильно, что большинство, возвращаясь в свои дома по самым широким улицам города, часто находили их очень узкими для себя — поэтому хорошо знали, что значит пропитаться этой сладкой сентябрьской и вакхической жидкостью»*.

И в XVII, и в XIX веках французские послы в Константинополе посещали муфтиев: один муфтий попросил, чтобы сына маркиза де Вильнева, французского посла в 1729–1740 годах, назвали «Константином» в честь города. Когда великий визирь принимал русского посла у себя на завтрак в Блистательной Порте в 1775 году, ему предлагали чувствовать себя как хозяин дома. Он смотрел «танцы в азиатской традиции и в традиции различных греческих островов» и слушал, как мальчишки пели арабские песни. Так как большинство османов все еще едят пальцами, он использовал золотые приборы, украшенные бриллиантами. Последовало еще пять банкетов и приемов, устроенных различными чиновниками в их резиденциях³⁸.

Османы посещали даже приемы, устраиваемые победившим врагом. На балу в русском посольстве в 1793 году в честь дня

Святой Екатерины, именин императрицы, русский дипломат записал:

«Апартаменты оказались недостаточно просторными, чтобы вместить это блестящее общество. Все женщины были усыпаны бриллиантами и драгоценностями... Наш старый друг Капичи-паша [начальник хранителей дворцовых ворот] и несколько других турок высокого положения тоже присутствовали на этом приеме... Увидев сверкание тонких вин, которые им предложили, они начали пить за здоровье Пророка и закончили участием во всех развлечениях этого праздника до самого конца».

Летом послы, подобно другим богатым жителям, уезжали в более прохладный климат деревень Бюйюкдере, Тарабия и Белград-на-Босфоре. Жизнь там была более расслабленной: путешественник нашел Тарабию «местом бурного веселья». В то же время там находилось, по словам британского офицера, так много греков, поющих по ночам своим дамам серенады, что невозможно было спать; казалось, что «бог любви сделал ее своей любимой резиденцией». Некоторые турки присоединялись по воскресеньям к грекам, армянам и евреям, когда «все, кто принадлежал к обществу», встречались под липами на равнине возле Бюйюкдере³⁹.

Шпионаж неизбежно был одним из главных занятий посольств. В XVI веке церковь Святого Франциска в Галате была любимым местом встречи венецианских дипломатов и их агентов, так как охрана из янычар не снисходила до входа в саму церковь: под покровом богослужения можно было разговаривать незамеченными. Однако раскрытие этой явки оказывалось фатальным. 26 апреля 1571 года, во время войны «Священной Лиги» (Венеции, Испании и Папского престола) против Османской империи, заколотое тело венецианского шпиона, фра Паоло Бискотто, было поднято на шест перед окнами бальи Венеции и оставлено тут гнить — для устрашения других⁴⁰.

Веком позднее граф Якоб Кольер, голландский представитель при Ближневосточной Порте с 1683 года до своей смерти в 1725 году, был «прекрасным хозяином» османов и греков. Кантемир записал: «Так как он свободно принимает в своем доме придворных, которые оказались жадными до вина, при дворе визиря нет ничего секретного, чего бы он не мог извлечь из них этим средством». Имперский посол в середине XVIII века, Генрих Кристоф

Пенклер, прекрасно при этом говорил по-турецки и нанимал платных информаторов на каждом уровне османского общества и в иностранных посольствах. Его преемника, барона Тугута, самого в 1771 году завербовал французский посол граф де Сен-При, чтобы он работал на Францию, — хотя информация, которую он поставлял, оказывалась малоценной, и эта измена могла быть двойной игрой. Тугут жаловался, что в Пера секреты не хранятся дольше четверти часа: «Все, кажется, знают всех проходящих и уходящих»⁴¹. Так это обстоит и до сих пор.

Жителей Пера называли не перотами, а пиратами. Популярная песенка звучала так: *Pera, Pera, dei scelerati il nido* — «Пера, Пера, гнездо подлецов». Слухи о дамах Пера, сидящих вокруг тандыра (жаровни), говорят, были еще хуже, чем в самом худшем французском провинциальном городе⁴². Однако Пера имела свое очарование космополитизма. До XX века многие ее жители умели говорить на пяти или шести языках. В 1718 году леди Мэри Уортли Монтэгю сравнивала ее с Вавилонской башней:

«В Пера они говорят по-турецки, по-гречески, на иврите, по-армянски, по-арабски, на персидском, русском, лавенском [сербохорватском], валахском, немецком, голландском, французском, английском, итальянском, венгерском — и, что хуже всего, на десяти этих языках говорят в моей собственной семье. Мои конюхи — арабы, мои слуги — французы, англичане и немцы, моя няня — армянка, мои горничные — русские, полдюжины других слуг — греки; мой управляющий — итальянец; мои янычары — турки».

Пера привлекала не только католиков, но также православных, протестантов и евреев. Она была более европейским городом, чем Вена, Рим или Валетта, столица Мальты; Европа тут была видима и слышима⁴³.

Европа оказывалась реальностью не только на улицах, но и в карьерах католиков из Пера. На протяжении шести веков имя семьи Теста редко не присутствовало в анналах городской дипломатии. Первоначально купцы и нотариусы, они прибыли из Генуи в XIII веке. Говорят, один Теста подписывал договор, по которому византийцы вернули себе Константинополь от латинян в 1261 году. В 1436 году Томазо де Теста и его жена, Лучинета ди Спинола, были похоронены в церкви Святого Павла (теперешняя Арап-Ками) в Каракое: их надгробия находятся сейчас

в археологическом музее. В 1513 году Андреа де Теста помог оплатить перестройку церкви Святого Франциска после сильного землетрясения 1509 года; в 1561 году его сын Анжело стал свидетелем дарения церкви Святых Петра и Павла доминиканцам. Как и три других члена его семьи в следующие триста лет*, он являлся председателем Магнифико Коммунита ди Пера, главой ассамблеи из двенадцати советников, которые управляли делами и церквями католической общины, составлявшей примерно 500 человек. Как другие выдающиеся семьи — Драпери или Салваго, Теста жили в Галате с пышностью, их дом находился возле Франчини-Хан⁴⁴.

Со второй половины XVII века Теста, знавшие турецкий, итальянский, греческий и другие языки, начали действовать как переводчики для западных посольств. В XVIII веке они решительно переменили статус от местных наемных переводчиков до официальных представителей европейских правительств. Гаспар Теста (1684–1758) был драгоманом голландского посольства. Его сын Жак Жонкир де Теста (1725–1804) стал голландским *chargé d'affaires* (поверенным в делах) в Константинополе. Его потомки приняли голландское гражданство и служили Нидерландам в семейной профессии в дипломатическом корпусе в Константинополе, Токио, Мадриде и много где еще; одна ветвь этой семьи живет в Нидерландах и сегодня. Самое ценное семейное достояние, щип из Тернового Венца, спасенный Франческо Теста из огня, который уничтожил церковь Святого Франциска в 1660 году, больше не демонстрируется во время религиозных процессий в Стамбуле, а запечатан в нише в церкви Сент-Аньес в Амстердаме.

На момент прибытия в Константинополь Верженн был аскетичным холостяком, но здесь он влюбился в Анну Вивьерс, вдову купца Франческо Теста, кузена Жака де Теста. Она родила Верженну двух незаконных детей. В 1760 году, через пять лет после прибытия, он рискнул своей карьерой, письменно пообещав жениться на ней. семью годами позже, к ужасу французского правительства и общества Пера, он выполнил свое обещание

* Бартоломео Теста в 1568 году, Гаспар Теста в 1651 году, Бартоломео де Теста в 1778–1792 годах. Франческо Теста был помощником настоятеля в 1683 году. (Прим. авт.)

в церкви Сен-Луи де Франсез. Он написал барону де Тотту: «Я очень счастлив в моем новом положении, моя жена, которая имеет честь быть известной вам, дороже, чем когда-либо была для меня, и я обожаю своих детей». Шокированный Людовик XV отозвал его из Константинополя. Людовик XVI оказался более терпимым — и в итоге графиня де Верженн, супруга министра иностранных дел, пожилая дама из Пера с «прошлым», получила честь представлять иностранных принцесс при дворе Версаля.

Как и Маврокордато, Теста не были пленниками своей национальности. Они стали ярким примером обычного когда-то явления — европейцев, которые считали страну скорее карьерой, чем поводом. Наследственные дипломаты, они работали в Константинополе, потому что он являлся центром дипломатии — как в XVIII веке иностранцы ехали в Париж, потому что он стал центром стиля (как интеллектуального, так и культурного). Исходная лояльность Теста относилась к Городу городов — Константинополю и католической религии. Какой бы ни была власть, они служили любой. Кроме Голландии, в разное время Теста служили Франции, Швеции, Австрии, Пруссии, Польше, Венеции и Османской империи. Путешественников шокировал космополитизм перотов — говорят, они знали языки пяти народов и вовсе не имели души. Мягкое отношение Константинополя к национальности, классу и полу демонстрирует, что он был одновременно и очень традиционным, и замечательно современным.

Карло де Теста (1753–1827) начал свою карьеру как драгоман Франции, где он получил образование. Он хвастался, что он *aussi bon patriote qu'aucun francais** — но, подобно султану и Порте, пришел в ужас от казни Людовика XVI в 1793 году и отказался от своего поста. Затем он служил сначала Швеции, потом Австрии в качестве первого драгомана. Барон Игнас де Теста (1812–1873), тосканский поверенный в делах в Константинополе, издал «Сборник договоров Порты Османской с государствами, начиная с 1536 года и до последних дней». Первый том вышел в 1864 году, одиннадцатый и последний был опубликован в 1911 году — за одиннадцать лет до того, как предмет работы, Блистательная Порта, прекратила свое существование. К несча-

* Тоже патриот, не хуже других французов (*фр.*).

стью, никаких его частных писем, дневников или воспоминаний в семейных архивах не обнаружено — или они были убраны от чужих глаз. Взгляд Теста на османскую дипломатию сильно отличался бы от того, что сохранено в архивах европейских министерств и Блистательной Порты. Драгоманы Пера верили, что именно они олицетворяли дипломатическое мастерство. Послы были куклами, которыми манипулировало желание драгомана⁴⁵.

Еще одной знаменитой дипломатической семьей Пера были Пизани. Они заявляли, что являются младшей ветвью знатной венецианской семьи того же имени, прибывшей в Константинополь с Крита после его завоевания османами в 1669 году. Вскоре они стали драгоманами при британском посольстве, один из Пизани получил титул «Его честь переводчик на турецкий язык» в 1749 году. Он это вполне заслужил. В 1754 году в течение пятнадцати дней после прибытия секретного письма Людовика XV султану с просьбой присоединиться к *secret du roi*, секретному антироссийскому союзу, связывавшему Францию, Швецию и Польшу, британский посол получил его копии через Пизани⁴⁶.

Почти ежедневные письма сэру Роберту Листону в 1794 году от первого драгомана Бартоломео Пизани, известные своим совершенством и по стилю, и по английскому языку, — это письма опытного управляющего имением своему хозяину, прибывшему в недавно приобретенное поместье, где все говорят на другом языке. Пизани сообщает Листону, когда писать в Блистательную Порту, рассказывает новости о других дипломатах, передвижениях кораблей и европейской политике, обсуждает визиты к великому визирю и капудан-паше. Вместо стандартной фразы вроде «если Ваше Превосходительство пожелает», следовало предложение типа: *«Я всегда считаю своей обязанностью сообщить Вашему Превосходительству любую информацию, какую могу получить и которая может затрагивать службы Его Величества или быть интересна личной осведомленности Вашего Превосходительства»*. Если не высокая политика, то как минимум повседневные финансовые дела посольства находились в руках Пизани.

Следующее письмо от 24 октября 1794 года, присланное из Пера послу, который еще находился в пригороде Белграда, показывает уверенный, деловой стиль Пизани, а также близкие взаимоотношения дружественных посольств с османским правительством:

«Дорогой сэръ!

Имею честь ознакомить Ваше Превосходительство для вашей информации, что капитан-паша получил недавно привычное разрешение от султана вернуться с флотом в Арсенал; его собственная «Кырлангыч» [«Ласточка»] с несколькими другими мелкими судами уже покинула Канал [Босфор] и встала на якорь перед Диван-хане этим утром. Большие корабли проследуют между этим днем и воскресеньем, когда, как мне сказали, паша устроит резиденцию в своем ведомстве, без формального публичного оповещения, что обычно делалось по возвращении флота из далекой экспедиции.

В понедельник или вторник, Ваше Превосходительство, можете, если хотите, послать ему обычную оплату по его предполагаемому возвращению в столицу на зимний период.

Я останусь в городе, чтобы получать от Вашего Превосходительства распоряжения на случай, если вы можете захотеть оказаться среди первых при присутствии Вашего Превосходительства на событии по привлечению общественного внимания.

Я знаю, что между Хусейном и новым премьер-министром существует прекрасный обмен информацией.

Имею честь оставаться с наивысшим уважением и искренней преданностью, уважаемый сэръ.

Самый преданный и премного обязанный
Вашему Превосходительству, скромный слуга
Б. Пизани»⁴⁷.

Он был предан своей профессии. Он на два года оказался в тюрьме в 1807–1809 годах, когда Британия и Османская империя находились в состоянии войны. Леди Эстер Стэнхоуп, племянница Питта, которая проводила зиму в Константинополе в 1810/11 году по пути в Лиссабон, сообщила, что Пизани обладает «талантом и честностью, и его больше боятся и любят, чем Его Превосходительство». Леди Листон ценила умение Пизани переводить беседы ее мужа с капудан-пашой: «Я бывала удивлена, наблюдая в нескольких случаях, какими оживленными были эти разговоры при помощи переводчиков, которые весьма часто пользовались юмором»⁴⁸. Когда британский посол сэръ Стратфорд Каннинг пришел навестить его во время болезни 8 сентября 1826

года, перевозбуждение оказалось фатальным. Переводчик умер, снимая ночной колпак. О его племяннике, драгомане Стратфорда Каннинга, Фредерике Пизани, который ушел на пенсию в 1877 году, последний британский посол сэр Остин Лейард, специалист по археологии Ассирии, написал так: «Он действительно, казалось, живет в Канцелярии, среди депеш и документов, для которых он самый доверенный и самый ревнивый охранник и на которых, похоже, сконцентрировались все его существование, все его радости и надежды... более бесхитростного, достойного доверия и честного создания никогда не существовало»⁴⁹.

Много лет спустя после этих войн, когда договоры и торговые соглашения, заключенные в посольствах Константинополя, уже давно забыты, их культурное наследие остается одним из триумфов европейской дипломатии. Их защита заставила иностранных ученых задавать вопросы, а художников — рисовать виды со знакомыми фигурами на улицах города. Барон де Бусбек купил для имперской библиотеки в Вене греческие манускрипты у султанского доктора Моисея Хамона. Его собственные письма (хотя, как и у леди Мэри Уортли Монтэгю, переработанные на основе более поздней информации) остаются классическим рассказом об империи в конце правления Сулеймана Великолепного. Подобно письмам леди Мэри Уортли Монтэгю, они свободны от того, что Эдвард Саид назвал «сутью востоковедения»: «Ощущения дистанции между западным превосходством и более низким развитием Востока». Они преувеличивают добродетели османского общества, чтобы критиковать свое собственное, и куда менее снисходительны, чем многие западные рассказы о других западных странах. Бусбек хвалит дисциплину османской армии и то, что в империи карьера открыта для талантов. Леди Мэри Уортли Монтэгю хвалит легкость и элегантность османской жизни, практические преимущества ислама, свободу мусульманских женщин и красоту их вышивки.

Бывший венецианский балыи Джиованни Батиста Донадо написал первую научную работу по османской литературе на западном языке, «*Della letteratura de'Turchi*» (Венеция, 1688). Граф Марсильи, автор самого объемного рассказа об организации, оружии, дисциплине и форме османской армии и флота, «Государ-

ственные вооруженные силы Османской империи» (в 2 томах, Гаага — Амстердам, 1732), жил в посольстве Донадо в 1679–1680 годах, в то время когда оно на деле являлось школой изучения турок. Его работа основана на османских записях, которые он получил через интеллектуалов, таких как Хусейн Эфенди Хезарфен. Аббат Тодерини смог написать другую, более длинную историю османской литературы, потому что он жил между 1781 и 1786 годами при великолепном дворе С. Е. Агостино Гарцони, венецианского балы при Османской Порте.

Французское посольство, больше чем другие, обеспечивало основы для научного и художественного исследования Османской империи. В этом случае тезис Эдварда Саида о том, что ориентализм по существу есть проекция западного желания «править Востоком», вводит в заблуждение — именно Франция являлась той силой, которая по соображениям *realpolitik* больше всех была заинтересована в усилении Османской империи. Николя де Николай сопровождал французское посольство в Константинополь в 1551 году. При том, что его книга «Трактат по истории навигации, дальних странствий, путешествий, совершаемых турками» (Лион, 1567) содержит многое из описаний предыдущих путешественников, гравюры, которыми она иллюстрирована, вероятно, являются первыми точными изображениями турок, которые появились на Западе. Договор 1604 года между Генрихом IV и Ахмедом I стал второй работой, напечатанной по-турецки в Париже в 1615 году благодаря образованному, говорящему по-турецки французскому послу Савари де Бреве, который привез из Рима турецкие, арабские, персидские и сирийские печатные литеры (первая книга, напечатанная в Риме в 1587 году, посвящалась использованию Евклидовых принципов в торговле). Однако Савари де Бреве время от времени выступал в пользу распада Османской империи⁵⁰.

Шведское посольство стало вдохновителем главного литературного памятника дипломатической жизни города. Его автором стал родившийся в 1740 году армянский католик из Константинополя по имени Мураджаян. Драгоман при шведском посольстве с 1763 по 1782 год, он жил в киоске при *the Palais de Suè* (Шведском дворце). В 1780 году Густав III пожаловал ему дворянство, дав имя Мураджа д'Оссон — от турецкого прозвища *tossun*, то есть «решительный». Он был столь же историком,

сколько и дипломатом. Шведский посол Густав Цельсинг поручил ему создать описание империи — а не, как задумывалось первоначально, историю правления Селима II. Результат, «Общая картина Османской империи» (3 тома, Париж, 1787–1820, позднее переведена на английский, немецкий и русский) так же полезна для изучения Османской империи, как памятник французскому вторжению в Египет, «Описание Египта» Денона, для изучения истории Египта. Это обзор с 233 иллюстрациями всех явлений империи: ислама, дворца, костюма, правительства, армии, правовой системы, морали, гаремов.

Мураджа д'Оссон посвятил своим исследованиям двадцать два года, пользуясь правом доступа к правительственным реестрам и разговорами с министрами и мужьями бывших обитательниц гарема: позднее он отмечал, что ему стоило больше денег и усилий узнавать об имперском гареме, чем о всей остальной империи. Он надеялся отучить население на Западе от предубеждения по отношению к Востоку и принести западные знания на Восток. Он ожидал нового Сулеймана Великолепного, который «поддержит более тесные отношения с европейцами, примет их тактику, на деле абсолютно изменит лицо империи». Книга была посвящена Густаву III, союзнику Османской империи в ее войне против России в 1788–1790 годах, и напечатана в Париже (где Мураджа жил с 1784 по 1791 год, чтобы следить за изданием), в «Типографии Месье», будущего Людовика XVIII*, друга османов, как и большинство Бурбонов⁵¹.

Другим изучившим город драгоманом был Йозеф фон Хаммер-Пургшталь, который работал в имперском посольстве в качестве *sprachknabe* (студента, изучающего язык), а позднее в качестве переводчика с 1793 по 1799 год и с 1802 по 1806 год. Часто нося османскую одежду, он изучал в Константинополе арабский, греческий, персидский и османский языки, посещал городские достопримечательности и не упускал шанса приобрести книги и манускрипты для своей «Истории Османской империи» — до сих пор лучшей книги иностранного историка на эту тему. Вспоминая библиотеку, где он вел исследования, он позднее записал: «Ни в одной другой библиотеке, где я позднее

* Титул «Месье» (*Monsieur*) давался первому по старшинству брату короля. (Прим. ред.)

работал, я не занимался с таким усердием и подъемом, как в библиотеке Абдул-Хамида»⁵².

Посольства предоставляли основу художникам так же часто, как и научным исследователям Константинополя. До 1600 года послы заказывали западным или турецким художникам альбомы рисунков и набросков политических деятелей города, его повседневной жизни, костюмов и церемоний: султан в составе процессии, сцены борьбы, стрельбы из лука, танцующих дервишей⁵³. Потом рисункам стали предпочитать картины.

Москва и Мадрид оставались экзотикой. Вена, Венеция и Рим производили впечатление. Париж являлся столицей европейской культуры. Однако только Константинополь вдохновлял на такое большое количество «посольских картин»*. Они не были только лишь данью силе чар города и желанию послов оставить зримое доказательство своего успеха современникам и потомкам. Они также, сознательно или бессознательно, заполняли имеющийся пробел.

В Константинополе не существовало больших коллекций картин. Религиозная традиция запрещала султанам и визирям заказывать и покупать картины — в противоположность каллиграфии или украшению рисунками манускриптов. Христианские семьи, такие как Маврокордато или Теста, не проявляли ни склонности, ни смелости, чтобы собирать картины в Константинополе (хотя первый делал это в Валахии и Молдавии). Таким образом, лучшие картины Константинополя XVII и XVIII веков сохранились не в самом городе, а в «турецких залах» шведских помещичьих домов, в австрийских замках и французских шаго, принадлежавших потомкам послов.

Любимой темой картин являлся прием послов в императорском дворце султаном или великим визирем — хотя некоторые картины изображают особые события, такие как заключение в Семи Башнях или возобновление капитуляций. Два имперских посла XVII века, Сигизмунд фон Герберштейн и фрайхерр фон Куфштейн, а также Верженн и его жена сотней лет позже изобразили себя в османских костюмах. Все три посла также

* Однако между 1703 и 1741 годом Карлеварис, Жоли, Рихтер и Каналетто писали захватывающие церемониальные картины послов, прибывающих на золоченой барже во Дворец Дожей в Венеции — на пути к теперешним их верительным грамотам. (Прим. авт.)

заказывали живописные картины сцен ежедневной жизни — таких как соревнования по борьбе или визит на базар, а также виды города.

Основным художником французского посольства был Жан-Батист Ванмур. Родившийся в Валансьене, он прибыл в Константинополь в возрасте 28 лет, в 1699 году, в свите маркиза де Ферриоля, и оставался там до самой своей смерти в 1737 году. Явно влюбленный в город, он писал, что хотел бы «обучать основам любого человека, имеющего отношение к нравам и обычаям турок», и ему позволяли сопровождать послов на их официальных приемах. Его парадные изображения султана или великого визиря с их свитами, подписанные и датированные 1711 годом, или приема французского посла в 1724 году и голландского в 1727 году очень нравились современникам за их живость и простодушие. Контрасты лиц и костюмов пикантны. Спокойный голландец шествует мимо янычар, бегущих за пловом; к маленьким сыновьям французского посла в белых париках обращается великий визирь в тюрбане. Картины Ванмура были настолько привлекательны, что они воодушевляли на похожие изображения приемов других послов (британского, польского, шведского, венецианского) менее умелые руки. Многие из его видов Константинополя были заказаны голландским послом Корнелиусом Калькоэном и, сохраняемые по его воле вместе, как коллекция, теперь висят в Рейксмузеуме.

Ферриоль может быть и был безумным послом — но в 1707 году он нанял Ванмура написать сто картин различных государственных людей и национальных представителей в их выходных костюмах: главный евнух; придворный гонец; еврейская женщина, носящая товары в турецкие гаремы; турок, закалывающий себя, чтобы выказать любовь к своей госпоже; Вселенский патриарх; армянский мученик Гомидас; албанцы, болгары, греки, валахи, персы, арабы. Во Франции Ферриоль помог организовать публикацию этих картин: «Сборник из ста эстампов, представляющих различные нации Леванта» (1714).

Стремление к знаниям об Османской империи было так велико, что этот альбом вскоре после выхода во Франции был переведен на немецкий, итальянский, английский и испанский языки и стал основным источником знаний о *turqueries* для таких художников, как Ватто, Гварди, ван Лоо.

После официального признания талантов Ванмура ему дали в 1725 году уникальный, но, несмотря на его просьбы, неоплачиваемый пост постоянного королевского художника в Леванте. Когда он умер 22 января 1737 года, домочадцы французского посла и «вся французская нация» присутствовали на его похоронах в церкви Сен-Бенуа в Галате⁵⁴.

Самый впечатляющий цикл посольских картин находится в Биби в сердце Швеции, являясь собственностью семьи Цельсингов. Они преобразовали ржавого цвета шведский помещичий дом в усыпальницу Константинополя XVIII века. Два брата-холостяка, Густав и Ульрик Цельсинги, сыновья агента Карла XII при Блистательной Порте в 1709–1711 годах, служили в шведском посольстве секретарями, резидентами и послами между 1741 и 1773 годами и в 1756-м и 1780-м соответственно. Они оба знали турецкий язык и благодаря разделяемому ими страху перед Россией смогли сохранить османо-шведские отношения такими же близкими, как и в дни Ахмед-паши. Ульрик Цельсинг отослал назад в Швецию, по земле и по морю, важную коллекцию восточных манускриптов, которую оставил библиотеке университета в Упсале на условиях, что она будет храниться в шкафах, надписанных «*Collectio Celsingiana Librorum Orientalum*» («Коллекция Цельсинга, Книги Востока»), а также 102 картины Константинополя.

Самые замечательные здесь не сцены приема у султана, не портреты различных ремесленников и чиновников города, не семейное древо, где османские султаны показаны художественно растущими на дереве. Замечательнее всего тут — двадцать пять обворожительных панорам Золотого Рога, города, дворцов и лодок на Босфоре, а кроме того, голубые и зеленые киоски и позолоченные павильоны Саадабада, самое лучшее их визуальное изображение. Картины не подписаны; художником мог быть А. Стеен, который посвятил несколько рисунков Константинополю, — они также есть в коллекции Цельсингов, с подписью: «*Монсьёру Густаву Цельсингу, Президенту Королевского торгового Совета Его Величества короля Швеции, посланнику в Блистательной Порте Османской и кавалеру ордена Полярной Звезды*»⁵⁵.

Европейские послы в Константинополе спонсировали археологов так же, как художников и писателей. Прошлое горо-

да в качестве столицы Римской империи тоже придавало ему своеобразное очарование. В XVIII веке классические руины, такие, как Форум и Колизей, крайне привлекали в Риме иностранных туристов и художников. В Константинополе, однако, такое поклонение и аналогичные раскопки были равно невозможны. Еще в 1540-х годах французский ученый Пьер Жиль заметил, что район внутри старых римских стен города почти полностью застроен современными домами: «В то время когда я жил в Константинополе [1544–1547], если бы я не увидел так много разрушенных церквей и дворцов и их оснований, заполненных магометанскими зданиями, так что я едва открывал их бывшее местоположение, я не смог бы представить себе, насколько полно турки разрушили город с тех пор как захватили его». Собственными глазами он видел огромную бронзовую конную статую Юстиниана, которую тащили в «плавильню» — для переплавки в османскую пушку. Римские колонны использовались при построении османских мечетей. Императорские гробницы стояли как трофеи в саду дворца султана. Посетители Константинополя попадали в османское настоящее, а не в римское прошлое⁵⁶.

Однако археологические сокровища в остальной части империи — успешно управляемой ассирийцами, греками и румынами — благодаря в основном заботам дипломатов стекались в город. Страсть дипломатов к античности была столь велика, что во французском посольстве поставили пьесу под названием «*L'Antiquaire français*» — «Французский антиквар». Шуазель-Гуфье нанял французского купца, Луи-Франциска-Себастиана Фовеля, чтобы тот отыскивал — и тащил — античные греческие предметы.

Британские послы, странно равнодушные к заказу картин, проявили огромный аппетит к античным реликвиям. В 1620-х годах, работая на графа Арунделя, сэр Томас Роу украл фрагменты Золотых Ворот, которые теперь находятся в Эшмоленском музее в Оксфорде. Французское вторжение в Египет в 1798 году и союз против Франции, подписанный в январе 1799 года между империей, Россией и Британией, поставил британского посла лорда Элджина в положение выше Шуазель-Гуфье. Благодаря мастерству Бартоломео Пизани и «дружбе, искренности, союзу и доброй воле, существующих *ab antique*

между величественным и вечным Османским двором и Англией, и тому, что с обеих сторон у дворов эти отношения явно растут», лорд Эджин получил фирман на раскопки и извлечение фрагментов Парфенона. Сильно превысив оговоренные условия, он забирал скульптуру из каждой секции Парфенона, а также из любого здания в Афинах, откуда хотел. «Мрамор Эджина» прибыл в Лондон в 1806 году. Возникший с тех времен спор, который длится до наших дней, обязан своим происхождением посольству в Константинополе⁵⁷.

НЕДОВОЛЬСТВО ЯНЫЧАР

Султан трепещет при проявлении недовольства янычар.

Леди Мэри Уортли Монтэгу, апрель
1717 года

Константинополь был полем боя не только между различными посольствами, национальностями и религиями, но также между султаном и его охраной. Между ними существовал неустойчивый баланс страха и зависимости, силы и слабости, крови и золота — пока однажды, в финале империи, последний султан не сбежал под защиту иностранной охраны. Причина силы военных заключалась в отсутствии независимых гражданских институтов. При абсолютной монархии барьеры против политического вмешательства вооруженных сил ослаблены. Как написал Ювенал о преторианской гвардии: «*Quis custodiet ipsos custodes?*» — «Кто должен охранять саму охрану?» В России между 1725 и 1825 годами восемь раз части императорской гвардии решали, кто будет править в качестве монарха или регента. Наполеон тоже чувствовал эту опасность. Он заявил: «Дворцовые войска начинают вселять ужас и более опасны, когда суверен становится более автократичным», и советовал другим монархам избегать столкновения с ними¹.

Основную военную силу в Константинополе составляли янычары. Они образовывали 196 орт, или отрядов, теоретически по 100 человек в каждом. В XVI веке они представляли собой одну из наиболее эффективных вооруженных сил в Европе; их, конечно же, лучше всех кормили — их рацион состоял из супа, баранины и риса. Пища играла такую важную роль в их жизни, что командир каждой орты имел титул *чорбачи*, или варщика похлебки, и как знак своего ранга носил на поясе суповой черпак.

Каждая орта имела собственный флаг, несущий такие символы, как лев, мечеть, кафедра муллы или корабль. Янычары носили мундиры голубого цвета и величественный белый головной убор вроде гигантского рукава, иногда украшенный плюмажами

и драгоценными камнями. Когда янычары склоняли головы одновременно, их можно было сравнить с полем спелой пшеницы, волнующейся под ветром.

60-я, 61-я и 63-я орты представляли собой личную охрану султана, известную как *солаки*. Когда султан ехал в мечеть, их головные уборы с пышными плюмажами создавали ощущение, будто он плывет на облаках. Другие орты тоже имели отдельные дворцовые обязанности. 64-я отвечала за охотничьих собак султана, 69-я — за его борзых и соколов. Янычары, кроме того, вместе с бостанджи действовали как полицейские, пожарные и таможенные чиновники столицы. Они отвечали за проверку личностей иммигрантов, прибывающих в город, и изгоняли недавних иммигрантов, когда султан считал город переполненным.

Комплекс казарм янычар между мечетью Сулеймание и Золотым Рогом был одним из силовых центров города наряду с дворцом, Портой, мечетями, патриархией и посольствами. Их главнокомандующий, ага янычар, жил во дворце настолько великолепно, что Сулейман Великолепный однажды вздохнул: «Если бы я мог быть агой янычар хоть сорок дней!»

По сравнению с шумными и неуправляемыми войсками западных монархий до 1700 года янычары представляли собой ярчайший пример дисциплины. Их день оплаты, вторник, каждые три месяца, был торжественным праздником во втором дворе дворца, проходившим в присутствии великого визиря и, по случаю, иностранных послов. Деньги клали в маленькие кожаные мешочки и выдавались каждой орте по очереди: в конце старшие офицеры входили в Диван и целовали подол плаща великого визиря².

Этот ритуал, на первый взгляд тривиальный, на деле отражал тесное единение правителя и его охраны, приводил далекую и величественную фигуру султана в мир янычар. Султан вносился в список 61-й орты, получал оплату и возвращал ее, значительно увеличенную, командиру. После коронации он посещал казармы янычар, говоря: «Встретимся снова в Красном Яблоке» — то есть Риме или Вене. Проходя казармы, он останавливался выпить стакан шербета и возвращал пустой стакан, наполненный золотом, своим благодарным товарищам. Он часто наблюдал за стрельбой янычар, их маневрами или борьбой на большой площади возле мечети Султан-Баязид, а затем раздавал призы. Каждый Рамадан женщины его гарема готовили для них подносы пахлавыв. Кор-

пусу янычар постоянно льстили в императорских декларациях. В 1710 году, например, их называли *«великим войском, составленным из бравых поборников верности, на которых покоится благословение того, кто является тенью Бога на земле и наградой людей Бога... объектом наших августейших и бесчисленных любезностей, оказываемых ежедневно, чтобы увеличить их достоинство и предупредительность»*³.

Однако под поверхностью гармонии янычары имели личный интерес в смене султанов, так как новый султан означал дополнительные бонусы. При отсутствии представительского института вроде парламента или сената янычары иногда действовали как их эквивалент. Они не только по случаю выражали социальные, экономические и политические недовольства населения — ими также могли манипулировать визири или улемы, как средством для достижения своих политических целей. Много лет позднее, когда одного министра спросили его мнение о роспуске янычар, он ответил: «Но тогда как мы можем остановить льва [султана]?» Мятежность янычар возрастала от тесного единения с орденом дервишей Бекташ, который симпатизировал шиитам⁴.

Когда янычары начинали стучать своими перевернутыми котелками для плова, это являлось знаком мятежа. Затем котелки составлялись на Ат-Мейдане, большом открытом пространстве возле их казарм, которое использовалось как место сборов. Крик «Да здравствует брат!», «Мы хотим брата!» означал османский аналог требования сменить властителя на другого члена царствующего дома — эквивалент принца Уэльского в Англии XVIII века. И то и другое неприятно напоминало монарху о династической альтернативе его правлению.

При восшествии на трон Селима II в 1566 году янычары не получили обычной премии. В Белграде, возможно, при поддержке великого визиря Соколлу Мехмед-паши, которого пугало влияние новых придворных султана, они осквернили труп Сулеймана Великолепного и угрожали его сыну Селиму II. 9 декабря процессия нового султана вошла в Константинополь. Она сделала остановку у ворот Эдирне, так как начало колонны остановилось посередине города и отказалось продвигаться дальше. Визири спрашивали, что случилось. «Телега с сеном перегородила дорогу и остановила процессию», — последовал ответ янычар — это было иносказательное выражение недовольства.

Капудан-паша сказал: «Воины! Это постыдно!» Они в ответ закричали: «Что с тобой сделать, бедный матросик?» — и избили его. Наконец великий визирь и его чиновники кинули янычарам монеты. Процессия двинулась снова. Когда она достигла первого двора дворца, Селим II пообещал: «Награды и повышение жалованья даются в согласии с обычаем, переданным мне моими предками». Таким образом, находясь на вершине османской власти, сын Сулеймана Великолепного вынужден был покупать доступ в собственный дворец⁵.

Прекращение системы девширме — набора янычар из христианских семей на Балканах и в Анатолии — уменьшило зависимость янычар от султана и усилило их ненадежность. С середины XVI века цвет балканской молодежи стал замещаться сыновьями янычар и даже местными торговцами. В 1582 году Мурад III, как говорят, допустил тысячи скоморохов, акробатов и ярмарочных борцов в корпус янычар в награду за успешные выступления на празднике обрезания его сына.

К 1650 году паши записывали своих слуг как янычар, чтобы переложить стоимость ведения дома на государство. Янычары стали частью экономической структуры Константинополя, среди них возникли гильдии лодочников, мясников и торговцев рабами. 14-ю орту составили пекари, 82-ю — мясники. А в 1673 году бостанджи в Константинополе говорили друг с другом на сербско-хорватском языке. Однако с 1700 года янычары представляли собой существенную силовую группу, составляющую заметную часть мужского населения столицы. Их расчетные листы выглядят как акции или облигации. Последний известный фирман о сборе детей в рамках девширме датирован 1703 годом⁶.

В 1528 году янычары насчитывали 27 000; в 1591-м — 48 088. В следующем веке число их снизилось при Мураде IV и великих визирях Кёпрюлю; но затем опять стало упорно расти и достигло максимума в конце XVIII века, когда с 43 403 человек (1776 год) и 55 256 (1800 год) дошло до общего числа в 109 971 (1809 год)⁷.

Недовольство оплатой, как и осознание собственной силы, привели к беспокойству в корпусе. Янычарам часто платили плохой монетой из-за инфляции и снижения ценности монет; как и в других армиях, офицеры часто оставляли зарплаты солдат себе. Янычары стали симптомом и причиной османского кризиса XVII века, «шестидесятилетнего сна дома Османов». В конце

XVI века османы жаловались: *«Не осталось никакой дисциплины; никто не обращает внимания на запреты. Жестокие... попирают честь, грабят имущество мусульман и христиан. Среди тех, кто совершает преступления, большинство составляют те, кто зовется кулы [рабы] султана»*.

Иногда янычары отстаивали особые интересы Константинополя, возвращая султана назад в город. Угрожая мятежом, грозясь даже поджечь шатер султана, они заставили Селима I в 1514 году отменить поход на Персию. В 1529 году они вынудили Сулеймана снять осаду Вены — в обоих случаях потому, что хотели вернуться в Город.

В отличие от большинства королевств, османская династия была готова к эксперименту с новыми культурами и странами. Два султана пытались укрепить связи со своими арабскими подданными. Селим I хотел остаться в Каире после его завоевания в 1517 году; янычары заставили его вернуться в Константинополь. Планы Османа II поехать в Мекку в 1622 году привели к тому, что его свергли и убили⁸.

Большую часть периода 1622–1632 годов янычары правили в городе, убив министров Мурада IV и его любимца Мусу и угрожая самому султану, крича: «Мы хотим принцев!» Мурад IV обладал хорошей памятью. Сменив визирей, он ответил на террор террором. Число янычар было снижено. Истиной причиной для закрытия кофеен и таверн в 1633 году стала не их новизна, а «задача устрашения основного населения». Согласно историку XVII века Наиму, они являлись местом, где народ Константинополя *«проводит время, критикуя и оскорбляя вельмож и власти, напрасно тратя слова на обсуждение имперских интересов, связанных с делами государства, увольнений и назначений, ссор и примирений, и так они там сплетничают и лгут»*⁹. Мурад IV устроил патрулирование города ночью, казнили каждого, найденного с трубкой или чашкой кофе: согласно Бобовскому, он находил особое удовольствие в рубке голов людям с толстыми шеями. Трупы оставлялись на улицах, чтобы их убирали на следующее утро. Единственная казнь муфтия Константинополя в османской истории состоялась 1 января 1634 года по приказу Мурада IV. Султан нагнал такой ужас, что «ни один человек не мог сказать ни слова о падишахе, даже в собственном доме». От отвращения некоторые люди начали называть его «сыном раба». В 1635 году

этот султан, самый жестокий в своей династии, планировал даже казнить армян, которые начали приезжать в Константинополь в большом количестве: его отговорил великий визирь¹⁰.

Формируя противовес террору, пожар, как и восстание*, стал оружием, использовавшимся горожанами и янычарами против султана. Деревянные дома столицы несли в себе смерть, делая ее близкой к ежедневной жизни, как и радости природы. Каждые несколько лет купола и минареты Константинополя бросали свою тень на красный от пламени свод неба, когда еще один район уничтожался пожаром. «Янгын вар!» — «Это пожар!» — выкрикиваемое янычарами, торопящимися на место происшествия, стало знакомым криком. Другой ответ на вопрос «куда ушло богатство Османской империи?» таков: оно сгорело. Как гласила османская пословица «Если бы не пожары, пороги домов Стамбула были бы вымощены золотом». Частота пожаров в городе объясняет, почему в нем осталось так мало старых домов.

В 1555 году пожар случился в день прибытия имперского посла Бусбека. По его мнению, его подожгли солдаты или моряки, стремившиеся пограбить во время начавшейся паники. Пожары устраивались также, чтобы выразить неудовольствие политикой султана, вынудить его сменить министров — или просто нанести ущерб богатым. Прибытие современного оборудования пожаротушения из Амстердама в 1725 году мало что изменило. В 1755 году, например, пожар начался прямо возле дворца. Несмотря на быстрые действия султана и великого визиря, которые прибыли на пожар, огонь распространялся сильным северным ветром. Свинец на куполе Айя-Софии расплавился. Город стал похож на океан пламени, в который впадали реки лавы. Все казармы янычар сгорели дотла. Огонь полыхал тридцать шесть часов и пожрал седьмую часть города — включая Порту и офисы казначейства и канцелярии¹¹.

Общественное мнение — с его оружием, пожарами и янычарами — стало особенно мощным в XVIII веке. Люди присвоили себе право критиковать султана — часто выкрикивая ему оскорбления, когда он прибывал на пожар. Иностранцы писали о *une*

* Мятежи янычар также имели место в 1651, 1655, 1687, 1703, 1730, 1733, 1734, 1740, 1742, 1743 и 1783 годах. (Прим. авт.)

*populace devenue souveraine**. Верженн сообщил французскому министру иностранных дел: «У них больше свободы, чем у любых других цивилизованных людей в Европе, так как каждый может говорить вольности»¹².

После 1700 года, из-за повторяющихся вспышек чумы, Константинополь стал также самым опасным городом в Европе с медицинской точки зрения. Чума и прежде не была необычным явлением. Лондон, к примеру, между 1563 и 1603 годами пережил пять вспышек чумы, во время последней умерла пятая часть населения. Однако еще долго после того, как чума исчезла в Европе (последняя крупная вспышка болезни в 1720 году погубила половину жителей Марселя) благодаря введению карантинных, «ангел смерти», как называли чуму, почти ежегодно навещал Константинополь, выходя из его казарм, тюрем и постоянных дворов. В 1778 году, вероятно, треть населения вымерла от чумы; вся деловая активность в городе прекратилась. В британском посольстве лорд Уинчелси потерял дочь, Хасси умер от чумы в 1762 году, Гренвиллю пришлось мгновенно уехать из посольства посреди ночи, потому что его слуга из домочадцев проявил опасные симптомы, а в 1813 году Листон и вся его семья оказались запертыми в доме более чем на три месяца, даже слуги не выходили за ворота из-за чумы. В том году все улицы обезлюдели, а количество умерших оценивалось от 100 до 250 тысяч.

Катастрофа считалась священным возмездием за грехи людей. Холостяки считались еще хуже, чем разбойники; одна улица, где возникли целые кварталы холостяков, была названа улицей, «куда не ступают ангелы»; во время чумы ее уничтожили и возвели на этом месте мечеть, чтобы вычеркнуть ее из памяти. До 1830-х годов вспышки чумы являлись одной из причин ухудшения политического и военного положения империи. В XVIII веке во Франции, Австрии и России население выросло больше чем на треть. В Османской империи этого не произошло¹³.

В качестве предосторожности от чумы христиане, евреи и члены мусульманской элиты пропитывали себя и все окружающее духами или уксусом. Они также закрывали свои дома или уезжали в более здоровые места — Бюйюкдере или Тарабьи. Большинство мусульман, однако, оставались фаталистами. В 1555

* Ставшем суверенным населению (фр.).

году Бусбеку сообщили об отношении Сулеймана к чуме: *«Разве я не знаю, что мор — это стрела Бога, которая не пропускает свои избранные цели? Где могу я спрятаться, чтобы быть вне досягаемости для нее? Если он захочет поразить меня, никакое место, куда можно сбежать или спрятаться, не поможет мне. Бесплезно бежать от неизбежной судьбы»*. То, что некоторые называли фатализмом, другие называли мужеством. Триста лет позднее константинопольский мусульманин Али Намик-бей написал в защиту ислама: *«Никогда не видел других людей, кроме наших, чтобы проявляли больше общего презрения к смерти»*¹⁴.

Константинополь больше не заслуживал своего эпитета аль-Махмия — *«Хорошо защищенное место»*: Богом — от беспорядка, султаном — от несправедливости. Один султан по возвращении из ностальгической прогулки по городу обнаружил, что никто не стоит на страже у центральных ворот дворца. Пажи его личной комнаты отказывались от подарков, так как считали их слишком маленькими. Даже гарем вышел из-под контроля. К XVIII веку по неизвестным и не зафиксированным причинам появился график посещения гарема, который султан должен был соблюдать; одну девушку казнили за продажу ее *«ночной очереди»*. Если султан пытался нарушить график, он становился объектом *«опасной ревности и беспокойных криков»*. В письме от Абдул-Хамида I (1774–1789) гаремной девушке по имени Руксах звучат умоляющие ноты: *«Мадам, я твой раб в цепях. Приходи сегодня, прошу тебя»*. Султан просит! Чтобы встретиться с женщиной, которую они хотели, некоторые султаны вынуждены были нанимать тайные комнаты в городе¹⁵.

Пожар, чума, неудачная война, непослушная охрана, экономический спад, беспокойное население, амбициозные меньшинства, агрессивные соседи и религиозный фундаментализм — все это вместе обрушилось на Селима III в 1789 году, когда он унаследовал трон от своего дяди Абдул-Хамида I в возрасте 27 лет. Он оказался в столь же опасном положении, как и его корреспондент Людовик XVI. Уже Абдул-Хамид I жаловался на бессонные ночи: *«Помоги Бог Величественному государству!»*

Селим III говорил: *«Я готов сам сидеть на сухом хлебе, так как государство разваливается»*. Как многие его предшественники,

он начал свое правление с высылки иммигрантов и восстановления ограничений на одежду, кофейни и таверны. Он переодетым рыскал по улицам, чтобы накладывать наказание смертью на нарушителей законов. Французский посол Шуазель-Гуфье сообщал: «Пятнадцать дней энтузиазма, который он проявил, обернулись общим ужасом. Все дрожат в этой столице»¹⁶.

Зная о необходимости лечить болезни империи, султан вызвал к себе двадцать два старших чиновника, включая нескольких улемов, ожидая специальных предложений. Одним из его приближенных стал Мураджа д'Оссон, который в 1792 году вернулся из Парижа с экземплярами первых двух томов «Общей картины», которые весьма обрадовали Селима III, когда были представлены ему в переводе с французского. В Константинополе, нося европейскую одежду и полный энтузиазма по поводу Французской революции, д'Оссон представил султану ученые записки, защищая радикальную реформу армии. Он заявлял, что когда перемены решено проводить, отступления быть не может. Рим — интересная модель для османского султана — был успешным, потому что учился у своих соседей. Все во Вселенной — воля Бога; но Бог дал человеку силу, чтобы думать, а правителям силу, чтобы защищать. Шариат не запрещает мусульманам заимствовать законы и технологии у других культур. Если религиозной оппозиции противопоставить использование науки, Селим III может стать успешным, как Фатих, Сулейман и Мурад IV. В Хаскёйе была создана Академия для обучения военным наукам — с современной библиотекой и курсом обучения, с французскими и турецкими преподавателями. Однако вопреки предложениям Мураджи, туда не был допущен ни один ученик-христианин¹⁷.

Кадискер из Румелии представил обширный обзор, главной мыслью которого была необходимость оживить экономику и уменьшить бремя налогов на бедных и меньшинства. Подобно Маврокордато более ста лет тому назад, он тоже считал, что размер двора пашей и их роскошный образ жизни — причина слабости империи. Но сердцевиной проблемы являлись янычары. Другой чиновник, записывавший приказы султана, поносил их, как отбросы черни, «кондитеров, моряков, рыбаков, владельцев кофейен и борделей». Еще для одного чиновника они были крысами, чьим основным свойством являлось неповиновение. Яны-

чары шантажировали купцов, поставщиков продуктов и капитанов кораблей, заставляя их платить деньги за покровительство. Они подмешивали в кофейные зерна нут и насиловали женщин, спасая их из пожаров. Более того, они издевались над иерархией государства. Когда визирь и кортеж его слуг проходил перед караульным помещением янычар, вместо салюта янычары играли на гитарах издевательские песенки. Во время празднования Пасхи янычары изводили христиан, заставляя их сидеть, пить и отдавать деньги. Наихудшим же преступлением янычар стало их бессилие перед русскими на поле боя. До войны 1788–1792 годов многие янычары вообще никогда не держали в руках ружья. Они оказались страшными для всех, кроме врага.

После заключения мира 1792 года султан начал создавать новые пехотные силы, названные Низам-и Джедид, или «Новый строй», будучи намерен «сохранить навсегда действие высокого правительства до самого конца мира». К 1807 году около 27 000 солдат были обучены по современной методике и на современных принципах тактики. Чтобы не накалять обстановку, они были названы «бостанджи», как и императорские гвардейцы, и были размещены вне города, возле Бюйюкдере и в Ускюдаре. Султан часто навещал их казармы — на деле отдельные военные городки с собственными магазинами и домами; в ускюдарских казармах установили печатный станок с латинским и арабским алфавитами. Действия Низам-и Джедид на поле боя вскоре оказались лучше, чем янычар¹⁸.

Селим III создал новый консультативный совет примерно из 300 человек знати и улемов, чтобы совещаться с ним о политике и обсуждать вопросы войны и мира. Увы, реформы вызвали столь сильный ропот против султана и великого визиря, что реальной целью этого совета стало защитить их от обвинения, если решения правительства приведут к беде. Великий визирь для страховки хранил записи встреч не в Блистательной Порте, а в своих личных архивах. Информатор-фанариот рассказал русскому послу, что *«пожизненный мушавер [совет] создал тут некий тип аристократии; благодаря его появлению министры, освобожденные от личной ответственности, лежавшей на каждом из них индивидуально, не стремились брать на себя ответственность за результат, голосуя против мнения мушавера, но были недостаточно влиятельными, чтобы навязывать ему свое мнение»*.

Частично чтобы преподавать в Низам-и Джедид, в Константинополь прибыли около 600 советников из Британии, Швеции, Австрии, а также из Франции (как эмигранты, так и республиканцы). Артиллерийские, а также морские и сухопутные инженерные школы, основанные еще при де Тотте, были модернизированы. Сэр Роберт Листон записал: «Распорядок в каждом слое общества здесь сильно похож на имитацию европейского» — но высокие зарплаты иностранцев вызывали к ним неприязнь¹⁹.

Несмотря на стремление к реформам, Селим III не обладал безжалостной энергией Петра Великого. Он поддавался радостям города. По словам сэра Роберта Листона, он проводил большую часть своего времени, «переезжая из дворца во дворец, снося и перестраивая их, наслаждаясь развлечениями, которые люди ругали и считали вредными для экономики, и не теми, которые приличествуют монарху». Султан любил менее сложные аспекты европейской культуры: танцы, музыку, французское вино, итальянских актеров, английские гравюры. Но не пренебрегал он и традиционной османской культурой. Константинополь оставался городом, где можно было наслаждаться самым лучшим — и самым худшим — из различных миров.

Селим III разрисовывал муслиновые платки, был умелым каллиграфом и сочинял традиционную мусульманскую музыку. Под псевдонимом Ильхами, то есть «Вдохновенный», он писал стихи об идеалах, которые сам игнорировал:

О, Ильхами, не будь ленивым, и не считай, что мир тебе обязан.

Ни для кого мир бег свой не замедлит,

со временем он намертво увязан²⁰.

Во дворцы Константинополя все более проникали признаки западного влияния. Несмотря на давление традиционной османской культуры, османская элита вернулась к широким взглядам, свойственным османам до 1530 года. Уже детали архитектуры мечети Нуру-Османие, построенной у входа на базар в 1748–1755 годах, такие, как капители, арки и лепные украшения, демонстрировали влияние барокко. С 1770 года стены некоторых босфорских ялы, императорского гарема и даже Ворот Счастья были украшены итальянскими пейзажами, изображавшими леса

и реки, корабли и мосты, занавеси и колонны, заменившие позолоченные арабески и изникские изразцы прошлого. Селим III держал на службе художника-миниатюриста, чтобы рисовать женщин гарема, а иллюстрации к книгам Фазиль-бея о красоте женщин и мужчин, «Зенан-намэ» и «Хюбан-намэ», показывают сильное западное влияние.

Антуан-Игнас Меллинг, молодой художник из Бадена, оказался более знаком с османским дворцом, чем любой западный художник со времени Джентилли Беллини. Меллинг, который прибыл в Константинополь около 1785 года, являлся протеже посольств Пера. Поселившись в доме русского посла, он писал картины для послов Британии и Нидерландов и был знаком с бароном Хубшем фон Гроссталем* — саксонским министром, банкиром русского посольства и личным другом многих османских министров²¹. Хатис-султан, сестра и наперсница Селима III, который рассказывал ей о своих планах познакомить подданных «с искусством и цивилизацией Европы», посетила прекрасный европейский сад в доме барона Хубша в Бююкдере. Она решила, что сама хочет такой. Барон Хубш рекомендовал ей Меллинга в качестве садового дизайнера.

В результате Меллинг стал, по его собственным словам, «привязан к Хатис-султан как художник и архитектор» — так тесно «привязан», что ему дали жилье на половине ее мужа в ее дворце. Пера и дворец, давно знакомые друг с другом на расстоянии, стали близкими. Создав для принцессы лабиринт из роз, лилий и акаций, художник начал по-новому декорировать ее дворец внутри. Добавляя самонадеянность декоратора к снисходительности европейца, он записал: «Элегантная простота сменила роскошь позолоты и ярких красок, которые не давали отдыха глазам».

Интерьер понравился принцессе настолько, что она попросила Меллинга спроектировать ей дворец. Несмотря на сопротивление ее слуг и евнухов, которые считали европейский стиль противоречащим Корану, неоклассический дворец принцессы вскоре поднялся в Дефтердар-бурну. Кроме того, Меллинг отметил дизайн одежды, столовых приборов и мебе-

* По-немецки — «Большая долина», неверный перевод турецкого Бююкдере, что означает «Большой поток». (Прим. авт.)

ли для принцессы, а также беседки для Селима III и его матери в Бешикташе.

Принцесса посылала Меллингу письма по-турецки, написанные латинским шрифтом. Тон их был таким же, что и у Нурбану двумя сотнями лет ранее:

Кальфа Меллинг,

...неужели мой нож такой симпатичный? И домашний ковер. Я хочу получить его тоже сегодня. Покажи мне, как ты работаешь. Ты должен быть абсолютно уверен, что домашний ковер закончат сегодня. Я также хочу получить сегодня темно-синее украшение. Когда я получу москитную сетку? Я безоговорочно должна иметь ее завтра. Начал ли работу мебельщик? Хочу получить мебель быстро.

Среда, побережье, 3 часа.

Рисунки города и Босфора, Бюйюкдере, Бебека, порта, арсенала и дворца, первоначально сделанные Меллингом для султана и его сестры, представляют собой шедевры точности и наблюдательности. Они включают то, что, вероятно, является единственным истинным представлением интерьера императорского гарема (в летнем дворце на мысе Сералью). Меллинг знал «горячее и холодное» гаремной жизни. Однажды ночью его везли на лодке назад с обеда на одном из Принцевых островов. Так как светила яркая луна, он увидел, как у морской стены дворца бостанджи наполняют камнями мешок с двумя женщинами. Затем они положили мешок в лодку и начали грести в море, в сопровождении евнуха (чтобы тот отрапортовал главному евнуху, что миссия завершена). Так как лодка Меллинга продолжала свой путь, в течение долгого времени его сопровождали крики двух женщин. Тишина наступила, когда мешок столкнули за борт.

Французское вторжение в Египет (возможно, обостренное личной ссорой) заставило Меллинга в 1798 году покинуть службу у принцессы. Он окончательно покинул Константинополь только в 1802 году — со своей левантийской женой (Франсуазой-Луизой Коломбо), ребенком и рисунками, которые наконец-

то были опубликованы в 1819 году при поддержке французского правительства, как «*Voyage pittoresque de Constantinople et des rives du Bosphore*»^{*22}.

Пока султан наслаждался жизнью на Босфоре, его империя распалась на части. Слабость султана, распад османской армии и стремление жителей получить самоуправление побуждали губернаторов и крупных местных землевладельцев к созданию собственных полунезависимых владений в провинции: Мухаммад Али в Египте; Али-паша в Северной Греции; семья Караосман-оглы в Юго-Западной Анатолии; Пасван-оглу в местности, которая теперь называется Болгарией. В 1802 году последний угрожал осадить сам Константинополь, и правительству пришлось откупаться от него дополнительным расширением его полномочий. В 1804 году вспыхнуло восстание в Сербии, вызванное террором со стороны размещенных здесь полков янычар. В течение двух лет полунезависимое Сербское государство, формально все еще признававшее сюзеренитет султана, овладело Белградом и приняло свою конституцию.

Самым жестоким ударом стало появление в Аравии фундаменталистской секты ваххабитов. В 1803 году они отбили Мекку у ее шарифов и не допустили прибытия каравана пилигримов из Константинополя. Султан-халиф не смог обеспечить хадж в Святое место! По мере того как отпадали провинции, все меньше годового дохода доходило до столицы; долги янычарам и их агрессивность росли.

Иностранные правительства в городе тоже закрывали свои двери. В 1796 году французский посол Жан-Батист Аннибал Обер-дю-Байе стал первым, кто отказался появляться у Ворот Счастья иначе, чем в военной форме. После периода союзничества с Британией и Россией в 1799–1805 годах Селим III переориентировался на Францию. Когда в 1806 году сюда прибыл Орас Франсуа Бастьен Себастиани как посол Наполеона, он быстро стал любимцем Порты, в то время как русского посла обязали покинуть Порту — впервые вражеский посол избежал заключения в Семи Башнях.

* «Живописное путешествие по Константинополю и вдоль берега Босфора» (фр.).

Встревоженное перспективой франко-османского союза, британское правительство отправило флот с Мальты к Константинополю. Превращение Мальты в 1799–1800 годах из резиденции рыцарей-иоаннитов в британскую военно-морскую базу изменило общий баланс сил в Средиземноморье, а в будущем повлияло и на судьбу самого Константинополя. 21 февраля 1807 года, форсировав Дарданеллы (подвиг, которого не смог совершить русский флот в 1770 году), британские военные корабли бросили якорь на расстоянии пушечного выстрела от дворца — первая иностранная сила, которая приблизилась к Константинополю после рейда казаков 1624 года*. В испуге и смущении султан предложил, чтобы Себастиани покинул город. Однако дело кончилось тем, что сам султан вместе с Себастиани занялся строительством укреплений вдоль моря. В этом строительстве участвовали тысячи рабочих, получивших щедрые награды. Вскоре городские стены были приведены в порядок и оснащены тремя сотнями пушек для защиты. Британские корабли отошли к островам и 3 марта, сильно потрепанные огнем с батарей в Дарданеллах, ушли в Эгейское море²³.

После шока от возможного вторжения в город вернулся хаос. Моряки поддержали группировку профранцузских реформаторов, Низам-и Джедид и артиллерия высказывали пробританские настроения, а янычары и улемы поддерживали группировку

* Командующий британской эскадрой (8 линкоров, 2 фрегата и 2 бомбардирских корабля) адмирал сэр Джон Даркворт решил провести операцию, не дожидаясь подхода русской эскадры адмирала Сенявина, с которой должен был действовать совместно. Успешно форсировав Дарданеллы (укрепления которых не были закончены), он вместо штурма Константинополя вступил с султаном в дипломатическую переписку — возможно, опасаясь турецкого флота, основная часть которого была отведена в Босфор для защиты города. Султан, дух которого активно поддерживал Себастиани, использовал переговоры для срочного усиления укреплений города. В конце концов Даркворт, не добившись ничего, был вынужден вывести свою эскадру из Мраморного моря. В итоге всей операции турки потеряли один линейный корабль и несколько мелких судов, англичане — в общей сложности 390 человек погибшими и 235 ранеными, а также линкор «Аякс», сгоревший у Тенедоса еще до начала прорыва в Мраморное море. Чтобы оправдать свое бездействие, адмирал Даркворт в донесениях не жалел красок для описания мощи обороны турок, поэтому в Англии совершенно бессмысленная экспедиция приобрела черты героического предприятия, в то время как французская пресса над ней дружно насмеялась. (Прим. ред.)

вокруг валиде-султан. Столкновения между соперничающими группами вызвали недоверие населения к реформам. 25 мая 1807 года вспыхнул мятеж в Румели Кавагы — маленьком форте на Босфоре.

Одним из главных советников султана был Махмуд Раиф-эфенди, выросший вместе с ним как раб-товарищ во дворце, затем служивший секретарем первого османского посла в Британии в 1793 году, а в 1800–1805 годах занимавший должность рейс-уль куттаба, первого заместителя великого визиря. Активный западник, он верил, что Османская империя будет способна к реформам после перемен в своей «политической конституции». Он инструктировал войска, как носить униформу европейского образца, когда был убит солдатом, закричавшим: «Это не мусульманин, а иноверец — Ингилиз-Махмуд, тот, которого я убиваю». Мятежные войска взяли штурмом другие форты Босфора и двинулись маршем на Бюйюкдере и Ортакёй. Войска Низам-и Джедид заперлись в казармах.

Султан в нерешительности оставался во дворце Топкапи. Его репутация мягкого человека и западника заработала ему ненависть янычар — усиленную тем фактом, что их жалованье оставалось низким и постоянно задерживалось. 28 мая на собрании в высшем символе османской императорской власти, мечети Сулеймание, янычары (возможно, подбодренные консервативными пашами) заявили, что султан общается с неверными, презирает янычар и пренебрежительно относится к улемам. Они тоже присоединились к мятежникам. Слишком поздно султан решился распустить Низам-и Джедид²⁴.

Во дворце Селим III приказал казнить некоторых своих друзей — чтобы освободить их от худшей судьбы в руках мятежников. В Порте 29 мая муфтий зачитал фетву, узаконившую свержение султана. Секретаря султана, Ахмед-бея, разрезали на куски, а его голову отослали на холм во дворец. Султан понял послание и отрекся в пользу своего брата — Мустафы IV. Когда мятежники принесли присягу новому султану, сидящему на троне во втором дворе, старого заперли в апартаментах в гареме²⁵.

Мутафа IV оказался слабым и реакционным. После занятия Россией Валахии и Молдавии, с 1806 по 1812 год, снабжение столицы продовольствием резко ухудшилось. Когда султан шел в мечеть, женщины кричали ему, что жизнь стала слиш-

ком дорогой. Затем последовал мятеж губернатора, Мустафа-паши Байрактара. Во главе 15-тысячного войска он захватил контроль над городом с намерением восстановить Селима III. 28 июля 1808 года его войска окружили Порту и дворец. Захватив муфтия, чтобы узаконить свои действия, большой отряд двинулся на дворец. У Ворот Счастья Мустафа IV в ярости прогнал гонцов, которые предлагали ему отречься. Не зная, кого слушаться, муфтий бродил по третьему двору, «как собака между двумя деревьями».

Из уважения к императорской резиденции, Байрактар колебался — идти ли ему дальше. Когда Мустафа IV спросил своих придворных: «И что теперь делать?», они предложили ответ. Двадцать придворных и бостанджи бросились в апартаменты Селима, где после долгой борьбы убили его. Другую намеченную жертву, его младшего кузена Махмуда-эфенди, спасла лояльность его слуг. Рабыня с крыши гарема высыпала кадку горячей золы на головы нападавших. В ходе возникшего замешательства Махмуда увели через камин на дворцовую крышу, а затем по лестнице из связанных поясов спустили вниз, в сады.

После фатального колебания Байрактар ворвался в третий двор. Здесь его встретила тишина, отсутствие придворных и, наконец, вид изуродованного труп Селима, лежащего на каменной скамье возле тронного зала. В горе и отчаянии Байрактар проклинал убийц султана и даже пытался зализывать раны своего господина. Его люди привели к нему из сада Махмуда, говоря: «Вот наш господин, султан Махмуд, и от тебя, паша, зависит судьба Халифата!»²⁶

Теперь все зависело от нового султана. Будет ли он, как предполагали многие, последним в этой линии? В этом году, планируя с французским послом в Санкт-Петербурге раздел Османской империи, царь Александр I потребовал Константинополь для России: «Это ключ от дверей моего дома».

Махмуд, единственный сын Абдул-Хамида I, родился в 1785 году и получил лучшее образование, чем большинство принцев: с мая 1807-го по июль 1808 года он обучался внутри гарема смещенным султаном Селимом III. Первый год его правления оказался одним из самых ужасных в истории Константинополя.

15 ноября 1808 года, во время атаки янычар на Блистательную Порту Мустафа Байрактар, который стал великим визирем, взорвал себя, чтобы избежать плена и смерти. Несколько недель в городе продолжались буйства и пожары, начатые янычарами. Нарушая свои обещания султану, они охотились и убивали членов распущенного войска Низам-и Джедид²⁷.

В борьбе с янычарами Махмуд II имел одно преимущество, такое же важное для монарха, как и хороший телевизионный образ для современного политика. Он выглядел султаном. При аудиенции в Топкапи в 1810 году Джон Кем Хобхауз заметил, что в то время как янычары «внешне выглядели отбросами города», султан, одетый в желтый атлас, с молочно-белыми руками, «сверкающими бриллиантовыми кольцами», имел «вид неопикуемого величия». Американский миссионер проявил аналогичную реакцию перед «таким взглядом, от которого я постоянно ощущал благоговейный страх». Британскому генералу султан показался несомненно красивым — с умными черными глазами, с «комплексией, которая больше говорила о бивуаках, чем о роскошной изнеженности гарема, с очень широкими плечами и большой открытой грудной клеткой» — хотя ноги его оказались короткими. «Его борода — одна из самых прекрасных и черных, какие я когда-либо видел»²⁸.

Самым ценным качеством султана была его сила воли. В противоположность фатализму предшественников он говорил, что все, конечно же, в руках Бога — но Бог сделал будущее зависимым от человеческого старания. Еще далекие от вырождения в расу *rois fainéants** османы скорее страдали от избытка энергии и невозможности пустить ее в дело.

С начала своего правления Махмуд II порвал с прошлым. В то время как большинство источников говорит, что султан оставил дворец Топкапи, храм традиций, в 1839 году или в 1853 году, в действительности он покинул его еще с 1808 года. Зимой он жил в Бешикташе — там, где сегодня располагается дворец Долмабахче, летом — в Бейлербее, Сирагане и Саадабаде — деревянных дворцах, теперь исчезнувших, чьи колоннады и фронтоны

* «Ленивых королей». Так обычно именуются последние франкские короли династии Меровингов в VII–VIII веках, при которых реальная власть находилась в руках майордомов. (Прим. ред.)

скорее напоминали Карлтон-Хауз, чем Топкапи. Их перестроил для султана императорский придворный архитектор Григор Амира Балян, армянин, чей отец уже служил императорским архитектором. В Бешикташе располагалось правительство, которое устроило за европейским фасадом традиционный османский комплекс из бассейнов, фонтанов, купален, банкетных павильонов, кухонь, складов оружия и комнаты для Священного Покрова, как в Топкапи. Некоторые правительственные учреждения и дворцовая школа продолжали оставаться в Топкапи; Блистательная Порта оставалась ниже дворца. Однако резиденция султана переехала на Босфор — прочь от преимущественно мусульманских районов²⁹.

Сэр Роберт Листон был впечатлен султаном, его *«императорской властью над правительством и его свободой от всех сомнений в средствах устранения препятствий, кои могут встать на пути... Из того, что я узнал о характере и поведении султана, чему я сам был свидетелем, я склонен заключить, что он скорее рискнет своим троном и жизнью, чем откажется от столкновения [с янычарами]. Те, кто знают его, говорят, что у него большие способности, сильный и активный ум — вероятно, с осознанием священного долга его роли, и таким сильным чувством личного превосходства, что он считает любую оппозицию крамолой; любое сопротивление ему бесполезно, а элементарное разочарование с его стороны вряд ли возможно»*.

Однажды Махмуд II заставил капудан-пашу провести зиму в Эгейском море и не возвращаться с флотом в Константинополь, так как он не привез с собой восставшего правителя Анатолии. Султан использовал Мухаммада Али, правителя Египта, чтобы противостоять ваххабитам в Аравии: Мекка вернулась под власть шарифов и султана в 1813 году. В 1818 году мятежных ваххабитских шейхов провели маршем по улицам Константинополя, затем убили, а их головы выставили в первом дворе дворца.

Махмуд II обладал черчиллевской потребностью в «немедленном действии». Однажды корабль, спускаемый в арсенале, застрял на стапеле. Как записал сэр Роберт Листон:

«Султан внезапно удалился, сказав, что вернется утром (спуск происходил в полдень), когда, как он полагает, увидит корабль идущим посередине канала. Немедленно были собраны толпы

рабочих; даже самого терзана-эмини* видели работающим всю ночь в воде при свете факелов. Когда его величество появился на следующий день, корабль был на плаву в середине потока, как он приказал».

Однажды султан пришел в Порту в 8 часов утра и вызвал рейса-эфенди. Чиновника не оказалось на месте. Не было и никого из министров, кроме великого визиря, который жил прямо тут. *«Его величество задержался примерно на полчаса, дождавшись, пока другие чиновники не начали приходить; тут же они получали от него замечание, которое как минимум уже не могли забыть»*³⁰.

Больше, чем большинство его предшественников, Махмуд II использовал террор в качестве инструмента управления. Возможно, около 200 женщин гарема Мустафы IV были утоплены в Босфоре, чтобы предотвратить рождение ими сыновей, — султан помнил, как янычары использовали имеющихся наследников против прежнего властителя. Одним из тех дипломатических решений Константинополя, что изменило баланс сил в Европе, стал договор, подписанный в 1812 году между Россией и Османской империей. Обеим империям нужен был мир — а Наполеон отвернулся от Османской империи, обсуждая ее раздел с Александром I в Тильзите и Эрфурте. Русские приобрели Бессарабию — и свободу повернуть большую часть своей армии против наполеоновского вторжения этим же летом. Империя вернула себе Валахию и Молдавию. Однако князя Мурузи, великого драгомана, обвинили за условия этого мира. Вызванный из своего ялы на Босфоре, он был приговорен к казни. Вырвав меч у палача, князь смог некоторое время защищать себя, но в конце концов был убит³¹.

Для иностранных дипломатов и драгоманов стало ясно, что янычар ждет такая же судьба. Они отреагировали привычной наглостью. В 1814 году на дворцовых воротах кто-то прикрепил бумагу, адресованную султану. Обращение представляло его собакой, ведомой янычарами: *«Ты видишь, как мы используем своих*

* Офицер, сочетавший обязанности морского министра и инспектора кораблестроения. (Прим. авт.)

собак: пока они полезны для нас и позволяют вести себя, мы используем их, но когда они перестают служить, мы выбрасываем их на улицу». Годом позже, как предупреждение султану, янычары пригрозили сжечь город. Беспорядки в столице достигли такой степени, что, как сказал один великий визирь, Константинополь превратился в посмешище для Европы³².

Восстание греков 1821 года, приведшее к затяжной войне с переменным успехом, отложило финальный час расплаты. Однако необходимость реформы армии подтверждалась неудачными действиями янычар против греческих повстанцев. Султана сравнивали с молью, которая действует в тишине и темноте, — или же со скорпионом, скрывающим свое жало до нужного момента. По планам султана его ага, Хусейн-паша, бывший лидер городской банды, начал избавляться от самых опасных янычар и внедрять шпионов в таверны и кофейни, где они собирались³³.

В 1826 году султан начал модернизировать армию. С XV века османская армия часто использовала иностранные технологии, особенно в области артиллерии. Военно-морской флот был модернизирован при Селиме III. Махмуд II сначала не угрожал упразднить корпус янычар. Однако янычары становились настолько непокорными и так сопротивлялись переменам, что в мае 1826 года Махмуд II добыл первую фетву от муфтия, утверждающую, что новое обучение и униформа — не европейские, а «современные мусульманские»; он также закрепил подписями обязательство одобрения своих действий от 208 старших чиновников.

11 июня 1826 года на большом плацу возле казарм янычар на Ат-Мейдане произошло одно из самых решительных событий в истории османского Константинополя. Четыре инструктора (один египтянин и три ветерана Селима III) начали строевое обучение 200 османских солдат, одетых в современную форму европейского образца³⁴. 13 июня на том же месте собрались 20 тысяч янычар, крича: «Мы не хотим военных упражнений неверных!» Артиллеристы, моряки и инженеры остались лояльными султану. Соревнующиеся армии прошли по улицам города, крича: «Мухаммед и Хаси Бекташ!» (дервиш-покровитель корпуса янычар), или «Мухаммед и Махмуд!» Уверенные в своей непобедимости, янычары атаковали дворец и гарем своего Аги и угрожали штурмом Топкапи. Великий визирь попытался

успокоить бунтовщиков, уверяя: «Новая военная система, которую мы приняли, и разумна, и согласуется с нашей священной книгой и религиозными нормами. Она имеет одобрение улемов. Мы хотим ввести ее к чести и усилению османской семьи. Мы не позволим убрать ни единого камня из нашего священного устройства».

Махмуд II прибыл на лодке из Бешикташа во дворец в состоянии приятного возбуждения. Он ждал этого момента восемнадцать лет. Он верил: «Или янычары будут вырезаны, или кошки будут гулять по развалинам Константинополя». В комнате для обрезания во дворце он протянул Священное знамя Пророка великому визирю и муфтию, произнеся со слезами на глазах: «Я хочу присоединиться к вам и сражаться среди истинных мусульман, чтобы наказать неблагодарных, которые оскорбили меня!»

Однако великий визирь и муфтий попросили его оставаться в безопасности дворца. Султан руководил операциями из помещения над императорскими воротами. Муллам во всех районах города были разосланы указания — призвать мусульман к мечети Султан-Ахмед, чтобы защитить султана и халифа. Город рвался в драку: многие мусульмане хотели отомстить за бесчисленные акты убийств и грабежей, совершенных янычарами. Всем выдали мечи, ружья и порох из дворцового арсенала. Над входом в мечеть Султан-Ахмед развернули Священное знамя. Великий визирь и старшие должностные лица разместились здесь же: они спали в палатках прямо во дворе.

Лояльные султану войска вскоре очистили Ат-Мейдан. Роль артиллерии оказалась решающей — как в Париже при падении дворца Тюильри в 1792 году или в Санкт-Петербурге при подавлении восстания декабристов в 1825 году. Поначалу артиллеристы колебались. Затем наперсник султана, известный как Кара Джахеннем, «Черный Дьявол», бросился вперед и зажег запалы пушек. Тысячи янычар погибли в последовавшем кровопролитии. Многие погибали от оружия, которым сами янычары пользовались столь часто: их казармы подожгли, а их обуглившиеся тела нашли в руинах на следующее утро³⁵.

Махмуд II был царственным революционером, который пролил в Константинополе больше крови, чем Комитет общественной безопасности — в Париже. 16 июня британский драгоман Бартоломео Пизани написал послу, сэру Стратфорду Каннингу:

«Каждый угол города обыскивается и каждого пойманного янычара и их офицера ведут к великому визирю для получения распоряжения о смерти, и казнят *ipso facto**; затем трупы сбрасываются посередине ипподрома, где они оставляются на три дня. Все общественные здания закрыты; рынки временно прекратили работу, все дела остановлены».

17 июня корпус янычар был формально расформирован по указу, гласившему, что на службе «османской монархии, которая продлится, сколько будет существовать мир», наука дает больший элемент успеха, чем количество или мужество³⁶. Каннинг подсчитал, что к 22 июня были казнены 6000 янычар и еще 5000 высланы: «Вход в Сераль, на берег под окном султана, и само море забито мертвыми телами — многие из них разорваны на части, пожранные собаками»³⁷. Официальный доклад, принятый и исправленный самим султаном, описывает конец одного мятежника в комнате под мечетью Султан-Ахмед: «Палачи закрепили на его шее петлю из змеиной кожи. „Тяните, ребята“, — велел он им и умер с необычайным мужеством».

Константинополь был городом долгой исторической памяти, где личности, такие как последний император Константин, Фатих Завоеватель или священный Эйюп, являлись частью каждодневного самосознания. Июнь 1826 года стал точкой расчета между династией и янычарами, завершением трехсотлетней истории. Официальная историография перечисляет случаи неповиновения корпуса вплоть до правления Селима I и Сулеймана, а также недавние вспышки мятежей, включая нападения на христиан. Многих янычар повесили по приказу великого визиря, на том же самом дереве на Ат-Мейдане, где янычары повесили великого визиря сто семьдесят восемь лет назад³⁸.

«Чистка сада империи от беспощадных и бесполезных сорняков», известная также как «Счастлирое Событие», сознательно подавалась как заря новой эры. Заявив, что ему больше не нужны огромные суммы, чтобы выплачивать их янычарам, султан отказался от своего права на конфискацию или наследование частной собственности: «Я больше не хочу бить в барабан из-за беззакония и криков о захвате имущества, раздающихся в моем дворе, приюте или суде»³⁹.

* Вследствие самого факта (лат.).

20 июня внешний двор дворца Топкапи отозвался на звук барабанов и дудок. Здесь появилось две тысячи турок «в различной одежде, но вооруженные мушкетами со штыками, построены по европейскому образцу и исполняющие новую форму упражнений. Султан, который сначала застыл у окна при этом зрелище, спустился и прошел мимо людей, рассматривая их. Его величество был одет по египетскому образцу [то есть в современную униформу], вооружен пистолетами и саблей, а на голове, на месте императорского тюрбана, красовался некий сорт египетской шапки».

Эта перемена в облике монарха была столь же решительной, как и введение Мустафой Кемалем шляп веком позднее⁴⁰. Когда-то османская одежда пользовалась таким престижем, что копировалась даже в Буда и Варшаве. Теперь ситуация изменилась: новая одежда султана, пришедшая с Запада, давала знак, что его империя открыта для западного влияния.

Продолжившиеся в июле и августе казни ужаснули город. Вместе с янычарами был объявлен вне закона и орден дервишей Бекташ, обвиненный в распутстве, отсутствии набожности и преступном шпионаже; за его членами охотились, их *текке* (обитель дервишей) была разрушена. Европейские купцы тоже были напуганы, а австрийского драгомана забили до смерти. Пожары, видимо, тоже спровоцированные бывшими янычарами, в конце августа опустошили часть города. Англичанин, житель Константинополя, записал: «Много повешенных. Общее недовольство. Спокойные турки надеялись на справедливую реакцию».

Наконец, единственные, способные остановить султана женщины города — пришли к дворцу с протестом. Резня замедлилась. Однако вендетта не закончилась. Многими годами позднее британский генерал собственными глазами видел, как султан наблюдал за рабочим, который сбивал с могильной плиты на кладбище в Пера изображения янычарских знамен⁴¹.

Глава 10

МАХМУД II

Место, известное как Рай, расположено в тени мечей.

«Сахих Аль-Бухари»*

Махмуд II проявил такую же жестокость к грекам, как и к янычарам. В 1814 году в Одессе, процветающем порту Черного моря, было основано тайное общество под названием «Филики Этерия», то есть «Общество Друзей», посвятившее себя разрушению Османской империи и освобождению «священной и несчастной родины» греков. Первые его члены, купцы, находившиеся на грани банкротства, обманули других греков, убедив их, что пользуются поддержкой царя и его министра иностранных дел, графа Каподистрии — грека с Корфу. В Москве в 1816 году к ним присоединился беженец Александр Маврокордато. В 1818 году штаб этеристов расположился в доме купца Эммануила Ксантоса в Константинополе. Однако этот город оказался слишком коммерческим и слишком османским, чтобы стать эффективным центром революции. По словам одного члена общества, ожидалось, что «*eforia* [совет] Константинополя... сыграет главную роль. Это могло произойти, если бы дух его членов не съедался их торговлей и их эгоизмом». Только 9% из 946 членов «Общества Друзей» были выходцами из Константинополя. Большинство фанариотов оставались лояльными империи или соглашались ей подчиняться, их амбиции были направлены на власть в провинциях.

Тем не менее в некоторых кварталах Константинополя дух изменился. В 1807 году, когда британский флот оказался у Сарай-бурну, патриарх Григорий V, автор патриаршей проповеди 1798 года, настаивавшей на лояльности Османской империи — с посохом в руке и в сопровождении 1000 греков, — помогал Се-

* Сборник суннитских хадисов (рассказов о жизни Мухаммеда), составленный в IX веке видным мусульманским теологом и комментатором Корана Мухаммадом аль-Бухари. (Прим. ред.)

лиму III укреплять фортификации Босфора. Однако когда он несколькими годами позднее узнал об обществе, он выразил ему симпатию. Хотя патриарх и отказался от членства в нем («Если его имя было бы найдено в книге памяти Друзей, вся нация оказалась бы в опасности»), один из его секретарей присоединился к заговорщикам — вероятно, чтобы держать его святейшество информированным¹. Тем временем в диаспоре и на Пелопоннесе движение набирало силу.

В Санкт-Петербурге в 1820 году князь Александр Ипсиланти, фанариот, ставший адъютантом Александра I, неуравновешенный, романтичный и бедный, согласился возглавить общество. В апреле 1821 года Ипсиланти пересек реку Прут, прибыв в Молдавию во главе «Тайного Легиона», состоявшего в основном из греков. Он считал, что Османская империя — это вулкан, готовый взорваться. На деле большинство румын не любили греков куда больше, чем турок. Александр Сутзо, правитель Валахии, считал восстание катастрофой для греков. Однако Михаил Сутзо, правитель Молдавии, переписывался с «Филики Этерия» в Константинополе через русского дипломатического курьера. Его письмо раскрывает глубину заблуждений конспираторов: *«Дайте пожару пожрать столицу. Подтолкните моряков взять контроль над арсеналом. Испытайте все средства, чтобы захватить султана в момент, когда он прибудет на пожар. Дайте голосу родины быть услышанным... Успех очень близок»*. Греки выступили против Османской империи на Пелопоннесе и Эпире².

Новости о мятежах и угроза в манифесте Ипсиланти — что полумесяц будет свергнут и крест над Константинополем будет поднят снова — ужаснули турок в столице. Маски спали. Мир, который позволял христианам и мусульманам веками жить бок о бок, внезапно рухнул. Мусульмане сочли греков скорпионами, способными на любое зло. Лучшее изложение ситуации принадлежит священнику из английского посольства, Ревду Роберту Уолшу: «По возвращении в Пера я обнаружил, что за несколько часов произошла полнейшая перемена в облике и поведении людей». Армяне укрылись в своих домах в жуткой панике. «Турки медленно расхаживали по улицам, держа одну руку на рукояти своих ятаганов, а другой подкручивали усы; в то же время греки и евреи, где бы ни встречались с ними, отходили с пути, в какую-нибудь лавку или кофейню, которые оказывались открытыми».

Греков убивали, на западноевропейцев на улицах тоже нападали мусульмане. Анафема мятежу, составленная патриархом после пятичасового совещания с султаном и подписанная Священным синодом, зачитывалась в каждой церкви³.

Однако султан справедливо подозревал патриарха в том, что тот знал больше, чем рассказал. 22 апреля, в субботу перед Пасхой, во время многолюдной службы в патриаршей церкви в Фанаре анафему зачитали снова.

«Люди уже готовы были разойтись под сильным впечатлением от того, что они услышали, когда внезапно несколько чаушей [стражей] вошли в патриархию. С трудом протиснувшись сквозь массу людей, которые приняли их за охранников, посланных, как обычно, поддерживать порядок в толпе, они грубо схватили патриарха, который только что благословил народ, и его совершавших богослужение епископов; и, вытащив их за ворот во двор, набросили веревки им на шеи».

Патриарха притащили к воротам Фанарского двора, подвесили на них и оставили умирать. Так как он был стариком и мало весил, его агония длилась много часов. Двух священников и трех архиепископов повесили в разных частях города — чтобы распространить известие о возмездии и презрении. Через три дня тело патриарха сняли и, чтобы поощрить межобщинную ненависть, отдали евреям, дабы они протащили его через грязный рынок к Золотому Рогу. Там его бросили в море, где, раздувшееся от гниения, оно вскоре всплыло на поверхность. Несколькими днями позднее его тайком выловили, чтобы похоронить в Одессе.

Кошки и грифы дрались за тела убитых на улицах христиан, но первыми их получили собаки. «Действительно, невозможно представить себе более мрачную сцену ужаса и разора, чем сейчас представляет собой турецкая столица». Грека-архитектора Компеноса Калфу обезглавили, когда он заканчивал осмотр здания, которое построил для османского флота в Галате. За императорскими воротами дворца Топкапи были свалены штабели голов. Когда 22 мая 1821 года британский посол направился предъяснить свою аккредитацию Махмуду II, его свита увидела груды из ушей и носов, «как небольшие копны сена» — трофеи победы, присланные османскими генералами с Пелопоннеса, и мальчишек, гоняющих головы на улице. Внутри, перед неподвижным султаном новый драгоман, Ставраки Аристархи, дрожал так сильно

и испускал столько пота на письмо посла с аккредитациями, что с трудом разбирал слова⁴.

Из семидесяти шести греческих церквей в Константинополе и вокруг него — рост их числа с XVI века был признаком роста благосостояния греков — одна была снесена и тринадцать разграблено янычарами. Фонтан Святого Спасителя у дворца Топкапи, где когда-то султаны наслаждались греческими танцами и пением, был снесен навсегда⁵. Только 5 июля, через десять недель, появился указ не убивать христиан «без провокации». Рынки снова открылись, и некоторая степень безопасности вернулась в город⁶. Однако мусульманам, даже мальчикам, позволялось оставаться вооруженными. Хотя армяне и так испытывали мало симпатии к своим собратьям-грекам, правительство, стремясь «разделять и властвовать», приказало им приостановить все отношения с греками, не держать слуг-греков и не носить одежду франков⁷.

Гекатомба фанариотов обозначила конец их эры. Дворцы Мурузи и Каллимачи в Тараби были разграблены и разрушены. Константина Мурузи казнили в его официальном костюме драгомана возле павильона Алай. Николая Мурузи, великого драгомана флота*, который вдохновлял пелопоннесцев на восстание, успокаивая при этом турок, казнили в арсенале. Другими жертвами оказались два бывших великих драгомана, Иоанн и Карл Каллимачи, а также Ставраки Аристархи — он имел причину дрожать. Многих городских греков повесили, сослали в Анатолию или же они бежали в Россию. Улицы Фанара устилали книги, вытащенные из греческих библиотек, пока их не собрали по приказу султана и не распродали дипломатам-католикам из Пера.

Большинство фанариотов порвали со своим османским прошлым и вернулись в Грецию. Ипсиланти, Караджа и Сутзо приняли участие в войне Греции за независимость. В своих мемуарах князь Николай Сутзо признавался, что он мальчиком с удовольствием изучал турецкий, персидский и арабский в Тарабии. *«Но потом, после того, как я уехал из Константинополя и греческая*

* Первый покупатель Венеры Милосской — перед тем, как ее захватил на острове Мелос и позднее вывез во Францию второй советник при французском посольстве виконт де Марцеллус. (Прим. авт.)

революция изменила направление моих мыслей, я больше не имел возможности поддерживать каким-либо образом свое обучение, так как не оставалось времени закрепить изученное, и закончилось все потерей всех знаний»⁸.

Маврокордато, самая известная из всех семей фанариотов, также порвала с Османской империей. Георгия Маврокордато, бывшего великого гетмана Валахии и великого бана Молдавии, повесили в Константинополе 17 апреля 1821 года — он стал первым погибшим из этой семьи. Карьера его кузена, Александра Маврокордато, символизировала обращение Фанара к греческому национализму. Рожденный в Константинополе в 1791 году, в 1812-м он сопровождал своего дядю Иоанна Караджа, господаря Валахии, в Бухарест. Там он присоединился к «Филики Этерия». В 1818 году в качестве великого постельничего, или министра иностранных дел, он засвидетельствовал свое почтение Александру I во время его путешествия по южным провинциям, рассказывая Каподистрии, что «как греки, они жаждут услышать, что русские армии пересекли реку Прут»⁹.

В тот же год он последовал за своим дядей, отправленный в ссылку после обвинения в коррупции и неверном руководстве. После посещения Женевы и Парижа он приехал в Пизу, чтобы посещать университет, — первый Маврокордато с 1650-х годов, получивший образование на Западе. Этот полиглот-космополит, легко себя чувствующий в четырех культурах (османской, греческой, румынской и западноевропейской), настолько пропитался национализмом, что первым заговорил о превращении Османской империи в турецкое национальное государство. На Балканах и в Анатолии смесь рас и религий была такой же сложной, как и в самой столице империи. Ни один регион не подходил менее для создания национальных государств.

Уничтожение мусульманской и еврейской цивилизаций на Пелопоннесе стало одним из первых актов греческого восстания в 1821 году. И все-таки, невзирая на историю, демографию и географию, Александр Маврокордато записал: «*Эта власть [Османская империя] несется к своему падению... ее нужно или заменить национальным правительством в качестве правительства греков, или правительством, поставленным русскими*». Должна была возникнуть «молодая и энергичная сила» — новая греческая империя¹⁰.

В Пизе Маврокордато очаровал огромными «усищами» и романтическим выражением лица своих соседей — семейство Шелли. Шелли посвятил свое неистовое османофобское стихотворение «*Hellas*» [Греция] (с эпиграфом «Я — пророк благородных сражений») «его превосходительству князю Александру Маврокордато, последнему министру иностранных дел при госнодаре Валахии... несовершенный знак любви, симпатии и дружбы автора». Маврокордато учил Мэри Шелли греческому языку. Она учила его английскому, который он усваивал со скоростью фанариота.

В 1821 году, когда мать и сестра Маврокордато бежали из Константинополя, спрятавшись в мешках с мукой на греческом корабле, который в безопасности доставил их на один из островов Эгейского моря, Маврокордато покинул Пизу, уехав в Марсель — тогда центр богатой греческой колонии. 18 июля, собрав рекрутов, деньги и оружие, он отплыл в Грецию. 11 августа 1821 года он прибыл в Миссолонги, а 1 января 1822 года был объявлен президентом. Затем, до самой смерти в 1863 году, он оставался центром греческой национальной жизни, премьер-министром — и временами послом в Константинополе¹¹.

Воюя с греками на Пелопоннесе, Махмуд II начал создание новой османской армии. Как в реформированной русской армии Петра Великого, здесь решающую роль играла султанская гвардия, являясь и школой обучения, и основной боевой силой. Бостанджи и две церемониальные структуры, *солаки* и *пейки*, были формально реорганизованы 11 августа 1826 года. Теперь они входили в императорскую гвардию и подчинялись непосредственно султану, а не командующему армией. Они имели собственную офицерскую школу и командную структуру. Был также создан придворный батальон, где обучались рабы султана и дети элиты¹². Его содержание оплачивалось из конфискованных вакуфов янычар.

С 1829 года Константинополь начал походить на другие крупные военные столицы, такие как Берлин или Санкт-Петербург. Янычары жили в деревянных казармах возле Сулеймание или в собственных домах в городе. В других кварталах города архитектором Махмуда II Крикором Амиром Бальяном были построены каменные казармы в простом и величественном османском неоклассическом стиле, отличающемся широкими окнами, мра-

морными колоннами и желтыми стенами. Они были крупнее и в основном чище, чем их эквиваленты в других столицах: все имели особый павильон (*bunkiar kasri*) для визитов султана — знак его власти и вездесущности.

Деревянные казармы Селимие в Ускударе, построенные при Селиме III в 1794–1799 годах и смотрящие на Босфор, с 1826 года были перестроены в камне и вновь использовались с 1 февраля 1829 года. Этот огромный четырехугольник с башней, смесь Эскориала и Саундхерста, столь велик, что, как говорят, два солдата могут жить там в течение года, не встретившись. Ныне это штаб 1-го Стамбульского военного округа. Бальян построил также морскую школу и казармы на острове Хейбелиада в Мраморном море. Еще одни казармы были возведены на том месте, где сейчас находится площадь Таксим; также были построены казармы Дауд-паши вне города¹³.

С этих пор общей картиной на городских плацах для парадов, независимо от погоды, стал сам султан, одетый в простой темно-синий плащ, «казацкие штаны» и сапоги, обучающий свои войска с «выражением решительности и самоуверенности, а также надменности, не без некоторой степени свирепости». Он часто приходил в казармы переодетым, чтобы проверить их состояние. Ружье, которым один добросовестный часовой ударил незваного гостя в живот, украсили серебряными пластинами в честь такого дисциплинированного выполнения приказов; сегодня его можно увидеть в стамбульском Военном музее. К концу правления султана около 46 000 солдат, моряков и артиллеристов были размещены в Константинополе и вокруг него¹⁴.

Султану помогали лояльные офицеры вроде Хусейна-паши, Ахмеда Фатхи-паши, полковника гвардии (который заменил бостанджи-пашу), и два иностранца. Служивший Наполеону на Эльбе и при Ватерлоо, Джузеппе Доницетти, брат великого композитора, посчитал трудной карьеру в Европе эпохи Реставрации. Прибыв в Константинополь в 1828 году, он писал для османской армии марши в западном стиле — включая «Махмудие», первый официальный османский марш, сочиненный в честь султана. Парадные плацы Константинополя наполнялись музыкой Россини и Доницетти. Османская династия начала свой долгий путь любви к западной музыке. Доницетти-паша, как его теперь звали, работал во дворце (обучая и султана, и дам гарема ита-

льянской музыке) и в Императорской Музыкальной школе до самой смерти в 1856 году¹⁵.

Иностранцем, которому больше всех доверял султан, был некто Калоссо из Пьемонта. Этот бывший офицер наполеоновской армии, впутавшийся в либеральные заговоры в Пьемонте в 1820-х годах, поначалу пытался сделать в Константинополе карьеру пивовара. Он почти впал в нужду, когда в 1827 году его умелое обращение с лошастью, которая сбрасывала всех предыдущих всадников, обратило на себя внимание султана. Именно Калоссо научил Махмуда II, как перейти от традиционного мусульманского к современному западному искусству верховой езды. Раньше у турок существовали «огромные седла, как люльки, и короткие, неподвижные стремяна, которые задирали колени до паха»; теперь были введены маленькие седла и длинные стремяна. В то время как султан легко к ним приспособился, его гвардейцы ругали их, как изобретение дьявола. В 1828 году Калоссо рассказывал английскому путешественнику, что «султан мог легко управлять [кавалерийским эскадроном], как любой европейский майор или капитан с большим стажем».

Симпатичный, с «прекрасной военной осанкой и с элегантной легкостью манер», Калоссо вскоре достиг «непревзойденной степени расположения». Он обучал новые войска, виделся с султаном каждый день и получил в подарок один из лучших домов в Пера. Драгомань и послы, которые раньше игнорировали его, теперь приветствовали кавалериста «трепетной почтительностью» и потоком приглашений. Калоссо, который научился бегло говорить по-турецки, ценил своего хозяина за его «непреклонную волю» и то, что он называл «отсутствием предрассудков у этого правителя, который стоит неизмеримо выше своего окружения». Однажды при отправке Священного каравана султан держал Калоссо, христианина, рядом с собой во втором дворе дворца Топкапы¹⁶.

Признаком того, что Махмуд II решил модернизировать свою империю, стал головной убор, который он навязал своей армии и администрации, — малиновая шерстяная феска. Физическое простираие на полу во время молитвы делало требование к головному убору особенно важным для мусульман. Уже некоторые новые войска Селима III носили маленькие красные тюрбетейки — вроде тех, какими пользовались некоторые островные греки

и жители Северной Африки. В 1826 году султан принял феску как новый головной убор, и в 1827 году, после некоторых колебаний, 50 000 фесок заказали в Тунисе для его армии. В 1829 году этот головной убор распространили на всех наемных правительственных служащих. С тех пор тысячи красных конусов добавили цвета на улицах города.

Феска заменила тюрбан и на османских каменных надгробиях. Она была менее претенциозна, но больше подходила к униформе, чем тюрбан. Последний стал принадлежностью только мусульман; феска же носилась всеми правительственными чиновниками, а позднее — всеми, кто этого хотел, даже привратниками, независимо от их вероисповедания — хотя до 1840-х годов маленькие значки отличали христианские фески от мусульманских.

В 1832 году в Эйюпе была основана имперская фабрика фесок, где работали сначала тунисцы, а затем 1000 турецких и армянских рабочих. Сложный процесс изготовления фески включал окрашивание и отверждение шерсти. С верхушки фески свисала кисточка из голубого шелка или шерсти — такая длинная и сложная, что присоединение кисточек к фескам стало новой профессией в городе. В 1845 году «кисточковое проклятие», как его называли, наконец-то сменилось на короткую черную кисточку¹⁷.

Распространение фесок продемонстрировало рост престижа Константинополя и Османской империи. К 1860 году феска была принята мусульманами или хотя бы правящей мусульманами элитой на огромном пространстве от Боснии до Явы. В XX веке ее носили боснийские части австрийской армии*, кенийские подразделения британской армии, а до 1953 года — египетская армия. Феска символизировала османский путь модернизации; она была принята исламом, так как вводилась по инициативе султана и оказалась практична для использования во время молитвы. Но она не осталась исключительно мусульманской. Феска стала частью ежедневной жизни и, словами писателя-националиста Фалиха Рифки, «частью турецкой души». Способ, каким

* На последних фотографиях эрцгерцога Франца Фердинанда принимавшие его в Сараево боснийские официальные лица были в фесках. (Прим. авт.)

она носилась, мог указывать на богатство или настроение. Местные христиане и иностранцы, работающие на Востоке — Гордон, Китчнер, Рембо, Лоти, — носили феску, когда хотели выразить уважение по отношению к мусульманскому населению¹⁸.

Реформы султана не помогли Османской империи в борьбе против греческого мятежа. Успех мятежа подкрепило уничтожение 20 октября 1827 года османского флота при Наварине флотами Франции, Британии и России. Из Константинополя британский посол сэр Стратфорд Каннинг подталкивал командующих союзников противостоять османскому правительству. В попытке уговорить османское правительство признать Грецию европейские послы, которые чувствовали физическую угрозу в Константинополе, между декабром 1827-го и июнем 1829 года оставили город и уехали на остров Порос. Рейс-эфенди сообщил им: «Порта не нуждается в иностранных лекарствах. Меч ответит мечу. Для посредников нет места». Проливы были закрыты для иностранных кораблей.

В 1829 году Россия объявила войну империи. Новые войска султана в бою оказались не лучше янычар. 20 августа 1829 года русские вошли в Эдирне — второй город империи. Русский Черноморский флот встал поблизости от устья Босфора.

Население Константинополя, безусловно, полное энтузиазма по поводу реформ султана, созрело для восстания; захват русскими Валахии и Молдавии повлек за собой прекращение поставок оттуда продовольствия, поддерживавшего монополию правительства на снабжение города, что усилило угрозу голода в столице. Калоссо заявил, что некоторые улемы молятся за иностранцев, чтобы те сбросили неверного султана. Даже такой трезвый политик, как герцог Веллингтон, дал себя уговорить, что грядет распад Османской империи и восстановление греческой империи в Константинополе под властью принца Оранского или Прусского¹⁹.

Однако особенность стратегической ситуации вокруг Османской империи и непосредственно Константинополя заключалась в том, что ни одна внешняя сила не могла надеяться завоевать город без возникновения противодействия со стороны других стран. Более того, государственные деятели, управлявшие тогда

великими державами, слишком боялись политических последствий крушения Османской империи. Далекая от конфликта Востока и Запада, история «Восточного вопроса» показывает желание Западной Европы и даже России насколько возможно избегать распада Османской империи. Британский министр иностранных дел лорд Каслри сказал: «Варварская, такая, как она есть, Турция все же является необходимой частью европейской системы». В России тайный правительственный комитет заключил в 1828 году, что «преимущества сохранения Османской империи перевешивают ее неудобства» — так как она, вероятно, будет заменена государствами под влиянием Британии или Франции.

Когда Веллингтон в августе 1829 года оправился от своего первоначального опасения, что империя рухнет, он обнаружил великую правду: «Османская империя стоит не для выгоды турок, а для пользы христианской Европы». Меттерних объявил сохранение Османской империи в Европе «политической необходимостью для Австрии». Такое мнение сохранялось следующие сто лет — вместе со способностью османской армии быстро восстанавливаться, а также лояльностью мусульманских подданных, которые сохраняли Константинополь османским.

Султан и его министры знали, как повернуть интересы Европы к своей пользе. 9 сентября 1829 года, после консультации с османским правительством, послы и Британии, и Франции, сэр Роберт Гордон и граф Гильемино, написали русскому командующему: *«Блистательная Порта формально заявила нам, и мы без колебаний подтверждаем правдивость этого заявления, что в случае [дальнейшего русского продвижения] она прекратит свое существование»*. Оба посла получили право затребовать французские и английские морские эскадры, которые появились перед Дарданеллами, если они потребуются в помощь для поддержания закона и порядка в Константинополе. В этом случае иностранные посольства отстают город более эффективно, чем его стены. На деле русское правительство уже решило не нападать на столицу. 14 сентября в Эдирне был подписан мир. Россия получила большие приобретения на Кавказе, но вернула османам контроль за европейскими провинциями²⁰. Судьба Константинополя, и не в последний раз, решалась между Портой, русской армией и Королевским флотом.

Позднее европейцы пытались сохранить империю и действиями, и словами. С 1834 года Россия, Пруссия и Британия послали в Константинополь сухопутных и морских офицеров, чтобы реформировать османские армию и флот. Четыре раза — в 1834–1835, 1836, 1853 и 1878 годах — британскому послу в Порте давалась власть вызвать флот к Босфору, чтобы защитить Константинополь, если это попросит султан.

Сочетание резни, интервенции и пожара — а затем другого пожара, возможно, устроенного бывшими янычарами, разорившими Пера в 1831 году, — могли сделать Константинополь после 1826 года таким же мрачным и подавленным, как Мадрид в серые десятилетия, последовавшие за гражданской войной в Испании. По возвращении в город в 1832 году Стратфорд Каннинг записал: «Общая тенденция явно направлена на распад и уменьшение населения». Пера стала «великолепными развалинами»; империя «очевидно, стремится к распаду»²¹.

События опровергли предсказание посла. Не способный сомневаться или отчаиваться, поддерживаемый династической гордостью, Махмуд II бодро преобразовал свою столицу, свое правительство и себя. Казалось, что только янычары задерживали возвращение империи к открытости правления эпохи Фатиха и начала XVI века. После 1830 года дворцы Махмуда II выглядели европейскими не только снаружи, но и внутри — они приобрели северский фарфор, французские столы, стулья и часы, хотя, помня о своей привычке лежать на подушках, паши все еще для удобства ставили ноги на перекладыны стульев, а не на пол. Кофе во дворце подавалось «в манере франков — с блюдцем, ложечками, сахаром и даже сахарными щипцами». Султан ел два раза в день, в одиннадцать и на заходе солнца — не в традиционной манере с подноса, поставленного на пол, а на столе со скатертью, вилкой и ножом. Большая бутылка шампанского ставилась рядом с ним за обедом. Недоброжелательные наблюдатели отметили его красный цвет лица не к часам тренировок на открытом воздухе, а к попойкам во дворце. Его доктора записывали: «Он хотел видеть свой стол уставленным самыми прекрасными блюдами, лучшими винами Франции... его едой стала пища гурмана, и иногда он позволял себе быть расточительным». Вечерами из

дворца звучала музыка. Появлялись даже танцующие мальчики и, что шокировало придворных еще больше, греческие девушки, не принадлежавшие дворцу²².

Самый информированный человек в империи, имевший глаза и уши повсюду, он был последним султаном, который посещал кофейни «инкогнито» (хотя в реальности его всегда узнавали), чтобы проверять общественное мнение. С королевской самоуверенностью он беседовал с недовольными в казармах и мечетях, прощал мятежников, играл со своими детьми и шутил с драгоманами. В Тарабье он танцевал с баронессой Оттенфельс, женой австрийского посла (невообразимая смелость в империи, где танцы считались почти проституцией), и охотился со смешанной группой османов и европейцев.

Привычки веков, даже право султана на скорую казнь, постепенно исчезали в течение десятилетия. Последним примером быстрых казней стала смерть двух его министров, Пертева и Вассафа, в 1837 году. Когда английский посетитель, сэр Гренвилль Темпл, спросил дворцового служителя, украшают ли еще головы императорские ворота Топкапи, он получил полный сожаления ответ: «Раньше очень часто, теперь — редко»²³.

Целью султана и его твердым намерением было спасти монархию, что и привело к решению о модернизации страны. Нет четких свидетельств, подтверждающих слухи, будто его мать Накшидиль, валиде-султан с 1808 года и до своей смерти в 1818 году, являлась кузиной императрицы Жозефины и влияла на сына, толкая его к вестернизации. Но как валиде она могла устанавливать контакты с внешним миром. Такие слухи, как и более поздние истории о матери Ататюрка, обнаруживали нежелание Запада приписывать успешную модернизацию турку²⁴.

В 1826 году сэр Стратфорд Каннинг был встречен в Топкапи традиционным для посла приемом. В 1832 году в Бешикташе он уже носил дипломатическую форму без халата — как при западном дворе. Его *«очень любезно принял султан, и церемония была более почетной, чем обычно. Всех джентльменов, прибывших со мной, приняли в его присутствии и отдельно представили ему; он подарил мне бриллиантовую коробочку для нюхательного табака, лошадь и т. д.»*²⁵.

За принятием европейских обычаев Махмудом II последовало то же самое и у его министров. Они говорили, что, так как брэн-

ди и шампанское не существовали в дни Пророка, он не мог их запретить. Завтракая в Ускударе утром в день отбытия Священного каравана в Мекку в 1834 году, сэр Гренвилль Темпл получил от лидера каравана наряду с традиционной трубкой и кофе, фрукты, рыбу, йогурт и бренди. 25 января 1835 года грандиозный бал в Английском дворце посетили несколько пашей. Оркестр императорской стражи, состоявший целиком из турок, играл кадрили, вальсы и котильоны. Главнокомандующий османской армией открыл бал, пройдя полонезом с женой французского посла. Английские гости не могли не оценить «необычайную быстроту», с которой исчезали бутылки шампанского и бордо.

Константинополь приобретал новую идентичность как центр модернизации. В этом году князь Милош Обренович снял свой традиционный османский костюм ради новой фески и османского сюртука — *стамбулина*. За обедом с великим визирем он впервые попробовал французскую кухню и шампанское²⁶.

В то же самое время было реорганизовано центральное правительство и двор. В 1836 году были созданы новые министерства: внутренних дел, юстиции, финансов. Рейс-уль Куттаб стал министром иностранных дел. Бюро переводов, созданное в 1821 году, чтобы заполнить брешь, оставленную нелояльностью Фанара, воспитало несколько великих реформаторов будущего. С этих пор великий визирь стал менее «абсолютным помощником» султана и в большей степени премьер-министром. Здание новой Блистательной Порты, законченное в 1844 году, с итальянскими арками и фронтонами, походило на британское правительственное здание в Калькутте²⁷.

В ноябре 1831 года начала выходить первая османская газета на турецком и французском языках — официальное издание под названием «Таквим-и Векаи» («Календарь Событий»), или «Монитор Осман». Как наиболее образованная часть населения, в авангарде реформы часто оказывались улемы, и за печатью следили представитель улемы по имени Шейхзаде Эссед Мехмед-эфенди и француз из Смирны М. Блакье. Чтобы добиться максимально широкого распространения новостей, позже появились издания на греческом, армянском, персидском и арабском языках. Говорили, что сам султан проверял содержание газеты и сам писал статьи. Священник британского посольства Ревд Роберт Уолш записал: «Газета проделала свой путь в кофейню,

и того же самого турка, которого раньше я замечал дремлющим, полуодурманенным кофе и табаком, я вижу теперь проснувшимся, с газетой в руках, с охотой читающим по складам новости»²⁸. Султан дал городу новую жизнь.

Султан также изменил принцип обращения с меньшинствами, хотя реальность это изменило далеко не сразу. В речи в 1830 году он пообещал: «Я различаю среди моих подданных мусульман в мечети, христиан в церкви и евреев в синагоге — но нет различия среди них в чем-либо ином. Моя любовь и чувство справедливости ко всем ним сильны, и они все мои дети». Ужасы 1821 года не прекратили древней обоюдной нужды османского правительства и греков. Власти не хотели делать столицу чисто мусульманской. В мае 1821 года новый патриарх, сменивший Григория V, представил официальную записку, заверявшую султана в «непрерываемой верности и преданности» его провинциальных жителей. В августе 1821 года прокламация османского правительства приглашала греков вернуться в город, заверяя их, что никто не будет наказан.

Константинополь был местом долгой памяти, но зачастую — памяти селективной. Уолш писал:

«Когда я покидал Константинополь [в 1825 году], несчастные греки находились в ужасной тревоге и депрессии, редко появлялись за границами своих кварталов, а когда это случалось, они, казалось, съеживались, если их замечали, и проходили мимо с видом подозрения и тревоги, которые заявляют очень правдиво о состоянии опасности и подозрения, в котором они существуют. По моему возвращении [в 1833 году] я нашел их шумными, активными и веселыми как всегда»*.

Греческое возрождение было заметно на улицах. Они «взяли стену» турок — ранее заставлявших их ходить вне тротуара. На религиозных праздниках они танцевали на всех улицах в сво-

* Здесь автор упускает важный момент — именно в 1833 году на Босфоре по просьбе султана (для защиты от наступающей армии египетского правителя Мухаммеда Али) высадились русские войска. Их присутствие рядом со столицей было воспринято греками как надежная гарантия безопасности. По Ункяр-Искелесийскому договору Османская империя становилась союзником России, и этот союз продлился до смерти султана. Поэтому в возвращении лояльности константинопольских греков османскому режиму не было ничего необычного. (Прим. ред.)

их лучших одеждах, расчищая себе путь музыкой, перед тем как засесть в тавернах, которые они заполняли криками и смехом. После 1830 года было построено двадцать пять новых греческих церквей — в то время как многие разграбленные церкви, такие как усыпальница Балыклы, оказались реконструированы и стали еще больше. В 1831 году была основана греческая торговая школа на острове Халки с курсами английского, французского, немецкого и турецкого языков. С 1834 года патриарх снова получал назначение непосредственно от султана, как происходило до измены его предшественника в 1657 году. В 1838 году в Балыклы была построена больница Национального филантропического общества, для которой османское правительство поставляло свежие продукты²⁹.

Возник «второй Фанар» под предводительством семей Аристархи, Маврогени, Каратеодори. Двух последних связывала Лючия Маврокордато, кузина Александра Маврокордато. Рожденная в Константинополе в 1812 году, она умерла там же в 1884-м. Ее муж, врач Махмуда II Стефан Каратеодори, который, как говорили, мог читать Библию на восемнадцати языках, основал новую греческую династию, служившую султану. Английская писательница Джулия Пардо наблюдала за «вторым Фанаром» на балу, дававшемся богатым греческим купцом в длинной галерее его дома в Фанаре во время карнавала в 1836 году. Гости поддержали османское разнообразие красок. *«Такого ярко-голубого, глубокого розового и ярко-алого я никогда прежде не видела собранными вместе; их вкус к яркому распространяется даже на их драгоценности, которые они сочетают самым экстраординарным образом».*

Она танцевала с Николаосом Аристархи-беем, любезным, со сверкающими глазами, с «самыми белыми зубами, какие мне когда-либо приходилось видеть». Он оказался сыном драгомана, убитого по приказу султана в 1821 году, его мать и сестры подверглись ссылке и жили в нужде. И все-таки он служил и султану в качестве иностранного политического советника, и патриарху как великий логофет. Бал объединил различные страны и эпохи. Играл валахский оркестр. По крайней мере, две трети молодежи говорили по-французски. Аристархи, который имел своевременную репутацию человека, настроенного прорусски, пришел в западной одежде, но, поддерживая свой османский статус, держал

рядом с собой на танцевальной площадке слуг, которые постоянно подавали ему чистые носовые платки, роскошную трубку и стул, на который можно было присесть³⁰.

Армянская община также извлекала пользу из короткой памяти Константинополя. В 1819 году в отчетах Артина Дузьяна, директора Монетного двора, раскрылся подлог. Не имевших возможности вернуть деньги четырех членов семьи заставили подписать признание в растрате, а затем повесили в окнах их роскошного дома на Босфоре (позднее дом был отдан Хусейну-паше, поддерживавшему султана в «Благословенном Событии»). Но все-таки семья вернула себе пост директора Монетного двора в 1834 году и удерживала его вплоть до 1890 года.

В 1830 году, после долго агонизирующей борьбы с армянскими ортодоксами, которые возглавляли мятеж в Кумкапы, и высылки их в Анатолию, армянских католиков признали отдельной *миллет*, то есть религиозной общиной. С этих пор армянская община вступила в свой золотой век. Армянские церкви, построенные в 1830 году, все еще можно найти в Константинополе и вокруг него. Армянский советник Махмуда II, Харутьян Амира Безджан, часто являлся во дворец, а сам султан посещал его скромный дом в Еникапы. Во время войны 1829 года он посоветовал султану перестать регулировать поставки продуктов и положиться на силу рынков — этот акт спас город от голода. Он также помогал организовывать армянские школы, церкви и национальную больницу Святого Спасителя, которая все еще действует. Когда Безджан умер в 1833 году, его прах в урне поместили в лодку и провезли мимо дворца Бешикташ, чтобы султан смог оказать ему последние почести³¹.

Под контролем султанов промышленность перешла в руки преданных, упорно работающих армян, которые были более склонны к западной культуре и языкам, чем мусульмане, — в то время как последние продолжали руководить правительством и армией. Армия стала основной причиной возникновения фабрик — впрочем, как и многое другое в Константинополе. К 1780-м годам местный порох был столь плохим и его было так мало, что приходилось тайно импортировать иностранный порох из Испании и Англии. Желание достичь «европейских стандартов» или «английских стандартов» — эти фразы постоянно повторялись в официальных письмах — побудило в 1791 году

открыть в Ешилькёе, там, где сейчас аэропорт, две новые фабрики пороха: Бакыркёй и Азадлы. Ими руководили представители великой армянской династии Дадьян, представлявшей важную силу в жизни Константинополя в течение следующих ста лет. Аракел Амира Дад, который приехал в Константинополь из Анатолии в 1767 году в возрасте 14 лет, чтобы остаться с богатым дядей, вскоре получил титул бэйрутку-баши, или главного изготовителя пороха. С 1805 года, в попытке заменить английский импорт, семейство Дадьян начало завозить станки для изготовления тканей. В 1810 году Махмуд II записал: «Аракел Уста — честный и упорно работающий человек. Благослови их всех Бог!»

Сын Аракела, Ованес Амира Дадьян, родившийся в 1798 году, управлял фабриками по производству пороха, а также бумажной фабрикой в Бейкозе, основанной в 1804 году, и прядильной фабрикой в Эйюпе, основанной в 1827 году. Его новые методы в производстве ружей демонстрировались в присутствии самого великого визиря 29 июня 1827 года. Он стал международным предпринимателем, который знал и писал на османском, армянском, греческом и французском языках*. За счет правительства в 1835–1836 и 1842–1843 годах он посетил Францию и Англию, чтобы изучить самые последние промышленные технологии и нанять инженеров, работавших с паровыми машинами.

В 1830-х — 1840-х годах в Константинополе и вокруг него были основаны и другие государственные фабрики, некоторые использовали силу пара. Пушки и ружья производились на фабрике возле императорского дворца в Долмабахче; ботинки, мушкеты, кожа, медь и шерсть — в месте к западу от Йедикуле, которое стало чуть ли не промышленным парком. В 1837 году Махмуд II оказался так доволен пушками с фабрики у Долмабахче, что сказал Ованесу Дадьяну: «Проси. Чего ты хочешь от меня?», и удовлетворил его просьбу, чтобы христианских детей больше не забирали из Анатолии для работы на фабриках в Константинополе.

Однако ходили также слухи о некомпетентности и коррупции. Армянский проповедник назвал Дадьяна «смелым, знающим, дер-

* Его потомки все еще владеют его тремя перстнями с печатками, на каждом выгравировано его имя различным шрифтом: османским, армянским и латинским. (Прим. авт.)

ским, энергичным человеком, чье предназначение состояло в знании, как руководить людьми. Согласно этим принципам, каждый человек имеет свою цену, и найдется мало людей, которых невозможно согнуть в своих целях». Некоторые из фабрик семейства Дадьян закрылись, потому что не могли соревноваться с западным импортом. Единственными фабриками, которые работали хорошо в этом городе текстиля, — это те, которые производили фески, ткани и ковры. В императорских дворцах, построенных позднее в этом веке, среди немногих изделий, созданных в империи, будет шелк, покрывающий стены и стулья, сотканный на государственной фабрике в Гереке на Мраморном море³².

И физически, и ментально Константинополь вынужден был вступить в век индустрии. 20 мая 1828 года удивленные толпы заполнили берега Босфора, чтобы наблюдать за прибытием первого парохода — английского судна «Свифт», сразу же купленного султаном. В 1831 году другой символ прогресса и процветания, театр, был открыт сирийским католиком по имени Михаил Наум-эфенди на Гран-рю-де-Пера, напротив Галата-сарая; Доницетти-паша вскоре организовал в нем ежегодный оперный сезон. Наконец, выполняя проект, обсуждавшийся в начале XVI века еще Леонардо и Микеланджело, в 1836 году был построен мост через Золотой Рог. Султан, который пересек его первым, постоянно ездил туда и обратно в еще одной европейской новинке — конном экипаже³³.

В том же году на месте старой пажеской школы в Галата-сарая была основана школа для врачей и военно-морских хирургов: профессора в нее приехали из Вены, обучение велось на французском языке. Шокированным мусульманам, воспитанным на вере в превосходство исламской медицины, Махмуд II объявил, что причиной для изучения французского языка является как можно более быстрое знакомство с последними европейскими научными достижениями. Европейцы *«сильно развили методы изучения этих предметов и добавляют новые открытия. Поэтому арабские работы кажутся мне сравнительно недостаточными... моя цель при обучении вас французскому языку — не научить вас ему как таковому, а добиться, чтобы вы могли изучать медицину; и чтобы вы внедряли эту науку, шаг за шагом, в наш собственный язык»*. Открытая для всех жителей империи, к 1847 году школа насчитывала среди учеников 300 мусульман, 40 греков, 29 армян

и 15 евреев. Были основаны также политехнические, военные, административные и инженерные школы, после 1850 года это превратило Константинополь в современную образовательную столицу³⁴.

Французский начал вытеснять персидский как второй язык османской элиты. Вскоре он стал языком военной академии и отправляемых за границу османских дипломатов, для министерства иностранных дел в столице. Николаос Аристархи обучал ему наследника трона, Абдул-Меджида-эфенди. Французский стал настолько популярным, что к XX веку в турецком появилось 5600 заимствований из французского языка — слова вроде *makillay, noter, ruj* (от *rouge* — коммунист). Французский дал туркам средство коммуникации с городом и с миром более эффективное, чем их язык, ведь немногие немусульмане умели писать по-турецки. Однако французский являлся вторым языком греков, армян, посольств Пера и всей образованной Европы. С 1835 года, например, французский перевод великой истории Османской империи Хаммера продавался во всех франкоязычных книжных магазинах Европы, включая Константинополь, который в 1830-х годах имел магазин иностранной книги (Дж.-Б. Дюбуа).

Теперь Константинополь находился в постоянной прямой связи не только с Меккой и Каиром, но также с Парижем и Веной. После перерыва на период Революции и Империи, Париж восстановил свою роль столицы науки и медицины, литературы и удовольствий. Он был «колыбелью новой Европы — великой лаборатории, где формировалась мировая история», по словам немецкого путешественника³⁵. Османский поэт соглашался:

*Желанья разрывают — лежит твой путь в Париж;
Парижа не увидел — и жизнь свою простишь.*

Великие реформаторы Мустафа Решид-паша, Али-паша и Ахмед Вефик-паша служили или получали образование там. Именно Париж XIX века, а не «высокие принципы 1789 года», изменили Константинополь.

Другой реформой, проведенной благодаря Махмуду II, стало введение с 1836 года системы карантина и чумных больниц, чтобы победить распространение чумы. До 1914 года санитарный совет из двух турок, пяти живущих в городе иностранных докто-

ров и пяти представителей иностранных посольств заведовали карантинными предписаниями. Официальным языком совета был французский. К 1850 году чума начала исчезать.

Однако модернизация и вестернизация вовсе не являлись синонимами: первое часто имело место именно вопреки влиянию Запада, а не благодаря ему. Хотя иностранные посольства помогали управлять карантинном, британский посол лорд Понсонби боялся, что карантинные правила помешают торговле и, несмотря на режим капитуляций, приведут к обыскам властями домов иностранцев. Ставя привилегии и доход впереди самой жизни, он написал в январе 1839 года: «Я не расположен к этим мерам»³⁶.

Преобразование города отразилось и на статусе женщин. Их марш протеста на дворец в 1826 году уже упоминался выше. Вскоре их свобода стала такой, что официальные эдикты обвинили «женщин греха» за ношение «любой одежды нового типа» и запретили им нанимать богато одетых молодых кучеров и грумов. Тонкий газовый *ферас* (плащ) был таким прозрачным, что он стал *une coquetterie de plus* — «дополнительным выражением кокетства». В процессии Священного каравана, *«при том, что женщины старательно скрывали свои брови и лица, за исключением глаз, они беззаботно позволяли спадать своим покровам, и не выказывали никаких угрызений совести при выставлении такого количества своего тела, что было больше, чем обычно открывали даже самые нещепетильные женщины Лондона и Парижа»*.

Ни одна женщина не была настолько свободна, как любимая сестра султана Эсма-султан, равно известная красотой своих рабынь и слабостью своих моральных устоев. Рожденная в 1778 году, она овдовела в возрасте 25 лет и, в отличие от большинства других принцесс, не вышла больше замуж. Ночью ее дворец на Босфоре привлекал каяки всех размеров, причаливающие снаружи под звуки музыки ее прославленного женского оркестра. Принц де Жуанвиль, сын короля Луи-Филиппа, был больше впечатлен внешностью принцессы, орлиными чертами ее лица и тремя восхитительными служанками, летящими через Босфор в каяке с гребцами, чьи тончайшие рубашки и брюки едва скрывали их атлетические фигуры, чем самой Айя-Софией.

Визиты принцессы на Сладкие Воды Европы или Азии выглядели настоящими набегами. В этих долинах света, тени и воды,

среди играющих детей и групп ярко одетых женщин, сидящих в тени древних лип, ее приближение походило на парение хищной птицы над стайкой беззащитных курочек. Каждый мужчина начинал дрожать, если привлекал ее внимание, — потому что тогда она отправляла слугу, чтобы призвать его в свой дворец. Отказаться было невозможно. После того, как она получала желаемое, она, как говорили, приказывала утопить измотанного мужчину в Босфоре³⁷.

Ее дворец в Ортакёе (она также имела дворцы в Мачке, Эйюпе и Султан-Ахмеде), построенный в конце XVI века, содержал апартаменты, «полные позолоты и темные из-за портьер». Большой салон был покрыт персидскими коврами и украшен сорока порфиrowыми колоннами. Джулия Пардо — одна из множества европейских посетительниц, которая прибыла, чтобы наблюдать и описать революцию Махмуда II в Константинополе после 1826 года, — заметила: «Спальня, занавешенная малиновым и синим атласом, пахнувшая духами и с раскиданными повсюду любимыми вещами, имела вид почти английского жилища и такие же удобства». Апартаменты самого султана соединяли османскую роскошь и английский комфорт: там стояли золотые курительницы, усеянные драгоценными камнями; Коран, переписанный султаном и «выложенный золотом с императорским знаком в бриллиантах в каждом углу»; европейская кровать, занавешенная муслином, украшенным цветочным узором³⁸.

Так как Эсма-султан была одной из самых богатых женщин в Константинополе и имела огромное влияние на «моего ангела господина», как она называла своего брата, то Мухаммед Али Египетский писал ей письма в надежде повлиять на решения султана. Одним из самых доходных ее поместий были мастиковые рощи на острове Хиос. В 1822 году резня греков османскими солдатами на Хиосе привела к тому, что улицы и рынки столицы оказались заполнены греческими рабами. Запуганные молодые девушки, с которыми обращались, как с «коровами на английской ярмарке», представляли для Роберта Уолша «самую отвратительную картину человеческого страдания из всех, какие я видел». Возмущенная и смертями, и потерей собственного дохода, Эсма уговорила султана уволить офицеров, ответственных за резню. Она также освободила некоторых рабов и вернула их на Хиос за свой счет³⁹.

Красота рабынь его сестры, а также качество ее советов стали причиной его частых визитов к ней. Впрочем, султан обращал внимание и на мальчиков. Симпатичного полненького юношу по имени Мустафа он приметил, когда тот прислуживал в кафе своего отца в Бебеке. Начав с пажа, Мустафа-эфенди поднялся до управляющего домом султана и его личного секретаря и заработал репутацию жадного, легкомысленного и расточительного человека⁴⁰. Однако султан любил также женщин — в особенности грациозную веснушчатую рабыню своей сестры — Низап, смех которой казался «эхом самой радости». Она чувствовала себя такой счастливой во дворце Эсмы, что по праву ее приемной дочери трижды отказала самому султану. Другая красивая рабыня по имени Алеем, или Украшение Вселенной, представленная Эсмой брату*, родила Махмуда II двух сыновей — Абдул-Меджида и Абдул-Азиза. Впервые с 1808 года в династии оказалось больше одного представителя мужского пола, и османский трон более не зависел от одной жизни. Династическая биология стабилизировалась⁴¹.

Программа модернизации Махмуда II оказалась «революцией сверху», что посеяло в его подданных чувство небезопасности и уязвимости. Более того, после договора 1829 года цены на продукты питания выросли — ведь Валахию и Молдавию больше не вынуждали поставлять в Константинополь товар по дешевке. Торговый договор 1838 года с Британией уничтожил правительственные монополии, открыв империю для потока британских товаров, что разрушило многие традиционные османские ремесла. Нищие на улицах города стали более привычными. Солдаты новой армии, многие из которых набирались из сельских регионов, все чаще выказывали свое недовольство.

Гельмут фон Мольтке, прусский офицер на османской службе и будущий победитель во Франко-прусской войне, находил султана и его старших чиновников и офицеров обходительными. Однако женщины и дети на улицах иногда оскорбляли иностранцев; солдаты слушались иностранных офицеров, но отказывались

* В качестве валиде при следующем правлении она стала известна своей благотворительностью, жертвуя на бедняков и женщин города. (Прим. авт.)

им салютовать. Маршал Мармон, бывший маршал Наполеона I и Карла X, считал войска султана абсолютно негодными: «Это не войска — это компания приятелей, общее в их внешнем виде — лишь выражение печали и обиды. Ясно, что они знают о своей слабости». Для Джулии Пардо, по контрасту с внешним великолепием казарм и мастерских императорской гвардии, сами солдаты были «очень плохи», «просто мальчишки, грязные, нескладные и неловкие... не похожи на гвардию, какую можно было бы себе вообразить»⁴².

Народное негодование распространилось на самого султана. Греки заявили, что они видели знамение о неминуемом обращении султана: крест Константина (который основатель города увидел перед своим обращением в христианство полторы тысячи лет назад) парил над Айя-Софией. Мусульмане отвечали: «Франки поворачивают голову султана, и вскоре он станет как они». В 1837 году, когда султан пересекал мост через Золотой Рог, дервиш, известный как Волосатый шейх, обозвал его «гяур-падишахом»: «Ты ответишь перед Аллахом за свое непочтение». Когда султан назвал его сумасшедшим, дервиш завопил: «Сумасшедший? Я сумасшедший? Это ты и твои главные советники потеряли разум!» Когда дервиша казнили, толпа приветствовала его как мученика. Вскоре начали говорить, что яркий свет засиял над его могилой⁴³.

Константинополь начал терять уверенность в себе. Во время посещения османского дома дамы постоянно заявляли Джулии Пардо, «как много в Турции всякого, что хуже того, к чему я привыкла в Европе». Зная о грубых комментариях западных людей каждый раз, когда случался пожар, великий реформатор Решид-паша написал султану в ноябре 1836 года письмо, отстаивая необходимость строительства каменных зданий и планирование улиц по европейскому образцу «согласно правилам геометрии»⁴⁴.

Но самая опасная оппозиция Махмуду II проявилась не в его столице, а в Каире. Это был политический гений, Мухаммед Али, египетский паша. Он обеспечил реванш Египта за триста лет подчинения и выплаты дани Константинополю со времени завоевания его Селимом I в 1517 году. Один из самых талантливых правителей XIX века, Мухаммед Али с 1820 года начал модернизировать Египет и отправлять египтян учиться в Европу. Его сын, Ибрагим-паша, мечтавший об арабском Халифате, не-

зависимом от Османской империи, создал эффективную армию, которая стала одной из моделей для войск султана после 1826 года. В 1818 году, вспоминая на Святой Елене о своей экспедиции в Египет, Наполеон сказал: «Восток лишь ждет человека». Был ли паша, а не султан, тем человеком, которого ждал Восток?

В 1832 году египетские войска захватили Сирию. В 1833 году они вторглись в Анатолию, а 2 февраля дошли до Кютахьи, находившейся всего в 150 милях от Константинополя. Так как Египет имел близкие отношения с Францией, султан в отчаянии обратился к традиционному врагу османов — России. 20 февраля русские корабли бросили якоря в Золотом Рого. Больше года 14 000 русских солдат стояли лагерем вдоль Босфора. На французские протесты ответили афоризмом: «Тот, кто падает в море, хватается даже за змею». Настроенный агрессивно-антирусски британский посол лорд Понсонби сказал султану, что тот бросает свою корону в колени императору Николаю, и напомнил ему о силе британского флота, способного остановить Мухаммеда Али и Россию⁴⁵.

Компромисс был достигнут позднее в этом же году, когда Мухаммед Али официально был назначен правителем Сирии. Русские войска ушли. Но вскоре паша потребовал наследственного владения Египтом и Сирией для своей семьи и исключения своих личных врагов из центрального правительства. Претендуя на то, что достоинством, энергией и мужеством заслуживает являться самым эффективным защитником «дела ислама и единства Османской империи», Мухаммед Али завоевал поклонников в Константинополе, даже во дворце.

В 1839 году он вновь напал на провинцию Анатолия. Султан похудел в заботах о своей армии и флоте, так что ему пришлось ушивать одежду. Поползли слухи, что он пьет чистый алкоголь или вино, разбавленное бренди, и что у него бред и белая горячка. 24 июня в сражении при Назиба в Анатолии египетская армия снова разгромила османскую армию. 29 июня султан умер в доме Эсмы-султан в Камлике в возрасте 54 лет. 15 июля капудан-паша Ахмед, бывший гребец на императорском каике, ушел в Александрию, уведя большую часть османского флота к Мухаммеду Али⁴⁶. За один месяц Османская империя потеряла флот, армию и султана.

ГОРОД ЧУДЕС

Пришел ли французский корабль?
Какие новости из Европы?

*Первая телеграмма, посланная
в Константинополь султаном Абдул-
Меджидом, 1847 год*

Махмуду II наследовал его сын Абдул-Меджид (1839–1861). Как и в 1829 году, Европа помогла спасти Османскую империю: британские и австрийские корабли и войска, частично организованные послами в Константинополе, разбили силы Мухаммеда Али в Восточном Средиземноморье. В 1841 году он согласился уступить Сирию, вернуть османский флот и увеличить выплату дани в ответ на дарование его семье права наследственного управления Египтом. Проливы должны были оставаться закрытыми для всех иностранных военных кораблей.

Превращение семейства Мухаммеда Али из мятежников в лояльных вассалов султана стало счастьем для Константинополя. В летнюю жару правящая семья Египта и все большее число богатых египтян оставляли Египет, чтобы провести несколько месяцев во дворцах на Босфоре. В 1846 году Мухаммед Али сам посетил город, в 1848 году в Бейкозе было закончено строительство дворца для его сына — Ибрагима-паши. В 1858 году одна из дочерей султана вышла в Константинополе замуж за внука Мухаммеда Али. Консервативные турки ругали египетскую экстравагантность и европейское влияние за рост цен и появление «новых следов распущенности в столице».

С укреплением Османской империи Константинополь вошел в свой третий золотой век. Это время сильно отличалось от эпохи Сулеймана или «эры тюльпанов» — теперь город разрывался между противоречивыми силами: династицизмом и национализмом, капитализмом и традиционализмом, исламом и христианством, русской армией и британским флотом.

Сидя на золотом троне в Воротех Счастья во дворце Топкапи, Абдул-Меджид принимал знаки уважения от сановников

империи, в то время как его оркестр играл мелодии из «*L'elisir d'amore*»¹. Его второй евнух посетил судью британского Верховного консульского суда Эдмунда Хориби для выкуривания трубки и многочасового разговора на беглом, хоть и высокопарном, французском языке. Старый сумасшедший, считавшийся святым, мог появляться, болтая с друзьями, абсолютно голым на улицах Константинополя и даже на приемах, посещая Блистательную Порту; беседы одетых но самой высокой парижской моде (голубой кашемир *robe de marinée*, гирлянды роз, рюши *crêpe lisse*) османских дам о последних французских романах заставляли иностранного посетителя чувствовать, что вскоре должна произойти «революция»².

Константинополь оставался последним бастионом портшезов — это средство сообщения вполне подходило городу крутых холмов и дешевого труда. Караваны верблюдов все еще прибывали из Европы и Азии. И все-таки город тоже переживал транспортную революцию. С 1833 года существовало регулярное пароходное сообщение с Одессой, с 1834 года — с Измиром, с 1837 года — с Марселем. С 1851 года возникла регулярная паромная линия между городом и его пригородами, хотя расписание паромов соблюдалось с трудом, так как, встречая друг друга, команды судов проявляли чудеса вежливости, пропуская друг друга первыми. Путешествие из Марселя сократилось от шести недель до шести дней. Число судов, прибывавших в порт Константинополя, увеличилось за тридцать лет в пять раз — с 7342 в 1837 году до 39 901 в 1868-м. К этому времени в порт прибывало так много пароходов, что черный угольный дым часто скрывал каики, суетящиеся у их бортов³.

После 1855 года Блистательная Порта имела собственный телеграфный узел, это способствовало и контролю над провинциями, и доступу в Европу. С 1872 года сеть трамваев на конной тяге протянулась от Едикуле (где уже располагалась не тюрьма, а зверинец) на западе города до Пера на севере — хотя в мусульманских районах и вагоны, и их обслуживание были хуже. Трамваи принесли на улицы османского города жизнь и шум Европы. Как записал один писатель и путешественник, итальянец Эдмондо де Амичис: «Вас поражает звук рожка и топот лошадиных ног, вы поворачиваетесь и едва верите своим глазам. Омнибус больших размеров движется вперед по двум железным рельсам, которые

ускользнули от вашего внимания, полный турок и франков, с кондуктором в униформе».

Центром внимания в городе оставался мост, построенный через Золотой Рог в 1845 году, — между толкающейся, кричащей толпой торговцев и носильщиков на причалах Галаты и величественным спокойствием мечети Валиде-Султан на константинопольской стороне. Переиначивая османскую пословицу о том, что мир — это мост, мост был миром. Рост коммуникаций привел в Константинополь в XIX веке куда большее количество национальностей, чем прежде, — и все они сталкивались на мосту Галаты. Для японского путешественника это был «Мост Десяти Тысяч Наций».

Греки в ярко-белых юбках шагали рядом с курдами в вышитых кофтах и арабами в бурнусах и куфиях. Албанцы в белых штанах, чьи оранжевые кушаки пузырились пистолетами, продавали лимонад или бозу* лазам — мусульманам грузинского происхождения с берега Черного моря, одетым в узкие черные костюмы и остроносые ботинки. Хамалы в коричневых кофтах шатались под массивными грузами (иногда один носильщик мог тащить на спине пианино или целый экипаж). Слепые попрошайки гремели оловянными чашками, крича «Аллах! Аллах!», когда мимо проходили европейцы в платье по последней моде или проезжал экипаж посла, перед которым бежали слуги в ливреях. В 1847 году вид чернокожего османского офицера верхом на лошади, сопровождаемого белыми пешими слугами, ставил в тупик посещавших город американцев⁴.

С точки зрения Пера и дворца традиционная османская одежда стала экзотической, ее можно было надевать для привлечения внимания или на маскарад, либо в случае старой униформы янычар выставлять в музее на Ат-Мейдане (некоторые из образцов такой формы можно видеть сегодня в Стамбульском военном музее). Османские официальные лица носили форму западного образца или чаще *стамбулин* — принятый после 1839 года обрезанный сюртук, похожий на те, что носили викторианские священники. Провинциальные или старомодные турки, однако, все еще носили свободные халаты и тюрбаны из цветистого муслина.

* Напиток из перебродившего проса, который все еще продается на стамбульском конце моста. (Прим. авт.)

Рядом с европейскими дамами в шляхах османские дамы демонстрировали необычайно яркие *фериджи* — яблочно-зеленые, пурпурные, ярко-синие. Позднее, к концу века, по западному вкусу краски сменились на менее живые: золотую, бронзовую или малиновую. Но какой бы ни была краска, доминирование западной экономики было таково, что после 1850 года почти все богатые жители города покупали в основном заграничный товар⁵.

Мост отражал подъем и падение империи, смену ее часов и сезонов. Ф. Марион Кроуфорд записал: «Нет ничего похожего на него во всем мире, от Сан-Франциско до Пекина — ничего столь яркого, столь живого, столь разнородного, ненормального и очаровательного». В полдень он был забит, ночью пуст. Во время Крымской войны 1854–1856 годов, в которой Османскую империю поддержали против России Франция и Британия, мост был заполнен английскими и французскими солдатами, которых городские уличные продавцы окликали: «Джонни!» и «Дис донк!» («Послушай!»). Прохлада, с которой солдаты смотрели на мусульманских дам в экипажах, заставляла сопровождающих евнухов ворчать «гяур!» и стегать хлыстом лошадей⁶.

Черкесы на улицах Константинополя, в бараньих шапках, высоких, как гусарские киверы, и в приталенных черных туниках отражали продвижение русских армий на Кавказе — или их желание продать дочерей и сестер на самом лучшем рынке. Появление пароходов увеличило число паломников, проходящих через город. Во время Хаджа прибывали держащие путь в Мекку персы и бухарцы в ярко украшенных ватных халатах. Их рассказы о мусульманском сопротивлении русскому продвижению в Центральной Азии электризовали кофейни столицы. Деревянные текке узбекских дервишей на холме над Ускюдаром, основанные в XVIII веке, действовали и как гостиницы для паломников, и как посольство Бухары в Константинополе. Русские паломники на пути в Иерусалим проходили здесь каждый год перед Пасхой; позднее в том же веке Николай II построил для них гостиницу в Галате — с часовней и куполом в форме луковицы над пятым этажом.

Движение на мосту Галаты было таким большим, что его пришлось расширять в 1863 и в 1878 годах, когда возле моста по обоим его концам выстроили ряд лавок и ресторанов, и опять в 1912 году⁷.

Толпа на мосту символизировала открытый дух правления Абдул-Меджида. Он любил вино, женщин и реформы. В 1847 году был закрыт городской рынок рабов: с тех пор рабов, высаживаемых ночью на берега Мраморного моря, продавали в частных домах вокруг Топхане и Сулеймание. Слова султана о рабстве, обращенные к британскому драгоману Фредерико Пизани в 1851 году, демонстрировали очевидную перемену в отношении османов: *«Это позорная и варварская практика... для разумного существа продавать и покупать себе подобных. Хотя с рабами в Турции обращаются лучше, чем где-либо, все-таки иногда их используют очень дурно. Разве эти бедняги не равны нам перед Богом?»* Однако рабство оставалось легальным до конца империи. Султан не прекратил приобретение рабынь для собственного гарема, хотя дал им исключительные вольности: их чадра была самой тонкой в городе, и они разговаривали с молодыми людьми из своих экипажей или дворцовых окон «самым оживленным образом»⁸. Любимица султана, Сафиназ Ханум, тайно встречалась с любовником в императорском саду Йылдыз на холме у дворца Чираган. Когда султан узнал об этом, его соперника не казнили, а только сослали в Бурсу.

Молодой член семьи Дадьян однажды осудил султана за курение во время посещения ковровой фабрики в Хереке, несмотря на запрещение, приклеенное на стене. Султан сказал отцу юноши: «Твой сын прав», — и затушил сигарету⁹. Османское правительство продолжало играть свою традиционную роль защитника евреев от предубеждения христиан — укоренившегося настолько прочно, что антиеврейские мятежи имели место в христианских районах вплоть до конца века. Хатт-и-шариф (императорский декрет) от ноября 1840 года опровергал «кровавый навет» христиан и заявил, что «еврейской нации будет оказано покровительство и защита». Султан лично приказал устроить кошерную кухню и «отпуск на шаббат» в Императорской Медицинской школе, чтобы подтолкнуть евреев к зачислению в армию.

Константинополь XIX века был великолепен в своем отвержении национализма. Абдул-Меджид и некоторые его министры представляли себе империю как оплот против национализма. Султан говорил Ламартину в 1849 году, что хотел создать один народ из разных рас и религий: *«Одним словом, национализировать все эти фрагменты наций, которые создают душу*

Турции, из справедливости, мягкости, равенства и терпимости, так чтобы каждая нация находила интерес в кооперации своей чести, своего сознания и своей безопасности при поддержании империи в виде монархической конфедерации под покровительством султана». Султан отдавал этой идее всю душу. Он создал своим сыновьям охрану, взяв по два представителя от каждой расы империи — курдов, сирийцев, друзов, черкесов, албанцев. Все они были выше шести футов ростом и носили соответствующие национальные костюмы на церемониальных событиях во дворцах и во время пятничных молитв¹⁰.

В период с 1839 по 1876 год выдвинулись три эффективных правителя — способных, энергичных, а то и деспотичных. Это были Решид-паша, Фуад-паша и Али-паша. Решид-паша, которого приметил еще Махмуд II, служил послом в Лондоне и в Париже. С 1837 года до своей смерти в 1858 году он шесть раз становился великим визирем и три раза министром иностранных дел. Он был известен не только своей реформаторской деятельностью, но также количеством и роскошью своих домов на Босфоре. Фуад-паша, сын известного поэта, получил образование в медицинской школе до того, как стал служить в палате переводчиков при Порте и дипломатом в Европе. С репутацией «человека, который во всех делах любил изобретения и инновации», он дважды становился великим визирем и пять раз — министром иностранных дел с 1852 года и до самой смерти в 1868 году. Он верил, что «ислам, в течение веков пребывавший застывшим, является прекрасным инструментом прогресса. Сегодня это часы, которые сбились со времени и которые необходимо заставить его поймать»¹¹. Али, сын бедного базарного торговца, разделял те же взгляды до самой своей смерти в 1871 году.

Под влиянием этих людей появилось два великих императорских декрета 1839 и 1856 годов, сформировавших базу для того, что стало известно как *танзимат*, — политики реформ, которой османское правительство следовало после 1839 года. Они пообещали христианам и мусульманам равенство перед законом вместо разделения правовых систем, равное отношение к военной службе и равный доступ на правительственные должности, освобождение от конфискации и словами декрета от 1856 года: «приобретение полного счастья для всех классов наших имперских подданных, которые привязаны друг к другу искренними связями

*общего патриотизма и все равны по нашему справедливому со-
страдательному мнению»*. Последняя казнь обращенного в ислам
за возвращение в христианство имела место 4 октября 1843 года.
Несмотря на протесты пяти европейских послов, встревоженных
рассказом жертвы, армянина прилюдно обезглавили, и его тело
вывесили на улице. Затем закон прекратил свое действие.

Смешанные суды для случаев, касавшихся обеих религий, на-
чали действовать с 1847 года. В 1850 году был принят коммер-
ческий кодекс, основанный на французском законе. Право кади-
сов регулировать мораль и контролировать рынки, отмененное
с 1826 года, было передано новому министерству полиции, также
базирувавшемуся на французской модели. К 1876 году, в основ-
ном под влиянием Франции, османский закон полностью транс-
формировался, власть патриарха над армянскими и православ-
ными общинами также была отменена¹².

Эти реформы проводились и для модернизации империи,
и для предупреждения иностранной интервенции. Помогая спас-
ти империю в 1839–1841 годах, уверенные в своем военном и тех-
нологическом превосходстве, иностранные посольства начинали
отдавать приказы Блистательной Порте. Они были известны как
«шестая великая сила» или (после создания объединенной Ита-
лии в 1861 году) — «шесть королей Константинополя»*. Послы
прибыли в Константинополь на военных кораблях «Тандерер»
и «Шарлемань» и перемещались в десятивесельных посольских
каиках между зимними посольскими дворцами в Пера и летни-
ми резиденциями в Тарабии: солдаты брали на прицел каждый
караульный пост, который они проходили.

Послы получали удовольствие как от своей власти, так и от
своего влияния. В 1840 году агент Ибрагима-паши, сына Му-
хаммеда Али, говорил, что британский посол «лорд Понсон-
би — это тот, кто сегодня направляет политику османского
кабинета». Решения иногда принимались великим визирем не
во дворце или Порте, а во время встречи с европейскими посла-
ми в британском посольстве. В Константинополе происходили
совещания послов, чтобы решить будущее Сирии, Египта или

* В 1817 году французский посол, не принимая в расчет других, назвал
британского посла лорда Стратфорда де Редклиффа «шестой великой си-
лой». (Прим. авт.)

самой империи. В 1869 году «посольства» и Порты совместно назначили международную комиссию для реорганизации городского порта¹³.

Большинство посольств в Пера были перестроены после великого пожара 1831 года, отражая новое соотношение влияния и намерений наций, которые они представляли. Российское посольство, возведенное между 1836 и 1843 годами, представляло собой романовский дворец красного цвета, демонстративно вырисовывавшийся над Босфором, — с десятью приемными залами, включая белоколонный бальный зал, украшенный видами Санкт-Петербурга. Архитектором был Гаспар Фоссати, который позднее восстановил Айя-Софию для Абдул-Меджида, поместив кафедру халифа — подтверждение османской власти — в раке, которую многие христиане, особенно русские, вскоре надеялись получить в свое владение¹⁴.

Французский дворец, построенный между 1839 и 1847 годами, с монограммой «LP» короля Луи-Филиппа на фронтоне, снаружи выглядел как большая провинциальная префектура. Внутри он был обставлен как дворец — с позолоченными табуретами, абиссинскими коврами, севрскими вазами, портретами султанов, королей и послов. Британское посольство было копией Реформаторского Клуба на Пэлл-Мэлл*, спроектированное У. Дж. Смитом и сэром Чарльзом Берри и построенное в 1844–1851 годах. Квадратный блок в тринадцать окон шириной с высокими стенами, просторным двором и зелеными лужайками делали его оазисом спокойствия среди суматохи города.

Высокомерность послов могла быть полезна империи, защищая ее от внешних врагов и защищая реформы в Порте от консерваторов. Решид-паша желал дальнейшего усиления «контроля» посольств — его собственный термин — и мечтал увидеть больше иностранных военных кораблей, стоявших в Босфоре, чтобы заставить султана проводить реформы с большей скоростью¹⁵.

* Реформаторский Клуб (или Клуб Реформы) — один из главных частных «джентльменских клубов» Лондона, одновременно являлся неофициальной штаб-квартирой Либеральной партии. Вид его серого трехэтажного здания, возведенного в 1836–1841 годах, повторяет дворец Фаренезе в Риме. По меркам Константинополя османской эпохи внешний вид посольства был весьма пуританским. (*Прим. ред.*)

Однако влияние послов усиливало чувство ярости турок из-за системы иностранных капитуляций. Консульские дворы начали заявлять право на то, что лишь они могут судить иностранцев за уголовные преступления против османских подданных; многие иностранцы и османские граждане — примерно 10 процентов населения — использовали дипломатическую защиту, чтобы избежать уплаты налогов. Османское правительство стало считать капитуляции самой большой помехой прогрессу страны. В 1847 году европейские жители сами подали петиции султану против передачи судебных функций посольствам; они произвели мало воздействия. В 1848 году лорд Стратфорд де Редклифф бушевал перед Палмерстоном: «Сокрушаясь о нарушениях, которые имели место, мы, тем не менее, настаиваем на британском праве иметь торговые привилегии в полной мере»¹⁶.

Стратфорд Каннинг, симпатичный и вспыльчивый, ненавидимый своим штатом, работал с пером в руке по десять-двенадцать часов в день. Его опьяняло чувство непогрешимости. Когда он выжил при несчастном случае во время езды верхом, его сотрудники, как говорят, выпивали за «удачу в следующий раз». Три раза Али-паша просил Лондон отозвать посла, так как тот пытался приписать все заслуги в проведении реформ себе и не позволить султану править, как равный. У посла с его женой существовала личная шутка: они называли султана не падишахом, а «Падди». Австрийский посол, граф фон Прокеш-Остен, который верил, что если Австрийская и Османская империи не будут держаться вместе, то попадут в беду одновременно, говорил, что Каннинг ведет себя не как посол, а как суверен. Антирусская настроенность Каннинга, подогреваемая Палмерстоном, лондонскими журналистами и британским общественным мнением, внесла огромный вклад в возникновение Крымской войны¹⁷.

Другим фактором стало стремление Наполеона III, который недавно объявил себя императором, бросить вызов решениям Венского конгресса 1815 года и посорить Австрию и Россию. Религия оставалась его любимым инструментом в таких делах. В декабре 1852 года ультракатолически настроенный французский посол маркиз де Лавалье временно добился права для ка-

голических священников хранить ключи от церкви Рождества Христова в Вифлееме.

Царь Николай I не разделял территориальных амбиций своей бабушки Екатерины II, однако он оставался настойчив при сопротивлении французским требованиям относительно святых мест, а также в стремлении установить русское покровительство над православной церковью. Он даже заявлял о праве русских официальных лиц «отдавать приказы» в церквях в Константинополе и других местах.

Царь надеялся в далеком будущем и в согласии с другими силами разделить владения Османской империи в Европе и превратить Константинополь в вольный город. Тогда русские войска стояли бы на Босфоре, австрийские — в Дарданеллах. Язык царя был необычайно агрессивным¹⁸. В начале 1853 года он сделал знаменитое заявление британскому послу в Санкт-Петербурге: «У нас на руках больной, человек печально больной», — хотя не так он был и болен, если значительное число собственных подданных царя, мусульман, католиков и старообрядцев избрали эмиграцию из России в Османскую империю.

23 февраля 1853 года, на глазах толпы возбужденных греков особый посланник царя, князь Александр Меншиков, надменный профессиональный офицер, в сопровождении штаба русской 5-й армии, высадился в Константинополе. Его миссия заключалась в том, чтобы сохранить, как формальное условие, не только все традиционные права православной церкви, но также заново истолковать условия договора, закончившего войну 1768–1774 годов, оговорив право России вступаться перед османским правительством за его православных подданных.

В XVI веке османское правительство демонстрировало уверенность в себе физическими унижениями русских посланников в Порте. В XIX веке, на том же самом церемониальном поле битвы, русские унизили свою жертву более утонченными средствами. Во время визита вежливости к великому визирю Меншиков надел гражданское платье, а не дипломатическую форму. Он спокойно прошел мимо офиса профранцузского иностранного министра Фуада-паши, сделав вид, что не увидел его, несмотря на усилия офицера по протоколу провести посла через открытую дверь к ожидавшему министру. Сдавшись под давлением русских, султан заменил Фуада-пашу на Рифат-пашу¹⁹.

Международный престиж, а вовсе не судьба православной церкви, стоял на повестке дня в Константинополе. Греческие епископы, знавшие о пренебрежительном обращении царя с русской православной церковью, боялись, что «защита» станет означать «подчинение». Они заявили русскому дипломату: «Теперь мы богаты и сильны. Девять миллионов душ находятся в руках патриарха, его синода и семидесяти епископов. Вы со своим правом защиты лишите нас всего». Более того, русское правительство в реальности было готово отказаться от почти всех своих требований²⁰.

Однако в марте 1853 года ситуация ухудшилась с приходом французского Средиземноморского флота в греческие воды. В апреле Стратфорд Каннинг, недавно произведенный в пэры и ставший виконтом Стратфордом де Редклиффом, вернулся в Константинополь с намерением, как он написал своей жене, «заставить П[орту] встать на мою сторону». Как предыдущие британские послы, Эйнсли и Понсонби, в возбуждающей атмосфере османской столицы он был готов рискнуть войной с Россией — и он имел власть вызвать себе британский Средиземноморский флот, если того пожелает султан. Когда Меньшиков посещал Решида в его ялы, Стратфорд ждал снаружи в своем каике, чтобы обсудить с пашой русские требования, как только они будут выдвинуты²¹.

Даже для Константинополя дипломатия этих месяцев оказалась необычайно лихорадочной. Османское правительство использовало перспективу французской и британской поддержки, чтобы спланировать войну с Россией при более удобных обстоятельствах, чем в 1829, 1787 и 1768 годах. Демонстрация *софта* (студентов медресе) в августе 1853 года была использована для просьбы о прибытии французского и британского флотов, которые затем встали на якорь возле залива Бесика у Дарданелл, — официально для того, чтобы защитить жизни и имущество иностранцев.

26–28 сентября Великий совет представителей судей, армии, флота и гильдий, созванный султаном, проголосовал за войну. По словам наблюдателя из британского посольства, Абдул-Меджид так разительно отличался от своих предшественников, а османское общество так быстро изменилось, что вместо того, чтобы промолчать или запросить дальнейших приказаний, Великий

совет из 120 человек напоминал в своих дискуссиях английскую Палату общин.

Получив ожидаемую фетву, султан 4 октября 1853 года объявил России войну. 22 октября объединенная франко-британская военно-морская эскадра бросила якоря у Золотого Рога²². 28 марта разразилась война между Россией и Британией с Францией.

В Константинополь начали стекаться добровольцы. Курдский контингент среди них возглавила незамужняя девушка по имени Черная Фатима, ходившая без чадры, — она сразу стала темой разговоров в кофейнях. К ужасу многих жителей города, французские войска расположились внутри его стен возле Айя-Софии. Холмы Ускудара покрылись снежно-белыми палатками их британских союзников. Их быстро окружила другая армия — ростовщиков, торговцев лошадьми, уличных продавцов и «мошенников всех национальностей»²³.

Французские и британские солдаты бродили по улицам города, задирая прохожих и грабя лавки; для поддержания порядка британцы и французы привезли собственных полицейских. Когда тюрьма при британском консульстве переполнилась, британцы начали размещать своих преступников в корпусе старого корабля, стоящего на Босфоре. Война и режим капитуляций позволили иностранным торговцам подрывать монополию городских гильдий — все еще могущественных сил в экономической жизни Константинополя. К концу 1855 года в порту работали несколько сотен лодочников из славян и мальтийцев, а иностранные винные лавки открылись во многих уголках города. «Не существует хуже головорезов, чем держатели этих лавок, и гнезд порока и разврата, худших, чем сами эти лавки», — записал американский политический обозреватель Нассау Сениор в октябре 1857 года²⁴.

Крымская война превратила Константинополь в город раненых. Вдобавок к традиционным османским больницам существовал хороший французский госпиталь в Пера, два плавучих британских госпиталя на Золотом Роге и британский морской госпиталь в Тарабии. Госпиталь, организованный в казармах Селимие в Ускударе, вылечил более 2000 британских раненых. Начальником госпиталя была Флоренс Найтингейл, которая жила в одной из башен, где теперь находится музей Флоренс Найтингейл. Когда она приняла руководство госпиталем, грязь, болез-

ни и переполненность ранеными делали его, по ее словам, хуже, чем самый бедный дом в самом худшем районе из всего, что она видела. Рядом располагались обычная больница и кладбище (теперь Крымское мемориальное кладбище — основное кладбище городской британской общины). Среди проблем было и отсутствие поддержки от британского посольства²⁵. Лорд и леди Стратфорд де Редклифф более предпочитали устраивать приемы, чем посещать больных.

К началу 1856 года Россия оказалась близка к поражению, и стороны собирались начать мирные переговоры в Париже. Триумф Крымского союза отпраздновали балом в британском посольстве, который посетил сам султан. В ночь на 8 февраля 1856 года под иллюминированными надписями «Виктория» и «Абдул-Меджид» артиллеристы, гренадеры и шотландские пехотинцы выстроились во дворе султана. Пушечный салют и гимн «Боже, храни Королеву» приветствовали прибытие султана в сопровождении английских улан. У дворца экипажа его встретил лорд Стратфорд де Редклифф. Леди Стратфорд де Редклифф в платье XVIII века принимала его на верху лестницы. После перерыва на отдых в вестибюле султан появился на сцене, которая соперничала с костюмированными балами королевы Виктории в Букингемском дворце. В ярко иллюминированном балльном зале служащие посольства предстали в костюмах правления королевы Анны или Георга III. Их затмевали традиционные костюмы таких местных гостей, как греческий патриарх, великий рабби, турок, греков, персов, албанцев; супруги богатых греков и армян сверкали бриллиантами. Главный черный евнух прогуливался под руку с другим чернокожим слугой, их мечи гремели по полу. Алексис Соьер, знаменитый повар, прибыл с цирковым медведем — который, как оказалось, был переодетым его другом.

Султан, одетый в простой темно-синий сюртук, передвигался по балльному залу, «раскланиваясь на обе стороны и улыбаясь на ходу», он выглядел как дикое животное в сопровождении «ярко расцветченной массы пашей». Вместо того чтобы сидеть на возвышенном стуле, приготовленном для него, он стоял и наблюдал кадрили и вальсы, одновременно принимая представлявшихся ему жен дипломатов. Затем он прошел через комнаты, откусал мороженого, выразил особое восхищение шотландскими войска-

ми и английской кавалерией, стоявшими вдоль лестницы, и уехал. Паши остались есть и пить до утра.

Поведение некой турецкой дамы, укутанной в серый феразе, вызвало удивление. Она подходила к британским офицерам, осматривала их звезды и ордена «самым бесцеремонным и неблагоразумным образом», укоряя проходивших пашей угрозой свободы: «Никаких клеток для нас больше. Мы собираемся видеть мир и сами судить и любить тех, кто нам нравится. Какие прекрасные высокие парни эти английские офицеры!» Следовали и другие пикантные ремарки. Наконец, Фуад-паша настоял, чтобы дама открыла, кто она. Она оказалась одним из секретарей посла — досточтимым Перси Смайтом, лучше всего знавшим турецкий язык^{26*}.

В ходе мирных переговоров в Париже в мае 1856 года Османская империя формально признала «преимущества общественного закона и политической системы Европы». Ее единство и независимость гарантировались всеми подписавшими договор. Дарданеллы и Босфор оставались закрытыми для военных кораблей всех наций, а России запретили держать флот в Черном море.

Дальнейшие празднования последовали после переезда Абдул-Меджида в его новый дворец Долмабахче 7 июня 1856 года. Министры и послы были счастливы дать себе волю, ободренные страстью султана к дворцам — страсть, которая сделала Константинополь, подобно Вене и Санкт-Петербургу, воплощением имперской силы XIX века. Долмабахче (1849–1856), Бейлербей (1861–1865), Чираган (1864–1871) и множество киосков, охотничьих домиков и частных дворцов было построено вдоль Босфора и над ним. Архитекторами опять стали члены семьи Бальян: Карабет Амира Бальян и его обучавшиеся в Париже сыновья — Никогос и Акоп Бальяны. Топкапи опустел, став дворцом слез для брошенных дам гарема и белых евнухов. Султан посещал его

* На Крымской мемориальной церкви ниже улицы Гран-Рю-де-Пера, первом неоготическом здании в Константинополе, после его смерти в 1869 году его «любимая и любящая жена» установила мемориальную табличку, на которой его хвалили за «никогда не ослабевающую привязанность к Турецкой империи». (Прим. авт.)

только на праздник коронации, и еще раз в год, чтобы почтить реликвии Пророка.

Середина XIX века стала апогеем «западничества». Украшения тронного зала Топкапи по приказу султана переплавили, собрав 88,3 килограмма серебра и 912 килограмм золота. В 1871 году легендарные прибрежные павильоны и летние дворцы, уже сильно разрушенные пожарами, снесли, чтобы построить высший символ прогресса — железнодорожную линию^{27*}.

Ни один современный монарх не строил таких роскошных дворцов, как султан. Абдул-Меджид следил за архитектурой и украшением Долмабахче во время ежедневных визитов на место строительства. Это был апофеоз османского великолетия. По османской традиции, ворота, украшенные огромным неистовым количеством урн, розеток и гирлянд, похожи на триумфальные арки. Величественный фасад 284 метра длиной выступает как луч белого мрамора между зеленью деревьев над голубизной Босфора.

Внутри дворца располагались 304 комнаты, заполненные позолоченными зеркалами, ламбрекенами, фарфоровыми каминами, хрустальными торшерами, поднимающимися на 1,5 метра от пола, двойными расходящимися лестницами с перилами из красного хрустала. Относительную простоту османской имперской традиции заменили на стиль, который Теофиль Готье назвал «восточным Людовиком XIV» — много мебели в Долмабахче поставили Сешан из Парижа и Уильям Гиббс Роджерс из Лондона.

Постепенно окруживший Бешикташ XIX века комплекс из конюшен, кухонь, театра, казарм и министерств превратили дворец в городской район: дома пашей с террасами имитировали лондонскую улицу. Сам дворец сохранил традиционные османские элементы — разделение на *селямлик* и *харемлик*, большие центральные холлы или софы, из которых открывались другие комнаты. Но его архитектура и меблировка стала существенно более европейской. Стены были увешаны европейскими королевскими портретами и коллекцией восточных изображений девушек гарема, хаджа, Сладких Вод Европы и Азии, которые привлекали последних османских султанов так же, как и евро-

* Эта линия соединила Константинополь с пригородами и Эдирне, а после 1888 года — напрямую с Западной Европой. (Прим. авт.)

пейскую элиту. Сад состоял из французских партеров, за ним ухаживали европейские садовники. В Стамбуле более не осталось традиционных османских садов. Не уцелел ни один из 1500 когда-то выведенных сортов османских тюльпанов²⁸.

В середине Долмабахче, поднимаясь на два этажа над остальным дворцом, находился самый большой тронный зал в мире. Пятьдесят шесть коринфских колонн поддерживают пышный *тронный зал* — потолок, расписанный, как задник итальянской оперы: колоннами, облаками, занавесями и цветами. Зал имеет тридцать шесть метров в высоту, сорок метров в ширину и пятьдесят метров в длину. Тронный зал стал церемониальным сосредоточием империи — взамен Ворот Счастья в Топкапи. Именно тут ставился позолоченный императорский трон, специально привезенный из сокровищницы Топкапи, когда султан принимал поздравления двора, правительства и гарема в конце Рамадана.

22 июля 1856 года состоялся банкет на 130 гостей, отмечавший и завершение дворца, и победу над Россией. Великий визирь Али-паша и министр иностранных дел Фуад-паша принимали гостей. Их представили смущенному, улыбавшемуся султану, который затем ушел: османский двор еще не успел настолько вестернизироваться, чтобы Султан и Халиф мог есть с гостями государства. За банкетным столом в тронном зале, освещенном громадной люстрой, в которой горели 400 газовых рожков, великий визирь сел на почетное место, лорд Стратфорд де Редклифф разместился справа от него; место слева занял маршал Пеллисье, победитель, командующий французской армией в Крыму. Среди гостей присутствовали османский главнокомандующий Омер-паша, незаменимый граф Пизани и дипломаты из Сардинии, Пруссии и Австрии. Императорский оркестр играл марш Меджидие, затем французский и британский национальные гимны. Когда снаружи разразился шторм, оркестр так испугался раскатов грома и вспышек молний, что убежал, а половину горелок задуло, так как музыканты оставили дверь наружу открытой. Гости, хотя и находились под впечатлением от дворца, не могли не сравнить банкет с пиром Валтасара или удержаться от предсказаний для Константинополя судьбы Вавилона²⁹.

Сохранившееся меню показывает смесь европейских и османских блюд, что очень характерно для последнего османского дворца: *бёрек*, *пилав*, *кадайиф* и *пахлава* перемежаются с *potage*

*Sevigne, paupiette a la reine, croustade de foie gras a la Lucullus**.
Некоторые блюда могли быть созданы только местным синтезом Востока и Запада: *croustade d'ananas en sultane, supreme de faisane a la circassienne, bar a la valide***³⁰.

Россыпь великолепных дворцов строили как для самоуспокоения, так и напоказ. Династия теряла уверенность в себе. Перед визитом императрицы Евгении в 1869 году по пути на открытие Суэцкого канала, главного метрдотеля султана, М. Марко, послали в Париж нанять шеф-поваров, лакеев и официантов — будто бы стандартов османского дворца больше не хватало³¹.

Вне дворцов модернизация города шла необычайно быстро. Равенство мусульман с христианами и евреями стало не только видно, так как они могли носить такую же одежду, но и слышно. После 1856 года, впервые с 1453 года, в Константинополе зазвонили церковные колокола. Некоторые мусульмане жаловались, что *хатт-и хумаюн* (имперский декрет) 1856 года стал «днем рыданий и горя для людей Ислама». Многие греки тоже предпочитали прежнее доминирование ислама нежеланной новизне равенства с евреями. В 1859 году тайный заговор против «инноваций» возглавил шейх мечети Баязида. Однако большинство улемов получили хорошие награды за уничтожение янычар. Боясь подобного же уничтожения, если они выступят против правительства, они хранили молчание³².

Более того, правительство сохраняло сдержанность при проявлении мусульманских особенностей. Селямлики Абдул-Меджида приобрели нотку фривольности. На парадах, в сопровождении оркестра, играющего Россини или «Марсельезу», султан иногда выглядел таким разбитым от удовольствий предыдущей ночи, что зрители боялись, как бы он не упал с лошади. Селямлики Абдул-Азиза, который взшел на трон после смерти брата в 1861 году, были более официальными. Он обычно приплывал на императорском каике в мечеть в Ортакее, построенную в 1853–1854 годах на Босфоре к северу от Долмабахче. Сэр Генри Вудз, он же Вудз-паша, один из англичан, нанятый на османский военный флот, вспо-

* Суп Севиньи, королевский мясной рулет, паштет из гусяной печени по лукулловски. (Прим. ред.)

** Ананас по-султански, великолепный фазан по-черкесски, окунь по-валиде. (Прим. ред.)

минал, как султан мчался по Босфору — «гордый, высокомерный человек с опущенными бровями и мрачным выражением темного лица, глядящий прямо перед собой». Весла «работали абсолютно равномерно, погружаясь и поднимаясь, как одна пара. Всплесков не было — но когда весла выходили из воды, с лопастей падали капли, сверкая, как бриллианты в ярком солнечном свете». Вдоль берегов Босфора играли оркестры, войска салютовали оружием, а люди низко кланялись. Из фортов и с кораблей султану салютовали пушки, и когда он пролетал мимо, каики толпились рядом, чтобы лучше его разглядеть³³. Султан, город и море объединялись, чтобы приветствовать Бога и Империю.

Традиционный мир священного города, в чьих мечетях и медресе студенты в традиционной одежде были обязаны изучать Коран и Хадис, не уничтожило правительство танзимата — хотя министры считали, что медресе тоже нуждаются в реформе. В Константинополе западная и османская культуры жили бок о бок. Абдул-Меджид любил и западную оперу, и традиционную каллиграфию: примеры его собственной каллиграфии висят в Хирка-и Шариф, мечети с интерьером итальянского оперного театра, которую он построил возле мечети Селима I.

Далекие от исчезновения перед лицом модернизации, дервишские ордена процветали. Текке ордена Мевлеви постройки 1855 года на Гран-рю-де-Пера представляет характерное сочетание стилей Востока и Запада. С коринфскими колоннами и зеленой деревянной крышей, он выглядел как ирландский танцевальный зал. Орден Бекташ, запрещенный Махмудом II, возродился при его сыне, появились и новые ордена — такие как Накшбанди. Реформы этого периода, подчеркивающие равенство религий и важность современной науки и философии, воспринимались как продолжение принципов суфизма. Поздние суфий Риза Тевфик, ведущий интеллектуал конца империи, записал: «Нет различия между духом суфизма и современной наукой». К 1900 году Константинополь содержал 350 текке — каждое с мечетью, залом собраний и библиотекой³⁴.

Присутствие новых франкоязычных школ, где мусульманские студенты читали Вольтера, и влияние османских студентов, вернувшихся из Парижа, привели к культурной революции

в столице. Первая неофициальная газета на турецком языке была основана в Константинополе в 1861 году бывшим парижским студентом Исмаилом Шинаси. Число книг, опубликованных в Османской империи, выросло с одиннадцати в 1820–1839 годах до 43 в 1840–1859 годах, 116 в 1862–1876 годах, 286 в 1877–1908 годах и 650 в 1909–1920. Среди них были первая современная османская пьеса «Женитьба поэта» (1860), первый роман «Любовь Талаата и Фитнал» (1871), которые атаковали такие опоры традиции османского общества, как устройство свадеб и рабство. Самым революционным османским писателем был Намик Кемаль, известный как «Ангел Смерти солецизма»*. Он начал уничтожать персианизмы, которые душили литературный язык, и сознательно отуречивать его. Обращаясь к революции в печати и переменах в менталитете, Е.Дж.У. Гибб написал в своей истории османской поэзии: «В 1859 году турки все еще практически оставались средневековым обществом. В 1879 году они стали современной нацией»³⁵.

Примером быстрой интеллектуальной трансформации части мусульманской элиты Константинополя стал писатель и государственный деятель Ахмед Вефик. Родившийся в Константинополе в 1818 году, он посещал лицей Сен-Луи в Париже в 1834–1837 годах, когда его отец был *chargé d'affaires* — поверенным в делах. После нескольких лет службы в бюро переводов при Порте (которое его дед возглавил после казни Ставраки Аристархи в 1821 году) он служил дипломатом в Лондоне, Тегеране, Бухаресте и Париже, а также в Константинополе — в качестве члена Высочайшего суда и лектора в Османском Научном обществе.

Его отец, по словам их друга археолога и дипломата Остена Лейярда, был «превосходным турецким джентльменом с самыми рафинированными манерами и очень благородной внешностью — со своей снежно-белой бородой, тюрбаном и халатами». Он жил в старомодном деревянном доме возле мечети Сулеймание, заполненном прекрасными коврами, диванами, покрытыми шелком из Бурсы или Дамаска, — вот почти и все, что мы о нем знаем. Ахмед Вефик, однако, являлся новым «стамбуль-

* С о л е ц и з м — неправильный синтаксический оборот, не искажающий смысла высказывания. Характерен для простонародной речи или ее стилизации в литературе, например: «Подъезжая к станции, у меня слетела шляпа». (Прим. авт.)

ским эфенди» — полный, смуглый, безбородый, носящий феску и стамбулин, равно ориентирующийся в западной и османской культуре. В своем приятном, беспорядочном доме в саду позади крепости Мехмеда II Румели-Хисар, через Босфор от Кёпрюлюялыси, он сохранял традиционное разделение между мужской и женской половинами — хотя имел только одну жену. Говорят, он знал шестнадцать языков, среди них персидский, арабский, греческий, французский и английский, и владел самой космополитической библиотекой в Константинополе: в каталоге, опубликованном после его смерти, из 3854 книг и манускриптов только 1366 на арабском, персидском или османском. Он любил Библию, Шекспира и Диккенса. «Прекрасный набор информации о манерах подданных, западных и восточных... самый яркий, самый веселый и самый занимательный из всех товарищей» по словам Лейарда, Вефик был промежуточным звеном между Константинополем и Западом. Он переводил Виктора Гюго и Мольера на турецкий язык и помогал Чарльзу Уайту, корреспонденту «Дейли телеграф» в Константинополе — город наконец-то вошел в эру журналистики, — написать его «лучшие и самые точные рассказы о манерах и обычаях различных обитателей турецкой столицы»: «Три года в Константинополе» (3 тома, 1845)³⁶.

Сами официальные османские документы, книги и газеты все еще писались на языке, таком же витиеватым, как ворота дворца Долмабахче — сильно отличающемся от простого турецкого языка улицы. Письма дам императорского гарема выглядели лишь слегка менее сложными, чем в XVI веке. Многие образованные во Франции «стамбульские эфенди» отвернулись от собственной культуры — и именно их высмеивали в ранних турецких романах. В романе Ахмеда Мидхата «Фелатун-бей и Рахим-эфенди», опубликованном в 1876 году, центральная фигура, Фелатун-бей, любит западную мебель и презирает османскую поэзию: «Какая глупость, какой позор все это!» Он переселяется поближе к Пера и наслаждается посещениями ее современных кафе. Его сестра прекращает заниматься традиционным шитьем и покупает изготовленные на машинах товары. Старые османские устои исчезают.

Однако Ахмед Вефик поддерживал свою османскую культуру и национальную гордость. Он читал Хафиза и Омара Хайяма, писал историю османов и составлял османский словарь, которым

пытался упростить — и отуречить — традиционную османскую речь. За обедом в британском посольстве лорд Стратфорд де Редклифф бушевал из-за ареста преступника, находящегося под британской защитой, и спросил, что сделают власти, если он сам придет с *кавасом* (офицером полиции), чтобы добиться освобождения. Вефик ответил: «Ну, вероятнее всего они посадят вас и вашего каваса в тюрьму к арестованному — и они лишь выполнят свои обязанности!»³⁷

Важным связующим звеном между османской и западной элитами являлся разделяемый ими империализм. В описании своих путешествий на службе у султана Ахмед Вефик называл Валахию «новым Содомом» и был в ужасе от «этих ужасных людей, которых называют христианами Сирии». Османская империя была необходима Европе: *«Белград [в то время остававшийся османским] стоит армии в сто тысяч человек, и я считаю, эти сто тысяч будут защищать европейские интересы. Сербь, завладевшие Железными Воротами, станут неудобной силой для всех»*. Однако время от времени он поддавался отчаянию. В 1857 году, сидя у Румели-Хисар, символа османского завоевания Константинополя, он оплакивал слабость империи перед европейцами: *«Вероятно, мы наказаны справедливо. Мы были дерзкими и несправедливыми в своем обращении с другими нациями в дни нашей силы. Теперь, в нашем несчастье, вы подавляете нас. Это воля Божья»*.

Состояние Греции заставило Вефика прокомментировать, что «нет Греции, есть только греки»³⁸. В хаотичных, националистических Афинах Александр Маврокордато, глава «фракции Маврокордато» или проанглийской партии, говорят, был единственным греческим политиком, который «хотел нормального правительства, как это понимается в Европе»³⁹. Предпочитая Османскую империю независимой Греции, многие греки голосовали ногами и эмигрировали в Константинополь. Согласно переписи 1881 года более половины из 200 000 греков Константинополя родились вне города.

Самыми выдающимися из городских греков на этот период являлись «банкиры Галаты». В то время как Фанар стал тихой заводью, чистым и спокойным, как церковный квартал французского провинциального городка, банкиры жили в Пера и Тарабии, а работали в Галате. Дальние кузены Маврокордато по фа-

миллии Маврогордато оставили Хиос в 1830-х годах, чтобы стать банкирами в Константинополе. Их успех оказался таким шумным, что их бывший дом недалеко от Гран-рю-де-Пера выглядит как отель Фобург Сан-Жермен. Выдвижение греков в османском банковском деле происходило не просто из-за предпочтения греками представителей собственной нации — как поняли менеджеры первых турецких банков, открытых в 1920-х годах. Мало кто из мусульман обучался современным банковским технологиям или был готов начать с самого низа; по традиции, турки поступали на государственную службу или в армию. Только в 1871 и 1872 годах десять новых банков открылись в Константинополе: город назвали «Новой Калифорнией». Банкиры одалживали деньги в Европе под 3–4% и давали их османскому правительству под 12–18% — усиливая невозможность для правительственного долга оплатить деньгами текущие расходы⁴⁰.

Становление Константинополя как банковской столицы иллюстрирует карьера семьи Балтацци. Как и Маврогордато, они прибыли в Константинополь с Хиоса около 1830 года. Банкиры и откупщики, основавшие Балтацци-хан в Галатее и дом в Тарабии, вскоре они завоевали репутацию самых богатых людей в империи. Греческие женщины, продолжая традицию обольщения Пера, часто выходили замуж за иностранцев*. В 1864 году в возрасте 17 лет Елена Балтацу вышла замуж в Константинополе за австрийского консула, барона Вечеры. Ее братья на деньги, заработанные на Босфоре, а также благодаря своей любви к лошадям и покровительству Прокеш-Остена, переделались в венецианских аристократов⁴¹. Дочь Вечеры, Мария, променяла Пера на венские дворцы; именно с ней кронпринц Рудольф Австрийский решил совершить самоубийство в Майерлинге в 1889 году.

* В XIX веке мальтийский художник Амедео Прециози и шведский фотограф Гийом Бергрэн, жившие в Константинополе, женились на гречанках. Эвридика Аристархи, княжна с Самоса, в 1860-х годах имела любовную связь с сэром Генри Бальвером, британским послом. Он построил ей замок на острове в Мраморном море. По словам сэра Генри Драммонда Вульфа, она была *«женщиной огромного обаяния и образованности... пользовавшейся расположением различных посольств, одновременно будучи близка к гарему султана... она была единственной женщиной, которая могла холодно спорить о политических делах»*. Ее выслали как русского агента в 1877 году. (Прим. авт.)

Самым важным банкиром Галаты являлся соперник Маврогордато и Балтацци, Георг Зарифи. Получивший образование в Греции, Зарифи сделал состояние в Константинополе во время Крымской войны, поставляя союзническому флоту уголь. В 1864 году вместе с Балтацци, еще одним греческим банкиром по имени Ралли и евреем, графом Альбертом де Камондо, он основал банк под названием «Сосьете Женераль де л'Ампир Оттоман». В 1871 году «Левант Геральд» писала, что он «имеет непревзойденную финансовую репутацию в Леванте и, вне всяких сомнений, финансовую силу». Он имел влияние на османское правительство, как и фанариоты XVIII века; говорили, что «когда Зарифи, Кристакис и Агоп-эфенди хотят провести дело, сделка будет выполнена, неважно какая».

Щедро жертвуя на греческие школы по всей империи, а также Великой школе в Фанаре, которую он помогал перестроить, Зарифи оставался также истинным османом. Банкир Абдул-Хамида-эфенди, самого интеллигентного из сыновей Абдул-Меджида, он путешествовал чаще с османским, чем с греческим паспортом. Когда французский таможенный офицер назвал его греком, он ответил: «Я осман». Хотя и тесно связанный с Национальным банком Греции, в 1867 году он отказался подписаться на греческий правительственный заем, собираемый на константинопольском рынке, на основании того, что он предназначался на покрытие военных расходов. В письме от 5 апреля 1867 года он написал: *«Конечно, некоторые пылкие патриоты скажут, что с займами будут созданы армии и будут завоеваны турецкие провинции. Я говорю, что таким путем невозможно приобрести провинции. Единственный путь — это строить мосты, чтобы покончить с разбоем, и сбалансировать бюджет»*⁴². Он желал добра Греции, «моей стране»; но его интересы гнездились в Константинополе. В итоге заем провалился.

Греческая община процветала под защитой банкиров Галаты. Однако по инициативе Али-паши и Фуада-паши, патриархат и Священный синод были реорганизованы по «Национальным правилам нации римлян», составленным в 1858–1859 годах ассамблеей греков и одобренным в 1862 году императорским фирманом. Старые греческие гильдии рушились под давлением нового капитализма, вползающего в империю; их богатства

превратили в восемьдесят восемь греческих школ в столице и вокруг нее. Среди самых известных школ оказалась Зографон, построенная успешным греческим банкиром, Христати Зографосом-эфенди в греческом неоклассическом стиле; она выделяется на фоне внешне более сдержанной императорской османской школы Галата-сарай, на которую она смотрит. В 1861 году Зографос и доктор султана, Стефан Каратеодори, основали литературное общество «Филологикос Силлогос», расположившееся в здании возле Гран-рю-де-Пера. Не имея возможности восстановить Византийскую империю политически, «Силлогос» смогло, по крайней мере, начать первые археологические раскопки на месте Великого дворца византийских императоров возле мечети Султан-Ахмед⁴³.

Несмотря на процветание «второго Фанара», после 1860 года интеллектуальной и политической столицей греков стали Афины. Греческих детей посылали из Константинополя в Афины получать образование, а не наоборот. Именно в Афинах «великая идея» восстановления Византийской империи со столицей в Константинополе стала неопишуемой страстью, ведшей от колыбели до могилы. В 1844 году премьер-министр Коллеттис в речи на избирательной ассамблее обозначил место Константинополя в греческих сердцах и умах: *«Существует два крупных центра эллинизма — Афины и Константинополь. Афины — только столица королевства; Константинополь — это великая столица, город притяжения и надежды всех эллинов»*⁴⁴. Портреты Вселенского патриарха висели во всех греческих домах рядом с портретами короля и королевы эллинов — и Айя-Софии, изображенной без минаретов.

Тесно связанные с янычарами, в чьих финансах, по слухам, разбирались они одни, евреи сильно пострадали от «Благословенного события». Бехора Исаака Кармону, главу общины и банкира Эсмы-султан, задушили; следующие десятилетия стали упадком еврейской общины в городе. Осканий, горожанин-армянин, написал о них так — и его наблюдения подтверждаются другими источниками:

«Они живут в таких местах, где никто больше не стал бы жить. Их дома похожи на улы, буквально кишачие человеческой жизнью; одна-единственная комната может служить прибежищем для нескольких семей — а улицы их кварталов почти непроходи-

мы из-за скопления отходов и отбросов всяческого рода, которые, не разбираясь, выкидывают из окон их жилищ».

После 1850 года самым выдающимся городским евреем остался Альберт Камондо — позднее пожалованный в дворянство королем Италии, он стал графом Альбертом де Камондо, известным как «Ротшильд Востока». Родившийся в Ортакее в 1785 году, он стал другом и банкиром Мустафы Решид-паши. В 1854 году он помог основать первую светскую еврейскую школу, введя пугающие новизной уроки турецкого и французского. Среди ее учеников был Давид Молхо, который станет первым переводчиком имперского Дивана с 1880 по 1908 год. Взбешенные раввины противостояли реформам образования, в первую очередь урокам турецкого. Камондо был изгнан из общины, ему пригрозили физической расправой. Однажды по пути на пятничную молитву в Эйюпе государственный каик султана Абдул-Азиза внезапно окружили лодки со сторонниками раввината, поющими священные песнопения. Они получили разрешение от раввина, который вел травлю Камондо.

В конце концов введение Портой в 1864 году относительно либеральной конституции дало евреям их собственную ассамблею и снизило власть раввинов и религиозных судов. Однако Камондо оскорбился и уехал в Париж. Собственный консерватизм и отсутствие современной государственной образовательной системы отгораживали евреев Константинополя от знакомства с тем культурным подъемом, который испытали евреи Вены⁴⁵.

Роль Константинополя как метрополии модернизации подтверждается его воздействием на болгар. До 1876 года Константинополь являлся столицей Балкан. Под влиянием растущего богатства города и все большей легкости связей хорваты и черногорцы, «настолько же честные и верные, насколько и красивые», приезжали сюда работать ночными сторожами или строительными рабочими. После нескольких лет в столице они возвращались в свои горы с заработанными деньгами. Каждую весну, как это происходило веками, две-три тысячи болгар, «сильных, грубых мужчин» в коричневых куртках и овечьих папахх пригоняли в город стада овец и коз. Летом они работали на полях за городом в качестве молочников и садовников — и пугали прохожих пронзительным визгом своих волюнок⁴⁶.

Имея 40 000 болгарского населения, Константинополь стал самым крупным болгарским городом. В 1845 году, вдохновленные реформами танзимата, жившие в нем болгары, первое время действовавшие как отдельная национальная группа, выбрали двух представителей, Иллариона Макариопольски и Неофита Бозвели, которые подали прошение о создании в Константинополе болгарской церкви и о назначении болгарских епископов в районах с болгарским большинством. Вселенский патриархат, чисто греческий, несмотря на свое название, арестовал обоих болгарских лидеров и посадил в тюрьму на горе Афон. Однако уже в 1847 году в Константинополе появилась болгарская пресса. С 1848 по 1861 год болгарская газета «Цариградский Вестник», издававшаяся на постоялом дворе у моста Галаты, играла решающую роль в болгарской культуре и образовательной жизни, имея среди сотрудников известных болгарских учителей и писателей того времени⁴⁷.

Лидером болгарской общины был один из видных и многогранных людей Константинополя, подобный Камондо, Зарифи, или Дадьянам. Стефанаки Вогориди родился в 1782 году. В первые годы XIX века он служил османским драгоманом, а также был секретным агентом британского посольства в его контактах с дворцом: Стратфорд де Редклифф в середине ночи мог отправиться на веслах через Золотой Рог в Фанар для встреч в доме Вогориди. Лорд Понсонби разговаривал с ним по три-четыре часа и считал Вогориди «вероятно, лучше всех информированным человеком в этой стране», используя его «большую власть над умом султана». Вогориди общался с султаном более смело, чем любой министр. Как признак доверия султана, он в 1821–1822 годах, в начале греческого мятежа, был назначен каймакамом Молдавии, а в 1833 году стал первым князем Самоса* — остро-

* Его богатство и его флот завоевали ему автономию, хотя князь назначался Портой. (Прим. авт.)

В ходе войны за независимость Греции Самос был занят греками, однако по Лондонской конвенции 1827 года объявлялся княжеством, зависимым от Османской империи. Его князь назначался султаном, но автономия гарантировалась Францией, Британией и Россией; остров имел сенат и парламент. Фактически зависимость Самоса от империи выражалась лишь в ежегодной выплате дани, составлявшей 300 тысяч пиастров, — от 1 до 3% годового импорта острова. (Прим. ред.)

ва в Эгейском море, который для греческой элиты давал статус и доход, обеспечивавшиеся ранее Валахией и Молдавией.

Терпеливый, благоразумный и лояльный, Вогориди противился быстрому и неосторожному введению законов о равенстве между мусульманами и христианами в спешке — вероятно, потому, что оно угрожало власти патриархии. В 1851 году султан Абдул-Меджид лично посетил свадьбу дочери Вогориди с Иоанном Фотиадес-беем, константинопольским греком, которому достаточно доверяли, чтобы он занял сложный пост османского посла в Афинах⁴⁸.

Вогориди служил великим логофетом патриархии, и патриарх считал его греком. Однако мать Вогориди говорила на болгарском языке и носила болгарскую одежду. Стефанаки Вогориди был также Стефаном Вогориди — болгаринном, который вдохновлял болгарское культурное возрождение и церковную независимость. Несмотря ни на что, он оставался лояльным и реалистичным, османом. Он говорил британскому послу, что опыт России убеждает — «болгары останутся самыми горячими защитниками турок против России, если они смогут увидеть шанс на успех». Как покажет поведение других меньшинств, а тем более самих турок, итоговым определителем лояльности к Османской империи окажутся действия на поле сражения.

Переехав в просторный дом в Арнавуткёе выше по Босфору, Вогориди позволил проводить первые церковные службы на болгарском языке в Константинополе в своем доме в Фанаре. В течение 1860-х годов жесткие споры с патриархией перемежались уступками, делавшимися слишком поздно для достижения результата. Болгары использовали султана против патриарха. В первый день Пасхи 1860 года они спели особый гимн хвалы Абдул-Меджиду, но опустили из литургии имя патриарха. Наконец, в 1870 году, при подстрекательстве русского посла графа Николая Игнатьева, султан выдал фирман, составленный болгарскими церковными авторитетами. Этот документ вводил в Константинополе болгарский экзархат. Болгарская церковь, спроектированная в Вене как смесь «русского» и неоготического стилей, была освящена на Золотом Рого возле Фанара.

Вселенский патриарх наложил на экзарха и его епископов анафему, которая просуществовала до 1945 года. Напряжение между болгарскими и греками сложилось настолько сильное, что

греки кричали на улицах Константинополя: «Да здравствует раскол! Нас не поглотят рабы; мы не позволим нашим детям стать болгарами!»⁴⁹. Эта фракционность удовлетворяла целям Порты: дарование большей свободы христианским подданным султана помогало держать их разделенными.

Вдобавок к экзархату болгарскую идентичность помогала подтвердить новая школа — Роберт-колледж. Первый его камень был заложен возле Румели-Хисар 1 июля 1869 года на земле, предоставленной Ахмедом Вефиком, — несмотря на сопротивление соседей-мусульман, возглавленное женой местного имама. Когда колледж открылся 4 июля 1871 года, язык обучения здесь был английский. Руководимый американскими миссионерами, колледж привлекал большое число болгарских студентов и стал прямым прародителем университета Богдазичи — лучшего на сегодня в Турции. Константинополь становился международной образовательной столицей, как Лондон и Париж. Однако от превращения во «всеобщее братство человечества», как надеялся американский посол, Роберт-колледж отстоял очень далеко: именно отсюда выходили мятежники против Османской империи⁵⁰. Ни один город, даже Лондон, не дал образование такому числу лидеров националистических мятежей против империи, столицей которого являлся.

Модернизация Константинополя ускорилась прибытием примерно 100 000 иммигрантов из Западной Европы. Их присутствие в период с 1839 по 1880 год впервые с 1453 года сделало Константинополь городом с христианским большинством. Некоторых иммигрантов привлекала моральная анархия; часть из них была польскими и венгерскими беженцами, спасавшимися от русских и австрийских репрессий после революций 1848 года. Верная своим лучшим традициям, империя вызвала дипломатический инцидент, когда в 1849 году отказалась позволить их экстрадицию; Австрия и Россия в знак протеста закрыли свои посольства.

Таким образом, когда османская элита приняла западную культуру, эти отношения не оказались односторонними: многие европейцы, как и ранее, продолжили предпочитать Константинополь своей родной земле. Обновив древнюю осmano-польскую

дружбу, Константинополь после провала польского восстания 1831 года стал одним из центров польской эмиграции: общая ненависть к России оказалась сильнее, чем религиозные различия. Действительно, польский революционер Константин Божецкий (1828–1877), обратившись в ислам, стал известен как Мустафа Джелаледдин-паша*. Он был одним из первых защитников политической реформы и проповедником турецкого национализма. Настроенный яростно антирусски, он преподавал картографию в военной академии и предложил создать национальную ассамблею, места в которой распределялись бы по расе и религии. Он женился на дочери Омара-паши, бывшего хорватского офицера австрийской армии, который стал военачальником османской армии во время Крымской войны⁵¹.

Польский национальный поэт Адам Мицкевич тоже чувствовал себя как дома в Константинополе, где он ценил честность торговцев. Привычка турок жить среди толпы, собак и домашней птицы напоминала ему родной город в Литве: «Мы, поляки, нежно любим турок за то, что не отступают перед врагом». Он умер тут в 1855 году во время Крымской войны, от холеры, подхваченной при организации польского легиона для сражений совместно с османской армией против России. В других войсках, известных как «казаки султана», поляки вместе со старообрядцами служили под флагом, несшим как крест, так и османскую звезду с полумесяцем. Другой поляк, Станислав Хлебовский, стал придворным художником султана Абдул-Азиза; он работал в студии в Долмабахче с 1864 по 1876 год, рисуя сцены османской славы прошлого и настоящего. Его картины, такие как «Вступление Фатиха в Константинополь», и его фрески с изображениями военных кораблей султана еще и сегодня украшают стены дворцов⁵².

Однако большинство «франков» приезжали сюда в поисках богатства, а не свободы. Бизнесмены, отягощенные законами и налогами Западной Европы, находили, что делать деньги легче в Османской империи — особенно после договора с Британией

* У автора ошибка — Константин Божецкий родился в 1826 году и прибыл в Османскую империю в 1848 году. В 1869 году он издал здесь труд «Древние и современные турки», переведенный на несколько языков и считающийся одним из истоков идеологии турецкого политического национализма. Ныне Божецкий более известен как прадед известного турецкого поэта-коммуниста Назыма Хикмета. (Прим. ред.)

от 1838 года, который ослабил государственный контроль над экономикой. Капитализм расцвел на руинах старого экономического порядка. Между 1838 и 1847 годом цены на землю в Пера возросли на 75%; между 1820 и 1850 годом ренты на Великом Базаре упали на 90%. Из 1159 имен кушцов и банкиров по данным «*Indicateur Constantinopolitain*» (городской переписи) 1868 года только 222 сохранили недвижимость именно в Константинополе, а не в Пера и Галатее — и среди них было только 3,6% мусульман⁵³.

Банки на Банкалар Каддеси в Галате стали памятником этой фазы истории Константинополя. Ни культурная карта города, ни любовь Запада к османским доходам не изменились с XV века. Западные банкиры XIX века работали на тех же самых улицах, где, четырьмя веками ранее генуэзские купцы встречались в Паллаццо дель Подеста, чтобы обсудить возвышение и падение цен и пашей. Как их современники в лондонском Сити, банки строились в стилях, столь же различных, как национальности банкиров: неомамелюкском, неовенецианском, неоклассическом. Уличный фасад Османского банка, в параллель «банковскому Ренессансу», символизирует триумфальный европейский капитализм. Его задний фасад — это смесь позднеосманских стилей. Архитектором банка и других зданий Константинополя XIX века (Комиссии по государственному долгу, «Серкл д'Ориент» и Имперского музея) был Валлори, сын *pâtisseries* с Гран-рю-де-Пера. Сохраняя архитектурный дуализм, банк, созданный в 1863 году, являлся как частным англо-французским банком, так и официальным банком Османской империи с исключительным правом печатать банкноты.

В Константинополе появились французская, немецкая и британская общины — каждая с собственной торговой палатой и почтой; мало иностранцев верили османской почтовой службе, открытой Махмудом II. Британская община работала в посольстве, банках, Верховном консульском суде Ее Величества, британском морском госпитале у Башни Галаты, на Императорском Османском монетном дворе и в британской средней школе для девочек, основанной леди Стратфорд де Редклифф на Гран-рю-де-Пера. Еще до того, как греки заимели в Пера свой «Силлогос», в 1860 году здесь был открыт Британский литературный и научный институт. Одним из ведущих авторитетов османского языка стал

Джон Редхауз, который жил в Константинополе с 1826 по 1853 год, служа в качестве переводчика и Порте, и британскому посольству. Он написал «Путеводитель участника Турецкой кампании» (1855) для солдат Крымской войны — первый англо-турецкий словарь, вариант которого все еще печатают в Стамбуле. В 1877 году он также издал «Подтверждение титула халифа османского султана».

С 1860-х до 1950-х годов династии купцов — Уитталлов, Баркеров, Ла Фонтенов — процветали в Константинополе в импортно-экспортном бизнесе. Как бы долго они ни жили там, их сыновья всегда отсылались учиться в Англию. Устраивались регулярные крикетные матчи между «Посольством», «Константинополем», а позднее «Бебеком» и «Модой». Последняя деревня на азиатской стороне в прямой видимости от города была прибежищем многих ветвей семьи Уитталл. Они жили в больших домах на «Авеню» и каждый день ездили на работу в «Кон» на пароходе*.

К 1887 году британская община насчитывала около 3000 человек и, по словам одного генерального консула, была «сильно переполнена». Посольская церковь была служебной и доступна немногим; Крымская мемориальная церковь имела тенденцию к обрядности; в Константинополе имелась также пресвитерианская община, церковь Шотландии, Свободная церковь и некоторые американские церкви — многие из которых вели миссионерскую работу; Церковь Всех Святых в Мода была основана в 1876 году⁵⁴. Несмотря на преследование армянской патриархией и русским посольством, некоторые константинопольские армяне рисковали обращаться в протестантизм.

В то время как быт мусульман города оставался относительно неизменным, наплыв европейцев помог трансформировать Перу и Галату в современный западный город. Двадцать лет, прошедшие после окончания Крымской войны, стали решающими. Меморандум, с которого началась Комиссия по созданию городского устава, заявлял о желании встать на «иностранный путь» и копировать «лучшие европейские города», чтобы ответить на

* Сэр Джеймс У. Уитталл (1838–1910) создал в 1873 году семейную фирму «Дж. У. Уитталл и К^о», специализировавшуюся на экспорте зерна, орехов и опиума; он также помог основать Британскую торговую палату в Константинополе в 1887 году. (Прим. авт.)

инострannую критику «Порога Счастья» — как Константинополь все еще назывался в официальных документах: «*В Стамбуле состояние зданий, освещение и чистота улиц — второго сорта... решено использовать знания османов и иностранцев, долго живущих в городе и знакомых с иностранным способом организации муниципальных уполномоченных*». В итоге семеро из первых тринадцати членов муниципалитета оказались иностранцами.

В 1865 году самый страшный пожар в истории города уничтожил большую часть района между Мраморным морем, Золотым Рогом и мечетями Баязида и Айя-София. При новой застройке района улицы спрямили, в некоторых случаях даже за счет участков кладбищ. На улицах стали появляться таблички с названиями. Постепенно вводился жесткий контроль качества строительных материалов. Однако Константинополь избегал жесткой урбанизации, навязывания зрительного единства, модного тогда в других столицах. В нем не появились ни Рингштрассе, ни печально известные прямые бульвары, вроде тех, что провел через историческое сердце Парижа барон Османн* и, полностью повторяя его, через Каир — хедив Исмаил⁵⁵.

В 1857 году шестой муниципальный район с правом взимания местных налогов был создан в Галате и Пера османским правительством под председательством зятя Фуада-паши. Муниципальные документы велись на французском и турецком языках, но французский оставался главным языком обсуждения. Несколькими годами ранее, по словам Чарльза Уайта, друга Ахмеда Вефика, Галата все еще являла собой «картину распушенности и расточительности, в отличие от любого другого города в мире»; она была такой грязной, что приходилось носить галоши. В 1858–1859 годах ее и метафорически, и литературно вычистили. Ветхие лавки и дома были снесены, улицы расширили и замостили, была проложена канализация, торговцев и проституток выселили — в некоторых случаях силой. Проститутки переехали на холм и на боковые улицы, подальше от Гран-рю-де-

* Барон Жорж Эжен Османн (или Хаусманн — G. E. Hausmann, 1809–1891) — префект Парижа в 1853–1870 годах. Известен своей реконструкцией центра города, при которой были снесены целые кварталы старинных домов и вместо них проведена сетка прямых широких проспектов, открывающих вид на достопримечательности города. Считалось, что одной из причин реконструкции было стремление затруднить строительство баррикад. (Прим. ред.)

Пера. Согласно роману «*Les Amours dangereuses*» («Опасности любви») Рауфа д'Орбая, опубликованному в Константинополе в 1874 году, некоторые из городских борделей походили на такие же заведения Парижа — с мраморными лестницами, напудренными лакеями, розовыми атласными диванами; *ivresse et plaisir!** В 1856 году на Гран-рю-де-Пера впервые появилось газовое освещение — через двести лет после того, как уличное освещение было введено в Париже; газ поставлялся с личной фабрики султана. В 1864–1865 годах большинство старых генуэзских стен Галаты тоже снесли. Кладбища Большого и Малого Полей мертвых преобразовали в муниципальные сады; в 1864–1869 годах был заложен общественный парк Таксим⁵⁶.

Пера стала застенчиво парижской. Хроникер ее золотого века, Саид Наум Духани, внучатый племянник основателя театра Наума, записал, что она стала одновременно Монмартром и Фобур-Сен-Жерменом (так как имела места для приемов и резиденции элиты). Гран-рю-де-Пера застроили магазинами и ресторанами, названия которых вызывали воспоминания о парижских бульварах: Дом Французской Моды, Бо-Марше, Гранд-Отель-Лондон, Кафе-Шантан-Паризиана. Летом, когда богатые семьи переезжали жить на Босфор, многие мужья, и мусульмане, и христиане, намеренно опаздывали на последний паром домой. Они бежали в портовую контору, посылали своим женам извинительные телеграммы — и тогда проводили ночь «на городе». *Ivresse et plaisir!*

Пера стала синонимом коррупции — как упоминание суда в антимонархических филиппиках. «Когда человек едет в Пера, вы знаете, для чего он едет», — эта ремарка не требовала объяснения. «Даже хороший человек становится другим в Пера», — сказала одна печальная мать своему сыну, который отказался покинуть Пера, чтобы навестить ее в Ускударе⁵⁷.

Ответвления Гран-рю-де-Пера превратились в линии пассажей с лавками, типичными для Парижа и Константинополя XIX века. Когда роскошный Ситэ де Пера (теперешний Цветочный Пассаж) открыли в 1876 году, газета «Ла Тюркуэ» назвала его «монументом, которым гордился бы даже Париж»⁵⁸.

В 1882 году население Галаты составляло 237 293 человека — одна четверть Константинополя в целом. Общее население горо-

* Упоение и наслаждение (фр.).

да возросло примерно с 391 000 в 1844 году до 430 000 в 1856-м, 650 000 в 1878 году и 873 565 в 1885 году. Три четверти населения Галаты составляли христиане, жившие в основном под защитой иностранных паспортов. Бедным евреям и мусульманам приходилось уезжать отсюда под экономическим и социальным давлением.

Контраст между темнотой и упадком Константинополя и светом и процветанием Галаты, рост христианского населения, скопление современных европейских зданий и прочих признаков европейской цивилизации заставлял и османов, и иностранцев приходиться к политическим заключениям. Зия-паша писал в новой османской газете «Хюрриет» («Свобода») 16 ноября 1868 года:

«Мы остаемся простыми зрителями того, как наша торговля, наше предпринимательство и даже наши разрушенные хижинки отдаются иностранцам... Вскоре тут станет невозможно жить — и им [людям города] придется переезжать в Бурсу, Кутахью или Конью; и таким образом Стамбул опустеет, а европейцы заселят наши места».

Шесть лет спустя Эдмондо де Амичис написал:

«На огромном фасаде города в архитектуре и в колоннах представлена великая борьба между христианством, отвоевывающим детей у ислама, которые защищают священную душу всеми своими силами. На Стамбул, когда-то только турецкий город, теперь с каждой стороны упорно наступают христианские кварталы, они медленно вгрызаются в него вдоль берегов Золотого Рога и Мраморного моря. С другой стороны, изнутри, завоевание происходит с яростной энергией: церкви, дворцы, больницы, общественные сады, фабрики, школы разрушают мусульманские кварталы, овладевая кладбищами, продвигаясь с холма на холм».

Никто не мог сказать, какая сторона победит⁵⁹.

И еще одно население, куда более низкорослое и мохнатое, нежели человеческое, также проживало в Константинополе. С XVI века тысячи собак разделили между собой город на районы, каждый контролировался одной стаей с вожаком. Живые чистильщики улиц, они рыскали по улицам в поисках пищи и отбросов. Как птиц и кошек, их кормили жители, особенно мусульмане, которые давали им воду, хлеб и мясо, — печенку или требуху, продаваемые странствующими албанцами. Большие мягкие ле-

пешки, похожие на толстые блины, выпекались специально, чтобы бросать собакам. Однако в Пера или в Галате бродячие собаки должны были опасаться палок и яда христиан.

Каждая стая убивала или прогоняла животных из конкурирующих стай, нарушивших их территорию. Собаки не боялись спать посередине дороги — жители квартала сворачивали в сторону, чтобы объехать их. Марк Твен видел трех собак, оставшихся лежать на улице, не шевельнувшись, когда стадо овец проходило над ними. Перед первыми трамваями приходилось идти людям с палками, чтобы сгонять собак с рельсов⁶⁰.

Когда солнце садилось, превращая Рог в действительно Золотой, Константинополь погружался в темноту, как глубокая деревня. Пера и Галата зажигали газовые лампы; тут и там начинали выть собаки. Английский путешественник в 1850 году записал: «Визг, вой, лай, рычание и ворчание сливались в один однородный, непрерывный звук, вместе с шумом лягушек вдалеке». Если вы возвращались домой пешком ночью, палка, как и бумажный китайский фонарь, становились необходимыми. Пьяный английский матрос однажды вечером упал на улице в Галате. На следующее утро были найдены только его кости.

На Ближнем Востоке существует пословица, что город, где собаки не лают ночью, — мертвый город. Собаки являлись частью городской жизни — многие верили, что счастливой. Они могли доставить трудности самому султану. Абдул-Меджид однажды вывез их всех на остров в Мраморном море⁶¹. Протест публики оказался таким ярким, что ему пришлось отвезти их на корабле назад в Константинополь.

ПУТЬ К ЦАРЬГРАДУ

Мессу будут праздновать в Святой Софии в присутствии царя?

Теофиль Готье, 1852 год

17 января 1875 года, в первый день великого мусульманского праздника Курбан-Байрам, отмечавшего обрезание сына Исаака, сына Авраама, был открыт короткий подземный фуникулер между Галатой и Гран-рю-де-Пера, расположенной на возвышенном холме. После открытия движения османскими министрами и европейскими послами некто Валлори, кондитер из Пера, устроил на станции Пера роскошный *dejeuner a la fourchette* с шампанским и целым набором вин на элегантно украшенных столах по обеим сторонам платформы. Мистер Альберт, управляющий железной дорогой, провозгласил тост за здоровье его императорского величества султана Абдул-Азиза. Затем он произнес речь, в которой под громкие аплодисменты выразил надежду, что линия (которая все еще действует и сегодня) станет «новым звеном братства и цементирует дружбу между восточными и западными традициями, что встретились в Константинополе». Сыграли марш «Азизия», написанный в честь султана. Потом, так как железнодорожная компания была английской собственностью, гости выпили за королеву Англии, «самого давнего союзника Султана», и прослушали «Боже, храни Королеву».

Речь предполагает, что помимо основного в те годы политического интереса — возьмет ли Россия город? — тут присутствовал и более широкий культурный вопрос. Свяжет ли Константинополь Восток и Запад? Или город остается мусульманским и греческим, армянским, еврейским и европейским, поделенным между соперничающими силами как между стаями собак на улицах — что легко может сделать его добычей для иностранной силы?¹

Набор жизненно важных городских учреждений — опера, биржа, школа, масонская ложа — давал один ответ. Все они демонстрировали, что на определенном уровне Константинополь

стал поистине космополитическим. Ни один аспект западной культуры не вызывал большего энтузиазма в османском дворце, чем западная классическая музыка. Личная заинтересованность Махмуда II и Абдул-Меджида заставили членов императорской семьи и дам гарема создавать собственные оркестры. Принцы и принцессы сочиняли пьесы для фортепиано. После пятничной молитвы Абдул-Меджид иногда шел из мечети в оперу или в театр Наум в Пера. Представления здесь шли на итальянском, но пятничные дневные спектакли игрались на турецком, и в программах обычно описывали краткое содержание на турецком. Блеск драгоценностей за решетчатым экраном указывал на присутствие среди публики османских дам. Константинопольская опера входила в европейский круг театров: «Трубадура» поставили тут еще в 1853 году — раньше, чем опера достигла Лондона. В 1846 году великий создатель традиционной османской музыки Исмаил Деде-эфенди умер в Мекке, куда он отправился паломником, — возможно, из-за горечи, так как его стали меньше ценить в его родном городе.

В других городах опера служила двойной цели — подчеркиванию социальной иерархии и рекламе культуры в имущих слоях. Когда принц Уэльский с супругой во время официального визита в 1869 году пришли с Абдул-Азизом на «Африканку», знаменитый журналист У. Х. Рассел был впечатлен нарядами и украшениями армянских и левантинских дам среди публики: «Потребовалось усилие, чтобы поверить, что мы в Константинополе — настолько блестящим и европеизированным оказался спектакль». Город изменился со времени его последнего визита во время Крымской войны в 1855 году: «Больной» на посторонний взгляд стряхнул с себя признаки неизлечимой болезни, от которой он, как считали, страдал так ужасно².

Другой театр, Османский театр (*Tiyatro-i Osmani*) в Гедик-Паша, за Диван-Йолу, открыл здесь в 1868 году Гуллу Агор, армянин, обращенный в ислам. Он нанял семь мусульманских и двенадцать армянских актеров, а также восемнадцать армянских актрис, у которых турецкий выговор не всегда был безупречен. Тигран Чухаджян, сын начальника хранителей часов султана и основатель Общества восточной музыки, написал «Ариф» — первую оперетту на турецком языке. После ее успешной премьеры в Османском театре 9 декабря 1872 года, Чухаджян написал

еще три оперы, вдохновленные городом, такие как «Сувенир Константинополя», «Возвращение Киатане», «Путешествие Леандра»³. Константинополь стал городом с двумя музыкальными традициями. Гвателли-паша, директор императорского оркестра с 1861 по 1899 год, преподавая туркам западную музыку, использовал восточные мотивы в маршах, которые писал для султана Абдул-Азиза, и османские аранжировки для публики на Западе.

Османский театр ставил также пьесы. 1 апреля 1873 года патриотическая пьеса Намыка Кемалея «Ватан» об османской победе в Крымской войне возбудила аудиторию и вызвала демонстрацию в поддержку популярного наследника трона, известного своими передовыми идеями, — Мурада-эфенди, сына Абдул-Меджида и племянника правящего султана Абдул-Азиза. Ее призыв защитить империю любой ценой показал силу османских уз:

В грудь нашей матери-земли воткнули вражеский кинжал.

Есть кто-нибудь, кто б мог спасти ту, что ты с детства обожал?

Коль предстоит мне умереть, страны не увидав расцвета,

«Страна в печали, как и я!» — могила пусть вещает свету⁴.

Константинополь стал империалистическим городом, как Лондон или Вена. С 1865 года сторонниками конституционной монархии, известными как «младоосманы», частично руководил страх, что правительство проявляет слишком откровенную готовность уступить удаленные части империи христианским государствам. Действительно, в 1867 году последние османские войска покинули Белград⁵.

За исключением мусульман, не желавших испытывать новые формы коммерции, остальные общины в Константинополе разделяли любовь к фондовой бирже. В 1854 году была основана современная фондовая биржа в Хавьяр-Хан в Галате. Согласно статуту фондовой биржи Константинополя от 1867 года, «биржа управляется комитетом из тринадцати членов, избираемых каждый год, из которых пятеро — греки, четверо — армяне, двое — католики и двое — евреи»*. Игра на бирже не была ограничена

* На деле многие мусульмане играли на бирже через третьи руки. Торговая палата, основанная в 1882 году, имела своими членами восемь армян, шесть греков, пять мусульман и двух евреев. (Прим. пер.)

временем или пространством: акции покупались и продавались на улицах Галаты, в пивных залах и во время антрактов в опере.

В 1868 году, несмотря на противодействие папы, епископов и раввинов при финансовой поддержке французского правительства открылся императорский лицей Галата-Сарай, в который принимали лиц всех вероисповеданий. В его здании на Гран-рю-де-Пера ныне располагается университет Галата-Сарай. Первый набор учеников включали 147 мусульман, 48 армян, 36 православных, 34 еврея, 34 болгарина, 23 католика, 19 армянских католиков. Основным языком обучения стал французский.

С 1869 года началась секуляризация и преобразование школьной системы: теперь государство, а не мечеть, отвечало за образование мусульман. Были открыты первые современные мусульманские школы для девочек. В 1870 году открылся современный университет — в массивном классическом здании, построенном в 1846 году Гаспаром Фоссати позади Айя-Софии: 450 студентов в основном были мусульманами, набранными из медресе. На его открытии в своей речи министр образования признал трагедию османского Константинополя:

«Если бы поддержка, уважение и защита, оказывавшиеся людям науки и искусства первые два века османской истории, продолжались бы еще две сотни лет — если бы контакт с цивилизованными нациями Европы был бы установлен и развивался со скоростью прогресса, равного прогрессу этих наций, — Турция сегодняшнего дня оказалась бы в другом состоянии. Поэтому для всех классов империи необходимо подготовить себя к требованиям времени и встать на путь прогресса во всех областях науки и искусства».

Однако если бы правительство действительно практиковало то, что проповедовало, султан и паши строили бы меньше дворцов и больше школ — и университету, впервые запланированному еще в 1840-х годах, не потребовалось бы ждать тридцать лет до открытия⁶.

Элита столицы вступала в те же клубы и ложи, что и элиты других европейских столиц. С 1884 года «*Cercle d'Orient*» («Круг Востока»), один из главных центров общения и досуга игр в столице, располагался в великолепном здании на Гран-рю-де-Пера. Он был открыт для людей любой расы и религии, а визири являлись его членами *ex officio*. Масоны существовали

в Константинополе с XVIII века; орден бекташей имел видимое и примечательное сходство с масонами — вероятно, благодаря контактам с Францией через Бонневаля-пашу. Масонский посыл о всеобщем братстве и отмене религий и национальных различий, похоже, особенно подходил для Османской империи. Ложа «Прогресс», основанная в 1868 году, проводила встречи на османском и на греческом языках. К ней присоединились люди различных религий: Намык Кемаль; Эдем-паша, последний великий визирь, происходивший из рабов, — его купили после резни на Хиосе в 1822 году; банкир Стефан Маврокордато; американский дипломат и эксперт по орденам дервишей Джон Портер Браун. В другой ложе, называвшейся «Союз Востока», в 1866 году французский атеист, вероятно, впервые в Константинополе воскликнул: «Бога не существует! Он никогда не существовал».

Другим членом «Прогресса» был товарный брокер Клеантис Скалиери — радикал-грек, который верил в Османскую империю и находившийся в контакте с великим реформатором визирем Мидхат-пашой, британским послом и самим наследником трона. Скалиери допускался даже на завтрак в гареме Мурада-эфенди. В 1872 году сам Мурад-эфенди, который часто бродил по городу переодетым, присоединился к «Прогрессу» — это случилось в доме юриста по имени Луис Амибль в Кадыкёе. На следующий год Мурад обратился с письмом во французскую ложу «Великий Восток», главную масонскую ложу в Европе, обещая следовать масонским идеям: *«Путем братания наши люди Востока, кроме прочего столь разделенные различием в религии и национальности, смогут также поставить себя на службу истинного прогресса»*⁷.

Дом мог оставаться космополитическим, как школа или ложа. Большие дома со дней леди Мэри Уортли Монтэгю стали зеркалами многонациональной империи. Нянями в них стремились брать черкешенок или африканок, слугами — греков, управляющими — армян, поварами — людей из Болу (маленького городка между Константинополем и Анкарой, знаменитого своей пищей), лодочниками — турок или греков, садовниками — албанцев, управляющими гаремом — африканцев, гувернантками — француженок, а позднее русских. Все национальности, и османы, и иностранцы, любили слуг-греков за их репутацию любителей чистоты; поэтому в больших домах лучше говорили по-гречески, чем по-турецки.

Различные дома могли придерживаться различных традиций. В большом доме в Камлике, в часе езды от Ускюдара, расположенном на холме с великолепным видом на весь город, жил шариф Али Хайдар — один из многих Хашимитов, поселившийся в Константинополе в XIX веке. Пользуясь большим доходом от Мекки и пенсией от султана, он держал на службе черных рабов и евнухов. Повар и управляющий были турками. Курд следил за птицей. Няня и каикши (лодочники) были греками, а кучер Джим (Хасан-ага) — англичанином, который обратился в ислам. В доме говорили на арабском, турецком, французском и английском языках. Сыновья Шарифа от его первой турецкой жены посещали сначала английскую среднюю школу, затем университет Дарульфунун. Его дочерей от второй жены, ирландки Изабелл Данн (дочери офицера на османской службе), учила английскому языку мисс Петала, французскому — мадемуазель Бутан, а турецкому — Амин-эфенди⁸.

Язык сам по себе показывает, что Константинополь стал и антитезой, и синтезом. Большинство официальных или коммерческих объявлений, а также надписи на почтовых конвертах, писались на турецком либо французском, или на обоих языках. Однако календари и театральные программки, коммерческие счета, а позднее политические карикатуры и уставы профсоюзов печатались на четырех или более языках: турецком, французском, греческом и армянском, иногда с добавлением ладино. Даже муниципальный билет, наклеенный на бочку продавца воды, чтобы показать, что он имеет лицензию на свою торговлю, часто был на турецком, греческом, армянском и французском. Люди Константинополя разделяли один образ жизни и вкусы — но не единый язык.

Крайним пределом городского космополитизма в печати стал народный календарь, «*Almanach à l'usage du Levant*» — «Альманах для использования в Леванте». На одной странице альманах помещал дату по-мусульмански, по-еврейски, в старохристианском стиле (православном и армянском), в новохристианском стиле (католическом и протестантском) и по календарю Руми (это был особый финансовый календарь для работы в некоторых правительственных департаментах). Альманах предлагал верующему праздники согласно его убеждениям: Непорочное Зачатие, ночь ухода Пророка на небо на крылатом коне или освящение Иеру-

салимского храма — все три события отмечались одной и той же датой. В альманахе использовались турецкий, ладино (шрифтом иврита), греческий, армянский и французский языки, с короткой фразой в середине по-болгарски. Также в альманахе указывались различные способы определить время дня, время захода солнца для мусульман и евреев. Чтобы можно было сообщить время и османам, и европейцам, некоторые жители города носили по двое часов или часы с двумя циферблатами. Пароходы отчаливали по османскому времени, поезда отходили по европейскому⁹.

Пресса также отражала космополитизм города. После 1860 года среди уличных продавцов города появился новый звук: крик мальчишек-газетчиков. Количество прессы в Константинополе росло с 14 газет в 1850 году до 49 изданий в 1876-м и 57 изданий в 1902 году. В 1876 году выходили газеты на турецком (13), греческом и армянском (по 9), французском (7), болгарском (3), иврите (2), английском (2), арабском, ладино, немецком и персидском языках (по одной на каждом)¹⁰.

Многие газеты публиковались возле Блистательной Порты, от которой большинство из них получало субсидии: *Баб-и-Али** стал синонимом константинопольской прессы, как и османского правительства. Одна из его газет помогла модернизировать персидский язык, как «Цареградский Вестник» модернизировал болгарский. «Ахтар», публиковавшаяся в Константинополе с 1876 по 1896 год, представляла своим персидским читателям современные идеи и османские реформы. Мирза Хусейн-хан, персидский посол при Порте с 1858 по 1869 год, рассмотрел там реформы костюма и правительственного управления, которые ему как главному министру с 1870 по 1880 год пришлось внедрять в Персии.

Некоторые константинопольские журналисты являлись такими же космополитическими фигурами, как Джордж Зарифи или Стефан Богориди. Получивший образование во Франции грек-издатель Теодор Касап (1835–1905) был первым, кто адаптировал Мольера для Османского театра и издал Диогена. Его первый османский юмористический журнал появился в различное время на турецком, греческом, армянском и французском языках.

* Блистательные Врата — собственно турецкое название главных ворот в Порту, от которых она и получила свое имя. (Прим. ред.)

Другой его журнал, «Хаяль», стал знаменит благодаря своим карикатурам. В уличной сценке, которая могла иметь место и в 1995 году, традиционно одетая женщина встречается с другой, в современной одежде:

— Дочь моя, ну разве это платье? Стыдно девушке ходить в таком.

— Век прогресса наступил, забыла ты?

Ты стыдись, что затянуло мхом!!

Космополитизм Константинополя образовывал яркий контраст с резким национализмом, который доминировал в политической, интеллектуальной и экономической жизни других европейских столиц. За немногими исключениями «либеральное» мнение принимало национализм с восторгом. Горожане, для которых национализм был совсем неуместен — подобные грекам, которые оставили Грецию ради Османской империи, — выражали себя скорее в действиях, чем в словах. «Каждая нация — это государство», — кредо Мадзини, одного из создателей новой Италии, выражало дух того времени. Мадзини верил, что нации предопределены божественно. Государство, основанное на династии, религии или регионе, — это анахронизм.

Несмотря на первичность городов в человеческой жизни, с тех пор, как исчезли города-государства, соперничающая идеология городской лояльности уступила более сильной хватке национализма. Даже в старом сопернике Константинополя, Венеции, у которой имелись причины горевать по поводу утраты былой независимости, городской партикуляризм потерял свою политическую роль. И в 1848-м, и в 1866 году венецианцы голосовали за союз с Италией.

Вероятно, единственный город, который испытывал чувство собственного национализма, равного по интенсивности Константинополю, была Прага. После 1850 года чешская и немецкая культуры Праги разделились. К 1890 году чехи и немцы посещали разные кафе, слушали конкурирующие оркестры, посещали различные университеты (используя одну и ту же библиотеку в различные дни) и выбирая соперничающих депутатов. Вспыхивали уличные драки между чешской и немецкой молодежью. Яд раскола заразил и остальную Габсбургскую империю, которая выжила лишь, заключив компромисс с венгерским национа-

лизмом и еще теснее сблизившись с национализмом немецким. Венгрия после 1867 года активно навязывала политику мадьяризации всем остальным народам королевства. Отказ немецких активистов учить чешский язык привел в 1897 году к мятежу, который чуть не вызвал революцию в Вене. Вена, говорившая по-немецки, по-итальянски и по-французски, была когда-то трехязычным городом и претендовала на то, чтобы стать столицей Европы. С 1900 года каждый иммигрант, чтобы получить права горожанина, должен был поклясться «сохранять немецкий характер города»¹².

Тем временем Россия сделала важный поворот, особенно коснувшийся Константинополя, — развернувшись от панправославия к панславизму, от защиты греков к балканской политике, потворствуя болгарскому национализму. С 1870 года газеты Константинополя заполнили репортажи о националистических восстаниях — в Далмации и Боснии, Болгарии, Албании, Месопотамии¹³.

Внутри самого Константинополя многие турки начали поддаваться национализму. Социальные, экономические и культурные связи, созданные жизнью в едином для всех городе, не могли пересилить эмоциональное удовлетворение, чувство справедливости, солидарности и самопожертвования, пробуждаемые национализмом. Города оказалось недостаточно: многие жители заговорили о собственном государстве. Крикор Одян, выдающийся армянский интеллеktуал, писавший в Константинополе, но получивший образование в Париже, заявил, что любовь нации *«соответствует самым сильным и самым естественным чувствам. Любовь и уважение, которые человек испытывает к своему отцу и матери; щедрость и сострадание, которые человек чувствует к своим единокровным братьям; безграничная любовь и нежность, которые человек чувствует к своим детям, — все это вмещается и складывается в любовь к нации»*.

Нация для него означала армянскую общину, а не Османскую империю. Существует решающее различие между армянским и турецким текстами конституции, дарованной в 1863 году армянскому миллету (конфессиональной общине) одновременно с греками и евреями. Конституция подразумевала два совета, выбираемых всеобщим голосованием, — один для религиозных, дру-

гой для гражданских дел. Она представляла собой победу городских гильдий и интеллектуалов над церковью и *амирас* (знатью). Но по-армянски она называлась «национальной конституцией армян», по-турецки — «правилами армянского патриархата»¹⁴. Надежда Абдул-Меджида, что жители империи растворят в ней свою национальную идентичность, как иммигранты в Соединенных Штатах, не оправдалась.

Деятельность армян в Константинополе отражала борьбу между династицизмом и национализмом. Оценив преимущества распространения западной культуры, они учились в военных школах, служили правительственными банкирами, секретарями и докторами, полностью доминировали в администрации таможни. Клан Бальянов строил дворцы султанам, Дадьяны изготавливали ему порох. Армяне были официальными казначеями, докторами, печатниками, фотографами и вышивальщиками султана. Ни одно другое меньшинство не пользовалось такой степенью королевского расположения¹⁵.

Абдул-Меджид так любил семью Дадьянов, что предоставил им привилегию носить на фесках свою золотую тугру. Как и его отец, который посещал их дома в 1832 году, он останавливался в роскошных приморских усадьбах Дадьянов в Ешилкёе на срок от двух до восьми дней в 1842, 1843, 1845 и 1846 годах. Для суверена останавливаться у подданного было исключительной честью в любой стране; в Османской империи барьеры между религиями делали такую честь вдвойне поразительной. Серебряные тазик и кувшин, использовавшиеся султаном для мытья рук, хранятся в армянской церкви Святого Стефана в Ешилкёе¹⁶. Один Дадьян хвастался в 1867 году «почти неограниченным доверием» османов армянам. Многие мусульмане, однако, возмущались таким успехом¹⁷.

Армяне Константинополя, особенно богатые, были рады такой ситуации. Крикор Одян оставался столь же реалистом, сколь и националистом. Восторженно националистическому Хримяну, известному как «Отец» или «Железный патриарх», Крикор Одян сказал: *«Не окружайте себя ложными надеждами, возлюбленный сын нашей дорогой родины. Новый феникс не восстанет из пепла. Мы имеем тут громадные дворцы, воздвигнутые руками мастеров. Оставьте тот пепел — вернитесь, идите сюда, чтобы*

ваши глаза могли отдохнуть на золотых одеждах». Это был голос столицы сквозь века¹⁸.

Однако дворцы Константинополя стали причиной того, что Хримян назвал «скорбью и ранами Армении». Провинциальные губернаторы, предпочитавшие жить в столице, брали огромные взятки с областей, которыми они управляли из рук вон плохо. Американский политический журналист Нассау Сениор написал в 1857 году: «На Босфоре нет дворца, который не обирал бы провинцию». Мародерство курдов становилось все более опасным. В задавленных налогами провинциях Востока, поделенного между турками, курдами и армянами, многие армяне видели выход лишь в обращении к мятежам — и к России. В самом Константинополе они научились привычно бунтовать против своих собственных лидеров — в 1820, 1848 и 1861 годах, а в 1863 году выступили и против самой Порты, чтобы ускорить ратификацию их конституции. Более того, их привлекал революционный либеральный национализм по модели Франции — «любимой страны», «земли обетованной», «рая идей», на языке которой почти все они умели говорить¹⁹. Запутавшиеся между стремлением к революционному решению в традиции обожаемой ими Франции и реальностью непреодолимой слабости в случае вооруженного конфликта, они попали в ситуацию, в которой не могли победить.

Если армяне были просто недовольны, в греческой общине были убеждены, что время работает на «Великую Идею». Христианство считалось синонимом прогресса, а ислам ассоциировался с загниванием. В Афинах Георгий Маврокордато, кузен Александра Маврокордато и будущий министр иностранных дел, записал: «Нация завоевателей на пути к падению; греческая нация выше всех других наций». Лишь посетив встречу в «Силлогесе» в Константинополе и услышав высказывания о национальной гордости в каждой речи, можно было осознать уровень греческого фанатизма по отношению к их родине²⁰.

Болгары также становились все более враждебными к османам. Один их революционный лидер, Любен Каравелов, записал в 1869 году: «Турок есть турок — и ни бог, ни дьявол не в состоянии сделать из него человеческое существо». В 1875 году некоторые болгарские революционеры планировали устроить пожар в Константинополе; другие готовили восстания в болгарских провинциях.

Некоторые мусульмане тоже начали прислушиваться к зову национализма и все чаще называли себя не османами, а турками. Их вдохновляло чувство солидарности с говорящими по-тюркски жертвами русской экспансии в Центральной Азии, большое количество которых нашло убежище в Константинополе*. Молодой офицер по имени Сулейман-паша, родившийся в метрополии в 1852 году, директор военных школ и автор турецкой грамматики, написал в 1876 году: «Термин «осман» — только название нашего государства, в то время как название нашей нации — турки. Соответственно, наш язык — турецкий, и наша литература — турецкая литература». Он тоже выступал за введение конституции²¹.

Защищенные османской силой и европейским балансом власти, жители Константинополя, даже вне правящего класса, вели безопасное существование. За кризисами эпохи правления Махмуда II последовал период стабильности. Однако после 1875 года городу стал угрожать избыток истории. Древние амбиции ожили вновь — в Петербурге, в армянском центре Эчмиадзин, в Софии, в Афинах — и в Мекке.

Империя внутри испытала вызов, брошенный национализмом извне и изнутри, а также ухудшением ее международного положения. После 1866 года Австро-Венгрия повернулась к Балканам как к возможной области экспансии, чтобы компенсировать свои потери в Италии и Германии. Появление новых государств привело в Константинополь два новых посольства. Итальянское посольство возникло на Гран-рю-де-Пера; немецкое посольство, неоклассический дворец, построили на холме над Босфором. Не-

* На самом деле до Константинополя добирались лишь бежавшие с Кавказа или из Средней Азии представители местных элит. Они субсидировались османскими властями для использования в политических целях и любили говорить о зверствах русских колонизаторов — ведь за это их здесь и содержали. Основная же масса беженцев оседала в восточных провинциях империи, в первую очередь в Армении. Правительство султана рассматривало нищих и воинственных беженцев-мусульман как свою естественную опору на случай выступления местных народов, поэтому переселенцы наделялись землей в первую очередь за счет христианского населения. Такая политика закономерно приводила к росту недовольства, в первую очередь среди армян, и в итоге через три-четыре десятка лет обернулась страшной трагедией. (Прим. ред.)

мецкие орлы раскинули свои крылья по углам здания. Султан Абдул-Азиз как-то сказал, что чувствует, как они выклевают его мозг.

Абдул-Азиз смотрелся чудачком со своей страстью к бараньим боям и верблюжьей борьбе. Во время его правления кредиты, полученные на строительство дамб и железных дорог, тратили на строительство новых дворцов вдобавок к Долмабахче. До 1871 года султан чувствовал, что им руководят Фуад-паша и Али-паша. После их смерти он вместе с новым великим визирем Махмудом Недимом подпал под опасное влияние русского посла графа Игнатьева — дипломата, рядом с которым Стратфорд де Редклифф казался младенцем. Он сажал в тюрьму или похищал врагов православия, таких как армянские протестанты и болгарские католики, финансировал болгарских мятежников и помогал создавать антиосманскую Балканскую лигу между Грецией, Сербией и Румынией. Он также был первым панславистом в русских правительственных кругах. Среди его прозвищ в Константинополе были *menteur pacha* (лжец-паша), «Вице-султан» и «Сатана»²².

Его записи открывают его страх и ненависть к Османской империи: *«Постепенно улучшаясь, турецкое правительство, несмотря на все его дефекты, постоянно увеличивает и развивает свои военные силы, в то время как христиане становятся слабее и теряют свой воинственный дух»*. Он хотел «подготовить автономию наших христианских братьев по религии» и «оживить деструктивные действия христианского населения». Вселенский патриарх должен стать поистине вселенским, а не вечно греческим. Россия задыхалась в ограничениях доступа к Проливам, установленным после Крымской войны. Константинополь должен стать вольным городом, которым правил бы великий князь, и столицей Балканской конфедерации, а в итоге присоединиться к России.

Его взгляды, сначала отвергнутые русским министром иностранных дел, нашли более симпатизирующую аудиторию после поражения Франции в 1870 году. Достоевский, например, в 1876 году написал: «Нечего и говорить, что раньше или позже Константинополь должен быть нашим». Тем не менее и султан, и великий визирь верили графу Игнатьеву²³.

Османская империя начала падение по спирали. В 1871 году университет, пугавший власти радикализмом, был закрыт.

В 1873–1874 годах империю опустошили засуха и голод. Между 1854 и 1881 годами вместо обещанного займа в 94 миллиона фунтов стерлингов правительство получило только 45 миллионов: остальное ушло на комиссионные банкирам Галаты, на взятки пашам — и на займы матери султана.

Самым крупным пунктом расходов были вооруженные силы. При султанах османский флот стал третьим по величине в мире: он так обожал военные корабли, что заказал Хлебовскому нарисовать их изображениями потолка дворца. К 1875 году османская армия была оснащена лучшими современными полевыми пушками и ружьями. Однако к этому времени более половины османских расходов шли на обслуживание долгов. 3 октября 1875 года османское правительство снизило оплаты по обслуживанию долга вполтину — фатальный удар по кредитоспособности правительства²⁴.

Зарифи и другие греческие банкиры тайно вступили в контакт с наследником Мурадом-эфенди. Константинополь казался сумасшедшим домом на краю пропасти. В мае 1876 года рабочие арсенала, греки и мусульмане, которым не платили уже много месяцев, устроили забастовку — возможно, первую забастовку в истории города. Султан ездил без конца между Долмабахче и новым дворцом Чираган, украшенным неоготическими окнами и розовыми мраморными колоннами, подобно Дворцу дождей; внутри его располагались декорированные «в восточном стиле» комнаты, украшенные слоновой костью, порфиром, мрамором и перламутром²⁵. Ненавидимый людьми как «пожиратель имущества», по слухам, он ел сваренные вкрутую яйца, так как они оставались единственной пищей, которой он доверял.

Игнатьев дополнительно нанял хорватов охранять свое посольство — чем вызвал панику в городе. 9 мая религиозные студенты медресе, *софта*, закупили большое количество оружия. Так как большая часть армии в этот момент отсутствовала, сражаясь с болгарскими мятежниками, софта стали теперь грозной вооруженной силой, они находились в контакте с реформатором, бывшим великим визирем Мидхат-пашой. На массовом митинге возле мечети Сулеймание они потребовали смены великого визиря и муфтия. По городу ходили тексты из Корана, утверждавшие, что абсолютизм султана противоречит шариату.

Не в последний раз религиозная сила «священного города» объединилась с политической реформой. В болгарских провинциях в результате мятежа болгар несколько тысяч гражданских лиц* были убиты иррегулярными османскими войсками. Число этих жертв охотно преувеличили дипломаты и журналисты в Константинополе, некоторыми из них манипулировал Игнатьев. Гладстон поддерживал их мнение²⁶.

13 мая 1876 года софты вышли на улицы. Магазины закрылись: мусульмане и христиане укрылись за железными дверями ханов. Чтобы ублажить софты, Махмуд Недим был смещен с поста великого визиря, а неделей позже Мидхат стал министром. Хотя иностранцы и христиане были напуганы, на деле целью софты было лишь создать собственное правительство. Их вожди — Крикор Одян, Мидхат, новый великий визирь Мехмед Рушди и шейх-уль-ислам — хотели сместить Абдул-Азиза и объявить конституцию²⁷.

Хусейн Авни, военный министр и личный враг султана, вместе с реформатором Сулейманом-пашой склонили офицеров охраны на свою сторону и установили связи с Мурадом через его доктора, масона Каполеоне. Шейх-уль-ислам Хайрулла-эфенди узаконил смещение султана. Его спросили: «Если глава правоверных вызывает недомыслие своим поведением, не имея политических знаний, необходимых для хорошего управления; если его личные расходы выходят за возможности империи; если его содержание на троне приведет к несчастливым последствиям, необходимо ли снять его? Священный Закон говорит «да». Хайрулла, пусть Бог будет к тебе милостив».

30 мая в 3 часа пополудни с двумя группами следовавших за ним солдат Сулейман-паша вошел в Долмабахче. Мурада, его слуг и его мать предупредили заранее. Сулейман-паша сказал ему: «Пожалуйста, мы хотим встретиться с тобой. Солдаты ждут тебя». Притворяясь равнодушными, чтобы освободить себя от ответственности в случае, если план провалится, он вывел Мурада из дворца. Затем каиком его доставили в Константинополь

* Считается, что число жертв составило 30 тысяч. В любом случае при условии применения против христианских повстанцев иррегулярных мусульманских формирований, не подчиняющихся никаким законам и воинской дисциплине, жертвы среди гражданского населения и сожженные села были неизбежны. (Прим. ред.)

со всей почтительностью, полагавшейся султану, — но не во дворец Топкапи, а в императорские покои в военном министерстве. Солдаты и люди на улицах со слезами радости на глазах кричали: «Да здравствует наш падишах! Да здравствует нация!» «*Bin yasha!*» («Тысяча лет!») и, в случае греков «*Zito, Zito!*» («Ура, Ура!»)

Однако уже появилась трещина между абсолютистами и конституционастами. Великий визирь сказал министрам: «Мои дорогие коллеги, не годится давать этим людям слишком много. Как только вы это сделаете, они обязательно потребуют еще большего»²⁸.

Простые манеры и очевидная доброжелательность Мурада приводили в восторг его подданных. Поэмы, восхвалявшие его, заполняли газеты. Тем временем в Долмабахче Абдул-Азиза разбудил гром пушек, салютующих воцарению его племянника. Когда он выглянул из окна и увидел корабли, направившие орудия на его дворец, он тихо сказал: «Они возвели Мурада». Затем на каике его отвезли в Топкапи и там поместили в комнату, где был убит Селим III. Через некоторое время его вместе с матерью, служанками и членами семьи перевезли во флигель дворца Чираган, называемый Ферийе.

Оскорбление усилило его нервное напряжение. Однажды офицер охраны не позволил султану, так любившему строить дворцы, осмотреть изменения в саду. «Запрещено стоять тут. Идите внутрь!» Низверженный султан проводил много времени, читая Коран. Утром 3 июня он попросил у матери ножницы, чтобы подстричь бороду. Она не осмелилась отказать ему в просьбе. Вскоре его нашли в луже крови из вскрытых вен на запястьях. Несмотря на вердикт о самоубийстве, подписанный восемнадцатью докторами, вскоре по городу при подстрекательстве русского посольства начали циркулировать слухи, что султана убили²⁹.

15 июня офицер-черкес, чья сестра была одной из жен Абдул-Азиза, ворвался на заседание совета министров и в отместку убил Хусейна Авни и министра иностранных дел, ранив еще несколько человек. Никогда не отличавшийся силой характера, Мурад V обратился к вину и морфию. Вскоре он уже не мог принимать послов или обсуждать дела. Доктора пришли к мнению, что излечить его уже нельзя.

30 июня Сербия и Черногория объявили войну Османской империи. Министры обратились к младшему брату султана Абдул-Хамиду, который пообещал соблюдать новую конституцию и следовать их советам. 31 августа, собравшись в купольном зале Топкапи, где великий визирь когда-то собирал свой Диван, Большой совет принес клятву верности Абдул-Хамиду. Ему было 34 года.

По пути на инаугурацию в Эйюпе он проследовал мимо каика Жюльена Вийо, молодого французского морского офицера, вскоре прославившегося как Пьер Лоти, — частично благодаря романам, которые он написал в Константинополе. Офицер отметил молодость и энергичность нового султана: *«Он стройный, бледный и имеет вид печальной озабоченности, с большими черными глазами, окруженными темными кругами; он выглядел интеллигентным и неординарным».*

Взойдя на престол, султан заявил: «Моя политика — слушаться министерство. Когда я научусь тому, что необходимо, я изменю свою политику и заставлю министерство слушаться меня». Комиссия, включавшая Мидхата, Намика, Сулеймана-пашу, Одьяна и Каратеодори, разработала либеральную конституцию с моделью двухпалатного парламента по образцу конституции Франции 1814 года и Бельгии 1831 года³⁰. Вместо синтеза Востока и Запада новая конституция представляла собой триумф западных идей над традиционным османским абсолютизмом, сбалансированный влиянием улемов и страхом лишения трона.

В Константинополе собралась конференция дипломатов, чтобы обсудить ситуацию на Балканах. 23 декабря 1876 года заседание имперского кабинета в морском министерстве было прервано громом пушек, продемонстрировавших, что султан одобрил новую конституцию. Империя получила ее на двадцать один год раньше, чем Россия — и лишь через двадцать восемь лет после того, как Австрия и Пруссия получили свои. Это была кульминация роли Константинополя в качестве современной столицы. Более того, это была первая современная конституция в мусульманской стране (не считая промежуточного эпизода у османского вассала, Туниса, в 1864–1866 годах).

Текст конституции был зачитан под сильным дождем перед Блистательной Портой в присутствии Мидхата-паши, тогдашнего великого визиря, а также муфтия, греческого и армянского

патриархов и радостной толпы людей всех религий и рас. Султан обещал народу двухпалатную законодательную ассамблею и «благословение свободы, справедливости и равенства» для всех подданных без различия. Тысячи копий текста конституции распространили по городу. Дома и магазины иллюминировали как в ночь Рамадана. Студенты и менялы прошли факельными шествиями перед дворцом Долмабахче и перед другими административными зданиями города, а также перед европейскими посольствами, крича по-гречески и по-турецки: «Да здравствует султан!», «Да здравствует конституция!», «Да здравствует Мидхат-паша!»

Мидхат сделал беспрецедентный шаг, посетив армянского и греческого патриархов. В первый парламент Константинополя были избраны пять депутатов-мусульман и пять немусульман — три армянина, два грека и еврей. Выборы прошли гладко, хотя греческие газеты писали о турецко-армянском заговоре, чтобы снизить греческое представительство.

Однако султан боялся, что конституционные взгляды Мидхата угрожают его власти. Действительно, Мидхат послал Крикора Одяна, армянского интеллектуала и политика, ставшего одним из его ближайших советников, в Лондон, чтобы попросить гарантий под силу османской конституции и будущее реформ. 5 февраля 1877 года Мидхат был смещен и отправлен в ссылку на императорской яхте³¹.

19 марта 1877 года в тронном зале Долмабахче, где в 1856 году Абдул-Меджид проводил свой коронационный банкет, советники государства, паши, шарифы, патриархи, раввины, депутаты, генералы, дипломаты и журналисты собрались, чтобы стать свидетелями открытия первого османского парламента. Из общего количества депутатов в 115 человек 67 были мусульманами, 48 — немусульманами. Здесь были люди, говорящие на турецком, персидском, арабском, греческом, армянском, болгарском, сербском, боснийском (форма сербскохорватского языка в Боснии), албанском, валашском, курдском, сирийском, иврите и ладино. Когда один журналист сказал своему соседу, что невозможно определить нацию и религию каждого депутата, тот ответил, что они не мусульмане, не греки, не армяне — все они османы.

Султан вошел в сопровождении своих братьев и министров и встал перед позолоченным тронном. Его простой темно-синий

сюртук представлял контраст обильно расшитым униформам нашей вокруг него. Воцарилась тишина, выражающая глубокое почтение к монарху, все еще называвшемуся «любезный Халиф, наш милосердный господин Султан... славный монарх... гордость Неба и Земли». После молитвы улемов первый секретарь султана зачитал его речь, султан при этом стоял, *«его левая рука покоилась на эфесе меча, правая время от времени, скорее бессознательно, теревала подбородок и подкручивала усы, взгляд был задумчивым, какое-то беспокойное выражение постепенно появлялось на его лице»*. Выражение молодости и энергии, которые Лоти восемь месяцев тому назад заметил, уже исчезло. Его речь обещала исполнение конституции и проведение административных реформ. Она закончилась словами: *«Я твердо убежден, что с этого момента все мои подданные станут едины в своих усилиях помочь имени Османов сохранять силу и власть, окружавшие это имя до сих пор»*. Ни величие окружающей обстановки, ни салюты военных кораблей снаружи не могли скрыть неубедительности слов султана³².

Единственным отсутствующим посланцем оказался Игнатьев. 23 апреля толпы на Гран-рю-де-Пера могли наблюдать, как огромного двуглавого орла над входом в русское посольство прятали за парапет: архитектор, предвидя все возможности, установил его на петлях. Посольские архив и штат отбыли на корабле. На следующий день Россия объявила войну империи. Подхваченные первым в своей истории народным национальным движением, русские видели в этой войне крестовый поход за своих славянских братьев против Османской империи.

Следующий год оказался самым ужасным для Константинополя с 1826 года. Парламент, заседавший с 19 марта по 28 июня и с 13 декабря 1877 года по 14 февраля 1878 года в бывшем здании университета возле Айя-Софии, отверг любую уступку османской территории. Но, несмотря на председательство Ахмеда Вефика, он предпочел критиковать коррупцию правительства и его неэффективность, предложив устроить перекрестный опрос министров, чтобы узнать их предложения практических решений назревших проблем. Тунисцы, египтяне, греки, татары, бухарцы и малайцы вливались в город, чтобы присоединиться к османской армии. Партизаны из Юго-Западной Анатолии, известные как *зейбеки*, в коротких белых бриджах и синих жаке-

тах, размахивали своими ножами и пистолетами в концертных залах Пера.

Османская армия показала себя лучше, а русская — хуже, чем ожидалось. Но 10 декабря мощная османская крепость Плевна к югу от Дуная в современной Болгарии пала после героического сопротивления в течение шести месяцев*. Слова «резня», «беженец», «сирота» вошли в ежедневный разговор города. Железнодорожные платформы и телеги с волами, нагруженные беженцами (как греками**, так и мусульманами), бежавшими при

* Осада Плевны стала неудачей для обеих сторон; русские и турецкие войска проявили здесь героизм и высокие боевые качества, в то время как высшее командование той и другой сторон продемонстрировало непредусмотрительность и неразворотливость. 7–9 июля (нового стиля) русские войска успешно переправились через Дунай и осадилы мощную крепость Никополь, но задержались с продвижением дальше до падения Никополя (16 июля). В результате Осман Нури-паша, командовавший османским корпусом в Видине на крайнем западе Болгарии, у сербской границы, успел совершить марш в Плевну. 16 тысяч его солдат заняли город утром 19 июля — буквально на несколько часов опередив подходящие русские войска.

После неудачи первого штурма Плевны 20 июля русское командование, вместо того чтобы блокировать город и оставить его в осаде, начало упорные (и дорогостоящие) попытки взять его, а турецкое — стало усиливать гарнизон Плевны. Так внимание обеих сторон оказалось приковано к пункту, находившемуся на фланге основного театра и не игравшему большой роли в кампании. Русское командование сосредоточило против Плевны армию общей численностью в 125 тысяч человек; османское командование в августе — сентябре дополнительно перебросило в Плевну около 50 тысяч солдат. В итоге после захвата русскими Горного Дубняка и Телиша в конце октября 1877 года гарнизон Плевны оказался в полной блокаде, в городе начался голод. В первой половине ноября Осман Нури-паша отразил все попытки штурма, нанеся русским войскам серьезные потери, однако 10 декабря под угрозой голодной смерти его армии вынужден был пойти на прорыв. Прорыв не удался, вне стен крепости обессиленные турецкие солдаты оказались небоеспособны. Осман Нури-паша был ранен в бою и капитулировал вместе с армией; в плен попали 43 338 турецких солдат — что превосходило все потери русских и румынских войск под Плевной убитыми и ранеными. Впоследствии Осман Нури-паша был военным министром, а в успешной для Османской империи греко-турецкой войне 1897 года являлся главнокомандующим действующей армией. (Прим. ред.)

** Заметим, что греки бежали не от русских, которые по старой памяти воспринимали их как естественных союзников, а от местного населения Румынии и Болгарии. Османская администрация здесь почти целиком состояла из греков, и население ненавидело прежде всего именно их, а не турок. (Прим. ред.)

приближении русских, начали появляться на улицах³³. Всего 300 000 беженцев — ровно половина населения города — прошла сквозь него. Правительство старалось отпугивать беженцев как можно дальше в Анатолию или в более далекие провинции. Однако палаточный город беженцев быстро вырос вокруг железнодорожной станции под Топкапи. Многие беженцы располагались в мечетях.

Цена хлеба выросла в пять раз, черкесы крали все, что могли, — включая детей. Частные дома, даже дворец Чираган, были открыты для беженцев и раненых. К январю 1878 года люди начали терять надежду. Министры больше не осмеливались показываться на улицах. Старый имам сказал американскому резиденту, что паши — враги страны хуже, чем русские или англичане: «Наша нация развалена, наша нация разрушена».

21 января русские вошли в Эдирне (где они завершили разрушение старого османского дворца, начатое во время их вторжения в 1829 году). Несмотря на вьюги и упавшую ниже нуля температуру, русские продолжали продвигаться вперед. Их командующий, великий князь Николай, писал своему брату царю: «Мы должны дойти до центра, до Царьграда, и там закончить священное дело, которое ты взял на себя»³⁴.

В этот момент ужаса, четвертый раз за век, как в 1829, 1839 и 1853 годах, Константинополь спасло сотрудничество объединенной Европы. Австро-Венгрия была готова вступить в борьбу с Россией за контроль над Проливами. Британия считала, что продвижение России на Балканы, на Кавказ и в Центральную Азию угрожает британскому пути в Индию; роль Константинополя как города мира означала, что его захват Россией может угрожать также самому британскому контролю над Индией. С XVIII века тяга индийских мусульман к Османской империи, последней великой мусульманской силе, усилилась. Султана признавали халифом: молитвы велись за него. Некоторые правители, такие, как Типпу-Сахиб в 1786 году, начали посылать в Константинополь посольства, чтобы обеспечить формальное признание статуса халифа. Еще больше уважение и интерес к султану возросли в Индии после конца империи Моголов и введения прямого британского правления в 1856 году. В начале 1877 года вице-король Индии предупредил британское правительство, что если Константинополь падет перед Россией, потеря Британией

престижа и оскорбление индийских мусульман от нападения на халифа заставит Индию плавать в «море крови»³⁵.

С июля 1877 года британское правительство объявило, что оккупацию русскими Константинополя создаст *casus belli* — и отправило часть Средиземноморского флота к Дарданеллам. Военный атташе посольства и британские инженеры советовали османам, как улучшить оборонительные сооружения города и Проливов. Британское общественное мнение развернулось от сочувствия болгарам к поддержке османов. Два британских офицера на османской службе, достопочтенный Огастус Хобарт-паша и Валентайнн Бейкер-паша, были назначены командующими Черноморским флотом и армейской дивизией на Балканах соответственно. Константинополь превратился в главную британскую тему. Комитеты Стаффорд-хауз, Гросвенор-хауз, Турецкий фонд милосердия, Британское национальное общество помощи — все они посылали в город бинты, деньги и волонтеров, а также открывали там госпитали. Многие волонтеры лишились иллюзий, столкнувшись с беспорядком и коррупцией официальных властей; но сестры милосердия находили, что турецкие мужчины «более деликатны в отношениях с женщинами, чем в среднем пациенты в наших английских госпиталях».

Британское посольство под началом сэра Остина Лейарда, единственного европейского посла, оставшегося в городе (другие были отозваны в январе 1877 года — после того, как османские власти отвергли европейские требования реформ), действовало как центр медицинского снабжения. Секретари, атташе и охрана научились сворачивать бинты. Русский посол написал, что Лондон настолько переутомлен работой, что «каждый действительно мог считать себя находящимся в Константинополе».

Константинополь, который раз за разом пробуждал агрессивность то в той, то в другой национальности, дал английскому языку слово «джингоизм». Размахивая османскими флагами на Трафальгар-сквер, толпы пели:

Мы сражаться не хотим,

Черт побери, мы не хотим,

Но есть корабли у нас,

Мужчины тоже есть,

*И денежек запас,
И мужество, и честь.
Сражались мы с медведем успешно и не раз,
Константинополь будет, как прежде, только наш!*³⁶

Перемирие между Россией и Османской империей было подписано 31 января 1878 года. 8 февраля, после больших сомнений в Лондоне, корабли британского Средиземноморского флота получили приказ сняться с якорной стоянки в заливе Бесика и пройти через Дарданеллы под предлогом защиты жизней иностранцев в Константинополе. 13 февраля в метель шесть британских броненосцев бросили якоря у Принцевых островов — на том месте, где адмирал Дакуорт встал на якорь, пытаясь устрасить город семьдесят один год назад.

Тем временем османский парламент вызвал для судебного разбирательства военного министра и основных генералов. 14 февраля Ахмед Вефик, который стал премьер-министром (так по новой конституции назывался великий визирь) и был приверженцем абсолютизма, зачитал декрет о временном роспуске османского парламента. Снова он собрался только через тридцать лет³⁷.

В ярости из-за новостей о прибытии Королевского флота царь телеграфировал брату 10 февраля, приказывая ему вступить в Константинополь: «Оставляю на твое усмотрение силы и момент для захвата». Игнатъев, который входил в штаб великого князя, также рвался в город. Османское правительство теряло присутствие духа. Ахмед Вефик стал слезливым стариком, его мучила судьба беженцев. Он писал записки своему старому другу Лейарду, которого видел почти ежедневно, умоляя спасти империю. В январе: «Мы не можем совершить самоубийство». В феврале: «Ты ничего мне не сказал, и я не знаю, что делать на совете». И опять: «Мы разбиты, и как продолжать сопротивляться еще один год?»

Султан, который испытывал острое чувство собственной уязвимости, уже годом ранее переехал из Долмабахче во дворец с названием Йылдыз на холме над Чираганом — здесь его было труднее атаковать с моря или с земли. Когда великий князь угрожал занять Константинополь, если османский флот не сдастся, султан сказал: «Скорее я умру, и мои дети умрут со мной, чем русского

солдата допустят в город. Прежде чем русские войдут в город, они переступят через мое мертвое тело». В реальности же на случай вступления русских он уже договорился о гарантии спасения себя и своей семьи на корабле британского посольства — HMS «Энтилоуп». Тот стоял на якоре у мраморной набережной Чираган, в зоне видимости из дворца Йылдыз, чтобы продемонстрировать султану, что у него есть средство спасения.

В конце концов русское продвижение остановила логистика. Между Эдирне и столицей оставалось всего 40 000 плохо экипированных и измотанных русских солдат. Вне стен Царьграда стояло грозное препятствие из 30 000 османских солдат, а к маю число войск с каждой стороны возросло примерно до 90 тысяч. Более того, великий князь Николай боялся, что если он попытается войти в перенаселенную столицу, разразятся мятежи, а султан сбежит в Бурсу³⁸.

Тем не менее османское правительство согласилось позволить нескольким тысячам русских войск продвинуться до Ешилькёя в шести милях от стен города — откуда уже были видны купола и минареты. 24 февраля великий князь Николай Николаевич прибыл поездом из Эдирне. Его встретили османский военный министр, генералы и священнослужители. По соглашению с османскими властями он жил и вел переговоры в домах Аракел-бея и Артин-паши Дадыяна. Говорят, увидев один из их роскошных киосков, подготовленный к обеду, он воскликнул: «Зимний дворец не лучше!»

3 марта Игнатьевым и Ахмедом Вефик-пашой в вилле Норриман возле Мраморного моря был подписан Сан-Стефанский мирный договор, создавший большую Болгарию, протянувшуюся от Черного моря до Албании. Однако Россия была встревожена оскорбительными заявлениями Британии и Австрии. Страх перед Королевским флотом и австрийской армией заставил русских согласиться на приостановление Сан-Стефанского договора и на созыв конгресса в Берлине³⁹.

Пока с 13 июня по 13 июля продолжались переговоры в Берлине, Константинополь являл собой типичную комбинацию напряженности и единства. Османская армия была разбита, русские войска находились в опасной близости от города, а русские офицеры взяли в привычку посещать город. Демонстрации или мольбы о помощи местных христиан могли дать русским пред-

лог для оккупации. Но ничего подобного не произошло. Хозяева магазинов довольствовались посещением расположения русских войск с перегруженными телегами, возвращаясь с раздувшимися кошельками.

Константинополь оказался более неунывающим, чем другая великая европейская столица, переживавшая вражескую армию у своих стен между 1815 и 1940 годами — Париж во время Франко-прусской войны 1870–1871 годов. После поражения французской армии Вторая империя была низвергнута, в стране объявлена республика. Во время немецкой осады некоторые жители дошли до того, что ели крыс. Хлебные бунты стали обычным делом. После капитуляции Парижа немецкие силы прошли триумфальным парадом через город. Наконец социальное напряжение взорвалось гражданской войной между французским правительством и Парижской Коммуной. Не считая солдат, общее число парижан, умерших в течение периода, который получил известность как *l'année terrible*, составило 20 000 человек — многие из них были хладнокровно расстреляны.

Во время османского *l'année terrible* военная и правительственная машины Константинополя проявили себя более стабильными благодаря благотворительности и дисциплине ислама, а также реализму и сплоченности османской элиты.

Но меньшинства оказались ненадежными. Было много торжественных заявлений о лояльности на публике, армянский патриарх декларировал: «Если этому великому государству предстоит быть разбитым, мы считаем нашей обязанностью быть похороненными под его руинами». Однако один американец сообщил, что частным порядком армяне радовались успехам армянских генералов в русской армии: «Для турок армяне нежелательные, но раболепные слуги; греки — двуликие друзья; болгары — враги под тонкой маскировкой. Что касается евреев, они и используют турок, и не любят их, но всегда на их стороне в спорах с христианами».

Не слишком много христиан добровольно присоединились к силам, поднявшимся под «флагами братской любви» с османской звездой и полумесяцем в центре и белым крестом в каждом углу. Как сказал имперский драгоман Стефан Богориди, настроения зависели от исхода на поле боя. 7 декабря, когда османское сопротивление казалось успешным, армянская ассамблея в Кон-

стантинополе проголосовала за службу в гражданской гвардии, недавно созданной правительством. 17 декабря, после падения Плевны, несмотря на совет патриарха и права носить оружие в собственном городе, армянский духовный совет решил, что армяне служить не будут⁴⁰.

В поисках автономии для населенных армянами провинций от Киликии до озера Ван (где армяне, хотя и самая большая и менее всего довольная группа, все-таки не были абсолютным большинством) армянский патриарх многократно посещал великого князя и Игнатьева в Сан-Стефано. Он также послал собственную делегацию на Берлинский конгресс, чтобы просить автономии и введения европейских жандармов. Когда султан выразил свое возмущение, патриарх ответил: *«Идите и скажите Султану, что я сам послал этих делегатов, чтобы добились защиты от горестей моих общин, и я не отзываю их — даже если он намерен повесить меня на дверях патриархии, как повесили греческого патриарха полвека тому назад»*. Когда Берлинский конгресс не пришел ни к чему, кроме пустых обещаний реформ, в то время как Болгария получила собственное правительство, патриарх предупредил европейских делегатов: *«Армянская делегация вернется на Восток, принеся с собой урок, что без борьбы и без мятежа [как поступили болгары] ничего добиться нельзя»*⁴¹.

Болгары Константинополя были не более лояльны, чем его армяне. Семья Богориди, которая так высоко взлетела в Османской империи, теперь повернулась против нее. Поставив свое болгарское происхождение выше османской лояльности, Александр Богориди в 1877 году отказался от поста османского посла в Вене. В конечном счете, как многие, кто обогатился в Константинополе, семья Богориди уехала в Париж⁴².

Греки разделились. Патриархат и банкиры Галаты оставались лояльными или осмотрительными. Когда генерал, посланный великим князем, приехал в Фанар, ему сообщили, что патриарх слишком болен, чтобы принять его. Беспокоясь из-за вероятности неоплаты займов, если Османская империя развалится, греческий банкир Георг Зарифи организовал оборонный заем и займы на покупку оружия, от которых он и его коллеги, впрочем, тоже получили большую выгоду. В мае 1878 года, в момент самой низшей точки упадка настроений в империи, Зарифи также получил право собирать городские таможенные налоги. Однако

константинопольский «Силлогос» отправил Берлинскому конгрессу необычайно высокомерный меморандум, высмеивающий болгар, как «сельских жителей *par excellence*, почти полностью лишенных крепости духа». После «четырехсотлетней борьбы против турецких завоевателей» «Силлогос» надеялся на появление «греческого государства от Ионического моря до Босфора»⁴³.

Добавив внутренний конфликт к внешнему поражению, в мае 1878 года младоосманы, возглавляемые Али Суави, предъявили властям требование освободить Мурада V. Внутри дворца Чираган бывший султан начал понемногу восстанавливать свое душевное равновесие. Один заговор уже был организован девушкой из гарема по имени Накшидиль и его собственным другом и собратом по ложе Клеантисом Скалиери. Они связывались с Мурадом через цветовой код развешенного на ближнем балконе постиранного белья и даже проникали в Чираган через трубы, ведущие от водяной цистерны за стены дворца. Заговор был раскрыт, и конспираторы бежали в Афины.

Али Суави мог иметь несколько мотивов: стремление вернуть чистоту раннего ислама (где он станет шейх-уль-исламом), чувство оскорбления от унижительных условий соглашений с Россией и республиканский либерализм. Его могли также тайно подбадривать великий визирь и члены императорской семьи. Так как его английская жена сожгла все его бумаги, нам ничего не известно наверняка. В 11 утра 20 мая 1878 года 300 беженцев с Балкан атаковали дворец с суши и с моря. Али Суави вошел во дворец со стороны суши и атаковал гаремную лестницу. Слуги провели его к апартаментам Мурада. Бывшего султана предупредили заранее, хотя не сказали точную дату его освобождения. Али Суави и его товарищ-заговорщик повели Мурада вниз по арабесковой лестнице, держа под руки и крича: «Да здравствует Султан Мурад!» Единственными зафиксированными словами Мурада оказался вопрос, который задавали так много кандидатов на османский трон в прошлом: «Что вы сделали с моим братом?»

Однако вскоре из Бешикташа прибыли регулярные войска, и, ведомые криками слуг, быстро подавили мятеж. Али Суави был забит до смерти прикладами ружей солдат, лояльных Абдул-Хамиду. Несколько конечностей и трупов остались разбросанными по лестнице. Мурада увезли в Мальтийский павильон в парке Йылдыз, под неусыпный надзор брата⁴⁴. Султан, который не ве-

рил своим собственным слугам, не мог спать из-за страха покушения. После одной аудиенции Лэйард решил, что он все-таки сошел с ума: «Он быстро ходил туда-сюда по комнате в большом волнении, говоря о детях».

На Берлинском конгрессе Османская империя при поддержке Австрии и Британии удержала большую часть Балкан. Кипр был оккупирован Британией, ее главным мотивом стало желание получить удобную военную базу, если Константинополь снова окажется под угрозой. 18 августа, после прощального парада в Ешилькёй, за которым наблюдали тысячи зрителей из Константинополя, русские войска отбыли домой. В марте 1879 года корабли Королевского военно-морского флота тоже ушли назад через Дарданеллы⁴⁵.

Сплоченность Константинополя и поддержка Европы не дали царю возможности прослушать мессу в Айя-Софии. Тем не менее контроль османов над Константинополем оставался зыбким. Здесь продолжались частые пожары и сохранялись страхи «нависшей дезорганизации политики». Абдул-Хамид был двадцать восьмым султаном, который правил в Константинополе, а люди помнили древнее предсказание, что тридцатый султан будет последним.

Однажды вечером в 1880 году молодой английский дипломат по имени Эдгар Винсент, который следующие двадцать лет будет играть выдающуюся роль в городе, спустился по мосту Галаты на пароход. Глядя на мечети и минареты, вырисовывавшиеся на фоне закатного солнца, он задал себе вопрос, который вертелся в умах у многих: «Сколько еще продержится Османская империя?»⁴⁶

Глава 13

ЙЫЛДЫЗ

Ничто не ускользает от внимания и вмешательства Его Величества султана. Действительно, ни один монарх не заслужил достойнее благословения своих подданных, чем Его Величество Абдул-Хамид.

«Мониторь Ориенталь»,
31 августа 1896 года

Мост Галаты стал высшим выражением души и тела Константинополя, его роли как места встречи Востока и Запада. Дворец Йылдыз, резиденция Абдул-Хамида с 1877 по 1909 год, стал его эквивалентом в камне и дереве. Модный европейский вкус был здесь очевиден повсюду. Большой павильон, называвшийся Бюйюк-Мабейн или «Великое Между» (потому что он находился между личными покоями султана и общественной территорией), так же как конюшни и зеленый Мальтийский павильон дальше вниз по холму, были построены Абдул-Азизом в простом классическом стиле. Дворец заполняли пейзажи и портреты придворного художника Фаусто Зонаро из Венеции, который видел себя наследником Джентилле Беллини. Павильоны в стиле арт-нуово добавил ультрамодный архитектор султана, лигуриец Раймондо д'Аронко. В 1893 году в парке открылся свой Севр османских султанов — фабрика, где швейцарские и французские специалисты учили турок технике изготовления фарфора и росписи по нему. На официальных зданиях вроде массивного неотурецкого главного почтамта в Константинополе и причалов для паромов вдоль Босфора наблюдался возврат к традиционным османским мотивам. На тарелках и вазах, изготовленных в Йылдызе, доминировали цветочные рисунки и человеческие портреты.

Однако Йылдыз все-таки оставался очень османским. Ткани на стены и стулья изготавливались в Хереке, на шелковой фабрике, основанной отцом султана в 1843 году. Она сохраняла традиционное османское использование ярких контрастных

цветов, а в 1886 году открыла собственный магазин на Гран-рюде-Пера — признак восстановления османских мануфактур, как и других производств. Османские вкусы были заметны в рисунках на стенах и потолках, а также в безжизненных сине-зеленых пейзажах Йылдыза, без человеческих фигур, нарисованных для султана Шекер Ахмед-пашой и Ахмедом Зия.

Более того, Йылдыз вернулся к традиционному образцу османского дворца. Подобно Топкапи — и в отличие от Долмабахче и Сирагана, — Йылдыз представлял собой мозаику отдельных зданий: павильонов, беседок и мастерских, окруженных садами и стеной с башнями. Как и в Топкапи, лишь несколько зданий имели больше двух этажей; правительство заседало во внешнем дворе.

В Бюйюк-Мабейн жили большинство секретарей и советников султана. На противоположной стороне первого двора располагалось длинное низкое здание для офицеров — с резными крышами, как швейцарское шале. Во втором дворе находились личные помещения султана: дом в десять окон шириной, именованный Кючюк-Мабейн («Маленькое Между»). Со стенами «желтыми в стиле Марии Терезы» и белыми или позолоченными деревянными интерьерами в стиле рококо, он был бы очень уместен в окрестностях Вены. В этом и в соседних зданиях обитал султан со своими женщинами и евнухами. Султан настолько доверял евнухам, что произвел главного евнуха до ранга «высочества» — на один уровень с великим визирем, шейх-уль-исламом и эмиром Мекки.

Йылдыз был не только дворцом и правительственным объектом, но и музейным комплексом, и промышленным предприятием. В глубине парка находился музей естественной истории и галерея для картин султана и выставки древностей. Мебельная фабрика, где трудились 60 рабочих, выпускала позднеосманскую дворцовую мебель с высокими спинками, позолоченную или инкрустированную. Личная фотолаборатория султана, библиотека и слесарная мастерская представляли собой его любимые места отдыха: он был опытным плотником, изготавливая столы для своих дочерей и палки для ходьбы для своих раненых солдат. Йылдыз также вмещал четыре госпиталя, обсерваторию, фармацевтическую лабораторию, типографию, швейную мастерскую и зоопарк¹.

Сады общей площадью 500 000 квадратных метров, засаженные деревьями и цветами со всего мира, были гордостью Йылдыза. Во внутреннем саду, позади Кючюк-Мабейн, по рассказу жены ориенталиста Макса Мюллера, *«во всех направлениях были посажены изысканные кустарники и пальмы, а бордюры из цветов представляли собой пламя красок. Воздух был тяжелым от запаха цветущих апельсиновых деревьев, и садовники трудились на каждом повороте, спрыскивая водой торф и даже скрипящие гравийные тропинки»*.

Сквозь зелень садов мелькали красные фески охраны султана. Страх покушения частично объяснялся судьбой двух предшественников султана, а также убийством нигилистами или анархистами нескольких его современников — царя России (1881), президента Французской республики (1896), императрицы Австрии (1898), королей Италии (1900), Сербии (1905) и Португалии (1908)*. Султан мало кому верил: некоторые из его личных, инкрустированных золотом скорострельных револьверов можно сегодня видеть в Стамбульском Военном музее. Охранники — турки, арабы и албанцы — жили в казармах вокруг Йылдыза. Его внутренняя охрана состояла из свирепо выглядевших албанцев под два метра ростом. Их командир, Тахир-паша, пришел в Константинополь молодым человеком, первоначально работал на вымостке дорог камнем — такие дороги здесь до сих пор называют «албанской мостовой». Вражда между албанцами и сербами оставалась такой же жестокой в столице, как и в Балканских горах, и однажды Тахир убил серба в поединке. Водитель экипажа, который спас его, рассказал об отваге албанца Хамиду-эфенди, а тот рассказал о нем султану. Хамид встретил его, Тахир ему понравился, и он предложил ему работу в качестве телохранителя**;

свершилась его судьба². Охрана была не единственной силой, защищавшей султана. Говорили, что в каждом большом доме или повар, или раб шпионил для султана. Сыновья доносили своему отцу во дворец. Султан подозревал каждого, кто пользовался тем же портным, что

* Почему-то в этом списке автор не упомянул трех президентов США — Линкольна (1865), Гарфилда (1881) и Мак-Кинли (1911). (Прим. ред.)

** Заметим, что в условиях возрастания по всей империи межнациональной напряженности подобный демонстративный шаг хорошо показывает уровень неадекватности Абдул-Хамида. (Прим. ред.)

и его брат и наследник Решад (который жил в садовом домике в парке в Йылдызе); он каждый раз тщательно рассматривал на предмет заговора списки гостей на приемах, даваемых его родственниками, «Серкл д'Ориент» и Английским клубом. Когда Вселенский патриарх проводил встречу с двумя епископами в Фанаре, султан спросил их, сколько людей было в комнате. Они ответили: «Трое». Тогда султан назвал верную цифру — семь: три клирика и четыре стены³.

Хотя Абдул-Хамид редко покидал Йылдыз, он был больше доступен, чем современные ему монархи вроде королевы Виктории или Александра III. Каждый прилично одетый человек, с имеющимся для обсуждения делом мог войти в Бюйюк-Мабейн. Чтобы создать благоприятный имидж Османской империи, султан порвал с прошлым и начал проводить регулярные приемы для членов элиты, как это практиковалось при западных дворах. Он приглашал на обед вереницу титулованных путешественников, послов, генералов и туристов, которые посещали Константинополь в последние годы имперской славы.

Хотя султан знал французский язык лучше, чем делал вид, все разговоры переводил его главный церемониймейстер Мунирбей, постоянно низко кланяясь. Другими гостями были паши, которые вели себя как рабы перед своим хозяином. Когда султан приходил на обед, они склонялись в пояс, пока он проходил: их склоненные спины сохранялись настолько ровными, что ребенок вполне мог бы по ним бегать. Обеденная комната, по свидетельству армянского гостя, имела вид *«роскошно обставленной европейской гостиной, в стиле и вкусе последних Наполеонов, все еще царящем в густо позолоченных обрамлениях оконных карнизов и в рамах зеркал»*. Гостей встречали слуги в красных с золотом livree; ели с золотых тарелок. Пища могла быть османской или европейской — Мюллерам в 1894 году подавали картофель по виндзорски, буреки (мясо или сыр, приготовленные в сладком тесте), тюрбо (рыба), ягненка, цыпленка, перепелов, аспарагус, плов и ананасы а ля Виктория — они оказались холодными и невкусными, так как их подогревали после долгого путешествия из дворцовой кухни. Как и в XVI веке, в присутствии султана царил «полнейшая тишина», пока он не начинал говорить. Сам султан не пил алкоголя, однако его гостям подавали прекрасный кларет и крепкий пунш⁴.

После обеда султан иногда развлекал своих гостей и свой гарем операми, ставившимися в кремово-золотисто-бирюзовом дворцовом театре. Театр был построен Саркис-бей Бальяном в 1888–1889 годах. Как и многие помещения в Йылдызе, начиная со стен мечети и до покрытий на стульях, потолок его украшали золотые звезды на синем фоне — в соответствии с названием дворца (*йылдыз* по-турецки — «звезда»). После 1888 года султан нанял странствующую труппу Артуро Страволо, итальянца из Гаэты, которая включала жену Страволо, дочь, сестру, брата и отца. Частые беременности синьоры Страволо делали ее непригодной на роли молоденьких девушек — и тогда султан вскользь бросил, что ищет нового члена для своего хора.

Йылдыз являлся личным миром султана, которым он манипулировал по своему желанию. Ради представления в театре он изменял замыслы пьес и опер и вставлял эпизоды собственного изобретения, чтобы избежать несчастливых развязок. «Травиата» стала «Мадам Камелией» с новой концовкой: прибывает доктор и вылечивает Виолетту. «Риголетто», любимую оперу султана, переименовали в «Оперу о принцессе»⁵.

В иные вечера султан предлагал гостям традиционные турецкие представления: турецкую музыку или громадных борцов с бритыми головами, «голых по пояс, обнаженных даже ниже общепринятой линии приличия... умасленных так, что даже их брюки сияли, как атлас». Он явно получал удовольствие, наблюдая выражения лиц своих европейских гостей.

Вечер в Йылдызе обладал, по словам американской писательницы Анны Боуман Доддз, «особенной способностью наэлектризовать» благодаря магнетизму невысокого, просто одетого, чернобородого султана. Подобно самому Йылдызу, он представлял собой набор противоположностей: пронизательности и бесхитростности, мужества и паранойи, жестокости и терпимости, современности и традиционализма; один раз он слушал чтение Корана, другой — «Приключений Шерлока Холмса» (читали ему почтами из-за ширмы специально сделанные переводы). Для венгерского ученого Арминиуса Вамбери султан являлся «одним из наиболее обаятельных людей, какие когда-либо существовали». Леди Дафферин, жена британского посла, соглашалась: «Султан имел очень хорошее лицо и приятные манеры». Он сам чиркал спичкой для сигарет своих гостей⁶.

Постоянно куривший, он часами разговаривал через переводчика, хваля Японию (ролевая модель для Османской империи в качестве модернизированной монархии и врага России), или оправдывая роспуск парламента в 1878 году на основании того, что тот не представлял страну. Он уверял французского журналиста Анри де Бловитца в своем намерении решить финансовые проблемы страны и двигаться в ногу со временем: *«Но избыток свободы, к которой никто не привык, опасен, как и полное отсутствие свободы. Страна, которой дана свобода, похожа на человека, которому доверили ружье, а он не знает, как им пользоваться»*. Важным путем в этом направлении было образование — и он основал множество новых школ. Лучшие ученики его школы гражданской администрации служили в штате Йылдыза. Султан верил, что *«у нас нет неизлечимых болезней, и мы имеем в себе качества и силы, которые делают нас способными полностью излечиться. У нас немного друзей — и все-таки, вероятно, наша страна прекрасна, раз так много стран хотят подчинить ее и проводят политику, единственной целью которой является дискредитация нас, чтобы сделать нас легкой добычей»*⁷.

Власть была ключом к магнетизму султана. Хотя конституция все еще теоретически оставалась в силе, парламент в Константинополе более не собирался. В то время, когда другие дворцы теряли власть, Йылдыз правил столицей и империей. В 1880 году Лейарду было сказано: «Его Величество правит абсолютно так же, как до сих пор, и все дела больше, чем ранее, находятся под полным его управлением и контролем». В 1895 году французский посол записал: «Султан — конец абсолютно всему... Все решается во дворце, и самые малозначительные, и самые важные дела». Министры султана вызывались в Йылдыз в любое время дня и ночи; говорят, он прочитывал всю свою корреспонденцию лично и содержал свои бумаги в таком порядке, что даже в темноте мог найти все, что нужно. Мешки входящих писем стерилизовали в специальной машине, прежде чем они отсылались на стол султану⁸.

Абсолютная власть султана была продемонстрирована в 1881 году во время судебного разбирательства в павильоне во внешнем саду Йылдыза дела крупного конституционалиста Мидхата-паши, который обвинялся в организации «убийства» Абдул-Азиза.

Оцепенелая мать султана сама давала показания. Мидхата нашли виновным и выслали в Таиф к югу от Мекки, где его и убили в 1884 году.

В полном пренебрежении к национализму, разъедавшему империю вне дворцовых стен, в Йылдызе султан держал на службе самую интернациональную бюрократию, какая только существовала до появления Еврокомиссии — турки, греки, армяне, арабы, немцы, поляки и итальянцы. Их ежедневный доступ к султану вскоре обеспечил им больше власти, чем министрам, работавшим в Блистательной Порте. Главой дворцовой службы — и могущественным врагом Запада — с 1878 года и до самой своей смерти в 1900 году был фельдмаршал и гази Осман-паша, герой осады Плевны. Двое из его сыновей женились на двух дочерях султана.

Первым секретарем султана был турок: Сурейя-паша, замененный в 1894 году другим турком, Тахсин-пашой, «неутомимо честный, всегда на своем посту, лояльный и не задававший вопросов слуга своего господина». Говорят, что Тахсин-паша за двенадцать лет ни разу не уходил в отпуск и узнавал о наступлении лета, только когда ему приносили поесть клубники. Под его руководством двадцать секретарей, выпускников школы гражданской администрации, должны были быть готовы работать днем и ночью. Наперсник султана Лютфи-ага, мастер по халатам, тоже был турком; придумать для него какую-либо «подходящую фантазию» могло стать необычайно выгодным делом — именно таким образом болгарский царь Фердинанд получил ранг османского фельдмаршала. Другие турецкие чиновники, подобно некоторым придворным официальным лицам Людовика XIV, должны были успокаивать и держать под контролем любую оппозицию во дворце монарха. Например, радикальный писатель и бывший издатель «Диогена» Теодор Казар стал библиотекарем при дворце⁹.

Специальные придворные отделы ведали отношениями с Албанией, с Балканами, контролировали армию, а также собирали отчеты шпионов. Ведомство драгоманов переводило детективы, которые султан очень любил. Выборку из европейской прессы предоставлял другой отдел под руководством армянина Нишана-эфенди; эти выборки обычно вызывали неудовольствие султана: однажды французская газета назвала его

*le grand saigneur**. Акоп-паша Казашян, министр Цивильного листа (этот пост всегда занимался армянином), помогал Абдул-Хамиду приобретать частную недвижимость, включая нефтеносные поля в Месопотамии.

Спиридион Маврогени, внучатый племянник Николая Маврогени, единственный фанариот, который стал османским генералом, имел офис во дворце, как врач султана и как представитель патриархата. Сенатор, визирь, генерал-инспектор гражданских и военных госпиталей, трижды бывший президентом греческого «Силлогоса», он не разделял высокого мнения о своем хозяине. В 1892 году в записи, сделанной в самом Йылдызе, он назвал его «этот абсолютный деспот, эгоистичный, подозрительный, который никак не походит на своих славных предков». Они часто спорили, и Маврогени однажды попросил убежища в русском посольстве.

Александр Каратеодори-паша оставался самым важным греком во дворце. Родившийся в 1833 году, сын Стефана Каратеодори, доктора султана Абдул-Меджида, он оказался полиглотом, который служил османским полномочным представителем на Берлинском конгрессе, министром иностранных дел в 1878–1879 годах, князем Самоса с 1884 по 1894 год, правителем Крита в 1895–1896 годах** и «Первым переводчиком Его Величества Султана». Абдул-Хамид верил ему настолько, что называл Каратеодори «человеком с замечательными способностями, не только самым умным дипломатом в Турции, но одним из умнейших в Европе», и дал ему апартаменты в Йылдызе. Говоря, что дочери у него для замужества, а не для нации, Каратеодори демонстративно игнорировал греческий национализм. В 1901 году он вошел в османскую делегацию, направлявшуюся на похороны королевы Виктории, в то время

* В данном контексте — «Великим палачом». Игра слов: *saigneur* (забойщик скота) созвучно *seigneur* (сеньор, владыка); газета ядовито обыграла один из титулов султана. (Прим. ред.)

** Назначение грека Каратеодори вызвало недовольство критских мусульман, и он был вынужден сам подать в отставку с этого поста незадолго до начала восстания критских греков-христиан. Его сын Константин стал известным математиком, был профессором Геттингена, а с 1919 по 1922 год возглавлял созданный по его инициативе Ионический университет в Смирне, тогда оккупированной греческой армией. (Прим. ред.)

как его греческий кузен был членом греческой делегации. Грек обрадовался, увидев Александра Каратеодори-пашу, и немедленно начал рассказывать ему новости о его многочисленных греческих родственниках. Паша, делая вид, что встретил своего кузена впервые, просто отвечал: «Благодарю, благодарю» со смущенным видом. Его похороны в 1906 году в Арнавуткёе, проведенные патриархом и всем Священным синодом, отметили конец традиций фанариотов, начатых его предками Маврокордато¹⁰.

После 1895 года некий араб из Дамаска по имени Ахмед Иззет аль-Абид поднимался по иерархии в Йылдызе, пока не стал вторым секретарем, курирующим Сирию и получившим репутацию самого влиятельного человека во дворце. Сионистский лидер Теодор Герцль, который при Абдул-Хамиде нанес шесть визитов в Константинополь, пытаясь купить Палестину, сравнивал Иззета с готовым наброситься тигром. Он был хрупкого телосложения и среднего роста, «его усталое, морщинистое, но интеллигентное лицо скорее можно назвать уродливым. Большой нос; темная, трясущаяся, по пояс борода; пронизательные глаза». Глава комиссии по реформе казны, он сделал состояние на службе у султана. И все-таки, как и Маврогени, он не прятал от близких презрение к своему хозяину.

Во время визита Герцля в 1896 году Иззет имел маленький темный офис в Бюйюк-Мабейн — с двумя столами, несколькими креслами и занавешенной пологом кроватью (на случай, если ему придется провести в офисе ночь); «вот и все», записал Герцль. «Но окно открывается на широкую, смеющуюся красоту Босфора, на белые минареты мечети Селямлик и далекие, окутанные дымкой, Принцессы острова».

Одним из достижений Иззета и султана стала Хиджазская железная дорога, построенная для пилигримов из Дамаска в Мекку. Финансируемая деньгами мусульман всего мира, несмотря на проблемы, возникшие при строительстве железной дороги в пустыне, к 1908 году она дотянулась до Медины. К недовольству бедуинов, которые жили на деньги от защиты пилигримов, Священный караван с подарками и пилигримами, покидавший Константинополь каждый год, могли теперь проделывать большую часть пути по железной дороге¹¹.

Хиджазская железная дорога стала демонстрацией за пределами страны одного из главных принципов султана — возрождения ислама. Ислам был оружием против расширения империй Европы и средством дать надежду и вызвать единение его нищающих, павших духом подданных, он стал выбором монарха, который имел греческих и армянских приближенных и смотрел итальянские оперы. Как он написал своему главному секретарю в 1892 году, «единственный способ сражаться против них [миссионеров, финансируемых «богатыми и фанатичными» христианами] — это увеличить исламское население и распространять нашу веру — святейшую из религий».

Во время правления Абдул-Хамида Йылдыз стал мусульманским Ватиканом. Уже при Абдул-Азизе Константинополь, возобновляя свою роль столицы ислама, привлекал мусульманских беженцев из России и из британских владений. Они выпускали газеты, получали правительственные денежные субсидии и проповедовали реванш и священную войну. После 1876 года в Константинополь ринулся поток мусульманских проповедников, дервишей, студентов и улемов. С Кораном и османскими флагами их отправляли далеко — в Занзибар, в Сибирь и на Яву, где они убеждали местных мусульман поддержать последнего независимого мусульманского монарха, султана и халифа, чью власть и славу они рекламировали в своих пылких рассказах¹².

Ислам получал еженедельное выражение, когда султан покидал Йылдыз, чтобы помолиться в мечети Хамидие в пятидесяти метрах ниже по холму. Построенная Саркис-беем Бальяном в 1886 году, она отражала османский неоготический стиль с чертами Альгамбры. Стены были расписаны красными, синими и золотыми арабесками, узорами, внутри висели каллиграфические медальоны, украшенные перламутром; кафедра была вырезана самим султаном. В 1884 году Уилфрид Блант назвал церемонию селямлик *«очень скромной — пара групп плохо одетых солдат, несколько человек на нездоровых лошадях, полдюжины запыленных телег, наполненных песком, чтобы посыпать дорогу, два экипажа, полные дам, которые не входят в мечеть, около пятидесяти чиновников в форме»*¹³.

В течение десяти лет селямлик Абдул-Хамида превратился в наиболее яркое османское представление. Пехота, кавалерия, артиллерия, уланы, моряки — полк за полком прибывали к двор-

цу, звуки команд и топот марширующих ног смешивались с энергичной музыкой «Хамидие» и другими османскими маршами. Фески на головах солдат превращали холм Йылдыз в красное море. Послы в парадном облачении, иностранцы и местная знать, а также тайные агенты наблюдали за действием со специально сооруженной террасы и из павильона, смотрящего на дорогу к мечети. Улыбавшиеся адъютанты заботились, чтобы у самых важных персон были лучшие места; слуги циркулировали с золотыми подносами кофе, чая, шербета, кексов, сэндвичей и сигар, отмеченных монограммой султана.

Войска демонстрировали оружие. Из дворцовых ворот в сопровождении евнухов прибывали гаремные экипажи, за ними следовал главный евнух, паши верхом на лошадях, дворцовые секретари под предводительством Тахсин-паши и сыновья султана. Наконец барабаны объявляли прибытие самого султана. Когда он появлялся в открытом легком двухместном экипаже, запряженном парой серых жеребцов, солдаты кричали: «Да здравствует наш падишах!», а зрители склонялись в знак уважения.

После шумного приветствия наступала внезапная тишина, когда экипаж проезжал под дипломатической террасой. Все глаза устремлялись на султана. Он проезжал и из-под приподнятых нек бросал внимательные взгляды, чтобы проверить, кто там находится.

Во дворе мечети он обменивался улыбками с сыновьями. Муэдзин с самым лучшим голосом в городе пел призыв к молитве и напоминал султану, что он не более, чем человек. Абдул-Хамид входил в мечеть. После получасовой молитвы он возвращался, сядясь с любимым сыном Бурханедином-эфенди в меньший фэтон, в сопровождении пашей и секретарей, бегущих, задыхаясь, вверх по холму.

Упрощение церемонии демонстрировало османского султана как современного европейского монарха; возвращение пышности стало символическим восстановлением прежнего образа османского султана, ведшего свою армию в бой¹⁴. Поддерживая османские традиции, после селямлика от людей, которые наблюдали из-за войскового оцепления, собирались петиции и доставлялись в специальный офис во дворце. Большинство петиций получало ответ¹⁵.

После селямлика султан исчезал в павильоне «Живая Изгородь», где принимал послов или видных иностранцев. Эти ау-

диенции могли оказаться полезным средством получения или передачи информации, и он часто делал чернилами на манжетах записи того, что планировал сказать. Герцль, например, предложил султану достаточно денег, чтобы освободить Османскую империю от Долговой контрольной комиссии, — в обмен на автономию сионистской организации в Палестине. Султан оставил вопрос нерешенным, так как хотел использовать контакты Герцля в прессе, чтобы улучшить образ османов в Европе. В реальности он никогда не колебался в своей оппозиции к сионизму: «Я не могу продать даже фут земли, так как она принадлежит не мне, а моему народу... Евреи могут сохранить свои миллионы. Когда моя империя разделится, быть может, они получают Палестину задаром. Но разделить можно только наши трупы. Я никогда не соглашусь на такую вивисекцию».

«Когда моя империя разделится....» Официальные ежегодники, публиковавшиеся в Константинополе, все еще заявляли, что османская династия — одна из самых старых в мире и продлится «до конца времен». Но султан, как и многие жители города, боялся, что распад империи — только лишь вопрос времени¹⁶.

Некоторые охранники селямлика были известны как *zouaves a turban* — это были арабы из Триполитании, носившие зеленые тюрбаны. Многие зрители на террасе являлись вождями арабов, воевавшими с султаном, а теперь они были его гостями, одетыми в османские почетные халаты. Под Абдул-Хамидом Османская империя еще включала в себя почти весь арабский мир, и Константинополь являлся как османской, так и арабской столицей. С XVI века тут работали арабские мудрецы, поэты и купцы, которые предпочитали Константинополь тихим заводям Багдада и Каира. Арабы познакомили город с удовольствием от кофе в XVI веке и от оперы — в XIX. Абдул-Хамид стал первым султаном, который использовал арабов как политических агентов. Он назначил Абу'л-Худу, *шейха* из Алеппо, преподавателем доктрины в Йылдызе и *румели-кадиаскером* — главным судьей европейских провинций. Абу'л-Худа написал 212 книг и памфлетов, подчеркивая, что абсолютизм лежит в основе природы ислама. Бог, Коран и Пророк велели повиноваться султану и халифу. Набожный и честный, он заботится о благополучии своих подданных. Его обязанностью было подчиняться власти, особенно во времена войны против внешних врагов и борьбы

с внутренними диссидентами. Константинополь стал новым Багдадом¹⁷.

В то время как Абу'л-Худа спланировал Сирию, шейх Зафир аль-Мадани из Триполитании проводил панисламистскую политику в Северной Африке. С 1892 года крупный исламистский сторонник модернизации и защитник союза против Запада, Джамал аль-дин аль-Афгани, тоже жил в доме на землях Йылдыза, получая пищу с кухни султана и пользуясь одним из императорских экипажей: султан пригласил его из Лондона, чтобы британское правительство прекратило использовать его как сторонника создания Халифата под руководством шарифа Мекки. Из комфортабельного Йылдыза он писал шиитским сановникам в Иран, умоляя их поддерживать суннизм и Халифат османов — в ответ на подарки и субсидирование от султана. Он помог организовать убийство ненавистного соперника султана, шаха Персии в 1896 году. Мирза Риза, убийца, признался на допросе, что на встрече в Константинополе в 1895 году аль-Афгани выражал желание привести всех мусульман «в Халифат и сделать султана предводителем всех правоверных и главой над всеми мусульманами» и толкал его убить тирана (шаха). Аль-Афгани умер в Йылдызе, официально в бесчестии, в 1897 году¹⁸.

Школы тоже являлись важным инструментом в арабской политике султана. Сыновей провинциальной знати привозили в Константинополь учиться в военном или административном колледжах. В 1892 году возле Долмабахче основали школу для представителей кочевых племен. Ее официальной целью было «научить кочевников процветанию, исходящему из знаний и цивилизации и дальнейшему увеличению их хорошо известных естественных намерений относительно великого исламского Халифата и любви к нему, как и к величественному Османскому султанату». После пяти лет в Константинополе ученики возвращались бы в свои провинции в качестве учителей или чиновников. Привозились в столичные школы и мальчики из более дальних мест — из Персии, Марокко или с Явы. Они также обучались за счет султана и возвращались домой защитниками панисламизма, ожидая, что их колониальные хозяева будут обращаться с ними как с европейцами¹⁹.

Абдул-Хамид также укрепил связи османов с великой арабской династией хашимитов, которые со своими полунезависимы-

ми владениями в Хиджазе оставались и вассалами, и соперниками османов начиная с 1517 года. В начале XIX века, когда сила османов ослабла, враждебность хашимитов возросла. Французский путешественник обнаружил «непреодолимую антипатию, непримиримую враждебность турок и арабов». Османское правительство реагировало на это усилением османских сил в Джиdde и приглашением хашимитов в Константинополь.

С 1816 года некоторым хашимитам давали хорошие жалования, жен и дома в столице. Когда-то пленники и почетные заложники, они превратились в часть османской элиты. На обеде у Решид-паши в октябре 1857 года в числе гостей был красивый и печальный молодой человек примерно тридцати лет по имени Абдулла. Он происходил из младшей и более почитаемой ветви хашимитской династии, Деви Аун, которую османское правительство поддерживало против старшей ветви, Деви Зейд. Когда его спросили, почему он не носит зеленый тюрбан потомка Пророка, он ответил: «Я ношу его иногда — но наш род слишком хорошо известен, чтобы носить знак отличия».

С другой стороны, присутствие хашимитов в Константинополе было обоюдоострым оружием. Намеки на слабость султана перед лицом европейского вмешательства и европейского технологического превосходства могли увеличить количество мятежей, а не лояльность его подданных. Когда шариф Абдул Мутталиб вернулся из Константинополя во время Крымской войны, он сказал улему в Хиджазе, что османы обречены на поражение, и объявил «священную войну» против османского правительства, чьи попытки остановить торговлю рабами так возмущали местных шейхов²⁰.

Абдул Мутталиб был разбит и снова увезен в Константинополь, где он прожил с 1856 по 1880 год. Друг Мидхата, он посетил инаугурацию Мурада V в 1876 году. За сорок лет до того шариф поддержал арабский мятеж в Мекке, организованный при подстрекательстве британцев. В британском посольстве в Константинополе и в арабских провинциях уже шел разговор о том, что «состояние вещей полностью безнадежно для турок» и «Халифат однажды вернется в Аравию». В 1880 году друг султана, сэр Остин Лейард, встретил «арабского джентльмена», который сообщил ему, что *«среди арабского населения превалирует недовольство турецким правлением во всех частях Османской империи»*.

Они готовы, заявил он, освободиться, если смогут получить поддержку Англии... все правоверные мусульмане теперь смотрят на шарифа Мекки как на своего реального религиозного главу». В этом году, будучи объявленным эмиром и шарифом Мекки в Блистательной Порте, Абдул Мутталиб снова вернулся в Мекку: султан считал этого друга Мидхата и Мурада V более опасным в Константинополе, чем даже в Мекке²¹.

Тем не менее при Абдул-Хамиде шарифы продолжали числиться среди самых уважаемых жителей города. Внук Абдула Мутталиба, Али Хайдар, родившийся в Константинополе в 1866 году, получил образование во дворцовой школе и в павильонах Йылдыза вместе с османскими принцами, потомками крымского хана и сыновьями пашей. Он стал другом шейха Абу'л Худы и Абдул-Меджида-эфенди, сына султана Абдул-Азиза. Когда он пожаловался на школу, его дед сказал: «Если ты немедленно не пойдешь в школу, я отошлю тебя назад в Мекку». В XIX веке семья Пророка считала Константинополь домом, а священный город Мекку — ссылкой²².

В 1893 году другой представитель хашимитов, шариф Хусейн из ветви Деви Аун, родившийся в Константинополе в 1853 году, вернулся сюда, чтобы поселиться в симпатичном ялы в Йеникёе на европейской стороне Босфора, с сыновьями Али, Абдуллой и Фейсалом. Стронник абсолютизма и, по слухам, шпион султана, он был членом Государственного совета — института, который функционировал как заменитель парламента. Уже женатый на своей арабской кузине, в Константинополе он женился на внучке Решида-паши, Адиль Ханым, от которой в 1898 году родился его последний и самый любимый сын Зеид. Несколько годами позднее он переехал из Йеникёя в киоск, который построил на лесистом холме над Бюйюкдере, — «подалее от султана и его шпионов».

И шариф Хусейн, и шариф Али Хайдар, а также их семьи сочетали две идентичности — османскую и арабскую. Сыновей первого заставили через учителей, выделенных султаном, говорить по-турецки — в конце их жизни они использовали этот язык как устный шифр в окружении арабов. В своих воспоминаниях второй сын шарифа Хусейна, Абдулла (тогда король Иордании), хваля «любимые визиты к арабам, пальмы и здания» Хиджаза, сохранял большой энтузиазм, говоря о Константинополе — «ме-

сте Халифата... очаровательном выше всяких описаний, городе неимоверной красоты, захватывающей в любой сезон, летом и зимой одинаково. Как ясны его весны, как прекрасны его фрукты!.. Он приютил мусульман любого стиля жизни, различных манер и языков — но никто и ничто не кажется в нем странным, и вы можете найти все, что только захотите из любой страны»²³.

Шариф Абдулла вспоминал Босфор с особым удовольствием. Когда султан правил из-за высоких стен Йылдыза, Босфор переживал свой второй золотой век. Каждый май дорогу через холмы из Константинополя в Тарабию забивали воловьши повозки, везущие мебель на виллы на берегах Босфора. Выезжая рано утром, слуги могли добраться до жилья своего хозяина как раз ко времени, когда он приезжал туда вечером. Воздух на Верхнем Босфоре был таким чистым, что его описывали как «тонизирующее средство для тела и радость для души». Луис Рамберт, который работал в Османском банке во время правления Абдул-Хамида, был очарован: *«Какой свет! Как сияет солнце! С месяца май до месяца ноябрь летний сезон следует своим курсом, почти без облаков, напоенный воздухом глубокой прозрачности, отраженной огромным голубым зеркалом. Прибытие каждым утром в столицу и отъезд вечерами на босфорских лодках оставляет в вашем воображении сцену настоящего очарования».* *Douceur de vivre* Константинополя до 1912 года, как и Парижа до 1789 года, никогда не забудется теми, кто знал ее²⁴.

Длинная линия ялы протянулась вдоль обоих берегов Босфора. Самыми большими были ялы имперских принцесс — не считая императорских дворцов, но на приличном расстоянии от них. В Тарабии череда зеленых парков заканчивалась простыми деревянными ялы послов и синевою Босфора, где посольские станции (каждому посольству позволялось держать на Босфоре один военный корабль) стояли на якоре.

В полдень набережная в Тарабии становилась международным променадом. Журналисты узнавали или распространяли последние слухи. Дипломаты и банкиры планировали теннисные турниры, матчи в поло (Константинопольский клуб поло, секретарем которого в 1913 году был Гарольд Николсон, располагался в Бьююкдере), балы, другие мероприятия. Хроникер последнего османского города, Саид Наум Духани, сын старшего чиновника в министерстве иностранных дел, записал:

«Любовники, финансисты, вежливые мужья, помогающиеся соблазнитель делали друг другу знаки, которые только посвященные могли правильно интерпретировать. Для левантийских гратен [Маврокордато, Зарифи, Теста, Остророгов] обоих полов этот променад-выставка был полезным занятием, так как позволял мужчинам заключать деловые соглашения, а незамужним молодым девушкам обеспечивал возможность поймать проходящего посольского атташе, которого она сможет превратить в мужа»²⁵.

Тарабия была и европейской, и левантийской. Каики оставались центром более традиционного образа жизни. Один из самых крупных современных турецких писателей, Якуб Кадри, в «Нур-Баба» (1921) описал каики, ожидавшие на лазурном Босфоре возле ялы богатого придворного чиновника Сафа-эфенди, будто подвешенные в синей пустоте: *«Весь залив залит светом и гармонией, как в ночь праздничной иллюминации. Все сандалы [весельные лодки], которые отходили, ловкие и трепещущие, стайками и роями от обоих берегов Босфора, из Бебека и Кандилли в Сарьер и Кубуклу в погоне за удовольствием и радостью, всегда оставались тут»*. Так много каиков стояло на якоре вплотную друг к другу, слушая музыку, что мужчины и женщины могли обмениваться взглядами или цветами.

В лунные ночи, абсолютно завораживающие, Сафа-эфенди никогда не отходил от окна и не опускал бинокля, в то же время очень медленно говоря своим друзьям:

«Как хороши бинокли! Хасен Ханым тут прямо передо мной. Если я протяну руку, я смогу дотронуться до нее! Посмотрите на мужчину в следующей лодке! Он ни на момент не отодвигается от нее. Они смотрят так, будто приклеились друг к другу. Ах-ах, дамы двора повернулись к нему спиной. Какие прически, какие прически, какие прически! Они действительно старые потаскухи!... и тут дочери Фаика Бея! Боже! Боже! Какие они пугливые молоденькие девочки! Плавают здесь с утра до ночи! Я начинаю думать, что что-то есть между ними и лодочниками! Они так хорошо знакомы и так свободно, легко держат себя, беседуют и смеются вместе! Поразительно! Этим вечером нигде не вижу египтянку Раксиназ Ханимефенди! Надеюсь, она еще не уехала».

В другие ночи каики с музыкантами и подносами еды и питья встречались в заливе Календар. Некоторые циркулировали кру-

гами, превращая движущуюся массу лодок в единый организм. Говорят, что в правление султана Абдул-Азиза, «когда сердца были веселее, эмоции сильнее, мускулы крепче, жизнь более ленива, а кошельки тяжелее», однажды сразу тысяча лодок двигалась из залива в залив по Босфору до самой зари, замороженная красотой ночи и звуком музыки.

В Египте хедив Исмаил тоже проявлял вкус к западной музыке, поставив «Аиду». В Константинополе, где он жил на пенсии в конце жизни, он возвратился к вкусам своего детства. Лунными ночами хор из ста рабынь исполнял восточную музыку в его ялы в Эмиргане. Каики, собиравшиеся снаружи послушать, образовывали мост из лодок, тянувшийся из Эмиргана к азиатскому берегу Босфора. Одна из его рабынь имела голос, который долетал из Эмиргана до другой стороны и там, ударяясь о холмы, производил двойное или тройное эхо. Однако султан боялся и больших скоплений народа и популярности паши. Заявив, что мусульманам не пристало слушать женские голоса на публике, он приказом из Йылдыза запретил эти представления²⁶.

Лишь у одного дворца на Босфоре не собиралось никаких лодок. В Сирагане свергнувший султан оставался постоянной угрозой и упреком своему брату в Йылдызе. После 1876 года — как Мария Шотландская и Елизавета I — Мурад V и Абдул-Хамид II были соперничающими династиями, которые никогда не встретились. Мурад V жил в отдельной гаремной части (теперь здесь школа), слева от дворца, окруженный стеной секретности, такой же непроницаемой, как стены его тюрьмы. Окружение из шестидесяти человек, включая детей и гарем, разделяли его заключение. Его домочадцы развлекали себя любительскими спектаклями, классической и османской музыкой. Гвателли-паша, дирижер имперского оркестра, рассказывал Абдул-Хамиду о детях и внуках Мурада V в Сирагане: «Ваше Величество, я хожу слушать их, а не учить их». Мурад V читал, писал стихи и музыку (среди его композиций есть марш и полька), разглядывал Босфор в бинокль и пил коктейли из бренди и шампанского. Он никогда не произносил мусульманских молитв. Иногда он рассказывал детям и внукам о своем визите во Францию и Англию с Абдул-Азизом в 1867 году: «Однажды мы освободимся, и я повезу вас во все эти страны на корабле».

Так как дантиста к нему тоже не допускали, Мурад V научился удалять собственные зубы. Он редко получал новую одежду, поэтому ее изготавливал гарем. Каждый день из Йылдыза посылали управляющего двором спросить, нужно ли что-либо Мураду V? Он был слишком горд, чтобы просить самому. В одном случае он уступил упрекам своего гарема и попросил календарь. Управляющий отказал.

Абдул-Хамид ненавидел своего брата. Фетва шейх-уль-ислама, позволявшая султану казнить Мурада V, была найдена; но династическое братоубийство в конце XIX века больше не казалось подходящим. Либеральный принц, который смог превратить Османскую империю в конституционную монархию, умер в 1904 году в возрасте 64 лет, после двадцати восьми лет заточения²⁷.

Вне магического микрокосма Босфора город становился все более современным. Новое искусство, с его акцентом на цветах и формах, особенно импонировало османам. Среди зданий, построенных Раймондо д'Аронсо, итальянским архитектором султана, были массивная Военно-медицинская школа Хайдарпаши, законченная в 1895 году и построенная на азиатской стороне — возможно, чтобы оградить студентов от коррупционного влияния Пера, Каса Боттер в конце Гран-рю-де-Пера 1901 года и летнее здание итальянского посольства в Тарабии, возведенное в 1905 году²⁸.

На мосту Галаты европейская одежда стала правилом, а не исключением. Интеллигентный молодой мусульманин по имени Халил Халид отказался учиться в религиозном медресе, так как студенты должны были носить традиционные халаты и тюрбаны — а, «как и большинство моих соотечественников, меня захватили амбиции обращения к одежде в более современной манере». Простые дома продолжали украшать лишь каллиграфические надписи в рамках и низкие диваны, почти ничего больше. Однако представители османской элиты, такие как Осман Хамди-бей, директор имперских музеев и школы изящных искусств, Нигяр Ханым, поэтесса, которая жила в ялы возле Румели-Хисар и принимала гостей в своем салоне, или семья Шакира-паши, менее походившая на своих родителей, чем на жителей Лондона или Парижа по костюмам, привычкам и до-

машному обиходу. Старые ритуалы, трубки и благовония (но не кофе!) начали исчезать. Каждый модный дом имел пианино. Еда подавалась во французском стиле — на столе, с вилками и ножами, а не на подносе на полу; вместо старших в семье первым подавали женщинам. Только феску мужчины оставляли на голове, даже при самых близких встречах — указывая, что они османы. Некоторые женщины ветви Халим из египетской правящей семьи настолько верили в собственное осовременивание, что отбрасывали моду ради ношения традиционной османской одежды и драгоценностей²⁹.

Семейные взаимоотношения тоже начали меняться. Желая усилить контроль над подданными, Абдул-Хамид организовал самую тщательную статистику в османской истории. Только 2,16 процента женатых мужчин в городе в 1907 году имели больше, чем одну жену. Население Константинополя стало первой мусульманской группой, которая практиковала контрацепцию в большом масштабе. Широко распространившееся использование абортов как средства ограничения семьи пугало султана. Использование мыла или лимонного сока в качестве спермицидов стали обычным делом³⁰.

Османы начали отказываться от арабского и персидского языков. «Именно французский язык и культура больше всего остального ответственны за мое пробуждение», — написал один интеллигент, Хусейн Кахид. Другой константинопольский писатель, Ахмед Мидхат, чувствовал, что турецкий язык слишком устарел и загнил, что какой бы области ни касался, там он терпит неудачу³¹.

Существовал очевидный контраст между глядящей вперед элитой и традиционной автократией султана, между городом и дворцом. Абдул-Хамид бросал вызов двум наиболее важным движениям века — индустриализации и национализму. Чтобы предотвратить дальнейшее внедрение в экономику европейского бизнеса, в Константинополе почти не давали разрешения на строительство крупных фабрик. В 1891 году в дополнение к государственным фабрикам, вроде Фезхане на Золотом Роге, где производились фески, а также несколькими текстильным и пороховым заводам, город имел не более десяти частных фабрик, изготавливавших шелк, кирпич и изразцы, а также стекло. Сюда надо добавить и два газовых завода. Электричество позволялось

в Измире и Салониках — и в отдельном мире Йылдыза, но не в самом Константинополе, где оно имелось лишь в госпиталях, посольствах и отеле Пера-Палас³². До 1876 года Константинополь оставался относительно современным. При Абдул-Хамиде он стал городом, застывшим во времени.

Согласно налоговому списку 1887 года в столице все еще работали 287 традиционных гильдий. Каждая гильдия — лодочников, мясников или носильщиков — имела своего управляющего, усиливая тем самым и контроль Йылдыза над городом, и собственный вес гильдий. Гильдия портовых рабочих могла заставить большие суда стоять на якоре далеко в море и использовать для разгрузки маленькие лодки — тем самым уменьшая прибыльность порта. Модернизация портового оборудования, запланированная правительством и группой иностранных инвесторов с 1890 года, была отложена. После 1895 года гильдию преобразовали — когда курды в ней постепенно заменили армян из Восточной Анатолии³³. Начавшиеся в провинциях национальные конфликты становились причиной кровопролития на улицах Константинополя.

В 1880-е годы, как и предсказывал патриарх Хримиан, некоторые армяне выбрали путь революции. В 1887 году в Женеве была создана партия «Гнчакян». Это была первая революционная марксистская партия в регионе, возникшая под влиянием русского народничества и нигилизма, она имела 700 членов в Константинополе — в основном среди армянских рабочих в иностранных фирмах. Тремя годами позднее, в Тифлисе возникла другая армянская революционная партия, более известная как «Дашнаки»*. Армянский вопрос лишился симпатий царского правительства — но приобрел революционный пыл и организованность. «Гнчаки» и «дашнаки» начали убивать армян, находящихся на службе у султана.

* Так у автора. Правильное название партии — «Дашнакцютун»; «дашнаками» их называли в просторечии, это же имя укоренилось и у противников партии. Партия изначально создавалась как более умеренная, чем марксистская «Гнчак»; изначально в своих программных заявлениях она отвергала национализм, но признавала терроризм как средство борьбы. Ныне «Дашнакцютун» входит в Социалистический интернационал. (*Прим. ред.*)

Страх и недоверие изменили отношение правительства к армянам. При разговоре с венгерским агентом британского правительства, историком и тюркологом Арминием Вамбери в Йылдызе в 1889 году султан настолько рассердился, что несколько раз приподнимал свою феску: *«Скажите вашим английским друзьям и в особенности лорду Солсбери, к которому я испытываю большое уважение, что я готов лечить бедствия в Армении, но я скорее позволю ему разлучить эту голову с моим телом (и тут он ужасно возбудился), чем позволю образование отдельной Армении»*³⁴.

Архивы Йылдыза показывают, что султан и его официальные лица считали армян «мошенниками», полными «дьявольских намерений» к «Величественному Государству». Восточные провинции, по мнению самого султана, следовало правильно называть Курдистаном, так как там жили больше курдов, чем армян. Навязать реформы в Армении — все равно что «держат бороду левой рукой, и резать горло другой»³⁵.

В воскресенье 27 июля 1890 года «побоище Кумкапы» возле армянского патриархата в Кумкапы открыло круговорот ужаса. Группа революционно настроенных гнчакистов, в основном выходцев с Кавказа, окружила собор, явилась к патриарху и зачитала манифест против султана. Собравшаяся толпа кричала: «Да здравствует комитет Гнчак! Да здравствует армянский народ! Да здравствует Армения!» Полиция открыла огонь и убила около двадцати армян. Были убиты и двое полицейских — впервые с 1453 года христиане осмелились атаковать османские власти в Константинополе*. В знак протеста и против полиции, и против террористов патриарх ушел в отставку.

Некоторые из организаторов демонстрации надеялись на резню, убежденные, что она спровоцирует вторжение европейских сил. На следующий год армянская конституция была приостановлена. 25 марта 1894 года патриарх был ранен молодым армянским террористом в Кумкапы³⁶.

18 сентября 1895 года, после нескольких месяцев подготовки революционным комитетом «Гнчак», группа из двух тысяч ар-

* Гнчакисты хотели устроить демонстрацию у ворот султанского дворца и привлечь к ней патриарха, если понадобится — силой. Но патриарху удалось ускользнуть, а по демонстрации был открыт огонь прибывшей полицией; демонстранты начали стрелять из револьверов в ответ. Были убиты жандармский майор Сервер-бей и один солдат. (Прим. ред.)

мян, многие из которых были вооружены ножами и пистолетами, двинулись из Кумкапы к Блистательной Порте, крича «Свобода или смерть!» и распевая революционные песни, чтобы «заставить Блистательную Пору полностью осознать страдания армян». Патриарха запугали и вынудили принять участие в демонстрации. Армяне рассчитывали на поддержку европейского империализма. В посольства разослали письма с просьбой к европейским державам поддержать реформы (введение свободы слова и собраний, позволения носить оружие, прекращения репрессий) и требуя, чтоб полицейские силы в шести «армянских провинциях» на Востоке находились под контролем европейского генерал-губернатора. Армяне желали большего европейского экономического проникновения — но в то же время угрожали, что если помощь не придет, протесты армян могут «найти отклик у рабочего класса ваших собственных стран».

Последовала жесткая османская реакция. Полиция открыла огонь по толпе. Правительство, если использовать фразу, подходящую для Константинополя при Абдул-Хамиде, «дало волю толпе», использовав неподдельную ярость мусульманского населения в своих политических целях. Мусульманам позволили избивать армян на улицах до смерти — не только возле Кумкапы, но и во многих других районах города. Полиция или оставалась пассивной, или принимала участие в погроме: некоторых армян забивали прикладами во дворах полицейских участков. Нападения начались в одно и то же время в разных местах; за несколькими исключениями толпа аккуратно обходила жилища иностранцев, не трогала их армянских слуг и армянских католиков и протестантов. Погром длился два дня, а в некоторых кварталах и две недели. Больше всего пострадали бедные армяне — хэмэлы (носильщики) и портовые докеры; как недавно приехавшие с Востока, они легко узнавались по одежде и акценту. Более зажиточные армяне забирали беженцев в свои дома или церкви. Армянский патриарх слег от шока³⁷.

Греки продемонстрировали ненамного больше симпатии к армянам в 1895 году, чем армяне по отношению к грекам в 1821 году. Князь Николаос Маврокордато, сын лидера войны за независимость Греции, как и другие потомки фанариотов, стал греческим политиком и дипломатом. В 1894 году он вернулся в город своих предков как посол Греции. Хотя Маврокордато стал хоро-

по известной фигурой в городе и президентом *Cercle d'Orient*, как и его отец, он был пылким греческим националистом, называя принцип целостности Османской империи «тщеславной и смехотворной формулой». В 1895 году он написал, что османские власти пытались разъединить армян и греков, уверяя греков, что считают их «истинными друзьями», отказывая армянам, которые были слугами в греческих домах. Вселенский патриарх пытался оказывать армянам моральную поддержку, но заявляя, что «греки действуют мудро, стремясь пройти через эти тревожные дни мирно». Более того, 10 сентября какие-то армяне в Ортакёе напали на греков. Резня армян началась также и на Востоке. В конце концов иностранные послы вмешались с коллективной нотой, а султан подписал декрет о реформе, который так никогда и не был выполнен³⁸.

26 августа 1896 года ужас вернулся в Константинополь. Армянские революционеры из партии «Дашнак» провели серию хорошо спланированных взрывов бомб по всему городу, в первую очередь в Галате и Саматии. Самое драматичное случилось в час дня. Двадцать пять армян, переодетых под носильщиков, захватили один из главных деловых центров Константинополя — головной офис Османского банка в Галате. Его выбрали, потому что его мощные стены позволяли выдержать осаду, а его финансовое значение гарантировало европейскую огласку. Убив двух сотрудников и захватив 150 человек штата и посетителей заложниками, террористы угрожали взорвать банк, если не будут выполнены их требования создания армянской автономии под европейской защитой.

Эдгар Винсент, управляющий банком, спасся из своего офиса на верхнем этаже через световой люк в крыше. После долгих переговоров, проводимых через посольских драгоманов, террористам позволили покинуть город на яхте Винсента. Затем они направились в Марсель на судне французского посольства, а позднее были освобождены.

Османское правительство снова дало волю толпе. *Софта* и говорорезы стали нападать на армян в Хаскёе, Топхане и Галате. Армия и полиция не вмешивались или помогали. Большинство людей покончили с собой в своих домах или за тяжелыми железными дверями ханов. Работник Османского банка Луис Рамберг записал в своем дневнике: «Все армянские дома подвергаются

нападениям, как и самые мелкие лавки, люди врываются и грабят все. Это происходит почти беззвучно [так как убийцы используют дубины, а не ружья]. Каждого армянина, обнаруженного на улице, убивают» — даже на Гран-рю-де-Пера. Трупы увозили телегами. Своими собственными глазами он видел убийство гребцов кайка, с видимым удовольствием наблюдавшееся большой толпой на мосту Галаты³⁹.

Описывая события, английский дипломат записал:

«Тем временем начали появляться банды, частично состоящие из турецкого населения бедных кварталов, но среди них встречались и личности, носившие тюрбаны и длинное платье, редко встречавшееся в этой части города*. Они убивали всех армян, которых встречали на улицах, и часто грабили магазины в Галате. Однако самая страшная разрушительная работа происходила в кварталах Кассим-паша и Хаскее, где армянское население было почти уничтожено. В последнем районе евреи, которых было очень много, объединились с турками против христиан... Я также видел сильно возбужденные толпы, которые смеялись как дети на празднике, бегали по мосту, соединяющему Галату и Стамбул, и радовали себя тем, что показательные усилия, осуществлявшиеся полицией, чтобы разоружить их, оказывались просто фарсом».

В итоге европейские посольства продемонстрировали слабость, высадив на улицах Константинополя солдат и моряков со своих стационаров, но не чтобы помочь армянам, а чтобы защитить жизни своих соплеменников. Французские, британские и русские драгомены явились в Йылдыз, принеся грозный документ от своих послов и, как доказательство событий в городе, дубинку и другие свидетельства нападения. Тахсин-паша ответил, как будто в Константинополе не существовало законов, что для мусульман естественно мстить, когда армяне нападают на невинных людей с ножами и динамитом. Австрийский посол заявил министру иностранных дел, что если османское правительство не в состоянии сохранять порядок, европейское мнение потребует «принятия мер». Русский посол пригрозил вызвать русские военные корабли, чтобы бомбить Бююкдере.

* То есть студенты медресе. (Прим. авт.)

Вечером 27 августа, явно по приказу правительства, нападающие сдали свои дубинки в полицейские участки и вернулась на работу, будто ничего и не случилось. Однако в течение нескольких дней армянские революционеры продолжали бросать бомбы и поджигать дома. В Константинополе на протяжении 1896 года погибли около 6000 людей⁴⁰.

В 1895–1896 годах и султан, и армянские революционеры обращались с армянами Константинополя как с заложниками, не считаясь с их человеческими жизнями. Востоковед Макс Миллер предупредил революционеров, что их действия вызовут много смертей. Ему спокойно ответили: «Те, кто умрет, поступят как настоящие патриоты и мученики». Французский посол оплакивал это желание смерти как «одно из самых замечательных проявлений национальных чувств»⁴¹.

Газеты превосходили самого султана в игнорировании реальности. Чтобы обозначить свой ужас, послы впервые за время правления султана отказались украсить свои посольства в честь дня его восшествия на престол. Однако 2 сентября «Монитор Ориенталь» сообщила, что на острове Бюйюкада персидский посол Малкум-хан, сам армянин, обращенный в ислам и женатый на армянке из рода Дадьян, дал замечательный обед в честь события. В его резиденции *«салоны, украшенные редкими цветами и растениями, были переполнены представителями высшего света острова... Дамы отличались изысканными туалетами, соревнующимися в элегантности и хорошем вкусе»*. 19 сентября та же газета написала: *«Мы не имеем причины беспокоиться ни за настоящее, ни за будущее под покровительством Его Величества Султана — османская власть всегда готова установить твердый порядок в обществе»*. 8 октября 1896 года она лицемерно констатировала, что армяне покидают Константинополь, «не понимая и половины своей удачи». Под поверхностью политической борьбы между султаном и революционерами существовал еще и финансовый вопрос: богатство армянской элиты возмущало противников, и христиан, и мусульман.

Одним из уехавших армян был молодой человек 26 лет по имени Галуст Гульбенкян. Ему посоветовал уехать его приятель — армянин Акоп-паша Казашян, министр Цивильного Листа султана и уполномоченный по нефтяным разработкам султана в Месопотамии. На своем новом месте жительства в Лондоне

Гульбенкян сохранял интерес к нефти и к офису в Демир-Хане в Галате. Вместе с Эрнстом Уиттолом из известной английской торговой семьи он в 1912 году участвовал в создании турецкой (позднее — иракской) «Петролеум Компани», объединившей британские, голландские и немецкие интересы, имея 5% от ее капитала, когда она начала качать нефть в Ираке после 1927 года: отсюда его прозвище «Мистер Пять Процентов»⁴².

Представитель рухнувшего осmano-армянского синтеза, Артин-паша Дадыян, оставался последним звеном между дворцом и армянскими революционерами. Сын Оганес-бея Дадыяна, небожрый и богатый, Артин-паша имел три идентичности. Он был доверенным человеком султана, которого лично знал с детства из-за частых визитов Абдул-Меджида к Дадыянам. Он служил в османском министерстве иностранных дел в качестве заместителя министра 1875–1876 годах, 1883–1885 годах и 1885–1901. Он являлся также европейской фигурой — пашой, который говорил по-французски лучше, чем по-армянски, и получал награды от России, Австрии, Пруссии, Италии, Нидерландов и Греции. Его часто вызывали в Йылдыз переводить последние телеграммы из Европы, а в 1884 году, когда цензура стала более строгой, он стал главой бюро, созданного для просмотра «вредных» частных телеграмм из Европы. В 1885 году, во время визита кронпринца Рудольфа Австрийского, семнадцатилетняя Йевкин (Евгения), дочь Артин-паши, была официальным переводчиком императорского гарема⁴³.

Артин-паша Дадыян был также выдающейся фигурой в армянской общине: он помогал составлять конституцию 1860 года, в 1871–1875 годах был президентом Армянского национального совета. Одновременно армянин, осман и европеец, он оказался последним защитником османского космополитизма. В работе «Необходимость поддерживать господство турецкого Востока» он прославлял терпимость османского правительства и в доказательство жизнеспособности империи ссылался на то, что в ряде случаев христиане предпочитают использовать чадру и мусульманские суды. *«Ни одно правительство в мире не выделяется так сильно, как турецкое [именно] в способности объединения вокруг имперского трона многих разрозненных национальностей Востока»*; даже при «господстве завоевателей, мусульманской расы», османы *«почти всегда спокойно относились к другим нациям, не*

позволяя завлечь себя тем неистовым революционным хаосом, который так много раз охватывал европейские страны, составленные из разных, в корне отличающихся наций». Многие османы во второй половине XIX века проявляли чисто европейскую самонадеянность, выражая презрительное сожаление по поводу социализма и анархизма, набирающих силу в Западной Европе, но не в «хорошо управляемых владениях» султана.

В 1896 году султан назначил Артин-пашу Дадыяна главой комиссии по решению конфликта между империей и армянскими революционерами. Договорившись об амнистии и освобождении 1200 политических заключенных, Артин-паша отправил своего сына в Женеву для переговоров с эмигрантами. Он сам потребовал разработки реформ для востока империи «немедленно, как османский гражданский служащий и как армянин». Когда один армянский радикал улыбнулся, услышав эту фразу, он сказал: *«Я знаю, что вы, молодые армяне, не верите в мой патриотизм и называете меня турецким фанатиком. Это ложь. Знаю, что ваши страхи не совсем безосновательны. Но и я уверен, что в опасной ситуации, такой, в которой живет наша слабая нация, наша обязанность — честно работать на государство и бояться революционных движений, чтобы не понести ужасные наказания»*. Дадыян закончил возгласом от всего сердца: «Благодарный патриотизм — разве это не патриотизм тоже?»

В письме от 1898 года, предназначенном для партии «Дашнак», он пророчески писал:

«Я полагаю, что сегодня мы не имеем надежды ни на что, кроме терпения и терпимости. Во-первых, Европа демонстрирует полное безразличие и заявляет, что, по ее мнению, армянского вопроса не существует. Во-вторых, угроза полного уничтожения армянской нации еще не полностью исчезла. В-третьих, люди устали от революционных действий и готовы сгладить свои расхождения с правительством, чтобы оставаться под защитой от дальнейших ужасных событий, — таких, которые почти стерли наш народ с лица земли. В-четвертых, различные организации сражаются по различным причинам, каждая по-своему, а посреди всего этого стоит один ничтожный Артин-паша, который, с одной стороны, просит султана о милосердии, говоря, что это наилучший выход для его империи, а с другой стороны — противопоставляет отдельным подлым личностям, которые, чтобы добиться своих

эгоистических целей, готовы погубить даже собственную нацию... Я верю, правильно было бы для наших людей, как я упоминал бесчисленное количество раз прежде, сгладить расхождения с султаном»⁴⁴.

Тем не менее армянские революционеры верили в справедливость и отмщение, но не в благоразумие. В 1897 году они попытались взорвать совет министров, в 1903-м — убить армянского патриарха. В селямлик 21 июля 1905 года гелигнитовая бомба*, подложенная в нанятый дашнаками экипаж, взорвалась лишь на несколько минут раньше появления султана. Когда султан вернулся из мечети во дворец, он казался одинаково равнодушным и к покушению, и к приветствиям толпы⁴⁵.

Вдобавок к армянской катастрофе усиливающуюся проблему национализма демонстрирует эволюция албанцев. Уже в 1878 году в некоторых регионах Албании вспыхнули мятежи с требованием автономии. Братья Фрашери, сыновья албанского лидера, который перебрался в Константинополь, сформулировали требования албанского национализма. В 1879 году в Константинополе недолго просуществовал центральный комитет по защите прав албанского народа под руководством Абдила Фрашери, бывшего депутата османского парламента. Его сын, Мидхат Фрашери, хотя и служил в Порте, был албанским патриотом; он перевел на албанский язык жизнеописание национального героя другого горного народа, который сражался за независимость, — Вильгельма Теля.

Сами, брат Абдила Фрашери, оставался и албанцем, и османом. Родившийся в 1850 году, он приехал в Константинополь в возрасте 22 лет. До конца жизни Сами Фрашери, известный как Шамседдин Сами, оставался османским гражданским служащим. Он был ведущим тюркологом своих дней, автором работ на турецком языке — таких как «Общий словарь истории и географии» (Константинополь, 1894) и турецко-французский словарь**. Однако он оказался в тайной связи с албанскими акти-

* Гелигнит — «гремучий студень», динамитный желатин (раствор пикросилина в нитроглицерине в пропорции примерно 1 : 9). Из-за легкости приготовления в домашних условиях активно использовался политическими террористами рубежа XIX и XX веков. (Прим. ред.)

** *Dictionnaire Turc-Français par Ch. Samy-Bey Frashery. Approuvé par la Commission du Ministère de l'Instruction Publique, Constantinople Imprimerie*

вистами в Албании и за границей, а также Обществом албанской литературы, основанным под его председательством в 1879 году в Константинополе и ставшим центром национализма. Албанцы считали врагами как греков, так и османов. И в самом деле — каждому, кто вместо греческого алфавита пользовался реформированным латинским алфавитом, созданным Сами Фрашери, грозило отлучение от церкви Вселенским патриархом. Памфлет Сами Фрашери «Албания, какой она была, есть и будет», опубликованный в 1899 году в Бухаресте, призывал к созданию двухпалатного законодательного собрания под председательством премьера, назначаемого из Константинополя. Предполагалось, что в конце концов такой парламент приведет к независимости и превращению Албании в республику. В тот год Сами посадили под домашний арест.

Его брат Наим Фрашери, который работал на железной дороге, писал поэмы о Скандербеге, воевавшем с османами албанском герое XV века, а также пытался убрать иностранные элементы из албанского языка. Каждую пятницу и воскресенье друзья собирались в его доме в пригороде, чтобы обсуждать персидскую литературу и албанскую независимость. Таким образом, к 1900 году привилегированные сыновья албанского лидера, занимавшие привилегированные посты в Османской империи, повернулись против нее. У берегов Босфора они мечтали об «освобождении» родины⁴⁶.

Тем временем на Балканах набирала силу Болгария, которой с 1887 года правил способный и амбициозный князь Фердинанд Кобургский. Теоретически он был османским вассалом, в 1896 году, за шесть месяцев до армянской резни, Фердинанд посетил Константинополь, чтобы получить от султана подтверждение своей власти, — решающий шаг в легитимации его статуса для Европы. В Айя-Софии он умышленно встал на порфиновую плиту, на которой короновали византийских императоров: Болгария была лишь одним шагом в его мечтах о Византии. Болгарские амбиции, как и болгарские жестокости в Македонии, объясняют, почему на обеде в Йылдызе в 1900 году султан обратился к гре-

Mihran. Rue de la Sublime Porte No. 7. 1885. (Прим. авт.)

ческому принцу Николаю мягким, добрым голосом: «Мы имеем одних и тех же врагов»⁴⁷.

В то время как часть армян и болгар выбрали путь насилия, большинство греков империи были слишком обеспеченными, чтобы воевать за «греческую идею». Они чувствовали, что пока страной управляют османы, греки правят за их спиной через свои банки и торговлю. По словам одного греческого бизнесмена: *«Мы одалживаем им живость нашего интеллекта и наши деловые умения; они защищают нас своей силой, как добрые великаны... Я уверен в одном — будущее принадлежит грекам; без сомнения, далеко, но люди умеют ждать»*. Действительно, Ион Драгумис, секретарь греческого дипломатического представительства, работавший с националистической «Константинопольской организацией», жаловался на отсутствие интереса к ее делу городских греков. Некоторые из них настолько превратились в левантийцев, что посылали своих детей в католические школы: *«Мраморный король останется мраморным навсегда... мы теряем город полностью»*⁴⁸.

Короткая Греко-турецкая война в 1897 году мало отразилась на отношениях греков и турок в городе — хотя некоторые константинопольские греки сражались на стороне Греции. Османская армия одержала легкую победу*. Картина придворного художника султана Фаусто Зонаро «Атака», изображающая победоносную атаку турецкой пехоты, висела в приемном зале для послов в Долмабахче. В 1895 и 1896 годах Абдул-Хамид позволил улицам стать реками крови. В 1897 году он усилил патрули в городе и продемонстрировал, что его власть нерушима. В этом году патриарх, который посетил Йылдыз, чтобы поздравить султана с годовщиной его восшествия на трон, в ответ получил орден «Священного Сокровища Османов»⁴⁹.

Его преемником стал патриарх, память о котором жива до сих пор. Как написал посетивший его журналист, *«теперешний патриарх Иоаким III — безусловно, наиболее важная личность, какую я когда-либо встречал. Его массивное тело в простой синей*

* В действительности победа Османской империи оказалась виртуальной: Греция не понесла территориальных потерь, ограничившись выплатой контрибуции, — зато империя потеряла Крит, после восстания греков и высадки греческого десанта занятый «миротворческими» войсками европейских держав. (Прим. ред.)

сутане венчает благородная голова с традиционной окладистой бородой, которая всегда отмечает священнослужителя восточной церкви. Даже легкая хромота, с которой он двинулся по залу, чтобы встретить меня, производила впечатление нарочитой роскоши»*.

Патриарх предпочитал не противостоять османам, а взаимодействовать с ними. Как демонстрацию возвращения «эллинизма» в Константинополь, он получил разрешение открыть *аязму*, или священный колодец, в стене дворца Топкапы, напротив Блистательной Порты. Он также восстановил и расширил здание патриархата в Фанаре. Как и при начале империи, патриарха снова стал принимать султан, и тот получил привилегию обращаться к нему по-гречески. В великий мусульманский праздник Шекер-Байрам, отмечавший конец Рамадана, Иоахим III посетил Иззет-пашу в Йылдызе, принеся ему свои поздравления и заверения, что греческая община удовлетворена. (Этот обычай существовал для официальных лиц до конца империи — независимо от своей религии, отмечать религиозные праздники друг друга.) Султан ответил, послав к Патриарху евнуха с сообщением об удовлетворении и знаком отличия: ананасом, выросшим в теплице дворца. Патриарх поднес ананас к губам, поцеловал его и повторил несколько раз по-турецки выражения лояльности и благодарности греческой нации и ее лидеру⁵⁰. Такие жесты и фразы не означали искренности; но они показывали желание сохранить *modus vivendi* с обеих сторон.

Помимо Балканских стран претензии к Османской империи рождались и в других государствах Европы. Британия ныне так

* Стоит уточнить, что патриарх Иоахим III Великолепный уже занимал этот пост в 1878–1884 годах и был вынужден подать в отставку из-за конфликта с османскими властями; считалось, что настоящей причиной конфликта была его ярко выраженная пророссийская позиция. За следующие 17 лет сменились четыре патриарха, из которых три были отправлены в отставку. В 1901 году Иоахим III вновь был избран на патриарший престол. Прекрасный дипломат, политик и организатор, он пользовался огромным влиянием на греков и уважением османских властей — несмотря на то что считался ставленником России. Однако обострившийся в это время конфликт с Грецией был для Османской империи куда более опасным, чем конфликт с Россией, а патриарх, демонстративно лояльный и при этом способный влиять на Грецию и ее общественное мнение, воспринимался наилучшим вариантом. (Прим. ред.)

же была уверена в своем имперском предназначении, как когда-то Османская империя. Она стремилась обеспечить себе доминирование в Персидском заливе и укрепить власть над Египтом, который оккупировала в 1882 году. Британский захват Каира нейтрализовал основного соперника Константинополя за лидерство в мусульманском мире. Однако он также превратил Каир в центр британской политики на Среднем Востоке. Имея «жувальня в руках», Египет, Англия уже не нуждалась в Константинополе для защиты пути в Индию. После первой армянской резни в 1895 году британский кабинет, несмотря на призывы премьер-министра лорда Солсбери, отказался рискнуть начать войну с Россией, послав флот в Босфор.

Россия, столь же уверенная в своем имперском предназначении, не отменила свои планы по поводу Константинополя. С 1882 года Нелидов, русский посол в Порте, отстаивал план внезапной высадки в Бюйюкдере и броска на город, чтобы превратить его в «русский Гибралтар». Во время визита в Балморал в 1896 году царь Николай II также открыл свои планы, заявив, что Россия должна получить «ключ к задней двери» — Константинополю. Лорд Солсбери высказал лишь ограниченные возражения*. Четырьмя годами позднее царские министры согласились, что захват Босфора — это для России «самая важная задача в двадцатом веке», хотя при текущей слабости русских финансов и недостатке сил у Черноморского флота такие действия были пока невозможны⁵¹.

Ответом султана на угрозу его империи стала концентрация сил и поиск новых друзей для Йылдыза. Новый павильон, Шале-киоск, демонстрировал величие и современность Османской империи и ее претензии на равенство с силами, которые рвались поглотить ее. Сегодня он так хорошо сохранился и так редко посещается, что посетителям нетрудно представить себе, будто они не туристы 1990-х годов, а гости Султана сто лет тому назад. Шале-киоск был построен в 1880 году, в 1889 году Саркис-беюм

* Российские планы на Константинополь со временем встретили широкое одобрение. В 1915 году британский премьер-министр Асквит написал, что «верная судьба» Константинополя — стать русским. (*Прим. авт.*)

Бальяном и в 1898 году Раймондо д'Аронсо к нему были добавлены новые пристройки. Несмотря на его альпийское название, он представляет собой роскошный 60-комнатный османский дворец, по традиции разделенный на женскую (*гаремлик*) и мужскую (*селямлик*) половины.

Шале-киоск украшен тяжелой мебелью в европейском стиле (резьба на некоторых предметах выполнена самим султаном), паркетными полами, сложными тканями с цветочным узором и стенными панелями в стиле неорококо. Вазы и умывальные раковины сделаны из йылдызского фарфора. Султан, который даже в полевых условиях пользовался стаканами с золотым узором и в одиночестве ел золотыми ножом и вилкой, унаследовал османский вкус к роскоши. Он принимал гостей на обед в голубом зале с перламутровыми дверями, неоисламскими потолками, удивительными покрытиями стульев из синего шелка с имперской фабрики в Хереке и пугинскими канделябрами. Подобно сияющим красными, синими и золотыми арабесками комнатам в других османских дворцах, этот зал имел загадочную атмосферу, схожую с той, которую вызывают скульптуры Пальмиры или Гандхары — такие же артефакты встречи Востока и Запада⁵².

Поводом к расширению павильона стала необходимость принять нового друга султана — кайзера, который посетил Константинополь в 1889 и в 1898 годах. Союз с Германией наконец-то дал империи европейского союзника без территориальных амбиций в регионе. Другим архитектурным памятником этому союзу стала железнодорожная станция совершенно североευропейского вида, построенная в Хайдар-Паша на азиатской стороне Босфора. Ее строили как конечную станцию железной дороги Берлин–Багдад*, при поддержке кайзера и на деньги официального Дойче Банка. К 1908 году железная дорога достигла Адана. Она не только укрепила военный контроль султана над империей, так войска стало легче транспортировать по железной дороге, но также позволила доставлять зерно из нового источника — с равнин Анатолии.

Одна из причин успеха немецко-османской дружбы заключалась в дипломатическом мастерстве первого драгомана герман-

* Иногда в Германии известна как БВБ: Берлин–Византия–Багдад. (Прим. авт.)

ского посольства, Шарля де Тесты, последнего представителя этой семьи, игравшего важную роль в городе. Середина XIX века стала расцветом семейства де Теста. В Константинополе в 1840-х годах они обеспечили драгоманами посольства Австрии, Пруссии, Швеции, Нидерландов и Тосканы, Нидерланды — послом Решид-пашой и его секретарем, а римского папу — главным викарием. Однако после 1850 года Теста тоже повернулись к современному европейскому национализму. Отпрыски этой семьи все чаще предпочитали покинуть Константинополь и жить во Франции, Австрии или Голландии.

Хотя Шарль де Теста остался в городе, он служил Германии и принял немецкое подданство. Основатель и член общества «Круг Востока», он каждый день посещал Йылдыз, работая «с терпением, гибким позвоночником и восточными хитростями великого драгомана старой школы». Как президент Константинопольской, Анатолийской, Багдадской и Константинополь-Салоникской железнодорожных компаний, директор компании Хайдар-Паша-Порт и немецкий представитель в администрации Османского государственного долга, он яростно сражался за немецкие экономические интересы, иногда в ущерб османскому правительству. Германское министерство иностранных дел ставило его так высоко (канцлер князь фон Бюлов называл его «одним из лучших специалистов по турецкой ситуации»), что во время, когда Марокко стало фокусом дипломатии великих держав, его выдвинули немецким представителем в Танжере⁵³.

После 1898 года Йылдыз продолжил развиваться. На йылдызской стороне холма была построена школа для железнодорожных инженеров, ныне Йылдызский университет. Как Фатих, который строил павильоны, представлявшие различные государства в саду дворца Топкапы, Абдул-Хамид возвел в парке Йылдыза японский павильон, называвшийся Малый Трианон, а в честь визита нового шаха Персии — персидский павильон. Новые конюшни для белых арабских жеребцов султана были возведены в 1895–1900 годах Раймондо д'Аронсо, комбинируя стили арнуово и неоготику. В 1903 году у основания холма Йылдыз была возведена мемориальная мечеть с фонтаном, посвященная религиозному советнику султана по Северной Африке — шейху Зафиру; она смотрелась как уменьшенная версия Дома Сецессиона в Вене, но украшалась резной тугрой Абдул-Хамида. К 1908 году

во дворце и примыкавших к нему службах жили 12 000 человек. В дворцовой кухне готовилось так много еды, что повара строили для себя дома на доходы от продажи остатков⁵⁴.

Йылдыз стал таким могущественным, что «дворец» и «Порту» иногда называли двумя отдельными государствами. Разрываясь между ними, Ферид-паша, великий визирь с 1903 по 1908 год, говорил, что предпочел бы быть хамалом на причалах Галаты.

Дворец и Порта по-разному относились к нормам закона. Семья Бедир-хана, богатого и влиятельного представителя курдской знати, привезенного в город султаном, усвоила привычки метрополии, не растеряв своих собственных. Когда одна дама, игравшая с ним в бридж, спросила его, воры ли курды, Абдул Раззак Бедир-хан, занимавший пост церемониймейстера в Йылдызе, ответил: «Мадам, мы бандиты, если вам так угодно, — но не воры». В 1906 году в ходе спора префекта Константинополя и двух мужчин из семьи Бедир-хана, префект был застрелен прямо на железнодорожной платформе. К ярости своего правительства, султан, не следуя процедуре закона, просто отправил семью Бедир-хана в ссылку.

Одним из тайных полицейских ведомств султана управлял внук его кормилицы — толстый розовощекий психопат по имени Фехим-паша. Его агенты широко практиковали вымогательства и похищения, к задержанным они применяли пытки — как к мужчинам, так и к женщинам. Когда в конце концов такому обращению подверглись германские подданные, немецкий посол, барон Маршалл фон Биберштайн, бывший министр иностранных дел, широкоплечий здоровяк ростом более шести футов, известный как «гигант Босфора», явился к султану со свидетельствами преступлений Фехим-паши. В итоге того сослали в Бурсу⁵⁵.

Отсутствие денег являлось еще одной проблемой. С 1879 года шла четырехсторонняя борьба за контроль над османскими годовыми доходами между султаном, банками, иностранными держателями облигаций — и Администрацией государственного долга, основанной в 1881 году, чтобы управлять османским долгом. Султан был вынужден отдать в аренду — сначала Зарифи, Маврогордато и Камондо, а затем Администрации государственного долга — часть таможенных доходов и налогов на соль и табак. Администрация государственного долга, располагавшаяся в массивном здании неотурецкого стиля возле базара, помогала

правительству получать новые займы на более выгодных условиях и помогала многим туркам получить навыки современного управления. Однако по сути это было средство контроля над османской экономикой в интересах европейских инвесторов. Она управлялась иностранцами, в основном британцами и французами; османский представитель, Осман Хамди-бей, мог посещать встречи ее правления, но без права голоса. К 1912 году в Администрации работали более 5500 постоянных сотрудников — больше, чем в самом министерстве финансов⁵⁶.

Во время правления Абдул-Хамида правительственные расходы оставались выше, чем годовой доход. Дневник Луиса Рамберта полон ссылок на то, что сокровищница «пуста», на «жизнь ото дня ко дню», на невозможность заплатить войскам. Клод Фаррер в своем некогда знаменитом романе «*L'Homme qui assassina*» («Человек смертоносный»), написанном в 1902 году и основанном на жизни Эдгара Винсента, говорил, что «Банк и Долг душат Золотой Рог». Крыши здания Администрации государственного долга угрожали куполам и мечетям Константинополя. Греки, сирийцы, армяне и евреи собирались здесь, чтобы уничтожить город и страну. Империя была *un pays foutu**. В 1907 году, чтобы модернизировать порт, иностранные инвесторы вынудили правительство запретить практику сдерживания гильдии портовых рабочих. Важная связь между людьми и дворцом была перерезана⁵⁷.

Внешность султана символизировала слабость его империи. Герцль увидел его хилым, с крашеной бородой, длинными желтыми зубами, торчащими ушами и блеющим голосом. Он выглядел комендантом осажденного города: войска находились на грани мятежа, половина жителей были в состоянии готовности к бунту, а агенты осаждающих сил засели внутри стен.

Мятежи в провинциях также беспокоили Йылдыз. В 1896 году с разных сторон пришли новости о мятеже на Крите, восстании в Ливане и проникновении армян из России в Восточную Анатолию. После 1900 года «Македонский вопрос» — как управлять регионом, населенным претендующими на него мусульманами, греками, болгарами, сербами и албанцами, — преследовал не только султанский дворец, но и канцлеров Европы⁵⁸.

* Чертовым краем (*фр.*).

Атмосфера автократии создавала Константинополю дурную ауру. Другие крупные европейские города, особенно после индустриальной революции, также часто именовались «новыми Вавилонами», назывались дурными из-за их развращенности, нищеты, безвкусыя и многолюдности. Шелли, например, записал: «Ад — это город, очень похожий на Лондон». Смог и нездоровый климат заработали Лондону нелестные определения вроде «великий жировик», «копоть», «отчаяние». Ле Корбюзье сравнил Париж с раковой опухолью⁵⁹. Неоспоримая красота Константинополя, преобладание садов и редкость фабрик спасали его от подобной критики — но именно люди и власти портили ему репутацию.

Луис Рамберт писал: «Нигде больше человеческая низость не имела лучшей почвы для процветания». Набожный мусульманский студент, выросший в горах Курдистана, реагировал точно так же. Бедиуззаман Саид Нурси предполагал, что *«центр халифата должен быть прекрасным местом. Я приехал в Константинополь [в 1896 году] — и увидел ненависть, которую люди питают друг к другу и которая превращает их всех в хорошо одетых дикарей... Я увидел и понял, что ислам остался позади, далеко от цивилизации нашего времени»*. Самое сильное обвинение пришло от поэта Тевфика Фикрета, который перед тем, как стать профессором турецкой литературы в Роберт-колледже, был издателем крупного культурного обозрения «Сервет-я Фунун». Сто семьдесят лет тому назад Недим сравнивал Константинополь с солнцем, согревающим весь мир. Тевфик Фикрет написал, что это город, укутанный густым туманом: «Это покрывало прекрасно тебя устраивает, О, королевство всяческих притеснений, колыбель и гробница великолепия и блеска». Вечная красавица, царица Востока, стала дряхлой ведьмой, отравленной лицемерием, ревностью и жадностью. Это был город шпионов и нищих, страха, лжи, несправедливости и бесчестия:

Укройся вуалью, трагедия, укройся вуалью, мой город родной.

Укройся, усни навсегда, шлохой тебя называют теперь во всем мире

— жестокий намек на османский эпитет «убежище мира»⁶⁰.

Красота Константинополя радовала шарифа Али Хайдара: звук ветра, вздыхавшего в соснах, как шум волн на морском берегу, его тихая жизнь со второй женой, Изабель Данн, и их дети,

читающие, занимающиеся музыкой, ездящие верхом по окрестностям. Однако его ненависть к режиму настроила его против города: «Стамбул начал душить меня, и я устал от места, где практикуются все виды жестокости, психологической и физической»⁶¹.

Ахмед Вефик оставался лояльным османом. После четырех успешных лет в качестве губернатора Бурсы в 1879–1882 годах, он вернулся в Константинополь. Снова прослужив великим визирем в течение трех дней, он ушел со службы, вернувшись в Румели-Хисар, где и умер в 1891 году в возрасте 70 лет — один из немногих пашей, кто умер в бедности. Он носил старомодный халат и квадратную феску времен правления Махмуда II; в 1884 году он сказал Уилфриду Бланту, что Абдул-Хамида следует убрать. Султан «*un miserable et un fou**. Он сошел с ума от страха и подозрительности... он занимается только интригами и, будучи умнее всех тех, кого он встречает, тем, чтобы перехитрить их...»

На самом деле султан не был сумасшедшим. Он улучшил систему водоснабжения города (в 1900 году она была лучше, чем в 1991-м), вновь открыл университет, удвоил число школ. То, что он отвергал индустриализацию, делало жизнь его подданных, по мнению Пьера Лоти, похожей на Золотой Век по сравнению с жизнями фабричных рабочих на Западе. Историки экономики оценивают зарплаты в Константинополе ненамного ниже, чем в Соединенном Королевстве — учитывая различия в стоимости жизни. Если османская элита в целом не любила султана, то бедняки и национальные меньшинства (кроме армян) поддерживали правителя, «чье милосердие было общеизвестно и который реально заботился о своих подданных, насколько это оставалось в его власти». Он избегал войн и банкротств. Однако его традиционалистическая автократия не могла заменить систематическую модернизацию и индустриализацию — так, как это имело место в то же самое время в Японии⁶².

Константинополь когда-то был городом, который принимал беженцев. Теперь он порождает их. Первое тайное общество младотурок возникло в военно-медицинском колледже в 1889 году, оно было легко раскрыто и ликвидировано. Ряд тайных революционных обществ возник в среде студентов военных, админист-

* Несчастный и сумасшедший (*фр.*).

ративных, ветеринарных и морских колледжей, а также в самой армии. Так как заговорщики использовали систему ячеек, большинство конспираторов не знали друг друга. Даже школа, куда принимали на обучение детей из элиты кочевых племен, оказалась заражена крамолой. Ее распустили в 1907 году, под предлогом мятежа, вызванного плохой пищей.

В целом полиция султана оказалась достаточно эффективной, чтобы заговоры в столице могли достичь успеха. Либералы, вроде Одиана-эфенди, Ахмеда Резы или племянника султана, принца Сабахеддина, бежали в Париж или Каир. Недовольных студентов отправили в ссылку в далекие провинции, такие как Триполитания. Для них Абдул-Хамид являлся «Кровавым султаном», наказанием Божьим, жестоким вешателем.

Самое мощное тайное общество, комитет «Единение и Прогресс», базировалось в Салониках, где полиция султана была слабее, а цензура небрежнее. На станции Сиркеджи в Золотом Рого люди с нетерпением ожидали почтового поезда из Салоник, часто переплачивая вдвое за газеты оттуда, — так как они были намного свободнее, чем их константинопольские аналоги. Принятые в члены комитета «Единение и Прогресс», среди которых был и Мустафа Кемаль, давали клятву бороться против автократии, за «святое дело свободы и справедливости». Их пыл усилился после встречи Эдуарда VII и русского царя 9–10 июня 1908 года, закрепившей англо-русский союз. Примирение двух империалистических сил, от соперничества которых империя имела такую огромную выгоду, показало, что султан больше не может гарантировать целостность империи.

Более того, полиция султана напала на след заговорщиков. 3 июля 1908 года некоторые армейские офицеры были вынуждены бежать в горы Македонии. К всеобщему удивлению, революционная деятельность быстро распространилась и в Константинополе, и за границей. Пропаганда младотурок оказалась эффективной, а так как многим солдатам долго не платили, султан больше не мог полагаться на войска⁶³. 24 июля, следуя совету министров, собравшихся в Йылдызе, и шейха Абу'л-Худы, султан отменил цензуру, объявил политическую амнистию и назначил на осень выборы в новый парламент. День люди колебались, опасаясь, не ловушка ли это. Затем Константинополь взорвался радостью.

МЛАДОТУРКИ

Нам нужна развитая и модернизированная Турция. Тогда Константинополь станет источником света для всех мусульман без предубеждений, желающих присоединиться к наукам и цивилизации.

*Абдулла Кевдет,
20 августа 1908 года*

После революции младотурок Константинополь действительно заслуживал имени Ворот Счастья. Некоторые провинциальные города сожалели о конце абсолютизма, но в столице, давно пропитанной пропагандой младотурок, люди радостно обнимались на улицах. Находясь в охваченной экстазом толпе, шариф Али Хайдар испытал «сладчайшие моменты моей жизни. Только те, кто прожил годы притеснений и рабства, могут оценить это». Халиде Эдиб, дочь одного из управляющих двором султана, а в будущем феминистка и писательница, вспоминала человеческую волну, текущую через мост Галаты, «излучая нечто необычайное, смеющуюся, рыдающую от таких сильных эмоций, так что человеческие недостатки и уродство на время полностью стерлись». Город начал свою новую роль. Он был и столицей империи, и штабом революции¹.

Самостоятельно восстановив конституцию, султан мог играть роль отца нации, освободившегося от дурных советников. 26 июля шестьдесят тысяч человек собрались перед входом в Йылдыз. Они несли флаги с надписями на французском и турецком языках: «Свобода, Равенство, Братство и Справедливость» и надели «кокарды свободы» красно-белого цвета — цветов османского флага, подражая трехцветным кокардам Парижа в 1789 году. Когда султан появился на балконе, раздались приветствия: «Да здравствует наш Падишах!» Он ответил: «Со времени моего восшествия я прилагаю все свои усилия для счастья и спасения своих подданных, которых я не отделяю от своих детей. Бог мне свидетель». Опять раздались приветствия. Много

лет позднее художник султана Фаусто Зонаро записал: «Никогда за всю свою жизнь я не слышал таких криков. Никогда не видел такого количества возбужденных людей». Символизируя веру в то, что революция стала новой зарей империи, появились открытки с изображением солнца, поднимающегося над куполами Константинополя и минаретами или с Абдул-Хамидом, улыбающимся над словами «Свобода, Равенство, Братство», написанными на французском и османском языках².

При новом великом визире, опытном и работоспособном Камиль-паше, Йылдыз утратил некоторую часть своих предметов роскоши — и большую часть своей власти. Шпионы султана исчезли, как снег на солнце. Адьютанты, садовники и оперная труппа Артуро Страволо были распущены. Фехим-пашу линчевали. Новый поток беженцев из Константинополя прибыл в Каир: здесь были бывшие великие визири и министры, вроде Иззета-паши; они сменили младотурок, которые жили здесь до 1908 года. Когда офицеры-лидеры младотурок с триумфом вернулись в столицу, казалось, будто все население выстроилось на мосту Галаты и на набережных, чтобы приветствовать их.

Для столицы, внезапно обретшей свободу после тридцати лет деспотизма, Константинополь оставался удивительно спокойным. Однако реальная власть находилась не у правительства под началом Камиль-паши, а у комитета «Единение и Прогресс», руководимого тремя патриотами, которые стояли над правительством следующие десять лет. Это были три паши: Энвер, Джемаль и Талаат. Первый был идеалистическим молодым офицером, который искренне верил в идола нации и в свою способность реализовать ее мечты. Второй был энергичным и прогрессивным администратором. Талаат, бывший почтовый чиновник в Салониках, дородный и со сладкой улыбкой, был самым жестоким из них троих.

Пока нарочито оставаясь на заднем плане, члены комитета еженедельно наносили визиты великому визирю и министрам, чтобы информировать их о мнении комитета, — другими словами, дать инструкции. Похоже, дворец принял новый порядок безоговорочно. Султан «со странным громким смехом» говорил австрийскому послу Марчезе Паллавичини (известному из-за его частых пророчеств о смерти как «Кассандра из Пера»), что у него нет желания отзываться конституцию «ни через пять, ни через десять, ни даже через пятнадцать лет»³.

Этой осенью выборы были отмечены театральными ритуалами свободы, братства и цветов. Кабинки для голосования, поставленные во дворах мечетей, церковей и полицейских участков, были украшены хризантемами, магнолиями и лавровыми ветвями. 25 ноября под проливным дождем усыпанные цветами коробки с бюллетенями перевезли в дворцовых ландо в Блистательную Порту, как будто они были боевыми трофеями. Процесии возглавляли конные войска и отряды барабанщиков в сопровождении экипажей, забитых ярко одетыми школьниками, распевая патриотические песни, и пешего люда, также поющего и несущего красные османские и зеленые исламские флаги⁴.

Город праздновал братание между религиями, а также свободные выборы. В июле мусульмане и католики отслужили памятные службы на армянских кладбищах Таксим и Балыклы по жертвам резни 1895 и 1896 годов. Принц Сабахеддин, который приехал в Фанар, чтобы подтвердить патриарху, что привилегии грекам будут сохранены при новом режиме, назвал эллинизм в Турции необходимым элементом порядка и прогресса. В декабре последние урны с бюллетенями проводили через мост Галаты с эскортом курдов, лазов, грузин, черкесов и арабов в национальных одеждах и с оружием — по одежде, но не по чувствам они создавали контраст с османами в форме, муллами, священниками и раввинами, идущими рядом.

До выборов встал вопрос о неспособности некоторых греческих избирателей доказать свое османское гражданство — эти люди приняли греческое или иное иностранное гражданство частично, чтобы избежать обложения налогами. Толпа рассерженных греков прошествовала из Пера через мост Галаты к Блистательной Порте и потребовала письменного заверения, что их жалобы будут расследованы, — и получила его от Камиль-паши.

Муллы, греческие и армянские священники и раввины — все фотографировались бок о бок с окружавшими их османскими солдатами на память об успешно организованных выборах. Из выбранных в 1908 году депутатов 142 были турками, 60 арабами, 25 албанцами, 23 греками, 12 армянами (включая четырех дашнаков и двух гнчакистов), 5 евреями, 4 болгарами, 3 сербами и один валахом. Младотурками — этот разговорный термин окончательно укрепился за последователями комитета «Едине-

ние и Прогресс», оказались 60 депутатов. Среди других были улемы, противостоящие светской власти, консерваторы и либералы, выступающие за децентрализацию⁵.

17 декабря парламент открылся — не в императорском дворце, как в 1877 году, а в специальном здании парламента возле Айя-Софии. Возбужденные толпы затопили окружающее пространство. Мужчины и женщины, рвущиеся увидеть церемонию внизу, согнали голубей и чаек с крыши Айя-Софии. Раздались приветствия при виде наиболее популярных депутатов и шейхуль-ислама, известного сторонника конституции. Внезапно оркестр переключился с исполнения только что написанного «Марша Конституции» на марш «Хамидие» — так хорошо знакомый от селямликеров в Йылдызе.

Двумя часами позднее прибыл султан в сопровождении уланов охраны. Ссутулившийся, бледный, как смерть, он не прошел, а прошаркал на трибуну над депутатами. Сенатор Александр Маврогени, сын врача султана, записал: «Он выглядел, как человек, загнанный врагом, почти труп, который, двигая губами, не слышит сам себя». Его главный секретарь громким голосом зачитал его речь — включая оговорку о том, что, так как уровень образования населения наконец сделал выборы возможными, султан провел их по собственной свободной воле. Этой ночью мечети, дворцы, минареты, ялы и корабли сверкали иллюминацией в честь новой эры⁶.

Но султан не превратился в отработанную фигуру. Депутаты, приглашенные в Йылдыз на обед, состоявшийся в главном зале Бюйюк-Мабейн 31 декабря, стали смиренными и почтительными внутри дворцовых стен. Они целовали его руку и рукав мундира, как требовала традиция, а не просто глубоко поклонились, как предпочитал комитет. Его главный секретарь уверил его, что султан един со своими людьми. Султан вытер слезы радости и сказал, что он никогда не был более счастливым⁷.

Тем временем правительство младотурок теряло престиж — отчасти из-за того, что стало известно как «инцидент Гешова». Султан, всегда настороженно относившийся к контактам между его подданными с иностранцами, не любил дипломатические обеды. 14 сентября министр иностранных дел Тевфик-паша, приятный пожилой человек, знаменитый своим спокойствием, которое не мог поколебать никакой кризис, давал обед дипломатам в сво-

ем доме возле немецкого посольства. М. Геншов, болгарский *agent diplomatique*, не получил приглашения — сигнал, что османское правительство все еще считало Фердинанда, князя Болгарского, правителем османского *вилаята*, а не независимым сувереном. Оскорбившись этим проявлением османского высокомерия, князь объявил себя 5 октября независимым царем Болгарии.

Весь дипломатический корпус пришел в смятение. Австрия оказалась вынуждена объявить о своей аннексии Боснии и Герцоговины (которые все еще теоретически считались османской провинцией) раньше срока, который австрийский министр иностранных дел согласовал с российским коллегой, — последний в компенсацию намеревался получить у османов согласие на открытие Проливов для русских военных кораблей. Россия оскорбилась. Австро-российские отношения ухудшились; бег к 1914 году ускорился. Османская империя потеряла две платящие дань провинции — и третью, Крит, в том же году. Патриотические торговцы Константинополя объявили о бойкоте австрийских товаров и судов. Теперь австрийские суда не могли разгружать свои товары у причалов Галаты. Бойкот был снят только после выплаты Австрией значительной компенсации османскому правительству⁸.

В то же время, когда произошла революция «Свободы, Равенства, Братства и Справедливости», в Константинополе началось движение, похожее на современный исламский фундаментализм. Проповедник, называвшийся «Слепой Али», осудил конституцию, выступая в мечети Фатиха. 7 октября, во время Рамадана, он привел к Йылдызу большую толпу, чтобы увидеть султана, который появился в окне. Слепой Али заявил ему: «Мы хотим пастыря! Стадо не может существовать без пастыря!» Фундаменталисты потребовали введения законов шариата, запрета таверн, театров и фотографии, а также запрета мусульманским женщинам в одиночку ходить по городу. Это была такая же пуританская программа, что и у мусульманских фанатиков *кадизаделшеров* в XVII веке, — знак, что жизнь ислама в городе идет по своим законам, независимым от революций и конституций.

Слепого Али приговорили к тюремному заключению, но фундаменталисты оказались не одиноки. Недовольство заразилось многие войска, размещенные в городе, — даже революционные

войска, переведенные из Салоник в столицу, чтобы укрепить новый порядок. Ведь солдаты были не только правоверными мусульманами, привлеченными фундаментализмом, но также и бывшими любимцами династии, и вот теперь они пришли в ярость из-за ликвидации их привилегий. Время, которое раньше тратилось на молитву, теперь предназначалось для военной муштры. Офицеров, которые продвигались по рангам султаном, заменили окончившими военную школу, а те поддерживали комитет. Гвардия, привыкшая к легкой жизни в Йылдызе, взбунтовалась из-за перспективы отправки в Хиджаз. Сами жители Константинополя стояли перед потерей их традиционных налоговых привилегий и освобождения от воинской повинности⁹.

В ноябре 1908 года начала выходить фундаменталистская газета «Волкан», открывшаяся программой «распространять свет божественного союза в столице Халифата». Газета прославляла набожность султана и его благотворительность; критиковала комитет за то, что он забыл, что «Константинополь — это не Париж». Гармония лета 1908 года исчезла. 9 февраля 1909 года Камиль-паша, который хотел деполитизировать армию и привлечь ее на сторону дворца, ушел в отставку перед лицом давления комитета. 3 апреля 1909 года было создано «Общество Мухаммеда» и проведены митинги в Айя-Софии, направленные против комитета: «Вперед! Пусть мы падем, как мученики, не отступайте!» Многие последователи суфизма и имамы поддерживали движение, хотя старшие улемы напомнили о лояльности конституции¹⁰.

7 апреля издатель антикомитетской газеты был убит на мосту Галаты — любимом месте для убийств, так как убийца легко мог исчезнуть в толпе. В ночь с 12 на 13 апреля солдаты и сержанты столичного гарнизона восстали, крича: «Мы хотим шариата!» Они нейтрализовали своих офицеров и направились к зданию парламента возле Айя-Софии. Их требованиями были: введение шариата; смещение министров-унионистов и офицеров; ограничение мусульманских женщин домом. Когда они захватили здание парламента, султан быстро принял их программу. Его главный секретарь прибыл зачитать прокламацию членам парламента, а солдаты и *хаджи* (мусульманские авторитеты) толпились вокруг нее. Согласно воспоминаниям султана, имел место следующий диалог:

— Пожалуйста, уйдите в свои казармы и располагайтесь там, сыны мои, султан прощает вас.

— Скажи старику, что молодежь бьет нас и поносит нашу религию и злословит про султана.

Великим визирем стал Тевфик-паша. Султан не провоцировал мятеж — но, вероятно, знал о его подготовке и совершенно определенно использовал его. Он восстановил контроль над ненадежными министрами армии и флота. В то время как некоторые парламентарии продолжали собираться в Константинополе, другие перебрались в яхт-клуб в Сан-Стефано — поблизости от того места, где в 1878 году стоял лагерь русской армии. Солдаты разгромили редакции прокомитетских газет, таких как «Танин», убили министра юстиции и некоторых его сотрудников. Инцидент показал и безразличие революционеров к чувствам людей и армии, а также династический консерватизм Константинополя. Он был более лоялен к монархии, чем Санкт-Петербург или Тегеран, где недавно (в 1905 и 1906 годах соответственно) население поддержало революции¹¹.

После первого кровопролития войска вернулись к дисциплине. Однако младотурки в Салониках отказались принять власть нового правительства. В их отношении к столице появляется новая нота. Абдул-Хамид считал Константинополь одной из четырех опор империи, наряду с исламом, домом Османа и властью над двумя священными городами. Младотурки обвинили власть в «интригах, которые плело жалкое окружение старой Византии», и намеревались «очистить» столицу¹².

Они двинули из Салоник на столицу собранную ими «Армию действия» под командованием Махмуда Шевкет-паши, генерала-младотурка арабского происхождения, поклонника немецкой тактики и французской литературы (его перевод «Манон Леско» был опубликован в Константинополе в 1879 году). Улицы города, даже мост Галаты, опустели. Правительство султана не желало воевать. Оно имело поддержку населения, но не элиты. Улемы уговорили большинство повстанцев не сопротивляться и издали манифест, заявлявший, что шариат совместим не с абсолютизмом, а с конституцией. Успокоенный посланиями от Шевкета, что его смещение не планируется, сул-

тан отверг просьбу лояльных ему офицеров разрешить сопротивление.

При последнем селямликке Абдул-Хамида 23 апреля и войска, и зрители проявили наивысший за все время энтузиазм, сам султан никогда не был более улыбочивым и более восторженным: его щеки были нарумянены, а борода по этому случаю покрашена. Новацией — и признаком отчаяния — стал призыв имама к мусульманам оставаться верными халифу. Некоторые зрители рассчитывали, что он каким-то образом выдержит штурм. Однако единственный взгляд из экипажа показал султану, что на дипломатической террасе нет послов: Европа перешла на сторону победителей¹³.

В течение ночи с 23 на 24 апреля и весь день 24 апреля войска из Салоник занимали город. Солдаты в казармах в Таксиме и Фатихе, а также в Блистательной Порте сопротивлялись несколько часов, оставив Порту с дырами в стенах от пушечного обстрела. Однако в ночь на 25 апреля охрана Йылдыза сдалась или бежала через Босфор. Газ и электричество были отключены, дворец погрузился в темноту. Придворные и слуги хлынули прочь, таща узлы с бельем и драгоценностями. Сыновья султана сбежали во дворцы своих замужних сестер. Евнухи и дамы бились в истерике. Наконец, по словам незамужней дочери султана Айсе, «во всем громадном дворце остались только женщины»¹⁴.

25 апреля Шевкет выпустил требуемый закон. 27 апреля ближайшая сессия Национальной ассамблеи утвердила смещение султана. Шейх-уль-ислам составил необходимую фетву. В этот день четыре депутата (албанец Эссад, еврей Карасу, армянин Арам и лаз Ариф Хикмет) пришли в Йылдыз, чтобы сообщить султану, что он смещен на основании притеснений, резни, нарушения шариата и ответственности за последние мятежи. Султан, сломленный человек, ответил, что он лишь пытался служить нации. Он напомнил им о своей победоносной войне против Греции в 1897 году и заявил, что не он причина недавнего восстания. Он попросил разрешения жить в Сирагане, но комитет решил отправить его в Салоники. В 2:45 утра 29 апреля султан со своей ближайшей семьей и несколькими слугами покинул город поездом со станции Сиркеджи возле Золотого Рога¹⁵.

Город-дворец Йылдыз демонтировали. Главного евуха и нескольких мятежников повесили на мосту Галаты. 27 апреля 300

испуганных, взъерошенных дворцовых слуг — евнухов, поваров, кофеваров — провели по улицам Пера, через мост, в тюрьму в Константинополь. Двести тринадцать женщин гарема увезли из Йылдыза в экипажах в заброшенный дворец Топкапы. Некоторых забрали родственники с гор Кавказа и из Анатолии — родственниц, которые обладали «ослепительно-красивыми лицами, благородными манерами и богатыми одеяниями». В других случаях родственники приехали, только чтобы узнать, что их дочерей или сестер уже нет в живых. К некоторым женщинам не приехал никто.

Йылдыз стал добычей для грабителей. Библиотеку, которую султан обычно посещал каждый день, отдали университету Дарульфунун, где она находится до сих пор. Наконец, в июле дворец открыли для публики. На распродаже, устроенной правительством младотурок в Париже в 1911 году, за драгоценности султана было получено семь миллионов франков. Среди них находилось ожерелье из 154 жемчужин, пара биноклей, украшенных золотом и бриллиантами, золотой портсигар, на котором сапфирами, рубинами и бриллиантами был выложен железнодорожный путь от Берлина до Багдада¹⁶.

Несмотря на падение прежнего султана, династия осталась внедренной в сердцах и умах мусульман-османов. Новым султаном стал брат Абдул-Хамида Решад — дервиш ордена Мевлеви и последний султан, который писал персидскую поэзию. Его известная расположенность к либеральным идеям долго вселяла надежду в младотурок — и опасения в старого султана. Он взял имя Мехмед Решад как знак того, что, как и его предок Мехмед Фатих, он завоевал Константинополь — через конституцию и армию. Как Фатих, он проводил свои первые пятничные молитвы в Айя-Софии. Простота его манер удивляла город. Он жил в Долмабахче с уменьшенным домашним штатом. По воспоминаниям одного из его секретарей: «Почти абсолютная тишина теперь правит в огромном дворце... если падала и разбивалась тарелка в столовой, грохот отдавался по всему зданию, будто гром судьбы». Полный благих намерений, Решад казался согласным делать все, что потребуют комитет или Порта. Конституция была переписана, чтобы уменьшить власть короны в делах законодательства, иностранной политики и выборной процедуры¹⁷.

С вступлением на трон нового султана Константинополь возобновил свою роль в модернизации метрополии — никогда полностью не останавливавшейся даже при Абдул-Хамиде. Османский парламент заседал каждый год вплоть до 1918 года, обсуждая законы, бюджеты, компетенцию министров. Была сделана сознательная попытка создать современное мусульманское капиталистическое общество. С 1909 года запретили торговлю рабами — теоретически, поскольку институт рабства существовал до 1926 года или даже позднее. В 1910 году были упразднены гильдии — к радости городской торговой палаты, которая давно жаловалась на то, что они сдерживают торговлю. В 1910–1911 годах были построены новый док и мукомольная фабрика, а также фабрики по производству пива, обуви и цемента¹⁸.

Общество «Анонимэ Оттоманэ д'Электриситэ» начало проводить в городе электричество. Телефоны устанавливало общество «Анонимэ Оттоманэ дес Телефонес де Константинопле», основанное в 1911 году, — хотя при Абдул-Хамиде уже существовали несколько привилегированных владельцев телефонов. «Стамбул 42» был номером Блистательной Порты; дворец Долмабахче имел номер «Пера 24».

Вскоре сады Таксим, согласно «Монитор Ориенталь», стали современным курортом, располагавшим «всеми удовольствиями»: рестораном, открытым кинотеатром, театром варьете и кабаре «Ночь Монмартра» с баром для избранных представителей светской жизни столицы. По всему городу различные кафе привлекали своих клиентов: моряков, паломников, греков, турок, персов или албанцев. Бросающиеся в глаза своими обильными украшениями и сверкающими галстуками евнухи держали кафе возле моста Галаты. «Очень большой и очень европейский» отель «Токатлян» был открыт армянской семьей в 1892 году в огромном, с колоннами классическом здании на Гран-рю-де-Пера. Его кафе превратилось в важный политический центр, посещаемый политиками, офицерами, журналистами и шпионами всех наций и «всеми типами женщин, за исключением турчанок». Говорили, что официанты с первого взгляда понимали, что потребует клиент, — кофе, пиво, коньяк или ракию¹⁹.

При младотурках город также очистили от его собак. В мае 1910 года их собрали на улицах и перевезли на остров Сивриада в Мраморном море. Сначала собаки в надежде приходили на

берег, когда мимо проплывали лодки. Затем ужасный лай был слышен через Мраморное море в течение нескольких ночей — пятьдесят лет спустя старики все еще помнили его. Наконец, выжившие собаки порвали друг друга. Несколько месяцев Константинополь крепко спал. Затем стал слышен пронзительный визг, когда появились щенки отпрысков отбившихся от стаи выживших на окраинах города собак. К 1913 году на улицах снова появились собаки. Турки, винившие в последних несчастьях империи их изгнание, почувствовали облегчение²⁰. Сегодня, несмотря на повторяющиеся «сборы», в некоторых районах собаки все еще могут делать сон невозможным, а тротуары — непроходимыми.

И Европа, и Средний Восток были загипнотизированы революцией младотурок. Известные иностранцы приехали смотреть новую столицу — неизбежный Лоти, Андре Жид (который ненавидел ее), Ле Корбюзье (который предпочитал старый мусульманский город нью-йоркскому шику Пера), короли Болгарии, Сербии и Черногории, а также Уинстон Черчилль. В продажу в этом году хлынул поток книг: «Падение Абдул-Хамида», «Турция в революции», «Молодые турки», «Старая Франция». Так как они описывали события с точки зрения младотурок и без учета взгляда в прошлое, некоторые стали ценными историческими источниками.

Однако ни один иностранный визитер не имел такого громадного воздействия, как марксистский журналист, происходивший из русских евреев, — Александр Израилевич Гельфанд. Друг Ленина и Троцкого, ведущая фигура в революции 1905–1906 годов, с момента прибытия в Константинополь в 1910 году Парвус, как он себя именовал, привлек младотурок во Второй Интернационал.

Город оказался готовым к социализму. Уже в первые дни младотурецкой революции рабочие в доках и трамвайные рабочие, пекари и газетные работники начали забастовку за увеличение зарплат — в которой они победили. В мае 1909 года, через несколько дней после изгнания Абдул-Хамида, группа социалистов, называвшая себя «Социалистическим центром», прибыла из Салоник, чтобы обучать «рабочие классы Константинополя». В 1910 году журналисты, учителя и студенты основали Османскую социалистическую партию с отделениями в Константинополе и Париже.

Парвус начал писать статьи, требовавшие либерализации экономики и создания национальной (мусульманской) буржуазии — не только в европейские газеты, но также в журнал младотурок под названием «Тюрк Юрду» («Турецкая родина»), в котором он стал редактором экономического раздела. Он прибыл в город бедняком — но в течение двух лет стал процветающим бизнесменом, снабжающим столицу и армию зерном²¹. В речи в ноябре 1910 года перед Социалистическим центром он признавал: «Сегодня рабочие Османской империи разделены религией, национализмом и этнической ненавистью», — но он надеялся, что они объединятся перед лицом капиталистов, объединенных против них. На деле в Османской социалистической партии выдвинулись евреи, армяне, болгары, греки и мусульмане из Дагестана и Крыма. Первые профсоюзы образовались в Константинополе в 1910–1912 годах (строительных рабочих, наемных торговцев и докеров), привлекая рабочих различных национальностей и печатая статьи на четырех или пяти языках — хотя в них тоже доминировали греки. Союз типографских рабочих имел болгарскую, греческую, армянскую, турецкую и французскую секции.

Однако младотурецкий комитет был больше заинтересован в укреплении империи, чем поощрении революции. В конце 1910 года Социалистический центр был закрыт. В начале 1911 года многих социалистов выслали в Анатолию, к ним двумя годами позднее присоединился Хусейн Хилми, который в 1908 году основал газету «Иштирак» («Участие»)²².

Революция младотурок привела также к началу женской эмансипации. Абдул-Хамид был особенно консервативен в этой сфере. В 1889 году, не впервые, он издал указ для женщин носить *чаршаф* (похож на современную иранскую чадру), а не более открытые *ясмак* и *ферас*, которые носят до сих пор. Он также запретил мусульманским женщинам покидать дом в сопровождении любого мужчины, даже собственного отца.

Тем не менее женщины отказывались оставаться задавленными. Один путешественник записал в 1895 году: «Этому строгому указу султана даже не делают вид, что подчиняются, и в огромном количестве случаев лишь тонкая белая вуаль едва прикрывает лоб и свободно завязывается под подбородком». Поэтесса Бекташи написала примерно в 1900 году:

Разве нас не создал тоже Бог?

И не львица — подруга льва?

Женщины с энтузиазмом поддержали революцию 1908 года, показав свое лицо на публике, как знак торжества, — 17 декабря 1908 года при открытии парламента и 30 апреля 1909 года на первом селямликке Решада²³. Некоторые члены элиты начали прекращать в своих домах деление на гаремлик и селямлик и стали позволять своим женам встречаться с посетителями-мужчинами. Они начали говорить на публике то, что давно говорили с глазу на глаз: что уединение женщин — «бич нашей страны», что турки никогда не станут современной нацией, пока женщины не выйдут из-за решеток гарема и из-под складок чадры²⁴.

В «Турецком очаге», клубе, основанном интеллектуалами-младотурками, женщины читали лекции мужчинам, а мужчины — женщинам; Халиде Эдиб, писательница и феминистка, которая стала выдающейся учительницей, часто выступала там. Другая ведущая интеллектуалка-младотурок, Муррис Текиналп (первоначально Моиз Кохен, еврейка из Салоник), писала: «Общее мнение склоняется к тому, что эмансипация женщин произойдет за сравнительно короткое время». Первый современный лицей для девочек открылся в 1911 году. С 1913 года в Константинополе появилось несколько женских организаций: «Османские женщины», «Общество развития женщин», «Общество работы женщин» и «Общество защиты прав женщин»²⁵.

Константинополь стал лабораторией, варившей новые лекарства для Среднего Востока: не только социализм и феминизм, но также курдский и арабский национализм. Хвастовство младотурка Ризы Тевфика в османском парламенте, что мусульмане настроены менее националистически, чем христиане, заявление Энвера, что «в исламе национальность не существует», были неправдой²⁶.

В столице жили примерно 30 000 курдов. Не все они были курдскими националистами. У великого теоретика турецкого национализма Зии Гёкальпа, который изучал социологию в университете Дарульфунун и издавал «Тюрк Юрду», толстого, смуглого коротышки, по словам Халиде Эдиб, «странные глаза смотрели за спины, и в сторону от людей, а предметы, которые окружали его, имели курдскую кровь и говорили о курдском,

а не о турецком». Однако он так отуречился, что захотел, чтобы турки вернулись к своим корням. Он хвастался, что Аттила и Чингисхан вдохновляют его не менее, чем Александр и Цезарь, и писал поэмы, восхвалявшие Туран, — легендарную турецкую родину на Востоке. (Халиде Эдиб тоже написала фантастический политический роман с названием «Йени Туран» — «Новый Туран»).

Но другие курды, жившие на востоке, хотели автономии или даже большего. В 1908–1909 годах выдающиеся курды в Константинополе, такие как любимцы Абдул-Хамида семья Бедир Хана и Саид Абдулкадир, будущий президент государственного совета, основали «Курдистан» — двуязычную турецко-курдскую газету, «Курдское общество прогресса и взаимопомощи», «Общество для пропаганды курдского образования», а также курдскую школу. В 1912 году депутат курдского происхождения Лутфи Фикри защищал радикальные меры: секуляризацию государства, равные права для женщин и латинизацию алфавита²⁷.

После 1908 года Константинополь стал также центром арабского национализма — более важным, чем Бейрут или Каир. Арабо-турецкое напряжение в отношениях усилилось из-за использования Абдул-Хамидом арабов в качестве шпионов, чиновников и охранников. Враждебные замечания в турецкой газете «Икдам», касающиеся арабской «нелояльности», привели к нападению арабов на ее типографию. В качестве ответного шага 2 сентября 1908 года в салоне «Варьете» в Пера было основано «Общество арабо-османского братства»: оно имело целью *«объединение всех османских общин без различения расы или религии и консолидацию их солидарности таким образом, который даст им возможность служить Османскому государству и реформировать его»*. На церемонии открытия, после речей на арабском и османском языках, были одобрены следующие моменты: «С этого момента на нашем пути стоят справедливость, братство, равенство, свобода. Да здравствует султан Абдул-Хамид-хан, падишах правительства конституции и совещаний!» Клубное здание ниже по Гран-рю-де-Пера открывалось каждый вечер. Однако кое-кто уже боялся сути, спрятанной за фасадом лояльности. Некоторые арабы начинали требовать, чтобы государственные школы в говорящих по-арабски провинциях преподавали на арабском языке — а не на османском, как до сих пор²⁸.

Летом 1909 года «Общество» заменил «Аль-Мунтада аль-Адави» — «Литературный клуб», основанный в Константинополе чиновниками и бизнесменами из Дамаска и Иерусалима. В помещении клуба ставились пьесы и устраивались лекции, и вскоре он набрал тысячи членов по всей области Плодородного Полумесяца. Были основаны также два тайных общества с более националистическими настроениями: «Аль-Кахтанья», примерно в 1909 году, и «Аль-Ахд» в армии — вероятно, в 1914 году. Из 498 арабов-офицеров в османской армии к 1914 году 315 присоединилось к «Аль-Ахд»²⁹.

Знаком успеха арабской политики Абдул-Хамида стало то, что по контрасту с 1880 годом теперь мало кому из арабов нравилась любая программа, более радикальная, чем децентрализация или, как сформулировала одна партия, «османское правительство — ни турецкое, ни арабское; это правительство, в котором все османы имеют равные права и равные обязательства». Арабы все еще считали Халифат священным делом династии Османов, а империю — первой линией арабской обороны от Запада. Сам Константинополь оставался еще одним аргументом для османизма. «Аль-Ахд» считало, *«что Константинополь — это голова Востока. Восток не выживет, если его лишит города иностранное государство. Поэтому ассоциация особо сосредоточилась на его обороне и сохранении его безопасности»*.

Стараясь усилить связи между империей и арабами, в 1910 году Махмуд Шевкет-паша организовал первый брак между хашимитом и османкой. Рукийя-султан, внучку Мурада V, привезенную в Чыраган, выдали замуж за шарифа Абдул-Меджида, старшего сына шарифа Али Хайдара³⁰.

Шариф Али Хайдар дружил с Махмудом Шевкетом и Талатом, которые часто посещали его поместье в Камлике, на азиатском берегу Босфора. Арабским друзьям он говорил: *«Младотурки открывают новую страницу в истории нашей нации, и со временем все придет в порядок. Не пытайтесь отделиться от Османской империи, когда общее состояние в мире — это водоворот»*. Его конечной целью стала арабо-турецкая монархия, вроде Австро-Венгерской, со второй столицей и парламентом в Багдаде или Медине³¹.

Кузен Али Хайдара и его соперник, шариф Хусейн, хотя и не любил «узурпаторов» из «Единения и Прогресса» и отри-

пательно относился к конституции, также оставался лояльным Османской империи. Назначенный Абдул-Хамидом шарифом и эмиром Мекки к ярости Али Хайдара (без сомнения, тот был лишен прав из-за его жены-ирландки), он оставил Константинополь ради Мекки в ноябре 1908 года. Женатый на турчанке, имевший родственников и собственность в столице, он следовал проосманской политике, несмотря на споры с *вали* (правителем), вызванные оппозицией шарифа таким османским реформам, как продление Хиджазской железной дороги до Мекки и отмена рабства. Его сыновья Абдулла и Фейсал посещали Константинополь во время ежегодных сессий османского парламента, в котором они заседали как депутаты от Мекки и Джидды соответственно. Он сам помогал Османской империи вернуть провинцию Асир к югу от Хиджаза в 1911 году³².

Силой, потенциально более опасной для Османской империи и ее столицы, чем курдский или арабский национализм, был национализм турецкий. Много позднее после армян, греков и болгар турки наконец стали сдаваться духу века. Династическая и религиозная лояльности слабели. Уже при Абдул-Хамиде османские интеллектуалы начали писать похвалы «служению турок в науках и искусствах», стремясь продемонстрировать интерес к тюркам Центральной Азии и Анатолии. Джевдет-паша заявил султану, что «турки — это реальная сила за спиной Блистательного Государства»³³. С 1908 года именно турецкий язык, а не квадрига из турецкого, французского, греческого и армянского, стал обязательным на официальных бланках. Интеллектуалы в Константинополе начали верить, что «мы — турки, и нам нужно турецкое», и заменять турецкими слова арабского или персидского происхождения. Они считали имя Османов не более подходящим для турок, чем династическое имя Омейядов для ранних арабов: «Не может существовать ни османской нации, ни османского языка»³⁴.

Такой рост национализма был порожден длинной историей национальной клеветы. Не только османский правящий класс использовал слово «турок» в значении «деревенщина»; арабы тоже заявляли о своем культурном превосходстве. Один новеллист из Пера называл турок *un peuple enfantin* — детским народом. В кни-

ге, опубликованной европейским жителем города в 1915 году, говорится: «Турки не имеют ни интеллектуальных устремлений, ни патриотизма; эти люди полностью аморфны»³⁵.

Растущая привлекательность турецкого национализма отразилась в карьере самого выдающегося современного представителя семьи Кёпрюлю — Фуада Кёпрюлю, основателя современной турецкой историографии. Он никогда не упоминал о древности своего рода, и его сын Орхан Кёпрюлю вспоминает, что он говорит: «В нашей стране мы не имеем никакой знати». Однако хотя его семейная ветвь спускалась — по женской, а не по мужской линии — к первому Кёпрюлю, великому визирю, они использовали имя Кёпрюлю-заде. В XVIII веке они служили в армии; в XIX — в гражданской администрации; Кёпрюлю-заде Ахмед Зия-бей служил послом в Румынии в 1890–1892 годах. Он был отцом Исмаила Фаиз-бея, гражданского служащего, который женился на беженке из Болгарии. Их сын Фуад Кёпрюлю родился в 1890 году и воспитывался в семейном имении напротив мавзолея и библиотеки Кёпрюлю на Диван-Йолю. Другие элитные семьи покидали свои дома в Константинополе ради современных домов или квартир в новых районах Шишли и Нишанташ за Пера, ставшими модными из-за их близости к императорским дворцам Долмабахче и Йылдыз. Однако около 1900 года Кёпрюлю построил павильон в традиционном районе к югу от мечети Султан-Ахмет. Между морем и старыми византийскими стенами, возле мечети, построенной в тот год, когда османы завоевали город, и железной дорогой на Европу, располагалось идеальное место обитания для историка.

Фуад Кёпрюлю получал образование по современной школьной системе, организованной в 1840-х годах, но также обучался дома. Вскоре он знал французский язык лучше, чем его учителя, а также выучил греческий, османский, персидский и арабский. Всегда находясь слегка вне обычной жизни, он никогда не бывал больше счастлив, чем когда раскладывал книги вокруг себя на полу и пытался читать их все одновременно. Среди коробок с книгами, а не в городе и не с его жителями, возникла связь с французской культурой. Знакомый и с османской, и с западной литературой, как и многие члены константинопольской элиты, он аккуратно выписывал «*Revue des Deux Mondes*» («Обозрение двух миров»). Он любил научную точку зрения и ясность совре-

менных французских мыслителей — особенно основателя современной социологии Эмиля Дюркгейма, который считал, что не существует отдельных личностей, только общество.

Фуад Кёпрюлю являлся позитивистом, верившим в ценность науки. Его принципиальным интеллектуальным достижением в карьере, за которую он написал массу статей и в общей сложности семьдесят пять книг, стало приложение современных научных методов к изучению турецкой культуры и истории. Он не выполнял пять ежедневных молитв и редко ходил в мечеть³⁶.

Его первой опубликованной работой стала династическая поэма в честь 63-летия Абдул-Хамида в 1906 году, но после 1908 года он всей душой обратился в национализм. Он присоединился к «Турецкой Ассоциации», основанной в 1908 году «для изучения прошлых и настоящих достижений и деятельности, а также обстоятельств, связанных со всеми людьми, называвшимися турками». С великим поэтом Яхьей Кемалем и другими друзьями, такими как Талаат-паша, он ездил каждую пятницу на обед в доме Зии Гёкальпа на Бююкаду.

Этот остров был летним курортом для людей из Константинополя; его высокие деревянные дома в стиле арт-нуово и конные экипажи все еще сохраняли атмосферу и запах недавнего османского города. Он был густо заселен греками, но все-таки именно тут выстроился современный турецкий национализм. Гёкальп был романтическим националистом, одержимым мечтами о Туране и намерением спасти Османскую империю. Определяя нацию не по расе, а по «общей связи культуры и восприятия», Гёкальп хотел, чтобы турецкими землями оставались те, где читают Коран по-турецки, а «идеи, обычаи, язык, вера одинаковы»³⁷.

Гёкальп, Кёпрюлю и другие интеллектуалы вроде Абдуллы Джевдета верили, что нет другого выбора, кроме принятия западной культуры целиком, «с ее розами и шипами». Забывая османское наследие многонационализма, искусства, религии, поэзии, а также манеры и обычаи, они были убеждены, что «цивилизация означает европейскую цивилизацию». Даже некоторые аспекты ислама подвергались критике: в 1913 году газета под названием «Свободный поиск», издававшаяся Абдуллой Джевдетом, публиковала статьи, объявлявшие войну теологам и обсуждавшие, был ли epileptиком Пророк.

Национализм стал тем аспектом западной культуры, который Кёпрюлю принял без колебаний. Он считал, что турки забыли собственную историю и язык. Если они обретут национальное сознание и общую цель, Османская империя возродится, как возродились Германия и Италия. В известной статье 1911 года в «Тюрк Юрду» он писал:

«Турецкие националисты — не реакционеры, не мечтатели, не сепаратисты; просто они верят, что сохранение османизма и исламизма зависит от пробуждения и развития тюркизма. Только когда турки станут обладать собственным национальным сознанием, османизм и исламизм получают необходимую силу притяжения, чтобы сохранить империю. Только тогда различные элементы, составляющие империю, смогут следовать своему национальному развитию в полной гармонии с империей».

Отрицая многонационализм османской истории и собственные семейные албанские корни, Кёпрюлю писал: «Центральная сила империи — это турки, как и было всегда... империя, кроме прочего, еще и исламский султанат». Он не любил национальные меньшинства и имел мало друзей в их среде. В 1912 году он записал, что они способны монополизировать торговлю с Западом, так как «население Константинополя, избегнувшее изнеможения, забрано на военную службу для защиты империи»³⁸.

Некоторые младотурки даже начали обсуждать революцию в языке и принятие латинского алфавита вместо арабского. «Мы не больше арабы, чем французы», — утверждали они. Мустафа Кемаль, молодой амбициозный офицер, который в 1909 году участвовал в революции младотурок, иногда писал по-турецки латинскими буквами другу в Пера по имени Коринне. Халиде Эдиб ругала османский алфавит: «Чего еще ждать от средства обучения, которое требует почти шести лет изучения и практики, прежде чем вы сможете писать на нем?»³⁹

Один результат рождения турецкого национализма заключался в создании 25 марта 1912 года ассоциации «Турецкий очаг», открытой для турок, но не для иных мусульман. Вскоре при ней была создана сеть клубов, привлекающих турецких беженцев с Балкан и работающих «на национальное образование в среде турецкого народа, который образует самую важную часть ислама, для поднятия интеллектуальных, социальных и экономических стандартов и для совершенствования турецкого языка и нации».

В своем доме и в библиотеке в Константинополе «Турецкий очаг» организовал вечерние классы, публичные лекции — особенно о героях турецкой истории и искусства — «литературные и артистические вечера». Зия Гёкальп и Фуад Кёпрюлю присутствовали почти на всех вечерах⁴⁰.

Рост турецкого национализма стал интеллектуальной модой, но ограничился узким кругом элиты. 1800 членов «Турецкого очага» не составляли массового движения. Исламские газеты особенно нападали на использование таких терминов, как «турецкое правительство» и «турецкая армия». Сулейман Назиф записал: «В наших венах — только османская кровь». Ахмед Наим называл национализм «иностранной инновацией, так же смертельной для тела ислама, как рак для человека». Они отвергали любую связь между османами и Центральной Азией. Большинство мусульман в империи продолжали называть себя *османы* и использовать слово «турок» для обозначения неотесанного человека. В 1915 году на базаре прохожий сказал американскому журналисту Джону Риду: «Вы не должны называть нас турками. Турок означает смешную деревенщину, грубую и необразованную... Мы же — османы, древняя и развитая нация».

Константинополь оставался многонациональным городом; османское правительство, нападая на турецкий национализм, практиковало многонационализм и в поступках, и в словах. Армия младотурок, прибывшая из Салоник, обросла отрядами болгарских, греческих и албанских ополченцев, которые терроризировали держателей магазинов столицы. Деметриуса Маврогордато-эфенди из банкирской ветви известной семьи назначили министром торговли и сельского хозяйства — для христианина, имевшего незначительный вес в государственной элите, это был знак и расположения, и недоверия⁴¹.

Более того, в 1912 году династия подтвердила свою власть над Комитетом. Самым влиятельным членом династии был сын Абдул-Азиза по имени Абдул-Меджид-эфенди — принц внушительной внешности и широких взглядов, который во время правления Абдул-Хамида жил в доме над Ускударом с запретом посещать Константинополь. Он говорил Пьеру Лоти, что провел двадцать восемь лет в могиле⁴². Как и Фуад Кёпрюлю, Абдул-Меджид был продуктом брака османской элиты с французской культурой. Он говорил на турецком, арабском, французском и немецком языках

и называл Францию второй родиной. Он заполнял свое уединение сочинением классической музыки, чтением сочинений Виктора Гюго и свежих номеров «*Revue des Deux Mondes*», а также ухаживая за своим парком. Как многие образованные османы, такие как Осман Хамди-бей и Халил-паша, писал картины в современном парижском стиле — в основном пейзажи или сцены из османской истории, такие как наставление Шехзаде Махмуда Селимом III или свержение Абдул-Хамида II.

Одновременно и космополитичный, и патриотичный Абдул-Меджид-эфенди также поддерживал воскрешение турецкой культуры. Его дом был выдержан в неотурецком стиле, с широкими карнизами, ярко окрашенными стенами и каминами, обложенными изразцами кутахьи; он сам спроектировал для него ворота в неосельджукском стиле. После 1908 года он регулярно собирал у себя турецких писателей и музыкантов и ставил в своем саду пьесы Абдулака Хамида. Друг Тевфика Фикрета, автора «Тумана», описывавшийся как «меценат бедных турецких поэтов и артистов», он стал активным покровителем музыкальных и художественных школ в Константинополе.

В 1911 году при многих встречах с султаном Абдул-Меджид и его кузены просили его «во имя династии» возратить прежнего великого визиря Камиля. Партийная вражда между Комитетом и его соперником «Либеральным союзом», который отстаивал децентрализацию, давала султану место для маневра. Этот маневр облегчили дополнительные выборы в Константинополе в декабре 1911 года, на которых, помимо кандидата от Комитета, победил Тахир Хайреддин, сын великого визиря 1878 года. 21 июля 1912 года султан образовал новое правительство под руководством Гази Ахмеда Мухтара-паши, куда вошли три бывших великих визиря. Первый секретарь дворца, сторонник Комитета, был уволен, албанцам пообещали широкую автономию, а армейских офицеров обязали давать клятву не вмешиваться в политику⁴³.

Однако на этой точке новые несчастья свалились на империю и Константинополь. Империя стала жертвой общего всплеска агрессии и межгосударственного соперничества в Европе перед 1914 годом. По образцу Германии, генеральные штабы держав начали менять свои военные планы с оборонительных на на-

ступательные и массово увеличивать расходы на вооружение. В октябре 1911 года Италия напала на османскую провинцию Триполитания в Северной Африке. В апреле и июле 1912 года итальянский флот блокировал Дарданеллы, пытаясь заставить Османскую империю заключить мир. Османское правительство ответило закрытием Проливов. В результате русский экспорт — от трети до половины которого шел через Проливы, — рухнул, и русские банки подверглись наплыву клиентов с требованием возврата вкладов. Теперь у России возник повод овладеть Константинополем и Проливами уже не только по стратегическим, религиозным и имперским соображениям, но и для защиты своей экономики⁴⁴.

Одним из достижений Абдул-Хамида было сохранение раскола на Балканах. После 1908 года перспектива возникновения реформированной и конституционной Османской империи, которой симпатизировала бы Европа, объединила балканские государства в нечто ужасное. Одна болгарская газета советовала своим читателям «хранить порох сухим, а глаза — направленными на Константинополь». Русские дипломаты и корреспондент «Таймс» на Балканах Дж. Д. Баучер, известный в Болгарии как «наш Баучер», помогли создать Балканскую Лигу. Баучер посетил Константинополь в сентябре 1911 года, чтобы примирить Вселенского патриарха и болгарского экзарха. До настоящего времени они посвящали большую часть своей энергии публикации отчетов о деталях болгарских и греческих зверств в Македонии⁴⁵. Теперь объектом этих нападок стала Османская империя, а также Сербия и Черногория.

Война разразилась 17 октября 1912 года. Османские генералы оказались слишком оптимистичны и слишком хотели защитить мусульманское население в Македонии, чтобы придерживаться реалистического плана кампании. Система снабжения османских войск оказалась ужасной. Офицерский корпус раскололся на поддерживающих Комитет и его противниками.

Результат оказался катастрофическим. Провинции, которые оставались османскими в течение пяти веков, были потеряны в течение пяти недель. Под крики «Христос воскрес!» греческая армия 19 ноября вошла в Салоники. Немедленно началась «эллинизация». Церкви, которые стали мечетями после османского завоевания, вернулись к своему первоначальному предназначению.

нию — предупреждение о судьбе, которую греки приберегли для Айя-Софии. Турки и их семьи вынуждены были эмигрировать: Абдул-Хамида и его домочадцев привезли назад в Константинополь и поселили во дворце Бейлербей. Подвергнутый такому же обращению, какое он применял к своим кузенам, бывший султан мог видеть Йылдыз из своего жилища, но не имел права его пощадить.

Старый османский порядок рушился. Албания избрала депутатом в османский парламент Исмаила Кемаль-бея, бывшего чиновника Блистательной Порты, который превратился в албанского националиста. Вскоре после начала войны, как многие другие националистические политики следующего десятилетия, он отбыл из Константинополя, чтобы найти новую страну. 28 ноября 1912 года в албанской Валоне (Влонё) он объявил о независимости Албании. Бывший представитель Блистательной Порты стал главой первого албанского национального правительства. Это стало началом конца связи Константинополя с нацией, которая давала ему великих визирей и генералов, а также уличных торговцев и бродяг, спящих на мостовых.

К 15 ноября болгарская армия захватила всю Фракию, кроме Эдирне, достигнув линии Чаталджи в 22 милях западнее Константинополя, — в 1877–1878 годах здесь были возведены укрепления. Несмотря на официальную неприязнь к Абдул-Хамиду, этот оборонительный барьер был сохранен. Царь Фердинанд не забыл своих византийских амбиций. Говорят, он заявил: «Мы будем диктовать условия мира в Константинополе», — и велел подготовить экипажи и императорское платье для вступления в город через Золотые Ворота. Русский министр иностранных дел, раздраженный успехом Болгарии, подтвердил российскую традиционную политику: на Босфоре могут быть только турки или русские⁴⁶.

Османские солдаты, что в начале войны гордо промаршировали через город, теперь вернулись в него голодные и израненные. Константинополь превратился в сплошную транспортную пробку из-за повозок, запряженных быками, в которых мусульманские семьи, бегущие от жестокости надвигающихся христианских армий, устало сидели или лежали совсем изнуренные на соломе. Султан-Ахмед была приспособлена под лагерь беженцев, Фатих — под госпиталь, Айя-София — под холерный лазарет. Именно тог-

да был основан Музей вакуфов, предшественник современного Музея турецкого и исламского искусства, чтобы хранить ковры, каллиграфию и резьбу по дереву, которые нужно было убрать из мечетей. На улицах Пера снова появились верблюды, в то время как армия реквизировала всех лошадей. Каждую ночь начинались пожары — древний знак городского недовольства⁴⁷.

Посольства приостановили свои приемы. Немецкое посольство стало госпиталем. За Мраморным морем, в Мода, Уиттоллы рвали свои простыни, чтобы изготовить бинты для раненых солдат. Но бальные залы и театры Пера, а также модные рестораны, вроде «Токатляна» и «Маркиза», продолжали работать. Раненые солдаты поднимались вверх по холму к отелю «Пера-Палас», на звуки вальсов, которые играли там для ежедневных *the dansant* — вечеринок с танцами и чаепитием. По словам Одетт Кеун, которая написала роман об этих годах, жители Пера говорили между чашками чая: «Турки больше не умеют даже сражаться».

Многие греки покинули Константинополь и вернулись к своим древним амбициям, к мысли о реализации Великой Идеи. В 1910 году поэт Костис Паламас написал по-гречески «Королевскую флейту» — поэму, которая является данью чуду Константинополя и мифу о последнем византийском императоре, уснувшем в мраморе в стенах города, под Золотыми Воротами:

*Я — Господин, проснусь от каменного сна,
Покину свою тайную гробницу,
С Ворот Златых падет кирпичная стена,
Открою их — и вспыхнет христиан зарница.
И, победителем халифов и царей,
Я прогоню за древо Яблок Красных
Противника — до древних рубежей.
Тогда найду я, наконец, покой прекрасный.*

Вселенский патриарх Иоаким III, ранее столь благоразумный, был превращен поражениями османов в пылкого националиста, подобно Фуаду Кёпрюлю. Забыв об успешном использовании Фанаром на протяжении более трех веков Османской империи, помогавшей и усилить церковный авторитет, и укрепить гегемонию греческой культуры над восточным христианством, патриарх, когда-то целовавший ананас султана, сказал одному

французскому грекофилу, что Османская империя — «это сила, которая чужда моей расе, моей религии, моей нации... Я представляю идею — и это дает мне в моей телесной слабости необыкновенную силу. Добродетель идеи раньше или позже победит жестокость *fait accompli**... Ничто не может одержать триумф над идеей. Она живет. Она бессмертна. Именно она поддерживает нас вот уже четыре века».

Большинство его паствы разделяли эти чувства — хотя Леонидас Зарифи, один из греческих банкиров, отдал первый этаж своего дома в Пера Красному Полумесяцу. Если приходили новости о турецкой победе, греки оставались дома. При первых же новостях о поражении они выходили на Гранд-рю, смеющиеся и самонадеянные.

Пера заполнилась журналистами и теми слухами о резне, «на которых воспитан каждый истинный житель Пера» — по словам Одетт Кеун⁴⁸. Эти страхи стали инструментом османской политики, когда великий визирь Кемаль-паша угрожал иностранным послам резней в городе, если в него войдет болгарская армия. Отражение последних общеевропейских соглашений, которые регулировали положение дел на Континенте со времен поражения Наполеона (кроме времени правления его племянника) явно просматривалось на улицах Константинополя в 1912–1913 годах. 12 ноября с разрешения османских властей четырнадцать иностранных военных кораблей с 2700 моряками бросили якоря в Босфоре, чтобы поддержать христианское население. 16 ноября делегация из армянской патриархии попросила у послов защиты. 18 ноября на берег высадились моряки с пулеметами. Французы заняли позиции в Галате, британцы — в Пера, австрийцы и немцы — в Таксима, а русские — вдоль причалов⁴⁹.

17 ноября начали дребезжать окна и трястись земля, когда болгарские и османские пушки загрохотали вдоль линии Чаталджи. Уиттоллы слышали шум, находясь в восьмидесяти милях от Моды. Мэри Пойнтер, англичанка, жившая в Нишанташе, записала в своем дневнике:

«Еще теплый осенний день с мягким южным ветерком, солнце затянуто легкими облачками. Звук далеко разносится в эти влажные дни, и хотя кажется, что сражение идет рядом, нам го-

* Свершившегося факта (*фр.*), здесь — фактического положения дел.

ворят, что оно, должно быть, гремит в двадцати милях от нас... Рано этим утром пушечные выстрелы звучали как далекий гром, затем звук перешел в низкое угрожающее рычание, когда изменились потоки воздуха, затем последовали более тяжелые выстрелы, которые заставили землю вибрировать».

Крыши и балконы Пера наполнились зрителями, лица некоторых были белыми от страха. Вскоре они научились отличать резкий сухой звук выстрелов с османских кораблей в Мраморном море от «чужих приглушенных ударов», как описал звук наземных пушек Гарольд Николсон, третий секретарь британского посольства. Несмотря на войну снаружи и на страх внутри, единственное беспокойство в городе происходило от иностранных моряков, присланных, чтобы охранять горожан, — особенно от уличных ссор между французами и немцами⁵⁰.

Географическое положение Константинополя, на оконечности полуострова, вдали от других населенных центров, оказалось преимуществом в 1912 году, как и в 1878-м. Ко времени, когда и русские, и болгарские армии приблизились к цели, они измотали свои силы и слишком растянули линии снабжения. Несмотря на опустошения от холеры и дизентерии, османские войска, хорошо снабжаемые пищей и боеприпасами, сражались с возобновившейся энергией в обороне «столицы Халифата». 18 ноября болгары не смогли взять штурмом Чаталджу. 5 декабря было подписано соглашение о прекращении военных действий. В Лондоне открылись мирные переговоры⁵¹.

Когда Энвер вернулся из Триполитании, где он возглавлял сопротивление итальянцам, его возмутили страх и апатия в городе. Ненависть между сторонниками и противниками комитета казалась такой же сильной, как ненависть между национальностями. Согласно решению великих держав Европы, принятому на Лондонской конференции, правительство намеревалось уступить болгарам Эдирне, второй город империи. Убежденный, что он господствует «во всех сердцах нации», Энвер 14 января написал немецкому другу: «Мне не нравится действовать, как революционеру, но я не знаю, где это все закончится... Чтобы спасти родину или умереть с честью, я попытаюсь все перевернуть» [*tout bouleverser* — «изменить всё»]⁵².

В 3 часа утра 23 января 1913 года, по свидетельству Самюэля Израэля, начальника политического отдела полиции, Талаат,

Джемаль и пятьдесят или шестьдесят человек, размахивавших национальными флагами и флагами ислама, под руководством Энвера атаковали Блистательную Порту. Они перерезали телефонную линию и договорились с прокомитетским батальоном, чтобы тот оставался на страже. Батальон отсалютовал, когда они вошли в здание. С криками «Смерть Камилю-паше!» мятежники промчались по лестницам к офису великого визиря. Один из его адъютантов, капитан Кибрисли, а также военный министр с другим адъютантом были застрелены. Великий визирь подал в отставку.

Энвер назначил новых военных руководителей и сделал Махмуда Шевкет-пашу великим визирем. Через двадцать минут появился улыбающийся офицер, чтобы сообщить толпе из 500 человек снаружи: «Мы произвели маленькую революцию». Группа индийцев — их присутствие было знаком привлекательности империи в мусульманском мире — горячо обратилась к толпе, говоря, что Индия сердцем и душой с Турцией.

Султан сначала не поверил известиям и отправил своего первого управляющего из Долмабахче проверить новость о перевороте. Как и хотел Энвер, империя снова вступила в войну. Энвер хвалился, что работает тридцать шесть часов в день и может гарантировать победу. Он образовал новое правительство, без влияния иностранцев, и был достаточно силен, чтобы встретить всю болгарскую армию⁵³.

В феврале в городе снова стали слышны пушечные выстрелы со стороны Чаталджи. Однако османская армия не смогла спасти Эдирне. Константинополь 26 марта 1913 года пережил день скорби, когда его старый соперник пал перед болгарами. Хотя Энвер и завоевал любовь всей империи, организовав отвоевание Эдирне 22 июля, это возвращение произошло скорее благодаря отвлечению внимания болгар на Грецию и Сербию, чем военной силой османов.

Слабость империи укрепила антиосманские настроения, которые росли с 1890-х годов. До войны, в ожидании победы османов, европейские державы издали декларацию против перемен *status quo* на Балканах. После поражений османов они помогли балканским государствам делить добычу. Были размечены неофициальные экономические сферы влияния: для Британии — в Месопотамии, для Франции — в Сирии, для России — в Северной

Анатолии, для Германии — вдоль железной дороги Берлин—Белград. Британский посол записал: *«Все мировые силы, включая нас, отчаянно пытаются взять от Турции все, что могут. Все они делают вид, что хотят сохранить турецкую целостность, — но никто не думает об этом на деле».*

Понимание, что Османская империя находится в предсмертной агонии, наполняет и частные письма, и дипломатические депеши. Некоторые члены Комитета, по слухам, склонялись к установлению республики. Смещенный великий визирь Камиль-паша, которого справедливо называли «Ингилиз Камиль», был призван для осуществления «некоторого адекватного иностранного контроля... в отношении администрации в Турции»⁵⁴.

В попытке одновременно модернизировать вооруженные силы и отстранить их из политики Комитет привлек британских офицеров к реорганизации флота, немецких — к обновлению армии, французов — для управления жандармерией. Филиал британской фирмы «Виккерс» под названием «Совместное общество по докам, вооружению и строительству флота Османской империи» получил в тридцатилетнюю аренду военную базу османского флота и арсенал на Золотом Рогe⁵⁵.

Немецкий генерал Лиман фон Сандерс прибыл в Константинополь 14 декабря 1913 года с группой из шестидесяти офицеров, получив собственный офис в военном министерстве. Страх перед появлением немцев в Константинополе стал основной причиной напряженности между Германией и Россией накануне Первой мировой войны. Энвер, назначенный военным министром, был известен как друг Германии, а теперь он выросал во все более значительную фигуру. Последний независимый великий визирь, Махмуд Шевкет-паша, был застрелен 11 июня 1913 года, когда он проезжал через площадь Баязид в одном из малочисленных тогда на улицах города автомобилей, — с тех пор за машиной, в которой Энвер ездил по улицам Константинополя, следовала другая, с хорошо вооруженными адъютантами.

Новый великий визирь, Саид Халим-паша, потомок Мухаммеда Али Египетского — человек, любивший роскошь, постоянный посетитель «Серкл д'Ориент», — как говорили, был ничтожеством в руках Комитета. Сам Энвер 2 февраля 1914 года женился на Наджи-султан, любимой племяннице султана, — один из

немногих в истории браков между революционером и имперской принцессой. Они жили в роскошном ялы в Куру-Чесме⁵⁶.

К неприятностям империи добавились проблемы с греками. Переселение примерно 400 000 мусульманских беженцев из утраченных провинций на Балканах повысило социальную напряженность. Правительство попыталось запугиванием подтолкнуть греков к эмиграции. В начале 1914 года несколько домов в греческих деревнях возле столицы были разрушены по приказу властей. В июне патриарх объявил о закрытии греческих школ и церквей. Ведя себя так, будто Фанар является столь же мощным и независимым авторитетом, что и Ватикан, он разослал в иностранные посольства меморандумы, лично посетил греческую дипломатическую миссию и потребовал освобождения от военной службы для некоторых своих официальных лиц⁵⁷.

Отношения с арабами также ухудшились. Одним из ведущих арабских националистов являлся Азиз Али аль-Масри, выпускник константинопольского военного училища, который имел собственные взгляды на арабский национализм, более похожие на личное соперничество с Энвером, чем на национальные или языковые различия: он был черкесом и сам принимал участие в революции младотурок. 9 февраля 1914 года он был арестован по подозрению в подготовке мятежа, когда покидал отель «Токатлян» после ланча. После длительного судебного разбирательства его освободили под давлением британцев и отправили в Египет — еще один будущий лидер националистического движения, покинувший столицу. Шариф Абдулла, депутат от Мекки, тоже любил Константинополь — но уже планировал восстание арабов и вел переговоры с лордом Китченером, когда останавливался в Каире на пути между Меккой и столицей⁵⁸.

Разразившаяся в июле 1914 года война давала Османской империи возможность укрепить свое положение. Нейтралитет мог бы благотворно повлиять на ее экономику и увеличить дипломатический вес. Однако «триумвират» (как иногда называли Энвера, Джемала и Талаата) был убежден, что империя нуждается в союзниках. Попытки зондирования Талаатом позиции России, а Кемалея — Франции, ни к чему не привели. 2 августа в ялы Саида Халим-паши в Йеникёе, без оповещения остально-

го кабинета, Энвер и Талаат подписали секретный союз с Германией, который Энвер готовил с 18 июля. Османская империя обязалась вступить в войну на стороне Германии. Пока она оставалась нейтральной, но мобилизовала свою армию. Этим летом, самым решающим в истории империи, британский и немецкий послы в Константинополе боролись за влияние над османским правительством.

В 1908 году Британию в Константинополе чествовали, как родину свободы, а Германию обвиняли в дружбе с Абдул-Хамидом. После восстановления конституции на мосту Галаты исступленная толпа выпрягла лошадей из экипажа нового британского посла и протащила его вверх по холму до здания посольства. Но эта популярность не была принята во внимание послами и драгоманами, убежденными, что Комитет управляется евреями и масонами. Ее игнорировало и правительство, которое отказалось от предложенного Османской империи союза.

В свою очередь британское правительство было напугано воздействием на своих мусульманских подданных в Египте и Индии успешного парламентарного режима в Константинополе. Революция младотурок отозвалась далеко: в 1911 году эмир Бухары был вынужден ввести конституцию под давлением движения «младобухарцев», вдохновленных примером Константинополя.

В августе 1914 года британское правительство еще больше утратило популярность из-за конфискации двух линейных кораблей, строившихся по османскому заказу на британских верфях. Деньги на них были собраны путем народной подписки по всей Османской империи. Эта конфискация была использована Энвером в качестве приманки, чтобы соблазнить Германию на союз. 10 августа два немецких линейных крейсера*, «Гёбен» и «Бреслау», которые уже посещали Константинополь в составе международной эскадры в ноябре 1912 года, прибыли в Мраморное море, уйдя от неудачного преследования британскими кораблями в Средиземном море. 15 августа корабли официально были переданы империи, при этом считалось, будто она их «купила». Командир «Гёбена», блестящий и энергичный адмирал Вильгельм Сушон, был назначен командующим османским

* Так у автора. В действительности «Гёбен» был линейным крейсером, а «Бреслау» — легким. (Прим. ред.)

флотом. Команды «Явуз Султан Селим» и «Мидилли», как были переименованы корабли, остались немецкими, но на публике моряки носили фески. Общественные симпатии по отношению к Германии стали еще более горячими. Британские офицеры, служившие в османском флоте, были ограничены обязанностями на суше⁵⁹.

Немецким послом в это время был Ханс Фридрих фон Вангенхайм, тюрингский гигант, очень уважаемый в Константинополе. Летом 1914 года, в дни хороших новостей из Германии, его можно было увидеть сидящим на скамейке возле летнего здания посольства в Тарабии, читающим дипломатические депеши. Британский посол, сэр Луис Маллет, холостяк со страстью к итальянским садам, в августе пребывал в отпуске. Хотя и считался экспертом по «восточным вопросам», он оказался неумелым и пессимистичным человеком. Он не смог воспользоваться как оружием инвестициями Антанты в империю (гораздо большими, чем у Германии), также контролем Британии над Османским банком и долговыми учреждениями.

В конце августа Британия, Франция и Россия предложили гарантировать неприкосновенность и независимость империи в ответ на ее постоянный нейтралитет. Однако 6 сентября Маллет телеграфировал министру иностранных дел сэру Эдварду Грью, что «гарантировать неприкосновенность и независимость Турции все равно что гарантировать жизнь человеку, который намерен совершить самоубийство». Его бестактность частично происходила от антиосманизма в посольстве: его драгоман Эндрю Райан написал: «Если турки выдержат европейскую войну, не будучи вовлечены в нее сами, они смогут обеспечить нам огромные неприятности в будущем».

Демонстрируя, что нейтралитет увеличивает средства для достижения целей империи, в конце августа снова открылись греческие церкви и школы. 8 сентября правительство отменило режим капитуляций, дававший привилегии иностранцам. 9 и 10 сентября процессии с факелами и барабанным боем отметили этот триумф османов перед домами Талаата возле Айя-Софии и Джемалея в новом районе Нишанташ, у Блистательной Порты и дворца Долмабахче. Хусейн Кахид-бей, издатель младотурецкой газеты «Танин», заявил: «Мы не были хозяевами страны. Ими были иностранцы». Великий визирь дал банкет на 300 че-

ловек в отеле «Токатлян». Правительство объявило, что с 1 октября 1914 года иностранные почтовые отделения будут закрыты⁶⁰.

Война и мир висели на волоске. Пока Германия сражалась на Марне, генерал Лиман фон Сандерс расстраивался из-за бездействия на Босфоре. Находясь под османским, а не под немецким контролем, адмирал Сушон чувствовал себя как лев в клетке. Русский посол Гирс знал о борьбе между противниками и сторонниками войны внутри османского кабинета, так как ему удалось подкупить служащего османской почты и он мог читать зашифрованные телеграммы австрийского посла. 14 сентября коллегия под предводительством Саида Халима вынудили Энвера отменить инструкции Сушону, ввести свои корабли в Черное море и напасть на Россию.

Однако как показал штурм Блистательной Порты, Энвер продолжал контролировать столицу. Дорогу из Тарабии к Константинополю этим летом занимали не экипажи искателей удовольствий, а армейские повозки. В начале сентября в город начали прибывать поездом немецкие офицеры и инженеры, чтобы усилить форты Дарданелл и тщательно проверить состояние османского флота. Маллет телеграфировал 17 сентября: «Так как армия мобилизована и военный министр стал генералиссимусом, кабинет не в состоянии навязывать ему свою волю и должен до некоторой степени выжидать»⁶¹. Только неотразимое действие золота союзников или удачный политический ход могли теперь остановить Энвера.

17 сентября британская морская миссия уехала, и султан осмотрел крейсера «Явуз Султан Селим» и «Мидилли» в Бюйюкада. И все-таки сам он, как и большинство его подданных, хотел мира. Эндрю Райан, который встречался с султаном 21 сентября, записал: *«Пожилый джентльмен, обычно такой недалекий, удивил нас своей живостью и интеллектом. Он сказал нам, что собирается оставаться нейтральным, и что он не хочет войны, и не по его вине адмирал Лимпус уехал, не повидавшись с ним, и что он любит посла»*. А 16 октября британский посол телеграфировал: «Не могу отказаться от надежды, что если мы продолжим проявлять терпение и если успех [в войне] будет на нашей стороне, в чем я не сомневаюсь, мы можем справиться с задачей»⁶².

Однако в османской армии и на флоте служили столь много немцев, что сохранить нейтралитет было трудно. 23 сентября Су-

шон получил новые распоряжения по поводу османского флота. 26 сентября британский корабль остановил османский миноносец с немецкой командой — а такие были теперь на большинстве османских кораблей, — не дав ему покинуть Дарданеллы и выйти в Эгейское море. В ответ генерал Вебер-паша, немецкий комендант фортов Дарданелл, закрыл Дарданеллы для всего судоходства. Русские корабли с зерном вынуждены были разгружать его в Мраморном море и в конце концов возвратились домой.

12 октября, как и требовал Энвер, два миллиона турецких фунтов в немецком золоте прибыли специальным поездом из Берлина в качестве «легкого» займа — в действительности взятки. На следующий день Энвер составил план войны. 27 октября два новых османских военных корабля под командованием Сушона вошли в Черное море. 29 октября, примерно в 3:30 утра, без объявления войны, они обстреляли Одессу и Севастополь. Когда новость достигла «Серкл д'Ориент», Джемаль-паша сказал: «*Si ce cochon de Souchon a fait cela, que le diable l'emporte!*»* В действительности он поддерживал решение Энвера. 2 ноября Россия объявила войну империи, за ней вскоре последовали Британия и Франция. Четыре османских министра ушли в отставку, великого визиря, который грозился тоже сделать это, уговорили остаться⁶³.

Последние британцы и французы, остававшиеся в городе, приготовились покинуть его. Один немецкий знакомый сказал сэру Эдвину Пирсу, историку Византийской империи, сорок лет проработавшему в городе юристом: «*Сэр Эдвин, вы написали «Падение Греческой империи», думаю, вы доживете до того, чтобы написать о падении Турецкой империи... Мне нравятся турки, но они совершают самоубийство».*

Во многих предыдущих случаях, когда османское правительство объявляло войну России, Константинополь испытывал энтузиазм. Однако в 1914 году это была война Энвера, а не династии и не народа. Никаких радостных толп, собиравшихся перед дворцом, чтобы приветствовать начало войны, как происходило в Лондоне, Берлине и Санкт-Петербурге. По слухам, султан заявил: «Вести войну с Россией? Но ведь достаточно лишь одного ее корпуса, чтобы сокрушить нас!» Резко критикуя Энвера, он

* «Этот Сушон — законченная свинья, дьявол его побери!» (фр.)

позднее заявил американскому журналисту во дворце Долмабахче: «Мой народ уже не тот, каким был когда-то. Он прошел через слишком много войн. Он слишком обескровлен... Я не хотел этой войны. Аллах мне свидетель. Я уверен, что и мой народ не хотел ее». Во дворце Бейлербей Абдул-Хамид вздохнул: «Мы жертвуем собой ради двух кораблей»⁶⁴.

Тем не менее 9 ноября в мечети Фатих провозгласили Священную войну. Муфтий Константинополя издал призыв к мусульманам в России, Индии и Алжире подняться против своих хозяев-империалистов: «*О, мусульмане, истинные слуги Бога! Те, кто поднимется на Священную войну и вернется живыми, испытают огромное счастье; те, кто найдет в ней свою смерть, удостоятся чести мученичества*». Но не многие обратили внимание на призыв — хотя толпа, скандировавшая «Смерть России!», отметила вступление в войну разграблением отеля «Токатлян», хозяином которого был русский подданный.

Константинополь стал военной столицей. К началу декабря, по сравнению с нормальной довоенной активностью, мост и порт казались пустыми⁶⁵. Армейские патрули охотились за молодыми мужчинами, уклонявшимися от призыва. Цена хлеба за следующие четыре года увеличилась в тридцать восемь раз — гораздо быстрее, чем росли зарплаты. Возле хлебных магазинов образовывались очереди, люди кричали: «Нас не волнуют победы. Дайте нам хлеба!» Хлеба было мало, и он имел привкус соломы. Для подслащения чая использовали изюм, так как сахар отсутствовал. Поставка воды часто прерывалась, в городе закрылись две газовые компании. Трамваи ходили такими переполненными, что женщины сравнивали езду в них с ужасами окопов.

Из Константинополя Парвус начал организовывать украинскую и грузинскую революционную деятельность против России. В январе 1915 года «купец революции», как его называли, был завербован в Константинополе немецким послом фон Вангенхаймом, чтобы организовывать союз между Германской империей и русскими революционерами, — впоследствии этот союз приведет Ленина в Россию с помощью немцев в 1917 году⁶⁶.

Но основным вкладом города в военные усилия Центральных держав стало не объявление Священной войны, не вербовка Парвуса, а закрытие Босфора и Дарданелл для судоходства. Именно вызванный им кризис в российской экономике помог

спровоцировать революцию 1917 года. В свою очередь стремление снова открыть черноморский маршрут в Россию, а также заставить Османскую империю выйти из войны и добиться нейтралитета Греции, Болгарии и Румынии, вызвали решение британского Военного совета от 13 января 1915 года — подготовить морскую экспедицию, чтобы «после бомбардировки захватить Галлиполийский полуостров, имея в виду Константинополь как конечную цель».

Никогда город не был таким предметом соперничества, как в эти последние годы в качестве имперской столицы. И болгарский царь Фердинанд, и греческий король Константин XII (этой цифрой намекавший на то, что считает себя наследником последнего византийского императора Константина XI) надеялись войти в город победителем. В Санкт-Петербурге в ноябре 1914 года Николай II издал манифест, призывавший к «исполнению русской исторической миссии на берегах Босфора»; формально союзники обещали России город и Проливы в марте 1915 года.

В Лондоне Первый лорд Адмиралтейства Уинстон Черчилль (который посещал Константинополь в 1910 году и лично знал лидеров младотурок) поддержал план атаки на Дарданеллы такими словами: «Думаю, что Константинополь принадлежит Востоку! Он больше, чем Лондон, Париж и Берлин, свернутые в один на Западе». В возбуждении от войны он не принял в расчет собственные довоенные утверждения (с которыми до 1914 года был согласен и британский Генеральный штаб), что попытка захватить Дарданеллы только флотом «более невозможна».

Союзнический флот из восемнадцати линкоров и 200 более мелких судов, включая подводные лодки, сосредоточился возле греческого острова Лемнос, в сорока милях от Дарданелл. На бортах некоторых кораблей моряки написали такие лозунги, как «Турецкая услада» или «На Константинополь и гаремы»⁶⁷. Бомбардировка союзниками укреплений Дарданеллов с моря началась 19 февраля. Три британских линейных корабля погибли в Дарданеллах на плавучих минах, многие были повреждены. 25 апреля союзные войска высадились на берег полуострова Галлиполи. Произошедшая далее бойня известна хорошо и не требует пересказа. Всего со стороны союзников в операции приняли

участие 539 000 солдат, со стороны османов — 310 000. Цены на зерно в Чикаго упали в ожидании того, что российское зерно станет экспортироваться через Проливы снова.

Паника поползла по Константинополю, когда британская подводная лодка прорвалась через Дарданеллы и начала топить корабли у Босфора; к концу 1915 года подводные лодки Антанты добились того, чтобы движение по Мраморному морю в светлое время суток почти прекратилось. Временами османское правительство планировало перебраться в Бурсу или за нее.

Итоговой победе османов помогла местность, некомпетентность Антанты и умения османских командиров — Лимана фон Сандерса и Мустафы Кемалья. Однако, по мнению одного немецкого офицера, Ганса Канненгиссер-паши, главную роль сыграл психологический фактор: «твердая воля, упорная преданность и непоколебимая лояльность своему султану и халифу» в османских войсках. Последние войска Антанты эвакуировались в январе 1916 года⁶⁸.

Во время сражения в Галлиполи еще более крупный катаклизм потряс империю. Первоначально Комитет имел относительно неплохие отношения с армянами. Между 1909 и 1914 годами и Армянская национальная ассамблея и конгрессы партии «Гнчак» собирались в столице. Армянин Габриэль Норадоунгян, протезе Али-паши, некоторое время в 1912–1913 годах был министром иностранных дел — вскоре оставил этот пост и уехал в Париж. Однако с 1913 года проведение реформ вызвало рост напряжения в Восточной Анатолии. В 1914 году некоторые армяне в Анатолии выступили на стороне русских войск. В Ване произошел армянский мятеж. В самом Константинополе некоторые армяне публично торжествовали при первых победах русских. После этого комитет принял политическое решение о репрессиях против армян. В Анатолии в ходе депортаций, эпидемий и резни умерли от 600 до 800 тысяч армян — мужчин, женщин и детей; следует упомянуть, что в том же регионе во время войны погибли несколько тысяч турок и курдов. Из самого Константинополя были депортированы 2432 человека — элита армянской общины. Среди них были семь сенаторов, двенадцать депутатов, включая Крикора Зохраба, депутата от Константинополя, который дал приют Талаату во время контрреволюции апреля 1909 года. Мало кто из них уцелел⁶⁹.

«Особой организацией», которая осуществляла депортацию и резню, руководили из Константинополя. Ее работа по уничтожению была хорошо известна. 25 июня 1915 года немецкий посол, информированный немецкими представителями на Востоке, сообщил, что началась депортация армян из районов, которым не угрожало русское вторжение. «Этот факт, а также способ, которым проводилось перемещение, демонстрирует, что правительство действительно преследовало цель уничтожить армянскую нацию в Турции». 7 августа, согласно дневнику армянского журналиста Георга Шрейнера, Халиде Эдиб сказала ему за чаем в школе, которой она руководила в традиционном квартале Константинополя: «Все слишком плохо! Я хочу, чтобы правительство нашло какой-то выход из ситуации. Сейчас дурные дела происходят в Месопотамии. Я слышала, там была резня. Не могу в это поверить!»

Решение убивать армян стало не только следствием страха, возникшего в османском правительстве после первых поражений, — через год после арабского мятежа не началось гекатомбы арабов. Американский посол записал в своем дневнике, что Талаат, министр внутренних дел, сказал ему, будто правительство хочет сделать армян «бессильными», потому что они богаты, хотят независимого государства и поддерживаются врагами империи. Три раза посол предупреждал Талаата, что он совершает серьезную ошибку. Талаат ответил, что он никогда не испытывает сожалений. 30 сентября 1915 года временно исполняющий обязанности австрийского посла доложил: *«Кажется, что план уничтожить армянскую нацию в значительной степени удался. Талаат ликующе сообщил мне недавно, что в Эрзеруме, например, армян больше нет. Сегодня Турция одержима маниакальным стремлением осуществить очистительное истребление армянской нации»*⁷⁰.

Старый османский порядок рухнул. Последний Священный караван с паломниками в Мекку, ведомый отцом Энвера, отправился из Ускудара в 1915 году. На следующий год такое путешествие стало невозможным. После колебаний в четыре сотни лет шариф решил порвать с Османской империей. Несмотря на свои османские связи, шариф Хусейн в итоге отвернулся от правительства младотурок, соблазнившись на предложенное англичанами золото и признание; 10 июня 1916 года он поднял

арабский мятеж в Мекке. Но его официальное заявление показывало, насколько он остается османом. Оно объявляло комитет еретиками, которые позволили османским газетам проявлять неуважение к султану и не позволили ему назначить собственного первого секретаря.

Несмотря на мятеж эмира, большинство арабов, включая собственного брата, шарифа Насера, который жил в Константинополе, остались лояльным правительству. Арабские войска оборонялись на позициях в Галлиполи в 1915 году. Османское правительство быстро ответило на эту лояльность, объявив кузена Хусейна, шарифа Али Хайдара, эмиром Мекки вместо него.

Последнее торжество османского арабизма имело место перед большой толпой возле Блистательной Порты 18 июня 1916 года. Али Хайдар, в белом тюрбане шарифа и черной с золотом форме с османскими наградами, прибыл в государственном ландо султана в сопровождении арабской охраны и султанского оркестра. Министры, шарифы, османские принцы присутствовали при том, как зачитывался фирман о его назначении. Однако он не поехал дальше Медины и вернулся в Константинополь в 1918 году⁷¹.

Война вынудила правительство проводить политику туркизации и модернизации. Были приняты законы, предписывающие использование турецкого языка в бизнесе и в официальных документах. Немусульмане в конце концов были вынуждены выучить хотя бы несколько слов по-турецки. Карикатура в «Сервет-и Фюнун» изображала турка, спрашивавшего европейца, почему он такой печальный:

— Потому что, чтобы продвинуться немножко в Турции, я должен теперь понимать турецкий язык.

— Прекрасно! До сих пор я, турок, должен был вести себя как европеец, чтобы преуспеть в моей собственной стране.

Перемена произошла очень быстро. В 1916 году шейх-уль-ислам был выведен из состава кабинета, а суды шариата и медресе переведены из его юрисдикции в министерство юстиции. Семейное законодательство 1917 года признавало право женщин

подавать на развод. Мусульманские женщины трудились в правительственных рабочих батальонах и в некоторых случаях в магазинах. Инспектор Константинополя и глава гильдии гамалов по имени Кара Кемаль («Черный Кемаль»), сначала руководил продуктовым снабжением столицы, а затем стал управлять всей экономической жизнью Константинополя. Он запустил процесс национализации экономики, создав в 1916–1917 годах «Мусульманскую торговую ассоциацию», а также национальные ассоциации пекарей и портных⁷².

Союз военного времени превратил Константинополь в магнит для немцев. Немецкая военно-морская база была создана в Истинье на левом берегу Босфора. Матросы, которые оставались в *Стениатале*, держали свиней, чтобы иметь возможность есть жареную свинину по воскресеньям на обед. Рабочие Круппа служили на военных заводах; среди немецких офицеров, размещенных в Константинополе, находились фон Папен и Риббентроп. Начальником штаба Энвера в военном министерстве был талантливый генерал Ганс фон Сект, будущий реорганизатор немецкой армии после 1919 года. Абдул-Меджид, принц и художник, писал картины с дам гарема, читающих Гёте, и с членов императорской семьи, играющих Бетховена, — одновременная дань модернизации и военному союзу с Германией. К концу войны в Константинополе и вокруг него размещались примерно 9000 немецких и 1000 австрийских солдат. Некоторые немецкие офицеры говорили, что империя становится «Германским Египтом». Один немец сказал, что любит сидеть на балконе отеля «Токатлян», так как отсюда удобно плевать на турок на улице. Однажды, наблюдая закат солнца в Золотом Роге из Гартенбара на *Petit Champs**, Мертен-паша, командующий фортами Дарданелл, сказал: «Это времена, когда я предпочел бы быть нищим в Константинополе чему угодно иному»⁷³.

Союз с Германией разрушил империю. Так же, как Константинополь стал более турецким, так и неудачи Центральных держав сказались на Османской империи: Багдад пал перед силами Антанты 11 марта 1917 года, Иерусалим — 9 декабря 1917 года, Дамаск — 1 октября 1918 года. Тогда же войска союзников прорвали Салоникский фронт, их самолеты начали бомбить Кон-

* Малых Елисейских Полях (фр.).

тантинополь. Внезапно правительство младотурок поняло, что проиграло войну.

Флот Антанты на Средиземном море и войска стали теперь хозяевами ситуации. Константинополь все еще мог возбуждать конфликты в Европе, хотя не в такой степени, как в 1878 году. По указанию Адмиралтейства британские адмиралы в Эгейском море отстранили французских коллег от переговоров о прекращении огня, несмотря на совместное морское командование Англии и Франции на Средиземном море. На встрече в Париже Клемансо и Ллойд Джордж устроили одну из самых страшных ссор за войну. 25 октября 1918 года Клемансо написал Ллойд Джорджу одно из многих протестующих писем, ссылаясь на одержанные французами победы на Салоникском фронте и французские вложения в империю, финансовые и культурные: «В Константинополе Франция имела самую большую сумму процентов»⁷⁴.

Британское правительство не сдавалось. 30 октября на английском «Агамемноне», стоявшем на якоре напротив города Мудрос на острове Лемнос, османский морской министр Рауф-бей подписал соглашение о прекращении огня с командующим британским Средиземноморским флотом адмиралом сэром Сомерсетом А. Гоф-Кальторпом; при этом не присутствовал ни один француз. Прекращение огня предписывало проведение демобилизации и давало союзникам право оккупировать «любые стратегические пункты в случае возникновения ситуации, которая угрожает безопасности союзников». Кальторп заверил Рауф-бея, что союзники займут в Константинополе и вокруг него доки и форты Босфора, но не сам город. Когда Рауф-бей попросил письменных гарантий, Кальторп ответил ему, что у него нет времени связываться с Лондоном. Рауф-бей поверил адмиралу. На пресс-конференции по возвращении в город он заявил, что «ни один вражеский солдат не высадится в нашем любимом Стамбуле», 1 ноября Энвер, Талаат и Джемаль бежали на последней немецкой подводной лодке из Босфора.

А в Лондоне бывший вице-губернатор Индии лорд Керзон (который, как Черчилль и другие видные империалисты, такие, как Екатерина II или граф Игнатъев, имел тягу к Константинополю) уговорил Военный кабинет, что, так как не существует особых обязательств, оккупация Константинополя желаемая «с точки зрения менталитета Востока». Условия прекращения огня были

отодвинуты в сторону так же бесцеремонно, как и участие французов в переговорах. Город стал жертвой своего великолепия и географического положения. Он так долго считался символом имперского и исламского величия, что и британский кабинет, и Керзон, в частности, верили, будто его оккупация поднимет престиж Британии на Ближнем Востоке и в Индии. Географическое положение делало его оккупацию желаемой и, в отличие от занятия других вражеских столиц — Берлина, Вены или Софии, выполнимой.

Война, начавшаяся для Константинополя 27 октября 1914 года с отправки двух немецких кораблей из Босфора для обстрела берегов России, закончилась для него 13 ноября 1918 года длинной линией союзнических (преимущественно британских, но также французских, итальянских и греческих) военных кораблей, вошедших в Босфор. В течение предыдущих ста пятидесяти лет для многих сил Константинополь был предметом вожделения⁷⁵. На вершине своего мирового могущества, обретшая уверенность благодаря новой победе, этот приз завоевала Британия — чьи силы распространились по всей османской территории.

СМЕРТЬ СТОЛИЦЫ

Стамбул расположен на стыке двух великих миров, это украшение Турции, сокровище турецкой истории, самый дорогой предмет турецкой нации, лежащий в сердце каждого турка. Страдания этого города от несчастливых событий кровоточат в сердцах всех турок.

Мустафа Кемаль,
1 июля 1927 года

Последние годы Константинополя в качестве столицы стали самыми интернациональными в его истории. 13 и 14 ноября 1918 года 3626 британских, французских и итальянских солдат высадились с союзнических кораблей. Османское правительство протестовало против нарушения соглашения о прекращении огня. Британский представитель спокойно ответил, что Константинополь выбран для расположения британского штаба. Османские чиновники были слишком ошеломлены, чтобы что-то ответить.

Командующим союзническими войсками был генерал сэр Генри Мейтленд Уилсон*, 2616 из солдат были британцами. В последующие недели, пока немецкие и австрийские войска репатриировались в соответствующие страны, Константинополь заполнили различные британские контролирующие представители. Штаб корпуса союзников в городе расположился в английской школе для девочек на Гран-рю-де-Пера, 181; штаб отдельной Союзнической армии на Черном море, который также руководил военными силами на Юге России и на Кавказе, расположился в османской военной школе в Харбийе.

* Имеется в виду генерал Генри Фуллер Мейтленд Уилсон (1859–1941), ранее командовавший XII корпусом на Салоникском фронте. Не путать с генералом (позднее фельдмаршалом) Генри Мейтлендом Уилсоном, 1-м бароном Уилсоном (1881–1964), в 1939–1940 годах командовавшим Ливийской армией, а в 1941-м — Британским экспедиционным корпусом в Греции. (Прим. ред.)

С 11 января 1919 года Международная полицейская комиссия с британским президентом занялась «осуществлением контроля» над городской полицией. Союзники также создали отдельные внутрисоюзнические полицейские силы (на треть британские, на треть французские и на треть итальянские) и свою собственную систему военных трибуналов, а также поставили собственную охрану у городских тюрем, госпиталей, банков и посольств. Оккупация союзниками принесла на улицы города костюмы, неизвестные даже Константинополю: униформы французских солдат из Сенегала и Индокитая или британских солдат из Индии, а также войск еще одного союзника-победителя — Японии¹.

8 февраля 1919 года произошло еще одно театральное событие, одновременно ставшее выпадом французского правительства против британского доминирования. Маршал Франше д'Эспрэ, прибывший из Салоник, высадился на причале Галаты, чтобы принять командование другой силой Антанты — Союзнической армией Востока. Как мстительное эхо входа Фатиха в город в 1453 году, христианский завоеватель проскакал на белой лошади, подаренной греками, к французскому посольству. Вдоль украшенной флагами союзников Гран-рю-де-Пера выстроились войска и приветствовавшие его греки и армяне. После визита в Фанар, где его встретил звук вновь подвешенных колоколов, Франше д'Эспрэ проследовал в свою новую резиденцию — ялы Энвер-паши в Куру Чесме².

В течение следующих четырех лет союзнические представители, именовавшиеся верховными комиссарами, оставались более могущественными, чем сам султан, — кульминация власти послов, постоянно возраставшей с XVII века. Оккупация союзниками в основном оставалась самой морской, как и самой интернациональной за весь период истории Константинополя. Босфор был черным от линейных кораблей. Главкомандующий Средиземноморской военно-морской базой адмирал и почтенный сэр Сомерсет Гоф-Кальторп, который обитал на линкоре «Айрон Дьюк», стоявшем у Принцевых островов, являлся также британским верховным комиссаром. Францию, Италию и Грецию сначала также представляли адмиралы. Тофане стал британской морской базой; фирма Виккерс-Армстронг (где старшим директором стал константинопольский грек, загадочный сэр

Базиль Захарофф) восстановила контроль над имперскими доками и арсеналом.

Подобно Берлину и Вене после 1945 года, город был разделен на зоны. Во французскую вошла красивая часть Константинополя южнее Золотого Рога, в британскую — Галата и Пера, в итальянскую — Ускюдар, а маленькому греческому контингенту отвели Фанар. Некоторые улицы патрулировались группами из четырех полисменов: один турок, один британец, один француз и один итальянец. В своей зоне, которую они называли «Константа», британцы имели самый большой и, по свидетельствам выживших, самый отвратительно ведущий себя контингент. Британские солдаты пьяными носились по улицам Пера. Британские офицеры жили в «Пера Палас-отеле» или «Гранд-Отель де Лондре», или же расселялись по ордерам на постой в до сих пор неприкосновенных убежищах мусульманских домов: одна оскорбленная хозяйка убила своего нежеланного гостя и бежала за Босфор. Британская военная разведка, которая имела много агентов в городе, работала из «Хагопиан Хан» в Галате. Весь день люди заскакивали туда, чтобы посплетничать с британским офицером разведки Дж. Г. Беннеттом: ночью же его посещали «особо секретные агенты»³.

Спорт играл в жизни британских войск столь же большую роль, как выпивка. Солдаты и матросы играли в регби в Сладких Водах Европы и в крикет в Бейкозе. Через двадцать лет после того, как он покинул «Констант», Невиль Хендерсон служил в штате верховного комиссара, вспоминал: «Одни из самых успешных усилий нашего комиссариата воплотились в создании крикетной команды, хотя это и означало участие почти каждого пригодного мужчины». Для некоторых британских офицеров удовольствия Константинополя не могли сравниться с охотой на лис и шакалов во Фракии. «Билли» Фокс-Питт, 26-летний капитан Уэльской гвардии, называл Константинополь «этот ужасный город», «самый грязный и самый неопрятный... в котором я когда-либо бывал». Вскоре после прибытия он стал доезжачим в одной из двух британских групп охотников. Он писал отцу: «Думаю, это место станет немного скучным, когда пройдет новизна. Охота — хороший способ отвлечься, но мало что останется делать, когда испортится погода»⁴.

Империализм, месть и антикоммунизм были принципиальными мотивами для оккупации. Союзники хотели контролиро-

вать капиталы Османской империи, чтобы быстро провести ее разоружение и разделение. До мая 1919 года, согласно договору о прекращении огня, оружие прибывало из провинций, чтобы союзные власти собирали его на своих складах в столице и в районе Проливов. Союзники намеревались доказать, что Галлиполи стоит жизней, потерянных в 1915 году, а также наказать Османскую империю за присоединение к Центральным державам. И Керзон, и Ллойд Джордж заявляли — без всяких оснований — что вступление Османской империи в войну продлило ее на два года. Британия и Франция также хотели получить «ворота на Восток», узел поставок белогвардейским войскам на Юге России и Кавказе, которым они помогали бороться против большевиков⁵.

В 1919 году, опьяненные победой, союзники собирались навязать Центральным державам оскорбительный мир и переделать Европу по националистическому образцу. Поражение Османской империи оказалось настолько тотальным, что некоторые государственные деятели Антанты надеялись наложить на Османскую империю еще худшие условия мира, чем на Германию, включая потерю ею Константинополя. Британский премьер-министр Ллойд Джордж восхищался национализмом Мадзини, был страстным поклонником греков и близким другом сэра Базиля Захароффа. В 1918 году он пообещал, что Константинополь останется османским; в 1919 он заявил: *«Стамбул в руках турок являлся не только постелью для восточного порока всех видов, но он был источником, из которого яд коррупции и интриги распространились далеко и широко в самой Европе... Константинополь не был турецким, и большинство населения не было турками»*. В хаосе, который последовал после войны, было трудно собрать статистику — однако, согласно оценке британских офицеров на месте, население города в 1920 году состояло из 560 000 мусульман, 206 000 греков и 83 000 армян. Из примерно 150 000 иностранцев большое число были греками — скорее эллинского, чем османского происхождения. Тем не менее Константинополь имел мусульманское и говорящее по-турецки большинство.

Делегация Соединенных Штатов на мирной конференции в Париже согласилась с Ллойд Джорджем: *«Константинополь и узкие проливы, на которых он стоит, доставили миру больше неприятностей, стоили человечеству больше крови и страданий за последние пятьсот лет, чем любое другое место на земле»*.

Лорд Керзон, человек, стоявший за оккупационной политикой Антанты, пошел еще дальше в документе, поступившем в британский кабинет министров 7 января 1919 года. Забыв как традиционное признание министерством иностранных дел вклада Османской империи в европейский баланс сил, так и недавнее поведение балканских государств, таких, как Сербия в 1914 году, Керзон заявил: *«Почти пять веков присутствие Турции в Европе было источником смятения, интриг и коррупции в европейской политике, насилия и дурного управления подвластными национальностями, возбудителем заносчивости и непомерных амбиций в мусульманском мире»*. Он гневно осудил «развращенное закулисье Константинополя» — хотя среди самых энергичных развратников были именно те купцы и криминальные элементы, что оказались под британской защитой: «Теперь впервые за многие века представилась возможность навсегда избавиться от этого зачумленного места».

Город стал слишком «огромным и слишком дорогостоящим» для Британии, чтобы управлять им в одиночестве. Он был неудобен также для того, чтобы стать столицей Лиги Наций. Требуя, чтобы только 40 процентов населения оставалось турецким, Керзон отстаивал передачу Константинополя и Проливов под управление международной комиссии. Городу следовало стать «космополитическим или интернациональным центром Восточного мира». Султану следовало уйти в отставку и уехать в Бурсу или Конью.

Идея Константинополя как города-государства впервые выдвигалась еще в 1820-х годах. Однако век городов-государств уже был в прошлом — даже Шанхай после 1927 года вернется под жесткий правительственный контроль. Кроме всего прочего, в 1919 году более чем когда-либо турки, греки и армяне хотели жить в собственных государствах, а не в разделенном городе.

Сосредоточенность Керзона на «этом чумном месте» привела его к воинствующему христианству — которое он отвергал, управляя Индией. Когда-то эссе об императоре Юстиниане завоевало ему приз в Оксфорде, а сорок лет спустя он написал: *«Великий византийский храм, юстинианова Святая София, которая 900 лет была христианской церковью и немного более половины этого периода — магометанской мечетью, естественно, вернется к своему первоначальному предназначению»*⁶.

Последние свои годы как османской столицы город оказался в роли театра военных действий. Керзон не был одинок во мнении, что «естественно» превратить Айя-Софию обратно в церковь. «Освободительное волнение» распространилось из Греции в Британию, где образовался «Комитет по освобождению Святой Софии». Католическая церковь тоже поддержала претензии на Айя-Софию. Один итальянский депутат заявил, что, поскольку город был основан римским императором и содержит генуэзские здания, он должен быть итальянским. Османское правительство разместило в мечети солдат с пулеметами, чтобы предотвратить христианское *coup de main**⁷.

Но более чем личное убеждение Керзона, именно роль Константинополя как столицы ислама стала причиной его желания снова обратить его главную мечеть в церковь и выдворить из города султана-халифа. Своим коллегам по кабинету министров Керзон заявил, что «индийские магометане никогда не связывают какую-либо особую святыню или место почитания с Константинополем». В реальности индийцы делали это с XVIII века: именно проосманское движение «Хилафат»**, одной из целей которого было помочь Турции сохранить Константинополь мусульманским, собиралось освободить саму Индию. Сам Керзон конфиденциально писал государственному секретарю по Индии, что панисламизм — это «единственная реальная и скрытая опасность нашему правлению в Индии от магометанского населения»⁸. Он верил, что британский престиж в Индии усилится при ослаблении мусульманского присутствия в Константинополе.

Но наряду с эмоциональным империализмом британской политикой руководила также и *Realpolitik*. В 1919 году многие люди (хотя не сам Керзон) верили, что Греция — именно та сила в Восточном Средиземноморье, которая наиболее надежно защитит британский путь в Индию. Она «достаточно сильна, чтобы сохранить нам расходы в мирное время, и достаточно слаба, чтобы оставаться полностью подчиненной в военное», — писал один из

* Неожиданное нападение (*фр.*).

** Или «Движение в поддержку Халифата». На урду «хилафат» означает как «халифат», «наместничество [Бога]», так и «сопротивление». На практике движение было не столько проосманским, сколько антибританским и первоначально действовало в союзе с Индийским Национальным Конгрессом. (*Прим. ред.*)

чиновников Керзона, Гарольд Николсон (чья нелюбовь к османам, приобретенная *en poste* в Константинополе в 1912–1913 годах, выразилась в его романе «Сладкие Воды», опубликованном в 1923 году).

Греки верили, что в результате победы союзников Великая Идея может стать реальностью. Греческий премьер-министр Элефтериос Венизелос обещал создание Греции «на двух континентах, омываемую пятью морями» (Черное, Мраморное, Эгейское, Средиземное и Ионическое). Он сказал королю Александру, который наследовал своему отцу королю Константину после насильственного смещения последнего из-за подозрений в пронемецких симпатиях: «Мы возьмем Город».

С момента поражения османов некоторые константинопольские греки сбросили маску османизма и вели себя как завоеватели. В своем романе «Леонис, грек из Константинополя» Георг Теотокас, уроженец города, вспоминает оккупацию как бесконечный праздник. Бело-голубой греческий флаг развевался на патриархате и на частных греческих домах. Колоссальный портрет Венизелоса был развернут в Таксима⁹.

В октябре 1918 года был избран новый патриарх — агрессивный сторонник греческого «ирредентизма». 16 марта 1919 года официальная декларация Патриаршего совета покончила со всеми взаимодействиями или связями с османским правительством. Грекам предложили не голосовать на османских выборах и не учить турецкий язык в своих школах, а также отказаться от своих постов в османской администрации. Следующие три года с одобрения союзников греческий и армянский патриархаты выдавали своим «подданным» собственные паспорта вместо османских.

Петиции и телеграммы текли из Константинополя в Лондон и Париж, объявляя о сильном желании греков изгнать султана и установить «свободы национального режима». Ничто, утверждали они, не может навести мост над пропастью, которая разделила греков и турок в результате преследований в течение веков¹⁰. Компромиссы прежних веков были забыты. Действующий патриарх, который послал на мирную конференцию собственную делегацию, обвинил османов в «невыносимом ярме в течение 466 лет», в течение которых были убиты семь патриархов (в реальности — только три). «До тех пор, пока Константинополь будет оставаться не греческим, Восточный вопрос не будет полностью

разрешен». В меморандуме мирной конференции «Силлогос» заявил, что «менее важная роль» турок в Константинополе обуславливается и численно, и интеллектуально, так как многие здешние турки являются чиновниками и солдатами, которые сами покинут город, когда эллинизм реинтегрируется в его «неотъемлемые права»¹¹.

Отказ от традиций Османской империи был хорошо виден на улицах столицы. Многие местные христиане отказались от фесок и купили шляпы: некоторые даже срывали фески с голов прохожих. Великий турецкий сатирик, писатель Азиз Несин вспоминает, как грек, хозяин магазина на одном из Принцевых островов, бросил свою феску на землю и прыгал на ней, чтобы затоптать ее в грязь, крича: «*Zito Venizelos! Zito Venizelos!*» «Кто бы представил себе такое, ведь он был таким приятным человеком», — сказала мать Несина. Однако некоторые греки, вроде матери Несина, помнили османский компромисс. Они не выбросили свои фески, а завернули их в папиросную бумагу и уложили в дальний ящик — на случай нужды в будущем¹².

В то время как греки торжествовали, турки чувствовали себя чужаками в собственном городе. Халиде Эдиб писала: «*Мы больше не нация строителей империи, которая не сознавала комплекса собственного превосходства, существовавшего совсем недавно... мы стали теперь одним из народов, который страдает от комплекса превосходства других строителей империи*».

В борьбе за Константинополь его османские памятники стали одним из аргументов за оставление города в руках османов — тем самым давая мотив для их строительства: желание продемонстрировать османскую идентичность города. Префект города протестовал в Палате общин против предложения Керзона сделать Константинополь свободным городом, так как «за века он наполнился историческими памятниками и зданиями, а также гробницами предков»¹³.

Ни один аргумент не вызвал большей ярости в среде греков. Действующий патриарх заявил Ллойд Джорджу, что памятники города доказывают, что он является великим греческим городом даже после веков «тиранического вандализма». Он не стал «священным городом ислама» — пилигримы-мусульмане двигались не в Константинополь, а из него. Слепленные национализмом греки не могли больше видеть очертаний куполов и минаретов

на фоне неба, мусульманских пилигримов в Эйюпе, дворцов, выстроившихся вдоль Босфора. Они видели только вступление через Золотые Ворота победоносной греческой армии, Айя-Софию, избавленную от минаретов, священника, появляющегося, чтобы возобновить мессу, прерванную в 1453 году. Одна петиция на Даунинг-стрит, 10, описывала возвращение Святой Софии, Кариيه Ками и Святой Ирины христианству как «первичный акт справедливости». В другой петиции, запечатанной печатями 99 греческих и 7 армянских городских приходов, их представители написали:

«Что касается гробниц их султанов, османов следует заверить, что мы с тщательностью будем уважать их, когда высокий суд великих цивилизованных наций, вдобавок к нашему непреодолимому желанию вновь восстановит нас в наших правах на эту землю, которая содержит оскверненные гробницы наших императоров и которая несет в себе останки тех из наших патриархов, которые не были утоплены или повешены»¹⁴.

Финансовый контекст сопровождал политическую и религиозную войну. Греческие банки подняли цену драхмы относительно османской лиры, чтобы помочь грекам покупать собственность в Константинополе. С мая 1919 года османское правительство тоже действовало путем установления высоких цен на продаваемую собственность. На парижской фондовой бирже биржевые маклеры-греки пытались понизить османские фонды, а евреи — поддержать их¹⁵. Судьба города колебалась на весах.

Между 1918 и 1924 годами Константинополь стал местом двух исторических драм: игры наций между Османской империей, греками и Западом — и борьбы Османской династии за власть среди ее османских подданных. Ее начал новый султан Мехмед VI Вахидеддин, который унаследовал трон после смерти своего старшего брата Решада 3 июля 1918 года. После его инаугурации в Эйюпе он начал возвращать себе власть от младотурок. Военное поражение в 1918 году привело к свержению династий Габсбургов и Гогенцоллернов, которых винили за вступление в войну в 1914 году. Однако в поражении Османской империи обвиняли младотурок, а не османскую династию. «Больной человек Европы» пережил Российскую, Германскую и Австрийскую империи. 22 декабря 1918 года Мехмед VI распустил парламент.

Уроливый, худой, с покатыми плечами, Мехмед VI был хорошим наездником в молодости, но к 1918 году стал беспокойным стариком с плохим здоровьем. Будущий фельдмаршал Александер, служивший в Константинополе в составе Ирландской гвардии, называл султана «ужасно больным, очень старым, очень невыразительным и жалким человеком». В 1920 году адмирал де Робек, который командовал британским морским штурмом Дарданелл, сменил Кальторпа на должности верховного комиссара в Константинополе. Он написал лорду Керзону с «Айрон Дьюк»: «Султан, хоть и хорошо одетый и обычно хорошо ухоженный, иногда производит впечатление высохшего человека». В начале аудиенции он «выдавливал свои слова неуверенно, что ощущалось почти болезненно», и проявлял «необычайную нервозность».

Османский трон терял свое внешнее величие. Султан жил в Йылдызе, теперь представляя собой тень своего бывшего положения за спиной старшего брата Абдул-Хамида. Приемы на праздник Байрам в Долмабахче когда-то были важным событием, длящимся несколько часов. В 1919 году на приеме, как записал сенатор Александр Маврогени (грек, который не повиновался предписанию патриарха порвать связи с Османской империей), «скорбь явно проступала на лицах людей, начиная с султана, замкнутых и осунувшихся. К тому же присутствовало гораздо меньше людей, чем обычно»¹⁶.

Султан, чей дворец находился в прямой досягаемости пушек с военных кораблей, стоявших на якоре в Босфоре, проводил политику взаимодействия с союзниками в надежде умиротворить их гнев и добиться их отказа от поддержки греков. 4 марта 1919 года он назначил великим визирем Дамада Фериды, мужа своей сестры Медихи. Богатый и культурный либерал, враг младотурок, Дамад Ферид, как он сам говорил, доверился Богу и Великобритании. Его английские друзья описывали его как османский эквивалент английского джентльмена. 20 марта 1919 года, стараясь сохранить для империи арабские провинции и Анатолию, он попросил британского мандата¹⁷.

Дворец и Порты положились на добрую волю Антанты. Однако в кафе и на аллеях города младотурки замышляли сопротивление — как планировал Энвер в последние дни перед отъездом в Берлин. Их лидером в Константинополе стал Кара Кемаль,

бывший министр снабжения. Его подпольная организация по сопротивлению, основанная на системе ячеек и набираемая в основном среди бывших членов комитета «Единение и Прогресс», называлась «Каракол». Ее штабом стал чайный дом возле базара, напротив мечети Махмуда-паши. «Каракол» начал перебрасывать офицеров и оружие из контролируемого Антантой Константинополя в Анатолию — последний регион, где находились нераспушенные османские армии¹⁸.

Одним из офицеров «Каракола», надеявшимся, что его пошлют на восток, оказался герой Галлиполи Мустафа Кемаль-паша. 13 ноября, когда корабли союзников вошли в Босфор, он прибыл поездом на станцию Хайдар-паша, прямо с сирийского фронта и отправился в комнату на первом этаже «Пера Палас-отеля». Мустафа Кемаль, родившийся в Салониках в 1881 году, хорошо знал Константинополь. С 1899 по 1905 год он посещал здесь военный штабной колледж. Незадолго до сдачи Салоник грекам в 1912 году он перевез мать и сестру в дом в Бешикташе. В городе у него было много друзей, среди них Сельма и Салих Фанса, арабы из Алеппо, у которых он останавливался, когда стоимость номера в «Пера Паласе» стала слишком высокой. Он был также любимым адъютантом султана.

Подобно большинству турок, Мустафа Кемаль находил оккупацию унижительной. Говорят, что когда британские офицеры пригласили его выпить в «Пера Паласе», он ответил: «Мы тут хозяева, а они — гости. Это им полагается прийти за мой стол». Дом его матери в Бешикташе обыскал британский патруль. Вскоре Кемаль покинул дом Фансасов, переехав в современный, четырехэтажный, с террасами, дом в Шишли¹⁹.

Кемаль имел четыре встречи с султаном в Йылдызе после селямлика в ноябре и декабре 1918 года. До марта он надеялся стать военным министром и сопротивлялся фанатикам, понуждающим его уехать в Анатолию. Но в конце концов аргументы «Каракола» и понимание, что у него нет надежды на место в кабинете, заставили его уехать. 30 апреля 1919 года он получил назначение на должность главного инспектора войск в Северной Анатолии с широкими полномочиями для умиротворения региона и обеспечения соблюдения прекращения военных действий.

В его решении уехать частично могла сыграть свою роль династическая биология. Энвер-паша, ненавистный соперник Кемалья,

женился на одной из принцесс; говорили, что сам Кемаль через семью Фансасов просил руки очаровательной дочери султана — Сабихи-султан. Ему отказали по нескольким причинам. Сабиха-султан и ее энергичный кузен, Омар Фарук-эфенди, сын Абдул-Меджида-эфенди, любили друг друга; Мустафа Кемаль имел тревожную медицинскую историю и был известен как человек, сверх меры амбициозный — при том что другой амбициозный имперский зять, Энвер-паша, не принес императорской семье добра. Однако некоторые считают, что предложение брака как раз исходило из дворца — а Кемаль, напротив, его отверг²⁰.

Кемаль провел свои последние дни в Константинополе, встречаясь с чиновниками в «Серкл д'Ориент» и получая инструкции от Дамада Фериды в его доме в Нишанташе. 15 мая Кемаль нанес прощальный визит султану в Йылдызе. Тогда султан произнес двусмысленные слова: «Мой паша, мой паша, ты мог бы спасти нацию». 16 мая, после прощального обеда с матерью и сестрой в Шишли, он со своим штабом из восемнадцати человек отправился в Самсун на Черном море с причала в Галате. Все выглядело так, будто слуга султана отправляется проводить в жизнь приказы султана в провинциях. В действительности, подобно Исмаилу Кемалю в 1912 году, а также многим арабам в 1919 году, он покидал Константинополь, чтобы обрести новую страну²¹.

15 мая 1919 года, при подстрекательстве Британии и Франции и переправленные их флотом, греческие войска оккупировали Измир — город, большинство населения которого составляли греки, но находящийся в провинции с мусульманским большинством. Греки вывесили на улицах Константинополя сине-белые греческие флаги и танцевали от радости. Мусульмане в знак траура закрыли свои магазины. Оккупация Измира стала ударом, который подтолкнул турецкий национализм к активности. Великая феминистка и писательница Халиде Эдиб вспоминала: «Внезапно я перестала существовать как личность: я работала, писала и жила как элемент этого прекрасного национального сумасшествия». «Каракол» организовал в Константинополе и Кадыкёе (но не в христианском Пера) серию митингов протеста. С одного митинга были отправлены делегаты в Йылдыз, чтобы попросить султана встать на сторону народа. Делегатам ответили,

что султан слишком болен, чтобы встретиться с ними. Начинался разрыв между османской династией и турецким национализмом.

Кульминацией кампании протеста стал митинг 16 июня на Ат-Мейдане, перед громадной мечетью Султан-Ахмед. По оценкам очевидцев, присутствовали около 200 000 человек. Над головами летали самолеты союзников. Муэдзины пели с минаретов. Ощущая себя реинкарнацией турецкой нации, Халиде Эдиб говорила, обращаясь к морю черных флагов, красных фесок, белых тюрбанов и сверкающих глаз, «выстреливающих свое послание и свое желание». Ее речь о сохранении Константинополя и его памятников находила отклик в турецких сердцах. Константинополь представлялся не воплощением космополитизма, а твердыней ислама и турецкой нации:

«Собратья, сыновья и соотечественники! С вершин минаретов, близких к небесам, семьсот лет славы наблюдают за этой новой трагедией османской истории. Я взываю к душам наших великих предков, которые так часто проходили в процессии именно через эту площадь. Я поднимаю голову перед гневом их непобедимых сердец и говорю: «Я несчастная дочь Ислама и равно несчастная мать равно героического и несчастливого поколения моих дней. Я кланяюсь духу наших предков и заявляю во имя новой турецкой нации, присутствующей здесь, что разоруженная турецкая нация сегодняшнего дня все еще обладает вашими непобедимыми сердцами; мы верим в Аллаха и в наши права»... Теперь же поклянемся и повторяйте за мной: «Великое чувство, которое мы лелеем в наших сердцах, будет жить до провозглашения прав нашего народа!»²²

Пока Константинополь говорил, Анатолия действовала. Кемаль быстро установил контроль над территорией, войсками, гражданской администрацией — и, что оказалось решающим, телеграфом. Султан сместил его 8 июля, но Кемаль продолжил свои действия, используя приемы, характерные для демократии. В сентябре он созвал в Сивасе ассамблею, создавшую первый вариант «Национального Пакта». Этот документ еще являлся отзвуком того, что Канненгиссер-паша назвал «непоколебимой лояльностью Султану и Халифу» турок. Он клялся восстановить неприкосновенность и независимость территории с говорящим

по-турецки большинством и называл Константинополь «местом Исламского Халифата, столицей султаната и центром османской власти». Французский источник докладывал, что вся армия поддерживала Кемалья и династию. С лета 1919 года оружие и другое снаряжение начали вывозиться из Константинополя, так как сторонники националистов грабили склады Антанты, чтобы снабдить силы Кемалья. По оценкам, треть вооружения поступила Кемалю из столицы²³.

К концу 1919 года улицы Константинополя отражали успех националистов в Анатолии. Период шляп закончился. Христиане снова надели фески. Султан ненавидел младотурок, с которыми широко, но ошибочно, идентифицировали националистов Кемалья. Его отталкивали конгрессы и разговоры о верховной власти народа, которыми Кемаль укреплял свое движение. Однако султан избрал скорее сдерживание и обуздание националистического движения, нежели открытое противостояние ему. Хотя султан уволил Кемалья из армии, Кемаль продолжал подтверждать свою лояльность власти в столице. 1 октября Дамада Фериды сменил на посту великого визиря более националистически настроенный Али Риза-паша.

Часть окружения Кемалья оставалось лояльной султану, в то время как часть правительства султана — в особенности чиновники военного министерства — оказывали, согласно отчету британской разведки от 9 января 1920 года, «всяческую помощь национальным силам». По настоянию советников Кемалья последнюю сессию османского парламента провели не в Анкаре, как хотел Кемаль, а в Константинополе, во дворце Мунире-Султан возле Долмабахче. Как и ожидалось, султан оказался слишком «болен», чтобы открыть ее лично. 17 февраля 1920 года парламент принял Национальный пакт²⁴.

В этом месяце Верховный совет Антанты на встрече в Париже решил, несмотря на возражения Керзона и Ллойд Джорджа, что Константинополь не станет международным или греческим. Религия, османская династия и география сохранили его турецким. В 1919–1924 годах Индию охватило движение «Хилафат», — взрыв враждебности к Британии и лояльности к Османскому халифату, которая уже всплывала в 1877–1878 и 1912–1913 годах. Беспокорство индийских мусульман за будущее Константинополя разделялось Ганди и некоторыми индуистскими деятелями.

Всеиндийская конференция «Хилафат» организовала массовые митинги в Дели, Бомбее и Карачи и послала делегацию в Константинополь. В мусульманской провинции Керала вспыхнул прохилафатский мятеж²⁵.

По контрасту с агрессивным империализмом Керзона, и вице-король Индии в Дели, и государственный секретарь по делам Индии в Лондоне, повторяя слова лорда Литтона 1877 года, предупреждали о «последнем фатальном ударе» по индийской лояльности, если турок изгонят из Константинополя. Более того, британский Генеральный штаб считал, что султан в Константинополе будет более послушным «под нашими пушками», чем в удаленной от моря столице²⁶. В этой эре плебисцитов обещание президентом Вильсоном «мира, безопасного для демократии», с населением османской столицы не обсуждалось.

Однако Британия не хотела, чтобы Константинополь через действия османского парламента попал под контроль националистов, которых в британских источниках всегда обозначали унижительным термином «кемалисты». В феврале 1920 года в Проливы были отправлены супердредноуты из Атлантического флота и войска из Египта и Палестины. 16 марта британские войска заняли министерства, почту и Башню Галаты. Британские солдаты даже вошли в помещение парламента и начали арестовывать депутатов-националистов. Шесть турецких почтовых работников были убиты при занятии Главного почтамта; погибли также пять турецких и три союзнических солдата. Протест от спикера османского парламента к «матери парламентов» в Вестминстере, заявлявший, что такое нарушение «противоречит всем принципам международных законов», не возымел действия.

С помощью армянских дашнаков (которые вели собственную кампанию реванша против младотурок и армянских коллаборационистов) многие османские официальные лица и восемьдесят пять депутатов были арестованы — некоторые прямо в пижамах. Генерал Мерсинли Джемаль-паша (бывший военный министр) «был схвачен в объятиях дамы, не являвшейся его женой. Эту даму никоим образом не смутило внезапное вторжение солдат, она лишь поторопилась к зеркалу, чтобы попудрить носик». Сто пятьдесят националистов выслали на Мальту, интернировав их там. Однако другие националисты бежали на итальянские или французские линкоры на Босфоре, а оттуда в Анатолию.

Константинополь стал местом столкновения между союзниками, а не только между британцами и националистами. Франция и Италия, делая вид, что сотрудничают с Британией в Константинополе, тайно поддерживали националистов; они твердо решили предотвратить появление на Босфоре «второго Египта» — или, как высказалась одна французская газета, «Константинобралтара». Ни одна из сил не поддерживала идею сильной Греции с Британией за спиной²⁷.

Следующие два года британские войска были видны по всему Константинополю: 10 000 британских, 8000 индийских, 8000 французских и 2000 итальянских солдат стояли в городе и на Проливах. Британский офицер, полковник Шаттлуорт, курировал османское военное министерство. С осени 1920 года генерал «Тим» Харрингтон являлся как главнокомандующим силами Антанты, так и президентом внутрисоюзного Военного контрольного комитета. Существовали также отдельные комиссии, обычно возглавляемые британскими представителями, — судебная, финансовая, по Курдистану и по Проливам, а также шесть различных приграничных комиссий и образование, называвшееся «субкомиссией особого подразделения». Эндрю Райан, начальник драгоманов британской Верховной комиссии, наносил «постоянные визиты великому визирю», но султан был менее доступен. Компании, управлявшие телеграфом, трамваями и причалами Константинополя, обращались к британским властям для установления тарифов. Шариф Али Хайдар, когда-то связанный с младотурками, теперь принимал британских офицеров в Камлике и надеялся через Британию или Францию стать королем Ирака или Сирии: «Всю свою карьеру я оставался лоялен туркам — но я и мои друзья теперь готовы стать лояльными друзьями Англии, если она этого пожелает»²⁸.

Связи между Константинополем и Анатолией, похоже, разорвались. В «Каракол» внедрился индийский агент британской разведки, Мустафа Сагитт, — но растворился там*. В действительности британская оккупация, подобно большинству британских действий в период 1918–1923 годов, лишь усиливала позицию Кемалю. В речи от 16 марта Кемаль определил поворот от

* Говорят, что того же самого индийского агента позднее послали в Анкару, чтобы убить Кемалю. (Прим. авт.)

династической лояльности к турецкому национализму: *«Насильственная оккупация Стамбула сегодня разрушила семивековое существование и суверенность Османской империи. В результате турецкая нация вынуждена сегодня защищать свои права, свою независимость и все свое будущее»*. С другой стороны, султан сказал одному из сторонников Кемалья, Рауф-бею: «Что такое нация, Рауф-бей? Это отара овец, которые нуждаются в пастухе. Я — этот пастух».

При поддержке британцев султан отвернулся от националистов. Дамад Ферид вернулся к власти в должности великого визиря. 11 апреля 128-й шейх-уль-ислам, Абдулла Бей-эфенди из знаменитой семьи Дурризаде, выпустил в Константинополе фетву против Мустафы Кемалья. Он был объявлен изменником, разрушающим закон и порядок, формирующим личную армию и облагающим налогом людей против воли султана. Если его движение невозможно подавить, его придется убить. Одновременно Кемаль и другие лидеры националистов, включая Исмет-бея, Аднан-бея и его жену Халиде Эдиб, были приговорены к смерти. Эти фетвы угрожали будущему националистов. С 1911 года, с перерывом на 1913–1914 годы, Турция постоянно находилась в состоянии войны. Многие устали от борьбы и потеряли надежду на успех²⁹.

Султан подкрепил фетвы действиями. Он послал против Анкары оснащенные британцами войска под названием «Армия Халифата». Состоявшая в основном из черкесов и религиозных фанатиков (так как регулярные силы султана в Константинополе не считались надежными в борьбе против националистов), эта армия почти захватила Эскишехир, но к июлю 1920 года была разбита. Вскоре войска националистов достигли окраин Константинополя. Обстрел города велся с холмов Бейкоза через Босфор, по саду британского летнего посольства в Йеникое и, к бешенству верховного комиссара, по самому линкору «Айрон Дьюк». В июле британские войска контратаковали совместно с греческим полком при поддержке гидропланов и огня линкоров. Последняя полковая кавалерийская атака британской армии имела место при обороне Константинополя — ее осуществил 20-й гусарский полк. Наконец националистов отбросили за город Измит, в двадцати километрах на восток от столицы. Оборону Константинополя усилили установкой проволочного заграждения от Измита до Черного моря³⁰.

Чтобы нанести националистам «решающий удар», союзники санкционировали крупномасштабное греческое наступление в Анатолии и Фракии. 8 июля греческая армия взяла Бурсу. 26 июля король Александр триумфально вступил в Эдирне. В течение следующих двух лет, пока греческая и турецкая армии сражались за Анатолию, с разрешения союзников Греция пользовалась Константинополем как военной и морской базой, выгружая оружие на причалы Галаты и мобилизуя солдат на улицах. Однако греки столицы не выказывали готовности служить. С марта 1921 по март 1922 года были завербованы только 2850 константинопольских греков. Здесь предпочитали провокации действию. В декабре 1921 года пылкий венизелит, националист по имени Мелетиос, был избран патриархом вопреки закону — он не являлся османским подданным^{*31}.

10 августа 1920 года Дамад Ферид подписал унижительный Севрский мирный договор. По его условиям, Проливы, оставаясь османской территорией, ставились под контроль международной комиссии. Восточную Анатолию разделили между независимой Арменией и автономным Курдистаном. Грекам в награду достался Измир и Восточная Фракия. Даже размер личной охраны султана регулировался завоевателями. Возобновление режима капитуляций было особенно оскорбительным. Султан, который назвал договор «смертным приговором Турции», так и не ратифицировал его.

Разрыв между Анкарой и Константинополем стал полным. Анкара имела агентов по всему городу, даже в доме Дамада Фериды. В кафе и мечетях агенты Кемаля говорили людям, что призыв султана к оружию против националистов делается под британским давлением, — хотя из имеющихся британских данных видно, что султан был большим антикемалистом, чем сами

* Имеется в виду патриарх Мелетий IV (в миру — Эммануил Метаксакис), избранный 27 ноября 1921 года; перед этим пост Вселенского патриарха пустовал в течение трех лет. В действительности Мелетий был османским гражданином по рождению (он происходил с Крита) и являлся кандидатом на выборах патриарха еще в 1913 году — так что никакого нарушения закона в его избрании не было. Однако с 1916 года он жил в Греции, в 1918 году был назначен архиепископом Афинским и получил известность как близкий друг Венизелоса — поэтому неудивительно, что султан не утвердил его избрание. (Прим. ред.)

британцы. Султан угрожал отречься, если британцы не предпримут мер против «сумасшедшего дома» — Анкары. Многие националистические лидеры, такие как Рауф, Рефет, Кязим Карабекир и сам Кемаль недавно служили султану в качестве министров и генералов. Тем не менее в разговоре с преемником де Робекана на посту верховного комиссара, сэром Орасом Рамболдом, султан назвал националистов «людьми без какой-либо реальной поддержки в стране, с которой у них нет связи по крови или какой-нибудь иной».

Османская империя явно уходила в прошлое — даже султан, забыв ее многонациональные традиции, жаловался, что среди националистов нет «настоящего турка». Зараженный расистским национализмом нового века, он сам имел больше черкесской, чем турецкой крови, но при этом называл Кемалья «македонским революционером неизвестного происхождения. Его кровь может быть какой угодно — болгарской, греческой или сербской. Выглядит он скорее как серб! Но мое правительство оказалось бессильно перед ним. Его хватка оказалась такой, что не осталось способов доступа к настоящим туркам даже путем пропаганды. Настоящие турки были лояльны — но оказались запуганы или обмануты коварными искажениями, вроде истории его собственного плена».

Султан ощущал себя в «ситуации полной беспомощности и изоляции»³².

После 1920 года османское правительство стало бессильным атавизмом. Последние османские фирманы в 1921 и 1922 годах напоминают по своей простоте фирманы уверенного расцвета империи. Правительство зависело от займов из Османского банка, пока в январе 1921 года султан не передал министерство финансов, вслед за военным министерством, под контроль союзников. Таким образом он надеялся в обмен на конфискованное к тому времени османское золото возобновить выплату жалованья служащим и остановить их отъезды в Анкару, где Мустафа Кемаль обещал чиновникам высокую оплату и независимость от иностранцев.

Немногие люди, поддерживавшие политику султана, были членами улемы и либералами вроде Ризы Тевфика и Али Кемалья, получившего британское образование журналиста, который стал министром внутренних дел. Они ненавидели националистов, которых считали остатками Комитета³³.

Большинство мусульман Константинополя поддерживали националистов. Деметра Вака, константинопольская гречанка, написала, что «вся столица вздыхала, не в состоянии думать и говорить ни о чем другом, лишь о войне Мустафы Кемалья против Греции. Турки говорили о ней, будто она была войной всех войн». На одном смешанном чайном приеме из мужчин и женщин, которые входили в моду, она услышала, как писатель сказал: «Сердце и душа целиком за движение в Анатолии».

Король Константин вернулся на трон после смерти своего сына Александра в ноябре 1920 года. Хотя его прогерманская репутация впредь лишила Грецию поддержки Антанты, греческие магазины в Пера вывешивали его портрет с надписью: «Он идет»; греки говорили о своем городе: «Константин построил его, Константин потерял его, Константин приобретет его вновь». Однако в ночи Рамадана портреты Мустафы Кемалья выставлялись в витринах магазинов, в то время как мечети украшались иллюминированными надписями вроде таких: «Победа приходит с терпением» или просто: «Терпение». Газеты Анкары, враждебные к султану и Антанте и теоретически запрещенные, читались в каждом клубе и кафе³⁴.

После того как султан опять сместил Даада Ферида, само османское правительство начало склоняться ближе к националистам в области иностранных дел. С 21 октября 1920 года и по 4 ноября 1922 года великим визирем был 77-летний Тевфик-паша, который служил министром иностранных дел еще у Абдул-Хамида. Он переписывался с Кемалем и солидаризовался с ним во время переговоров по поводу пересмотра Севрского договора в Лондоне в 1921 году. Сам Мустафа Кемаль в письмах и телеграммах Тевфик-паше обещал восстановление султаната, «когда Халифат будет в безопасности». Если султан признает Великое национальное собрание в Анкаре, а миссия из Анкары заменит его правительство в Константинополе, Анкара готова оплатить его цивильный лист. Другими словами, Кемаль пытался подкупить султана, чтобы он стал марионеткой националистов³⁵.

События марта — июля 1920 года доказали, что султан стал британской пешкой. Так как британские власти отправили против националистов и греческие войска, и «армию Халифата»,

султан косвенно оказался союзником греков против собственных подданных. Все большее количество людей покидали Константинополь, чтобы присоединиться к националистам в Анатолии. Через два дня после разгона союзниками парламента Халиде Эдиб и ее муж Аднан Адивар с помощью «Каракоча», переодетые как ходжа и его жена, чтобы ускользнуть от агентов британской полиции, уехали из столицы в маленький деревянный тэкке узбекских дервишей на горе над Ускюдаром. Паролем было «Иисус послал нас». Далее беглецы из Константинополя шли мимо британских блокпостов пешком — или, как в случае Халиде Эдиб, брали экипаж. На пути они подвергались опасности нападения греческих банд, пока им не удалось добраться до территорий за Измитом, контролируемых националистами.

Никакие два города не могли различаться больше, чем Константинополь и Анкара в 1920-х годах. «Меккой националистического движения» стал нищий анатолийский город в 20 000 жителей. Халиде Эдиб, которая поступила капралом в армию националистов, вспоминала: «Мы жили как члены вновь образованного религиозного ордена, крайне пуритански во всех отношениях». В то время как в Константинополе имелось более 3000 автомобилей, включая «Роллс-Ройсы» и «Мерседес-Бенцы», единственный автомобиль в Анкаре принадлежал заместителю Кемаля — Исмет-паше³⁶.

Даже наследник престола пытался покинуть Константинополь. В июне 1919 года Абдул-Меджид-эфенди, как сообщили британские источники, встал во главе националистической партии. Его вечерние визиты в мечети столицы беспокоили султана. Наследник ненавидел Дамада Фериды. 12 июня 1919 года он написал султану письмо, в котором с необычным предвидением отмечал, что «министерство приводит всех османов в полное отчаяние в то время, когда исламский мир считает сохранение Османской империи крайне необходимым с точки зрения ислама». Он боялся «самых тяжелых случайностей» для императорского дома и называл султана «погибелью страны, халифата и султаната». Из уважения к религиозным нормам он раз в неделю постился. Он также переписывался с Мустафой Кемалем³⁷.

В августе 1920 года, по британским источникам, «было сделано несколько попыток уговорить членов императорской семьи

отправиться в Ангору*, но за исключением наследника, видимо, никто из принцев ехать не пожелал». В сентябре, чтобы предотвратить бегство наследника, султан посадил его под домашний арест — как написал Абдул-Меджид одному из своих старых учителей, Кэнону Уайтхаузу: «*Je vis dans la terreur du moyen age. Personne ne rentre et sort de chez moi*»**. В начале октября его освободили³⁸.

Сын Абдул-Меджида, Омер Фарук, профессиональный военный, получивший образование в Вене и Берлине, в сентябре 1920 года тоже подумывал об отъезде. Однако как многих в Константинополе, его тревожили близкие отношения Анкары с советским правительством и его атеистическая репутация. Опять династическая биология подействовала на османскую историю. Фарук женился на Сабихе-султан, брак был заключен в Йылдызе 29 апреля — такой союз между кузенами не имел прецедента в истории династии. Фаруку пришлось оставаться с женой, пока в феврале 1921 года не родился их первый ребенок, дочь Неслишах. Только 27 апреля 1921 года, ведомый тем, что он назвал в письме султану «непреодолимым чувством патриотизма», Фарук высадился в Инеболу на Черном море. Люди приняли его лучше, чем Мустафа Кемаль. В 1920 году, когда националисты находились в отчаянии, он мог бы оказаться тут желанным гостем. В 1921 году, когда националисты начали побеждать греков, Мустафа Кемаль отказался от услуг принца³⁹. И все-таки это еще не был конец связи династии Османов с турецким национализмом.

Пока националисты покидали Константинополь, чтобы присоединиться к армии националистов, в город вливались волны беженцев и сирот — турок, курдов и армян. Их было так много, что они заняли военные школы, дворцы и мечети. Поддерживаемый армянами особый благотворительный фонд под названием «Ближневосточная помощь» кормил в Константинополе более 160 000 человек в день⁴⁰.

Однако самые ужасные события все же обошли город стороной. В 1919 году во время антибританских мятежей в Каире

* Так у автора — здесь (и в ряде мест далее) использовано традиционное название Анкары, еще применявшееся в 1920-х годах. (Прим. ред.)

** «Я живу в средневековом страхе. Никто не может ни прийти в мой дом, ни выйти из него» (фр.).

и Александрии погибло много людей; греческая оккупация Изамира началась резней турок; в 1920 году французские войска обстреливали Дамаск. Константинополь, однако, удивительным образом избежал кровопролития — за исключением событий марта 1920 года. Воспоминания его турецких жителей показывают больше задетую гордость, нежели физические страдания: турки жаловались на «непереносимые улыбки» и «несносное в целом поведение» греков и армян на паромах и в трамваях. Их обвиняли в таких преступлениях, как поездка в первом классе при покупке билета второго класса или в том, что места кондукторов в трамваях отдавались армянам, а мусульман лишали этой должности⁴¹.

Константинополь оставался настолько свободным от насилия, что, пока националисты сражались в Анатолии, Пера сохраняла атмосферу постоянного карнавала — если игнорировать бедность и деморализацию вдаль от ее центральных улиц. Иностранные солдаты и матросы имели достаточно денег, чтобы их тратить. Офицеры союзников тройным кольцом окружали бар «Пера Палас-отеля». 1 декабря 1918 года одна газета написала: *«Никогда на памяти наших recherches*, а их тут множество, флирт не был в такой моде, как с прибытием англичан. Между шестью и восемью часами вечера их можно видеть за работой в салонах «Пера Паласа», где флирт витает в воздухе»*. Для Гарольда Армстронга, британского военного атташе, «жизнь складывалась веселой, безнравственной и очаровательной. Кафе наполнились пьющими и танцующими. Не было никаких препятствий вроде домашних уз». На Пти Шамп де Морт, как писал Муфти-заде Зия-бей, сын одного из последних османских министров иностранных дел, «приставания стали настолько обычными, что ни один уважающий себя мужчина не осмеливался больше рискнуть зайти туда». Детская проституция также стала обычным делом⁴².

В 1920 году карнавальная атмосфера Пера усилилась благодаря мирному вторжению с севера. В финальном акте существования Константинополя в качестве столицы русская революция создала в нем третью линию противостояния — помимо борьбы

* Грешниц (фр.).

между националистами и союзниками и националистами и султаном. В ноябре 1920 года генерал Врангель, последний и наиболее впечатляющий из командующих белыми армиями, был вынужден эвакуироваться из Крыма. Город, который за свою жизнь принял столь много беженцев из различных стран — Испании, Польши и Центральной Азии, теперь увидел прибытие каравана из 126 судов со 145 693 русскими (в том числе императорской конюшней). Они прибыли не так, как когда-то надеялись многие русские, — чтобы повесить «навсегда русский щит на воротах Царьграда», а как беженцы, пребывающие в неопишуемой нищете. Некоторые испытывали такой голод и жажду, что на веревках спускали свои обручальные кольца греческим и армянским торговцам в лодках в обмен на хлеб и воду⁴³.

Они спали в конюшнях дворца Долмабахче или в освобожденных комнатах проституток в портовых отелях Галаты. Пожилые фрейлины императрицы, выбрившие головы, чтобы избавиться от паразитов, молились перед семейными иконами в подвалах Галаты. В Константинополе собралось так много русских солдат, что возникало впечатление появления еще одной оккупационной армии — иногда, подталкиваемые нищетой и отчаянием, они угрожали городу захватом. Несколькими месяцами позднее укомплектованный здесь казачий отряд появился в Персии, чтобы помочь Реза-хану, первому хану династии Пехлеви, укрепиться в качестве правителя Ирана. В конце концов солдат Врангеля разместили в бывших лагерях французской армии на Лемносе, у Чатаджи и в Галлиполи — в ответ французский флот получил русские корабли. Русский Собор, многопартийное правительство в изгнании, с собственной администрацией, архивами и разведкой, было создано в бывшем русском посольстве на Гранрю-де-Пера. Каждое воскресенье после службы в церкви посольский двор наполнялся русскими, обменивающимися новостями о родине, о местонахождении родных — и о том, где можно получить лучшую цену за свои ювелирные украшения⁴⁴.

За несколько месяцев многие русские установили куда лучшие отношения со своими старыми врагами-турками, чем с братьями-христианами, которых они когда-то рвались освободить. Барон Сергей Торнов, молодой полковник Преображенского гвардейского полка, вспоминал, что турки обращались с ним и его друзьями с «необычайной добротой... гораздо лучше, чем

греки». Для графа Александра Волконского «все греки были ужасно нечестными. У нас всегда сохранялось впечатление, что турки тут лучше всех». Улицы Константинополя были заполнены русскими офицерами с голодным, загнанным взглядом беженцев; они водили кебы, продавали газеты, шнурки для ботинок или деревянных кукол. «Цветочный Пассаж» наших дней, ранее «Сите де Пера», получил свое название из-за русской дамы, продавщицы цветов, которая нашла тут укрытие от внимания солдат союзников на улице⁴⁵. Профессор математики работал кассиром в русском ресторане. Философ Гурджиев продавал икру⁴⁶. Николай Чарыков, который был русским послом в 1909–1912 годах, вернулся сюда уже как беженец. Он очень просто жил в Бебеке, сам ходя за покупками, а его жена давала уроки французского и английского.

Вскоре русские уже доминировали в развлечениях города. «Песня волжского парохода» звучала во всех музыкальных залах Пера. Великий художник Павел Челищев оформлял балеты для «Кабаре Стрельна» Бориса Князева и балетной труппы Виктора Зимина. Черный американец по имени Томас, державший до революции джаз-холл в Петрограде, открыл возле Пти Шамп наследное предприятие, которое познакомило Константинополь с чарльстоном и фокстротом. Поскольку в Константинополе негров называли арабами, так как большинство их приезжали из Египта, эта музыка стала известна как «арабский джаз»*.

Русские открывали рестораны с названиями вроде «*Le Grand Cercle Moscovite*»**, «*Petrograd Patisserie*»***, «Черная Роза». Турецкие рестораны не могли соперничать с ними, так как русские предлагали непреодолимую новизну — официанток. Некоторые из них были женщинами знатного происхождения (официанток в «Московите» считали «герцогинями»), чьи индивидуальность и элегантность завоевали восхищение французского писателя Поля Морана. Анна Валентиновна рассказала ему: «Взгляните на Константинополь: бедность невероятная, экстравагантность более сумасшедшая, чем где-либо; люди пьют, мошенничают,

* Джеймса Болдуина называли «арабом», когда он жил в Стамбуле в 1960-х годах. (Прим. авт.)

** «Большой круг москвичей» (фр.).

*** «Петроградская кондитерская» (фр.).

дразнят друг друга, томятся желанием или торгуют с такими умом и бесчестностью, которые удивляют даже Пера». Османские джентльмены теряли головы от русских официанток, которые носили белые кавказские жакеты, высокие черные ботинки, тонкие шарфы вокруг головы и тяжелый грим. Турецкие романы с названиями «Русская лихорадка» и «Девушка из кондитерской» описывают мужчин, испорченных барами, кокаином и русскими девушками. Карикатура в константинопольской газете изобразила турка, спрашивающего русскую женщину:

— *Вы говорите по-французски, мадемуазель?*

— *Нет, но я знаю, как сказать «любовь» на всех языках.*

Русские также привезли в Константинополь обычай совместного купания в море.

Если Константинополь внушил грекам и туркам крайнюю степень имперских амбиций, то русских он привел в глубины разврата. Нуждаясь в деньгах, чтобы купить визы в Западную Европу, они были готовы на все. В 1923 году петиция губернатору Константинополя от тридцати двух жен или вдов местных беев и пашей требовала немедленного изгнания «этих представительниц порока и разврата, которые более опасны и разрушительны, чем сифилис и алкоголь». Русские женщины причинили городу больше разрушений за два года, чем русские армии за века:

«Сегодня среди молодых мужчин от 18 до 30 лет едва ли найдется один, который не был бы истрепан привычкой потребления смертельных ядов, таких как морфий, кокаин, эфир и алкоголь — и это все целиком и полностью из-за губельного влияния этих русских женщин. Так в маленьком районе Бейоглу, который расположен между Тунел и Таксим, количество русских баров, кафешантанов и ресторанов, которые занимаются предосудительной торговлей без всяких правил и гигиенического контроля, превышает 25. В эти места, каждое из которых представляет собой место лишения невинности, сотни молодых турок каждый вечер несут свое здоровье, деньги и честь, прямо в водоворот бедствий. Таким же образом, так как эти дьявольские девушки проникают в любую социальную среду, некоторым турецким девушкам приходится входить в контакт с ними в общественных местах».

Русские и британские брачные приоритеты раскрываются в постскрипуме к длинному письму, обсуждавшему плохое состояние англо-французских отношений в Константинополе и отправленному сэром Орасом Рамболдом адмиралу де Робеку 1 декабря 1921 года:

«P. S. Маленькая княжна Ольга Мичеладзе собирается замуж за некоего Сендфорда, приятного и тихого парня из внутренней союзнической полиции. У него есть деньги»⁴⁷.

В послевоенном Константинополе некоторые мусульманские женщины также начали освобождаться. С 1919 года они первыми в мире из женщин мусульманской элиты начали регулярно появляться на улицах не под вуалью, хотя все еще с платками на голове. «Многие из нас пытаются избавиться от этих устаревших вещей», — сказала мадемуазель Тевфик британской подруге. В относительно консервативном месте вроде Баязида их могли закидать камнями, но в других местах к ним относились нормально. Мусульманские женщины начали работать в публичных местах — метельщицами улиц, в магазинах или на почте, а также принимать участие в политических митингах. Более богатые женщины устраивали смешанные вечера и танцы, ходили в «Токатлян» и «Пера Палас-отель», даже флиртовали с союзными офицерами. Ничто, написал французский посетитель, не отличало элегантную мусульманскую даму от христианской, кроме отсутствия шляпы. На *thé dansant*, даваемых американским верховным комиссаром, четыре имперских принца и три принцессы были замечены за «свободным разговором с незнакомцами»⁴⁸.

Космополитическая нереальность оккупированного Константинополя, которую Теотокас сравнивал с «балетом лунатиков», подсказывается следующими обрывками разговора, записанного американским писателем Джоном Дос Пассосом:

— О, месье, мы ежедневно переживаем ужасы.

— Пусть бы Господь вернул нас в добрые старые времена Абдул-Хамида!

— Собрать бы всех Volos [большевиков] в городе, отбуксировать в Черное море в дырявой шаланде и оставить их там.

— Чепуха, греки получают его — британцы — французы — болгары — Лига Наций — турки. Думаю, его сделают нейтральным и подарят Швейцарии, вот единственное решение.

— Турция не существует, уверяю вас, сэр, это лишь вопрос бандитизма.

— Греция собирается выполнить свою историческую миссию.

— Почему вы хотите учить турецкий язык?

— Кемаль! С ним покончено.

Но добравшись на пароходе до Анатолии, не контролируемых союзниками вод, вы попадали в другой мир. Шесть турецких военных врачей, уехавших, чтобы присоединиться к националистам, вышли из укрытия.

«Вы, европейцы, все лицемеры... Если союзники вытеснят нас из Константинополя, это будет отлично. Это город страдания и распада. Мы сделаем своей столицей Ангору... Все турки — в Ангоре с Мустафой Кемалем»⁴⁹.

Подобно Керзону и Ллойд Джорджу, многие турки теперь считали Константинополь воплощением дьявола; коллаборационизм султана добавился к его репутации изменника и коррупционера. Из пуританской Анкары Великое национальное собрание критиковало турок столицы за общение с иностранцами и принятие их обычаев. Якуп Кадри, издатель константинопольской газеты «Икдам», который часто посещал Анкару, привнес турецкий национализм в турецкий роман. В «Нур-Баба» (1921) он обличал практики дервишей в знаменитом доме ордена Бекташ в Камлыке. В «Киралик Конак» («Дворец напрокат», 1922) он использовал разрушение конака как символ распада империи.

В одном из самых длинных писем ненависти в литературе, «*Sodom ve Gomore*» (1928), его мишенью стали не только враги и оккупанты, но и сама Пера. Якуп Кадри соединяет здесь революционную самоуверенность с интересом Пруста к социальной и сексуальной двусмысленности; название его памфлета — это отражение «*Sodom et Gomore*» Пруста, опубликованного в Па-

риже семью годами ранее. Автор подчеркивает контраст между чистотой Константинополя, где девушки дорожат своим телом, как священным подарком Бога, а патриоты дорожат газетами с новостями о победах в Анатолии, с ужасами Пера, где «западная цивилизация вылила все свои отбросы». Он обвиняет турок, которые, как улыбающиеся рабы, пустили врага в свои дома и позволили ему взять своих сестер, своих жен и своих любимых.

Мелкие невзгоды оккупации описывались им с ядом. Некдету, главному герою, пьяный британский офицер в русском ресторане приказывает снять феску — главный символ принадлежности к туркам. «Факт», отмеченный на полях экземпляра рукописи, хранящегося в Стамбульской библиотеке возле Айя-Софии, соседствует с рассказом о другом инциденте. Левантинскую женщину сопровождает до трамвая британский офицер. Движением своей офицерской тросточки он заставляет двух людей уступить свои места. Когда женщина продвигается вперед, чтобы занять место, она наступая на руку безногого османского солдата, который с огромным трудом ползет по полу вагона. Когда калека начинает возмущаться, она говорит: «Молчи, пес», — и выкрикивает с яростью, что таких людей нельзя впускать в трамвай. Калеку заставляют выйти.

Некдет возненавидел свою любовницу Лейлу, которая танцует голой на публике и связалась с британским офицером; он ненавидит Пера и тоскует по Анатолии и справедливости. Однажды освободители придут и покончат с этой мерзостью и коррупцией — но когда? И наконец, новости из Анатолии наполняют его «упоением и святой радостью победы». Его последнее воспоминание о Лейле — это пресный вкус ее помады при их прощальном поцелуе⁵⁰.

Победа в этой войне стала финальным триумфом турок над греками. По мере того, как борьба становилось яростнее, в конце июля 1922 года греки попросили у союзников разрешения ввести свою армию в Константинополь. Союзники отказали и усилили свои позиции вдоль линий Чатаджи. Таким образом, каковым бы ни был ужас оккупации Антанты, она избавила Константинополь от оккупации греками. 9 сентября Мустафа Кемаль достиг Измира. «Париж Леванта» вспыхнул пожарами; 200 000 греков

покинули город на судах; командующий греческой армией Трикупис, потомок рода Маврокордато, попал в плен.

На улицах Константинополя турки обменивались взглядами, выражавшими триумф и радость. Айя-София, символ османской победы, была так переполнена молящимися, что пришлось открыть ее галереи. В свое время при новостях о победах греков улицы Константинополя наполнялись транспортом с греческими солдатами, распевавшими патриотические песни и махавшими бело-голубыми греческими флагами. Теперь автомобили шныряли по городу, украшенные цветами и портретами Мустафы Кемалья, их пассажиры распевали песню с пожеланием ему тысячи лет жизни (*bin yasha*):

Яша, яша, бин яша!

Мустафа Кемаль-паша!

Шариф Али Хайдар 9 сентября записал в своем дневнике: «Кронпринц телеграфировал, а затем выслал гонца, чтобы сообщить, что Смирна пала. Я обрадовался и к вечеру лично отправился поздравить его». Однако ни министерства, ни дворец не вывесили османский флаг⁵¹.

Следующие два года события в Константинополе мчались со скоростью фильма документальной хроники. В начале сентября около 7600 солдат союзников, занимавших город и Провливы, столкнулись примерно с 50-тысячной армией националистов. Последние были окрылены победами и готовы сражаться. Британские силы получили в качестве подкреплений авианосец и войска из Каира и Палестины (включая 2-й шотландский легкий пехотный полк, известный как «Последнее порождение ада»), а из Британии — гренадеров, части Колдстримского гвардейского полка, ирландских и уэльских гвардейцев. Одна гвардейская бригада расположилась по берегам на обеих сторонах Босфора⁵².

Скорее сочетание гордости и боевитости, чем желание удержать город, заставили Ллойд Джорджа, Биркенхеда и Черчилля, государственного секретаря по обороне, принять решение сражаться за Константинополь: Ллойд Джордж даже предложил вооружить 20 тысяч добровольцев из его греческого населения. Харингтон получил инструкции «удержать Галлиполи любой

ценой» и отбросить турецкие войска из заявленной британской нейтральной зоны вокруг Чанака на азиатской стороне Дарданелл.

С 23 сентября турецкие войска начали пересекать траншеи и преграды из колючей проволоки, входя в нейтральную зону, часто подходя к британским солдатам, куря, подшучивая и поя своих коней. 29 и 30 сентября кабинет готовился к войне. Героическими усилиями британских и турецких командиров на местах (Харингтон отказался издать ультиматум), а также Керзона в Лондоне, удалось предотвратить применение оружия. Дважды Харингтон ожидал услышать, что бойня началась. Он знал «мгновения, когда мужчины плачут, если чувствуют, что граница способности терпеть превышена. Я сомневаюсь, что войска когда-либо призывали терпеть такую провокацию».

Один из первых фильмов о Константинополе, снятый в ноябре 1922 года, показывает берега и воды Золотого Рога и Босфора, усеянные судами всех типов: линкоры, торговые пароходы, парусники и каики. И все-таки Адмиралтейство выслало инструкции уничтожить все плавсредства на азиатском берегу, чтобы не дать националистическим войскам переправиться в Европу. Как указал Рамболд, выполнение этого приказа вызвало бы взрыв ярости и прекращение экономической жизни города. Как и Харингтон, Рамболд и британские морские офицеры научились искусству непослушания.

Из Константинополя адмирал Брок 26 сентября докладывал в Адмиралтейство, что христианское население города находится в очень нервном состоянии. Харингтон приказал эвакуировать британских женщин и детей⁵³.

Баланс сил также помог сохранить мир. Город, который однажды являлся «желанным для всего мира», «королевой городов», начал испытывать радости безвестности. Победа коммунистов в России привела к уменьшению ее торговли и влияния, соответственно снизив политическую и экономическую значимость Проливов. Уменьшение Османской империи до турецкого национального государства, в основном из-за успехов турецкой армии, разрушило двойную привлекательность желательности и уязвимости города. Британская публика, так рвавшаяся бороться за Константинополь в 1878 и 1915 годах, в 1922 году уже устала от войны. Британское правительство не интересовало ни доминио-

ны, ни союзники Франция и Италия, как и соседние государства: Сербия, Румыния и Болгария и их претензии на Константинополь и Проливы. 3 октября 1922 года в Муданье на Мраморном море открылось совещание между Харингтоном и турецким генералом Исметом Инёню: Халиде Эдиб, чей английский был великолепным, переводила на нем. 11 октября Харингтон и Исмет-паша подписали соглашение, по которому турецкие силы допускались во Фракию, а силы Антанты оставались в Константинополе и на Проливах до подписания мирного договора.

«Чанакский вопрос» закрыл Ллойд Джордж (в то время как вопрос Галлиполи почти закрыл Черчилль). Консервативная партия ответила на «закон Бонара» заявлением: «Мы не можем в одиночку действовать как мировой полицейский» и отозвала свой вотум доверия правительству. 20 октября Ллойд Джордж ушел с поста премьер-министра. Больше он никогда снова не занимал этой должности⁵⁴.

19 октября Рефет-паша, один из самых значимых генералов Мустафы Кемалья, высадился возле Бешикташа. Улыбчивый и красивый, выглядевший так, будто прибыл прямо с бала, а не после военной кампании, он проехал через Константинополь, приветствуемый радостной толпой. Вдоль его триумфального пути до мечети Фатих читали молитвы и приносили в жертву овец. У мечети Рефет произнес речь: Фатих пожертвовал город туркам и ни один турок не позволит, чтобы город оторвали от турок. Рефет теоретически был не более чем заместителем Фракии, и его сопровождали только 126 жандармов. Тем не менее город был настроен настолько пронационалистически, что вскоре он почти бескровно взял под контроль войска султана, полицию, муниципалитет, таможенную и паспортную службу. Комиссары союзников потеряли почти всю власть⁵⁵.

Триумф националистов отметил потерю Константинополем необходимого атрибута интернационального города — защиты со стороны сильного государства. Заявление, сделанное 30 октября Великим национальным собранием в Анкаре, обвинило дворец и Порту в «недомыслии», «невежестве», «распутстве» и предательстве» в течение веков. 1 ноября Мустафа Кемаль произнес одну из своих величайших речей: *«Только силой сыновья Османа захватили верховную власть и султанат над турецкой нацией; они узурпировали ее на шесть веков. Теперь турецкая нация*

восстала и положила конец этим узурпаторам, она эффективно взяла верховную власть и султанат в собственные руки». В этот день Рефет сообщил Мехмеду VI, что он халиф — но больше не султан. Тот принял эту перемену⁵⁶.

Следующей на очереди стала Великая Порта. 4 ноября Рефет-паша утвердил в должностях штат вилайета и префектуру Константинополя, игнорируя Блистательную Порту. Министры, хотя Мехмед VI и велел им вести текущие дела, решились уйти в отставку. Когда Иззет-паша, министр иностранных дел, прибыл в полдень в Порту, он нашел четыре министерства уже свободными, «от кабинета остались только остатки. При таких обстоятельствах ничего не оставалось делать, лишь уйти на пенсию вслед за кабинетом». Чиновникам сказали, что националистическое правительство рассмотрит вопрос выплаты им жалованья; но во всяком случае многие уже двинулись в сторону Анкары. 4 ноября последний великий визирь Тевфик-паша сообщил сэру Орасу Рамболду, что такое дикое и неправильно составленное образование, как Великое национальное собрание, не компетентно решать будущее султаната или халифата — дела, которые касаются всего мусульманского мира. Однако в тот же самый день он тоже попытался уйти в отставку. Так как он больше не являлся султаном, Мехмед VI заявил о своей некомпетентности в делах. Министерской печатью Тевфика-паши все еще владеют его потомки⁵⁷.

Союзнические власти не одобряли то, что они называли «революцией» Рефета. «Билли» Фокс-Питт назвал ситуацию «щекотливой». 7 ноября он записал: *«Дела тут выглядят очень серьезно... с военной точки зрения ситуация очень неприятная, так как город полон турок, и все они вооружены, а у нас есть флот, который в состоянии сделать из Стамбула фарш»*. Толпы у стен британского верховного комиссариата орали: *«A bas les anglais!»* (Долой англичан!). Британской военной полиции пришлось использовать силу, чтобы отбить британского офицера разведки и его турецкого агента у турецких жандармов. До сих пор «очень дружественные», последние теперь подчинялись националистам. Три тысячи британских моряков прошли парадом по улицам Пера, чтобы продемонстрировать силу. Союзники намеревались остаться в городе, чтобы сохранить возможность противостоять при торговле в предстоящих мирных переговорах⁵⁸.

Наконец, стороны приняли систему «двойного контроля»: и союзнические, и турецкие войска остались в городе. Турецкое правительство не «признавало», но «принимало» продолжение оккупации и внешний надзор. Союзники сохраняли юрисдикцию над подданными стран Антанты, эллинскими греками (то есть греками с паспортами королевства эллинов) и русскими беженцами, а также учреждали собственную полицию, разведку и службу выдачи паспортов в городе. Обе стороны взаимодействовали при цензуре прессы. Харингтон описал Рефета как нечто «очень правильное», но иногда «невозможное»⁵⁹.

В основном благодаря искусному управлению Кемаля, Константинополь избежал кровавых преследований коллаборационистов — таких, какие пережила Франция в 1944 году. Однако 7 ноября антинационалистически настроенного журналиста Али Кемаля арестовали в парикмахерской в Пера, заткнули ему рот кляпом и увезли в Измир на лодке с потушенными огнями, чтобы избежать британских морских патрулей. После допроса губернатором его забросала до смерти камнями националистическая толпа. Многие сторонники константинопольского правительства решили эмигрировать; 150 «скомпрометированных турок» нашли убежище в саду британского посольства и в самом посольстве, пока британские суда не забрали их в Грецию. Шейх-уль-ислам уехал в Индию; его предшественник, Дурризаде, который издал фетву против Кемаля, умер в Хиджазе в 1923 году⁶⁰.

Меньшинства пострадали куда больше, чем османы. Греки начали платить за свои достижения с 1912 года. Фондовая биржа была закрыта. Националистические власти начали применять турецкие законы к иностранным компаниям и к местным христианам. Они сообщили грекам, что те, кто не считают себя османами, должны уехать. Вскоре, несмотря на увещевания патриарха, отправляющиеся в Салоники суда стали забиваться греками, чье брошенное имущество скупалось по бросовым ценам. Последний сбор «Силлогоса» прошел в 1922 году. В 1925 году его здание захватило турецкое правительство, через сорок лет его разрушили, и теперь на этом месте расположена автостоянка. Его библиотека и архив ныне принадлежат Турецкому историческому обществу в Анкаре. Всего в 1922–1924 годах около 150 000 греков покинули Константинополь. Неприятный свет на происходящее бросает заявление Рефета, сделанное в конце ноября Невиллю Хендерсо-

ну: «Грекам, если бы их фактически не изгнали, все равно посоветовали бы уехать, так как в будущем, в новой Турции, они не смогли бы жить. Турки уже собирались взять торговлю в собственные руки и начали организовываться с этой целью». Турецкий Национальный торговый союз был основан в 1923 году⁶¹.

В то время как греки и «турки-соглашатели» бежали из города, Мехмед VI сначала заявил о намерении оставаться на своем посту. Его охраняли гвардейские гренадеры, располагавшиеся в казармах, построенных Абдул-Хамидом возле Йылдыза. Однако теперь он являлся тенью монархии. Когда сэр Орас Рамболд приехал в Йылдыз 6 ноября, его приветствовал по прибытии лишь один старый камергер: все остальные ушли. Султан, говоривший три часа без остановки, все еще считал, что может оказать «противодействие», если союзники готовы «остановиться» или применить «твердую руку». Но, как многие слабые правители, он боялся власти и возможности ее применения. Союзники, конечно, обладали силой — но в 1922 году они более не желали сражаться за османского султана, как в 1920 году не хотели сражаться за других своих потерпевших поражение креатур — русских белогвардейцев. Рамболд организовал отправку денег султана за границу⁶².

10 ноября оказалось, что нельзя сыграть имперский гимн во время селямлика, так как оркестр исчез. Шестью днями позднее султан отправил письмо Харингтону (французские силы отказались помочь):

«16 ноября 1922 г.

Сэр!

Считая, что моя жизнь в опасности в Стамбуле, я прошу убежища у Британского правительства и прошу перевезти меня как можно быстрее из Стамбула в другое место.

Мехмед Вахидеддин, халиф мусульман»

В 8 утра 17 ноября Мехмед VI вышел из ворот Орхание-стене напротив казарм, занимаемых гвардейскими гренадерами. Пого-

да была холодной и ветреной; шел дождь, как и предыдущие восемь дней, улица была почти безлюдна. Его сопровождали сын Эртугрул в новом лондонском костюме, первый камердинер, капельмейстер и шесть слуг. Султан казался менее возбужденным, чем его свита. Офицеры охраны провезли его в машине «Скорой помощи» с закрашенным крестом (чтобы британцев не могли обвинить в укрывательстве под красным крестом), за которой следовала другая машина «Скорой помощи» со штатом и чемоданами. Позднее в этот день «Билли» Фокс-Питт, офицер транспортного отряда охраны, который ехал во второй машине «Скорой помощи», написал своей матери подробное письмо, которое показывает понимание того, что он стал свидетелем конца империи:

«Дорога была ужасной, очень сильный дождь шел всю ночь и все еще идет, один-два раза я думал, что мы вот-вот опрокинемся. После следования какое-то время за машиной султана, мы выбрали другую дорогу, идущую к причалу (Тофани), где мы должны были посадить их на баркас, а затем переправить на «Малайю», которая забирала его на Мальту. Мы прибыли первыми и нашли здесь C in C* и ген. Андерсона M. G. G. S.** Мы погрузили своего старика на катер, но пришлось ждать около 10 минут второй машины «Скорой помощи» [которая проколола шину]; в конце концов она прибыла, старый султан вышел и поблагодарил всех, тепло пожав руку командиру бригады. Мы все поклонились и отошли, а его быстренько затолкали на борт и отплыли. C in C отправился с ним до корабля. Все прошло очень хорошо, и я не думаю, что Кемаль что-нибудь знал об этом...

Султан мало двигался, он много говорил все время, которое находился в машине; он сказал, что надеется, мы не подумаем, что он боится, он лишь хочет спасти свою честь; я не совсем понимаю, как он на это рассчитывает!»***

В реальности националистическое правительство, как и город, вероятно, испытали облегчение после отъезда султана, прокли-

* Главнокомандующего (commander-in-chief). (Прим. ред.)

** Здесь, видимо, генерал-майора Генерального штаба или же начальника штаба главнокомандующего. (Прим. ред.)

*** Султан мог бояться, что его отдадут под суд, если он останется в городе. (Прим. авт.)

наемого в прессе как предателя, труса и преступника. Турецкий фотограф показывает не отмеченное в британских источниках присутствие министра Цивильного Листа, турецкого офицера с цветочным венком, когда последний султан ступал с турецкой земли на британский катер.

В 8:45 утра линкор «Малайя» отбыл на британскую военно-морскую базу на Мальте. Султан умер в 1926 году в Сан-Ремо, близ города Генуя, который шестью веками ранее стал первым западным союзником его династии. Он оказался так глубоко в долгах, что его кредиторы захватили его гроб и отложили похороны на две недели⁶³.

Своей антинационалистической политикой Мехмед VI много сделал для разрушения эмоциональной связи между династией и нацией. Тем не менее, несмотря на поношение в прессе, османизм остался столь глубоко внедрен в патриотизм и чувство идентичности турок, что на этой стадии Кемаль оказался недостаточно силен, чтобы обходиться без него. Идеолог турецкого национализма Зия Гёкальп написал: *«Это уважаемое семейство является священной династией, которая служила турецкой нации и поднимала ее тысячу лет, а также Ислам и турецкую нацию — шесть веков»*.

Кемаль решил сделать наследника трона халифом. Сначала, по отчетам британской разведки, Абдул-Меджид не хотел принимать титул, справедливо утверждая, что он сохраняется для «самого могущественного монарха в Исламе»; он не хотел становиться «просто фантомом». Он уступил, когда Рефет пообещал, что султанат со временем будет восстановлен и намекнул на «последствия прискорбной природы», если тот откажется. Как «самый порядочный, образованный и набожный из этой династии», Абдул-Меджид был избран халифом Национальным собранием 19 ноября 1922 года⁶⁴.

29 ноября, надевший белый шнур и хвосты, новый халиф получил почетное имя улема, депутаты и старшие чиновники стояли (предпочтя не сидеть) перед золотым тронном в Топкапи. Чтобы подтвердить, что он не султан, он не подпоясался мечом Османа в Эйюпе. Однако, как его величество халиф Абдул-Меджид II, он поехал в мечеть Фатих в государственном экипаже, рядом с Рефетом. Их эскортировала конная охрана, за ней следовала процессия из машин и повозок. Толпа, выстроившаяся

вдоль всего пути, постоянно аплодировала, многие залезли на деревья и на крыши, чтобы лучше видеть. Город, казалось, стал алым из-за турецких флагов. В мечети прозвучали молитвы за сохранение турецкого народа от угасания; впервые их читали по-турецки, а не по-арабски. После победы в одной священной войне звучал призыв к другой священной войне — против невежества, за развитие торговли и сельского хозяйства. На обратном пути последовали молитвы в мавзолеях Селима I и Махмуда II⁶⁵.

Новый халиф, который все еще называл себя «Слугой Двух Святых мест», продолжил каждую пятницу посещать различные мечети Константинополя — иногда прибывая на каике, иногда верхом на белой лошади по имени Коня, подаренной Рефетом. Много лет позднее турецкий офицер вспоминал:

«Меджид ослеплял, когда являлся на молитвы в Баязете. Я видел, как он увлечен, смотрел на его прекрасное старое лицо, его пушистую белую бороду; красная феска добавляла цвета к его черной похоронной одежде. Оркестр громко играл, солдаты маршировали, а султан [sic] Меджид кланялся из своей кареты — сначала в одну сторону, потом в другую, а приветствия до хрипоты раздирали воздух. Старый султан растягивал губы в широкую улыбку благодарности, элегантно прикладывая руку к своей алой феске».

Однако теперь многие уже возмущались таким проявлением набожности. Даже среди османов ислам терял свое влияние. 15 Рамадана (1 мая) 1923 года шариф Али Хайдар пребывал в печали, наблюдая за последней церемонией поклонения реликвиям Пророка. *«Великая нужда в этом поклонении всегда была такой замечательной деталью на церемониях подобного рода. Теперь же почти не встретишь мужчин с таким отношением к своей вере, которое так необходимо, и это отношение поражает меня».* После одного селямлика женщина в толпе спросила: «Какая польза оставаться халифатом для нас во время войны? Мы объявили священную войну — и что хорошего из этого вышло?»⁶⁶

Действительно, хотя это добавило поверхностного блеска городу, халифат был обречен. Он был уступкой мнению, а не обдуманной политикой. Уже в январе 1923 года Мустафа Кемаль сказал группе журналистов, что планирует отменить халифат, когда будет «подготовлено» мнение. 27 февраля Рамболд получил аудиенцию у халифа в Долмабахче, при этом Аднан-бей,

представитель Кемаля и муж Халиде Эдиб, предупредил его избегать разговоров на политические темы. Он отметил: «Чиновники все до одного были бедно одеты, что составляло контраст с придворными официальными лицами времен прошлого султана». Абдул-Меджид, «интеллигентный и разносторонний человек, глгобо интересовавшийся политикой», теперь был «просто марионеткой, за чьими действиями тщательно следило националистическое правительство... убогий церемониал, центром которого он является, не может не произвести горького впечатления»⁶⁷.

После длительных переговоров Лозаннский договор между Турцией и союзниками был подписан 24 июля 1924 года. Казавшийся в то время турецким триумфом, на деле он обуславливал демилитаризацию Дарданелл (нарушение суверенитета, которое османы никогда не позволяли) — и вопреки турецким желанием сохранение в Константинополе греческой общины и Вселенского патриархата. Только после подписания мира силы Антанты в Константинополе согласились ответить салютом на салют, который они с 1918 года односторонне требовали от турецких войск.

Отношения между союзниками и националистами в Константинополе сохраняли напряжение от двойного контроля. В марте 1923 года «Фенербахче», одна из первых турецких футбольных команд, победила команду, выставленную ирландцами и гвардейскими гренадерами. 5 июня, в день рождения короля, 1-я Гвардейская бригада торжественно подняла свое новое знамя на площади Таксим. С 24 августа до 2 октября войска союзников эвакуировались из города без помех. Церемония окончательного ухода имела место 2 октября на площади между дворцом и мечтью Долмабахче. Генералы приняли парад, гвардию проинспектировали, флаги отсалютовали. Испытывая облегчение от ухода чужаков и под впечатлением от их манеры держать себя, толпы турок радостно приветствовали союзников, особенно британский почетный караул из сотни гвардейцев, все как один ростом по шесть футов. Оркестр Колдстрима исполнил турецкие национальные песни, а также британский национальный гимн.

6 октября 1924 года 1-я пехотная дивизия турецкой армии вошла в город. Иностранные почты и консульства прекратили функционировать. Британский морской госпиталь был передан Красному Полумесяцу. Советские дипломаты сменили белог-

вардейцев в русском посольстве. Врангель уже покинул город с большей частью своих войск, перебравшись в Югославию, — хотя некоторые французские офицеры, в предвосхищении сцен 1945 года, попытались навязать белогвардейским солдатам репатриацию в Советский Союз. Те христиане, которые еще этого не сделали, обеспечили себя фесками: если они носили европейский головной убор, существовала опасность, что его снимут насильно. Вскоре был введен сухой режим, чтобы подчеркнуть, что европейцы тут больше не хозяева. В отеле «Пера Палас» подавали вино в чайных чашках⁶⁸.

Оккупация союзниками Константинополя продлилась четыре года и одиннадцать месяцев — на семь месяцев дольше, чем сама Первая мировая война. Константинополь оказался единственной из ведущих европейских столиц, переживших вражескую оккупацию между наполеоновскими войнами и Второй мировой войной. Как бы сильно город ни негодовал в свое время, именно она спасла его от тех ужасов, что пали на долю неоккупированных столиц Германии и Австрии. В Берлине коммунисты и правые по очереди пытались совершить переворот, вспыхнула гражданская война и имела место катастрофическая инфляция. В Вене закрылся университет, так как не осталось топлива, чтобы его обогреть; голод гнал людей в деревню, чтобы искать там пищу; на армейских офицеров нападали публично. Однако Константинополь избежал таких экстремальных ситуаций; более того, солдаты Антанты имели деньги, чтобы их тратить⁶⁹.

Развал Османской империи и компромисс внутри общества стали принципиальными результатами оккупации. Британия толкала султана атаковать националистов, принять Севрский договор и уехать на британском линкоре — это три фактора, без которых национальное движение приняло бы совсем другое направление. Открытое сотрудничество меньшинств с оккупантами вселило во многих турок намерение избавиться от них — так же как и чувство отвращения к западной цивилизации.

История Константинополя творилась личностями — такими как Екатерина II, Махмуд II, Абдул-Хамид, Энвер-паша, Керзон, а также внеличными силами династической власти, географией, национальностью и религией. Ни одна личность, однако,

не имела такого воздействия на город со времени самого Фатиха, как Мустафа Кемаль. Выдворив союзников, он продолжал унижать город и уничтожать османизм. 13 октября Великое национальное собрание одобрило поправку к конституции, заявлявшую: «Анкара — место нахождения правительства Турецкого государства». 23 октября Рефет, единственный националист, который оплачивал двор халифа, был смещен с должности военного коменданта города. Так как Кемаль контролировал армию и Великое национальное собрание, сделать ничего было нельзя. В ночь с 29 на 30 октября жителей Константинополя разбудил залп из 101 пушки: артиллерия салютовала, отмечая объявление республики. Город, который с 1593 года являлся столицей империи, теперь стал лишь вторым городом в республике⁷⁰.

Понижение статуса Константинополя показало, что Мустафа Кемаль разделял враждебность Якупа Кадри и Тевфика Фикрета. Желая «очистить» город от «грязи», Кемаль заявлял:

«Вероятно, все Черное море с его волнами должно войти в Босфор, чтобы затопить его... Республика решительно делает все возможное, что избавит человека от Византии, которая, превратив в привычку мерзость, двуличность, ложь и аморальность, утратила естественное состояние, природную красоту и неизмеримую ценность государства. Республика вернется к естественному состоянию и чистоте».

Освобождение от иллюзий было взаимным. Друг Кемалья, журналист Фалих Рифки Атай, написал: «Стамбул в целом плохо относился к Анкаре». Пресса Стамбула ежедневно подвергала националистическую администрацию критике. Многие и реформаторы, и традиционалисты хотели сохранить халифат — и как барьер автократии Кемалья, и как источник международного престижа. Они заявляли, что реальное различие лежит между демократией и деспотизмом, а не между монархией и республикой. 11 ноября Танин написала, что ликвидация халифата «абсолютно несовместима с благоразумием, лояльностью и национальным чувством». Убежденный модернизатор Лютфи Фикри, президент константинопольской Адвокатской ассоциации, 10 ноября послал открытое письмо халифу, прося восстановления его временной власти (позднее его за это судил «независимый трибунал»). Другие слишком боялись говорить. Обожествление Кемалья было сильным, но не повсеместным. В 1924 году, путешествуя по Бос-

фору, он не посетил Константинополь — возможно, из-за того, что полиция не могла гарантировать ему безопасность⁷¹.

Город быстро потерял большинство элементов, которые делали его уникальным: свою стратегическую важность, султанат, Порту, столичный статус и, наконец, халифат. Династия стала жертвой собственного многонационализма. В 1918–1919 годах, когда на кону стояло само существование Турции, султан, надеясь удержать арабские провинции, посылал в Эдирне и Бурсу миссии для межнационального примирения, включавшие в себя представителей патриархата, и вешал убийц армян. В то время как Мустафа Кемаль подавлял курдский национализм на Востоке, в городе активность курдов расцвела под руководством клубов и обществ — таких как «Общество подъема Курдистана» и Курдская социальная лига, а также курдских газет. Курды вроде Саида Абдулкадира, президента Государственного совета, который поддерживал курдских хамалов города, служили в правительстве султана; глава константинопольской полиции полковник Халид-бей был курдом. Абдулкадир заявил о своем глубоком уважении к халифату и желал лишь автономии, обещанной Севрским договором, — он считал, что это «в интересах Турции в такой же степени, как и курдов». Согласно отчету британской разведки, 9 января 1920 года султан согласился на это⁷².

Великое национальное собрание правило лишь турецкой нацией — а власть Османского халифата теоретически признавалась во всем исламском мире (кроме Марокко). 24 ноября Агахан и Амир Али написали Великой национальной ассамблее из Индии, выражая озабоченность будущим халифата, — тем самым дав Кемалю предлог объявить о факте иностранного вмешательства в дела Турции⁷³.

Зимой 1923/24 года бюджет халифа урезали, и его лишили государственного каика и охраны. Последний селямлик проходил 29 февраля в мечети возле дворца Долмабахче, возле места, где садился на корабль Мехмед VI. 3 марта Великая национальная ассамблея в Анкаре отменила халифат. Долмабахче окружили войска Абдул-Меджида. Поздно ночью Абдул-Меджид читал Коран (или, по некоторым рассказам, эссе Монтеня), когда Аднан-бей и префект полиции пришли сообщить ему, что на заре он должен покинуть дворец. Его семья и слуги зарыдали. В качестве утешения ему была предложена свобода выезда на Запад.

Любимая дочь халифа Дурру Шехвар, единственная дожившая до настоящего времени (1995 год) свидетельница этой печальной сцены, говорят, сказала в слезах: «Я не хочу свободы такого рода»⁷⁴.

Ликвидация халифата вовсе не была популярна. По словам действовавшего британского верховного комиссара имелось «много волнений в умах людей; общее отношение в Константинополе и, насколько я знаю, повсюду выливалось во внешнее безразличие или покорное смирение, проистекающее из усталости и страха подавляющего большинства»⁷⁵. Халиф взял с собой самых близких членов семьи (шесть человек), трех чиновников и двух слуг. Из страха демонстраций правительство обязало его покинуть окрестности города. В 5:30 утра, после прощания с небольшой группой людей у ворот дворца, их разместили в трех автомобилях, за которыми следовал грузовик с багажом, и повезли вдоль Босфора, через мост Галаты, мимо мечети Баязид, через ворота Эдирне, вдоль старых стен до Едикуле, а затем на Чаталджи. Секретарь халифа Салих Керамет, сын поэта Нигара Ханима, записал в дневнике, что автомобили часто застревали в дорожной грязи, и жандармам приходилось подкладывать под колеса камни, чтобы ехать дальше. В 11 часов усталая, голодная и печальная партия прибыла на железнодорожную станцию Чаталджи. Халиф пытался улыбнуться, когда полицейские и жандармы отдали ему последний салют.

Весь день они оставались на железнодорожной станции. Полиция держала в стороне лояльных и любопытных. Смотритель станции попытался удобно устроить их на своей частной квартире. Он был евреем — а евреи оставались единственным меньшинством, сохранявшим узы лояльности с династией. Когда халиф поблагодарил его, станционный смотритель ответил словами, которые наполнили слезами глаза всех:

«Османская династия — спаситель турецких евреев. Когда наших предков изгнали из Испании, и они искали страну, которая примет их, это оказались османы, согласившиеся дать нам приют и спасшие нас от вымирания. Благодаря щедрости их правительства мы снова получили свободу религии и языка, защиту для своих женщин, имущества и жизней. Поэтому наша совесть обязывает нас послужить вам в ваш самый темный час столько, сколько мы сможем».

В полночь прибыл Восточный экспресс. Когда изгнанники начали садиться в него на глазах других пассажиров, губернатор Стамбула передал халифу конверт, содержащий паспорта, швейцарские визы и 2000 фунтов стерлингов. Когда поезд шел через Балканы, мимо того места в Венгрии, где захоронено сердце Сулеймана Великолепного, халиф горестно сказал: «Мой предок пришел сюда с лошадьми и знаменами. Теперь я здесь как изгнанник»⁷⁶.

Это оказалось последнее железнодорожное путешествие, которое похоронило империи Европы, забрав Романовых на смерть в Сибирь, Гогенцоллернов и Габсбургов — в ссылку в Нидерланды и Швейцарию соответственно. Ни одна имперская династия не продлилась дольше, чем династия Османа. Ни одна не оставила более сильных сожалений в своей столице.

Главным наследием Константинополя для мира стала его роль и пример как великой интернациональной столицы, которая игнорировала жесткие границы, — национальные, культурные, социальные и религиозные. Эти многочисленные индивидуальности были естественны; это была дверь в стене между исламом и христианством. «Место халифата» являлось частью «европейской системы»: в Константинополе оказалось возможным быть одновременно и османским, и греческим, мусульманским и европейским, относиться к национальности как к данности, а не предмету страсти. Это был город, где люди вроде Фатиха, Соколлу Мехмеда-паши, Басбека, Ибрахима Мутеферрика, Мураджи д'Оссона, Махмуда II и великих османских реформаторов XIX века могли взаимодействовать с другими культурами, не заражаясь комплексами превосходства или неполноценности, ориентализмом или западничеством. Единственный крестовый поход против Константинополя был конфликтом между христианскими конфессиями, а не между христианством и исламом.

Европейские силы не только часто защищали город дипломатически — они также усиливали его физическую оборону в пяти известных случаях — Франция в 1770 и 1807 годах и Британия в 1877–1878 годах против России; Германия в 1915 году против Британии и Франции; Британия, Франция и Италия в 1922 году против Греции. До 1918 года Константинополь успешно сопротивлялся европейскому империализму и манипулировал им. Если с 1918 по 1923 год во время самого мощного западного влияния город был оккупирован, это произошло благодаря вступлению империи в войну в ноябре 1914 года — против желания династии, народа и большей части кабинета.

К этому времени каждая этническая группа в городе начала поддаваться особому современному национализму. Великая османская инициатива потерпела неудачу. После отъезда династии в 1924 году Константинополь из самого интернационального города в Европе превратился в один из самых националистических. О династии Османов при отправке ее в ссылку в 1924 году сожалели больше, чем о других свергнутых династиях; однако затем ностальгия стала угасать. За пять с половиной лет пребывания на посту британского посла во время Второй мировой войны сэр Хью Нетчбалл-Хьюджесен не слышал ни одного выражения сожаления по поводу империи — это свидетельство подтверждается всеми другими источниками. В отличие от Вены, Константинополь повернулся спиной к прошлому. Даже его имя изменилось. Прежнее название исчезло из-за его османских и международных ассоциаций. С 1926 года почта признавала только Стамбул; это имя выглядело турецким и использовалось большинством турок. Стамбул и Турция в лихорадке патриотизма шли за Мустафой Кемалем, своим спасителем от уничтожения. Его преемник, президент Исмет Иненю, вспоминал: «Мы горели»⁴.

Реформы Кемалья оказались эффективными, потому что он возводил свое здание на столетнем фундаменте османской модернизации. Большинство его мер уже планировались с 1908 года младотурками и кругом Зии Гокальпа — или уже было введено в практику городской элитой, как ограничения ислама до частной сферы и снятия покрывал с женщин. В марте 1924 года пост шейх-уль-ислама и *вакуфы* были упразднены: потеряв свои наследовавшиеся доходы, многие семьи *улемов* обратились к коммерции. Религиозные школы были закрыты, суды *шариата* упразднили. Турецкая республика приняла свод законов, основанный на швейцарском образце. Годом позднее были запрещены ордена дервишей, а многие *текке* снесены. Кемаль сказал: «Республика Турция не может оставаться землей, верный путь — это путь цивилизации».

Определенные аспекты формального ислама, вроде паломничества в Мекку, также не поощрялись. Однажды в пятницу в 1926 году Роберт Бирон отметил, что только 150 мусульман молились в Айя-Софии. Патриотизм заставил отца писателя Азиза Несина, несмотря на его преданность османскому султану, оставить семью в Стамбуле и сражаться за националистов.

После 1924 года, однако, он изменился. Как-то по секрету — из-за страха полиции — он сказал своей семье, что Кемаль — еврей, алкоголик и разрушитель ислама. Гарольд Армстронг слышал тираду одного *хаджи* в почти пустой мечети в Эйюпе в 1925 году: «Религию убило правительство, которое является динсиз* и не признает никакой религии; они забрали все исламские деньги, заморили голодом служителей мечетей и отбросили религиозные порядки; люди хотят прийти и молиться, но они боятся»².

Если традиционные мусульмане ощущали притеснения, то же происходило и с соратниками Кемалья. С 1925 года по закону о поддержании порядка стамбульскую прессу, некогда столь критичную, заменили кемалистские газеты. И Социалистическая партия, и Социалистическая партия рабочих и крестьян были запрещены. Хусейн Хилм, социалистический лидер (и, как подозревали, британский агент), был убит при таинственных обстоятельствах — как и нескольких религиозных лидеров — вскоре после того как националисты вошли в город. После 1927 года социалистические майские демонстрации, которые проходили с 1912 года, были запрещены. Правительство ввело новые внутренние паспорта. Везде были развешаны портреты Кемалья — как развешаны они и сейчас. Турция поразила одного визитера как «самая коварная из всех современных диктатур».

Чтобы противостоять автократии Кемалья, его бывший коллега пытался создать новую партию, аналог комитета «Единение и Прогресс». Кемаль оплатил серией показательных судов, поставленных над законом. Кязима Карабекира и Рефета оправдали. Рауфа ненадолго посадили в тюрьму. Халиде Эдиб и ее мужа отправили в ссылку. Кара Кемаль застрелился. Кавида, бывший министр финансов, был повешен³.

В ссылке Халиде Эдиб горячо клеймила многие действия Кемалья, назвала в своих мемуарах его режим «террористическим». Описав то, что она видела молодой девушкой во время службы ее отца в Йылдызе, она также создала великолепный роман о Константинополе эпохи Хамида, «Клоун и его дочь», который воспевал традиционную жизнь среди старых соседей, оживленность *текке*, «медово-золотой голос молодого певца Корана Рабии — по контрасту с западными певцами, чьи голоса звучали как набор

* Языческим (*тур.*).

пронзительных криков и вой в сумасшедшем доме». Ее похвала традиционной турецкой музыке была особенно острой, так как между 1926 и 1944 годами национальную музыку официально всячески принижали и убрали из учебных планов Стамбульского университета.

От чадры людей постепенно отучали, хотя не запрещали до конца. В течение нескольких лет давление государства было настолько сильным, что трудно стало увидеть в Стамбуле женщину под чадрой. Зато феску, символ Османской империи и ислама, в 1925 году поставили вне закона: ношение ее остается криминальным до настоящего дня. Кемаль считал, что шляпа сделает турок более «цивилизованными» по менталитету и образу жизни и позволит Турции занять свое «законное место в семье народов». Вечерний Стамбул потерял свои отличительные красные конусы и приобрел тысячи черных и коричневых шляп. Халиде Эдиб прокомментировала: «Главным результатом «закона о шляпах» стало то, что он обогатил европейские шляпные фабрики за счет обедневших при этом турецких»⁴.

Кемаль отказал многим в приглашении посетить Стамбул: он негодовал из-за того, что город противостоял его правительству в 1922–1925 годах, как и из-за его поведения во время оккупации. Он, наконец, вернулся сюда в 1927 году, приветствуемый жителями в состоянии иступления. Войдя во дворец Долмабахче, он заявил, что впредь тот станет не резиденцией «теней бога», а «дворцом нации» — хотя в действительности дворец, где Кемаль умер в 1938 году и был выставлен для прощания в тронном зале, так и не открыли для публики до 1981 года. Годом позднее в парке дворца Топкапи он торжественно объявил самую революционную перемену из всех: замену османского алфавита латинским. Мотивом стало распространение грамотности — и, опять же, приближение Турции к Западной Европе. Перед группой чиновников и их жен он заявил: *«Мы должны освободиться от этих непонятных значков, которые веками держали наши умы в железных тисках... Наша нация покажет своим языком и своим умом, что ее место в цивилизованном мире»*⁵.

В Долмабахче 11 августа он преподавал чиновникам двухчасовой урок латинского алфавита: их османское образование, благодаря которому большинство уже знали французский, сделало перемену шрифта относительно легкой. Это была одна из немногих

реформ, которую отдельные члены элиты сначала не одобрили. Фуад Кёпрюлю, который некоторое время в 1920 году находился в тюрьме у британцев, а затем преподавал турецкую историю и литературу в Стамбульском университете, записал: «Цивилизация не может просто ассимилироваться путем изменения алфавита». Великий турецкий еврейский ученый Авраам Галанте тоже защищал старый алфавит. Благодаря визитам в японское посольство он знал, что более сложный алфавит не помешал Японии превратиться в самый успешный пример модернизации незападной страны.

Однако это противодействие со временем исчезло, как всегда происходило при Мустафе Кемале. Кёпрюлю позднее стал одним из членов окружения Кемала, нанеся ему более сотни визитов в Анкаре и присутствуя на многих ночных заседаниях с выпивкой и спорами.

Другой переменной стало исключение из турецкого языка после 1932 года того, что называлось «лингвистическими капитуляциями» — арабских и персидских слов. С турецким языком обращались скорее как с порождением науки, чем с живым языком. Чужестранные и часто непонятные слова, происходившие из старотурецкого, французского или просто кемалистского воображения, сменили прежний богатый и разнообразный османский словарь (для большего эффекта использовавшиеся в собственных ранних речах Кемала). Так, *мектеб*, слово, означающее «школа» и происходившее от арабского корня «писать», стало *окул* — от французского *эколь*.

Турок отрезали от их прошлого. Османская литература и документация стали непонятными: Кемаль поручал в первую очередь делать переводы на современный турецкий язык западных, а не османских классиков. Каллиграфические надписи, которые являются основным орнаментом Стамбульских памятников, уже невозможны для прочтения жителями города; впрочем, при их написании красота все равно обычно ставилась выше содержания.

Успеху программы Кемала помогала лояльность элиты к государству и осуществлению реформ. После 1924 года появилось сравнительно мало эмигрантов. Бывший халиф Абдул-Меджид

жил в Ницце и Париже, посещая и пятничные молитвы, и классические концерты, нося феску, сделанную армянином, который также покинул Стамбул. Как другие высланные, он верил, что скорость реформ Кемаля оставляет пустоту в душе людей. «Не постановления формируют души, а души формируют постановления, — говорил он. — Внезапная и полная зачистка есть безрассудство».

Последний халиф умер в Париже в 1944 году. Его сын Омер Фарук-эфенди переехал в Каир. На главной стене его студии до сих пор висит в рамке телеграмма от Мустафы Кемаля, который разрушил его жизнь: «Пришлите назад Его Императорское Высочество, когда это случится»⁸. К концу жизни, разведясь с Сабихой-султан и женившись на другой своей кузине, он хотел только одного: вернуться умереть в Турцию. Он умер в Египте в 1969 году.

Другим членам династии дали одну неделю, чтобы собрать вещи и уехать в ссылку. Исключений не было. Внезапно вырванные с корнем из города, который был для них целым миром, люди, для которых даже путешествие к Босфору было целым событием, рассеялись по Соединенным Штатам, Франции и Индии, а также по бывшим османским землям — таким как Албания, Ливан и Египет. Дочь Абдул-Хамида, Айсе-султан, которая жила во Франции, написала в своих мемуарах: «Мы оказались группой человеческих существ без родины, без дома, без приюта. История нашей семьи в ссылке стала последовательностью трагических смертей». Ее брат, Мехмед Абдулкадир, играл в оркестре в Софии; он был так беден, что его похоронили в могиле для нищих. Другой брат, Абдурахим, выдающийся военный Первой мировой войны, совершил самоубийство в Париже, оставив денег, едва хвативших, чтобы оплатить похороны. Сестра, Зекие-султан, умерла в сильной нужде в отеле в По⁹. Только в 1975 году османским принцессам и принцам, в четко определенном порядке, позволили вернуться в Стамбул. Глава династии настоящего времени посещает Стамбул из своего места проживания в Нью-Йорке.

Стамбул не имел своего роялистского движения или роялистского квартала, вроде Фобург-Сен-Жермен в Париже XIX века. По одной из оценок, 93% османских офицеров и 85% чиновников перешли на службу республике. Последнего великого

визиря, Тевфик-пашу, который умер в возрасте 96 лет в 1938 году, республика похоронила со всеми воинскими почестями. На семейном участке Конак возле Таксима, подарке от Абдул-Хамида, его внук построил «Парк-Отель», который заменил «Пера Палас» как самый фешенебельный отель в городе. Последний дворец евнухов можно рассмотреть за чашкой кофе в кафе Лебон на Гран-рю-де-Пера или совершая специальную прогулку, когда визитеров водят по дворцу Топкапи: его открыли как музей в 1926 году.

Большинство «скомпрометированных» турок вернулись в Стамбул после смерти Ататюрка в 1938 году. К примеру, секретарь халифа Салих Керамет преподавал в Роберт-колледже. Он так мало рассказывал о прошлом, что многие его коллеги даже не знали, что он служил последнему халифу. Типичную траекторию описала судьба Эдхема Дирвана, внука великого визиря Абдул-Меджида и потомка Мелека Ханима, автора забавной, но не заслуживающей доверия книги «Тридцать лет в гареме». Родившийся в 1865 году, получивший образование в Галатасарае и административном колледже, он работал в Йылдызе в должности секретаря и переводчика детективных рассказов для Абдул-Хамида. Под конец он уехал в Европу. Он служил правительствам младотурок как провинциальный губернатор и Вахидеддину — как министр торговли и почт. В 1918–1922 годах вместо присоединения к Кемалю он предпочел остаться в Константинополе, в ялы конца XVIII века возле Сладких Вод Азии, принадлежавшей семье Кибрисли. Он возмущался, что последний султан уехал на британском линкоре, но сам ненадолго оставлял страну в 1923–1925 годах, избегая возможного изгнания. Однако этот продукт Османского дворца поддерживал каждый аспект революции Кемалья. Подобно Салиху Керамету, он никогда не молился и не постился на публике; в пожилом возрасте он перевел на турецкий язык «*Discours de la methode*» Декарта. Он умер в возрасте 96 лет в 1958 году, в своем ялы, которое принадлежит его семье до сего дня¹⁰.

Однако первые годы республики для некоторых социальных групп стали концом. Мустафа Кемаль был и спасителем, и разрушителем. В апогее национализма после 1920 года большинство интернациональных городов сделались национально однородны-

ми. Вена и Санкт-Петербург стали провинциальными, Прага — полностью чешской, Триест — итальянским, Салоники — греческими. Измир был сожжен, Дели утратил свои музеи. Стамбул продержался дольше других, но он тоже уступил.

После 1923 года Турецкая республика отказала курдам в свободе и самоопределении. Хотя сначала националисты приветствовали курдскую автономию, с 1923 по 1991 год курдский язык был объявлен вне закона, а курдов определяли как «горных турок». Лорд Керзон указывал, что впервые в истории турецкое правительство решило, что курды — это турки. Во время оккупации многие курды обратились к иностранной помощи. Семья Бедир-хана, некоторые члены которой помогали России во время войны, заслужила пробританскую репутацию — и, вероятно, получала деньги от греческого верховного комиссариата. Британская разведка рапортовала, что «курдская партия в Константинополе взята на содержание греческими властями из-за отсутствия средств в распоряжении курдских лидеров». В 1935 году был подавлен мятеж Саида-муллы — поднятый в защиту Османского халифата, а также курдской нации¹¹.

Турецкое правительство надеялось, что далее, по словам министра иностранных дел 1927 года Тевфика Рушди-бея, курды «неизбежно будут обречены» и разделят судьбу «красных индусов» (то есть индийцев). Он говорил верховному комиссару в Багдаде, что «турецкое правительство намерено выслать курдов из Анатолии, как они изгнали греков и армян». Он обсуждал с Мустафой Кемалем «дефектный менталитет курдов и невозможность убедить их принять реалистичную и рациональную политику современной Турции». С этого времени большое количество войск было размещено на востоке; многих курдов депортировали на запад, а заметная часть региона ушла из-под правительственного контроля. Стамбул потерял свою роль курдского центра¹². Семейство Бедир-ханов покинуло Каир и Европу. Доктор Камран Бедир-хан, родившийся в Константинополе в 1895 году, умер в 1978 году в Париже, где преподавал в Сорбонне курдский язык. Он основал и спонсировал Институт курдских исследований (*d'Etudes Kurdes*), который до наших дней остается видным курдским научным центром¹³.

До 1940 года население Стамбула оставалось стабильным, сохраняясь на уровне примерно 800 000 человек. Каир, населе-

ние которого выросло с 374 000 человек в 1882 году до 1 312 000 в 1937-м, сменил его в статусе самого крупного города Среднего Востока и фокуса всего арабского мира. Как бы они ни любили Стамбул, большинство арабов вернулись на свою родную землю. Подобно грекам и болгарам в XIX веке, они считали, что Города им недостаточно. Выдающийся сирийский интеллектуал Сати аль-Хусри был главой сначала учительского колледжа в Константинополе в 1909–1912 годах, затем — модной смешанной школы в Нишанташе, называвшейся «Йени мектеб» («Новая школа»). Он женился на дочери морского министра и, как многие арабы, оставался лояльным к Османской империи до 1918 года. Его жена предпочитала оставаться в Константинополе. Однако он чувствовал, что, так как империя потеряла свои арабские провинции, у него нет выхода. Когда он уехал в 1919 году, одна городская газета заявила: «Сирию отделили от нас».

В ходе британской интервенции другой константинопольский араб и бывший депутат османского парламента, шариф Фейсал, стал королем Ирака. В Багдаде, ставшем столицей нового государства, Сати аль-Хусри занял должность генерального директора по образованию и стал реорганизатором иракской системы обучения. Единственной связью, которую он сохранил со Стамбулом, когда изредка его посещал, оставалась его жена (с которой он продолжал говорить по-турецки), а также привычка нанимать здесь слуг. Он умер в Багдаде в 1969 году¹⁴.

Шариф Али Хайдар из старшей ветви хашимитов также покинул Стамбул в марте 1926 года. Он написал:

«Из всех бывших так называемых друзей только пятеро пришли на борт попрощаться со мной. Я ощутил скорее боль, чем удивление, потому что знал о переменчивости характера этих людей — но это оказалось тяжело после шестидесяти лет жизни в Стамбуле... Когда мы отплыли, я не мог выдержать, видя в последний раз свой любимый Стамбул, и я смотрел вперед на холмы Скутари и думал о своей семье в Шумлие. Я также молился за души своих отца и матери, чьи тела были захоронены на дальнем кладбище, на холме. Я не смог посетить их могил

и попроситься из-за своего национального костюма*. Все изменилось, и из-за этой перемены чего только не вынес Дом Мухаммеда? Боже, будь милостив к нам!»

С обеими своими женами, турчанкой и ирландкой, он высиделся в Бейруте, где и умер в 1935 году. Дом в Камлике закрыли, мебель продали. Его сестры вернулись в Мекку, брат уехал в Лакхедж в Хадрамауте; его сын Мухаммад и дочь Нимет переехали в Багдад¹⁵.

Новый мир арабского национализма столкнулся со старым миром арабского османизма, когда племянник короля Фейсала, Абдулилах, регент Ирака, в 1945 году посетил город на британском военном корабле с некоторыми своими министрами. Нури-паша, премьер-министр Ирака, когда-то был студентом военного колледжа в Константинополе, но сражался против османов в Первой мировой войне. Теперь *«он бежал по кораблю от борта к борту, чтобы снова увидеть места, которые помнил с детства... Когда корабль проходил Старый город и пушки начали давать королевский салют, он стоял, вцепившись в поручни на палубе, и я видел слезы в его глазах»*. Регент и его спутники заглянули к его бабушке, заброшенной историей на берега Босфора, в ялы в Эмиргане; здесь они говорили на османском, который использовали, как секретный язык при арабском дворе, когда не хотели, чтобы их понимали чужаки: *«Даже теперь, в пожилом возрасте, она сохранила ясность во взгляде и живость ума, которые превосходили многих ее современников равного положения в соседних христианских странах»*¹⁶.

Однако как и большинство венских чехов, составлявших там до 20% населения, которые остались в городе после 1918 года и стали австрийцами, большинство арабов (а также черкесов, албанцев и выходцев из Центральной Азии) остались в Константинополе и превратились в турок. Ислам и город оказались

* Все религиозные одежды были запрещены. В этом городе, когда-то так гордившемся своим разнообразием одежд, арабскую одежду могли посчитать провокационно исламской. (Прим. авт.)

сильнее, чем национализм. Старший сын шарифа Али Хайдара, Абдул-Меджид, вернулся в Турцию в 1951 году как посол Иордании (в 1931 году установилось примирение между двумя ветвями хашимитов). Его жена, Рукийе-султан с достоинством и интеллигентностью совмещала конфликтующие роли османской принцессы и жены арабского посла. Она никогда не рассуждала о новой Турции — хотя часто играла на пианино старые османские имперские марши. Эта пара, объединенная любовью к западной музыке (говорят, что Рукийе-султан была лучшей пианисткой в императорской семье, а ее муж играл на скрипке), не имела детей, после выхода главы семьи в отставку она осталась в комфортабельной квартире возле дворца Долмабахче. Шариф Абдул-Меджид умер в Стамбуле в 1967 году — на четыре года раньше жены. Оба его брата, шариф Мухиеддин, знаменитый музыкант, и шариф Фейсал, бизнесмен, также стали турками и жили в Стамбуле. При введении обязательных фамилий в 1935 году они изменили свои титулы на «Тарган» — турецкая форма слова «шариф». Современный и демократичный по духу, Фейсал Тарган забыл свои арабские корни и стал представителем «Дженерал Моторс» в Турции. Ни один из детей шарифа Али Хайдара не унаследовал фамильный дом в Камлыке. Сегодня (1995 год) этот дом превратился в свою тень. Различные помещения (*селямлик*, *гаремлик*, библиотека, кухня) находятся в состоянии разрушения или полного распада. Парк одичал, окруженный со всех сторон блочными домами и временками.

Самая младшая сестра шарифа, Мусба, вышла замуж за англичанина по имени Фрипп, переехала в Лондон и написала книгу воспоминаний об османском Константинополе под названием «Арабески» (1944). Последний из ныне живущих детей шарифа Али Хайдара — это ее сестра Сфине, одна из немногих, кто может помнить Константинополь до 1914 года. Она вышла замуж за египтянина и теперь, как его вдова, продолжает получать деньги от семейного *вакуфа* в Мекке — хотя шарифы утратили Хиджаз в пользу аль-Сауда в 1925 году. Когда ее спрашивают о прошлом, она говорит: *«Я все забыла, моя дорогая, я теперь стара. Не могу помнить все прошлое. Никого теперь не вижу. Я тут сижу и читаю, и ничего не делаю. Люди могли уживаться вместе в старые дни. В наши дни они выцарапывают друг другу глаза. Он [Кемаль] разрушил страну»*¹⁷.

К ее сожалению, Стамбул, как и Александрия, потерял своих греков. Правительство, которое хотело изгнать патриархат, и выслало в 1925 году одного патриарха, не обеспечивало грекам чувство безопасности. Введенный с 1934 года закон, ограничивавший нетурок в занятиях такими профессиями, как стоматолог, юрист или фармаколог, вызвал дальнейший массовый отъезд греков. Растущее число стамбульских греков на улицах Афин демонстрировало их чувство космополитического превосходства. Считая эллинских греков немногим лучше албанцев, а сами Афины примитивными и скучными, многие из них чувствовали себя более отчужденными в Греции, чем в Османской империи; некоторые из них позднее составили основу греческой коммунистической партии¹⁸.

Константинополь становился бедным и провинциальным. В 1923 году британский офицер докладывал, что значительное число турок находится на грани голода: «Практически весь бизнес в порту прекратился, оставив сотни тысяч курдов и лазов без работы». Между 1925 и 1935 годами, во многом против их воли, посольства переехали в Анкару: старые посольские дворцы остались пустовать, теперь пониженные до статуса генеральных консульств. Поддержанием инфраструктуры города пренебрегали, чтобы оставить средства для новой столицы в Анкаре. Путешественники находили Стамбул «умирающим городом», «невыносимо запущенным»¹⁹.

Отсутствие денег заставляло людей уезжать — точно так же, как его привлекательность когда-то заставляла их приезжать. В 1920 году в Стамбуле жили 150 000 «белых» русских; в 1922-м — 30 000; в 1930 — 1400. До 1914 года в город приезжали много евреев из России, спасаясь от погромов; в 1941-м он вел себя так же бессердечно, как и другие нейтральные города. В декабре 1941 года в Золотом Роге пришвартовалось судно «Струма», забитое 769 еврейскими беженцами из Болгарии и Румынии. Ни одному не разрешили сойти на землю — отчасти по просьбе британского министерства колоний, чтобы предотвратить отправку его пассажиров в управляемую британцами Палестину, куда Лондон запретил принимать еврейских иммигрантов. 24 февраля 1942 года турки отбуксировали судно из Босфора в Черное море, за пределы турецких вод. Там он взорвался сам или был взорван, погибли все находившиеся на борту²⁰.

В 1942 году, в зловещей связи с взлетом нацистской мощи в Европе, был введен *варлик вергеси*, или «основной налог», поставивший в невыгодное положение армянские, еврейские и греческие фирмы. Чтобы помочь расширению турецких фирм, они должны были заплатить соответственно 232, 184 и 159% от своего капитала. Старые бизнесы исчезли в одну ночь: их хозяева остались ни с чем, кроме глаз, чтобы плакать. Издательство и типография Фрателли Хаима, которой владели итальянские братья-евреи, нанимала турок, греков, армян и евреев. Ее использовал Авраам Галанте, чтобы опубликовать за собственные деньги многие свои научные работы, прославлявшие турецко-еврейскую дружбу на протяжении веков. В итоге *варлик вергеси* Фрателли Хаиму пришлось продать свое дело фирме «Самербанк». Галанте, который затем стал депутатом, не протестовал против судьбы своих издателей²¹.

Стамбул потерял свою роль магнита для людей и идей. Немного беженцев из коммунистических государств на Балканах селились там после 1945 года. Албанцы направлялись скорее в Нью-Йорк, чем в свою бывшую столицу.

Тем не менее в 1930 году в Стамбуле все еще насчитывалось более 100 000 греков. В первые годы существования НАТО отношения греков с турками были относительно гармоничными. Однако предупреждение Рефета в 1922 году, «что грекам, если они не будут на самом деле высланы, следует настоятельно посоветовать уехать, так как в будущей новой Турции они не смогут жить», было в итоге выполнено. Мятеж 5–7 сентября 1955 года стал началом конца. Проблемы между греками и турками на Кипре и газетный заголовок, заявляющий, что имела место бомбовая атака на место рождения Ататюрка* в Салониках, послужили предлогом для беспорядков. Студенты, хамалы и люди из пригородов громили и грабили христианские магазины и дома. Американский чиновник записал: «Я лично стал свидетелем грабежа многих магазинов, когда полиция стояла рядом, не предпринимая никаких действий, или подбадривала толпу». Семьдесят одна церковь и два монастыря были разрушены. На следующий день люди проснулись и увидели бывшую Гран-рю-де-Пера, пе-

* «Отец турок» — это имя с 1934 года было официально присвоено турецким парламентом Мустафе Кемалю. (*Прим. ред.*)

реименованную в Истикляль Каддеси (Улица Независимости), покрытую сплошным ковром разбитого стекла и кипами одежды. Трамваи не могли ходить, так как провода оказались сорваны. Ян Флеминг, находившийся в Стамбуле на закрытии конференции Интерпола, проходившей в Шале-Киоске в Йылдызе, записал: «Ненависть неслась по улицам, как лава»²².

Три фактора доказывают, что мятежи были организованы правительством: отсутствие в Стамбуле министров (хотя большинство из них обычно проводило тут лето), отсутствие разрушений самых знаменитых объектов вроде патриархии, а также тот факт, что имел место лишь один смертельный случай — погиб старый греческий монах в Балыклы*. Правительство использовало мятежи как повод для введения закона о военном положении и ареста коммунистов.

Демократическая партия находилась у власти с 1950 года. Ведущим ее деятелем являлся Фуад Кёпрюлю, который оставил изучение истории, чтобы стать депутатом от Стамбула и министром иностранных дел. Великие визири его семьи были известны своими усилиями по созданию цивилизованных отношений с меньшинствами. Фуад Кёпрюлю пытался обвинить в мятежах коммунистов — хотя позднее признал, что ответственным был Аднан Мендерес, премьер-министр**. Так как число греков, покидавших Стамбул, постоянно росло, Кёпрюлю утверждал, что их отъезд — это лишь свидетельство стремления расширить свой бизнес за границей²³.

Мендереса судили и казнили в 1961 году — в том числе частично за подстрекательство к погромам. Однако его последова-

* По другим данным погибли около полутора десятков человек (из них один армянин), в том числе двое духовных лиц. (Прим. ред.)

** Аднан Мендерес (1899–1961) в 1945 был исключен из кемалистской партии за требования демократизации — однако когда в 1950 году основанная им Демократическая партия выиграла выборы, сам он начал ограничивать демократию еще больше, чем кемалисты. В 1960 году после студенческих волнений Мендерес был смещен командующим армией генералом Джемалем Гюрселем, отдан под суд и 17 сентября 1961 года повешен по обвинению в коррупции вместе с двумя министрами — Фатином Зорлу и Хасаном Полатканом. Гюрсель, ставший президентом вместо арестованного Джеляля Баяра, объявил, что страна возвращается к принципам кемализма. В 1990 году Мендерес, Зорлу и Полаткан были официально реабилитированы, именем Мендереса названы университет и аэропорт. (Прим. ред.)

тели продолжали его политику. С 1964 по 1970 год большинство греков были изгнаны или вынуждены уехать сами. Но все-таки некоторые греки продолжали жить в Стамбуле, удерживаемые старостью, оптимизмом или любовью к городу. Последним греком-миряннином в Фанаре был Теодор Харитонидис, холостяк, служивший в Османском банке, деливший квартиру со своей сестрой. К концу жизни его одежда и ковры превратились в отрепья; никто его не посещал. Он умер в Стамбуле в 1972 году. Последний фанариот по крови и потомок семейства Маврокордато, который жил в городе, — Александр Веглерис, сын Григория Веглерис-бея, последнего князя Самоса, и Анны Каратеодори; он умер в Еникее в 1985 году²⁴. Маврокордато теперь живут в Афинах, Эдинбурге, Лондоне, Париже — повсюду, кроме Стамбула. В Греции и в Северной Америке константинопольские клубы пытаются сохранить живой память о греческом городе. Каждый год в Афинском соборе проходит служба в ближайшее воскресенье к 29 мая — дате, когда Завоеватель вошел в город. После нее несколько стариков-греков кричат: «*Athantos, athantos!*» («Бессмертный! Бессмертный!») перед бронзовой статуей Константина XI, «Бессмертного Императора».

Из 2000 греков, оставшихся в Стамбуле в наши дни, большинству уже больше 65 лет. Их школы и их церкви хорошо управляются, так как патриархат все еще имеет здесь крупные поместья. Однако мало кто теперь посещает их. Теперешний Вселенский патриарх Варфоломей I возведен на престол в Фанаре в 1991 году. Но приток обученных православных священников с необходимым для них ныне турецким гражданством все уменьшается. Семинария на Хейбели, одном из Принцевых островов, закрылась в 1970 году. Чувства некоторых греков, испытываемые к патриархату, самому старшему институту в Европе после Ватикана, похожи на чувства многих османских официальных лиц в конце империи: «Когда придется умирать, позвольте, по крайней мере, умереть с чувством собственного достоинства».

Армянская община тоже приходит в упадок, хотя и не с такой скоростью. Около 50 000 армян остались в Стамбуле, у них тридцать восемь церквей и двадцать три школы. В Стамбуле сегодня уже нет Дадьянов, Бальянов или Дузьянов. Из последних Дадьянов Анна Дадьян уехала в Египет в 1922 году и вышла замуж за дядю Генерального секретаря ООН Бутроса Гали. Один Дадьян

работал на стамбульском трамвае, другой ухаживал за лошадьми Ататюрка. Стамбульские армяне повторяют слова Сфине, дочери шарифа Хайдара: «Они уезжают, уезжают, уезжают постоянно. Они все боятся. Люди не могут привыкнуть жить вместе бок о бок»²⁵. На кладбищах теперь христиан больше, чем на улицах Стамбула. В конце XX века мысль, что грекам и армянам когда-то доверяли османские чиновники, часто предпочитая их мусульманам, — кажется такой же отвратительной для их потомков, как и некоторым современным туркам. Никто не пострадал больше от падения Османской империи, чем греки и армяне. Ни один европейский город не пережил такой трансформации в населении, как Стамбул.

Католический левантийский мир также испарился. Семья Теста, первая из таких семей, появившаяся в Пера, уехала одной из последних. Последний Теста в Стамбуле, Иполит-бей, вел жизнь бездельника в квартире возле Истикляль Каддеси, напротив кафе Лебона. Он женился на девушке из богатой греческой семьи Витали, но стал турком по национальности и настрою. Он умер в Стамбуле в 1960 году. Его сын Фредерик также ощущает себя турком. Тем не менее он уехал из Стамбула по двум причинам. Он не хотел скатиться в низкую левантийскую ментальность; и он не был полностью принят в новом мире турецкого национализма. Он принимал участие в организации Демократической партии вместе с Джеляль Баяром и Фуадом Кёпрюлю в 1947 году. И все-таки он уехал — у него не было будущего в турецкой общественной жизни, несмотря на знание многих языков (турецкий, греческий, английский, французский, немецкий). Когда его имя, когда-то известнейшее в Стамбуле, упоминалось в разговоре, люди спрашивали из-за того, что оно не звучало по-турецки: «Как такое имя может существовать?» В 1950 году он покинул Стамбул. Первое, что он увидел на Западе, была вывеска «Пейте кока-колу» в порту Неаполя. Как многие потомки старых стамбульских семей, включая самих Османов, он теперь живет в Париже. Он все еще верит, что «после Стамбула нет уже ничего» и разделяет послы Пера: «Одной культуры недостаточно, чтобы питать любой интеллект». Турецкое посольство — его второй дом²⁶.

Отъезд других членов его семьи из Стамбула в различные европейские государства привел к тому, что мужчины этой семьи дипломатов оказались в разных армиях. Один представитель не-

мецкой ветви погиб в Первую мировую войну, трое — во Вторую. Французский Теста умер в концентрационном лагере Маутхаузен. Австрийские и немецкие ветви теперь полностью вымерли, но во Франции и Нидерландах Теста процветают. Один Теста вернулся в Стамбул в качестве французского генерального консула в 1970-х годах — француз, для которого Стамбул уже был иностранным городом.

19 мая 1971 года Анжела Лорелли, жена хозяина последней стамбульской франкоязычной ежедневной газеты «Ле Журнал д'Ориент», написала: *«Некоторые из наших читателей просят статьи о болезнях и лечении доктора Иззета де Таранто*.* Они не знают, что доктор Изетт де Таранто умер в Соединенных Штатах... Месье Алессандри, Гализзи и Духани** также мертвы. Барон де Вердор и М. Ливио Амедее Миссир продолжают посылать свои статьи, когда у них есть, что сказать».

В этом году, когда у нее почти не осталось читателей, «Ле Журнал д'Ориент» закрылась²⁷. Единственные французские слова, видимые там, где когда-то находилась Гранд-рю-де-Пера — это заблудившиеся во времени надписи: *Cite de Pera, Passage Oriental, S. Michdjian Architecte*. Так как они вырезаны в камне, их невозможно удалить.

Вне физического тела города Стамбула выжившие жители старой интернациональной столицы ценились именно за свои космополитические умения. Четыре главных министра Трансйордании (включая сына советника Абдул-Хамида, Абу'л-Худу), три премьер-министра Ирака, два президента Сирии, премьер-министр Албании и первый министр иностранных дел Ливии, получившие образование в Константинополе, оказались среди многих национальных политиков после 1918 года²⁸. В 1919 году уехал в Париж великий рабби Хаим Нахум — непопулярный и среди сионистов за свои протурецкие настроения, и у османского правительства за поддержку младотурок. В 1924 году король

* Представителя известной семьи евреев-сефардов. (Прим. авт.)

** До своей смерти в 1965 году он продолжал писать беззаботные хроники заката оттоманской столицы, игнорируя прячущиеся под этим ужасы. Он жил как монах в квартире вне Гранд-Рю-де-Пера: его жена вернулась в Париж, а сын совершил самоубийство. (Прим. авт.)

Фуад, сын хедива Исмаила, хорошо знавший Константинополь, назначил его великим рабби Египта. Король часто вызывал его во дворец Абдин, чтобы ответил на вопросы о проблемах дня по-турецки. Беседа всегда начиналась с вопроса: «Как это делалось в Османской империи?» Рабби умер в Каире в 1960 году, слушая турецкое радио на берегах Нила, посадив свое зрение переводом на французский сборника османских фирманов, касающихся Египта. Национализм разрушил его мир²⁹.

Другим наследием Константинополя была королева Саудовской Аравии. Во время визита туда в 1919 году Фейсал, будущий король Саудовской Аравии, встретил свою кузину Иффат аль-Тунаян из ветви аль-Саудов, которые поселились в Константинополе в XIX веке. После их женитьбы она обрела свободу, переехав из османской столицы во дворцы Саудовской Аравии. В 1931 году ее описывали как «родившуюся и получившую образование в Константинополе, умную и твердо намеренную сделать мужчину из Амира, который, как утверждали, находился под сильным ее влиянием и согласился отставить других своих жен ей в угоду». До сего дня она единственная супруга саудидов, получившая титул королевы³⁰. Во время правления ее мужа юный албанский кузен королевы Иффат Кемаль Адхам, родившийся в Константинополе и бегло говоривший по-турецки и по-французски, стал главой внешней разведки и самым доверенным советником короля³¹. В настоящее время его ищет Интерпол в связи с банкротством ВССИ*.

В то же самое время, частично из-за своего человеческого материала, Стамбул потерял большую часть своих культурных ценностей и художественного наследия. Процесс начался еще в конце XIX века. К 1900 году при обстоятельствах, которые никогда не изучались, «Шахнамэ» Хаутона, один из величайших украшенных цветными рисунками манускриптов, сделанный в XVI веке подарок шаха Персии османскому султану, покинул дворец Топ-

* «Международный банк кредита и коммерции». Основан в 1972 году пакистанским миллионером Ага Хасаном Абеди, при этом главным акционером (75% акций) стал шейх из Абу-Даби Заид бен Султан аль-Нахайян. Обанкротился в 1991 году после того, как начатое в Англии и США расследование выявило, что через банк отмывались деньги латиноамериканских наркокартелей и ближневосточных торговцев оружием, а также других криминальных структур. (Прим. ред.)

каши и оказался в коллекции барона Эдмонда де Ротшильда. Зловещий дилер-дипломат Ф. Р. Мартин, драгоман «Шведского легиона», который помог организовывать первую крупную выставку исламской культуры в Мюнхене в 1910 году, заявил, что манускрипт, который он изучал в Топкапи, нуждается в новом переплете; он забрал старый османский переплет себе. Вероятно, из-за коррупции среди улемов ныне музеи Вашингтона, Бостона, Лиссабона и Берлина содержат панели, а в некоторых случаях целые стены, из разных стамбульских мечетей. Изникская панель из мавзолея Селима II возле Айя-Софии находится теперь в Лувре³².

Многие архивы также оказались утрачены. В 1931 году министерство финансов килограммами продавало старые бумаги болгарскому правительству для использования в качестве макулатуры. Так как пачки бумаг вываливались из грузовиков, доставлявших их на железнодорожную станцию, фирман султана или книгу счетов принцессы можно было найти просто валяющимися на дороге. В конце концов Болгария вернула свою покупку. Но и сохранившиеся архивы столь огромны и написаны на языке, известном теперь столь немногим, что османская история до сих пор остается плохо исследованной. Когда-то так хорошо знакомую внешнему миру Османскую империю вполне можно именовать «забытый гигант»³³.

Огромные дворцы и почти все мечети сохранились. Линия горизонта из куполов и минаретов не изменилась. Однако сохранилось только около пятнадцати *ялы* и *конаков*. Уже в 1921 году Абдул-Меджид написал Пьеру Лоти, что Константинополь стал почти неузнаваем: «Возле прекрасных ялы, которые исчезают, строятся ужасные фабрики из армированного бетона». Фотографии с воздуха этого периода показывают, что Константинополь уже имеет множество семи- или восьмизэтажных блочных многоквартирных зданий. Расширение улиц в 1926 году почти уничтожило оставшиеся старые дома в Фанаре³⁴. Огромное кладбище Ускудар теперь рассечено сетью дорог. Многие другие кладбища, такие как «Пти Шамп дес Мортс», исчезли вместе с его могильными камнями. Сохранившиеся османские мечети и фонтаны тонут в океане бетона — квартиры и дома из него строят здесь с 1940 года.

«Сладкие Воды» как и Европы, так и Азии стали помойками, настолько заваленными отбросами, что мусор не может опустить-

ся на дно, а остается на поверхности. Окружающие город холмы, как вокруг *конака* шарифов в Камлике, покрылись виллами и многоквартирными домами. Босфор уничтожил себя собственной красотой — виллы и небоскребы каждый год наступают все ближе, чтобы получить лучший вид. Он больше не «Бриллиант между двумя изумрудами», а (отчасти из-за своей длины) сточная канава между двумя полосами жилых районов. Два автомобильных моста перекинулись через Босфор, но из-за количества населения паромы еще пересекают воды под ними. Последние каики видели здесь в 1950-х годах. Теперь правит автомобиль.

Стамбульский «Хилтон», где Ян Флеминг останавливался во время мятежей в 1955 году, стал первым современным зданием, которое грубо нарушило линию горизонта к северу от Золотого Рога. Одним из самых худших архитектурных преступлений последних пяти лет стало возведение отеля из стекла и бетона, нагло раскинувшегося на месте сосновой рощи над дворцом Долмабахче. Его вес угрожает фундаменту самого дворца. Другой гигантский отель заслоняет холм Йылдыза.

Одна из причин столь быстрого строительства в Стамбуле — это наплыв анатолийцев, рассматриваемый некоторыми как месть провинции за пятьсот лет пренебрежения и эксплуатации. С 1940-х годов жители Анатолии вливаются в город в поисках работы. Для них Стамбул является Эльдorado надежд и обещаний. Они вызвали экономический и демографический взрыв, не имевший места со времени правления Фатиха. Город, в котором когда-то отсутствовали крупные фабрики, теперь вмещает почти половину турецкой производственной индустрии. Его население имеет средний доход в 10 000 долларов в год — в пять раз больше среднего национального. Он стал городом 10 000 деревень. Многие районы называются «Маленький Газиантеп» или «новый Кайсери» — по имени городов в восточной Анатолии.

Население большинства мегаполисов в Европе стабильно: с 1945 года Лондон уменьшился с восьми до шести миллионов. Однако Стамбул, как Каир или Мехико-Сити, — это город, расширение которого давно вышло из-под контроля. В 1970 году его население составляло три миллиона; в 1985 году — пять с половиной; теперь оно не меньше десяти с половиной миллионов. Вскоре он станет, как на пике Византийской и Османской империй, самым большим городом в Европе. Если не произойдет

индустриальная революция в провинциях или не будет введен налог на въезд, город не сможет выжить. Самым большим врагом Стамбула оказались не Греция, не Россия, не Антанта, а собственные жители.

Люди, чьи семьи живут в Стамбуле поколениями и которые говорят с традиционным стамбульским акцентом, чувствуют себя, как преследуемое меньшинство. Шокированные последствиями возведения национального государства, к которому они стремились, они произносят замечания вроде: «Мы стали чужестранцами в нашем собственном городе... Стамбул больше не Стамбул... *C'est devenu l'Anatolie chez nous*»*. Некоторым не хватает многообразия национальностей османского города — и они оживляются при звуках греческой речи туристов из Афин в Стамбуле.

Некоторые аспекты материальной жизни заметно улучшаются. По всему городу высаживают деревья и цветы. Однако автомобили, фабрики и постоянное использование угля как топлива усиливают загрязнение каждый год. В большинстве районов зимой требуются воздушные фильтры. По некоторым данным, два миллиона жителей не имеют водопровода. Несмотря на общественные протесты, запланированными ограничениями регулярно пренебрегают. Как говорит турецкая поговорка, «тот, кто держит горшок с медом, вынужден облизывать пальцы». Передовые статьи газет сегодня обвиняют коррупцию в городе с энергией поэмы Тевфика Фикрета «Туман», написанной при Абдул-Хамиде: «*Растущее зловоние поглощает Стамбул. Чем больше люди об этом говорят, тем больше мы ощущаем зловоние, распространяющееся по Стамбулу. Грабеж и несправедливость заставляют людей повернуться к Партии благоденствия*»³⁵.

Стамбул разрывается между двумя идентичностями. С одной стороны, его роль как поля битвы символизируется подъемом фундаменталистской Партии благоденствия** и ее победами на

* Он стал с нами Анатолией (фр.).

** Фундаменталистская, исламистская партия Турции, несколько раз запрещалась властями и возрождалась под новыми названиями. Правящая в Турции с 2002 года Партия справедливости и развития является ее наследницей — хотя и позиционирует себя как более умеренная. Действующий президент Турции Эрдоган, как и его предшественник Гюль, были в руководстве Партии благоденствия. (Прим. ред.)

муниципальных выборах в 1993 году и национальных выборах в 1996 году, вызванными недоверием к другим партиям. Она пока остается непопулярной среди большинства жителей города. Однако чадра появилась снова; тюрбан, хотя и незаконный, можно увидеть на улице впервые за пятьдесят лет. Снова открываются *текке*. Коран снова читают в «Павильоне Священного плаща» во дворце Топкапи. Зов мечети становится громче — и метафорически, и буквально, из-за использования громкоговорителей на минаретах. Существует движение за возврат Айя-Софии (секуляризированной Аятюрком в 1931 году) к использованию в качестве мечети. Уже один маленький уголок в задней ее части используется для молитвы, а призыв к молитве передается с ее минаретов. По контрасту с меланхоличной церемонией в Афинах, массовые съезды, религиозные службы и театрализованный въезд Фатиха на белой лошади проводятся теперь в Стамбуле каждый год, чтобы отметить завоевание города, в этот день также соблюдается традиционный выходной. В ноябре 1995 года в своей речи лидер Партии благоденствия предсказал победу своей партии в Стамбуле, похваставшись: «Кто получает Стамбул, получает весь мир».

Еще одним вызовом Стамбулу является растущее количество курдов среди населения города, насчитывающее сейчас 20–30%. До сих пор курды хорошо интегрировались в городское общество. Несмотря на неравенство в уровне жизни, в Стамбуле пока меньше насилия, чем в большинстве других сравниваемых городов. Однако продолжающаяся на востоке страны война между турецкой армией и курдскими террористами, а также политика массового изгнания, напоминающие политику Кемаля в 1920-х годах, едва ли сделают эту гармонию продолжительной. Турецкая Республика имеет впечатляющие материальные и образовательные достижения, за семьдесят лет подняв грамотность с 5 до 80%. Однако определенные права человека (свобода высказываний, свобода от пыток и заключения в тюрьму) обеспечены куда меньше, чем в несколько последних лет Османской империи.

Несмотря на такие проблемы, Стамбул начинает восстанавливать свою роль места встречи культур. Впервые с 1920-х годов город стал частью мировой экономики с полностью конвертируемой валютой. В 1991 году Стамбульская фондовая биржа, оборудованная по последнему слову технологии, открылась в парке Истинье на Босфоре. Большинство стамбульцев принимают ме-

ждународную культуру всем сердцем, как городская элита XIX века принимала французскую культуру. Только редкие купола мечетей или минареты отличают пейзаж современного Стамбула от других европейских городов. Одежда, музыка, ночные клубы в большей части города такие же, как в Париже или Нью-Йорке.

Падение Советской империи ускорило возрождение Стамбула как международного города. Производя и продавая больше голубых джинсов и кожаных пиджаков, чем ковров и циновок, Большой Базар и окружающие его постоянные дворы превратились в Оксфорд-стрит Восточной Европы и Центральной Азии. Вернулись русские — не как паломники, захватчики или беженцы, а как торговцы. Одновременно мусульманский и светский, азиатский и европейский, традиционный и современный Стамбул снова, как в своем османском прошлом, является пересечением дорог мира.

ГЛОССАРИЙ

- авени* — сумма, произвольно взимаемая с западных купцов
- ага* — хозяин или господин; термин, часто использовавшийся для обозначения главы организации или племени
- акче* — серебряная монета, основная расчетная денежная единица в Османской империи
- амира* — искажение от арабского «эмир», то есть князь; обычно применялось к самым богатым армянским аристократам
- аязма* — фонтан, источник
- байло* — венецианский представитель в Константинополе
- бей* — господин
- берат* — официальный документ, несущий на себе *тугру* (см.) султана
- вакуф* — фонд, обычно основанный на какой-то недвижимости и отдающий доход (или его часть) на религиозные и благотворительные цели; на практике зачастую означал наследственный источник семейного дохода
- вали* — правитель провинции
- валиде* — мать султана
- воевода* — титул славянского происхождения, применявшийся к князьям Валахии и Молдавии
- войник* — христианская милиция, учрежденная на Балканах османами
- гази* — победоносный мусульманский генерал
- гёзде* — «в глазу», термин, использовавшийся для обозначения дамы гарема, на которую лег взгляд султана
- господарь* — термин, часто использовавшийся для обозначения правителя Валахии или Молдавии
- гяур* — немусульманин; по смыслу — «упрямый», «фанатичный», «жестокый»
- девширме* — практика отбирания мальчиков у сельских христианских жителей для обучения службе при дворце, в государственной администрации или в армии

- дёнме* — «новообращенный», термин, особо использовавшийся для евреев, перешедших в ислам в подражание Шаббатаю Цви в конце XVII века
- дервиш* — член суфийского ордена, стремящийся к достижению более высокого плана духовности
- джарийе* — рабыня, наложница
- джирид* — метание копья с лошади
- джихад* — война за распространение ислама или для его защиты, теоретически единственная форма войны, позволительная для мусульман
- Диван* — совет под контролем великого визиря, который правил империей
- зейбек* — турецкое племя, жившее в окрестностях Измира; выделялось головными уборами, традиционными короткими штанами и стройными фигурами
- зикр* — пение литаний в честь Аллаха, часто с танцем
- икбал* — фаворит султана, с которым тот имел сексуальные отношения
- имам* — руководитель молитвы
- имарет* — общественная кухня, раздающая пищу нуждающимся
- Кааба* — священный камень, вокруг которого возведена главная мечеть Мекки
- кади* — старший судья, отправляющий как исламские законы, так и государственные законы Османской империи
- кадиаскер* — самый высокий пост в османской правовой системе. Кадиаскер *Румелии* следил за соблюдением законов в европейских провинциях, кадиаскер Анатолии — в азиатских провинциях империи
- кадизаделиер* — последователь религиозного фанатика-сектанта шейха Кади-заде (после 1630 года)
- каик* — большая лодка, обычно весельная
- каймакам* — заместитель великого визиря, особенно влиятельный в администрации столицы
- кальфа* — старший клерк; старшина цеховой гильдии
- канун* — набор законов и предписаний, в основном касающийся административных или уголовных дел, издавался султанами и был создан, чтобы дополнять *шариат*

капудан-паша (каптан-паша) — главнокомандующий османским флотом

кира — слово, использовавшееся для обозначения доверенных лиц валиде-султан, действовавших вне дворца, часто они являлись евреями

конак — большой особняк

кул — раб султана, обученный для государственной службы

куруш — мелкая денежная единица

кызылбаш («красная голова») — принятое в Анатолии обозначение для шиитов или персов, врагов Османского государства, из-за их красных головных повязок

махалле (махалля) — квартал в городе

махмал — богато декорированные выючные носилки, посылавшиеся каждый год из Константинополя и Каира в Мекку

Мевлеви — дервишский орден, особенно предававшийся музыке и танцу

Мевлуд — праздник в честь дня рождения Пророка

медресе — учебное заведение, в котором упор делался в первую очередь на изучение Корана, *хадисов* и исламского закона

миллет — коммуна, автономная община, признаваемая османским правительством

Мусавере — консультация, а также консультативная ассамблея

мутеферрик — корпус сыновей знати и элиты, сопровождавший султана; часто выполнял роль верховой церемониальной стражи

муфтий — высший религиозный чиновник, чьи обязанности включали подачу письменных резолюций (*фетв*)

Мухаррам — первый месяц мусульманского года

муэдзин — человек, который призывает к молитве с минарета

пайль — «свадебная пальма», декоративное сооружение, украшенное фруктами и цветами, символизирующее изобилие

Низам-и Джедид — «новый порядок», термин, применявшийся к реформам Селима III, особенно к новым военным подразделениям, которые он создал после 1793 года

ода — комната, офис или контора; термин, часто использовавшийся для воинских частей

орта — середина или центр; также слово использовалось для обозначения воинской части (роты).

паша — титул, которым награждали старших османских сановников, произошел от слова *падишах*; в более позднее время обозначал генеральскую должность в армии

пейк — дворцовая стража, представители которой носили позолоченные шлемы

рейс-эфенди или *рейс-уль куттаб* — главный клерк в имперском Диване, позднее стал ответственным за иностранные дела

санджак-бей — правитель *санджака* или провинции

селямлик — мужская часть дворца; так же именовался проводимый там церемониальный парад, приуроченный к публичным пятничным молитвам султана

сераскир — главнокомандующий османской армии во время кампании, позднее военный министр

солак — стража из лучников, составлявшая оды янычар с 60-й по 63-ю и всегда сопровождавшая султана на войну; на парадах носила шляпы с перьями

софа — зал для приемов или приподнятое место в нем

софта — популярный термин для студентов *медресе* (см.), часто влиятельной действующей силы в гражданских беспорядках

суфий — исламский мудрец, часто член ордена дервишей

сюрюн — высылка или насильственное перемещение населения в интересах имперской политики

тандыр — жаровня, использовавшаяся для внутреннего обогрева дома и для жарки

Танзимат — реформы по западному образцу, проводившиеся в 1839–1876 годах

текке — жилище дервиша

теменна — приветствие, обычно в виде приложения пальцев правой руки к губам и лбу

тугра — монограмма султана

улемы (улема) — общность лиц, занимающихся религиозными отправлениями и получивших религиозное образование, в том числе учителей в медресе, теологов и юристов

уста — мастер в своей профессии

феридже — плащ, носимый мусульманскими женщинами вне дома
фетва — письменный ответ на вопрос, касающийся исламского законодательства

фирман — эдикт султана, обычно несший его *тугру*

хадж — паломничество в два священных города, Мекку и Медину, желательное для каждого мусульманина, по крайней мере раз в жизни

хадис — зафиксированное описание действий и слов Пророка, которое использовалось с целью интерпретации Корана

хамал — привратник, носильщик

хамам — мытье в бане или сама баня

хатт-и хумаюн или *хатт-и шариф* — формула, написанная над текстом *фирмана* собственной рукой султана, показывавшая, что он одобрил его содержание

ходжа — учитель

хутбе — служба, проводившаяся в мечети в пятницу и предваряемая молитвой, в которой упоминался правящий султан

чавуш — посыльный, привратник, слуга в униформе, часто употреблялся султаном как посол

челеб — торговец скотом

челеби — образованный человек, джентльмен

шариат — священный закон ислама

шейх — почетный титул, обычно касающийся *улемов* (см.) и лидеров орденов дервишей

шейх-уль-ислам — глава *улемы* региона, известен также как муфтий

шииты — противники мусульман-суннитов; верят, что религиозная и политическая власть должна принадлежать потомкам Али, зятя Пророка

эфенди — хозяин, аналог английского «сэр»

ялы — комфортабельный дом или усадьба, как правило в уютном месте у воды

яшмак — чадра или плащ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

Оценка конфессионального состава населения Константинополя (при наличии данных), в процентах.

Год	Всего	Мусульмане	Православные	Армяне	Евреи	Иные
1477	100 000	59	23	5	9	4
1557	550 000					
1689	600 000	58	34		8	
1794	426 000					
1885	873 565	44	18	17	5	16
1897	1 059 234	58	22	15,5	4,5	
1914	1 020 000	49	22	25	4	
1920	999 000	56	20	8,5	4	12,5
1927	694 292	65	11	7	7	10
1950	1 035 202	80	10	5	!	
1965	1 541 695	91	3	3	3	
1980	4 741 890	97	1	1	1	
1995	10–12 млн	99,99	0,0001	0,005	0,002	

«Иные» включают католиков (их всегда было крайне мало) и прочих иностранцев, среди которых после 1830 года значительную долю составляли греки с гражданством независимой Греции.

Приложение II

Население Константинополя по сравнению с другими большими городами, по годам

	1500	1600	1700	1800	1900	1990
Константинополь	100 000	500 000	600 000	400 000	1 000 000	7 309 190
Каир	150 000	200 000	200 000	263 000	678 433	8 630 000

	1500	1600	1700	1800	1900	1990
Лондон	50 000	200 000	575 000	1 117 000	6 586 000	6 393 000
Париж	200 000	400 000	500 000	547 000	2 714 000	9 318 821
Вена	30 000	50 000	100 000	247 000	1 666 269	1 539 848

Источники для Приложений I и II: Kemal Karpat, «The Population and the Social and Economic Transformation of Istanbul», in *Istanbul a la jonction des cultures balkaniques, mediterraneennes, slaves et orientales aux XVIe – XIXe sticks*, Bucharest, 1977, 395–436, and «Ottoman Population Records and Census of 1881/2–1893», *International Journal of Middle East Studies*, IX, 2, 1978, 237–74; Halil Inalcik, «Istanbul», in *Encyclopedia of Islam*, 2nd edn.; B. R. Mitchell, *European Historical Statistics 1750–1975*, 2nd rev. edn. 1981; *The Statesman's Yearbook*, 1994–5; Roy Porter, *London: a Social History*, 1994; PRO 371/5190.

Приложение III

Султаны после 1453 года

Султан	Годы правления
Мехмед II	1444–1481
Баязид II	1481–1512
Селим I	1512–1520
Сулейман I Великолепный	1520–1566
Селим II	1566–1574
Мурад III	1574–1595
Мехмед III	1595–1603
Ахмед I	1603–1617
Мустафа I	1617–1618 и 1622–1623
Осман II	1618–1622
Мурад IV	1623–1640
Ибрагим	1640–1648
Мехмед IV	1648–1687
Сулейман II	1687–1691
Ахмед II	1691–1695
Мустафа II	1695–1703

Султан	Годы правления
Ахмед III	1703–1730
Махмуд I	1730–1754
Осман III	1754–1757
Мустафа III	1757–1774
Абдул-Хамид I	1774–1789
Селим III	1789–1807
Мустафа IV	1807–1808
Махмуд II	1808–1839
Абдул-Меджид I	1839–1861
Абдул-Азиз	1861–1876
Мурад V	1876
Абдул-Хамид II	1876–1909
Мехмед V	1909–1918
Мехмед VI Вахидеддин	1918–1922
Халиф Абдул-Меджид (II)	1922–1924

Условные обозначения к Приложениям IV–VII

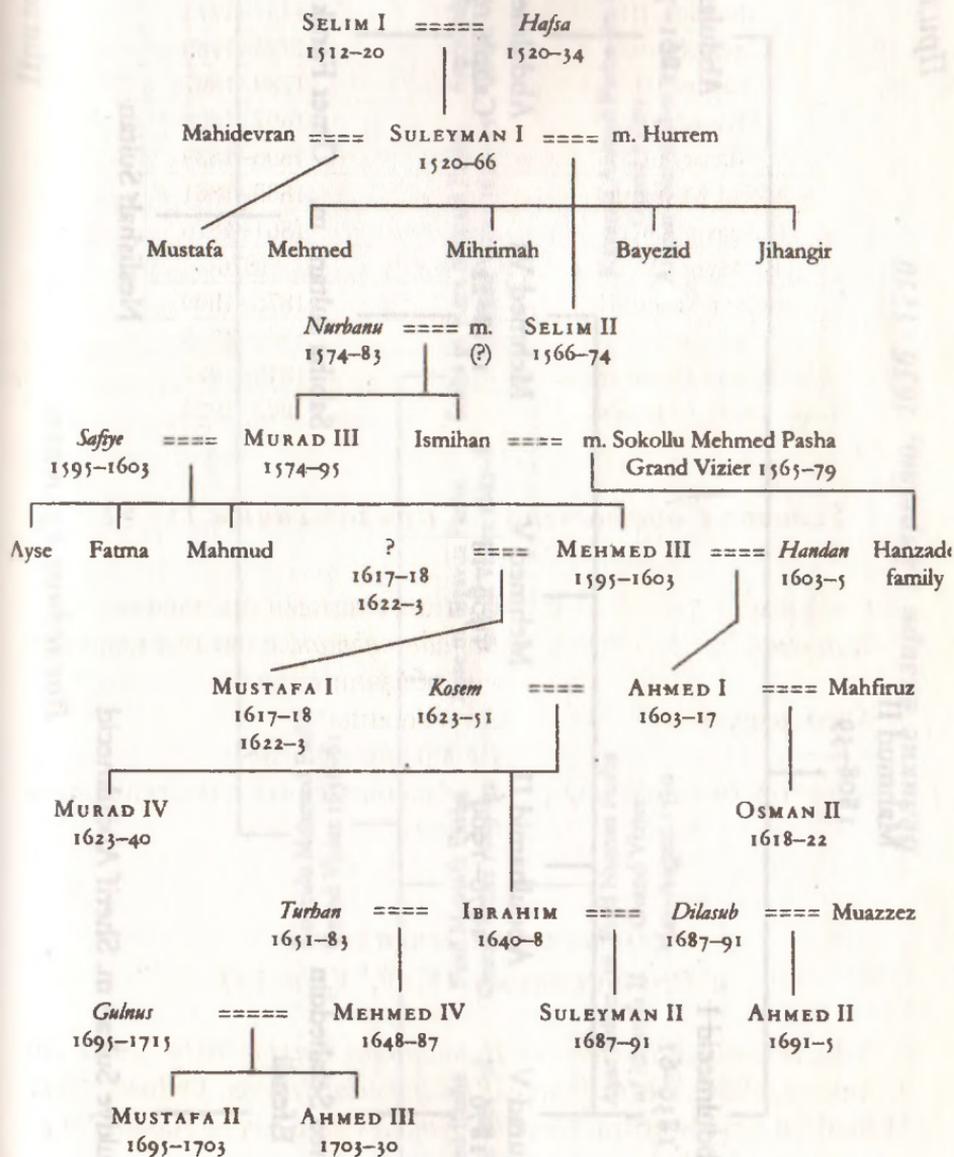
Селим I	Султан, с датами правления
Нурбану	Валиде-султан, с датами исполнения обязанностей
Махидевран	Другие лица
====	Внебрачная связь
==== бр. [в книге — m.]	Внебрачная связь с последующим браком

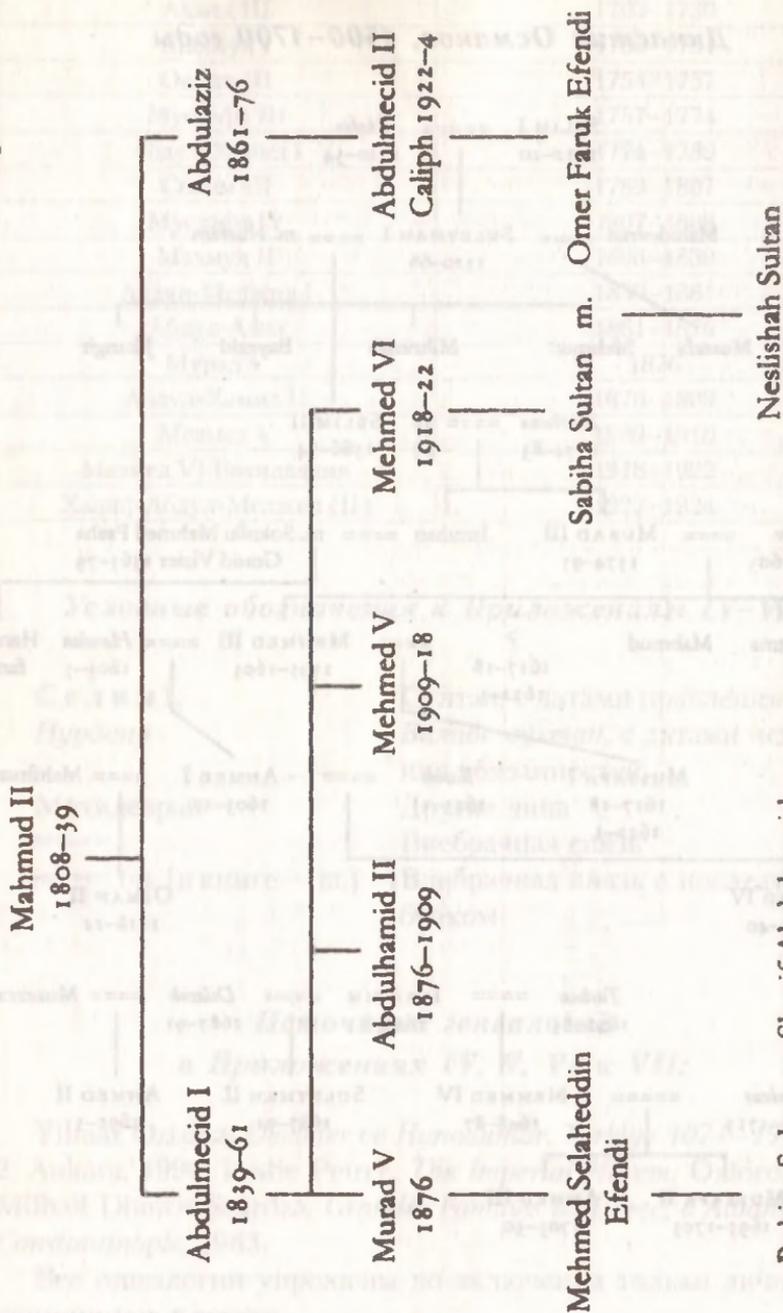
Источники генеалогий в Приложениях IV, V, VI и VII:

Yilmaz Oztuna, *Devleter ve Hanedanlar. Turkiye 1074–1990*, cilt 2, Ankara, 1990; Leslie Peirce, *The Imperial Harem*, Oxford, 1993; Milhail Dimitri Sturdza, *Grandes Families de Grece, d'Albanie et de Constantinople*, 1983.

Все генеалогии упрощены до включения только личностей, упомянутых в тексте.

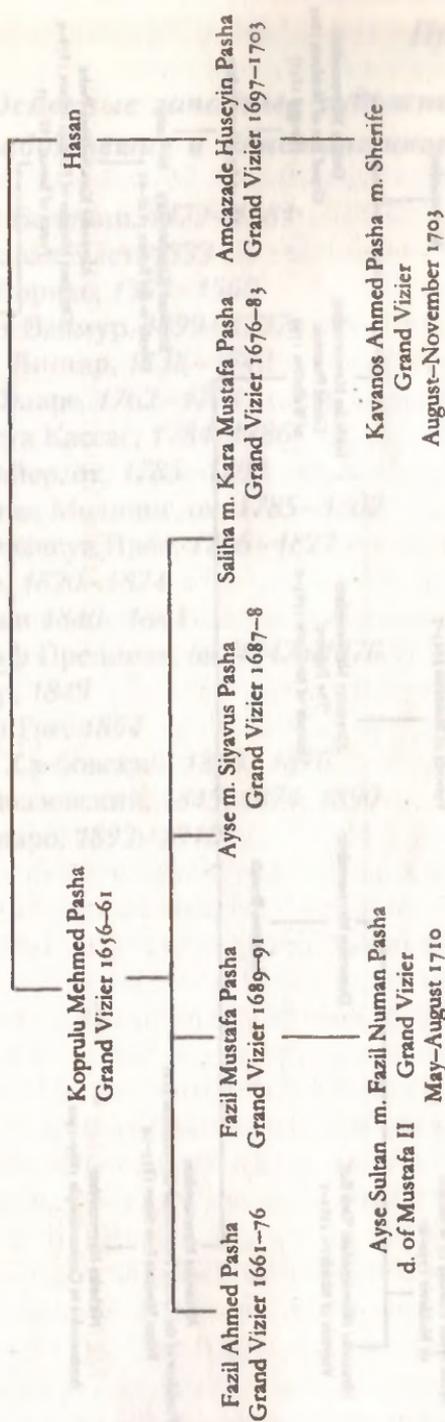
Династия Османов, 1500–1700 годы

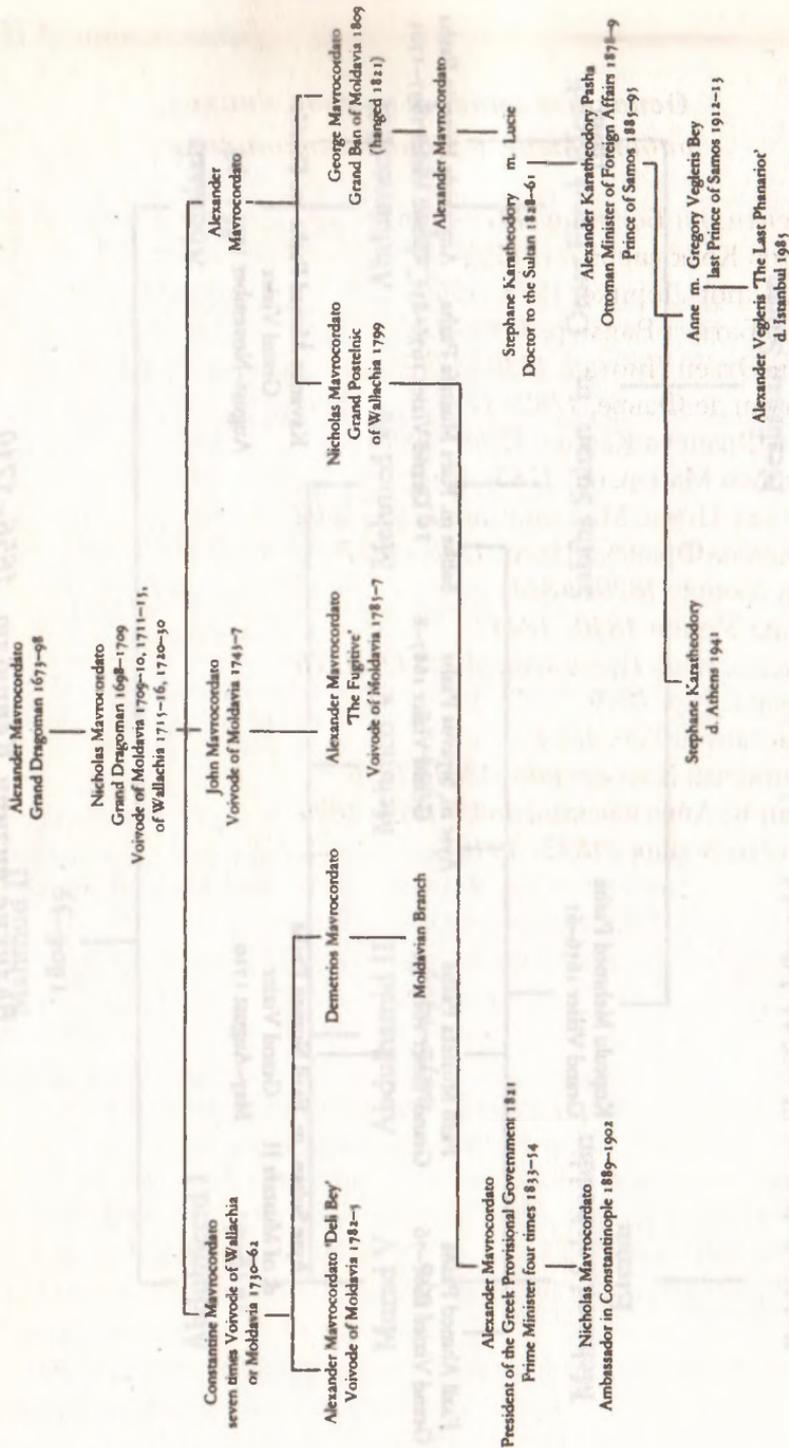

Рукіє Султан м. Шеріф Абдулмецид

Последние султаны

Великие визири Кёпрюлю, 1656—1710

Семейства Маврокордато и Каратеодори

**Основные западные художники,
работавшие в Константинополе**

- Джентилли Беллини, 1479–1481
 Питер Коэк ван Элст, 1533
 Мельхиор Лорихс, 1555–1560
 Жан-Батист Ванмур, 1699–1737
 Жан-Этьен Лиотар, 1738–1742
 Антуан де Фавре, 1762–1771
 Луи-Франсуа Кассас, 1784, 1786
 Луиджи Майер, ок. 1785–1793
 Антуан-Игнас Меллинг, ок. 1785–1802
 Мишель-Франсуа Прео, 1796–1827
 Луи Дюпре, 1820–1824
 Дэвид Уилки 1840–1841
 Амадео, граф Прециози, ок. 1842–1876
 Эдвард Лир, 1849
 Констант Гис, 1854
 Станислав Хлебовский, 1864–1876
 Иван К. Айвазовский, 1845, 1874, 1890
 Фаусто Зонаро, 1893–1910

I. Завоеватель

- 1 Nicolo Barbaro, *Diary of the Siege of Constantinople 1453*, tr. J. R. Jones, New York, 1969, 67.
- 2 Tursun Beg, *History of Mehmed the Conqueror*, ed. Halil Inalcik and Rhoads Murphy, Minneapolis and Chicago, 1978, 37; Steven Runciman, *The Fall of Constantinople 1453*, 1988 edn., 147–8; George Sphrantzes, *The Fall of the Byzantine Empire*, Amherst, 1980, 130; Khoja Sa'd-ud-din, *The Capture of Constantinople*, tr. E. J. W. Gibb, Glasgow, 1879, 36.
- 3 Philip Sherrard, *Constantinople: Iconography of a Sacred City*, 1965, 16; Robert Liddell, *Byzantium and Istanbul*, 1956, 48; Laurence Kelly, *Istanbul: a Traveller's Companion*, 1987, 151.
- 4 Dimitri Obolensky, *The Byzantine Commonwealth*, 1974 edn., 375; Franz Babinger, *Mehmed the Conqueror and His Time*, Princeton, 1992 edn., 96.
- 5 Harry J. Magoulias (ed.), *The Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks*, Detroit, 1975, 233; Babinger, 230.
- 6 J. R. Melville Jones, *The Siege of Constantinople 1453: Seven Contemporary Accounts*, Amsterdam, 1972, 134, letter of 23 June 1453; F.W. Hasluck, *Christianity and Islam under the Sultans*, 2 vols., 1925, II, 737.
- 7 Julian Raby, «El Gran Turco: Mehmed the Conqueror as a Patron of the Arts of Christendom», D.Phil, thesis, Oxford, 1980, 188; Babinger, 112.
- 8 Cornell H. Fleischer, *Bureaucrat and Intellectual in the Ottoman Empire: The Historian Mustafa Ali*, Princeton, 1986, 255–6; George W. Gawrych, «Tolerant Dimensions of Cultural Pluralism: the Ottoman Empire and the Albanian Community 1800–1912», *International Journal of Middle East Studies*, XV, 1983, 523.

* Все названия и обозначения исследований и документов (в том числе авторские) даны на языке оригинала. Исключение составили лишь ссылки на интервью и те названия, что входят в состав авторских ремарок. (Прим. ред.)

- ⁹ Kritovoulos, *History of Mehmed the Conqueror*, Princeton, 1954, 105, 177; Gulru Necipoglu, *Architecture, Ceremonial and Power, the Topkapi Palace in the Fifteenth and Sixteenth Centuries*, Cambridge, Mass., 1991, 250.
- ¹⁰ Babinger, 272; Halil Inalcik, «The Policy of Mehmed II toward the Greek Population of Istanbul and the Byzantine Buildings of the City», in *The Ottoman Empire: Conquest, Organisation and Economy*, 1978, 241.
- ¹¹ Kritovoulos, 140, 148; Babinger, 328.
- ¹² Runciman, *Fall*, 153; Babinger, 195.
- ¹³ Charles Schefer (ed.), *Le Voyage de Monsieur Chesneau d'Aramon, ambassadeur pour le Roy au Levant*, 1887, 261, цитируется фирман от 7 мая 1532 года; Kritovoulos, 94; Steven Runciman, *The Great Church in Captivity*, 1968, 169, 172–4.
- ¹⁴ A. Papadakis, «Gennadius II and Mehmed the Conqueror», *Byzantion*, XLII, 1972, 103; Raby, 109.
- ¹⁵ Kritovoulos, 140; Raby, 247; Benjamin Braude, «Foundation Myths of the Millet System», in Benjamin Braude and Bernard Lewis (eds.), *Christians and Jews in the Ottoman Empire*, 2 vols., 1982, I, 75, 79; Kevork B. Bsrdakjian, «The Rise of the Armenian Patriarchate of Constantinople», in *ibid.*, I, 90–1, 94.
- ¹⁶ Halil Inalcik, «Ottoman Galata 1453–1553», in Edhem Eldem (ed.), *Recherches sur la ville ottomane: le cas du quartier de Galata*, 1991, 18; Jones, 133, letter of 23 June 1453.
- ¹⁷ Inalcik, «Ottoman Galata», 61; Babinger, 107, 277; Raby, 172; Gertrude Randolph Branletter Richards, *Florentine Merchants in the Age of the Medici*, Harvard, 1932, 147, Giovanni Maringhi to Nicolo Michelozzi 29 October 1501.
- ¹⁸ Fernand Braudel, *Civilisation and Capitalism*, III, 1982–4, 467; Stephane Yerasimos, «Galata a travers les recits de voyage (1453–1600)», in Edhem Eldem (ed.), 117; Horatio F. Brown, *Studies in the History of Venice*, 2 vols., 1907, II, 4, 22, 29, 32; Lucette Valensi, *Venise et la Sublime Porte*, 1987, 27–9.
- ¹⁹ Anon., *Letters Historical and Critical from a Gentleman in Constantinople to his Friend in London*, 1730, 8; J. A. Blanqui, *Voyage en Bulgarie pendant l'annee 1841*, 1843, 302; Hugo Schuchardt, *Pidgin and Creole Languages*, Cambridge, 1980, 67, 72. Граф Пизани, британский драгоман, писал послу в 1824 году о *principal scales*: British Museum

Additional Manuscripts (hereafter BM Add. MSS) 36301, f. 268V, letter of 14 June 1824.

- ²⁰ Joseph Hacker, «The Surgun System and Jewish Society in the Ottoman Empire», in Aron Rodrigue (ed.), *Ottoman and Turkish Jewry: Community and Leadership*, Bloomington, 1992, 5, 9, 17.
- ²¹ Stanford J. Shaw, *The Jews of the Ottoman Empire and the Turkish Republic*, 1991, 32; Mark Alan Epstein, *The Ottoman Jewish Communities and their Role in the Fifteenth and Sixteenth Centuries*, Freiburg, 1980, 135; Avigdor Levy, *The Sephardim in the Ottoman Empire*, Princeton, 1992, 47.
- ²² Babinger, 75, 291.
- ²³ Necipoglu, 57; Cemal Kafadar, «Yeniceri-Esnaf Relations: Solidarity and Conflict», unpublished Ph.D. thesis, McGill, 1981, 14, 24–6; Apostolos E. Vacalopoulos, *The Greek Nation 1453–1669*, New Brunswick, 1976, 37; A. H. Lybyer, *The Government of the Ottoman Empire in the time of Suleiman the Magnificent*, Cambridge, Mass., 1913, 41.
- ²⁴ Jones, 33, 128 quoting Leonard of Chios and Zorzi Dolfin; Yerasimos, 158; Nizam al-Mulk, *The Book of Government or Rules for Kings*, 1960, 103–4; Alberto Bobovi, quoted in *Archivum Ottomanicum*, XI, 29–30. По одной из оценок, из первых 48 великих визирей после 1453 года только 12 были турками: см. J. de Hammer, *Histoire de l'Empire Ottoman*. 16 vols., 1835–40. VIII, 421.
- ²⁵ Yvelise Bernard, *L'Orient du XVIIe siecle a travers les recits de voyageurs francais*, 1988, 145: «la plus frequentee et la plus estendue de toutes... d'autant qu'elle est commune aux Janissaires»; cf. Matei Cazacu, «Projets et intrigues serbes a la cour de Soliman», Gilles Veinstein (ed.), *Soliman le Magnifique et son temps*; 1992, 512; Babinger, 147. Можно привести в пример еще одну пару братьев, одного мусульманина и одного православного, сыновей первого герцога Герцеговины. Один стал преемником своего отца в герцогство; другой отправился в Константинополь, стал великим визирем под названием Ахмед-паша Херсекзаде и женился на дочери султана.
- ²⁶ Michel Lesure, «Notes et documents sur les relations veneto-ottomanes», *Turcica*, VIII, 129n; Geoffrey Goodwin, *A History of Otoman Architecture*, 1992 edn., 271–3; Runciman, *Great Church*, 204; J. A. Cuddon, *The Companion Guide to Jugoslavia*, 1986 edn., 323. Этот мост описан в знаменитом романе Иво Андрича «Мост на Дрине». Соколлу Мехмед-паша также заказывал строительство зданий во Фракии, Северной Греции, Анатолии и Медине.

- ²⁷ Carlier de Pinon, *Voyage en Orient*, 1920, 111, 123; Esther Juhacz (ed.), *Sephardi jews in the Ottoman Empire*, Jerusalem, 1990, 122; Albert Galante, *Histoire des Juifs d'Istanbul*, Istanbul, 2 vols., 1941–2, 1, 112, 115, 122, 127.
- ²⁸ Nicolas de Nicolay, *Dans l'Empire de Soliman le Magnifique*, 1989, 234, 236; Edmondo de Amicis, *Constantinople*, 1894 edn., 15 5–6.
- ²⁹ Babinger, 424.
- ³⁰ Raby, 231; Necipoglu, 12, 137.
- ³¹ Babinger, 472–3; A. Navarian, *Les Sultans poetes (1451–1809)*, 1936, 19.
- ³² Annemarie Schimmel, *Calligraphy and Islamic Culture*, New York, 1984, 73; E.J. W. Gibb, *A History of Ottoman Poetry*, 6 vols., 1900–9, III, 109, 121.
- ³³ Babinger, 505, 508.
- ³⁴ Babinger, 432.
- ³⁵ H. Inalcik, «Policy of Mehmed II», 244; Babinger, 272; Ashiqpashazade in Khoja Sa'd-ud-din, *The Capture of Constantinople*, tr. E. J. W. Gibb, Glasgow, 1879, 29; Stephane Yerasimos, *La Fondation de Constantinople et de Sainte-Sophie dans les traditions turques*, 1990, 34, 85, 244.
- ³⁶ Konstantin Mihailovic, *Memoirs of a Janissary*, Ann Arbor, 1975, 13; Tursun Beg, 33.
- ³⁷ Nicolas Iorga, *Byzance apres Byname*, 1992 edn., 56–8, 60.
- ³⁸ C. J. G. Turner, «The Career of George-Gennadius Scholarius», *Byzantion*, XXXIX, 1969, 445; Vacalopoulos, *Greek Nation*, 121; Magoulias, 202, 208.
- ³⁹ Donald M. Nicol, *The Immortal Emperor*, 1992, 98–102, 105, 109; Hasluck, II, 721–2; de Amicis, 186.
- ⁴⁰ Robert Schwoebel, *The Shadow of the Crescent: the Renaissance Image of the Turk (1453–1517)*, Nieuwkoop, 1967, 153, 161–5.
- ⁴¹ Mihailovic, 145; Babinger, 317.
- ⁴² Jones, 134, letter of 23 June 145 3; Babinger, 291–2.

2. Город Бога

- ¹ Halil Inalcik, «Istanbul: an Islamic City», *Journal of Islamic Studies*, 1, 1990, 2; Khoja Sa'd-ud-din, 16, 33.
- ² Andres Tietze (ed.), *Mustafa Ali's Counsel for Sultans of 158*, 2 vols., Vienna, 1979–82, I, 56; Halil Inalcik, *The Middle East and the Balkans*

- under the Ottoman Empire, Bloomington, 1993, 28; Sir Hamilton A. R. Gibb, «Lutfi Pasa on the Ottoman Caliphate», 287–95.
- ³ M. A. Cook (ed.), *A History of the Ottoman Empire to 1730*, Cambridge, 1976, 40; Yerasimos, *Fondation*, 172–3; El-Tangrouti, *Relation d'une ambassade marocaine en Turquie*, ed. Henry de Castries, 1929, 56–7.
- ⁴ Metin And, *Istanbul in the Sixteenth Century*, Istanbul, 1994, 90; *Encyclopedia of Islam*, 2nd edn. (далее именуется EI 2), art. «Istanbul» by Halil Inalcik.
- ⁵ Raby, 268; Yerasimos, *Fondation*, 147; Babinger, plate Xa; Evliya Celebi, *Narrative of Travels in Europe, Asia and Africa in the Seventeenth Century*, 2 vols., 1834–50, 1, 71.
- ⁶ El-Tangrouti, 64.
- ⁷ Roy Porter, *London: a Social History*, 1994, 13; A. H. Wratislaw (ed.), *Adventures of Baron Wenceslas Wratislaw*, 1862, 32.
- ⁸ E. J. W. Gibb, *Ottoman Poetry*, II, 396; Goodwin, *Ottoman Architecture*, 121–31; Theodore Spandouyn Cantacasin, *Petit Traictede l'origine des turcqz*, ed. Charles Schefer, 1896, 207; Inalcik, «Islamic City», 10; Robert Mantran, *La Vie quotidienne a Istanbul au siecle de Soliman le Magnifique*, 1990 edn., 158.
- ⁹ Lybyer, 42, quoting Lorenzo Bernardo; Henry O. Dwight, *Constantinople and its Problems*, 1901, 79; Gibb, *Ottoman Poetry*, III, 133–51.
- ¹⁰ R. C. Repp, *The Mufti of Istanbul*, 1986, 144, 193; Thomas Naff and Roger Owen, *Studies in Eighteenth-century Islamic History*, Carbonsville, 1977, 19; Abdulkadir Altuna, *Osmanli Seyhulislamlari*, Ankara, 1972, *passim*. A Durrizade was Mufti of Istanbul in 1734–6, 1756–7, 1762–7, 1783–5, 1785–6, 1792–8, 1808–10, 1812–15 and 1920.
- ¹¹ Faruk Suner, «Yavuz Selim s'est-il proclame Calife?», *Turcica*, 1991, XXI–XXIII, 343–54.
- ¹² Suraiya Faroqhi, *Pilgrims and Sultans: the Hajj under the Ottomans*, 1994, 147, 150.
- ¹³ Goodwin, *Ottoman Architecture*, 15, 199–203; Aptullah Kuran, *Sinan the Grand Old Man of Ottoman Architecture*, Istanbul, 1987, 29; Evliya Celebi, I, 174.
- ¹⁴ M. Piton de Tournefort, *A Voyage into the Levant Perform'd by Command of the Late French King*, 2 vols., 1718, II, 59; I. Mouradgea d'Ohsson, *Tableau general de l'Empire Ottoman*, 3 vols., 1787–1820, I, 287; Charles White, *Three Years in Constantinople*, 3 vols., 1845, I, 26.
- ¹⁵ Yerasimos, *Fondation*, 231–2.

- ¹⁶ Howard Crane, «The Ottoman Sultan's Mosques: Icons of Imperial Legitimacy», in Irene A. Bierman *et al.* (eds.), *The Ottoman City and its Parts*, New Rochelle, 1991 edn., 201, 203.
- ¹⁷ Robert Mantran, *Istanbul dans la seconde moitié du XVIIIe siècle*, 1962, 11 o.
- ¹⁸ Mantran, *Vie quotidienne*, 203; de Amicis, 18–19.
- ¹⁹ Lucy M. J. Garnett, *The Dervishes of Turkey*, 1990 edn., 73–4; Raymond F. Lifchez (ed.), *The Dervish Lodge: Architecture, Art and Sufism in Ottoman Turkey*, Berkeley, 1992, 297–301.
- ²⁰ Garnett, *Dervishes*, 126.
- ²¹ Metin And, *A Pictorial History of Turkish Dancing*, Ankara, 1976, 40; Lifchez, 100; Garnett, *Dervishes*, 93, 119, 131.
- ²² John Kingsley Birge, *The Bektashi Order of Dervishes*, 1965, 128; Lifchez, 5, 170–1, 191; *Istanbul Ansiklopedisi*, art. «Halvetilik».
- ²³ Dr Meryon, *Travels of Lady Hester Stanhope*, 3 vols., 1846, I, 51; Mouradega d'Ohsson, I, 193; Evliya Celebi, I, 132; Adrian Adivar, *La Science chez les Turcs Ottomans*, 1938, 33.
- ²⁴ Mouradega d'Ohsson, II, 82–7; White, I, 230–5; Pierre Ponafidine, *Life in the Muslim East*, 1911, 281.
- ²⁵ Faroqhi, *Pilgrims and Sultans*, 42, 57; Onnik Jamgocyan, *Les Finances de l'Empire Ottoman et les financiers de Constantinople*, these d'etat, Paris, I, 1988, 41.
- ²⁶ Barnette Miller, *Beyond the Sublime Porte*, 1931, 80, 82; Necipoglu, 151.
- ²⁷ Philippe du Fresne Canaye, *Le Voyage du Levant*, 1986, 221–9; Mouradega d'Ohsson, I, 205; Thomas Watkins, *Tour through Swisserland... to Constantinople*, 2 vols., 1792, II, 227. В 1828 году Чарльз Макфарлейн был впечатлен толпой, «спокойно как смерть» наблюдавшей шествие султана: *id.*, *Constantinople in 1828*, 2 vols., 1829, I, 499.
- ²⁸ White, I, 229.
- ²⁹ El-Tangrouti, 63; Mouradega d'Ohsson, I, 305.
- ³⁰ Stanford J. Shaw, *History of the Ottoman Empire and Modern Turkey*, 2 vols., 1976–8, I, 144; Elizabeth Eisenstein, *The Printing Revolution in Early Modern Europe*, Cambridge, 1993, *passim*; Fatma Muge Gocek, *East Encounters West: France and the Ottoman Empire in the Eighteenth Century*, New York, 1987, 112–13.
- ³¹ Yasin Hamid Safadi, *Islamic Calligraphy*, 1987 edn., 29–31; Schimmel, 71–2; Lifchez, 242; Bernard Lewis, *The Muslim Discovery of Europe*, 1982, 232.

- ³² *The Turkish Legacy*, exhib. cat., Bodleian Library, Oxford, 1988, 26; Runciman, *Great Church*, 27 3–4.
- ³³ Marios Philippides (ed. and tr.), *The Fall of the Byzantine Empire: a Chronicle by George Sphrantzogs*, Amherst, 1980, 123, 131 (Хроники Макариуса Мелиссеноса); Mme B. de Khitrovo, *Itinéraires russes en Orient*, Geneva, 1889, 226; Jones, 108.
- ³⁴ A. de La Motraye, *Voyages... en Europe, Asie et Afrique*, La Haye, 2 vols., 1727, I, 203.
- ³⁵ Hammer, IV, 364–5; Jean-Michel Cantacuzene, *Milk Ans dans les Balkans*, 1992, 107.
- ³⁶ Revd R. Walsh, *A Residence at Constantinople*, 2 vols., 1836, II, 386–8; cf. A. Goodrich-Freer, *Things Seen in Constantinople*, 1926, 112; Khitrovo, 269; Runciman, *Great Church*, 201–2.
- ³⁷ John Covel, diary entry for 8 November 1674, in J. Theodore Bent (ed.), *Early Voyages and Travels in the Levant*, 1893, 146–8; M. Grelot, *Relation nouvelle d'un voyage de Constantinople*, 1681, 207; Vacalopoulos, *Greek Nation*, 121, 124.
- ³⁸ La Motraye, II, 364; Runciman, *Great Church*, 324.
- ³⁹ Runciman, *Great Church*, 331; Vacalopoulos, *Greek Nation*, 176.
- ⁴⁰ Macarius, Patriarch of Antioch, *Travels*, 1936, 3, 85; Hammer, XII, 17.
- ⁴¹ Runciman, *Fall*, 189, 201; id., *Great Church*, 184, 190; Mantran, *Istanbul*, 48.
- ⁴² Julia Pardoe, *The City of the Sultans*, 2 vols., 1837, 1, 443; Runciman, *Great Church*, 189; A. Paliouras (ed.), *The Oecumenical Patriarchate*, Athens, 1989, 65; Pars Tuglaci, *Armenian Churches of Istanbul*, Istanbul, 1991, 77, 121.
- ⁴³ Wratislaw, 84–96.
- ⁴⁴ Antoine Galland, *Journals*, 2 vols., 1881, I, 220, entry for 3 October 1672; cf. Grelot, 282–3; Nikolaos Adjemoglou, *The Ayazmata of the City*, Athens, 1990 (in Greek), 16–17, 167–81.
- ⁴⁵ Adjemoglou, 64–5; Walsh, II, 388; Henry Carnoy and Jean Nicolaïdes, *Folklore de Constantinople*, 2 vols., 1894, 1, 65–7.
- ⁴⁶ Necipoglu, 231; Lifchez, 193, 13 3–4.
- ⁴⁷ Mouradgea d'Ohsson, I, 286. Антиквар Ричард Покок «входил публично в те мечети, в которые пожелал, чтобы осмотреть их, иногда даже по пятницам»: Richard Pococke, *A Description of the East and some other Countries*, 2 vols., 1745, II, part 2, 133; Carnoy and Nicolaïdes, I, 172.

- ⁴⁸ Tulay Artan, «Architecture as a Theatre of Life: Profile of the Eighteenth-century Bosphorus», unpublished Ph.D. thesis, Massachusetts Institute of Technology, 1989, 159; M. A. Ubcini, *Letters on Turkey*, 2 vols., 1856, II, 3 59.

3. Дворец

- ¹ Necipoglu, 242, 44; Shaw, *History*, I, 130.
- ² Necipoglu, 15; Babinger, 418.
- ³ Necipoglu, 19.
- ⁴ Serif Mardin, *The Genesis of Young Ottoman Thought*, Princeton, 1962, 110; Necipoglu, 85, 107.
- ⁵ Mustafa Naima, *Annals of the Turkish Empire*, 1842, 1, 327; Bernard Lewis, *Islam in History*, 1973, 211.
- ⁶ Babinger, 461.
- ⁷ B. Miller, *Sublime Porte*, 163; Leslie Peirce, *The Imperial Harem: Women and Sovereignty in the Ottoman Empire*, Oxford, 1993, 243.
- ⁸ R. B. Merriman, *Suleyman the Magnificent*, Harvard, 1944, 33.
- ⁹ Necipoglu, 36; Kemal H. Karpat (ed.), *The Ottoman State and its Place in World History*, Leiden, 1974, 51; Veinstein, *Soliman le Magnifique*, 166, 169.
- ¹⁰ B. Miller, *Sublime Porte*, 176; Necipoglu, 100; J. M. Rogers (ed.), *The Topkapi Saray Museum: Costumes, Embroideries and Other Textiles*, 1986, 161.
- ¹¹ Mary Nisbet of Dirleton, Countess of Elgin, *Letters*, 1926, 56, to her mother 27 November 1799; El-Tangrouti, 46, 5 8; H. F. Brown, I, 20.
- ¹² Lord Charlemont, *Travels in Greece and Turkey 1749*, ed. W. B. Stanford and E. J. Finopoulos, 1984, 168; El-Tangrouti, 61; C. G. and A. W. Fisher, «Alberto Bobovi's Account of Topkapi Sarayi» (далее — Bobovi), in *Archivum Ottomanicum*, XI, 1985, 23, 80; Alexandru Dutu and Paul Cernovodeanu (eds.), *Dimitrie Cantemir, Historian of South-East European and Oriental Civilisations*, Bucharest, 1973 (далее — Cantemir), 171; Necipoglu, 26.
- ¹³ Necipoglu, 249, 61–6; Nils Rolamb, «A Relation of a Journey to Constantinople», in A. C. Churchill (ed.), *A Collection of Voyages*, 5 vols., 1732, V, 683.
- ¹⁴ Bobovi, 55.
- ¹⁵ Esin Atil, *Turkish Art*, 1980, 349; Rogers, *Topkapi: Costumes*, 160.

- ¹⁶ Rogers, *Topkapi: Costumes*, 11, 37 and *passim*; Aril, *Turkish Art*, 3 50; J. M. Rogers and R. Ward, *Suleyman the Magnificent*, 1988, 166; Babinger, 441.
- ¹⁷ Rogers, *Topkapi: Costume*, 21; J. B. Tavernier, *Nouvelle Relation de L'interieur du Serail du Grand Seigneur*, 167 5, 112; Norman Itzkowitz and Max Mote, *Mubadele: an Ottoman-Russian Exchange of Ambassadors*, Chicago, 1970, 167.
- ¹⁸ Mouradega d'Ohsson, II, 142.
- ¹⁹ Necipoglu, 68; Domenico Sestini, *Lettres... pendant le cours de ses voyages en Italie, en Sicilie et en Turquie*, 3 vols., 1789, III, 474, letter of 5 December 1778.
- ²⁰ Esin Atil, *The Age of Sultan Suleyman the Magnificent*, New York, 1987, 62, 113; B. Miller, *Sublime Porte*, 215–21.
- ²¹ J. M. Rogers, *The Topkapi Saray Museum: The Treasury*, 1987, 40 and illustrations *passim*.
- ²² Halil Inalcik and Cemal Kafadar (eds.), *Suleyman the Second and His Time*, Istanbul, 1993, 33, 263–4; Rogers and Ward, 120, 123; Nevber Gursu, *The Art of Turkish Weaving*, Istanbul, 1988, 46; Wratsdswal, 58.
- ²³ Janusz Tazbir, «Les Influences orientales en Pologne au XVIe – XVIIIe siecles», in *La Pologne au XVe Congres International des Sciences Historiques a Bucarest*, Warsaw, 1980, 214. Я приношу благодарности за эту ссылку Андрэ Неуважному.
- ²⁴ Atil, *Age of Sultan Suleyman*, 31; Rogers and Ward, 187; Gursu, 167; Nurhan Atasoy and Julian Raby, *Iⁿih the Pottery of Ottoman Turkey*, 1989, 76–7; Atil, *Turkish Art*, 283.
- ²⁵ Rogers and Ward, 186; Atasoy and Raby, 14–15, 23; Atil, *Turkish Art*, 163–5, 198, 216; Gursu, 112–13.
- ²⁶ Aysegul Nadir (ed.), *Imperial Ottoman Fermans*, 1986, *passim*, Rogers and Ward, 56.
- ²⁷ Raby, 299; Bobovi, 25, 78.
- ²⁸ *Vers l'Orient*, exhib. cat., Bibliotheque Nationale, 1983, 68; Bobovi, 29–30, 54; Barnette Miller, *The Palace School of Mohammed the Conqueror*, Cambridge, Mass., 1941, 7. Мутеферрик, другая часть дворцовой обслуги, собирала художников и знатных людей «всех народов и всех религий».
- ²⁹ Necipoglu, 111–16, 149; Bobovi, 37, 49.
- ³⁰ Carter V. Findlay, *Bureaucratic Reform in the Ottoman Empire: the Sublime Porte 1789–1922*, Princeton, 1980, 37; White, I, 183; Fanny

- Davis, *The Ottoman Lady: a Social History from 1718 to 1918*, New York, 1986, 193.
- ³¹ Bobovi, 45; Carl Max Kortepeter, *The Ottoman Turks: from Nomad Kingdom to World Empire*, Istanbul, 1991, 133; Hammer, VII, 227; Gerald de Gaury, *Rulers of Mecca*, 1951, 129, 155, 161.
- ³² Celik Gulersoy, *The Caique*, Istanbul, 1991, *passim*; Major-General Sir Grenville Temple, *Travels in Greece and Turkey*, 2 vols., 1836, II, 18; Bobovi, 56, 61; John Sanderson, *Travels in the Levant 1184–1602*, 1931, 89.
- ³³ Hammer, V, 138–45.
- ³⁴ Evliya Celebi, II, 130, 147; Hammer, VII, 148–63; Jean Palerne, *Peregrinations*, Lyons, 1606, 459; Peirce, *Imperial Harem*, 193.
- ³⁵ Hammer, VII, 150–1; Pars Tuglaci, *The Ottoman Palace Women*, Istanbul, 1985, 333–5.
- ³⁶ Tuglaci, *Palace Women*, 348–50; cf. Sestini, III, 443–9 содержит описание свадебной процессии принцессы 17 ноября 1778; F. Davis, 68.
- ³⁷ Atil, *Turkish Art*, 186–7, 220–1; Tuglaci, *Palace Women*, 336.
- ³⁸ Tuglaci, *Palace Women*, 341–3; Hammer, XVI, 36; Hans Christian Andersen, *A Poet's Bazaar*, New York, 1988, 120.
- ³⁹ Tommaso Bertele, *Il palazzo degli ambasciatori di Venecia a Constantinopoli e le sue antiche memorie*, Bologna, 1932–X, 108; du Fresne Canaye, 60; *At the Sublime Porte*, exhib. cat., Hazlitt, Gooden and Fox, 1988, 15.
- ⁴⁰ Evliya Celebi, I, 12, 101, 103, 131; Albert Vandal, *Les Voyages du Marquis de Nointel*, 1900, 62–3, сообщение от 9 мая 1671 года; C. Snouck Hurgronje, *Mekka in the latter part of the Nineteenth Century*, Leiden – London, 1931, 244n.

4. Гаремы и хамамы

- ¹ Tuglaci, *Palace Women*, 15 5; F. Davis, 102.
- ² Peirce, *Imperial Harem*, 40–4, 277.
- ³ Leslie Peirce, «The Imperial Harem: Gender and Power in the Ottoman Empire 1520–1657», Princeton, 1988 (далее именуется как «Gender and Power»), 98, 100–3.
- ⁴ Necipoglu, 163.
- ⁵ Gibb, III, 9; Talat Halman, *Suleyman the Magnificent, Poet*, Istanbul, 1989, *passim*; Veinstein, *Soliman*, 99.

- ⁶ M. Cagatay Ulucay, *Sultanlarina Ask Mektuplari*, Istanbul, 1950, 1–18 *passim*; Peirce, *Imperial Harem*, 64.
- ⁷ Peirce, *Imperial Harem*, 60–4.
- ⁸ Babinger, 66, 404–5; A. D. Alderson, *The Structure of the Ottoman Dynasty*, 1956, 26.
- ⁹ Sherrard, 54; Rogers and Ward, 9; Merriman, 76–7.
- ¹⁰ Merriman, 121, 122.
- ¹¹ Bragadin, 1526, quoted in Lybyer, 53n.; Ulucay, 39–40; Geuffroy, quoted in Schefer (ed.), 240n.
- ¹² Halil Inalcik, «Sultan Suleyman the Man and the Statesman», in Veinstein, *Soliman*, 92–6.
- ¹³ Merriman, 185; Necipoglu, 257.
- ¹⁴ Peirce, «Gender and Power», 157; Merriman, 187.
- ¹⁵ Ogier Ghislain de Busbecq, *Turkish Letters*, Oxford, 1927, 33; Gibb, III, 119, 131; Ulucay, 47.
- ¹⁶ Peirce, «Gender and Power», 207; Benjamin Arbel, «A Venetian Sultana?», *Turcica*, XXIV, 1992, 241–59.
- ¹⁷ Necipoglu, 95–6, 171–2.
- ¹⁸ Hammer, VII, 10, 283; Bobovi, 73; James C. Davis (ed. and tr.), *The Pursuit of Power: Venetian Reports on Spain, Turkey, France in the Age of Philip II*, 1970, 2–6.
- ¹⁹ J. M. Rogers (ed.), *The Topkapi Saray Museum. Architecture: the Harem and Other Buildings*, 1988, 27, 32, 34.
- ²⁰ Peirce, «Gender and Power», 180; Susan Skilliter, «The Letters of the Venetian «Sultana» Nur Banu and her Kira to Venice», in *Studia Turcologica... Alexis Bombacci*, 515–27; Necipoglu, 175; Kuran, 181.
- ²¹ Peirce, «Gender and Power», 351; Tavernier, 257–62.
- ²² Necipoglu, 175.
- ²³ Mehmed Ipsirli, «Mustafa Selaniki and His History», *Tarih Enstitüsü Dergisi*, IX, 1978, 437; Tietze, I, 60.
- ²⁴ J. C. Davis, 147–9; Peirce, «Gender and Power», 186; Spandugino in Lybyer, 144; Hammer, VII, 4.
- ²⁵ Peirce, «Gender and Power», 374, 380, 382.
- ²⁶ White, I, 266; Bobovi, 26; Molly Mackenzie, *Turkish Athens*, 1992, 30–2; Nadir, 113.
- ²⁷ Tuglaci, *Palace Women*, 84.
- ²⁸ Mantran, *Vie quotidienne*, 81; Evliya Celebi, II, 11; White, III, 234.
- ²⁹ Bobovi, 23.
- ³⁰ Tuglaci, *Palace Women*, 156–9.

- ³¹ B. Miller, *Sublime Porte*, 26, 27; Chris Hellier and Franco Venturi, *Splendours of the Bosphorus: Houses and Palaces of Istanbul*, 1993, 215.
- ³² Peirce, *Imperial Harem*, 104–5, 244–5.
- ³³ Peirce, *Imperial Harem*, 269–70; Hammer, X, 7, 72–5.
- ³⁴ Hammer, X, 176–8.
- ³⁵ Peirce, «Gender and Power», 291, 112, 194–5; Charles Pertusier, *Promenades pittoresques dans Constantinople et sur le Bosphore*, 3 vols., 1815, II, 197.
- ³⁶ Peirce, «Gender and Power», 220, 257, 243, 279.
- ³⁷ Peirce, «Gender and Power», 273, 280, 286, 337n.; Robert Dankoff (ed.), *The Intimate Life of an Ottoman Statesman*, Albany, 1991, 27.
- ³⁸ Pars Tuglaci, *Women of Istanbul in Ottoman Times*, Istanbul, 1984, 189–208; Robert Mantran, *Istanbul dans la seconde moitié du XVIIIe siècle*, 1962, 5 04.
- ³⁹ F. Davis, 132–3.
- ⁴⁰ Sevgi Gonul (ed.), *The Sadberk Hanım Museum*, Istanbul, 1988, 172, 176; F. Davis, 69–76; James E. P. Boulden, *An American among the Orientals*, Philadelphia, 1855, 165–9.
- ⁴¹ Ian C. Dengler, «Turkish Women in the Ottoman Empire», in Nikki Keddie and Lois Beck (eds.), *Women in the Muslim World*, 1978, 235–8; Hammer, XI, 435n.
- ⁴² MacFarlane, *Constantinople*, II, 521.
- ⁴³ Tulay Artan, «The Palaces of the Sultanas», *Istanbul: Selections*, I, i, Istanbul, 1993, 87–97; Mouradgea d'Ohsson, III, 315; White, I, 325. До 1914 года одной из причин нежелания чиновников оставить Стамбул было «великое нежелание наших женщин терпеть тяготы и лишения провинциальной жизни»: Marmaduke Pickthall, *With the Turk in Wartime*, 1914, 210.
- ⁴⁴ Hammer, XVI, 20; Dankoff, 226, 233, 234, 259.
- ⁴⁵ Bobovi, 70; Tijen Ozdoganci, «The Ballad of Adile Sultan», in *Istanbul: the Guide*, May 1993, 55. Лишь после смерти Мустафы Решид-паши в 1858 году его жена впервые узнала, что он имел два других гарема, каждый из которых содержит двух молодых черкесских рабынь: L. Thouvenel, *Trots Annies de la Question d'Orient*, 1897, 223, Comte de Thouvenel to Comte Walewski, 19 January 1858.
- ⁴⁶ Cemal Kafadar, «Women in Seljuk and Ottoman Society up to the Mid-nineteenth Century», in *Women in Anatolia: Nine Thousand Years of the Anatolian Woman*, exhib. cat., Istanbul, 1993, 196–7; F. Davis, 92.

- ⁴⁷ Quoted in Alev Lyle Croutier, *Harem: the World behind the Veil*, New York, 1989, 154–5.
- ⁴⁸ Peirce, *Imperial Harem*, 269; Kafalar, in *Nine Thousand Years of the Anatolian Woman*, 198, 204; Pertusier, II, 197; Leila Hanoum, *Le Harem imperial et les sultanes au XIXe siecle*, Brussels, 1991 edn., 29; *Don Juan*, V, 15 8.
- ⁴⁹ Marquis de Ferriol, *Correspondance*, Antwerp, 1870, 267. Ферриоль, французский посол, писал 16 февраля 1708 года М. Блонделю де Жуванкуру о «женщинах Константинополя, которые одалживали мне серебро»; Kafadar, «Women in Seljuk and Ottoman Times», in *Nine Thousand Years of the Anatolian Woman*, exhib. cat., 219–20.
- ⁵⁰ Ulku U. Bates, «Women as Patrons of Architecture in Turkey», in Keddie and Beck (eds.), 246–7.
- ⁵¹ Peirce, *Imperial Harem*, 209; John Freely, *Stamboul Sketches*, Istanbul, 1974, 110.
- ⁵² Fleischer, 53; *Journal of Ottoman Studies*, VII, Istanbul, 1988, 140; Louis Mider, *Ottoman Turkish Writers*, Washington, 1988, 5 5, 81; F. Davis, 229–31; Schimmel, 47. 5 3. De Amicis, 221; Leila Hanoum, 150.
- ⁵³ Pauline Johnstone, *Turkish Embroidery*, 1985, 9, 84; White, II, 104; Lady Mary Wordey Montagu, *The Turkish Embassy Letters*, ed. Malcolm Jack, 1994, 116, letter of 10 March 1718.
- ⁵⁴ Galland, II, 59, diary entry for 20 April 1673; cf. Comte de Guilleragues, *Correspondance*, 2 vols., Geneva, 1976, II, 97 5, *memoire sur le commerce du Levant* 9 June 1684; Juhacz (ed.), 72–3, 80, 100.
- ⁵⁵ Dorothy M. Vaughan, *Europe and the Turk: a Pattern of Alliances*, Liverpool, 1951, 132; Michel Carmona, *Marie de Medicis*, 1981, 126; *National Palaces*, Istanbul, 1992, 138.

5. Город золота

- ¹ Mantran, *Istanbul*, 25, 74; Grenville Temple, II, 14, 16–17; Pierre Gilles, *The Antiquities of Constantinople*, New York, 1988, 23–5.
- ² Andersen, 99; Mantran, *Istanbul*, 72, 95.
- ³ M. A. Belin, *Histoire de la Latinite de Constantinople*, 2nd edn., 1894, 337, 341; M. du Mont, *Voyages*, 4 vols, La Haye, 1699, II, 374.
- ⁴ Necipoglu, 238; Vaughan, 169; Sestini, III, 230–8, letter of 8 May 1778.
- ⁵ Mantran, *Istanbul*, 88n., 481, 488, 583; Vacalopoulos, *Greek Nation*, 284–5.

- ⁶ Levy, *Sephardim*, 24; Halil Inalcik and Donald Quataert, *An Economic and Social History of the Ottoman Empire*, 1994, 95, 231, 248.
- ⁷ Richards, 163, 167, Giovanni Maringhi to Nicolo Michelozzi, 29 March 1502; «il carico principale di un bailo di Constantinopoli e la difensione delle mercanze della nazione», Navagero, 1553, quoted in Horatio F. Brown, *Studies in the History of Venice*, 2 vols., 1907, I, 25; Paul Masson, *Histoire du commerce francais dans le Levant au XVIIIe siecle*, 1911, 612; Susan Skilliter, *William Harborne and the Trade with Turkey 1578–1582*, Oxford, 1977, 50, cf. 115; Alfred C. Wood, *A History of the Levant Company*, 1935, 72.
- ⁸ Masson, 429, 454; Braudel, *Civilisation and Capitalism*, II, 471.
- ⁹ Mantran, *Istanbul*, 237, 241, 608.
- ¹⁰ M. de Thevenot, *Travels into the Levant*, 3 parts, 1687, 1, 18, 62; Lord Charlemont, *Travels in Greece and Turkey 1749*, ed. W. B. Stanford and E. J. Finopoulos, 1984, 209; cf. «Полиция этого города много почтеннее, чем в любом другом», Lord Baltimore, *A Tour to the East in the Years 1763 and 1764*, 1767, 58.
- ¹¹ Anon., *Letters Historical and Critical*, 30, 38; Mantran, *Vie quotidienne*, 43.
- ¹² Hon. Roger North, *Lives of the Norths*, 3 vols., 1890, II, 48, 53, 71–2, 148; Cemal Kafadar, «Self and Others: the Diary of a Dervish in Seventeenth-century Istanbul and First Person Narrative in Ottoman Literature», *Studia Islamica*, LXIX, 1989, 121–50; Masson, *Commerce francais au XVII siecle*, 468.
- ¹³ North, II, 407, III, 58; cf. Naima, 1, 138 and Pertusier, II, 108 — другие свидетельства о социальных отношениях между христианами и мусульманами.
- ¹⁴ Daniel Panzac, «International and Domestic Maritime Trade in the Ottoman Empire during the Eighteenth Century», *International Journal of Middle Eastern Studies*, May 1992, 195–201.
- ¹⁵ Hammer, VI, 241; Charles Issawi, *An Economic History of Turkey 1800–1914*, 1980, 27; Mantran, *Vie quotidienne*, 127; Francis Peter Werry, *Personal Memoirs and Letters*, 1861, 90.
- ¹⁶ Mantran, *Istanbul*, 190, 198–9, 446n.; de Amicis, 71.
- ¹⁷ Anthony Greenwood, «Istanbul's Meat Provisioning: a Study of the Celepkesjan System», unpublished D.Phil. thesis, Chicago, 1981, 4–5, 9; Naima, I, 37.
- ¹⁸ Greenwood, 13–14, 285, 122; Suraiya Faroqhi, *Towns and Townsmen of Ottoman Anatolia*, Cambridge, 1984, 228, 231; Thevenot, 1, 61.

- ¹⁹ Daniel Goffman, *Izmir and the Levantine World 1550–1650*, 1990, 34; B. Miller, *Sublime Porte*, 194–5; N. M. Penzer, *The Harem*, 1966 edn., 115, 128, 130.
- ²⁰ Greenwood, 156, 162; Mantran, *Istanbul*, 181–2; Baltimore, 59.
- ²¹ Mantran, *Istanbul*, 351, 353, 380, 390.
- ²² Babinger, 452.
- ²³ Jean Michel Cantacuzene, *Mille Ans dans les Balkans*, 1992, 102, 105, 121, 125–6; Emile Legrand, *Recueil de poemes historiques engrec vulgaire*, 1877, 2–3, 8–9.
- ²⁴ Vacalopoulos, *Greek Nation*, 209, 259, 285; Troian Stoianovic, «The Conquering Balkan Orthodox Merchant», *Journal of Economic History*, 1960, 272, 302.
- ²⁵ Greenwood, 54; Mantran, *Istanbul*, 366, 374; id., *Vie quotidienne*, 154.
- ²⁶ Nicolas Soutzo, *Memoires*, Vienna, 1896, 10, 24; Rodrigue, 21, 23, 37; Braude and Lewis, I, 105.
- ²⁷ Richard Fletcher, *Moorish Spain*, 1992, 166–8; Halil Inalcik, «Ottoman Galata», in Edhem Eldem (ed.), *Recherches sur la ville ottomane*, Istanbul, 1991, 68–70.
- ²⁸ *Levant Herald*, 19 October 1869; Galante, *Histoire des Juifs*, I, 33.
- ²⁹ Jak Deleon, *Ancient Districts on the Golden Horn*, Istanbul, 1992, 18 and *passim*; Shaw, *Jews*, 48–9.
- ³⁰ Shaw, *Jews*, 84–5; Nicolay, 233–4.
- ³¹ Cecil Roth, *Dona Gracia Nasi*, Paris, 1990, 96, 115, 143; Epstein, 92–3; Maria Pia Pedani, *In nome del Gran Signore: inviati ottomani a Venecia dalla caduta di Constantinopoli alla guerra di Candia*, Venice, 1994, 154.
- ³² Cecil Roth, *The House of Nasi: the Duke of Naxos*, Philadelphia, 5708/1948, 8–9, 170; Nicolas Iorga, *Byzance apres Byname*, 1992 edn., 50.
- ³³ Roth, *Duke of Naxos*, 41, 43, 46, 95.
- ³⁴ Galante, *Histoire des Juifs*, I, 188, Suleyman to Charles IX 23 March 1565; Roth, *House of Nasi*, 58, 60; M. de Charriere, *Negotiations de la France dans le Levant*, 4 vols., 1848–60, III, 61, despatch of 14 March 1569.
- ³⁵ Roth, *Duke of Naxos*, 50, 152; Michel Lesure, «Notes et documents sur les relations veneto-ottomanes 1570–1573: II», *Turcica*, 1972, IV, 148; *Turcica*, 1976, VIII, I, 138.
- ³⁶ Roth, *Duke of Naxos*, 108, 115, 137, 143.
- ³⁷ Abraham Galante, *Appendice a Phistoire des Juifs d'Istanbul*, Istanbul, 1941, 163–6; Mantran, *Istanbul*, 60, 5, 61.

- ³⁸ Levy, *Sephardim in the Ottoman Empire*, 91.
- ³⁹ Onnik Jamgocyan, «Les Finances de l'Empire Ottoman et les financiers de Constantinople», unpublished Ph.D. thesis, Paris, I, 1988, 15; H. D. Barsoumian, «The Armenian Amira Class of Constantinople», unpublished Ph.D. thesis, Columbia, 1980, 87; Walsh, II, 430.
- ⁴⁰ Barsoumian, 64, 79, 81.
- ⁴¹ Onnik Jamgocyan, *Une Famille de financiers arméniens au XVIIIe siècle: les Serpos*, Paris, n.d., 368, 371.
- ⁴² Barsoumian, 160–2; Zabel Essayan, *Les jardins de Silihdar*, 1994, 12–14.
- ⁴³ Mantran, *Istanbul*, 163–4; Celik Gulersoy, *The Story of the Grand Bazaar*, Istanbul, 1990, 21, 55, 56.
- ⁴⁴ Halil Inalcik, «The Hub of the City: the Bedestan of Istanbul», *Studies in Ottoman Social and Economic History*, 1985, IX, *passim*; Gulersoy, *Grand Bazaar*, 29, 37; du Fresne Canaye, 95.
- ⁴⁵ Pertusier, II, 177; Gulersoy, *Grand Bazaar*, 32, 50, 53, 70.
- ⁴⁶ Hafez Farmayan and Elton L. Daniel (eds.), *A Shiite Pilgrimage to Mecca 1885–6*, 1990, 142–3; Stephane Lauzanne, *Au chevet de la Turquie*, 1913, 226–7; *Istanbul Ansiklopedisi*, Istanbul, 1994–5, art. «Buyuk Valide Han».
- ⁴⁷ North, II, 176; Mantran, *Istanbul*, 506–7; id., *Vie quotidienne*, 143; du Fresne Canaye, 94–6; Jean Chesneau, *Le Voyage de Monsieur d'Aramon... en Levant*, 1887, 34; Cantemir, 52.
- ⁴⁸ Leila Hanoum, 54, 56, 58; Lady Hornby, *Constantinople during the Crimean War*, 1863, 364, letter of July 1860. Среди 42 известных торговцев рабами в начале 1880-х годов 14 были женщинами: Ehud R. Toledano, *The Ottoman Slave Trade and its Suppression 1840–1890*, Princeton, 1982, 59.
- ⁴⁹ Gulersoy, *Grand Bazaar*, 41; Inalcik, *Studies*, VII, 26, 47.

6. Визири и драгоманы

- ¹ Hammer, VIII, 289, 301, 305n, 310–11; Michael Strachan, *Sir Thomas Roe*, 1989, 145–8; Pierce, *Imperial Harem*, 171.
- ² Paul Rycaut, *The Present State of the Ottoman Empire*, 1675, 46; Inalcik and Kafadar, 103.
- ³ Mantran, *Istanbul*, 102, 293, 303, 307, 321.
- ⁴ Findlay, *Bureaucratic Reform*, 55, 87; id., *Ottoman Civil Officialdom*, Princeton, 1992, 22; Charlemont, 168–70; Michel Lesure, *Lepante: la crise de l'Empire Ottoman*, 1972, 17–20; cf. Сэр Джеймс Портер, бри-

- танский посол XVIII века: «Нет ни одной христианской державы, которая могла бы соперничать с Портой в тщательности и аккуратности работы с документами; все дела здесь ведутся с величайшей точностью, во всех важных документах взвешено каждое слово, из всех его значений каждый раз выбирается наиболее подходящее. Документы любой давности могут быть быстро найдены в Порте, если известен их год».
- ⁵ Artan, «Architecture», 97n.; id., «The Kadirga Palace shrouded by the Mists of Time», *Turcica*, XXVI, 1994, 80–1, 105; Rifa'at AM Abou el-Hajj, *The 1703 Rebellion and the Structure of Ottoman Politics*, Istanbul, 1984, 14n.; Nicolas Vatin, «Les Cimetières musulmans ottomans: source d'histoire sociale», in Daniel Panzac (ed.), *Les Villes dans l'Empire Ottoman: activité et société*, 1991, 157–8; Yilmaz Oztuna, *Devletler ve Hanedanlar*, II, *Türkiye (1074–1990)*, Ankara, 1990, 834–8; Sir James Porter, *Turkey, its History and People*, 2 vols., 1854, 1, 317–18.
 - ⁶ Mantran, *Istanbul*, 96, 252–3; Sir Thomas Roe, *Negotiations in his Embassy to the Ottoman Porte from the year 1621 to 1628*, 1749, 37, 38; Peirce, «Gender and Power», 295.
 - ⁷ Metin Kunt, *The Koprulu Years 1656–1661*, unpublished Ph.D. thesis, Princeton, 1971, 32–4, 41, 141, 148.
 - ⁸ Dankoff, 204.
 - ⁹ Hammer, XI, 49–55; Dankoff, 204. Смерть армянского патриарха, возможно, была вызвана конфликтом пропапской и антипапской фракций: Leon Arpee, *A History of Armenian Christianity* \ New York, 1946, 229.
 - ¹⁰ John Covell, in J. Theodore Bent (ed.), *Early Voyages and Travels in the Levant*, 1893, 206, diary entry for 27 May 1675; B. Miller, 117; Bobovi, 57; Peirce, «Gender and Power», 296n.
 - ¹¹ B. Miller, 116.
 - ¹² Hammer, XI, 6, 164; Mantran, *Istanbul*, 374; Madeleine C. Zilfi, «The Kadizadeliler: Discordant Revivalism in Seventeenth-century Istanbul», *Journal of Near Eastern Studies*, 45, 4, 1986, 251–62; Charles A. Frazee, *Catholics and Sultans*, 1983, 99.
 - ¹³ Abbe Toderini, *De la Littérature des Turs*, 3 vols., 1789, I, 57; Bobovi, 57; Abdulkhak Adnan, *La Science chez les Turcs Ottomans*, 121–3; Covell, 195, diary entry for 19 May 1676.
 - ¹⁴ Levy, *Sephardim*, 84–6; Gershom Scholem, *Sabbatai Sevi: the Mystical Messiah*, 1971, 435, 450, 606, 674–9.

- ¹⁵ Hammer, XI, 260, 366, 379.
- ¹⁶ Abou el-Hajj, 82; Paul Rycaut, *The History of the Turks beginning with the year 1679*, 3 vols., 1687, 6th edn., II, 222.
- ¹⁷ Cantemir, 101, 190; Hammer, VIII, 305n.; Paul Fesch, *Constantinople aux derniers jours d'Abdul Hamid*, 1907, 282 quoting Vakit, 27 October 1876; cf. Findlay, *Ottoman Civil Officialdom*, 62 цитирует слова кади Стамбула, сказанные в 1784 году на совете у великого визиря: «Мы — сама покорность и подчинение, внешнее и внутреннее согласие с пожеланиями и приказами нашего Государя, который является повелителем правоверных. Невозможно получить от нас объяснение, почему вещи оказались такими, какие они есть. Вы — абсолютная власть именем нашего Государя. Сблаговолите же [сообщить нам] мнение Государя в этом вопросе — и мы сможем сказать, что мы слышим и мы повинемся».
- ¹⁸ Hammer, XII, 238–9, 305; Kenneth M. Setton, *Venice, Austria and the Turks in the Seventeenth Century*, Philadelphia, 1991, 371, 380, Sir William Trumbull to the Earl of Nottingham 6 November 1689, 15 June 1691.
- ¹⁹ Vahid Cabuk, *Koprululer*, 1988, 166, 175, 177; Hammer, XII, 307, 319–22; Cantemir, 102.
- ²⁰ Cabuk, 178, 182; Lewis V. Thomas, *A Study of Naima*, New York, 1972, 31–2.
- ²¹ Rifa'at Ali Abou el-Hajj, «Ottoman Attitudes towards Peace-Making: the Karlowitz Case», *Der Islam*, 1974, 136; Hammer, XIII, 29–30; посещение Кёпрюлю-ялыси с Фейазом Кёпрюлю 27 ноября 1993. Фейаз Кёпрюлю сообщает, что диван-ханэ будет восстановлен. Но без строительных лесов, возведенных относительно недавно, это несравненное сооружение, чье состояние является предметным уроком недостатков коммунальной собственности, обрушилось бы.
- ²² Ferriol, 162, Ferriol to Louis XIV, 10 August 1700; A. N. Kurat (ed.) *The Despatches of Sir Robert Sutton Ambassador in Constantinople 1710–1714*, 1953, 17, Sutton to Sunderland, 7 June 1710; Louis Rousseau, *Les Relations diplomatiques de la France et de la Turquie au XVIIIe siecle*, I, 1908, 298; Jabuk, 195–7; Cantemir, 193.
- ²³ C. Bosscha Erdbrink, *At the Threshold of Felicity: Ottoman-Dutch Relations during the Embassy of Cornells Calkoen at the Sublime Porte 1726–1744*, Ankara, 1975, 171, Calkoen to States-General 11 April 1733; интервью с Орханом Кёпрюлю, 5 ноября 1991 года.

- ²⁴ Setton, 371, Sir William Trumbull to Earl of Nottingham 6 November 1689; Hammer, XII, 322.
- ²⁵ J. H. Elliott, *Richelieu and Olivares*, 1992 edn., 160.
- ²⁶ Nestor Camariano, *Alexandre Mavrocordato le Grand Drogman: son activite diplomatique*, Thessaloniki, 1970, passim; A. C. Stourdza, *LEurope orientate et le role historique des Mavrocordato 1660–1830*, 1913, 354; Cantemir, 279; Piton de Tournefort, I, 385–6; Montagu, 126, Lady Mary Wortley Montagu to Lady Birstol 10 April 1718. Автор этих строк знаком с пожилой армянской леди, живущей вблизи площади Таксим, которая утверждает, что всерьез посетила Стамбул только три раза.
- ²⁷ N. M. Vaporis, «A Study of the Zisking MS No. 22 of the Yale University Library», *Greek Orthodox Theological Review*, Fall 1967, XII, 3, 13, 27; G. Chassiotis, *L'Instruction publique chevies Grecs depuis la prise de Constantinople par les Turcs*, 1881, 27.
- ²⁸ Hammer, XII, 141; Vaporis, «A Study», 21; Camariano, 34, 68; SOAS Library MSS., Paget Papers, 50 X/4, letters of 23 February, 2 April 1699; Setton, 406.
- ²⁹ Camariano, 78, 102.
- ³⁰ E. Miller, «Alexandre Mavrocordato», *Journal des Savants*, May 1879, 229, Daubert to Torcy 25 July 1698, 264; Galland, I, 237, 18 November 1672; R. W. Seton-Watson, *A History of the Roumanians*, 1934, 93–4n.; Ferriol, 116, Ferriol to Louis XIV 12 May 1700.
- ³¹ Hammer, XI, 425; Vaporis, «A Study», 37; Camariano, 81, Mavrocordato to Patriarch 29 August 1707; Philip P. Argenti, *Chius Vincta*, Cambridge, 1941, clxxv.
- ³² La Motraye, I, 374; Iorga, *Byzance*, 135, 145; Stourdza, 98; Theodore Blancard, *Les Mavroyenni: histoire d'Orient*, 2 vols., 1909, 1, 468; Comte d'Hauterive, *Memoire sur l'etat ancien et actuel de la Moldavie... en 1787*, Bucarest, 1902, 339, 346.
- ³³ Cantemir, 158–64; Soutzo, 26–31; Michel Sturdza, *Grandes Families de Grece, d'Albanie et de Constantinople*, 1983, 142–3.
- ³⁴ Camariano, 85; Cantemir, 144–5, 253; A. N. Kurat (ed.), *The Despatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople 1710–1714*, 1953, 29, Sutton to Earl of Dartmouth 8 December 1710; Cyril Mango, «The Phanariots and the Byzantine Tradition», in Richard Clogg (ed.), *The Struggle for Greek Independence*, 1973, 44–5.
- ³⁵ William Wilkinson, *An Account of the Principalities of Wallachia and Moldavia*, 1820, 135; Marechal Prince de Ligne, *Memoires*, 5 vols., 1828, 1, 211–14, Ligne to Comte de Segur 1 December 1788; II, 390–2.

- ³⁶ Stourdza, 98–9; Baron Eudoxiu de Hurmuzaki (ed.), *Documente privitoare la Istoria romanilor*, Bucharest, 1912, XVI, 401, letter of 12 December 1716.
- ³⁷ C. Mango, «The Phanariots and the Byzantine Tradition», in Clogg (ed.), *Struggle*, 53; Ariadna Camariano-Cioran, *Les Academies princieres de Bucarest et de Jassy et leurs professeurs*, Thessaloniki, 1974, 77; Corneliu Dima Dragan, «La Bibliophilie des Mavrocordato», in *L'Epoque phanariote*, Thessaloniki, 1974, 209–16.
- ³⁸ G. P. Henderson, *The Revival of Greek Thought*, Edinburgh, 1971, 23; Stourdza, 134.
- ³⁹ Jacques Bouchard, «Nicolas Mavrocordato et l'aube des lumieres», *Revue des Etudes du Sud-Est Europeen*, XX, 1982, 237–46; id. (ed.), *Les Loisirs de Philothee*, Athens – Montreal, 1989, 79, 101, 119, 149, 151, 181; Sutton, 203, despatch of 3 September 1714; Cantacuzene, 201, 207.
- ⁴⁰ Vasile Dragut, «Le Monastere de Vacaresti: expression des relations artistiques romanou-grecques», in *L'Epoque phanariote*, 295–300; Stourdza, 266–70 and figs. 26–33; Sturdza, 320, 328.
- ⁴¹ N. Iorga, *Histoire des Roumains et de la Romanite orientale*, 9 vols., Bucharest, 1937–44, VII, 20–3; *Fragments tires des chroniques moldaves et valaques*, 2 vols., Jassy, 1843, II, 16, хроники Николая Мюсте.
- ⁴² Mihaila Staianova, «Des Relations entre le Patriarcat oecumenique et la Sublime Porte en Constantinople au courant du XVIIIe siecle», *Balkan Studies*, XXV, 2, 1984, 449–56; Theodore H. Papadopoulos, *Studies and Documents relating to the History of the Greek Church and People under Turkish Domination*, Brussels, 1952, 52; Madame Chenier, *Lettres sur les danses grecques*, 1879 edn., 137, 190–1.
- ⁴³ Denis Deletant, «Romanian Society in the Danubian Principalities in the early Nineteenth Century», in Richard Clogg (ed.), *Balkan Society in the Age of Greek Independence*, 1981, 238.
- ⁴⁴ Iorga, *Histoire des Roumains*, VII, 9, 154n., 164, 239; Marthe Bibesco, *La Nympe Europe*, 1960, 306–7, Villeneuve to Maurepas 15 April 1731; Stourdza, 201, 210, 217.
- ⁴⁵ Hurmuzaki, XIX, part I, 224, Raicevich to Kaunitz 30 November 1784; Paschalis M. Kitromilides, *The Enlightenment as Social Criticism: Miosipis Moisioudax and Greek Culture in the Eighteenth Century*, Princeton, 1992, 83, 94; Clogg, *Movement*, 36, 59–60; Richard Clogg, «The Greek Millet in the Ottoman Empire», in Braude and Lewis (eds.), I, 185, and Braude and Lewis, «Introduction», in *ibid.*, 16–17.

- ⁴⁶ John Cam Hobhouse, *A Journey through Albania and other Provinces of Turkey during the years 1809 and 1810*, 1813, 588–9; cf. A. de Juchereau de Saint Denys, *Revolutions de Constantinople en 1807 et 1808*, 2 vols., 1819, 1, 156.
- ⁴⁷ Prince Nicholas Ypsilanti, *Memoires*, n.d., 72.

7. Подушки наслаждения

- ¹ Tulay Artan, «Architecture», 9; C. R. Cockerell, *Travels in Southern Europe and the Levant 1810–1817*, 1903, 29.
- ² Musbah Haidar, *Arabesque*, 1944, 42; Mouradega d'Ohsson, II, 177; Du Fresne Canaye, 87; Walter G. Andrews, *Poetry's Voice, Society's Song: Ottoman Lyric Poetry*, Seattle, 1985, 134; Nermin Menemencioglu, *The Penguin Book of Turkish Verse*, 1978, 92.
- ³ Artan, «Architecture», 320; White, I, 314; Du Mont, II, 114; Z. Duckett Ferriman, *Turkey and the Turks*, 1911, 300–2.
- ⁴ B. Miller, *Sublime Porte*, 151–5; Necipoglu, 200.
- ⁵ Thomas Hope, *Anastasius or Memoirs of a Greek*, 2 vols., 1836 edn., II, 124; Thomas Allom and Robert Walsh, *Constantinople and the Scenery of the Seven Churches of Asia Minor*, 2 vols., 1838, I, 25.
- ⁶ Allom and Walsh, 25; Boulden, 140–4.
- ⁷ Necipoglu, 202; Arthur Barker, «The Cult of the Tulip in Turkey», *Journal of the Royal Horticultural Society*, LVI, 1931, 234–44; Nurhan Atasoy, «Les Jardins imperiaux sous le regne de Soliman le Magnifique», in Veinstein (ed.), *Soliman*, 239–48; Michiel Roding and Hans Theunissen, *The Tulip, a Symbol of Two Nations*, Utrecht – Istanbul, 1993, 10, 54.
- ⁸ William Wittman, *Travels in Turkey, Asia Minor, Syria and across the Desert to Egypt*, 1803, 14; Dankoff, 107.
- ⁹ Artan, «Architecture», 38, 162–3, 242; Du Mont, II, 113; Hope, I, 53.
- ¹⁰ Un Jeune Russe, *Voyage en Crimee*, 1802, 177, 199; Cockerell, 28–9; Montagu, 141, Lady Mary Wordey Montagu to Abbe Conti 1 April 1718.
- ¹¹ Skilliter, *William Harborne*, 85; Carlier de Pinon, 111–12; Bobovi, 30; Ferriman, 325.
- ¹² Nubar Gulbenkian, *Pantaraxia*, 1965, 130; Turabi Effendi, *Turkish Cookery*, repr. Rottingdean, 1987, *passim*; James Dallaway, *Constantinople Ancient and Modern*, 1798, 149; Ferriman, 326.

- ¹³ Stanley Lane-Poole (ed.), *The People of Turkey: Twenty Years Residence among Bulgarians, Greeks, Albanians, Turks and Armenians by a Consul's Daughter and his Wife*, 2 vols., 1878, II, 39.
- ¹⁴ Lewis, *Muslim Discovery*, 196; Katib Celebi, *The Balance of Truth*, ed. G. L. Lewis, 51, 58; White, II, 127–34.
- ¹⁵ *Istanbul Ansiklopedesi*, art. «Kahvehaneler»; Allan Ramsay and Francis McCullagh, *Tales from Turkey*, 1914, xxii, xxviii.
- ¹⁶ Hammer, XI, 286, 335; Bernard Lewis, *Istanbul and the Civilisation of the Ottoman Empire*, Norman, Oklahoma, 1963, 132–3.
- ¹⁷ White, I, 282.
- ¹⁸ F. Billacois (ed.), *L'Empire du Grand Turc vu par un sujet de Louis XIV*, 1965, 96; Walsh, II, 500; Freely, 93; Ramsay and McCullagh, 57–9.
- ¹⁹ Charlemont, 166–7.
- ²⁰ Hammer, XVI, 64–5; Baron de Tott, *Memoirs concerning the State of the Turkish Empire and the Crimea*, 4 parts, 1786, I, 140; Mouradgea d'Ohsson, II, 121.
- ²¹ Artan, «Architecture», 207, 410, 411; Gibb, II, 227; Mantran, *Istanbul*, 106; Mider, 107.
- ²² Hammer, XV, 143.
- ²³ Talat S. Halman, *Suleyman the Magnificent, Poet*, Istanbul, 1989, 53–4; Evliya Celebi, I, 134; Hammer, VI, 279, VIII, 323; Menemencioglu, 100; Mittler, 151.
- ²⁴ And, *Istanbul*, 193; Marechal de Moltke, *Lettres... sur l'Orient*, 1877 edn., 36–7, letter of 12 February 1836; Gibb, IV, 68; F. Munir Katircioglu, «Ottoman Culinary Habits», in Feyzi Halici (ed.), *First International Food Congress Turkey 1986*, Ankara, 1988, 163–5.
- ²⁵ Murat Bardakgi, *Osmanlida Seks*, 1993, 117.
- ²⁶ Elias Habesci, *The Present State of the Ottoman Empire*, 1784, 388; Tott, I, 163; Melek Hanouim, *Thirty Yean in the Harem*, 1872, 245.
- ²⁷ Bardakgi, 132; Ulucay, *Ask Mektuplari*, 203–5, letter of 11 August 1875.
- ²⁸ And, *Istanbul*, 211; Alfred C. Wood, «The British Embassy in Constantinople», *English Historical Review*, XL, 1925, 551; Charlemont, 204–6; Habesci, 175, 393. Сексуальное использование кладбищ продолжалось и в нашем столетии, как помнят читатели «Человека, который убил» Клода Фарера.
- ²⁹ Necipoglu, 210, 216–17; Alderson, Table XXVII; Kritovoulos, 61; Raymond T. Macnuly and Radu R. Florescu, *Dracula, His Life and His Times*, 1989, 150; Babinger, 207.
- ³⁰ Carlier de Pinon, 119; White, I, 195; And, *Turkish Dancing*, 140–1.

- ³¹ Wratislaw, 54 описывает Чигала-пашу, родом из Неаполитанского королевства, который «единожды попробовал свободу и удовольствия Турции, постепенно опускался все ниже и ниже, пока в нем не осталось ничего христианского»; Lady Hornby, 394, 26 июня 1856 года встречает Слейд-пашу, который «бесконечно предпочитает простоту и свободу восточного образа жизни жестким социальным рамкам Лондона и Парижа»; Valensi, 47; Pedani, 42. Однако в 1577 году правительство пыталось запретить «quel vizio della nazione turchesca»: Hammer, VII, 133n.
- ³² Gibb, III, 55, 123; Menemencioglu, 108–9.
- ³³ Dankoff, 278; Gibb, IV, 56.
- ³⁴ Gibb, IV, 220–42; Bardakgi, 103–32. Синбулзаде Вехби, умерший в 1809 году, также попеременно хвалил и критиковал — в изобразительном плане — сексуальные преимущества женщин и мальчиков.
- ³⁵ De Amicis, 147; Raphaela Lewis, *Everyday Life in the Ottoman Empire*, 124–7; Tott, I, 175.
- ³⁶ Abou el-Hajj, *The 1703 Rebellion*, 31–3, 86.
- ³⁷ Necipoglu, 258; Artan, «Architecture», 36, 38.
- ³⁸ B. Miller, *Sublime Porte*, 226, 12 5; Gocek, 77, 79.
- ³⁹ Gibb, IV, 30; Menemencioglu, 113; Mitler, 106–7; Epiphanius Wilson, *Turkish Literature*, 1901, 181–3; *Anka: Revue d'art et de literature de Turquie*, VII–VIII, 1989, 44–6.
- ⁴⁰ Levy, *Sephardim*, 77; Andre Philippides, *Hommes et idees du Sud-Est Europeen a l'aube de Page moderne*, 1980, 243, Daniel de Fonseca to Jean Leclerc 1 March 1724; Montagu, 142, Lady Mary Wortley Montagu to Abbe Conti 19 May 1718.
- ⁴¹ Turhan Baytop, «The Tulip in Istanbul during the Ottoman Period», in Roding and Theunissen (eds.), 53, 55.
- ⁴² Artan, «Architecture», 166; Gocek, 130; B. Miller, *Sublime Porte*, 125.
- ⁴³ Artan, «Architecture», 166, 201, 360, 414; Artun and Beyhan Unsal, *Istanbul la magnifique: propos de table et recettes*, 1991, 77.
- ⁴⁴ E. Wilson, 182; Ligne, I, 214, Ligne to Comte de Segur 1 December 1788.
- ⁴⁵ Charlemont, 204–5; Bosscha Erdbrink, 138, Calkoen to States-General 22 March 1739.
- ⁴⁶ Niyazi Berkes, *The Development of Secularism in Turkey*, Montreal, 1964, 37–42; Gocek, 113; Cesar de Saussure, *Lettres de Turquie*, ed. Coloman de Thaly, Budapest, 1909, 94, letter of 21 February 1732; B. Miller, *Sublime Porte*, no.

- ⁴⁷ Levy, *Sephardim*, 90; de Saussure, 94, letter of 1 February 1732; Berkes, *Secularism*, 42–5.
- ⁴⁸ Robert W. Olson, *The Siege of Mosul and Ottoman-Persian Relations 1718–1743*, Bloomington, 1975, 66, 71, 74–5; Mardin, *Genesis*, 433; Bosscha Erdbrink, 93–5.
- ⁴⁹ Olson, 79; Bosscha Erdbrink, 95, despatch of Cornelius Calkoen 13 November 1730; Albert Vandal, *Une Ambassade française en Orient sous Louis XV: la mission de Marquis de Villeneuve 1728–1741*, 1887, 155–6, despatch of Villeneuve 7 October 1730; Gocek, 159.
- ⁵⁰ Mary Lucille Shay, *The Ottoman Empire from 1720 to 1734 as revealed in Despatches of Venetian Baili*, Urbana, 1944, 31–3; Olson, 80.

8. Послы и художники

- ¹ Hammer, VIII, 148.
- ² Merriman, 236; Colin Imber, «The Ottoman Dynastic Myth», *Turcica*, 1987, 22.
- ³ Naimur Rahman Farooqi, *Mughal-Ottoman Relations*, Delhi, 1989, 23, 29, 88, 195.
- ⁴ Lewis, *Muslim Discovery*, 118, 45; Merriman, 133, цитируя хронику Кемалья Пашазаде; Pierre Duparc, *Recueil des instructions donnees aux ambassadeurs et ministres de France*, 1969, 16, 259, instructions of 22 August 1665, 6 March 1724.
- ⁵ Vaughan, 124, 127, 129.
- ⁶ M. S. Anderson, *The Rise of Modern Diplomacy*, 1993, 28; Peirce, «Gender and Power», 120–1.
- ⁷ Busbecq, 183; Hammer, VI, 148; Skilliter, *William Harborne*, 63, Joachim Von Sinzendorf to Rudolf II 24 March 1579.
- ⁸ Hammer, V, 149, 151n., letter of February 15 26, 333, VII, 185; M. S. Anderson, 72.
- ⁹ Pedani, 203–8.
- ¹⁰ Jacques Lefort, *Documents grecs dans les Archives de Topkapi Sarayi: contribution a l'histoire de Cem Sultan*, Ankara, 1981, 20; Bobovi, 12; Baron de Dedem de Gelder, *Memoires*, 1900, 25; Habesci, 268. Фатих хвастался, что его тайная сеть информаторов в Италии давала ему глубокое знание событий: Raby, 285.
- ¹¹ Hammer, IV, 48, 138.
- ¹² Bosscha Erdbrink, 119, 123.

- ¹³ Guilleragues, 908–9; Belin, 314; Galland, II, 52, diary entry for 2 April 1673; Vandal, *Une Ambassade française*, 38.
- ¹⁴ Alberto Tenenti, *Piracy and the Decline of Venice 1580–1615*, 1967, 72; *L'Orient des provençaux dans l'histoire*, exhib. cat., Marseilles, 1982, 280.
- ¹⁵ William Hunter, *Travels through France, Turkey and Hungary to Vienna in 1792*, 3rd edn., 2 vols., 1803, 1, 323.
- ¹⁶ Wood, *Levant Company*, 238; Hammer, XII, 10. Демонстративные польские шествия продолжались до конца существования Польского королевства: см. Dedem de Gelder, 37.
- ¹⁷ Marquis de Bonnac, *Memoire historique sur l'Ambassade de France a Constantinople*, 1894, 12; Gerard Tongas, *Les Relations de la France avec l'Empire Ottoman durant la premiere moitié du XVIIe siecle*, Toulouse, 1942, 23–31, 37; Hammer, XI, 229–30, 346; G. F. Abbott, *Under the Turk in Constantinople*, 1920, 102, 9 September 1675.
- ¹⁸ Hammer, XI, 255, 259, 282, XII, 8; Coval, in Bent (ed.), 194, diary entry for 19 May 1675; Comte de Saint-Priest, *Memoires sur l'Ambassade de France en Turquie*, 1877, 231; Vandal, *Voyages*, 216, 232.
- ¹⁹ Guilleragues, I, 192, 436, 473: *memoire pour servir d'instruction au Sr. de Guilleragues*, 10 June 1679, Guilleragues to Louis XIV 24 May 1680, 12 September, 25 October 1681; Hammer, XII, 56, 167; Piton de Tournefort, II, 27.
- ²⁰ Bonnac, 43–5; Ferriol, 75–9, Ferriol to Louis XIV 8 January 1700; ср. другие сообщения о том же инциденте: La Motraye, I, 272; Piton de Tournefort I, 397–401.
- ²¹ Cantemir, 261; Ferriol, 190, letter of 25 July 1707; William Miller, *Travel and Politics in the Near East*, 1897, 428; Hammer, IX, 113.
- ²² La Motraye, I, 369; Vandal, *Une Ambassade française*, 40; H. Riondel, *Le Bienheureux Gomidas de Constantinople, pretre armenien et martyr*, 1929, 137; Hammer, XIII, 41.
- ²³ Archives du Ministère des Affaires Etrangères, Paris (далее приводится как ААЕ), Turquie, 68: *Relation de l'audience que j'aye eue du grand Vizir Ibrahim Pacha Gendre du Grand Seigneur le mardi 10 Octobre dans sonpalais de Constantinople*.
- ²⁴ State Archives, Stockholm, Turcica, 100, Bonneval to Hoepken 6 September 1738, 14 May 1741, to G. Bonde 4 September 1736, to Horn 4 August 1735.
- ²⁵ Hammer, XV, 365–78, Desalleurs to Bonneval 23 December 1746, Castellane to d'Argneson 23 March 1747.

- ²⁶ State Archives, Stockholm, Turcica, 100, Bonneval to Hoepken 19 December 1735, 21 January 1744.
- ²⁷ *Revue d'Histoire Diplomatique*, 1987, 234–5; cf. Virginia Aksan, «Ottoman-French Relations 1739–68», in *Studies in Ottoman Diplomatic History*, ed. Sinan Kunalp, 5 vols., Istanbul, 1987–90, 1, 50, 56; Vassif Efendi, *Precis historique de la guerre des Turcs contre les Russes*, ed. P. A. Caussin de Perceval, 1822, 6–7; Hammer, XVI, 179, 184, 203–5, 228.
- ²⁸ Onnik Jamgocyan, «L'Apprivoisement de Constantinople, la Revolution francaise et le declin du negoce francais», *Arab Historical Review for Ottoman Studies*, VII, October 1993, 129–33; Tott, II, 123, 149, 167, 205, 255, III, 149, IV, 255.
- ²⁹ Berkes, *Development of Secularism*; 54; Itzkowitz and Mote, 161.
- ³⁰ Hugh Ragsdale (ed.), *Imperial Russian Foreign Policy*, Cambridge, 1993, 82, 99.
- ³¹ Masson, 274; Comte de Choiseul-Gouffier, *Voyage pittoresque de la Grece*, 2 vols., 1782–1809, I, xi; Leonce Pingaud, *Choiseul-Gouffier. La France en Orient sous Louis XVI*, 1887, 179n. Vergennes to Segur; Duparc, 477, instruction of 2 June 1784.
- ³² Max Roche, *Education, assistance et culture fransaises dans l'Empire Ottoman*, Istanbul, 1989, 17–18.
- ³³ Octave Teissier, *La Chambre de Commerce de Marseille*, Marseilles, 1892, 315, Grand Vizier to Louis XVI 16 January 1791; Pingaud, 85.
- ³⁴ Stanford J. Shaw, *Between Old and New: the Ottoman Empire under Sultan Selim III 1789–1807*, Harvard, 1971, 17; Archives du Ministere des Affaires Etrangeres, Correspondance Politique, Turquie, 176, ff. 72V, 87V, 98, 100, 195v: Choiseul-Gouffier to Montmorin 3, 9, 10, 25 August; cf. A. I. Bagis, *Britain and the Struggle for the Integrity of the Ottoman Empire*, Istanbul, 1984, 42, 45.
- ³⁵ Pingaud, 253, 255; BM Add. MSS 41567, f. 186: Choiseul-Gouffier to Sublime Porte 24 September 1792.
- ³⁶ Wanda, *Souvenirs anecdotiques sur la Turquie 1820–1870*, 1884, 174, 175.
- ³⁷ Colonel Rottiers, *Itineraire de Tiflis a Constantinople*, Brussels, 1829, 345.
- ³⁸ Nicolay, 179; Vandal, *Voyages*, 65; id., *Une Ambassade francaise*, 83n.; Itzkowitz and Mote, 176–7.
- ³⁹ Un Jeune Russe [H.-C.-R. von Struve], *Voyage en Crimee*, 190; Dedem de Gelder, 23; Wittman, 25.

- ⁴⁰ Michel Lesure, «Notes et documents sur les relations veneto-ottomanes», *Turcica*, IV, 143, M5.
- ⁴¹ Cantemir, 259; Karl A. Roider jun., *Austria's Eastern Question*, Princeton, 1982, 92–3, 220, Thugut to Kaunitz 21 March 1771. Британский посол в 1710 году, сэр Роберт Саттон, получил секретные списки османских вооруженных сил: Kurat (ed.), 9.
- ⁴² J. M. Tancoigne, *Voyage a Smyrne... suivi d'une notice sur Pera*, 2 vols., 1817, II, 46.
- ⁴³ Montagu, 122, Lady Mary Wortley Montagu to Lady Mar 16 March 1718.
- ⁴⁴ Ausilia Roccatagliata, *Notai genovesi in oltremare: atti rogati a Pera e Mitilene*, I, Genoa, 1982, 140; E. Dalleggio d'Alessio, «Liste des Podestats de la colonie genoise de Pera», *Revue des Etudes Byzantines*, XXVII, 1969, 152–3; id., «Une Inscription inedite d'Arab-Djami» *Echos d'Orient*, XXVIII, 1929, 408–11; Belin, 151.
- ⁴⁵ Sturdza, 590–6; Antoine Gautier and Marie de Testa, «Quelques Dynasties de Drogmans», *Revue d'Histoire Diplomatique*, 1991, 89–94. F. Labourdette, *Vergennes*, 1990, 48–50; E. L. G. H. de Marcere, *Une Ambassade a Constantinople: la politique orientate et la revolution francaise*, 2 vols., 1927, 1, 42, letter of Testa 28 March 1793.
- ⁴⁶ Sturdza, 5 87; Wood, «English Embassy», 556.
- ⁴⁷ National Library of Scotland (hereafter NLS), Liston MSS, Pisani to Liston *passim* and 24 November, 24 October 1794.
- ⁴⁸ Virginia Childs, *Lady Hester Stanhope*, 1990, 67; NLS, Liston MSS, Lady Liston journal 1812, f. 38.
- ⁴⁹ Walsh, II, 440; Sir Austen Layard, *Autobiography and Letters*, 2 vols., 1903, II, 140 and n.
- ⁵⁰ John Stoye, *Marsigli's Europe*, 1994, 17, 23; Toderini, III, 212; Edward Said, *Orientalism*, 42, 95; *Vers l'Orient*, exhib. cat., Bibliotheque Nationale, 1983, 40.
- ⁵¹ Kemal Beydilli, «Ignatius Mouradgea d'Ohsson», *Istanbul Universitesi Edebiyat Fakultesi Tarih Dergisi*, XXXIV, 1984, 252, 260; Mouradgea d'Ohsson, III, 312п. Другие дипломаты и драгоманы, оставившие записи об Османской империи, включают: Busbecq; Philippe du Fresne Canaye (*Voyage du Levant*, 1573); Sir Thomas Roe; Sir Paul Rycaut; Antoine Galland, переводчик на французский «Тысячи и одной ночи», который работал в посольстве Франции в Стамбуле с 1671 по 1675 год, и с 1678, по 1683 год; F. Petis de La Croix; John P. Brown из американской дипломатической миссии, автор книг

о дервишах и *Turkish Evening's Entertainment* (1850); а также Шарль Шефер, первый драгоман Франции во время Крымской войны, который перевел много османских текстов и стал директором Школы современных восточных языков (*de l'Ecole des Langues Orientales Vivantes*).

⁵² Freiherr von Hammer-Purgstall, *Erinnerungen*, Vienna, 1940, 41, 44, 46–7, 133, 134, 137.

⁵³ And, *Istanbul*, 325–6 выявлено девятнадцать таких альбомов.

⁵⁴ *At the Sublime Porte*, exhib. cat., Hazlitt, Gooden and Fox, 1988; Vandal, *Voyages*, 200–2; Catherine and Andre Boppe, *Les Peintres du Bosphore au XVIIIe siecle*, 1989, 40–7; *Les Peintures «turques» de Jean-Baptiste Vanmour 1671–1737*, exhib. cat., Istanbul, 1975. Портрет маршала Себастиани с видом Стамбула на заднем фоне, хранящийся в Музее истории Франции (Musée de l'Histoire de France) в Версале, был написан Винтерхальтером в 1841 году — через тридцать три года после того, как Себастиани перестал быть послом Франции там.

⁵⁵ Визит к Биби и интервью с Фредрик фон Цельсингом 29 августа 1994 года. Другие «посольские картины» находятся в коллекциях М. Де Туњи во Франции; князя фон Оттингена Валлерштайна в Германии; графа фон Гуденуса в Австрии; в палаццо Мочениго Сан-Стае, Венеция; на вилле Вальтория в Доло, Венеция; в итальянском генеральном консульстве в Стамбуле; в посольстве Великобритании в Анкаре; в Музее истории Франции в Версале; в Музее изящных искусств, Бордо; в Академии изящных искусств, Краков и в Рийксмузее. Четыре вида Константинополя и восемь портретов его обитателей, принадлежащих сыну Верженна, были конфискованы «*pour la nation*» в 1795 году и с тех пор исчезли: см. Archives Nationales F 17 1268, no. 226: *Inventaire des objets reserves pour la nation, provenants de Vergennes emigre*. Я благодарю за эту справку мадам де Туњи-Верженн.

⁵⁶ Gilles, 221, 97, 170; B. Miller, *Sublime Porte*, 24.

⁵⁷ Strachan, 174; William St Clair, *Lord Elgin and the Marbles*, 1983 edn., 90 and *passim*.

9. Недовольство янычар

¹ Philip Mansel, *Pillars of Monarchy*, 1984, 85, 88.

² Godfrey Goodwin, *The Janissaries*, 1994, 70, 72; Lybyer, 109; Enis Batur (ed.), *Eccomium to Istanbul*, Istanbul, 1991, 107.

- 3 Hammer, VI, 263–4, XV, 215–16; BM Add. MSS 36301, f. 263, Pisani to Lord Strangford, 1821.
- 4 Kafadar, «Yeniceri — Esnaf Relations», 37, 42, 116.
- 5 Hammer, VI, 299–302.
- 6 Kafadar, «Yeniceri — Esnaf Relations», 47, 81, 86, 24; A. Djevad Bey, *Etat militaire ottoman depuis la fondation de l'Empire jusqu'a nos jours*, Constantinople — Paris, 1882, 76; Galland, II, 137, diary entry for 6 August 1673.
- 7 Mantran, *Istanbul*, 105; Shaw, *Between Old and New*, 120.
- 8 Kafadar, «Yeniceri — Esnaf Relations», 67; Djevad, 43; Hammer, IV, 338. Янычары также заставили султана вернуться в Стамбул в 1592 году.
- 9 Hammer, X, 112, IX, 171, 177, 181; Thomas, *Naima*, 94–5.
- 10 Bobovi, 42; Hammer, IX, 219, 280.
- 11 Tott, I, 17–21; Revd E. J. Davis, *Osmanli Proverbs and Quaint Sayings*, 1898, 66; Bosscha Erdbrink, 65; Louis Bonneville de Marsangy, *Le Chevalier de Vergennes: son ambassade a Constantinople*, 2 vols., 1894, I, 266–8 and n., Vergennes to Rouille 30 September 1755.
- 12 Bonneville de Marsangy, I, 313, Vergennes to Rouille 3 February 1756; cf. Pingaud, 132, Choiseul-Gouffier to Chevalier de Gruyere 2 June 1787.
- 13 Roy Porter, *London*, 80; Daniel Panzac, *La Peste dans l'Empire Ottoman 1700–1850*, Leuven, 1985, 117, 283, 341, 359, 341; Alfred C. Wood, *A History of the Levant Company*, 1935, 246; William Turner, *Journal of a Tour of the Levant*, 3 vols., 1820, 1, 76; Resad Ekrem Kocu, «The Records of the Gardener Corps of the Imperial Guards», in Batur (ed.), 108.
- 14 Panzac, *Peste*, 312; Busbecq, 183; Ali Nami Bey, *Verite, justice, bonte*, Constantinople, 1918, 63.
- 15 Hammer, XVI, 46; Mouradgea d'Ohsson, III, 306–9; Paul Wittek, «Les Archives de Turquie», *Byzantion*, 1938, 697.
- 16 Findlay, *Reform*, 115; Jamgocyán, *Finances de l'Empire Ottoman*, 110; Pingaud, 228, Choiseul-Gouffier to Noailles 15, 21 May 1789; Shaw, *Between Old and New*, 75–8.
- 17 Beydilli, 260–8, 289. Позднее Мураджа убедил императора признать Французскую республику и служил в качестве министра Швеции в Константинополе в 1795–1796 годах, пока не был выслан из города по настоянию российского посла, который считал его якобинцем. Он умер недалеко от Парижа в 1807 году.

- ¹⁸ A. F. Miller, *Mustafa Pacha Bairaktar*, Bucharest, 1975, 89, 86; Wilkinson, 219, 234; A. P. Caussin de Perceval (tr.), *Precis historique de la destruction du corps des Janissaires par le Sultan Mahmoud en 1826*, 1833, 14, 223–5, 230–1; Shaw, *Between Old and New*, 92, 135.
- ¹⁹ A. F. Miller, 105–6; Shaw, *Between Old and New*, 182, 194.
- ²⁰ NLS MSS 5 572, Liston to Grenville 25 November 1794; Navarian, 145.
- ²¹ Nisbet, 156, Lady Elgin to Mrs Nisbet 11 December 1801; Sturdza, 582; Dedem de Gelder, 32.
- ²² Cornells Boschma and Jacques Perot, *Antoine-Ignace Melting (1763–1831), artiste voyageur*, Paris, 1991, 18, 20, 22, 30.
- ²³ Shaw, *Between Old and New*, 358; Edouard Driault, *La Politique orientate de Napoleon*, 1904, 95, 102; H. Deherain, *La Vie de Pierre Ruffin*, 2 vols., 1929–30, II, 84–5, Sebastiani to Talleyrand 3 March 1807.
- ²⁴ Shaw, *Between Old and New*, 89, 371; Mahmud Raif Efendi, *Tableau des nouveaux reglemens de l'Empire Ottoman*, Constantinople, 1798, 7; Deherain, II, 87, Ruffin to his daughter 10 June 1807.
- ²⁵ Shaw, *Between Old and New*, 382–92.
- ²⁶ A. F. Miller, 286, 289.
- ²⁷ Serge Tatistcheff, *Alexandre Ier et Napoleon*, 1891, 412, Caulaincourt to Napoleon 24 June 1808; Shaw, *History of the Ottoman Empire*, II, 3–5.
- ²⁸ Hobhouse, 999, 1001; Cyrus Hamlin, *Among the Turks*, 1878, 114; Temple, II, 36.
- ²⁹ White, III, 269n.; Pars Tuglaci, *The Role of the Balian Family in Ottoman Architecture*, Istanbul, 1990, 17, 21, 26.
- ³⁰ NLS MSS 5630, Liston to Castlereagh 25 February 1815; 5628, Liston to Castlereagh 24 December 1814.
- ³¹ Walsh, I, 342; NLS MSS 5709, ff. 45–6, Lady Liston, Journal 30 October 1812; F. Ismail, «The Diplomatic Relations of the Ottoman Empire and the Great European Powers from 1800 to 1821», unpublished D.Phil. thesis, London, 1975, 36; P. Coquelle, «Andreossy, ambassadeur a Constantinople», *Revue d'Histoire Diplomatique*, XX, 1906, 250.
- ³² W. Turner, I, 69, III, 385, 393; BM Add. MSS 56301, f. 205V, Pisani to Strangford 5 December 1821.
- ³³ Walsh, II, 503–4; Andrew Wheatcroft, *The Ottomans*, 1993, 125.
- ³⁴ Howard A. Reed, «The Destruction of the Janissaries by Mahmud II in June 1826», unpublished Ph.D. thesis, Princeton, 1951, 112, 171.
- ³⁵ MacFarlane, *Constantinople*, II, 380; H. Reed, 200, 203.
- ³⁶ Caussin de Perceval, 44–6; H. Reed, 284, 295, 213, 238.

- ³⁷ Stanley Lane-Poole, *The Life of Sir Stratford Canning, Viscount Stratford de Redcliffe*, 2 vols., 1888, 1, 422, letter of 22 June 1826.
- ³⁸ Caussin de Perceval, 103.
- ³⁹ Caussin de Perceval, 3, 201.
- ⁴⁰ White, 1, 110; Lane-Poole, *Stratford Canning*, 1, 420, Stratford to George Canning 20 June 1826.
- ⁴¹ Allan Cuninghame, *Anglo-Ottoman Encounters in the Age of Revolution*, 1993, 293–4; Lane-Poole, *Stratford Canning*, I, 434; Temple, II, 188.

10. Махмуд II

- ¹ G. Frangos, «The *Philike Etairia*» unpublished Ph.D. thesis, Columbia, 1971, 33, 67, 103, 150, 274; Philip Sherrard, «Church, State and the Greek War of Independence», in Clogg (ed.), *Movement*, 182, 186, 189.
- ² A. Otetea, «L'Hetairie d'il y a cent cinquante ans», *Balkan Studies*, VI, 2, 196–5, 261.
- ³ BM Add. MSS 36299, f. 59, Chabert to Strangford 31 March 1821; Walsh, I, 300, 305, 329; Frangos, 203.
- ⁴ BM Add. MSS 36301, ff. 10v, 26v, 32, 42, Pisani to Strangford 22 April, 4, 6, 12 May 1821; Walsh, I, 315–16, 336, 349, 361.
- ⁵ BM Add. MSS 36301, f. 87, Pisani to Strangford 23 July 1821.
- ⁶ BM Add. MSS 36301, f. 85, Pisani to Strangford 5 July 1821.
- ⁷ BM Add. MSS 36301, ff. 190, 194v, Pisani to Strangford 13, 18 November 1821.
- ⁸ Florin Marinescu, Georgeta Penelea-Filitti, Anna Tabaki (eds.), *Documents greco-roumains: le Fonds Mourouwg d'Athenes*, Athens-Bucarest, 1991, 47; BM Add. MSS 36301, ff. 5, 59, Pisani to Strangford 16 April, 6 May 1821; Walsh, I, 392; Soutzo, 24.
- ⁹ Walsh, 1389–92; Sturdza, 325; C. M. Woodhouse, «Kapodistrias and the *Philiki Etairia*», in Clogg (ed.), *Struggle*, 116.
- ¹⁰ Barbara Jelavich, *History of the Balkans: Eighteenth and Nineteenth Centuries*, Cambridge, 1983, 208; *Historic Archive of Alexander Mavrocordato*, Athens, 1963, 11, 370, Mavrocordato to M. de Reineck 9/21 July 1823; Edouard Driault and Michel L'Heritier, *Histoire diplomatique de la Grece de 1821 a nos jours*, 5 vols., 1925–6, 1, 218, letter of Mavrocordato 30 June 1823.
- ¹¹ Herbert Huscher, «Alexander Mavrocordato, Friend of the Shelleys», *Bulletin of the Keats — Shelley Memorial Association*, XVI, 1965, 29–37;

- Frederick L. Jones (ed.), *The Letters of Percy Bysshe Shelley*, 2 vols., Oxford, 1964, II, 617, Shelley to Clare Claremont 2 April 1821.
- ¹² Avigdor Levy, «The Military Policy of Sultan Mahmud II 1808–1839», unpublished Ph.D. thesis, Harvard, 1968, 244, 248, 371, 378; MacFarlane, *Constantinople*, II, 165.
- ¹³ Tuglaci, *Balian*, 41–3, 53–61.
- ¹⁴ MacFarlane, *Constantinople*, I, 499, 501; White, III, 46.
- ¹⁵ Herbert Weinstock, *Donizetti*, 1964, 308–10; MacFarlane, *Constantinople*, I, 517; *National Palaces*, I, 43–4.
- ¹⁶ Colonel Calosso, *Memoires d'un vieux soldat*, Turin-Nice, 1857, 142, 156–7, 170, 184; Temple, II, 134; MacFarlane, *Constantinople*, II, 174–83.
- ¹⁷ Patricia L. Baker, «The Fez in Turkey: a Symbol of Modernisation?», *Costume*, 1986, 72–85; Bernard Lewis, *The Emergence of Modern Turkey*, 1960, 100; Pars Tuglaci, *The Role of the Dadian Family in Ottoman Social, Economic and Political Life*, Istanbul, 1993, 187.
- ¹⁸ MacFarlane, *Turkey and its Destiny*, 2 vols., 1850, II, 622–3; Aziz Nesin, *Istanbul Boy*, 3 vols., Austin, Texas, 1977–90, II, 12; Elias Kazan, *A Life*, 1988, 14.
- ¹⁹ Cunningham, *Anglo-Ottoman Encounters*, I, 311; Calosso, 225; Vernon John Puryear, *France and the Levant from the Bourbon Restoration to the Peace of Kutahya*, Berkeley, 1941, 63, despatch of Gordon 26 July 1829, 76.
- ²⁰ M.S. Anderson, *The Eastern Question*, 1982, 71; R. W. Seton-Watson, *Britain in Europe 1789–1914*, 1937, 137, 177, 195; Allan Cunningham, *Eastern Questions in the Nineteenth Century*, 1993, II, 211.
- ²¹ M.S. Anderson, *Eastern Question*, 90–1; Frank E. Bailey, *British Policy and the Turkish Reform Movement*, Harvard, 1932, 132, Canning to Palmerston 7 March 1832; Lane-Poole, *Stratford Canning*, I, 505, Canning to Lady Canning 24 March 1832.
- ²² Temple, II, 91; Walsh, II 275; John Auldjo, *Journal of a Visit to Constantinople and Some of the Greek Islands in the Spring and Summer of 1833*, 1835, 98; J. W. McCarthy and Constantin Caratheodory, *Relation officielle de la maladie et de la mort du Sultan Mahmoud II*, 1841, 12–13.
- ²³ Cunningham, *Eastern Questions*, II, 40; Walsh, I, 343; Temple, II, 44x1.
- ²⁴ Alderson, Table xlv, n. 3; M. Cagatay Ulucay, *Padishahların Kadınları ve Kızları*, Ankara, 1992, 107–8.
- ²⁵ Lane-Poole, *Stratford Canning*, II, 505, Canning to Lady Canning 24 March 1832.

- ²⁶ Temple, II, 60, 195, 214; *Istanbul a la jonction des cultures balkaniques, mediter-raneennes, slaves et orientates aux XVI–XIXe siecles*, Bucarest, 1977, 95, 103.
- ²⁷ Berkes, *Secularism*, 128; Findlay, *Ottoman Civil Officialdom*, 26.
- ²⁸ Nathalie Clayer and Alexandre Popovic (eds.), *Presse turque et presse de Turquie*, Istanbul – Paris, 1992, 84; Berkes, *Secularism*, 126–7; Walsh, II, 281–3.
- ²⁹ Walsh, II, 288; Cunningham, *Anglo-Ottoman Encounters*, 312; BM Add. MSS 36301, f. 52, 114, Pisani to Strangford 24 May, 7 August 1821; Chassiotis, 433.
- ³⁰ Sturdza, 220; Pardoe, I, 74–82.
- ³¹ Barsoumian, «The Armenian Amira Class», 126, 129, 157.
- ³² Tuglaci, *Dadian, passim*, Cyrus Hamlin, *My Life and Times*, 1897, 259; Anna Boutros-Ghali and Archag Alboyadjian (eds.), *Les Dadian*, Cairo, 1965, 78–9.
- ³³ Issawi, 160; Allom and Walsh, II, 62.
- ³⁴ White, I, 126; Berkes, *Secularism*, 113–14.
- ³⁵ Alexandre Mavroyennis, *Contribution a l'histoire du Proche-Orient*, 2 vols., Istanbul, 1950, II, 125n.; Roderic H. Davison, «The French Language as a Vehicle for Ottoman Reform in the Nineteenth Century», 126–40; J. J. Sheehan, *German History 1780–1866*, Oxford, 1989, 583.
- ³⁶ White, I, 151; Panzac, *La Peste*, 476, 482.
- ³⁷ White, I, 234; Allom and Walsh, I, 69, II, 34; Tuglaci, *Women of Istanbul*, 25–6; Prince de Joinville, *Vieux Souvenirs*, 1970 edn., 130–1.
- ³⁸ Pardoe, I, 315, 317.
- ³⁹ Walsh, II, 2; Philip Argenti, *The Massacres of Chios*, 1932, 25, 108, Strangford to Londonderry 25 June 1822, Baron von Miltz to Graf von Bernstorff 25 June 1822.
- ⁴⁰ Tulay Artan, «The Palaces of the Sultanas», *Istanbul: Selections I*, i, 1993, 1992, 94–7; Pardoe, I, 315; Temple, II, 89; Walsh, II, 313, 379.
- ⁴¹ Pardoe, I, 304, 306, 330, 312; White, I, 184n., Ill, 2; Adolphus Slade, *Turkey and the Crimean War*, 1867, 88.
- ⁴² Marechal de Moltke, *Lettres... sur l'Orient*, 1877 edn., 318, letter of 1 September 1839; Marechal Due de Raguse, *Voyages*, 5 vols., 1837–8, II, 64; Pardoe, II, 312; cf. MacFarlane, *Constantinople*, I, 5 3, II, 165, 169.
- ⁴³ Pardoe, II, 236; Walsh, II, 292; Ubicini, 1107–8.

- ⁴⁴ Pardoe, I, 30; A. Borie, P. Pinon and Stephane Yerasimos, *L'Occidentalisation d'Istanbul au XIXe siecle*, Ecole d'Architecture, Paris, 1989, 3–4.
- ⁴⁵ PRO FO 78 / 225, 152v, 155, 157v, Ponsonby to Palmerston 19 December 1833; Philip E. Moseley, *Russian Diplomacy and the Opening of the Eastern Question in 1838–1839*, Harvard, 1934, 10, 96, 99.
- ⁴⁶ M. S. Anderson, *Eastern Question*, 83; Edouard Driault, *L'Egypte et l'Europe: la crise de 1839–1841*, 2 vols., Cairo, 1930–1, I, 113, 151, Cochelet to Soult 5 July, 15 July 1839; White, III, 100; McCarthy and Caratheodory, 21–3.

11. Город чудес

- ¹ Theophile Gautier, *Constantinople*, 228.
- ² Edmund Hornby, *An Autobiography*, 1929, 84; Charles de Mouy, *Lettres du Bosphore*, 1879, 179; Mrs Brassey, *Sunshine and Storm in the East, or Cruises to Cyprus and Constantinople*, 1880, 79, diary entry for 28 October 1874.
- ³ Patricia Herlihy, *Odessa: a History 1794–1914*, 1986, 107; Zeyneb Celik, *The Remaking of Istanbul*, 1989, 84; *Levant Herald*, 2 October 1869; F. Trench Townsend, *A Cruise in Greek Waters*, 1870, 220.
- ⁴ Celik, 93; de Amicis, 23–30; Ferriman, 264–6; Samuel S. Cox, *Diversions of a Diplomat in Turkey*, New York, 1887, 183; MacFarlane, *Turkey and its Destiny*, II, 326.
- ⁵ De Mouy, 30; F. Marion Crawford, *Constantinople*, 1895, 15; Inalcik and Quataert, 922; Claude Farrere, *L'Homme qui assassina*, 1928, 17.
- ⁶ Crawford, 17; Lady Hornby, 63, diary entry for 26 October 1855.
- ⁷ Ferriman, 265; Celik, 88–9.
- ⁸ Toledano, 53, 146; Melek Hanoum, 46–7. В 1880 году делавшему здесь покупки для хедива Египта доктору Команос-паше в одном частном доме за три часа были продемонстрированы восемьдесят пять рабов: Dr Comanos Pasha, *Memoires*, c. 1920, 52.
- ⁹ Wanda, 32; Boutros-Ghali and Alboyardjian, 7.
- ¹⁰ Galante, *Histoire des Juifs*, I, 65, 159, 223, II, 133; A. de Lamartine, *Histoire de la Turquie*, 6 vols., 1854, 1, 19; S. G. W. Benjamin, *The Turks and the Greeks*, New York, 1867, 76; Sir Henry F. Woods, *Spun-Yarn from the Strands of a Sailor's Life*, 2 vols., 1924, II, 225.
- ¹¹ Bayram Kodoman, *Les Ambassades de Moustapha Rechid Pacha a Paris*, Ankara, 1992, *passim*; Roderick Davison, *Reform in the Ottoman Empire*

- 1856–1876, Princeton, 1963, 89; Charles Mismar, *Souvenirs du monde mussulman*, 1892, 110.
- ¹² Davison, 3–4; Lane-Poole, *Stratford Canning*, II, 90–1; Vartan Artinian, *The Armenian Constitutional System in the Ottoman Empire 1839–1863*, Istanbul, 1990, 52; Steven T. Rosenthal, *The Politics of Dependency: Urban Reform in Istanbul*, Westport, 1980, 36, 63.
- ¹³ Edouard Driault, *Mohammed Ali et l'Europe: la crise de 1840–41*, 5 vols., Cairo-Rome, 1930–4, III, 40, letter of 17 July 1840; 227, 7 September 1840; I, 193, letter of 27 July 1839; *Levant Herald*, 8 October 1869; Thouvenel, 125, Thouvenel to Benedetti, 1 July 1857.
- ¹⁴ Cunningham, *Eastern Questions*, 135, and Nassau W. Senior, *A journal kept in Turkey and Greece*, 1859, 35; Tito Lacchini, *I Fossati, architetti del Sultano di Turchia*, Rome, 1943, 88–94.
- ¹⁵ Bailey, 282, 286, memorandum of Baron von Sturmer, March 1841.
- ¹⁶ Rosenthal, 104–5, 107–8, 113, 115, Stratford Canning to Palmerston 31 August 1848.
- ¹⁷ Sir Telford Waugh, *Turkey Yesterday, Today and Tomorrow*, 1930, 25; Davison, 71; Lane-Poole, *Stratford Canning*, II, 334, Lord to Lady Stratford de Redcliffe 24 December 1853; Cunningham, *Anglo-Ottoman Encounters*, 147n.; R. W. Seton-Watson, *Britain in Europe 1789–1914*, Cambridge, 1937, 318, 363; Woods, II, 97.
- ¹⁸ John Shelton Curtiss, *Russia's Crimean War*, Durham, N.C., 1979, 47, 117, 62.
- ¹⁹ Norman Rich, *Why the Crimean War? A Cautionary Tale*, 1985, 35; Curtiss, 93–4.
- ²⁰ Curtiss, 116; Rich, 39.
- ²¹ Rich, 43, 48, 55, 75; Curtiss, 46.
- ²² Rich, 82–3; Curtiss, 183–4; Lane-Poole, *Stratford Canning*, II, 302, Charles Alison to Lady Stratford 28 September 1853; Seton-Watson, *Britain in Europe*, 312.
- ²³ Slade, *Turkey and the Crimean War*, 187; W. H. Russell, *The British Expedition to the Crimea*, rev. edn. 1858, 52.
- ²⁴ Rosenthal, 110, 115; Senior, 132, diary entry for 19 October 1857.
- ²⁵ Hon. and Revd Sydney Godolphin Osborne, *Scutari and its Hospitals*, 1855, 49, 50; Sir Edward Cook, *The Life of Florence Nightingale*, 2 vols., 1914, 1, 220.
- ²⁶ Lady Hornby, 204–213, 8 February 1856.
- ²⁷ Rich, 193; Rogers, *Topkapi: Costumes*, 161; B. Miller, *Sublime Porte*, 100–2.

- ²⁸ *National Palaces*, I, Istanbul, 1987, *passim*; Mustafa Cezar, «The Architectural Decoration of Dolmabahce and Beylerbeyi Palaces», *National Palaces*, II, Istanbul, 1992, 1–20; Gautier, 262; Turhan Baytop, «The Tulip in Istanbul during the Ottoman Period», in Roding and Theunissen (eds.), 52.
- ²⁹ Celik Gulersoy, *Dolmabahce Palace and its Environs*, Istanbul, 1990, 54; Lady Hornby, 407–11, letter of 23 July 1856.
- ³⁰ Felix Ribeyre, *Voyage de Sa Majeste l'Imperatrice en Corse et en Orient*, 1870, 153n.; *Levant Herald*, 16 October 1869.
- ³¹ *National Palaces*, II, 1992, 137.
- ³² Braude and Lewis, I, 30; Avigdor Levy, «The Ottoman *Ulama* and the Military Reforms of Sultan Mahmud II», *Asian and African Studies*, VII, 1971, 18.
- ³³ W. M. Thackeray, *Notes of a journey from Cornhill to Grand Cairo*, 2nd edn., 1846, 44; W. H. Russell, *A Diary in the East during the Tour of the Prince and Princess of Wales*, 1869, 480–1; Trench Townsend, 217; Woods, II, 224.
- ³⁴ Thierry Zarcone, *Mystiques, philosophes et franc-maçons en Islam*, 1993, 31, 117, 317.
- ³⁵ Orhan Kologlu, «La Formation des Intellectuels», in Clayer and Popovic (eds.), 127; Gibb, V, 20, 22.
- ³⁶ Hamlin, *My Life and Times*, 477; M. Destrilhes, *Confidences sur la Turquie*, 1855, 67; Layard, II, 47–51; *Catalogue de la Bibliotheque de feu Ahmed Vefyk Pacha*, Constantinople, 1893.
- ³⁷ Serif Mardin, «Super Westernisation in Urban Life in the Last Quarter of the Nineteenth Century», in Peter Benedict *et al.* (eds.), *Turkey: Geographical and Social Perspectives*, Leiden, 1974, 406, 417; Layard, II, 86.
- ³⁸ BM Add. MSS 38979, f. 241, letter of 25 May 1850; 39103, f. 311, 3 August 1862; 38987, f. 49, 15 January 1861; 39024, f. 306; 38985, f. 44, 18 August 1856; Senior, 136, diary entry for 23 October 1857.
- ³⁹ Jules Blancard, *Etudes sur la Grece contemporaine*, Montpellier, 1886, 12, 35, 37.
- ⁴⁰ H. Exertoglu, «The Greek Bankers in Constantinople 1856–1881», unpublished Ph.D. thesis, London, 1985, 81, 129, 133.
- ⁴¹ Exertoglu, 141, 147, 159; Rosenthal, 79; Sturdza, 223.
- ⁴² Exertoglu, 150, 153, 161, 237–40; Haydar Kazgan, *Galata Bankerleri*, Istanbul, 1991, 133; Sturdza, 152.
- ⁴³ Charles Brun, «Les Grecs de Constantinople», *Revue Moderne*, LII, 10 June 1869, 432.

- ⁴⁴ C. Th. Dimaras, *Histoire de la littérature neo-hellenique*, Athens, 1965, 312; Thouvenel, 344; Jelavich, *History of the Balkans*, 262.
- ⁴⁵ Levy, *Sephardim*, 96; cf. P. Baudin, *Les Israelites de Constantinople*, Constantinople, 1872, repr. 1989: «On imaginerait difficilement un tableau de miseres plus frappant, plus dechirant»; Abraham Galante, *Nouveau Receuil de nouve aux documents concernant l'histoire des juifs de Turquie*, 1949, 46; Shaw, *Jews*, 160–2.
- ⁴⁶ Walsh, II, 436–7; William Miller, *Travel and Politics in the Near East*, 1897, 426; Slade, *Turkey and the Crimean War*, 63n.
- ⁴⁷ Duncan M. Perry, *Stefan Stambulov and the Emergence of Modern Bulgaria 1870–1895*, Durham and London, 1993, 6; Mercia MacDermott, *A History of Bulgaria 1393–1885* 1962, 140, 147–9.
- ⁴⁸ Cunningham, *Eastern Questions*, 38–9; PRO FO 78/225, 157V, 172, Ponsonby to Palmerston 19 December 1833; Davison, *Reform*, 59; Braude and Lewis, I, 323.
- ⁴⁹ Sturdza, 448, 465; MacDermott, 151–5; B. H. Sumner, «Ignatyev at Constantinople», *Slavonic Review*, 1933, 571.
- ⁵⁰ Hamlin, *My Life and Times*, 439; *Levant Herald*, 1 July 1869; George Washburn, *Fifty Years in Constantinople*, Boston and New York, 1909, 72, 96, 114, 293. Из 435 выпускников Роберт-колледжа с 1869 по 1903 год 195 были болгарами, 144 армянами и 76 греками.
- ⁵¹ Kemal H. Karpat, «The Population and the Social and Economic Transformation of Istanbul: the Ottoman Microcosm», *International Journal of Middle East Studies*, 1983, 86; M. S. Anderson, *Eastern Question*, 113; Berkes, *Secularism*, 316; Davison, *Reform*, 231.
- ⁵² *Correspondance d'Adam Mickiewicz*, ed. Ladislas Mickiewicz, n.d., 363, Adam Mickiewicz to Madame Klustine 25 October 1855; *National Palaces*, I, 88.
- ⁵³ W. Miller, 429; Gulersoy, *Grand Bazaar*, 35; Rosenthal, 10; Exertoglu, 74.
- ⁵⁴ *The Whittalls of Turkey 1809–1973*, n.d., *passim*; A. Gallenga, *Two Years of the Eastern Question*, 2 vols., 1877, 1, 260–4.
- ⁵⁵ Celik, 62–3; Rosenthal, 39.
- ⁵⁶ Rosenthal, 41, 59, 70, 95, 151; White, I, 195, II, 94; Raouf d'Orbey, *Les Amours dangereuses*, Constantinople, 1874, *passim*.
- ⁵⁷ Said N-Duhani, *Quand Beyoglu s'appelate Pera*, Istanbul, 1956, 12; Celik, 133–4; Marcelle Tinayre, *Notes d'une vvyageuse en Turquie*, 1909, 293.
- ⁵⁸ Celik, 136.
- ⁵⁹ Celik, 37–8, 158; Rosenthal, 17, 173–4; de Amicis, 20.

- ⁶⁰ Walsh, I, 248–51; Celik, 93; Mark Twain, *The Innocents Abroad*, Hartford, Conn., 1869, 372; Mavroyennis Pacha, *Chiens errants de Constantinople, et chiens et chats de bonne maison*, 1900, 8, 14.
- ⁶¹ Albert Smith, *A Month at Constantinople*, 1850, 69, 89; de Amicis, 108.

12. Путь к Царьграду

- ¹ P. Oberling, «The Istanbul Tunnel», *Archivum Ottomanicum*, IV, 1972, 238–40; Celik, 97.
- ² Suha Umur, «Abdulgmeçit, Opera and the Dolmabahçe Palace Theatre», *National Palaces*, I, 50–1; W. H. Russell, *Diary in the East*, 506, 479.
- ³ Hrant Papazian, *D. Tchouhadjian: vie et travaux*, Istanbul, 1977, 9, 12; Pars Tuglaci, *Turkish Bands of Past and Present*, Istanbul, 1986, 124–5.
- ⁴ Gawrych, 298–300; Davison, 298.
- ⁵ Mardin, *Genesis*, 13, 26.
- ⁶ *Istanbul Ansiklopedisi*, art. «Galata Borsasi»; Davison, *Reform*, 247–8; Berkes, *Secularism*, 180, 184; Margaret Stevens Hoell, «The Ticaret Odasi: Origins, Functions and Activities of the Chamber of Commerce of Istanbul 1885–1899», unpublished MA thesis, Ohio State University, 1973, 1–5, 50.
- ⁷ Zarcone, 204, 209, 281; Constantin Svolopoulos, «L'Initiation de Mourad V a la franc-maçonnerie par Cl. Scaliéri; aux origines du mouvement libéral en Turquie», *Balkan Studies*, 1980, XXI, 2, 1964, 51.
- ⁸ Artan, «Architecture», 119; Haidar, 20–2, 33–4, 52–3, 60, 87.
- ⁹ Ferriman, 4–5; [Sir Charles Eliot], *Turkey in Europe*, 1900, 142–5.
- ¹⁰ Gerard Groc and I. Caglar, *La Presse française de Turquie de 1795 a nos jours*, Istanbul, 1985, 203, 228.
- ¹¹ Guity Neshat, *The Origins of Modern Reform in Iran 1870–1880*, Urbana, 1982, 33–7; Mider, 76; Clayer and Popovic (eds.), 201.
- ¹² Godfrey Hodgson, *A New Grand Tour*, 1995, 165, 199, 214; Robert Pynsent (ed.), *Decadence and Innovation: Austro-Hungarian Life and Art at the End of the Century*, 1989, 54.
- ¹³ Ernest Roth, *A Tale of Three Cities*, 1971, 118–19; see e.g. *Levant Herald*, 6 July, 25 October 1869.
- ¹⁴ Artinian, 103; James Etmekjian, *The French Influence on the Western Armenian Renaissance 1843–1915*, New York, 1964, 109.
- ¹⁵ Vartan, 71; Engin Cizgen, *Photography in the Ottoman Empire 1839–1919*, Istanbul, 1987, 96, 98.
- ¹⁶ Butros Ghali, 25, 32; Tuglaci, *Dadian*, 114.

- ¹⁷ Prince Mek — B. Dadian, «La Societe armenienne contemporaine», *Revue des Deux Mondes*, 15 June 1867, 906, 914, 921; Findlay, *Bureaucratic Reform*, 214.
- ¹⁸ Sarkis Atamian, *The Armenian Community*, New York, 195 5, 84.
- ¹⁹ Senior, 139, 24 October 1857; Vartan, 87; Etmekjian, 111.
- ²⁰ G. A. Mavrocordatos, *De la Reforme et de la finance des Romains en Orient*, Athens, 1856, 13; A. Synvet, *Les Grecs de l'Empire Ottoman: etude statistique et ethnique*, 2nd edn., c. 1878, 10; Brun, 434.
- ²¹ MacDermott, 209; David Kushner, *The Rise of Turkish Nationalism*, 1977, 11, 12.
- ²² B. H. Sumner, *Russia and the Balkans 1870–1880*, 1937, 110; Barbara Jelavich, *The Ottoman Empire, the Great Powers and the Straits Question 1870–1887*, Bloomington, 1973, 12–13, 152; Sir Henry G. Elliot, *Some Revolutions and other Diplomatic Experiences*, 1927, 205; M. S. Anderson, *Eastern Question*, 166.
- ²³ Count Ignatyev, «Memoirs», *Slavonic Review*, X, June 1931, 394–7; Michael Boro Petrovich, *The Emergence of Russian Pan Slavism 1856–1870*, New York, 1956, 263.
- ²⁴ Roger Owen, *The Middle East in the World Economy 1800–1914*, 1981, 105; Exertoglu, 255; Kazgan, 86, 89.
- ²⁵ Lewis, *Emergence of Modern Turkey*, 469; Celik Gulersoy, *The Ceragan Palaces*, Istanbul, 1992, 66–76.
- ²⁶ Henry O. Dwight, *Turkish Life in War Time*, 1881, 1, diary entry for 15 April 1876; Gallenga, I, 140; Davison, 325, 329. О числе погибших см.: Richard Millman, *Britain and the Eastern Question 1875–1878*, Oxford, 1979, 15 3–4, 162. На деле многие болгары, зачисленные в жертвы, просто покинули свои деревни в поисках работы — как они делали каждое лето.
- ²⁷ Dwight, 7, diary entry for 12 May 1876; Davison, 330.
- ²⁸ Davison, 332–7; Dwight, 21, diary entry for 31 May 1876; Cleanthe Scialieri, *Appeld la justice des Grandes Puissances*, Athens, 1881, 9; Robert Devereux, «Suleyman Pasha's «the Feeling of the Revolution», *Middle Eastern Studies*, XV, 1, 1979, 7–8.
- ²⁹ Devereux, *ibid.*, 19; Gulersoy, *Ceragan Palaces*, 101–11.
- ³⁰ Davison, 352–3, 355; Berkes, *Secularism*, 242; Pierre Loti, *Azyade: Stamboul 1876–1877*, 1892 edn., 64.
- ³¹ Davison, 382–3; Robert Devereux, *The First Ottoman Constitutional Period*, Baltimore, 1963, 80–3, 134; Millman, 226.
- ³² Fesch, 277; Gallenga, II, 307, 310–12.

- ³³ Dwight, 84, 103–6, diary entries for 23 April, 22, 29 June 1876; David MacKenzie, «Russia's Balkan Policies under Alexander II», in Ragsdale (ed.), 23 5.
- ³⁴ Dorothy Anderson, *The Balkan Volunteers*, 1968, 193–4, 196; Dwight, 226–7, 231, diary entries for 25 January, 6 February 1878; MacKenzie in Ragsdale (ed.), 239.
- ³⁵ Farooqi, 95, 173, 198; Ram Lakhan Shukla, *Britain, India and the Turkish Empire 1853–1882*, New Delhi, 1973, 49, quoting letters of Lord Lytton to Lord Salisbury January–May 1877.
- ³⁶ D. Anderson, 119–22, 187, 205; Millman, 311; Gordon Waterfield, *Layard of Nineveh*, 1963, 396, 505; Robert Blake, *Disraeli*, 1966, 595, 639.
- ³⁷ Waterfield, 402; Devereux, *First Ottoman Constitutional Period*, 240.
- ³⁸ Sumner, 361, 366, 375, 391, 397.
- ³⁹ Dwight, 258–9, diary entry for 27 February 1878; BM Add. MSS 39018, f. 71, Vefyk to Layard January 1878; 39023, f. 258, 39024, f. 306, letters of February 1878; Tuglaci, *Dadian*, 122.
- ⁴⁰ Dwight, 66, 137, 263, diary entries for 21 January 1877, 25 July, 8 August, 7 November 1877; Salahi R. Sonyel, *Minorities and the Destruction of the Ottoman Empire*, Ankara, 1993, 262, 282, 284; Devereux, *First Ottoman Constitutional Period*, 224.
- ⁴¹ *La Turquie*, 2 March, 7 April 1878; Sumner, 416–17; Waterfield, 420; A. O. Sarkisian, *History of the Armenian Question to 1885*, Urbana, 1938, 85, 88n.
- ⁴² Sturdza, 465.
- ⁴³ *La Turquie*, 7 April 1878; Exertoglu, 210, 226–7, 283; Elia Institute for the Study of the Greek Diaspora, Athens, MSS: *Memorandum du Syllogue Grec de Constantinople*, 1878, f. 14.
- ⁴⁴ Gulersoy, *Ceragan Palaces*, 131, 135, 141–8.
- ⁴⁵ Waterfield, 414, 416; Dwight, 338, diary entry for 18 August 1878; Sumner, 572.
- ⁴⁶ Dwight, 418, diary entry for 30 May 1878; W. Miller, 432; BM Add. MSS 48944, Vincent Papers, f. 191, diary of Edgar Vincent 12 November 1880.

13. Ылдыз

- ¹ Tuglaci, *Balian*, 546–657, дает прекрасно иллюстрированное, но порой фантастическое описание Ылдыза; Ayse Osmanoglu, *Avec mon*

- Pere le Sultan Abdulhamid de son palais a son prison*, 1991, 80–2; Tahsin Pasha, *Yildiz Hatiralari*, 1990 edn., 212.
- ² Mrs Max Muller, *Letters from Constantinople*, 1897, 53; Anna Bowman Dodds, *In the Palaces of the Sultan*, 1904, 75; Woods, II, 230; Prince Nicholas of Greece, *My Fifty Years*, 1929, 201; интервью с мистером Ялтером 13 апреля 1989 года.
- ³ Tahsin Pasha, 30, 61, 66–8.
- ⁴ Описания ужина в Йылдызе можно найти в: Dowager Marchioness of Dufferin and Ava, *My Russian and Turkish Journals*, 1917, 303, diary entry for 17 October 1883; Muller, 88–90; Paul Cambon, *Correspondance*, 3 vols., I, 352, letter of 27 December 1891; Dodds, 93.
- ⁵ Tuglaci, *Balian*, 639–46; Lloyd C. Griscom, *Diplomatically Speaking* 1940, 168; Osmanoglu, 64.
- ⁶ Dodds, 91, 104; Dufferin, 303, diary entry for 17 October 1881.
- ⁷ Henri de Blowitz, *Une Course a Constantinople*, 1884, 254–5.
- ⁸ Dufferin, 221, diary entry of 30 August 1882, cf. Tahsin Pasha, 6–8; BM Add. MSS 39024, f. 296, Longworth to Layard 15 December 1880; Cambon, I, 386, letter of 15 February 1895.
- ⁹ Philip Graves, *Briton and Turk*, 1941, 50; Waugh, 99.
- ¹⁰ Tahsin Pasha, 19–22; Blancard, II, 440–3, letter of 19 November 1892; Sturdza, 260; despatch of Layard 30 July 1879, quoted in Sonyel, 258; Theodore Herzl, *Diaries*, 1958, 141, entry for 17 June 1896.
- ¹¹ Louis Rambert, *Notes et impressions de Turquie*, 1926, 331, diary entry for 22 November 1904; Herzl, 15 8, entry for 22 June 1896; Graves, 51n.
- ¹² Shukla, 155; Selim Deringil, «The Invention of Tradition as Public Image in the Late Ottoman Empire, 1808 to 1908», *Comparative Studies in Society and History*, XXXV, 1 January 1993, 15; Serif Mardin, *Religion and Social Change in Modern Turkey*, Albany, New York, 1989, 125–9; Selim Deringil, «Legitimacy Structures in the Ottoman State: the Reign of Abdulhamid II 1876–1909», *International Journal of Middle East Studies*, XXIII, 1991, 353.
- ¹³ Tuglaci, *Balian*, 498; Wilfrid Scawen Blunt, *Gordon at Khartoum*, 1911, 318, diary entry for 24 October 1884.
- ¹⁴ Wilfrid Blunt, *My Diaries*, 2 vols. 1919–20, I, 102, entry for 28 April 1892; Mrs Will Gordon, *A Woman in the Balkans*, 1916, 228–9, 231–2; «Tercuman», *Greco et Tunes d'aujourd'hui*, 1898, 16–18.
- ¹⁵ Deringil, «The Invention of Tradition», 12.
- ¹⁶ Osmanoglu, 54; Herzl, 152, 18 June 1896; Deringil, «The Invention of Tradition», 10.

- ¹⁷ Blunt, *My Diaries*, 1, 102, 28 April 1893.
- ¹⁸ Nikki R. Keddie, *Sayyid Jamal ad-din «al-Afghani»*, Los Angeles, 1972, 371, 375, 381, 385, 406, 408.
- ¹⁹ Engin D. Akarlı, «Abdul Hamid's Attempts to integrate Arabs into the Ottoman System», in David Kushner (ed.), *Palestine in the Late Ottoman Period*, Jerusalem, 1986, 80; Jan Schmidt, *Through the Legation Window 1871–1926*, Istanbul, 1992, 91, 98; Deringil, «Legitimacy Structures», 351.
- ²⁰ Charles Didier, *Sejour chez le Grand Scherif de la Mekke*, 1857, 157, 247, 261; George Stitt, *A Prince of Arabia: the Emir Shereef Ali Haidar*, 1948, 37; Senior, 55–7, 6 October 1857; Toledano, 120, 130.
- ²¹ Blunt, *Gordon at Khartoum*, 305, 19 October 1884, 331, November 1884; PRO FO 78/3081, Layard to Salisbury «secret», 9 February 1880; ср. для подтверждения британско-хашемитских связей: William Ochsenwald, *Religion, Society and the State in Arabia*, Ohio, 1984, 201–2; Shukla, 170–1.
- ²² Stitt, 57–9, 93–4, 105.
- ²³ King Abdullah of Jordan, *Memoirs*, 1950, 46, 40; Shirin Devrim, *A Turkish Tapestry: the Shakirs of Istanbul*, 1994, 88.
- ²⁴ Waugh, 90–1; Cox, *Diversions of a Diplomat*, 15 2; Rambert, 34, diary entry for 24 October 1896.
- ²⁵ Said N. Duhani, *Quand Beyoglu s'appelait Pera*, 61.
- ²⁶ Gulersoy, *The Caique*, 219–26.
- ²⁷ Gulersoy, *Ceragan Palaces*, 154–62; Alderson, 29n.
- ²⁸ Celik, 146; Vera Freni and Carla Varnier, *Raimondo d'Aronco: l'opera completa*, Padova, 1983, 123.
- ²⁹ Halil Halid, *Diary of a Turk*, 1903, 134–5; Blunt, *Gordon at Khartoum*, 304, 18 October 1884; Crawford, 17; Alan Duben and Cem Behar, *Istanbul Households: Marriage, Family and Fertility 1880–1940*, Cambridge, 1991, 210.
- ³⁰ Duben and Behar, 4, 149, 180–1, 183.
- ³¹ Berkes, *Secularism*, 291, 320.
- ³² Issawi, 275.
- ³³ Donald Quataert, *Social Disintegration and Popular Resistance in the Ottoman Empire 1881–1908*, New York, 1983, 95–6, 98.
- ³⁴ Louise Nalbandian, *The Armenian Revolutionary Movement*, Berkeley, 1963, 117, 130; Christopher J. Walker, *Armenia: the Survival of a Nation*, 1991 edn., 145–6.
- ³⁵ Ertugrul Zekai Okte (ed.), *Ottoman Archives. Yildiz Collection. The Armenian Question*, 3 vols., Istanbul, 1989, II, 129, Kamil to General

- Secretariat 15 July 1879; 157, Sureyya Pasha to Grand Vizier 11 August 1890; 195.
- ³⁶ Walker, 132; Raymond H. Kevorkian and Paul B. Paboudjian, *Les Arméniens dans l'Empire Ottoman à la veille du génocide*, 1992, 11–12.
- ³⁷ Hratch Dasnabedian, *History of the Armenian Revolutionary Federation Dashnaktsutiun 1890–1924*, Milan, 1990, 76; Walker, 153–6; Nalbandian, 123–5.
- ³⁸ Edouard Driault and Michel L'Heritier, *Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours*, 5 vols., 1925–6, IV, 344, telegram of 12 February 1897; J. K. Hassiotis, «The Greeks and the Armenian Massacres», *Neo-hellenika*, IV, 1981, 81, 85, despatch of 20 September 1895.
- ³⁹ *Correspondance respecting the Disturbances at Constantinople in August 1896 presented to both Houses of Parliament by command of Her Majesty*, 1897, 11, Herbert to Lord Salisbury 27 August 1896; 32, letter of Max Muller 31 August 1896; Rambert, 18–19, diary entry for 30 August 1896.
- ⁴⁰ Tahsin Pasha, 44; Walker, 165–8; *Correspondance respecting the Disturbances...*, 18–20, Herbert to Salisbury 31 August 1896; 22, Calice to Herbert 29 August; J. A. S. Grenville, *Lord Salisbury and Foreign Policy: the Close of the Nineteenth Century*, 1970, 75.
- ⁴¹ *Correspondance respecting the Disturbances...*, 15, report by F. A. Barker 26 August 1896; 17, Herbert to Lord Salisbury; Cambon, I, 394, letter of 10 October 1895.
- ⁴² Nubar Gulbenkian, *Pantaraxia*, 1966, 10; Stephen Longrigg, *Oil in the Middle East*, 3rd edn., 1968, 31.
- ⁴³ Tuglaci, *Dadian*, 427, 243, 292.
- ⁴⁴ *Ibid.*, 240–1, *memoire* of 1900; Kevorkian, 15; Boutros Ghali, 109–12; Sarkis Artamian, *The Armenian Community*, New York, 1955, 121–2.
- ⁴⁵ Kevorkian, 17, 19; Dasnabedian, 77.
- ⁴⁶ Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Vienna PA XIV/18, *Memoire sur le mouvement albanais* by Faik Bey Konitz, January 1899: Я благодарен за эту ссылку Орхану Кологлу; Stefanaq Polio and Arben Pulo, *Histoire de l'Albanie*, Roanne, 1972, 137, 147, 154, 156; Stavro Skendi, *The Albanian National Awakening 1878–1912*, Princeton, 1967, 169, 317; Stuart E. Mann, *Albanian Literature*, 1955, 38–9, 41–3; J. Swire, *Albania: the Rise of a Kingdom*, 1929, 64.
- ⁴⁷ Stephen Constant, *Foxy Ferdinand*, 1979, 180–1; Prince Nicholas of Greece, *My Fifty Years*, 1930, 205.

- ⁴⁸ Michel Noe, *Pages d'Orient*, 1895, 174–5; A.J. Pannayotopoulos, «The Great Idea and the Vision of Eastern Federation», *Balkan Studies*, XXI, 2, 1980, 340; cf. Gerasimos Augustinos, *Consciousness and History: Nationalist Critics of Greek Society*, New York, 1977, 128–30.
- ⁴⁹ Cambon, I, 428, Paul to Madame Cambon 20 August 1897; Blancard, II, 469.
- ⁵⁰ Bertrand Bareilles, *Constantinople*, 1918, 368; Allen Upward, *The East End of Europe*, 1908, 96–7; Mavroyennis, II, 20, diary entry for 25 October / 7 November 1907.
- ⁵¹ Keith M. Wilson, «Constantinople or Cairo?», in id. (ed.), *Imperialism and Nationalism in the Middle East*, 1983, 33, 35; Alan Bodger, «Russia and the End of the Ottoman Empire», in Marian Kent (ed.), *The Great Powers and the End of the Ottoman Empire*, 1984, 78; Alan Palmer, *The Decline and Fall of the Ottoman Empire*, 1993 edn., 182; J. A. S. Grenville, 50–1, 81.
- ⁵² Feryal Irez and Vahide Gezgor, «The Sale Kosk», in *National Palaces*, II, 114–15; Osmanoglu, 77–8.
- ⁵³ Sturdza, 590–6; Edouard Fazy, *Les Turcs d'aujourd'hui*, 1898, 160; Donald C. Blaisdell, *European Financial Control in the Ottoman Empire*, New York, 1929, 133, 138, 141; Prince von Bulow, *Memoirs*, I, 19 31, 245.
- ⁵⁴ Halide Edib, *Memoirs*, 1926, 36n.
- ⁵⁵ Woods, II, 271–2; Waugh, 97; Findlay, *Bureaucratic Reform*, 231–2, 243; Gordon, 229.
- ⁵⁶ Exortoglu, 299, 301, 310, Owen, 192–4.
- ⁵⁷ Rambert, 35, 67, 69, 103, entries for 31 October 1896, 7, 9 October 1899, 23 December 1900; Quataert, *Social Disintegration*, 118.
- ⁵⁸ Herzl, 350, 161, entries for 21 May 1901, 22 June 1896; cf. Rambert, 197, entry for 20 December 1902: «*au palais on est tout a coup fort pessimiste sur les affaires de Macedoine*»*.
- ⁵⁹ R. Porter, 257–8; R. J. Olson, «Cities and Culture», in Theo Barker and Anthony Sutcliffe (eds.), *Megalopolis: the Giant City in History*, 1993, 167; Andrew Lees, *Cities Perceived: Urban Society in European and American Thought 1820–1940*, Manchester, 1985, 6–9.

* Дворец внезапно стал очень пессимистичен относительно дел в Македонии (фр.).

- ⁶⁰ Rambert, 35, entry for 24 October 1896; Mardin, *Religion and Social Change*, 82; Anka, *revue d'art et de litterature de Turquie*, 1989, 48–50; Lewis, *Emergence*, 206.
- ⁶¹ Stitt, 57, 88, 105; cf. Louise Hirszowicz, «The Sultan and the Khedive 1892–1908», *Middle East Studies*, VIII, 1972, 296, об аналогичной реакции хедива Аббаса Хилми.
- ⁶² Blunt, *Gordon*, 307–8, diary entry for 20 October 1884; Loti, *Les Desenchantees*, 1906 edn., 165; Duben and Behar, 40; PRO FO 800, f. 306v — наблюдения Арминия Вамбери 1894 года.
- ⁶³ Ernest Edmondson Ramsaur jun., *The Young Turks: Prelude to the Revolution of 1908*, Princeton, 1957, 16, 46 and *passim*; Gilles Veinstein (ed.), *Salonique 1850–1918: la ville des Juifs et le reveil des Balkans*, 1992, 108.

14. Младотурки

- ¹ Stitt, 97; Edib. *Memoirs*, 258.
- ² Hercule Diamantopoulo, *Le Reveil de la Turquie*, Alexandria, 1908, 59–60; мемуары Фаусто Зонаро, предоставленные с любезного разрешения синьоры Мафальда Зонаро Менегуззер.
- ³ Diamantopoulo, 171; C. R. Buxton, *Turkey in Revolution*, 1909, 119, 127; F. R. Bridge, «The Young Turk Revolution: an Austro-Hungarian Assessment», paper delivered at «The Young Turk Revolution of 1908», conference held at Manchester University, 23–25 March 1988.
- ⁴ Mary A. Poynter, *When Turkey was Turkey*, 1921, 56, diary entry for 1 December 1908; E. F. Knight, *The Awakening of Turkey*, 1909, 300.
- ⁵ Poynter, 58, entry for 3 December 1908; Diamantopoulo, 85, 121; Knight, 303; Feroz Ahmad, «Unionist Relations with the Greek, Armenian and Jewish Communities of the Empire 1908–1914», in Braude and Lewis (eds.), I, 409.
- ⁶ Buxton, 199–200; Aubrey Herbert, *Ben Kendim*, 1918, 264; Francis McCullagh, *The Fall of Abdul Hamid*, 1909, 14; Mavroyennis, II, 34, diary entry for 4/17 December 1908.
- ⁷ Mavroyennis, II, 34, diary entry for 18/31 December 1908; Ali Cevaat Bey, *Fezleke*, Ankara, 1960, 18, 23; Glen Svenson, «The Military Rising in Istanbul 1909», *Journal of Contemporary History*, V, 1970, 174.
- ⁸ Duhani, *Vteilles Gens*, 144.

- ⁹ Feroz Ahmad, *The Young Turks: the Committee of Union and Progress in Turkish Politics 1908–1914*, Oxford, 1969, 25; David Farhi, «The *Seriat* as a Political Slogan or the Incident of 31 March», *Middle East Studies*, 1971, 7; Svenson, 181; Ahmed Emin, *The Development of Modern Turkey as Measured by its Press*, New York, 1914, 95.
- ¹⁰ Emin, *Development*, 97.
- ¹¹ Ali Cevaat, 51–2; Farhi, 1–41.
- ¹² Emin, *Development*, 95.
- ¹³ Sir W. M. Ramsay, *The Revolution in Constantinople and Turkey*, 1909, 91; Woods, II, 240; McCullagh, 208.
- ¹⁴ Abbott, *Turkey in Transition*, 255; MacCullagh, 244, 249; Osmanoglu, 142–3.
- ¹⁵ McCullagh, 283.
- ¹⁶ W. M. Ramsay, 123–5; *Catalogue des perles, pierreries, bijoux et objets d'art precieux, le tout ayant appartenu a S.M. le Sultan Abdul Hamid II, dont la vente aura lieu a Paris*, November 1911, items 241, 278 and 279.
- ¹⁷ Fesch, 160; A Mavroyennis, II, 41, diary entry for 27/10 May 1909; Gulersoy, *Dolmabahce*, 109.
- ¹⁸ Zafer Toprak, «Nationalism and Economics in the Young Turk Era 1908–1918», paper delivered at «The Young Turk Revolution of 1908», conference held at Manchester University, 23–25 March 1988; Issawi, 276.
- ¹⁹ *Guide telephonique*, Constantinople, 1914, 51, 110; *Moniteur Oriental*, 4 July 1914; Ferriman, 123; Ramsay and McCullagh, xxvii–xxviii.
- ²⁰ Pierre Loti et Samuel Viaud, *Supremes Visions d'Orient*, 1921, 22–3, diary entry for 16 August 1910; Hilary Sumner-Boyd and John Freely, *Strolling through Istanbul*, Istanbul, 1973, 144; A. Goodrich-Freer, *Things Seen in Constantinople*, 1926.
- ²¹ Le Corbusier, *Le Voyage d'Orient*, 1966, 69; *Documents on British Foreign Policy*, V, 255 — годовой отчет по Турции за 1908 год; George S. Harris, *The Origins of Communism in Turkey*, Stanford, 1967, 20; Z. A. B. Zeman and W. B. Scharlau, *The Mercant of Revolution*, 1965, 127–8.
- ²² Mete Tunçay and Erik J. Zürcher, *Socialism and Nationalism in the Ottoman Empire 1876–1923*, 1994, 69, 84–6.
- ²³ Rambert, 279, diary entry for 29 January 1904; Crawford, 17; *Women in Anatolia*, exhib. cat., 201; McCullagh, 7; W. M. Ramsay, 148.
- ²⁴ Tinayre, 337; Hon. Mrs William Grey, *Journal of a visit to Egypt, Constantinople, the Crimea, Greece etc. in the suite of the Prince and Princess of Wales*, 3rd edn., 1870, 166, diary entry for 9 April 1869.

- ²⁵ Jacob M. Landau, *Tekinalp: Turkish Patriot 1883–1981*, Istanbul, 1984, 117, 122; Zafer Toprak, «The Family, Feminism and the State», in Edhem Eldem, *Vtepolitique*, 447.
- ²⁶ Tuncay and Zurcher, 25; M. Sukru Hanioglu, *Kendi Mektuplarinda Enver Pasa*, 1989, 188, letter of 23 September.
- ²⁷ Edib, *Memoirs*, 317–18; Mitler, 186; Robert Olson, *The Emergence of Kurdish Nationalism and the Sheikh Said Rebellion, 1880–1925*, Austin, 1989, 15; Gerard Chaliand (ed.), *A People without a Country: the Kurds and Kurdistan*, 1993 edn., 35, 27, 29.
- ²⁸ Hassan Saab, *The Arab Federalists of the Ottoman Empire*, Amsterdam, 1958, 226; Sabine Prator, «The Arab Factor in Young Turk Politics: Aspects from the Istanbul Press», paper delivered at «The Young Turk Revolution of 1908», conference held at Manchester University, 23–25 March 1988; Abdullah, 70.
- ²⁹ George Antonius, *The Arab Awakening*, Beirut, 1969, 108, 111, 119; Saab, 234, 238–9.
- ³⁰ Saab, 236; Zeine M. Zeine, *Arab-Turkish Relations and the Emergence of Arab Nationalism*, Beirut, 1958, 83; Haidar, 30.
- ³¹ Haidar, 69, 54; Stitt, 156. Обсуждения постепенного регресса и отдельных парламентов в Константинополе в 1913 году см.: Pickthall, 118.
- ³² C. Ernest Dawn, *From Ottomanism to Arabism: Essays on the Origin of Arab Nationalism*, Urbana, 1973, 6, 12; Abdullah, 45.
- ³³ Kushner, 35, 43, 77.
- ³⁴ Kushner, 63, 65, 71; Sir Edwin Pears, *Forty Years in Constantinople*, 1917, 271.
- ³⁵ Odette Keun, *Mesdemoiselles Daisne de Constantinople*, c. 1920, 53n.; Emile Edwards, *Mon Maitre cheri*, 1915, 38.
- ³⁶ Интервью с Орханом Кёprüлю, 30 марта 1992 года; George T. Park, «The Life and Writings of M. Fuad Koprulu», unpublished Ph.D. thesis, Johns Hopkins University, 1975, 3–5 and n., 7, 9, 14.
- ³⁷ Lewis, *Emergence*, 343; Park, 20, 28n., 30; Mitler, 187.
- ³⁸ Lewis, *Emergence*, 231; Emin, *Development*, 109–10; Park, 127, 138n., 140–3, 147.
- ³⁹ George A. Schreiner, *From Berlin to Baghdad*, New York, 1918, 327, diary entry for 7 August 1915.
- ⁴⁰ Landau, *Tekinalp*, 116; Mitler, 187.
- ⁴¹ Berkes, *Secularism*, 373–4; John Reed, *War in Eastern Europe*, 1994 edn., 135; McCullagh, 157.

- ⁴² Loti and Viaud, 71, diary entry for 23 August 1910.
- ⁴³ Ahmad, *Young Turks*, 108; Bilal N. Simsir, *Dis Basinda Ataturk ve Turk Devrimi*, cilt I, Ankara, 1981, 165, 169; Abbas Hilmi Papers, Durham University, 46/248, 67/57 — отчеты агента, возможно Дамада Фериды, хедиву Аббас Хильми, 10 октября 1911 года и 3 сентября 1912 года.
- ⁴⁴ William C. Askew, *Europe and Italy's Acquisition of Libya 1911–1912*, Durham, North Carolina, 1942, 206–7, 210–11; Alan Bodger, «Russia and the Fall of the Ottoman Empire», in Kent, (ed.), 83–4.
- ⁴⁵ Tuncay and Zurcher, 47; Lady Grogan, *Life of J. D. Bouchier*, 1921, 136, 139.
- ⁴⁶ Constant, 254–61; Andrew Rossos, *Russia and the Balkans: Inter-Balkan Rivalries and Russian Foreign Policy*, Toronto, 1981, 87–90.
- ⁴⁷ Lauzanne, 120; Poynter, 90, 95, 101, 115, diary entry for 9, 18 November, 12 December 1912, 26 September 1913; H. Myles, *La Fin de Stamboul*, 2nd edn., 1921, 1, 16.
- ⁴⁸ *Moniteur Oriental*, 5 November 1912; Lauzanne, 119, 144, 155, 180; Keun, 43n., 49, 52; Gaston Deschamps, *A Constantinople*, 1913, 178–9.
- ⁴⁹ Constant, 259; Poynter, 91, diary entry for 12 November 1912; Lauzanne, 233; *Moniteur Oriental*, 16 November 1912.
- ⁵⁰ Poynter, 91–2, diary entry for 17 November 1912; Lauzanne, 227, 230; Harold Nicolson, *Sweet Waters*, 1928 edn., 128; Paul G. Halpern, *The Mediterranean Naval Situation 1908–1914*, Cambridge, Mass., 1971, 104.
- ⁵¹ *Moniteur Oriental*, 29 November, 2 December; Ellis Ashmead-Bartlett, *With the Turks in Thrace*, 1913, 283.
- ⁵² Hanioglu 223, 225, letters of 12, 14 January 1913, cf. 54, letter of 7 May 1911.
- ⁵³ Hanioglu, 230, letter of Enver, 28 January 1913; Joseph Heller, *British Policy towards the Ottoman Empire 1908–1914*, 1983, 78.
- ⁵⁴ Poynter, 106, diary entry for 29 March 1913; William I. Shurrock, *French Imperialisms in the Middle East*, Madison, 1976, 168, Mallet to Grey 17 December 1913; Abbas Hilmi Papers, Durham University, 194/62, 66, 72: в письмах от 4, 11 и 18 февраля 1913 года к хедиву Аббасу Хильми говорилось о «*la futilite de l'existence de l'empire*»*; Ahmad, 29.
- ⁵⁵ PRO FO 371/9174, f. 68, Memorandum on the Armstrong Vickers' tenure of Turkish Dockyard, by Engineer Captain E. C. Hefford, 1923.

* Тщетности существования империи (фр.).

- ⁵⁶ D. C. B. Lieven, *Russia and the Origins of the First World War*, 1983, 46, 69; Fritz Fischer, *War of Illusions: German Policies from 1911 to 1914*, 1975, 334; Hans Kannengiesser Pasha, *The Campaign in Gallipoli*, 1927, 47.
- ⁵⁷ Sir Andrew Ryan, *The Last of the Dragomans*, 1951, 88–9; *Miniteur Oriental*, 3, 10, 16 July, 28 August 1914.
- ⁵⁸ Ahmad, 138–9.
- ⁵⁹ Kent, 15; Heller, 98, 134; William Eleroy Curtis, *Turkestan, the Heart of Asia*, 1911, 142; Erik J. Zürcher, *Turkey: a Modern History*, 1993, 117; Dan van der Dat, *The Ship that Changed the World: the Escape of the «Goeben» to the Dardanelles in 1914*, 1986 edn., 156.
- ⁶⁰ Waugh, 150–1; Ryan, 84, 103; A. L. Macfie, *The Straits Question 1909–1934*, Thessaloniki, 1993, 53; Heller, 141, Mallet to Grey 6 September 1914; *Moniteur Oriental*, 10, 11 September.
- ⁶¹ Paul G. Halpern, *The Naval War in the Mediterranean 1914–1918*, 1987, 48; Ulrich Trumpener, *Germany and the Ottoman Empire 1914–1918*, 1968, 33, 36, 40; Heller, 144–5.
- ⁶² Ryan, 101; Heller, 150, 156.
- ⁶³ Halpern, *Naval War*, 77; Van der Dat, 246, 267; Trumpener, 51, 56, 59; Ryan, 105; Heller, 152.
- ⁶⁴ Pears, 354; Cdt. Larcher, *La Guerre Turque dans la Guerre Mondiale*, 1926, 39n.; Schreiner, 168, diary entry for 7 April 1915; Osmanoglu, 189, 196.
- ⁶⁵ Emile Edwards, *Journal d'un habitant de Constantinople 1914–1915*, 1915, 74, 78, 107; Ahmed Emin, *Turkey in the World War*, New Haven, 1930, 176.
- ⁶⁶ Stephane Yerasimos (ed.), *Istanbul 1914–1923: capitale d'un monde illusoire ou l'agonie des vieux empires*, 1992, 17, 171; J. Reed, 131–2; Zeman and Scharlau, 133–4, 136.
- ⁶⁷ Martin Gilbert, *Winston Churchill*, 8 vols., 1968–90, III, 189, 411; id., *Churchill: a Life*, 1991, 295, 300; Norman Rose, *Churchill: an Unruly Life*, 1995 edn., 114; Alan Moorehead, *Gallipoli*, 1956, 125–6.
- ⁶⁸ Gilbert, *Churchill: a Life*, 303–4; Kannengiesser Pasha, 64, 259, 270; Moorehead, 56, 91, 217, 363.
- ⁶⁹ Schreiner, 38, diary entry for 23 February 1915; Walker, 210; Zürcher, *Turkey*, 121.
- ⁷⁰ Heath W. Lowry, *The Story behind Ambassador Morgenthau's Story*, Istanbul, 1990, 49; Schreiner, 327, diary entry for 7 August 1915; *Los Angeles Examiner*, 1 August 1926, quoted in Vahakn N. Dadrian,

- «The Documentation of the World War I Armenian Massacres in the Proceedings of the Turkish Military Tribunal», *IJMES*, XXIII, 1991, 561, 568.
- ⁷¹ Randall Baker, *King Husain and the Kingdom of Hejaz*, 1979, 115–18, proclamation of 25 Shaaban 1334; Stitt, 163.
- ⁷² Emin, *Turkey in the World War*, 173, 176, 236; Berkes, *Secularism*, 417–18; Ernst Jaeckh, *The Rising Crescent*, New York, 1944, 132.
- ⁷³ Van der Dat, 263; J. Reed, 115; Jaeckh, 137; Schreiner, 63, 277, 6 July 1915.
- ⁷⁴ Halpern, *The Naval War*, 559, 560, 568; id. (ed.), *The Royal Navy in the Mediterranean 1915–1918*, 1987, 580; Gwynne Dyer, «The Turkish Armistice of 1918: 2», *Middle Eastern Studies*, VIII, 3, October 1972, 323–4.
- ⁷⁵ Dyer, 324, 330, 333, 337; Halpern, *Naval War*, 568.

15. Смерть столицы

- ¹ PRO WO 161/85, Brigadier-General Sir James E. Edmonds, «The Occupation of Constantinople 1918–1923», 1944, ff. 10–13 (далее как Edmonds); FO 371/6485, f. 33, Note by R. W. Skelton, March 1921.
- ² Jean Bernachot, *Les Armées allies en Orient apres l'Armistice de 1918*, 4 vols., 1972–8, II, 12, 17–18, despatch of 22 February 1919.
- ³ Erik Lance Knudsen, *Great Britain, Constantinople and the Turkish Peace Treaty*, New York, 1987, 22; J. G. Bennett, *Witness*, 1962, 30.
- ⁴ General Sir Charles Harington, *Tim Harington Looks Back*, 1940, 137; Nevile Henderson, *Water under the Bridges*, 1945, 105; Бумаги Фокс-Питта, предоставленные с любезного разрешения Сары Фокс-Питт: W. A. F. L. Fox-Pitt to his father 11 October 1922, 22 May 1923.
- ⁵ Edmonds, f. 13; India Office Library Curzon Papers MSS EURF 112/132: Curzon, «The Future of Constantinople», 4 January 1919. Я благодарю Дэвида Гилмора за эту ссылку.
- ⁶ Curzon, «The Future of Constantinople», 4 January 1919; Knudsen, 29, 53; PRO 371/5190, f. 44 — для оценки численности населения. В 1914 году население, включая пригороды, оценивалось в 490 тысяч турок, 225 тысяч греков, 155 тысяч армян и 150 тысяч «прочих». Керзон, возможно, получил свои цифры из «Британской энциклопедии» выпуска 1911 года, статья «Константинополь».

- ⁷ Erik Goldstein, «Holy Wisdom and British Foreign Policy, 1918–1922: the St Sophia Redemption Agitation», *Byzantine and Modern Greek Studies*, XV, 1991, 47; Kent, 70; Myles, 165, article of 9 April 1919.
- ⁸ Macfie, 100–1; Mihir Bose, *The Aga Khans*, 1984, 180, Curzon to Montagu.
- ⁹ A. E. Montgomery, «Lloyd George and the Greek Question 1918–22», in A. J. P. Taylor (ed.), *Lloyd George: Twelve Essays*, 1971, 264, quoting memorandum of 29 December 1920; Alexis Alexandris, *The Greek Minority of Istanbul and Greek-Turkish Relations 1918–1974*, Athens, 1983, 53; G. Theotokas, *Leonis, enfant grec de Constantinople*, 1985, 134.
- ¹⁰ PRO FO 371/5190, ff. 31–35, telegram from Patriarchate to Lloyd George, 18 February 1920; *ibid.*, f. 134, committees of 154 associations and organizations to Lloyd George, 7 March 1920.
- ¹¹ Patriarche Oecumenique, *Memoire*, Paris, 1919, 8–9.
- ¹² Halide Edib, *The Turkish Ordeal*, 1928, 5; Nesin, II, 57; Harold Armstrong, *Turkey in Travail*, 1925, 97.
- ¹³ Edib, *Turkish Ordeal*, 149; Nur Bilge Criss, «Istanbul during the Allied Occupation 1918–1923», unpublished Ph.D. thesis, George Washington University, 1990, 13.
- ¹⁴ PRO FO 371/5190, f. 76, acting Patriarch to Lloyd George 15 March 1920, and f. 101, *memoire* of 14 February 1920; *ibid.*, f. 111, petition of 16/9 January 1920.
- ¹⁵ Galante, *Histoire des Juifs*, II, 82; Criss, 35, 71.
- ¹⁶ Nigel Nicolson, *Alex*, 1973, 73; Churchill College, Cambridge, De Robeck Papers 6/1, De Robeck to Curzon 23 August 1920; A. Mavroyennis, II, 86, diary entry for 17/30 June 1919.
- ¹⁷ Knudsen, 115; Ryan, 127; Paul Dumont, *Mustafa Kemal*, Brussels, 1983, 27.
- ¹⁸ Erik J. Zürcher, *The Unionist Factor, the Role of the Committee of Union and Progress in the Turkish National Movement 1905–1926*, Leiden, 1984, 81; Criss, 132, 139, 146.
- ¹⁹ Norman Itzkowitz and Vamik D. Volkan, *The Immortal Atatürk a Psychobiography*, Chicago, 1984, 114, 116.
- ²⁰ Yerasimos, *Istanbul*, 115; Alexandre Jevkhoff, *Kemal Atatürk: les chemins de l'Occident*, 1989, 75; Criss, 147.
- ²¹ Zürcher, *Unionist Factor*, 82; Itzkowitz and Volkan, 124–5.
- ²² Anon., *Fusilier Bluff, the Experiences of an Unprofessional Soldier in the Near East 1918–1919*, 1934, 236; Edib, *Turkish Ordeal*, 23, 27–9, 32–33n.

- ²³ Jean Bernachot, *Les Armées alliées en Orient après l'Armistice de 1918*, 4 vols., 1972–8, IV, 118, report of 1 August 1919.
- ²⁴ Armstrong, 105; PRO 371/4241 memorandum by Ryan, 12 December 1919; 371/4162, summary of intelligence, 9 January 1920.
- ²⁵ Gai Minault, *The Khilafat Movement*, New York, 1982, 75–6, 83.
- ²⁶ Knudsen, 143; Macfie, 101, 105, memorandum of British General Staff 6 January 1920; cf. Albert Christiaan Niemeijer, *The Khilafat Movement in India 1919–1924*, The Hague, 1972, 145.
- ²⁷ Bennett, 32, 34; Knudsen, 169, 171–2; Churchill College, De Robeck Papers 6/1, anon, note 16 March 1920; Criss, 92, 97, 102, 164; PRO FO 371/5162, f. 90, note of 18 March 1920.
- ²⁸ David Walder, *The Chanak Affair*, 1969, 106; Edmonds, f. 23; Ryan, 128; Stitt, 202.
- ²⁹ Falih Rifki Atay, *The Ataturk I Knew*, Istanbul, 1982, 138; Lord Kinross, *Ataturk the Rebirth of a Nation*, Nicosia, 1981 edn., 223.
- ³⁰ Major-General Sir Edmund Ironside, *High Road to Command*, 1972, 97; Knudsen, 195, 197; Ryan, 145.
- ³¹ Criss, 119, 205; Alexandris, 74; Macfie, 138.
- ³² Criss, 167, 170; *Documents on British Foreign Policy 1919–1938*, First Series (далее — DBFP), VII, 89, 91, Rumbold to Curzon 23 March 1921.
- ³³ Martin Gilbert, *Sir Horace Rumbold*, 1973, 230–1; Criss, 5 4, 189; Jevakhoff, 184.
- ³⁴ Demetra Vaka, *The Unveiled Ladies of Stamboul*, Boston, 1923, 105; Maurice Pernot, *La Question turque*, 1923, 9, 39, 43, 49.
- ³⁵ DBFP, XVII, 23, 49, Rumbold to Curzon 20 January, 7 February 1921.
- ³⁶ Edib, *Turkish Ordeal*, 71–3, 84, 89; Kinross, 214, 219; Jevakhoff, 185.
- ³⁷ PRO FO 371/5170, report by Admiral Calthorpe 17 June 1919, memorandum by Calthorpe 31 July 1919.
- ³⁸ PRO FO 371/5178, report of 12 August 1920; *ibid.* 5172, report of 13 October 1920; Whittall Papers, Abdulmecit to Canon Whitehouse, 9 September 1920.
- ³⁹ PRO FO 371/517 2/4131, report of 25 October 1920; *Burke's Royal Families of the World*, 1 vols., 1980, II, 244; PRO FO 371/6469, Rumbold to Curzon 29 April, 5 May 1921; Yerasimos, *Istanbul*, 129; Jevakhoff, 257–8.
- ⁴⁰ James L. Barton, *Story of Near East Relief*, New York, 1930, 69, 158, 213.

- ⁴¹ Edib, *Turkish Ordeal*, 7, 9; Muftyzade K. Zia Bey, *Speaking of the Turks*, New York, 1922, 26.
- ⁴² *LExpress*, 1 December 1918; Armstrong, 97; Muftyzade, 152, 155; Pernot, 34.
- ⁴³ Norman Stone and Michael Glenny, *The Other Russia*, 1991 edn., 55; General P. N. Wrangel, *Memoirs*, 1929, 326n.; Vera Dumesnil, *Le Bosphore tant aime*, Brussels, 1947, 30, 37. Генерал Харрингтон писал: «Ни один человек в жизни не впечатлил меня больше, чем генерал Врангель»: Harington, 222.
- ⁴⁴ Paul Morand, *Ouvert la nuit*, 1987 edn., 75; Stone and Glenny, 152–3; Dumesnil, 157; Alexis Wrangel, *General Wrangel, Russia's White Crusader*, 1990, 219, 223–6.
- ⁴⁵ Sergei Tornow, «Unpublished Memoirs», 207, цитируется с любезного разрешения баронессы Елены Торнов; интервью с князем Александром Волконским, Париж, 3 декабря 1992 года; John Dos Passos, *Orient Express*, New York, 1926, 12; Jak Deleon, *A Taste of Old Istanbul*, Istanbul, 1989, 44.
- ⁴⁶ Stone and Glenny, 231; G. I. Gurdjieff, *Meetings with Remarkable Men*, 1963, 282.
- ⁴⁷ Fox-Pitt Papers, W. A. F. L. Фокс-Питт писал своей матери 15 марта 1923 года: «Бобс [его английская знакомая] довольно быстро оказалась княжной [в ресторане „Московит«]»; Deleon, 47; Morand, 70; Zafer Toprak, «Harasolar», *Istanbul*, 76, 78–80; Churchill College, De Robeck Papers 6/18, Rumbold to De Robeck 1 December 1921.
- ⁴⁸ Irfan Orga, *Portrait of a Turkish Family*, 1988 edn., 187; Anon., *Fusilier Bluff*, 243; Eliot Granville Mears, *Modern Turkey*, 1924, 145; Myles, 175, article for 27 April 1919, 199, article for December 1920; Muftyzade, 77, 181.
- ⁴⁹ Dos Passos, 11, 21–30; Armstrong, 188.
- ⁵⁰ Muftyzade, 170; Yakup Kadri, *Sodome et Gomorrhe*, 1928, 16–17, 128, 132, 135.
- ⁵¹ Macfie, 149; Pernot, 8; Louis Francis, *La Neige de Galata*, 1936, 93–4; Alexandris, 104; Stitt, 247.
- ⁵² Edmonds, ff. 27–8; Knudsen, 292; Walder, 250–2.
- ⁵³ Walder, 259, 260, 270–1, 275; Harington, 252, despatch of 20 October 1928 (*sic*); 277, speech of 30 October 1922; David Gilmour, *Curzon*, 1994, 545–6; PRO FO 371/7893, f. 63, Rumbold to Curzon 23 September 1922.
- ⁵⁴ Walder, 295, 299, 327; Harington, 211.

- ⁵⁵ Nesin, I, 104; PRO FO 371/7907, f. 113, Henderson to Curzon 24 October 1922; 371/9176, f. 84 and 84V.
- ⁵⁶ Michael M. Finefrock, «From Sultan to Republic: Mustafa Kemal Atatürk and the Structure of Turkish Politics 1922–24», unpublished Ph.D. thesis, Princeton, 1976, 65, 78; Kinross, 348.
- ⁵⁷ PRO FO 371/7907, ff. 199, 212, 226, Rumbold to Curzon 4, 5 November 1922; 7914, f. 144, Rumbold to Curzon 14 November 1922.
- ⁵⁸ Harington, 254, report of 20 October 1923; Fox-Pitt Papers, Fox-Pitt to his father 7 November and his brother Tommy 10 November 1922.
- ⁵⁹ Letters in FO 371/7917 описывает ситуацию в ноябре — декабре 1922 года. 28 ноября Хендерсон написал Керзону про «двойной контроль здесь, турецкий гражданский и военный союзнический».
- ⁶⁰ Kinross, 346; PRO FO 371/7917, f. 60, Rumbold to Curzon 21 November 1922; Gilbert, *Rumbold*, 279, Lady Rumbold to her mother 6 November 1922; Simsir, I, 79, 109; *Le Journal*, 15, 18 November 1922.
- ⁶¹ PRO FO 371/7917, f. 98, Henderson to Curzon 28 November 1922; Alexandris, 104, 132; DBFP, XVIII, 421n., memorandum of Ryan 26 December 1922.
- ⁶² PRO FO 371/7907, f. 226, Rumbold to Curzon 5 November 1922; Gilbert, *Rumbold*, 278–9, Lady Rumbold to her mother 6 November 1922; PRO FO 371/7912/12647, Rumbold to Curzon 7 November 1922.
- ⁶³ Harington, 130–1; PRO FO 371/7962, f. 150, Henderson to Curzon 17 November, 371/7916/13192, secret eastern summary 24 November; интервью с принцем Сами, внучатым племянником султана, Лондон, 21 апреля 1995 года.
- ⁶⁴ Niyazi Berkes (ed.), *Turkish Nationalism and Western Civilisation: Selected Essays of Zia Gokalp*, 1959, 227; Finefrock, 73, 87; PRO FO 371/7917, f. 40, Eastern summary 1 December 1922; 7916, f. 7, Eastern summary 24 November 1922. According to 7917, f. 41, Eastern summary 1 December, общественное мнение было неблагоприятным для отмены султаната — но «общественное мнение никогда не рассматривало на многое со времен учреждения в Турции так называемого парламентского правления».
- ⁶⁵ PRO FO 371/7963, f. 142, Henderson to Curzon 28 November 1922; Simsir, I, 151, 164; *Muslim Standard*, 30 November 1922.
- ⁶⁶ Finefrock, 106; Orga, 218; Haidar, 258; Stitt, 267.

- ⁶⁷ Erik J. Zürcher, *Political Opposition in the Early Turkish Republic: the Progressive Republican Party*, Leiden, 1991, 24; PRO FO 371/9135/2660, Rumbold to Curzon 1 March 1923.
- ⁶⁸ Michael Howard and John Sparrow, *The Coldstream Guards 1920–1946*, 1952, 3; Criss, 113; Walder, 349–52; Olga Verkorsky Dunlop, *Register of the Baron Petr Nikolaevich Vranghel Collection in the Hoover Institution Archives*, Stanford, 1991, 72, 103–5; PRO 371/9174, f. 129, 141, Henderson to Curzon 10, 15 October 1923.
- ⁶⁹ William M. Johnston, *The Austrian Mind*, 1972, 73.
- ⁷⁰ Kent, 193; Lewis, *Emergence*, 255; Finefrock, 230, 249, 262, 273.
- ⁷¹ Itzkowitz and Volkan, 270–3; Atay, 217; Zürcher, *Unionist Factor*, 137; Lewis, *Emergence*, 257; Jevakhoff, 375n.
- ⁷² Bernachot, II, 17, 145, despatches of 1 March, 27 April 1919; PRO FO 371/4162, summary of intelligence, 9 January 1920.
- ⁷³ Lewis, *Emergence*, 258.
- ⁷⁴ Sinsir, I, 460; *Le Temps*, 6 March 1924; Finefrock, 288, 292, 293; Gulersoy, *Dolmabahce*, 138, 141.
- ⁷⁵ PRO FO 371/10217, ff. 30, 15 5, R. C. Lindsay to Macdonald 5, 24 March 1924.
- ⁷⁶ *Istanbul Ansiklopedisi*, art. «Abdülmedid»; Salih Keramet Nigar, *Halife İkinci Abdülmedid*, Istanbul, 1964, 7–9.

Эпилог

- ¹ Sir Hugh Knatchbull Hugesson, *Diplomat in Peace and War*, 1949, 138; Kinross, 438.
- ² Lewis, *Emergence*, 405; Robert Byron, *Letters Home*, 1991, 65, letter of 29 May 1926; Nesin, I, 68, 124; Harold Armstrong, *Turkey and Syria Reborn*, 1930, 224–5.
- ³ Harris, 124–6; Harry A. Franck, *The Fringe of the Moslem World*, 1928, 412; Kinross, 402.
- ⁴ Franck, 344; Itzkowitz and Volkan, 254; Kinross, 415; Halide Edib, *Turkey Faces West*, New Haven, 1930, 221, 226.
- ⁵ *Istanbul Ansiklopedisi*, art. «Ataturk ve Istanbul»; Kinross, 443.
- ⁶ Albert E. Kalderon, *Abraham Galante*, New York, 1983, 50; Park, 38, 61.
- ⁷ Sinsir, I, 683–5; *Le Journal*, 14 March 1924.
- ⁸ Интервью с Басри Данишмендом, 2 ноября 1991 года.
- ⁹ Osmanoglu, 236, 240, 245.

- ¹⁰ Landau, 103; Sacheverell Sitwell, *Far from My Home: stories long and short*, 1931, 88; интервью с Нигаром Алемдаром, 1 июля 1994 года; интервью с Селимом Дирвана, 9 октября 1992 года.
- ¹¹ Kamal Madhar Ahmad, *Kurdistan during the First World War*, 1994, 92; Olson, *Kurdish Nationalism*, 53, 63, 64, 75; Chris Kutschera, *Le Mouvement National Kurde*, 1979, 31–1.
- ¹² PRO FO 371/12255, f. 63–4, Sir Henry Dobbs to Leo Amery 8 December 1926; f. 86, Sir G. Clerk to Austen Chamberlain 4 January 1927.
- ¹³ Kutschera, 42; Chaliand, 40.
- ¹⁴ Andre Raymond, *Le Caire*, 1993, 317; William L. Cleveland, *The Making of an Arab Nationalist: Ottomanism and Arabism in the Life and Thought of Sati al-Husri*, Cleveland, 1971, 30, 44; интервью с Хальдуном аль-Хусри, 28 ноября 1994 года.
- ¹⁵ Stitt, 290–1; Haidar, 238.
- ¹⁶ Gerald de Gaury, *Traces of Travel*, 1983, 145–6.
- ¹⁷ Интервью с шарифой Сфине, Александрия, 4 января 1993 года.
- ¹⁸ Alexandris, 162; Theotokas, 168; Thomas Doulis, *Disaster and Fiction: Modern Greek Fiction and the Asia Minor Disaster of 1922*, Berkeley, 1977, 92, 98, 108, 217.
- ¹⁹ PRO FO 371/9174, ff. 15 3–4, Lieutenant Patterson to director of military operations and intelligence 11 November 1923; Alexandris, 185; Angele Lorely, «Esquisses», Istanbul Library; Liddell, 100, 159, 238.
- ²⁰ Yerasimos, *Istanbul*, 202–3; Nicholas Bethell, *The Palestine Triangle*, 1979, 114–19.
- ²¹ Alexandris, 217; интервью с Барухом Пинто, 9 ноября 1993 года; Kalderon, 59.
- ²² *Istanbul Ansiklopedisi*, art. «Alti Yedi Eylul Olaylari»; Alexandris, 257, 262; John Pearson, *The Life of Ian Fleming*, 1966, 271.
- ²³ Feroz Ahmad, *The Turkish Experiment in Democracy 1950–1975*, 1977, 78–9, 89; Alexandris, 265, 271.
- ²⁴ Интервью с Ахиллесом Мелласом, 1 октября 1992 года; Sturdza, 260, 82.
- ²⁵ Semih Vaner (ed.), *Istanbul*, 1991, 132; Tuglaci, *Balian*, 290, 427; интервью со стамбульскими армянами, 14 июля 1992 года.
- ²⁶ Интервью с Э. Ф. де Теста, Париж, 24 и 25 февраля, 6 мая 1994 года.
- ²⁷ Clayer and Popovic (eds.), 67.

- 28 Mary C. Wilson, *King Abdullah, Britain and the Making of Jordan*, Cambridge, 1987, 220.
- 29 Интервью с Хосе Наумом, Париж, 20 апреля и 20 мая 1992 года.
- 30 PRO FO 371/16013–16016, Ryan to Simon 21 June 1932. Я благодарю за эту ссылку Алана де Лейси Раша.
- 31 H. St J. Philby, *Arabian Jubilee*, 257, 250–1; Gerald de Gaury, *Faisal, King of Saudi Arabia*, 1966, 22: Я благодарю за эту ссылку Алана Раша. David Holden and Richard Johns, *The House of Saud*, 1981, 203.
- 32 Godfrey Goodwin, *Sinan and City Planning*, Rome, 1989, 83.
- 33 Paul Wittek, «Les Archives de Turquie»; *Byzption*, 1938, 693.
- 34 «Stamboulimies», *Les Carents de l'Exotisme*, XI, Janvier-Juillet 1993, 79, Abdumecid to Loti 20 May 1921; Ernest Mamboury, *Guide touristique*, 363.
- 35 *Turkish Daily News*, 26 September 1994.

БИБЛИОГРАФИЯ

Первичные источники

- Archives du Ministère des Affaires Etrangères, Paris: Correspondance Politique, Turquie, 68, 176: ambassadors' reports, 1724, 1787.
- British Library, London, Add. MSS 38979, 38985, 38987, 39018, 39023–4, 39103: Layard Papers, letters of Ahmed Vefyk to Layard; 56301, Pisani to Strangford 1821.
- Churchill College, Cambridge, De Robeck Papers, MSS 6/1, 6/18: correspondence of Admiral de Robeck.
- Imperial War Museum, London, Fox-Pitt Papers (с любезными консультациями Сары Фокс-Питт): letters of W. A. F. L. Fox-Pitt to his parents.
- National Library of Scotland, Edinburgh, Department of Manuscripts, Liston Papers, MSS 5572, 5628, 5630: despatches of Liston and Pisani 1794–5, 1815–20; 5709, journal of Lady Liston 1812–13.
- Public Record Office, Kew, Middlesex, FO 78/225, 3081: diplomatic despatches 1833, 1880; FO 371/4162, 4241, 5162, 5170, 5172, 5178, 5190, 6469, 7893, 7907, 7912, 7914, 7916, 7917, 7962, 7963, 9174, 12255: papers of the British High Commission in Constantinople, 1918–23; WO 161/85: Sir James E. Edmonds, «The Occupation of Constantinople 1918–1923».
- School of Oriental and African Studies Library, London, Paget Papers 50 X4: letters of Alexander Mavrocordato 1699.
- State Archives, Stockholm, Turcica 22, 24, 100: letters from Comte de Bonneval 1734–45.

Вторичные источники

Если не указано иное, все работы на английском языке опубликованы в Лондоне, все работы на французском языке — в Париже, а все произведения на турецком — в Стамбуле.

Abbott, G. F., *Turkey in Transition*, 1909.

- _____ *Under the Turk in Constantinople*, 1920.
- Abdullah of Jordan, King, *Memoirs*, 1950.
- Abou el-Hajj, Rifa'at Ali, *The 1703 Rebellion and the Structure of Ottoman Politics*, Istanbul, 1984.
- _____ *Formation of the Modern State: the Ottoman Empire, Sixteenth to Eighteenth Centuries*,
- Albany, 1991. Abu-Lughod, Janet, *Cairo: 1000 Years of the City Victorious*, Princeton, 1971.
- Abu-Manneh, Butros, «Sultan Abdul Hamid II and the Sharifs of Mecca 1880–1900», *Asian and African Studies*, 1972, 1–21.
- Adivar, Adnan, *La Science chez les Turcs Ottomans*, 1938. Adjemoglou, Nicolaos, *The Ayazmata of the City*, Athens, 1990 (in Greek).
- Adnan, Abdulkhak, *La Science chez les Turcs Ottomans*, 1939.
- Afetinan, Prof. Dr, *Apercu general sur l'histoire economique de l'Empire Turc-Ottoman*, 2nd edn., Ankara, 1976.
- Ahmad, Feroz, *The Young Turks: the Committee of Union and Progress in Turkish Politics 1908–1914*, Oxford, 1969.
- _____ *The Turkish Experiment in Democracy 1950–1975*, 1977.
- Alderson, A. D., *The Structure of the Ottoman Dynasty*, 1956.
- Alexandris, Alexis, *The Greek Minority of Istanbul and Greek-Turkish Relations 1918–1974*, Athens, 1983.
- Allom, Thomas and the Revd Robert Walsh, *Constantinople and the Scenery of the Seven Churches of Asia Minor*, 2 vols., 1838.
- Altuna, Abdulkadir, *Osmanli Seyhulislamlari*, Ankara, 1972.
- And, Metin, *Karagoz*, 3rd edn., Istanbul, n.d.
- _____ *A Pictorial History of Turkish Dancing* Ankara, 1976.
- _____ *Turkish Miniature Painting* rev. edn., Istanbul, 1982.
- _____ *Istanbul in the Sixteenth Century*, Istanbul, 1994.
- Andersen, Hans Christian, *A Poet's Bazaar*, New York, 1988.
- Anderson, Dorothy, *The Balkan Volunteers*, 1968.
- Anderson, M. S., *The Eastern Question*, 1982.
- _____ *The Rise of Modern Diplomacy*, 1993.
- Andrews, Walter G., *Poetry's Voice, Society's Song: Ottoman Lyric Poetry*, Seattle, 1985.
- Anon., *Fusilier Bluff: the Experience of an Unprofessional Soldier in the Near East 1918–1919*, 1934.
- Anon., *Letters Historical and Critical from a Gentleman in Constantinople to his Friend in London*, 1730.
- Antonius, George, *The Arab Awakening*, Beirut, 1969 edn.

- Argenti, Philip, *The Massacres of Chios*, 1932.
- Armstrong, Harold, *Turkey in Travail*, 1925.
- _____, *Turkey and Syria Reborn*, 1930.
- Arnakis, G. Georgiades, «The Greek Church of Constantinople and the Ottoman Empire», *Journal of Modern History*, 1952, 235–50.
- Arpee, Leon, *A History of Armenian Christianity*, New York, 1946.
- Artamian, Sarkis, *The Armenian Community*, New York, 1955.
- Artan, Tulay, «Architecture as a Theatre of Life: Profile of the Eighteenth-century Bosphorus», unpublished Ph.D. thesis, Massachusetts Institute of Technology, 1989.
- Artinian, Vartan, *The Armenian Constitutional System in the Ottoman Empire 1839–1863*, Istanbul, 1990.
- Arzik, Imet, *Anthologie de la poesie turque*, 1968.
- Ashmead-Bartlett, Ellis, *With the Turks in Thrace*, 1913.
- Atamian, Sarkis, *The Armenian Community*, New York, 1955.
- Atasoy, Nurhan and Julian Raby, *Iznik the Pottery of Ottoman Turkey*, 1989.
- Atay, Falih Rifki, *The Ataturk I Knew*, Istanbul, 1982.
- Atil, Esin (ed.), *Suleymanname: the Illustrated History of Suleyman the Magnificent*, Washington, 1986.
- _____, *The Age of Sultan Suleyman the Magnificent*, New York, 1987.
- _____, *Turkish Art*, New York, 1980.
- Auldjo, John, *Journal of a Visit to Constantinople and Some of the Greek Islands in the Spring and Summer of 1833, 1835*.
- Avenche, Henry, *La Mori de Stamboul*, 1930.
- Babinger, Franz, *Mehmed the Conqueror and His Time*, Princeton, 1992 edn.
- Bailey, Frank E., *British Policy and the Turkish Reform Movement*, Harvard, 1932.
- Baker, Patricia, «The Fez in Turkey: a Symbol of Modernisation?», *Costume*, 1986, 72–85.
- Baltimore, Lord, *A Tour to the East in the Years 1763 and 1764*, 1767.
- Barbaro, Nicolo, *Diary of the Siege of Constantinople 1453*, tr. J. R. Jones, New York, 1969.
- Bardakgi, Murat, *Osmanlida Seks*, 1993.
- Bareilles, Bertrand, *Constantinople*, 1918.
- Barker, Arthur, «The Cult of the Tulip in Turkey», *Journal of the Royal Horticultural Society*, LVI, 1931, 23 4–44.

- Barker, Theo and Anthony Sutcliffe (eds.), *Megalopolis: the Giant City in History*, 1993.
- Barnett, R. D., *The Sephardi Heritage*, 2 vols., 1971–89.
- Baronian, Hagop, *The Perils of Politeness*, New York, 1983.
- Barsoumian, Hagop Leon, «The Armenian Amira Class of Constantinople», unpublished Ph.D. thesis, Columbia, 1980.
- Basmadjian, K. J., *Essai sur l'histoire de la litterature ottomane*, Constantinople, 1910.
- Batu, Hamit et Jean-Louis Bacque-Gramont, *L'Empire Ottoman: la Republique de Turquie et la France*, Istanbul, 1986.
- Batur, Enis (ed.), *Encomium to Istanbul*, Istanbul, 1991.
- Baudin, P., *Les Israelites de Constantinople*, Istanbul, 1872, 1989 edn.
- Belin, M. A., *Histoire de la Latinite de Constantinople*, 2nd edn., 1894.
- Benbassa, Esther, *Un Grand Rabbin sepharade en politique 1892–1923*, 1991.
- Benjamin, S. G. W., *The Turks and the Greeks*, New York, 1867.
- Bennett, J. G., *Witness*, 1962.
- Bent, J. Theodore (ed.), *Early Voyages and Travels in the Levant*, 1893.
- Berk, Nurullah, *Istanbul chez lespeintres turcs et etrangers*, Istanbul, 1977.
- Berkes, Niyazi, *The Development of Secularism in Turkey*, Montreal, 1964.
- _____, (ed.) *Turkish Nationalism and Western Civilisation: Selected Essays of Zia Gokalp*, 1959.
- Bernachot, Jean, *Les Armies allies en Orient apres L'Armistice de 1918*, 4 vols., 1972–8.
- Bernard, Yvelise, *L'Orient du XVIe siecle a travers les recits de voyageurs francais*, 1988.
- Bertele, Tommaso, *Il Palazzo degli ambasciatori di Venecia a Constantinopoli e le sue antiche memorie*, Bologna, 1932–X.
- Beydilli, Kemal, «Ignatius Mouradgea d'Ohsson», *Istanbul Universitesi Edebiyat Fakultesi Tarih Dergisi*, XXXIV, 1984, 248–314.
- Bibesco, Marthe, *La Nymphe Europe*, 1960.
- Bierman, Irene et al. (eds.), *The Ottoman City and its Parts*, New Rochelle, 1991 edn.
- Birge, John Kingsley, *The Bektasbi Order of Dervishes*, 1965.
- Blaisdell, Donald C, *European Financial Control in the Ottoman Empire*, New York, 1929.
- Blancard, Theodore, *Les Mavroyenni: histoire d'Orient*, 2 vols., 1909.
- Blanqui, J. A., *Voyage en Bulgarie pendant l'annee 1841*, 1843.
- Blowitz, Henri de, *Une Course a Constantinople*, 1884.

- Blunt, Wilfrid Scawen, *Gordon at Khartoum*, 1911.
- _____ *My Diaries*, 2 vols., 1919–20.
- Boghossian, Sarkis, *Iconographie armenienne*, 1987.
- Bonnac, Marquis de, *Memoire historique sur l'Ambassade de France a Constantinople*, 1894.
- Bonneville de Marsangy, Louis, *Le Chevalier de Vergennes: son ambassade a Constantinople*, 2 vols., 1894.
- Boppe, Catherine et Andre, *Les Peintres du Bosphore au XVIIIe Steele*, 1989.
- Boschma, Cornells and Jacques Perot, *Antoine-Ignace Melling (1763–1831), artiste voyageur*, 1991.
- Bosscha Erdbrink, C, *At the Threshold of Felicity: Ottoman-Dutch Relations during the Embassy of Cornells Calkoen at the Sublime Porte 1726–1744*, Ankara, 1975.
- Bouchard, Jacques, «Nicolas Mavrocordatos et l'époque des tulipes», *Eranisthes*, XVII, Athens, 1981, 120–6.
- _____ «Les Lettres fictives de Nicolas Mavrocordato a la maniere de Phalaris: une apologie de l'absolutisme», *Revue des Etudes du Sud-Est Europeen*, XIII, 197, 197–207.
- _____ (ed.), *Les Loisirs de Philothee*, Athens-Montreal, 1989.
- Boulden, James E. V., *An American among the Orientals*, Philadelphia, 1855.
- Boutros-Ghali, Anna Naguib and Archag Alboyadjian, *Les Dadian*, Cairo, 1965.
- Brassey, Mrs, *Sunshine and Storm in the East or Cruises to Cyprus and Constantinople*, 1880.
- Braude, Benjamin and Bernard Lewis (eds.), *Christians and Jews in the Ottoman Empire*, 2 vols., 1982.
- Brown, Horatio F., *Studies in the History of Venice*, 2 vols., 1907.
- Brown, Sarah Graham, *Images of Women: the Portrayal of Women in Photography of the Middle East 1860–1950*, 1988.
- Brummett, Palmyra, *Ottoman Seapower and Levantine Diplomacy in the Age of Discovery*, Albany, 1994.
- Brun, Charles, «Les Grecs de Constantinople», *Revue Moderne*, LII, 10 June 1869, 422–39.
- Busbecq, Ogier Ghislain de, *Turkish Letters*, Oxford, 1927.
- Buxton, C. R., *Turkey in Revolution*, 1909.
- Cabuk, Vahid, *Kopruhuler*, 1988.
- Calosso, Colonel, *Memoires d'un vieux soldat*, Turin-Nice, 1857.

- Camariano, Nestor, *Alexandre Mavrocordato le Grand Drogman: son activite diplomatique*, Thessaloniki, 1970.
- Camariano-Cioran, Ariadna, *Les Academies princieres de Bucarest et de Jassy et leurs professeurs*, Thessaloniki, 1974.
- Cambon, Paul, *Correspondance*, 3 vols., 1940–6.
- Cantacasin, Theodore Spandouyn, *Petit Traicte de l'origine des turcqz*, ed. Charles Schefer, 1896.
- Cantacuzene, Jean Michel, *Mille Ans dans les Balkans*, 1992.
- Carayon, Pere Auguste, *Relations inedites de la Compagnie de Jesus a Constantinople et dans le Levant*, 1864.
- Carlier de Pinon, M., *Voyage en Orient*, 1920.
- Carnoy, Henry et Jean Nicolaidis, *Folklore de Constantinople*, 2 vols., 1894.
- Catalogue de la Bibliotheque de feu Ahmed Vefyik Pacha*, Constantinople, 1893.
- Catalogue des perles, pierreries, bijoux et objets d'art precieux, le tout ayant appartenu a S.M. le Sultan Abdul Hamid II, dont la vente aura lieu a Paris*, November 1911.
- Caussin de Perceval, A. P. (tr.), *Precis historique de la destruction du corps des Janissaires par le Sultan Mahmoud en 1826*, 1833.
- Celik, Zeyneb, *The Remaking of Istanbul*, Seattle and London, 1989.
- Cevaat Bey, Ali, *Fezleke*, Ankara, 1960. Cezar, Mustafa, *XIX Yuzyil Beyoglusu*, Istanbul, 1991.
- Chalcondyle, *L'Histoire de la decadence de l'Empire Grec et de l'etablissement de celui des Tuns*, 2 vols., 1662.
- Chaliand, Gerard (ed.), *A People without a Country: the Kurds and Kurdistan*, 1993 edn.
- Champonnois, Suzanne, *Le Mythe de Constantinople et l'opinion publique en Russie au XIXe siecle*, Istanbul, 1989.
- Charlemont, Lord, *Travels in Greece and Turkey 1749*, ed. W. B. Stanford and E.J. Finopulos, 1984.
- Charriere, M. de, *Negotiations de la France dans le Levant*, 4 vols., 1848–60.
- Chassiotis, G., *L'Instruction publique chez les Grecs depuis la prise de Constantinople par les Turcs*, 1881.
- Chenier, Madame, *Lettres sur les danses grecques*, 1879 edn.
- Chesneau d'Aramon, Jean, *Le Voyage de Monsieur Chesneau d'Aramon, ambassadeur pour le Roy au Levant*, ed. Charles Schefer, 1887.
- Choiseul-Gouffier, Comte de, *Voyagepittoresque de la Grece*, 2 vols., 1782–1809.

- Cizgen, Engin, *Photography in the Ottoman Empire 1839–1919*, Istanbul, 1987.
- Clark, E. C., «The Ottoman Industrial Revolution», *International Journal of Middle East Studies*, V, 1974, 65–76.
- Clayer, Nathalie and Alexandre Popovic (eds.), *Presse turque et presse de Turquie*, Istanbul – Paris, 1992.
- Cleveland, William I., *The Making of an Arab Nationalist: Ottomanism and Arabism in the Life and Thought of Sati al-Husri*, Cleveland, 1971.
- Clogg, Richard (ed.), *Balkan Society in the Age of Greek Independence*, 1981.
- _____ *The Struggle for Greek Independence*, 1973.
- _____ *The Movement for Greek Independence*, 1976.
- Cockerell, C. R., *Travels in Southern Europe and the Levant 1810–1817*, 1903.
- Constant, Stephen, *Foxy Ferdinand*, 1979.
- [Constantinios] *Constantiniade ou Description de Constantinople ancienne et moderne comparee par un philologue et archeologue*, Constantinople, 1846.
- Cook, M. A. (ed.), *A History of the Ottoman Empire to 1730*, Cambridge, 1976.
- Correspondence respecting the Disturbances at Constantinople in August 1896 presented to both Houses of Parliament by command of Her Majesty*, 1897.
- Coufopoulos, Demetrius, *A Guide to Constantinople*, 1910.
- Cox, Samuel S., *The Isles of the Princes; or, the Pleasures of Prinkipo*, 1887.
- _____ *Diversions of a Diplomat in Turkey*, New York, 1887.
- Crawford, F. Marion, *Constantinople*, 1895.
- Criss, Nur Bilge, «Istanbul during the Allied Occupation», unpublished Ph.D. thesis, George Washington University, 1990.
- Cunningham, Allan, *Anglo-Ottoman Encounters in the Age of Revolution*, 1993.
- _____ *Eastern Questions in the Nineteenth Century*, 1993.
- Curtis, William Eleroy, *Turkestan, the Heart of Asia*, 1911.
- Curtiss, John Shelton, *Russia's Crimean War*, Durham, North Carolina, 1979.
- Dadian, Prince Mek-B., «La Societe armenienne contemporaine», *Revue des Deux Mondes*, 15 June 1867, 903–28.
- Dadrian, Vahakn N., «The Documentation of the World War I Armenian Massacres in the Proceedings of the Turkish Military

- Tribunal», *International journal of Middle East Studies*, XXIII, 1991, 549–76.
- Dallaway, James, *Constantinople Ancient and Modern*, 1798.
- Dalleggio d'Alessio, E., «Liste des Podestats de la colonie genoise de Pera», *Revue des Etudes Byzantines*, XXVII, 1969, 151–7.
- Dankoff, Robert (ed.), *The Intimate Life of an Ottoman Statesman: Melek Ahmed Pasha, as Portrayed in Evliya Celebi's Book of Travels*, Albany, 1991.
- Dasnabedian, Hratch, *History of the Armenian Revolutionary Federation Dashnaksutian 1890–1924*, Milan, 1990.
- Davis, Revd, E. J., *Osmanli Proverbs and Quaint Sayings*, 1898.
- Davis, Fanny, *The Ottoman Lady: a Social History from 1718 to 1918*, New York, 1986.
- Davis, James C. (ed. and tr.), *The Pursuit of Power. Venetian Ambassadors' Reports from Spain, Turkey, France in the Age of Philip II*, 1970.
- Davison, Roderick H., *Reform in the Ottoman Empire 1856–1876*, Princeton, 1963.
- Dawn, C. Ernest, *From Ottomanism to Arabism: Essays on the Origins of Arab Nationalism*, Urbana, 1973.
- De Amicis, Edmondo, *Constantinople*, 1894 edn.
- Dedem de Gelder, Baron de, *Memoires*, 1900.
- De Gaury, Gerald, *Rulers of Mecca*, 1951.
- _____ *Three Kings in Baghdad*, 1961.
- _____ *Traces of Travel*, 1983.
- Deherain, H., *La Vie de Pierre Ruffin*, 2 vols., 1929–30.
- Deleon, Jak, *A Taste of Old Istanbul*, Istanbul, 1989.
- _____ *Ancient Districts on the Golden Horn*, Istanbul, 1992.
- Deringil, Selim, «The Invention of Tradition as Public Image in the Late Ottoman Empire, 1808 to 1980», *Comparative Studies in Society and History*, XXXV, 1, January 1993, 1–29.
- _____ «Legitimacy Structures in the Ottoman State: the Reign of Abdulhamid II 1876–1909», *International Journal of Middle East Studies*, XXIII, 1991, 345–59.
- Deschamps, Gaston, *A Constantinople*, 1913.
- Destrilhes, M., *Confidences sur la Turquie*, 1855.
- Devereux, Robert, *The First Ottoman Constitutional Period*, Baltimore, 1963.
- _____ «Suleyman Pasha's «the Feeling of the Revolution», *Middle Eastern Studies*, XV, 1, 1979, 3–35.

- Devrim, Shirin, *A Turkish Tapestry: the Shakirs of Istanbul*, 1994.
- Diamandouros, Nikoros P. (ed.), *Hellenism and the First Greek War of Liberation 1821–1830*, Thessaloniki, 1976.
- Diamantopoulou, Hercule, *Le Reveil de la Turquie*, Alexandria, 1908.
- Dimaras, C. Th., *Histoire de la litterature neo-hellenique*, Athens, 1965.
- Djevad Bey, A., *Etat militaire ottoman depuis la fondation de l'Empire jusqu'a nos jours*, Constantinople-Paris, 1882.
- Dodds, Anna Bowman, *In the Palaces of the Sultan*, 1904.
- Dos Passos, John, *Orient Express*, New York, 1927.
- Douglas, Revd J. A., *The Redemption of Saint Sophia*, 1919.
- Doulis, Thomas, *Disaster and Fiction: Modern Greek Fiction and the Asia Minor Disaster of 1922*, Berkeley, 1977.
- Driault, Edouard, *La Politique orientale de Napoleon*, 1904.
- _____ *L'Egypte et l'Europe: la Crise de 1839–1841*, 2 vols., Cairo, 1930–31.
- _____ and Michel L'Heritier, *Histoire diplomatique de la Grece de 1821 a nos jours*, 5 vols., 1925–6.
- Duben, Alan and Cem Behar, *Istanbul Households: Marriage, Family and Fertility 1880–1940*, Cambridge, 1991.
- Dudell, Tim, *Tales from the Orient and Pera: Sketches of Constantinople*, Constantinople, n.d.
- Dufferin and Ava, Dowager Marchioness of, *My Russian and Turkish Journals*, 1917.
- Du Fresne Canaye, Philippe, *Le Voyage du Levant*, 1986 edn.
- Duhani, Said N., *Vieilles Gens, vieilles demeures*, Istanbul, 1947.
- _____ *Quand Beyoglu s'appelait Pera*, Istanbul, 1956.
- Dumesnil, Vera, *Le Bosphore tant aime*, Brussels, 1947.
- Du Mont, M., *Voyages*, 4 vols., La Haye, 1699.
- Dumont, Paul, *Mustafa Kemal*, Brussels, 1983.
- Duparc, Pierre, *Recueil des instructions donnees aux ambassadeurs et ministres de France*, 1969.
- Durand, Alfred, *Jeune Turquie, Vieille France*, 1909.
- Dutu, Alexandru and Paul Cernovodeanu (eds.), *Dimitrie Cantemir, Historian of South-East European and Oriental Civilisations*, Bucharest, 1973.
- Dwight, Henry O., *Turkish Life in War Time*, 1881.
- _____ *Constantinople and its Problems*, 1901.
- Dyer, Gwynne, «The Turkish Armistice of 1918: 2», *Middle Eastern Studies*, VIII, 3, October 1972, 313–48.

- Edib, Halide, *Memoirs*, 1926.
- _____ *The Turkish Ordeal*, 1928.
- _____ *Turkey Faces West*, New Haven, 1908.
- Edwards, Emile, *Mon Maitre cheri*, 1915.
- _____ *Journal d'un habitant de Constantinople 1914–1915*, 1915.
- Edwards, George Wharton, *Constantinople-Stamboul*, Philadelphia, 1930.
- Eldem, Edhem (ed.), *Recherches sur la ville ottomane: le cas du quartier de Galata*, Istanbul, 1991.
- _____ *La Vie politique, economique et socio-culturelle a l'epoque jeune-turque*, Istanbul, 1991.
- Eldem, Seddad Hakki, *Reminiscences of Istanbul*, Istanbul, 1979.
- _____ *Reminiscences of the Bosphorus*, Istanbul, 1979.
- [Eliot, Sir Charles], *Turkey in Europe*, 1900.
- Elliot, Sir Henry G., *Some Revolutions and other Diplomatic Experiences*, 1927.
- Elliott, J. H., *Richelieu and Olivares*, 1992 edn.
- El-Tangrouti, *Relation d'une ambassade marocaine en Turquie*, ed. Henry de Castries, 1929.
- Emin, Ahmed, *The Development of Modern Turkey as Measured by its Press*, New York, 1914.
- _____ *Turkey in the World War*, New Haven, 1930.
- Encyclopedia of Islam*, 2nd edn., Leiden, 1956.
- L'Epoque phanariote*, Thessaloniki, 1974 (conference proceedings).
- Epstein, Mark Alan, *The Ottoman Jewish Communities and their Role in the Fifteenth and Sixteenth Centuries*, Freiburg, 1980.
- Esenbel, Selcuk, «A fin de siecle Japanese Romantic in Istanbul: the Life of Yamada Torajiso and his Toruko Gakan or a Pictorial Look at Turkey», unpublished article, Istanbul, 1994.
- Essayan, Zabel, *Lesjardins de Silihdar*, 1994.
- Etmekjian, James, *The French Influence on the Western Armenian Renaissance 1843–1915*, New York, 1964.
- Exertoglou, H., «The Greek Bankers in Constantinople 1856–1881», unpublished Ph.D. thesis, London, 1985.
- Exhibition catalogues:
- _____ *Les Peintures «turques» de Jean-Baptiste Vanmour 1671–1737*, Ankara, 1975.
- _____ *L'Orient des provenc aux dans l'histoire*, Marseilles, 1982.
- _____ *Vers l'Orient*, Bibliotheque Nationale, 1983.
- _____ *At the Sublime Porte*, Hazlitt, Gooden and Fox, London, 1988.

- The Turkish Legacy*, Bodleian Library, 1988.
- Topkapien Turkomanie*, Museum voor Volkenkunde, Rotterdam, 1989.
- Dessins de Liotard*, Musee du Louvre, 1992.
- C. G. Lowenhielm, *Artist and Diplomat in Istanbul 1824–7*, Uppsala, 1993.
- Women in Anatolia: Nine Thousand Years of the Anatolian Woman*, Topkapi Saray Museum, 1993.
- Louis-Francois Cassas 1756–1827, Musee des Beaux-Arts, Tours, 1994.
- Evliya Celebi, *Narrative of Travels in Europe, Asia and Africa in the Seventeenth Century*, 2 vols., 1834–50.
- Ezgin, Fouad, *Yildiz Saray Tarihcesi*, Istanbul, 1962.
- Farmayan, Hafez and Elton L. Daniel (eds.), *A Shiite Pilgrimage to Mecca 1881–6*, 1990.
- Farooqi, Naimur Rahman, *Mughal-Ottoman Relations*, Delhi, 1989.
- Farooqi, Suraiya, *Towns and Townsmen of Ottoman Anatolia*, Cambridge, 1984.
- _____, *Pilgrims and Sultans: the Hajj under the Sultans*, 1994.
- Farrere, Claude, *L'Homme qui assassina*, 1928.
- Fazy, Edouard, *Les Turcs d'aujourd'hui*, 1898.
- Ferriman, Z. Duckett, *Turkey and the Turks*, 1911.
- Ferriol, Marquis de, *Correspondance*, Antwerp, 1870.
- [_____] (ed.), *Recueil de cent estampes representant differentes nations du Levant*, 1914.
- Fesch, Paul, *Constantinople aux dernier jours d'Abdul Hamid*, 1907.
- Findlay, Carter V., *Bureaucratic Reform in the Ottoman Empire: the Sublime Porte 1789–1922*, Princeton, 1980.
- _____, *Ottoman Civil Officialdom*, Princeton, 1992.
- Finefrock, Michael M., «From Sultan to Republic: Mustafa Kemal Ataturk and the Structure of Turkish Politics 1922–24», unpublished Ph.D. thesis, Princeton, 1976.
- Fischer, Fritz, *War of Illusions: German Policies from 1911 to 1914*, 1975.
- Fisher, C. G. and A. W. Fisher, «Topkapi Sarayi in the Mid-Seventeenth Century: Bobovi's Description», *Archivum Ottomanicum*, X, 1985, 5–81.
- Fleischer, Cornell H., *Bureaucrat and Intellectual in the Ottoman Empire: the Historian Mustafa Ali*, Princeton, 1986.
- Fletcher, Richard, *Moorish Spain*, 1992.
- Francis, Louis, *Le Neige de Galata*, 1936.
- Franck, Harry A., *The Fringe of the Moslem World*, 1928.

- Franco, M., *Essai sur l'histoire des Israelites de l'Empire Ottoman*, 1897.
- Frangos, G., «The *Philike Etairia*», unpublished Ph.D. thesis, Columbia, 1971.
- Frazer, Charles A., *Catholics and Sultans*, 1983.
- Freely, John, *Stamboul Sketches*, Istanbul, 1974.
- Freni, Vera and Carla Varnier, *Raimondo d'Aronco: l'opera completa*, Padova, 1983.
- Fuller, John, *Narrative of a Tour through some Parts of the Turkish Empire*, 1829.

Galante, Abraham (all works published in Istanbul):

- _____ *Don Joseph Nasi Due de Naxos*, 1913.
- _____ *Esther Kyra d'apres de nouveaux documents*, 1926.
- _____ *Hommes et choses juifs portugais en Orient*, 1927.
- _____ *Documents officiels turcs concernant les Juifs de Turquie*, 1931.
- _____ *Tuns et Juifs*, 1932.
- _____ *Abdul Hamid II et le Sionisme*, 1933.
- _____ *Nouveaux Documents sur Sabbetai Sevi*, 1935.
- _____ *Medecins juifs au service de Turquie*, 1935.
- _____ *Don Salomon aben Yacche, Due de Metelen*, 1936.
- _____ *Les Synagogues d'Istanbul*, 1937.
- _____ *Histoire des Juifs d'Istanbul*, 2 vols., 1941–2.
- _____ *Appendice a l'histoire des Juifs d'Istanbul*, 1941.
- _____ *Recueil de nouveaux documents concernant l'histoire des Juifs de Turquie*, 1949.
- _____ *Nouveau Recueil de nouveaux documents inedits concernant l'histoire des Juifs de Turquie*, 1952.
- _____ *Encon un Nouveau Recueil de documents concernant les Juifs de Turquie: etudes scientifiques*, 1953.
- _____ *Les Juifs d'Istanbul sous le Sultan Mehmed le Conquerant*, 1953.
- Galland, Antoine, *Journal*, 2 vols., 1881.
- Gallenga, A., *Two Years of the Eastern Question*, 2 vols., 1877.
- Garnett, Lucy M. J., *The Dervishes of Turkey*, 1990 edn.
- _____ *The Women of Turkey and their Folklore*, 2 vols., 1890.
- Gautier, Theophile, *Constantinople*, Istanbul, 1990 edn.
- Gawrych, George W., «Tolerant Dimensions of Cultural Pluralism: the Ottoman Empire and the Albanian Community 1800–1912», *International Journal of Middle East Studies*, XV, 1983, 519–36.

- Gerasimos, Augustinos, *Consciousness and History: Nationalist Critics of Greek Society*, New York, 1977.
- Germaner, Semra and Zaynep Inankur, *Orientalism and Turkey*, Istanbul, 1989.
- Gibb, E.J. W., *A History of Ottoman Poetry*, 6 vols., 1900–9.
- Gilbert, Martin, *Sir Horace Rumbold*, 1973.
- _____ *Churchill: a Life*, 1991.
- Gilles, Pierre, *The Antiquities of Constantinople*, New York, 1988.
- Gilmour, David, *Curzon*, 1994.
- Gocek, Fatma Muge, *East Encounters West: France and the Ottoman Empire in the Eighteenth Century*, New York, 1987. Goffman, Daniel, *Izmir and the Levantine World 1559–1650*, 1990. Gonul, Sevgi, *The Sadherk Hanim Museum*, Istanbul, 1988.
- Goodblatt, Morris, S., *Jewish Life in Turkey in the Sixteenth Century*, New York, 1952.
- Goodrich-Freer, A., *Things Seen in Constantinople*, 1926.
- Goodwin, Godfrey, *A History of Ottoman Architecture*, 1992 edn.
- _____ *Sinan and City Planning Rome*, 1989.
- _____ *The Janissaries*, 1994.
- Gordon, Mrs Will, *A Woman in the Balkans*, 1916.
- Graves, Philip, *Briton and Turk*, 1941.
- Greenwood, Anthony, «Istanbul's Meat Provisioning: a Study of the Celepjan System», unpublished Ph.D. thesis, Chicago, 1981.
- Grelot, M., *Relation nouvelle d'un voyage de Constantinople*, 1681.
- Grenville, Henry, *Observations sur l'etat actuel de l'Empire Ottoman* (1766), Ann Arbor, 1965.
- Grenville, J. A. S., *Lord Salisbury and Foreign Policy: the Close of the Nineteenth Century*, 1970.
- Groc, Gerard and I. Caglar, *La Presse francaise de Turquie de 1795 a nos jours*, Istanbul, 1985.
- Guilleragues, Comte de, *Correspondance*, 2 vols., Geneva, 1976.
- Gulbenkian, Nubar, *Pantaxaxia*, 1965.
- Gulersoy, Celik (all works published in Istanbul):
- _____ *Hidiver ve Cubuklu Kasri*, 1985.
- _____ *Dolmabahce Palace and its Environs*, 1990.
- _____ *The Story of the Grand Bazaar*, 1990.
- _____ *Taksim: the Story of a Square*, 1991.
- _____ *The Caique*, 1991.
- _____ *The Ceragan Palaces*, 1992.

- Gurkan, Dr K. I. *et al*, *Lectures Delivered on the 511th Anniversary of the Conquest of Istanbul*, Istanbul, 1964.
- Gursan-Salzman, Ayse, *Anyos Muxhos y Buenos: Turkey's Sephardim 1492–1992*, Philadelphia, 1992.
- Gursu, Nevber, *The Art of Turkish Weaving*, Istanbul, 1988.
- Guys, M., *Voyage litteraire de la Grece*, 3rd edn., 2 vols., 1783.
- Habesci, Elias, *The Present State of the Ottoman Empire*, 1784.
- Haidar, Musbah, *Arabesque*, 1944.
- Halid, Halil, *Diary of a Turk*, 1903.
- Halman, Talat S., *Suleyman the Magnificent, Poet*, Istanbul, 1989.
- Halpern, Paul G., *The Mediterranean Naval Situation 1908–1914*, Cambridge, Mass., 1971.
- _____ *The Naval War in the Mediterranean 1914–1918*, 1987.
- _____ (ed.), *The Royal Navy in the Mediterranean 1915–1918*, 1987.
- Hamlin, Cyrus, *Among the Turks*, 1878.
- _____ *My Life and Times*, 1897.
- Hammer, J. de, *Histoire de l'Empire Ottoman*, 16 vols., 1835–40.
- *Erinnerungen*, Vienna, 1940.
- Hanioglu, M. Sukru, *Kendi Mektuplarinda Enver Pasha*, 1989.
- Harington, General Sir Charles, *Tim Harington Looks Back*, 1940.
- Harris, George S., *The Origins of Communism in Turkey*, Stanford, 1967.
- Hasluck, F. W., *Christianity and Islam under the Sultans*, 2 vols., 1925.
- Hassiotis, J. K., «The Greeks and the Armenian Massacres», *Neo-hellenika*, IV, 1981, 69–101.
- Hauterive, Comte d', *Memoire sur l'etat ancien et actuel de la Moldavie... en 1787*, Bucharest, 1902.
- Heller, Joseph, *British Policy towards the Ottoman Empire 1908–1914*, 1983.
- Hellier, Chris and Franco Venturi, *Splendours of the Bosphorus: Houses and Palaces of Istanbul*, 1993.
- Henderson, Nevile, *Water under the Bridges*, 1945.
- Herbert, Aubrey, *Ben Kendim*, 1918.
- Herlihy, Patricia, *Odessa: a History 1794–1914*, 1986.
- Herzl, Theodore, *Diaries*, 1958.
- Hobhouse, John Cam, *A Journey through Albania and other Provinces of Turkey during the years 1809 and 1810*, 1813.
- Hope, Thomas, *Anastasius or Memoirs of a Greek*, 2 vols., 1836 edn.
- Hornby, Edmund, *An Autobiography*, 1929.

- Hornby, Lady, *Constantinople during the Crimean War*, 1863.
- Humurzaki, Baron Eudoxiu de (ed.), *Documente privitoare la Istoria romanilor*, vol. XVI, Bucarest, 1912.
- Hunter, William, *Travels through France, Turkey and Hungary to Vienna in 1792*, 3rd edn., 2 vols., 1803.
- Huscher, Herbert, «Alexander Mavrocordato, friend of the Shelleys», *Bulletin of the Keats-Shelley Memorial Association*, XVI, 1965, 29–37.
- Ignatyev, Count, «Memoirs», *Slavonic Review*, X, June 1931, 386–407, 627–640; 1932, 341–53, 556–71.
- Ihsanoglu, Ekmeleddin, *Istanbul a glimpse into the Past*, Istanbul, 1987.
- Imber, Colin, *The Ottoman Empire 1300–1481*, Istanbul, 1990.
- Inalcik, Halil, *The Ottoman Empire: the Classical Age 1500–1600*, 1973.
 _____ *The Ottoman Empire: Conquest, Organisation and Economy*, 1978.
 _____ *Studies in Ottoman Social and Economic History*, 1985.
 _____ *The Middle East and the Balkans under the Ottoman Empire*,
 Bloomington, 1993.
 _____ and Cemal Kafadar, *Suleyman the Second and His Time*, Istanbul, 1993.
 _____ and Donald Quataert, *An Economic and Social History of the Ottoman Empire*, 1994.
- Iorga, Nicolas, *Byzance apres Byzance*, 1992 edn.
 _____ *Histoire des Roumains et de la Romanite orientale*, 9 vols.,
 Bucharest, 1937–44.
- Ipsirli, Mehmet, «Mustafa Selaniki's History of the Ottomans», unpublished Ph.D. thesis, Edinburgh, 1976.
- Ismail, F., «The Diplomatic Relations of the Ottoman Empire and the Great European Powers from 1800 to 1821», unpublished D.Phil. thesis, London, 1975.
- Issawi, Charles, *An Economic History of Turkey 1800–1914*, Chicago, 1980.
- Istanbul a la jonction des cultures balkaniques, mediterraneennes, slaves et orientales aux XVI–XIXe siecles*, Bucarest, 1977.
- Istanbul Ansiklopedisi*, 10 vols., Istanbul, 1993–5.
- Istanbul: Selections*, Istanbul, 1993– (magazine).
- Itzkowitz, Norman and Max Mote, *Muhadele: an Ottoman-Russian Exchange of Ambassadors*, Chicago, 1970.
 _____ and Vamik D. Volkan, *The Immortal Ataturk: a Psychobiography*, Chicago, 1984.

- Jaeckh, Ernst, *The Rising Crescent*, New York, 1944.
- Jamgocyan, Onnik, «Les Finances de l'Empire Ottoman et les financiers de Constantinople», these d'état, Université de Paris, I, 1988.
- _____ «L'Approvisionnement de Constantinople, la Révolution française et le déclin du négoce français», *Arab Historical Review for Ottoman Studies*, VII, October 1993, 127–42.
- Jelavich, Barbara, *The Ottoman Empire, the Great Powers and the Straits Question 1870–1887*, Bloomington, 1973.
- _____ *History of the Balkans: Eighteenth and Nineteenth Centuries*, 1983.
- Jevakhoff, Alexandre, *Kemal Atatürk les chemins de l'Occident*, 1989.
- Johnson, Clarence R., *Constantinople Today: the Pathfinder Survey*, New York, 1922.
- Johnstone, Pauline, *Turkish Embroidery*, 1985.
- Jones, J. R. Melville, *The Siege of Constantinople 1453: Seven Contemporary Accounts*, Amsterdam, 1972.
- Juhacz, Esther (ed.), *Sephardi Jews in the Ottoman Empire*, Jerusalem, 1989.
- Kadri, Yakup, *Sodome et Gomorrhe*, 1928.
- Kafadar, Cemal, *Teniceri-Esnaf Relations: «Solidarity and Conflict»*, unpublished Ph.D. thesis, McGill University, 1981.
- _____ «Self and Others: the Diary of a Dervish in Seventeenth-century Istanbul and First Person Narrative in Ottoman Literature», *Studia Islamica*, LXIX, 1989, 121–50.
- Kalderon, Albert E., *Abraham Galante*, New York, 1983.
- Kaldy-Nagy, G., «The Holy War in the First Centuries of the Ottoman Empire», *Harvard Ukrainian Studies*, IV, 1980.
- Kampman, A. A., *The Swedish Palace in Constantinople*, 1971.
- Kannengiesser Pasha, Hans, *The Campaign in Gallipoli*, 1927.
- Karahan, Abdulkadir, *Les Poètes classiques à l'époque de Soliman le Magnifique*, Ankara, 1991.
- Karmi, Ilhan, *Jewish Sites of Istanbul: a Guide Book*, Istanbul, 1992.
- Karpat, Kemal H., *The Ottoman State and its Place in World History*, Leiden, 1974.
- _____ *Ottoman Population*, Wisconsin, 1985.
- Kastoryano, Lidya, *Quand l'Innocence avait un sens*, Istanbul, 1993.
- Katib Celebi, *The Balance of Truth*, ed. G. L. Lewis, 1957.
- Kayra, Cahit, *Maps of Istanbul*, Istanbul, 1990.
- Kazamias, Andrew, *Education and the Quest for Modernity in Turkey*, 1966.

- Kazgan, Haydar, *Galata Bankerleri*, Istanbul, 1991.
- Keddie, Nikki R., *Sayyid Jamal ad-din 'al-Afghani*, Los Angeles, 1972.
- _____ and Lois Beck (eds.), *Women in the Muslim World*, 1978.
- Kelly, Laurence, *Istanbul: a Traveller's Companion*, 1987.
- Kemal Bey, Ismail, *Memoirs*, 1920.
- Kent, Marian (ed.), *The Great Powers and the End of the Ottoman Empire*, 1984.
- Keun, Odette, *Mesdemoiselles Daisne de Constantinople*, c. 1920.
- Kevorkian, Raymond H. and Paul B. Paboudjian, *Les Armeniens dans l'Empire Ottoman a la veille du genocide*, 1992.
- Khitrovo, Mme B. de, *Itinéraires russes en Orient*, Geneva, 1889.
- Kinross, Lord, *Ataturk: the Rebirth of a Nation*, Nicosia, 1981 edn.
- Kitromilides, Paschalis M., *The Enlightenment as Social Criticism: Miosipis Moisioudax and Greek Culture in the Eighteenth Century*, Princeton, 1992.
- Kitsikis, Dimitris, *L'Empire Ottoman*, 1985.
- Knatchbull-Hugesson, Sir Hugh, *Diplomat in Peace and War*, 1949.
- Knight, E. F., *The Awakening of Turkey*, 1909.
- Knos, Borje, *L'Histoire de la littérature neo-grecque*, Uppsala, 1962.
- Knudsen, Erik Lance, *Great Britain, Constantinople and the Turkish Peace Treaty*, New York, 1987.
- Koprulu, M. Fuad, *The Origins of the Ottoman Empire*, ed. Gary Leiser, Albany, 1992.
- Kortepeter, Carl Max, *The Ottoman Turks: from Nomad Kingdom to World Empire*, Istanbul, 1991.
- Kritovoulos, *History of Mehmed the Conqueror*, Princeton, 1954.
- Kuneralp, Sinan (ed.), *Studies in Ottoman Diplomatic History*, 5 vols., Istanbul, 1987-90.
- Kunt, Metin, «The Koprulu Years 1656-1661», unpublished Ph.D. thesis, Princeton, 1971.
- Kuran, Aptullah, *Sinan the Grand Old Man of Ottoman Architecture*, Istanbul, 1987.
- Kurat, Akdes Nimet (ed.), *The Despatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople 1710-1714*, 1953.
- Kushner, David, *The Rise of Turkish Nationalism*, 1977.
- Kutschera, Chris, *Le Mouvement National Kurde*, 1979.
- Labourdette, J. F., *Vergennes*, 1990.
- La Motraye, A. de, *Voyages... en Europe, Asie et Afrique*, 2 vols., La Haye, 1727.

- Landau, Jacob M., *Ataturk and the Modernisation of Turkey*, Boulder and Leiden, 1984.
- _____ *Tekinalp: Turkish Patriot 1885–1961*, Istanbul, 1984.
- Lane-Poole, Stanley (ed.), *The People of Turkey: Twenty Years Residence among Bulgarians, Greeks, Albanians, Turks and Armenians by a Consul's Daughter and his Wife*, 2 vols., 1878.
- _____ *The Life of Sir Stratford Canning Viscount Stratford de Redcliffe*, 2 vols., 1888.
- Lang, David Marshall, *The Armenians: a People in Exile*, 1988 edn.
- Lauzanne, Stephane, *Au chevet de la Turquie*, 1913.
- Layard, Sir Austen, *Autobiography and Letters*, 2 vols., 1903.
- Lechevalier, J. B., *Voyage de la Propontide et du Pont Euxin*, 2 vols., 1800.
- Lees, Andrew, *Cities Perceived: Urban Society in European and American Thought 1820–1940*, Manchester, 1985.
- Lefort, Jacques, *Documents grecs dans les archives de Topkapi Sarayi: contribution a l'histoire de Cem Sultan*, Ankara, 1981.
- Legrand, Emile, *Recueil depoeemes historiques engrec vulgaire*, 1877.
- Leila Hanoum, *Le Harem imperial et les sultanes au XIXe siecle*, Brussels, 1991.
- Lesure, Michel, *Lepante: la crise de l'Empire Ottoman*, 1972.
- Levy, Avigdor, «The Military Policy of Sultan Mahmud II 1808–1839», unpublished Ph.D. thesis, Harvard, 1968.
- _____ «The Ottoman *Ulama* and the Military Reforms of Sultan Mahmud II», *Asian and African Studies*, VII, 1971, 13–39.
- _____ «The Officer Corps in Sultan Mahmud II's New Ottoman Army 1826–1839», *International Journal of Middle East Studies*, II, 1971, 21–39.
- _____ *The Sephardim in the Ottoman Empire*, Princeton, 1992.
- Lewis, Bernard, *The Emergence of Modern Turkey*, 1960.
- _____ *Istanbul and the Civilisation of the Ottoman Empire*, Norman, Oklahoma, 1963.
- _____ *Islam in History*, 1973.
- _____ *The Muslim Discovery of Europe*, 1982.
- _____ *The Jews of Islam*, 1984.
- _____ *The Political Language of Islam*, Chicago, 1988.
- _____ *Race and Slavery in the Middle East, a Historical Enquiry*, New York, 1990.
- Liddell, Robert, *Byzantium and Istanbul*, 1956.
- Lieven, D. C. B., *Russia and the Origns of the First World War*, 1983.

- Lifchez, Raymond F. (ed.), *The Dervish Lodge: Architecture, Art and Sufism in Ottoman Turkey*, Berkeley, 1992.
- Ligne, Marechal Prince de, *Memoires*, 5 vols., 1828.
- Liskar, Elizabeth (ed.), *Europa und die Kunst der Islam*, Wien, 1985.
- Loti, Pierre, *Aziyade: Stamboul 1876–1877*, 1892 edn.
 _____ et Samuel Viaud, *Suprimes Visions d'Orient*, 1921.
- Lowry, Heath W., *The Story behind Ambassador Morgenthau's Story*, Istanbul, 1990.
- Lybyer, Albert H., *The Government of the Ottoman Empire in the Time of Suleiman the Magnificent*, Cambridge, Mass., 1913.
- Macarius, Patriarch of Antioch, *Travels*, 1936.
- MacDermott, Mercia, *A History of Bulgaria 1393–1885*, 1962.
- MacFarlane, Charles, *Constantinople in 1828*, 2 vols., 2nd edn. 1829.
 _____ *Turkey and its Destiny*, 2 vols., 1850.
- Macfie, A. L., *The Straits Question 1909–1934*, Thessaloniki, 1993.
- Mackenzie, Molly, *Turkish Athens*, Reading, 1992.
- Magoulias, Harry J. (ed.), *The Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks*, Detroit, 1975.
- Mamboury, Ernest, *The Tourist's Istanbul*, Istanbul, 1953.
- Mamoni, Kyriaki, «Les Associations pour la propagation de l'instruction grecque a Constantinople (1861–1922)», *Balkan Studies*, 1975, XVI, i, 103–12.
- Mango, Cyril, *Studies on Constantinople*, Aldershot, 1993.
- Mann, Stuart E., *Albanian Literature*, 1955.
- Mansel, Philip, *Sultans in Splendour, the Last Years of the Ottoman World*, 1988.
- Mantran, Robert (ed.), *Histoire de l'Empire Ottoman*, 1989.
 _____ *Istanbul dans la seconde moitié du XVIIe siecle*, 1962.
 _____ *La Vie quotidienne a Istanbul au siecle de Soliman le Magnifique*, 1990 edn.
- Mardin, Serif, «Super Westernisation in Urban Life in the Last Quarter of the Nineteenth Century», in Peter Benedict *et al.* (eds.), *Turkey: Geographical and Social Perspectives*, Leiden, 1974, 403–45.
 _____ *The Genesis of Young Ottoman Thought*, Princeton, 1962.
 _____ *Religion and Social Change in Modern Turkey: the Case of Bediuzzaman Said Nursi*, Albany, New York, 1989.
- Marinescu, Florin, *Etude genealogique sur la famille Morouzi*, Athens, 1987.

- _____ with Georgeta Penelea-Filitti and Anna Tabaki (eds.), *Documents greco-roumains: le Fonds Morouzi d'Athènes*, Athens — Bucharest, 1991.
- Marsigli, Comte de, *L'Etat militaire de l'Empire Ottoman, ses progres et sa decadence*, La Haye-Amsterdam, 1732.
- Masson, Paul, *Histoire du commerce francais dans le Levant au XVIIe siecle*, 1896.
- _____ *Histoire du commerce francais dans le Levant au XVIIIe siecle*, 1911.
- Mavrocordatos, G. A., *De la Reforme et de la finance des Romains en Orient*, Athens, 1856.
- Mavroyennis, Alexandre, *Contribution a l'histoire du Proche-Orient*, 2 vols., Istanbul, 1950.
- Mavroyennis Pacha, *Chiens errants de Constantinople, et chiens et chats de bonne maison*, 1900.
- McCarthy, J. W. and Constantin Caratheodory, *Relation officielle de la maladie et de la mort du Sultan Mahmoud II*, 1841.
- McCullagh, Francis, *The Fall of Abdul Hamid*, 1909.
- Mears, Eliot Granville, *Modern Turkey*, 1924.
- Medlin, William K., *Moscow and East Rome*, Geneva, 1952.
- Meienberger, Peter, *Johann Rudolf Schmid zum Schwarzerhorn als Kaiserlicher Resident in Konstantinopel in den jahren 1629–1643*, Bern, 1973.
- Melas, Achilles and Kostas Stamatopulos, *Constantinopolis*, Athens, 1990 (in Greek).
- Melek Hanoum, *Thirty Years in the Harem*, 1872.
- [Melling, Antoine-Ignace], *Voyage pittoresque de Constantinople et des rives du Bosphore*, 1819.
- Menemencioglu, Nermin, *The Penguin Book of Turkish Verse*, 1978.
- Meredith-Owens, G. M., *Turkish Miniatures*, 1969.
- Merriman, R. B., *Suleyman the Magnificent*, Harvard, 1944.
- Meryon, Dr, *Travels of Lady Hester Stanhope*, 3 vols., 1846.
- Mihailovic, Konstantin, *Memoirs of a Janissary*, Ann Arbor, 1975.
- Miller, A. F., *Mustafa Pacha Bairaktar*, Bucharest, 1975.
- Miller, Barnette, *Beyond the Sublime Porte*, New Haven, 1931.
- _____ *The Palace School of Mohammed the Conqueror*, Cambridge, Mass., 1941.
- Miller, William, *Travel and Politics in the Near East*, 1897.
- Millman, Richard, *Britain and the Eastern Question 1875–1878*, Oxford, 1979.
- Minault, Gai, *The Khilaf at Movement*, New York, 1982.

- Mismer, Charles, *Souvenirs du monde mussulman*, 1892.
- Mider, Louis, *Ottoman Turkish Writers*, Washington, 1988.
- Moltke, Marechal de, *Lettres... sur l'Orient*, 1877 edn.
- Monconys, M., *Journal des Voyages*, 4 vols., Lyons, 1666.
- Moorehead, Alan, *Gallipoli*, 1956.
- Morand, Paul, *Ouvert la nuit*, 1987 edn.
- Morier, James, *A Journey through Persia, Armenia, Asia Minor, to Constantinople, in the Years 1808 and 1809*, 1812.
- Moseley, Philip E., *Russian Diplomacy and the Opening of the Eastern Question 1838–1839*, Harvard, 1934.
- Mouradgea d'Ohsson, Ignatius, *Tableau general de l'Empire Ottoman*, 3 vols., 1787–1820.
- Mouy, Charles de, *Lettres du Bosphore*, 1879.
- Muftyzade, K. Zia Bey, *Speaking of the Turks*, New York, 1922.
- Muller, Mrs Max, *Letters from Constantinople*, 1897.
- Myles, Henri, *La Fin de Stamboul*, 2nd edn., 1921.
- Nadir, Aysegul (ed.), *Imperial Ottoman Fermans*, 1986.
- Naff, Thomas and Roger Owen, *Studies in Eighteenth-century Islamic History*, Carbonsville, 1977.
- Naima, Mustafa, *Annals of the Turkish Empire*, I, 1842.
- Nalbandian, Louise, *The Armenian Revolutionary Movement*, Berkeley, 1963.
- Nami Bey, Ali, *Verite, justice, bonte*, Istanbul, 1918.
- National Palaces*, Istanbul, 1987, 1992.
- Navarian, A., *Les Sultans poetes (1411–1809)*, 1936.
- Necipoglu, Gulru, *Architecture, Ceremonial and Power, the Topkapi Palace in the Fifteenth and Sixteenth Centuries*, Cambridge, Mass., 1991.
- Nesin, Aziz, *Istanbul Boy*, 3 vols., Austin, Texas, 1977–90.
- Neuville, Pierre de, Gilbert Beaupre et al., *Images d'Empire*, Istanbul, 1994.
- Nicholas of Greece, Prince, *My Fifty Years*, 1929.
- Nicol, Donald M., *The Immortal Emperor the Life and Legend of Constantine Palaiologos, Last Emperor of the Romans*, Cambridge, 1992.
- _____, *The Last Centuries of Byzantium 1261–1453*, 1993 edn.
- Nicolaides, Jean, *Folklore de Constantinople*, 2 vols., 1894.
- _____, *Contes licencieux de Constantinople et de l'Asie Mineure*, 1906.
- Nicolay, Nicolas de, *Dans l'Empire de Soliman le Magnifique*, 1989.

- Nicolson, Harold, *Sweet Waters*, 1928 edn.
- Nicolson, Nigel, *Alex*, 1973.
- Nigar, Salih Keramet, *Halife Ikinci Abdülmecid*, 1964.
- Nisbet, Mary of Dirleton, Countess of Elgin, *Letters*, 1926.
- Noe, Michel, *Pages d'Orient*, 1895.
- North, Hon. Roger, *Lives of the Norths*, 3 vols., 1826.
- Nubar Pacha, *Memoires*, ed. Mirrit Boutros-Ghali, Beirut, 1983.
- Obolensky, Dimitri, *The Byzantine Commonwealth*, 1974 edn.
- Ochsenwald, William, *Religion, Society and the State in Arabia*, Ohio, 1984.
- Okday, Sefik, *Der letzte Grossvezir und seine Preussische Sohne*, Gottingen-Zurich, 1991.
- Okte, Ertughrul Zekai (ed.), *Ottoman Archives. Yildiz Collection. The Armenian Question*, 3 vols., Istanbul, 1989.
- Olson, Robert W., *The Siege of Mosul and Ottoman-Persian Relations 1718–1743*, Bloomington, 1975.
- _____, *The Emergence of Kurdish Nationalism and the Sheikh Said Rebellion, 1880–1921*, Austin, 1989.
- Orbey, Raouf d', *Les Amours dangereuses*, Constantinople, 1874.
- Orga, Irfan, *Portrait of a Turkish Family*, 1988 edn.
- Osborne, Hon. and Revd Sydney Godolphin, *Scutari and its Hospitals*, 1855.
- Osmanoglu, Ayse, *Avec Mon Pere le Sultan Abdulhamid de son palais a son prison*, 1991.
- Osde, Robin (ed.), *Modern Literature in the Near and Middle East 1850–1970*, 1991.
- Owen, Roger, *The Middle East in the World Economy 1800–1914*, 1981.
- Ozdamar, Ali, *Beyoglu in the Thirties through the Lens of Selahattin Giz* Istanbul, 1992.
- Oztuna, Yilmaz, *Devletlerve Hanedanlar, II, Turkiye (1074–1990)*, Ankara, 1990.
- Palerne, Jean, *Peregrinations*, Lyons, 1606.
- Paliouras, A. (ed.), *The Oecumenical Patriarchate*, Athens, 1989.
- Palmer, Alan, *The Decline and Fall of the Ottoman Empire*, 1993 edn.
- Pannayotopoulos, A. J., «The Great Idea and the Vision of Eastern Federation», *Balkan Studies*, XXI, 2, 1980, 331–65.
- Panzac, Daniel, *La Peste dans l'Empire Ottoman 1700–1850*, Leuven, 1985.

- _____ «International and Domestic Maritime Trade in the Ottoman Empire during the Eighteenth Century», *International Journal of Middle Eastern Studies*, May 1992, 189–206.
- _____ *Les Villes dans l'Empire Ottoman: activite et societe*, 1991.
- Papadakis, A., «Gennadius II and Mehmed the Conqueror», *Byzantion*, XLII, 1972, 88–106.
- Papadopoulos, S. A. (ed.), *The Greek Merchant Marine*, Athens, 1972.
- Papadopoulos, Theodore H., *Studies and Documents relating to the History of the Greek Church and People under Turkish Domination*, Brussels, 1952.
- Pardoe, Julia, *The City of the Sultans and Domestic Manners of the Turks in 1836*, 2 vols., 1837.
- Park, George T., «The Life and Writings of M. Fuad Koprulu», unpublished Ph.D. thesis, Johns Hopkins University, 1975.
- Pears, Sir Edwin, *Forty Years in Constantinople*, 1917.
- Pedani, Maria Pia, *In nome del Gran Signore: inviati ottomani a Venezia dalla caduta di Constantinopoli alla guerra di Candia*, Venice, 1994.
- Peirce, Leslie, «The Imperial Harem: Gender and Power in the Ottoman Empire 1520–1657», unpublished Ph.D. thesis, Princeton, 1988.
- _____ *The Imperial Harem: Women and Sovereignty in the Ottoman Empire*, Oxford, 1993.
- Penzer, N. M., *The Harem*, 1966 edn.
- Pernot, Maurice, *La Question turque*, 1923.
- Pertusier, J. C., *Promenades pittoresques dans Constantinople et sur le Bosphore*, 3 vols., 1815.
- _____ *La Valachie, la Moldavie et de l'influence politique des Grecs du Fanal*, 1822.
- Petrovich, Michael Boro, *The Emergence of Russian Pan Slavism 1856–1870*, New York, 1956.
- Philippides, Andre, *Hommes et idees du Sud-Est Europeen a l'aube de Page moderne*, 1980.
- Pickthall, Marmaduke, *With the Turk in Wartime*, 1914.
- Pingaud, Leonce, *Choiseul-Gouffier: la France en Orient sous Louis XVI*, 1887.
- Piton de Tournefort, M., *A Voyage into the Levant: Perform'd by Command of the Late French King*, 2 vols., 1718.
- Pococke, Richard, *A Description of the East and some other Countries*, 2 vols., 1745.

- Ponafidine, Pierre, *Life in the Muslim East*, 1911.
- [Porter, David] *Constantinople and its environs in a series of letters*, 2 vols., New York, 1835.
- Porter, Sir James, *Turkey, its History and People*, 2 vols., 1854.
- Porter, Roy, *London: a Social History*, 1994.
- Poynter, Mary A., *When Turkey was Turkey*, 1921.
- Puaux, Rene, *De Sofia a Tchataldja*, 1913.
- Quataert, Donald, *Social Disintegration and Popular Resistance in the Ottoman Empire 1881–1908*, New York, 1983.
- _____, *Ottoman Manufacturing in the Age of the Industrial Revolution*, Cambridge, 1993.
- Quella-Villeger, Alain, *Istanbul: le regard de Pierre Loti*, 1992.
- Raby, Julian, «El Gran Turco: Mehmed the Conqueror as a Patron of the Arts of Christendom», unpublished D.Phil. thesis, Oxford, 1980.
- Ragsdale, Hugh (ed.), *Imperial Russian Foreign Policy*, 1993.
- Rambert, Louis, *Notes et impressions de Turquie*, 1926.
- Ramsaur, jun., Ernest Edmondson, *The Young Turks: Prelude to the Revolution of 1908*, Princeton, 1957.
- Ramsay, Allan and Francis McCullagh, *Tales from Turkey*, 1914.
- Ramsay, Sir W. M., *The Revolution in Constantinople and Turkey*, 1909.
- Rankin, Lt-Col. Reginald, *The Inner History of the Balkan War*, 1914.
- Raymond, Andre, *Le Caire*, 1993.
- Reed, Howard, «The Destruction of the Janissaries by Mahmud II in June 1826», unpublished Ph.D. thesis, Princeton, 1951.
- Reed, John, *War in Eastern Europe*, 1994 edn.
- Repp, R. C., *The Mufti of Istanbul: a Study in the Development of the Ottoman Learned Hierarchy*, 1986.
- _____, *Revue d'Histoire Diplomatique*, 1991, issue on consuls and dragomans.
- Rich, Norman, *Why the Crimean War? A Cautionary Tale*, 1985.
- Richards, G. R. B., *Florentine Merchants in the Age of the Medici*, Harvard, 1932.
- Riondel, H., *Le Bienheureux Gomidas de Constantinople, pretre armenien et martyr*, 1929.
- Roche, Max, *Education, assistance et culture francaises dans l'Empire Ottoman*, Istanbul, 1989.
- Roding, Michiel and Hans Theunissen (eds.), *The Tulip, a Symbol of Two Nations*, Utrecht-Istanbul, 1993.

- Rodrigue, Aron (ed.), *Ottoman and Turkish Jewry: Community and Leadership*, Bloomington, 1992.
- Roe, Sir Thomas, *Negotiations in his Embassy to the Ottoman Porte from theyear 1621 to 1628*, 1749.
- Rogers, J. M. (ed.), *The Topkapi Saray Museum: Costumes, Embroideries and Other Textiles*, 1986.
- _____ *The Topkapi Saray Museum: the Treasury*, 1987.
- _____ *The Topkapi Saray Museum. Architecture: the Harem and Other Buildings*, 1988.
- _____ and R. M. Ward, *Suleyman the Magnificent*, 1988.
- Roider, jun., Karl A., *Austria's Eastern Question*, Princeton, 1982.
- Rolamb, Nils, «A Relation of a Journey to Constantinople», in A. C. Churchill (ed.), *A Collection of Voyages and Travels*, 5 vols., 1732, V, 669–716.
- Rose, Norman, *Churchill: an Unruly Life*, 1995 edn.
- Rosenthal, Steven T., *The Politics of Dependency: Urban Reform in Istanbul*, Westport, 1980.
- Rossos, Andrew, *Russia and the Balkans: Inter-Balkan Rivalries and Russian Foreign Policy*, Toronto, 1981.
- Roth, Cecil, *The House of Nasi: the Duke of Naxos*, Philadelphia, 5708/1948.
- _____ *Dona Gratia Nasi*, Paris, 1990.
- Rottiers, Colonel, *Itineraire de Tiflis a Constantinople*, Brussels, 1829.
- Runciman, Steven, *The Great Church in Captivity*, 1968.
- _____ *The Fall of Constantinople 1453*, 1988 edn.
- Russell, W. H., *The British Expedition to the Crimea*, rev. edn. 1858.
- _____ *A Diary in the East during the Tour of the Prince and Princess of Wales*, 1869.
- Ryan, Sir Andrew, *The Last of the Dragomans*, 1951.
- Rycaut, Paul, *The Present State of the Ottoman Empire*, 1675.
- _____ *The History of the Turks beginning with theyear 1679*, 3 vols., 1687.
- Saab, Hassan, *The Arab Federalists of the Ottoman Empire*, Amsterdam, 1958.
- Sa'd-ud-din, Khoja, *The Capture of Constantinople*, tr. E.J. W. Gibb, Glasgow, 1879.
- Safadi, Yasin Hamadi, *Islamic Calligraphy*, 1987 edn.
- Saint Clair, William, *Lord Elgin and the Marbles*, 1983 edn.
- Saint-Priest, Comte de, *Memoires sur l'ambassade de France en Turquie etsurle commerce des Francais dans le Levant*, 1877.

- Sanderson, John, *Travels in the Levant 1584–1602*, 1931.
- Sarkisian, A. O., *History of the Armenian Question to 1885*, Urbana, 1938.
- Scalieri, Cleanthe, *Appel a la justice des Grandes Puissances*, Athens, 1881.
- Schefer, Charles (ed.), *Le Voyage de Monsieur Chesneau d'Aramon, ambassadeur pour le Roy au Levant*, 1887.
- Schimmel, Annemarie, *Calligraphy and Islamic Culture*, New York, 1984.
- Schmidt, Jan, *Through the Legation Window 1877–1926*, Istanbul, 1992.
- _____ «Sunbulzade Vehbi's Sevk-Engiz, an Ottoman Pornographic Poem», *Turcica*, XXV, 1993, 9–37.
- Scholem, Gershom, *Sabbatai Sevi: the Mystical Messiah*, 1971.
- Schreiner, George A., *From Berlin to Baghdad*, New York, 1918.
- Schwoebel, Robert, *The Shadow of the Crescent: the Renaissance Image of the Turk (1453–1517)*, Nieuwkoop, 1967.
- Senior, Nassau W., *A Journal kept in Turkey and Greece*, 1859.
- Sepiha, Haim Vidal, *L'Agonie des Judeo-Espagnols*, 2nd edn., 1979.
- Sestini, Domenico, *Lettres... pendant le cours de ses voyages en Italie, en Sicilie et en Turquie*, 1789.
- Seton-Watson, R. W., *A History of the Roumanians*, 1934.
- _____ *Britain in Europe 1789–1914*, Cambridge, 1937.
- Setton, Kenneth M., *Venice, Austria and the Turks in the Seventeenth Century*, Philadelphia, 1991.
- Shaw, Stanford, J., *Between Old and New: the Ottoman Empire under Sultan Selim III 1789–1807*, Harvard, 1971.
- _____ *A History of the Ottoman Empire and Modern Turkey*, 2 vols., 1976–8.
- _____ *The Jews of the Ottoman Empire and the Turkish Republic*, 1991.
- Shay, Mary Lucille, *The Ottoman Empire from 1720 to 1744 as revealed in Despatches of Venetian Baili*, Urbana, 1944.
- Sherrard, Philip, *Constantinople: Iconography of a Sacred City*, 1965.
- Shmuelevitz, Aryeh, *The Jews of the Ottoman Empire in the late Fifteenth and the Sixteenth Centuries*, Leiden, 1984.
- Shukla, Ram Lakhan, *Britain, India and the Turkish Empire 1853–1882*, New Delhi, 1973.
- Shurrock, William I., *French Imperialism in the Middle East*, Madison, 1976.
- Simsir, Bilal N., *Dis Basinda Ataturk ve Turk Devrimi*, cilt I, Ankara, 1981.
- Sitwell, Sacheverell, *Far from my Home: Stories Long and Short*, 1931.
- Skendi, Stavro, *The Albanian National Awakening 1878–1912*, Princeton, 1967.

- Skilliter, Susan, *Life in Istanbul 1588: Scenes from a Traveller's Picture Book*, Oxford, 1977.
- _____, *William Harborne and the Trade with Turkey 1578–1582*, Oxford, 1977.
- Slade, Adolphus, *Turkey, Greece and Malta*, 2 vols., 1837.
- _____, *Turkey and the Crimean War*, 1867.
- Smith, Albert, *A Month at Constantinople*, 1850.
- Snouck Hurgronje, C., *Mekka in the latter part of the Nineteenth Century*, Leiden – London, 1931.
- Sonyel, Salahi R., *Minorities and the Destruction of the Ottoman Empire*, Ankara, 1993.
- Soutzo, Prince Nicolas, *Memoires*, Vienna, 1896.
- Sperco, Willy, *Istanbul indiscret*, Istanbul, n.d.
- _____, *L'Orient qui s'eteint*, 1936.
- _____, *Mustafa Kemal Ataturk*, 1958.
- Sphrantzes, George, *The Fall of the Byzantine Empire: a Chronicle*, ed. and tr. Marios Philippides, Amherst, 1980.
- Stchoukine, Ivan, *La Peinture turque d'apres les manuscrits illustres*, 2 vols., 1966–76.
- Stitt, George, *A Prince of Arabia: the Emir Shereef Ali Haidar*, 1948.
- Stoianovic, Troian, «The Conquering Balkan Orthodox Merchant», *Journal of Economic History?* 1960, 234–313.
- Stone, Norman and Michael Glenny, *The Other Russia*, 1991 edn.
- Stourdza, A. C., *L'Europe orientate et le role historique des Mavrocordato 1660–1830*, 1913.
- Strachan, Michael, *Sir Thomas Roe*, 1989. *Studia Turcologica Memoriae Alexis Bombacii Dicata*, Naples, 1982.
- Sturdza, Michel, *Grandes Families de Grece, d'Albanie et de Constantinople*, 1983.
- Sugar, Peter F., *Southeastern Europe under Ottoman Rule 1354–1804*, Seattle, 1977.
- Sumner, B. H., *Russia and the Balkans 1870–1880*, 1937.
- Sumner-Boyd, Hilary and John Freely, *Strolling through Istanbul*, 2nd edn., Istanbul, 1973.
- Svenson, Glen, «The Military Rising in Istanbul 1909», *Journal of Contemporary History*, V, 1970, 171–84.
- Synvet, A., *Les Grecs de l'Empire Ottoman: etude statistique et ethnique*, Constantinople, 1878.

- Tahsin Pasha, *Yildiz Hatiralari*, 1990 edn.
- Tavernier, J. B., *Nouvelle Relation de l'interieur du Serail du Grand Seigneur*, 1675.
- Temple, Bt, Major-General Sir Grenville, *Travels in Greece and Turkey*, 2 vols., 1836.
- Tenenti, Alberto, *Piracy and the Decline of Venice 1580–1615*, 1967.
- Thalasso, A. et F. Zonaro, *Deri Se'adet ou Stamboul, porte du bonheur*, 1908.
- Theotokas, G., *Leonis, enfant grec de Constantinople*, 1985.
- Thevenot, M. de, *Travels into the Levant*, 3 parts, 1687.
- Thomas, Lewis V., *A Study of Naima*, New York, 1972.
- Thouvenel, L., *Trois Annies de la Question d'Orient 1856–1859*, 1897.
- Thuasne, L., *Gentile Bellini et Sultan Mohammed II*, 1888.
- Tietze, Andreas (ed.), *Mustafa Ali's Counsel for Sultans of 1581*, 2 vols., Vienna, 1979–82.
- Tinayre, Marcelle, *Notes d'une voyageuse en Turquie*, 1909.
- Tidey, Norah and Frances Wood, *Oriental Gardens*, 1991.
- Toderini, Abbe, *De la Litterature des Tuns*, 3 vols., 1789.
- Toledano, Ehud R., *The Ottoman Slave Trade and its Suppression 1840–1890*, Princeton, 1982.
- Tongas, Gerard, *Les Relations de la France avec l'Empire Ottoman durant la premiere moitie du XVIIe siecle*, Toulouse, 1942.
- Toros, Taha, *Turco-Polish Relations in History*, Istanbul, 1983.
- _____ *The First Lady Artists of Turkey*, Istanbul, 1988.
- Tott, Baron de, *Memoirs concerning the State of the Turkish Empire and the Crimea*, 4 parts, 1786.
- Trubetskoy, Professor Prince Eugene Nicolayevich, *Saint Sophia, Russia's Hope and Calling*, 1916.
- Trumpener, Ulrich, *Germany and the Ottoman Empire 1914–1918*, 1968.
- Tsourkas, Cleobule, *Les Debuts de hnseignement philosophique et de la libre pensee dans les Balkans: la vie et l'aure de Theophile Corydalee (1570–1646)*, Thessaloniki, 1967.
- Tuglaci, Pars (all works published in Istanbul):
- _____ *Women of Istanbul in Ottoman Times*, 1984.
- _____ *The Ottoman Palace Women*, 1985.
- _____ *Turkish Bands of Past and Present*, 1986.
- _____ *The Role of the Balian Family in Ottoman Architecture*, 1990.
- _____ *Armenian Churches of Istanbul*, 1991.

- _____. *The Role of the Dadian Family in Ottoman Social, Economic and Political Life*, 1993.
- Tuncay, Mete and Erik J. Zürcher, *Socialism and Nationalism in the Ottoman Empire 1876–1923*, 1994.
- Turner, C. J. G. «The Career of George-Gennadius Scholarius», *Byzantion*, XXXIX, 1969, 420–55.
- Turner, William, *Journal of a Tour in the Levant*, 3 vols., 1820.
- Tursun Beg, *History of Mehmed the Conqueror*, ed. Halil Inalcik and Rhoads Murphy, Minneapolis and Chicago, 1978.
- Ubicini, M. A., *Letters on Turkey*, 2 vols., 1856.
- Ulker, Muammer, *The Art of Turkish Calligraphy from the Beginning up to the Present*, Ankara, 1987.
- Ulucay, M. Cagatay, *Sultanlarina Ask Mektuplari*, 1950.
- _____. *Harem II*, Ankara, 1971.
- _____. *Padishahlarin Kadinlari ve Kizlari*, 1992.
- Un Jeune Russe [H.-C.-R. von Struve], *Voyage en Crimee, suivi de la relation de l'ambassade envoyee de Petersbourg a Constantinople en 1793*, 1802.
- Unsal, Artun and Beyhan, *Istanbul la magnifique: propos de table et recettes*, 1991.
- Upward, Allen, *The East End of Europe*, 1908.
- Vacalopoulos, Apostolos E., *Origins of the Greek Nation: the Byzantine Period 1204–1461*, New Brunswick, 1970.
- _____. *The Greek Nation 1453–1669*, New Brunswick, 1976.
- Vaka, Demetra, *The Unveiled Ladies of Stamboul*, Boston, 1923.
- Valensi, Lucette, *Venise et la Sublime Porte*, 1987.
- Vandal, Albert, *Les Voyages du Marquis de Nointel*, 1900.
- _____. *Une Ambassade francaise en Orient sous Louis XV: la mission du Marquis de Villeneuve 1728–1741*, 1887.
- Van der Dat, Dan, *The Ship that Changed the World the Escape of the «Goeben» to the Dardanelles in 1914*, 1986 edn.
- Vaner, Semih (ed.), *Istanbul*, 1991.
- Varol, Marie-Christine, *Balat, faubourg juif d'Istanbul*, Istanbul, 1989.
- Vassif Efendi, *Precis historique de la guerre des Turcs contre les Russes*, ed. P. A. Caussin de Perceval, 1822.
- Vaughan, Dorothy M., *Europe and the Turk: a Pattern of Alliances 1350–1700*, Liverpool, 1951.

- Veinstein, Gilles (ed.), *Salonique 1850–1918: la ville des Juifs et le reveil des Balkans*, 1992.
- _____, *Soliman le Magnifique et son temps*, 1992.
- Vryonis, Speros, «The Byzantine Legacy and Ottoman Forms», *Dumbarton Oaks Papers*, XXIII–XXIV, 1969–70, 253–318.
- Walder, David, *The Chanak Affair*, 1969.
- Walker, Christopher J., *Armenia: the Survival of a Nation*, 1991 edn.
- Walsh, Revd R., *A Residence at Constantinople*, 2 vols., 1836.
- Wanda, *Souvenirs anecdotiques sur la Turquie 1820–1870*, 1884.
- Washburn, George, *Fifty Years in Constantinople*, Boston and New York, 1909.
- Waterfield, Gordon, *Layard of Nineveh*, 1963.
- Watkins, Thomas, *Tour through Swisserland... to Constantinople*, 2 vols., 1792.
- Waugh, Sir Telford, *Turkey Yesterday, Today and Tomorrow*, 1930.
- White, Charles, *Three Years in Constantinople*, 3 vols., 1845.
- Wilkinson, William, *An Account of the Principalities of Wallachia and Moldavia*, 1820.
- Wilson, Epiphanius, *Turkish Literature*, 1901.
- Wilson, Mary C, *King Abdullah, Britain and the Making of Jordan*, Cambridge, 1987.
- Wittek, Paul, «Notes sur la tughra ottomane», *Byzantion*, XVIII, 1948, 311–34.
- Wittman, William, *Travels in Turkey, Asia Minor, Syria and across the Desert to Egypt in the years 1799, 1800 and 1801*, 1803.
- Wolff, Sir Henry Drummond, *Rambling Recollections*, 2 vols., 1908.
- Wood, Alfred C, «The English Embassy in Constantinople», *English Historical Review*, XL, 1925, 533–61.
- _____, *A History of the Levant Company*, 1935.
- Woods, Sir Henry F., *Spun-Yarn from the Strands of a Sailor's Life*, 2 vols., 1924.
- Wordey Montagu, Lady Mary, *The Turkish Embassy Letters*, ed. Malcolm Jack, 1994.
- Wrangel, Alexis, *General Wrangel, Russia's White Crusader*, 1990.
- Wrangel, General P. N., *Memoirs*, 1929.
- Wratislaw, Baron Wenceslas, *Adventures*, ed. A. H. Wratislaw, 1862.
- Wright, H. C. Seppings, *Two Years under the Crescent*, 1985 edn.

Yerasimos, Stephane, *La Fondation de Constantinople et de Sainte-Sophie dans les traditions turques*, 1990.

_____ (ed.), *Istanbul 1914–1923: capitale d'un monde illusoire ou l'agonie des vieux empires*, 1992.

Yiannias, John, *The Byzantine Tradition after the Fall of Constantinople*, 1991.

Ypsilanti, Prince Nicholas, *Memoires*, n.d.

Zarcone, Thierry, *Mystiques, philosophes et franc-maçons en Islam*, 1993.

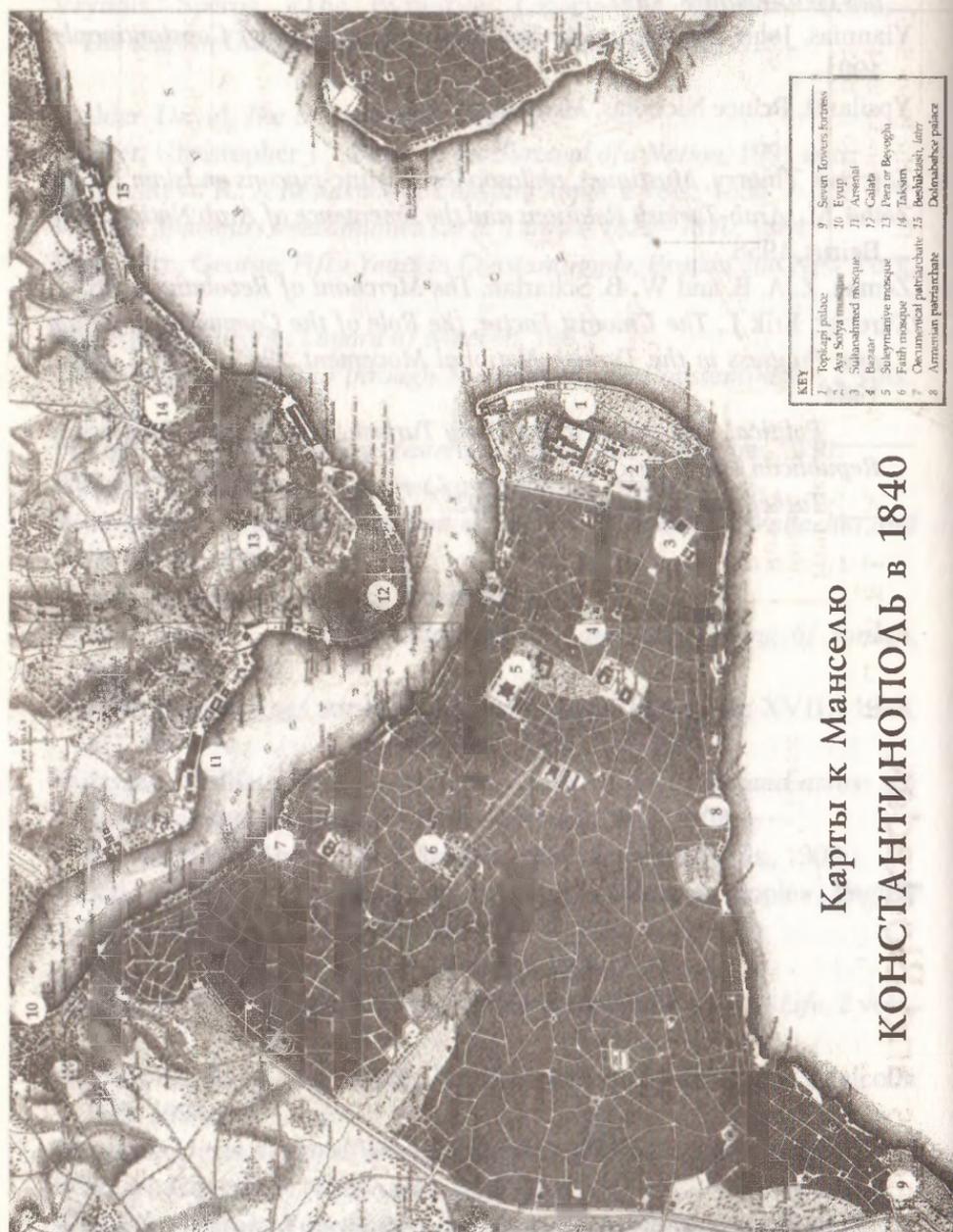
Zeine, M., *Arab-Turkish Relations and the Emergence of Arab Nationalism*, Beirut, 1958.

Zeman, Z. A. B. and W. B. Scharlau, *The Merchant of Revolution*, 1965.

Zurcher, Erik J., *The Unionist Factor, the Role of the Committee of Union and Progress in the Turkish National Movement 1905–1926*, Leiden, 1984.

_____ *Political Opposition in the Early Turkish Republic: the Progressive Republican Party*, Leiden, 1991.

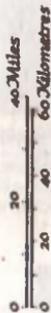
_____ *Turkey: a Modern History*, 1993.

KEY	
1	Topkapı palace
2	Aya Sofia mosque
3	Sulhocalımed mosque
4	Bazaar
5	Suleymaniye mosque
6	Fatih mosque
7	Imperial palace
8	Armenian patriarchate
9	Seven towers fortress
10	Eyup
11	Arsenal
12	Calata
13	Pera or Beyoglu
14	Taksim
15	Beşiktaş, later Dolmabahçe palace

Карты к Манселю КОНСТАНТИНОПОЛЬ в 1840

Attacks and Blockades, 1624 - 1922

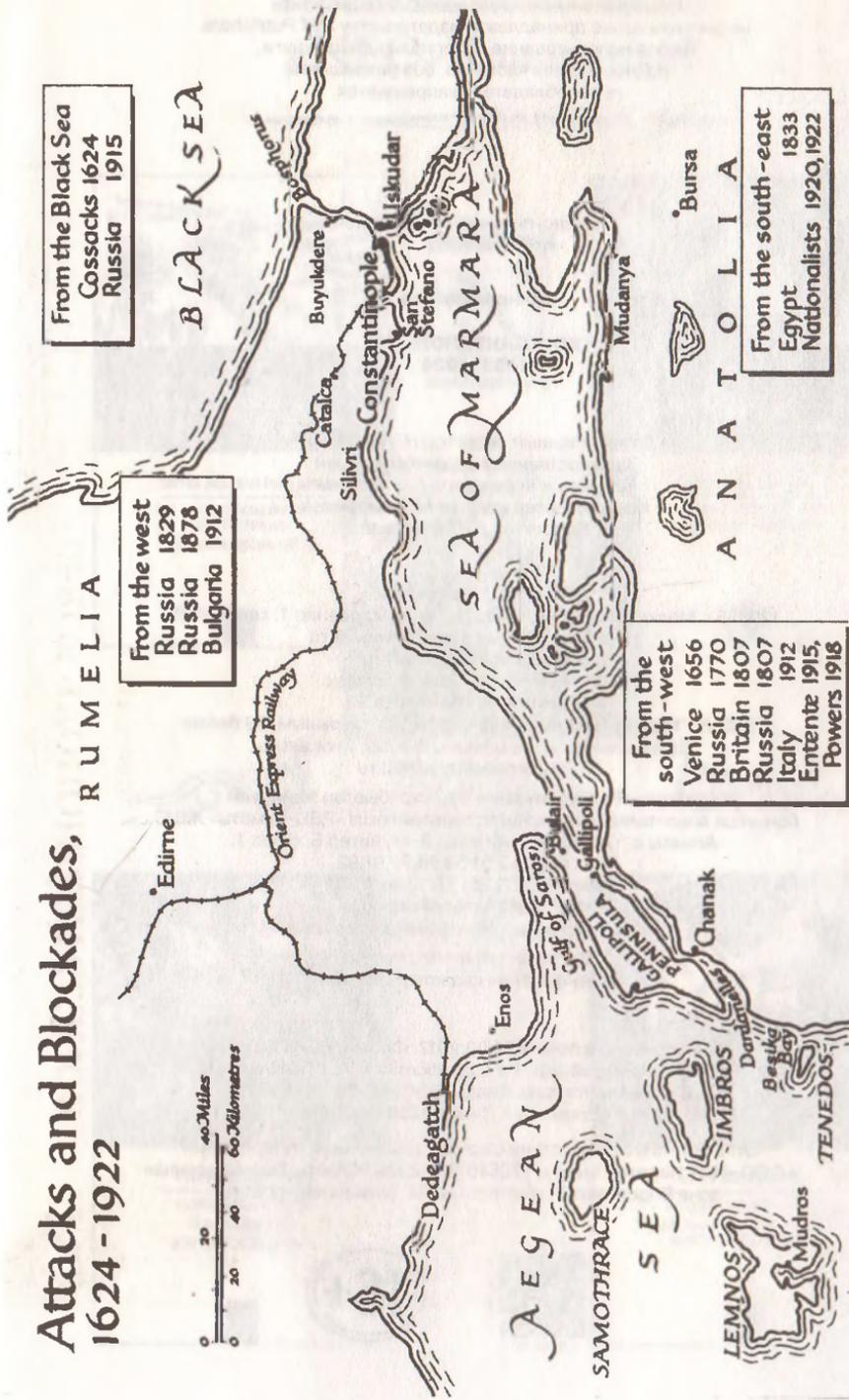

RUMELIA

From the west
Russia 1829
Russia 1878
Bulgaria 1912

From the Black Sea
Cossacks 1624
Russia 1915

BLACK SEA

From the south-west
Venice 1656
Russia 1770
Britain 1807
Russia 1807
Italy 1912
Entente 1915,
Powers 1918

From the south-east
Egypt 1833
Nationalists 1920, 1922

Атаки и блокады. 1624—1922 году

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Мансел Филип

**КОНСТАНТИНОПОЛЬ
1453–1924**

Ответственный редактор *Н. Никитенко*
Художественный редактор *Е. Фрей*
Технический редактор *Г. Эрманова*
Компьютерная верстка *М. Тимофеева*
Корректор *А. Мартынова*

ООО «Издательство АСТ»

129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39

Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: neoclassic@ast.ru

ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО

129085 г. Мәскеу, жұлдызды гулзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92,

факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 22.09.2017. Формат 60x90^{1/16}.
Гарнитура «Petersburg». Печать офсетная. Усл. печ. л. 40,0.

С.: Страницы истории. Тираж 1250 экз. Заказ 4950/17.

С.: История в одном томе. Тираж 1250 экз. Заказ 4951/17.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А, www.pareto-print.ru.

Константинополь...

Единственный в мире город, расположенный одновременно и в Европе, и в Азии. Город, который в течение многих веков последовательно становился то местом встречи Востока и Запада, то ареной их битвы.

Замечательное исследование Филипа Мансела посвящено «оттоманскому» периоду истории Константинополя — блистательной и пышной столицы могущественной Османской империи, султаны которой подчинили своей власти большую часть мусульманского мира и изрядную часть средневековой Европы — от границ России до берегов Дуная, от Марокко до Персидского залива.

Эта увлекательная, полная интриг и правдивая история, в которой действуют воины и купцы, политики и дипломаты, начинается в 1453 году, когда Византия пала под натиском прославленного султана-военачальника Мехмеда Завоевателя, и завершается в 1924-м, когда Османская империя прекратила свое существование.

63.3(5 Тул)

M23

139509.

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-095540-4

9 785170 955404